

Король Югославии
Александр Карагеоргиевич

Обстоятельства рождения и взросления Александра Карагеоргиевича хорошо известны. Он появился на свет 17 декабря 1888 г. в Цетинье в семье князя Петра Карагеоргиевича и княжны Зорки — дочери черногорского князя Николы Петровича I Негоша. Александр лишился матери, когда ему было чуть больше года. В 1894 г. он вместе с отцом и братом Джордже переехал в Женеву, где поступил в начальную школу.

В 1899 г. Александр из Женевы отправился в Петербург для зачисления в Императорское училище правоведения. Обучение было недолгим. Несостоявшийся правовед вернулся в Женеву, а в июне 1903 г., когда в результате так называемого «Майского переворота» (29 мая по старому стилю) была свергнута династия Обреновичей, Петр Карагеоргиевич отправился с детьми в Белград и вззошел на сербский престол.

Во время пребывания на родине Александр получал домашнее образование...

Продолжение см. на стр. 11

Царь Болгар Фердинанд
Саксен-Кобург-Готский

Фердинанд Максимилиан Карл Мария Саксен-Кобург-Готский (1861–1948) — потомственный немецкий аристократ из древнего и знатного рода, состоявший в родстве со многими королевскими домами Европы, прожил долгую и богатую событиями жизнь. Треть его жизненного пути была неразрывно связана с историей болгарского государства: в 1887 г. Фердинанд в чине поручика австрийской армии волею случая попал на болгарский престол и более 30 лет (1887–1918) правил страной, ранее абсолютно ему незнакомой.

Продолжение см. на стр. 103

Элефтериос Венизелос —
в погоне за «Великой Грецией»

Одной из определяющих черт выдающихся деятелей является сила восторга и ненависти, испытываемых к ним широкими массами. В истории возрожденного в XIX в. нового греческого государства нет человека, политика, который бы приобрел столь широкую известность и пользовался таким авторитетом, как Венизелос. Европа его знала как блестящего дипломата и яркого государственного деятеля-реформатора. Почти в течение четверти века Венизелос и его имя определяли внутриполитическое развитие Греции и ее внешнеполитическую доктрину. Родина почитала его как Бога и предавала анафеме как дьявола. Часть греческой нации видела в нем величайшего со времен античности человека, рожденного Элладой, гения, возводимого на пьедестал национального символа. Другая часть считала его беспринципным политиком, тираном, путем интриг и демагогии приобретшего власть над страной, предателя нации, разрушителя устоев государства.

Продолжение см. на стр. 199

Измаил Энвер-паша
и его модификация турецкой
национальной идеи

Измаил Энвер-бей родился в Стамбуле 22 ноября 1881 г. Семья Энвера происходила из Монастира (Битоля), центра одноименного вилайета. Отец Энвера начинал простым носильщиком на вокзале. Трудом и усердием он дослужился до должности смотрителя железнодорожных мостов и получил почетный титул «бей». Мать была по происхождению албанкой. Смешанные браки между представителями мусульманских народностей были частым явлением в Османской империи, особенно в ее европейских провинциях.

Продолжение см. на стр. 224

Юзеф Пилсудский
и образование независимого
Польского государства

В ряду людей, олицетворяющих в Польше национальную историю, Юзеф Пилсудский, несомненно, занимает одно из центральных мест, а для периода Новейшей истории соперничать с ним по популярности может, пожалуй, лишь папа римский Иоанн Павел II. И это несмотря на то, что маршал ушел из жизни вот уже почти три четверти века назад, срок более чем достаточный для проверки истинного масштаба человека, от которого в свое время зависели многие и многое. Но мало ли влиятельных при жизни людей бывало в истории всякой страны, а кто их сейчас помнит, кроме профессиональных историков? Имя же Пилсудского, несомненно, знакомо каждому современному поляку, так же как оно было повсеместно известно 20, 40 и 60 лет тому назад.

Продолжение см. на стр. 271

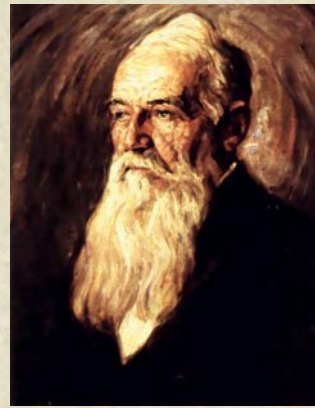
Политический
и государственный деятель
Венгрии Пал Телеки

Граф Пал Телеки родился в Будапеште 1 ноября 1879 г. Он происходил из старинного венгерского аристократического рода. Был крупным трансильванским землевладельцем. В годы учебы в университете увлекался географической наукой, и уже в 24-летнем возрасте ему присудили ученую степень доктора наук в этой области знаний. Тогда же стал практикантом на кафедре географии Будапештского университета. В 1904 г. он был избран начальником округа в комитате Сатмар.

В следующем году его избрали депутатом государственного собрания. Так он волей-неволей стал политическим деятелем. Срок этого цикла истек в 1910 г. В 1915–1918 гг. он вновь парламентарий...

Продолжение см. на стр. 394

До и после
Версаля

Никола Пашич:
на стыке унитаристских
и федералистских устремлений

На белградском Новом кладбище, справа по аллее Великанов, высится памятник — темная мраморная плита, стела с бюстом пожилого господина с окладистой бородой работы ученика знаменитого Родена, хорватского скульптора Ивана Мештровича. На плите надпись: «Никола П. Пашич (1844–1926)... Камень спас могилу от забвения, чем ей грозило полувековое табу, наложенное на имя упокоенного здесь человека — все эти годы его именовали «самым выдающимся представителем консервативной сербской буржуазии», что уже само по себе звучало как приговор. Запрет в эпоху «Братства и единства» был тотальным. Еще лет двадцать пять назад публичное возложение цветов на могилу старца могло закончиться арестом. Так, по крайней мере, говорили автору этих строк белградские коллеги. Редкие прохожие сворачивали в аллею Великанов.

Однако, к счастью, приходили новые времена, извлекая со дна забвения многие, казалось бы, навсегда «погребенные» там имена. Одним из первых, кого востребовала «пронувшаяся» историческая память народа, оказался именно он — пожилой господин с бородой.

Продолжение см. на стр. 34

Политические лидеры и идея национального
государства в Центральной и Юго-Восточной
Европе

До и после Версаля

Румынский сфинкс
Ионел Брэтиану

Речь пойдет об Ионе И.К. Брэтиану-младшем, знаковой фигуре в румынской истории, четырехжды премьер-министре страны, ее некоронованном правителе в судьбоносные годы Первой мировой войны. Произошло тогда нечто невиданное и неслыханное в европейских летописях — Румыния, разгромленная в пух и прах в 1916 г., в 1919, не одержав ни одной решающей победы, по Версальскому мирному урегулированию увеличила свою территорию вдвое, а население — и того больше. Не удивительно, что в национальной историографии личность Иона Брэтиану оценивается в хвалебных, на грани панегирика, тонах: Провидение предназначило его для «великих политических свершений», он — «гений политики, избравший единственный путь осуществления национального идеала государственного объединения». Его наделяют самыми приятными человеческими чертами, отмечая его «терпимость по отношению к политическим противникам, учтивость в обращении со всеми, душевное благородство, элегантность манер»

Первый президент Чехословакии
Томаш Гарриг Масарик

Томаш Гарриг Масарик несомненно является центральной фигурой чехословацкой истории XX века. Еще при его жизни складывается культ первого президента страны, само его имя становится легендарным. Резкая критика Масарика и его преемника Бенеша «как буржуазных» политиков, ставшая идиомой в период социализма, после падения этого режима превратилась в прославление и апологетику обоих политических деятелей. Масштабы личности Масарика всегда притягивали к нему особое внимание.

Продолжение см. на стр. 68

Продолжение см. на стр. 322

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

До и после Версаля.

**Политические лидеры
и идея национального государства
в Центральной и Юго-Восточной Европе**

Москва, 2009

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *Р.П. Гришина*
доктор исторических наук *Е.П. Серапионова*
кандидат исторических наук *А.С. Стыкалин*
доктор исторических наук *А.Л. Шемякин*
(ответственный редактор)

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Е.Л. Валева*
кандидат исторических наук *О.А. Дубовик*

В книге представлены биографии национальных лидеров Центральной и Юго-Восточной Европы, оказавшихся на авансцене истории в переломную для всего континента эпоху, центральным событием которой стала Первая Мировая война. Именно с ней герои этого труда (главы независимых государств и вожди народов, входивших в состав противостоявших друг другу империй) связывали надежды на окончательное решение «своего» национального вопроса, причем в его интегральной форме. В военных условиях они боролись за его решение, но с разным успехом, и в результате оказались: кто — вознесенным до небес, а кто — подверженным остракизму. И в межвоенный период далеко не все оказались на пике влияния в своих странах. Были и такие, кто именно после Мировой войны пережил крах иллюзий и былого могущества (Фердинанд Болгарский, Энвер-паша); и те, кто никогда не занимал государственных постов (Т.Александров), или промелькнул на политическом небосклоне, как метеор (П.П. Скоропадский). Но всех их под единую обложку свела «одна, но пламенная страсть» — желание раз и навсегда реализовать свой «национальный идеал».

Для студентов, аспирантов и всех других, кто интересуется историей (меж) национальных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Содержание

ЮГОСЛАВИЯ

- А.А. Силкин.* Король Югославии Александр Карагеоргиевич
А.Л. Шемякин. Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений
А.А. Силкин. «Хорватский апостол» Степан Радич
Н.С. Пилько. Политическая жизнь Антона Корошца

БОЛГАРИЯ

- О.Н. Исаева.* Царь болгар Фердинанд Саксен-Кобург-Готский
Р.П. Гришина. «Легендарный патриот» Тодор Александров: Между Болгарией и Македонией

ГРЕЦИЯ

- К.Н. Семенов.* Элефтериос Венизелос — в погоне за «Великой Грецией»

РУМЫНИЯ

- М.Д. Ерещенко.* Король Фердинанд I — объединитель румынских земель
В.Н. Виноградов. Румынский сфинкс Ионел Братиану Турция
Р.Р. Субаев. Измаил Энвер-паша и его модификации турецкой национальной идеи

ПОЛЬША

- Л.С. Лыкошина.* Основатель «пястовской» концепции развития Польши Роман Дмовский
Г.Ф. Матвеев. Юзеф Пилсудский и образование независимого Польского государства

УКРАИНА

- Е.Ю. Борисенок.* Гетман всея Украины Павел Петрович Скоропадский

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

- Е.П. Серапионова.* Первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик

4 Содержание

Е.П. Серапионова. Карел Крамарж — политик нескольких эпох

Е.П. Серапионова. Человек-легенда Милан Рагислав Штефаник:
ученый, политик, генерал

ВЕНГРИЯ

Н.А. Асташин. Миклош Хорти — адмирал в своем лабиринте

А.И. Пушкаш. Политический и государственный деятель Венгрии
Пал Телеки

Приложения: Письма премьер-министра П. Телеки регенту М. Хорти

КОРОЛЬ ЮГОСЛАВИИ АЛЕКСАНДР КАРАГЕОРГИЕВИЧ

Обстоятельства рождения и взросления Александра Карагеоргиевича хорошо известны. Он появился на свет 17 декабря 1888 г. в Цетинье в семье князя Петра Карагеоргиевича и княжны Зорки — дочери черногорского князя Николы Петровича I Негоша¹. Александр лишился матери, когда ему было чуть больше года. В 1894 г. он вместе с отцом и братом Джордже переехал в Женеву, где поступил в начальную школу.

В 1899 г. Александр из Женевы отправился в Петербург для зачисления в Императорское училище правоведения. Обучение было недолгим. Несостоявшийся правовед вернулся в Женеву, а в июне 1903 г., когда в результате так называемого «Майского переворота» (29 мая по старому стилю) была свергнута династия Обреновичей, Петр Карагеоргиевич отправился с детьми в Белград и взошел на сербский престол.

Во время пребывания на родине Александр получал домашнее образование. А осенью 1905 г. принц отправился в Петербург и поступил в Пажеский корпус, в котором с некоторыми перерывами, вызванными проблемами со здоровьем, проучился до 1909 г. Династические дела во второй раз вынудили Александра вернуться из России в Сербию. В Белграде он был провозглашен престолонаследником вместо отрекшегося от прав на сербский трон старшего брата². С этого момента систематическое школьное обучение Александра закончилось. Началась школа жизни.

Двадцатилетний королевич принял активное участие во внутри- и внешнеполитических конфликтах Сербии начала XX в. По словам современного сербского автора Бранислава Глигориевича, «как воин Александр Карагеоргиевич пользовался благосклонностью истории. В отличие от многих европейских полководцев, до Первой мировой войны не воевавших десятилетиями, Александр располагал этим «преимуществом». Во главе своей армии он участвовал в кровавых Балканских войнах и приобрел огромный опыт в битвах при Куманово, Битоле и Брегалнице... Во время Балканских войн ему было только 24 года. И следующие шесть лет... он провел на поле битвы. И после освобождения страны (по окончании Первой мировой войны — А.С.) еще четыре года он жил не по-королевски — в съемных домах»³.

Говоря о Мировой войне, Глигориевич ставит в заслугу Александру

- 1 Александр Карагеоргиевич был младшим из троих детей князя Петра Карагеоргиевича и княжны Зорки — дочери черногорского князя Николы Петровича I Негоша.
- 2 Джордже Карагеоргиевич подписал отречение после того, как был избит в убийстве своего лакея, совершенном в припадке ярости.
- 3 *Глигорјевић Б.* Основе и карактер личног режима краља Александра Карађорђевића // Српска политичка мисао. 1995. 1. С. 30-31.

принятие верных решений, предопределивших успехи сербской армии на начальном этапе (Колубарская битва — осень 1914 г.) и в конце войны (стремительное наступление после прорыва Солунского фронта). Самым же важным военным достижением престолонаследника стало сохранение армии в результате ее эвакуации в конце 1915 г. на побережье Албании, откуда она была переправлена союзниками на остров Корфу⁴.

На белградской политической арене престолонаследник оказался вовлеченным в противостояние между крупнейшей в Сербии Народной радикальной партией и династией и тайной офицерской организацией Черная рука, основателями которой были организаторы Майского переворота. Заявлявшие, что их главная цель — освобождение всего сербского народа, они стремились к полному контролю над армией и государственной властью в Сербии. Это не могло устраивать оказавшихся по одну сторону баррикад радикалов и Александра. В июне 1914 г. при поддержке русского посланника в Белграде Н.Г. Гартвига им удалось воспрепятствовать намерению «чернорукцев» сместить премьер-министра Н. Пашича⁵. Подпавшему под влияние офицеров престарелому королю Петру пришлось перенести монаршие prerogatives на Александра, ставшего принцем-регентом⁶.

В этом качестве четыре с половиной года спустя в освобожденном Белграде Александр встретился с делегацией политических представителей югославян Австро-Венгрии, принявших решение об объединении с Сербией в одно государство. 1 декабря 1918 г. Александром было провозглашено создание Королевства сербов, хорватов и словенцев.

* * *

Королем Югославии Александр был 15 из прожитых им 45 лет. И, несмотря на то, что активную роль в политической жизни он начал играть весьма рано, именно в этом качестве короля остался в истории. Что, в общем-то, закономерно, ведь с конца 1918 г. его воля стала решающей для судьбы страны.

Ранее — в Королевстве Сербия — Карагеоргиевичи, позволим себе предположить, не были первыми в ряду главных факторов его внутри-

4 *Глигорјевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић. У ратовима за национално ослобођење. Београд, 2002. С. 179.

5 Заключительным этапом противостояния стал так называемый Салоникский процесс 1917 г., в ходе которого на скамье подсудимых оказались руководители Черной руки, обвиненные в заговорщической деятельности, а также в организации Сараевского убийства 1914 г. и мнимого покушения на принца-регента Александра. Суд приговорил к расстрелу трех заговорщиков во главе с полковником Драгутином Димитриевичем-Аписом.

6 *De jure королем Югославии Александр стал в 1921 г. после смерти Петра Карагеоргиевича.*

политического развития. Их опережали политические партии (в первую очередь, Народная радикальная) и тайные офицерские организации. Для сербов и югославян, в целом, героем того времени можно без натяжки назвать лидера радикалов Николу Пашича. Кроме того, в первые полтора десятилетия XX в. участь балканских народов зависела от расклада сил в Европе намного больше, чем от них самих и их правителей. В межвоенный период ситуация была иной. Официальный Белград пользовался относительной самостоятельностью в принятии внутривнутриполитических решений, предопределивших судьбу Югославии (позднее ситуация повторится в 50–70-е гг. XX в.).

В 20-е и, особенно, в 30-е гг. Александр имел возможность в полной мере раскрыться как государственный деятель. Сначала он выступал в роли арбитра в конфликте партий различной регионально-этнической ориентации, а затем, установив режим личной власти, реализовывал собственную стратегию развития Югославии.

Очевидно плачевные результаты пяти лет авторитарного правления (1929–1934) и, в целом, двух межвоенных десятилетий предопределили преимущественно негативный характер оценок Александра современниками и позднейшими исследователями⁷. И для тех, и для других король был «солдафоном» и узурпатором, не сумевшим должным образом распорядиться властью. Стать им Александра, по мнению его критиков, побудила как «личная склонность к автократии», так и вышеописанные условия, в которых он рос и воспитывался. По словам современного белградского историка Любодрага Димича, «детство без матери» стало причиной замкнутости и подозрительности княжеского сына. Эти дурные качества были позднее усугублены «обучением в элитном пажемском корпусе в Петербурге, долгим пребыванием в царской России, знакомством с самодержавием и взрослением в условиях, далеких от демократического климата...»⁸. «Домой в Белград он вернулся полный честолюбивых замыслов, готовый на все...», — утверждал советский историк В.В. Зеленин⁹.

Той же точки зрения придерживался и межвоенный хорватский публицист Йосип Хорват, полагавший, что свою пагубную роль в становлении личности будущего монарха также сыграла его военная карьера: «Как командующий, — пишет Хорват, — Александр ощутил психоз власти. Военное воспитание и привычка раздавать приказы не лучшая школа для обучения политическим навыкам». «Годы военных действий, — про-

7 В этом плане Б. Глигориевич — апологет Александра — представляет исключение.

8 *Димич Љ.* Историја српске државности. Књ. 3. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001. С. 102.

9 *Зеленин В.В.* Король Александр Карагеоргиевич 1888-1934 // Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы. Москва, 1993. С. 138.

должает эту мысль Л. Димич, — развили в Александре презрение к политикам, выработали позицию силы в отношениях с парламентом... Опыт военачальника сформировал его как военного и политического лидера...». Последнее обстоятельство, по мнению Хорвата, и стало едва ли не главной причиной безуспешности Александра как государственного деятеля: «Военные проблемы требуют быстрого принятия решений, которые по своей природе всегда экстремальны. Политическая деятельность, напротив, представляет собой ряд компромиссов, приверженность средней линии... Это должно было быть аксиомой для венценосца...»¹⁰.

Вышеприведенные суждения о факторах формирования Александра Карагеоргиевича как государственного деятеля основываются на собственном жанру политического портрета ходе мысли, самой известной иллюстрацией которого является умозаключение: «В детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою». Не берясь судить об универсальных свойствах подобной логики, признаем, что применительно к герою нашего исследования, у нас нет доводов для ее опровержения. Король Александр действительно был далек от компромиссной линии и проявлял устойчивую склонность к самовластью.

Тем не менее, односторонним выглядит упор на врожденные и приобретенные в детстве черты Александра в объяснении его политической роли, при анализе которой бесполезно было бы учитывать, в целом, контекст политической жизни Югославии 20–30-х гг. К этому подталкивает и то обстоятельство, что используемая историками источниковая база весьма ограничена. Александр, по понятным причинам, не оставил мемуаров. Число прочих написанных или произнесенных им текстов весьма невелико. Король, особенно в 20-е гг., избегал публичности и оказывал влияние на политику, оставаясь в тени. В результате, в нашем распоряжении имеются, в основном, официальные речи и манифесты, а также не всегда достоверные воспоминания современников монарха, воспроизводящие его прямую речь. В силу вышесказанного портрет Александра Карагеоргиевича приходится писать, выявляя его роль в политической жизни Югославии, подобно тому, как астрономы делают выводы о существовании далекой планеты на основе наблюдений за другими различными небесными телами.

* * *

На протяжении десятилетия существования Королевства СХС монарх, как и большая часть сербских¹¹ политиков, руководствовался двумя основными побудительными мотивами: желанием достичь абсо-

10 *Horvat J. Živjeti u Hrvatskoj 1900–1941 (zapisci iz nepovrata)*. Zagreb, 1984. S. 280.

11 Сербинац — серб из Сербии южнее Дуная. «Сербинский» политик — политик из Сербии в границах до Первой мировой войны.

лютного преимущества над прочими политическими силами, а также осознанием необходимости усиления государственной власти, достижения внутривнутриполитической стабильности и устойчивости Королевства СХС. Подобная двойственность характеризовала всю деятельность Александра, в том числе и его отношения с остальными игроками на политической сцене, с которыми его попеременно связывали и узы союзничества, и непримиримая вражда.

Реализация государственных интересов, в том виде, как они понимались монархом, подразумевала введение в стране строгого административного централизма и насаждение идеологии национального унитаризма¹², положенной в основу процесса югославянского объединения. Решения первой задачи осуществлялось Александром совместно с Народной радикальной партией (НРП), которая большую часть 20-х гг. получала от него мандат на формирование правительства. Плодом сотрудничества стало принятие 28 июня 1921 г. — на день Св. Витта — так называемой Видовданской конституции¹³, согласно которой Югославия представляла собой централизованное государство, основанное на принципах народного единства сербов, хорватов и словенцев.

12 Имеется ввиду догматический тезис о существовании так называемого «трехименного народа» сербов, хорватов и словенцев.

13 **Статья № 1** конституции гласила: «Государство сербов, хорватов и словенцев — конституционная, парламентская и наследственная монархия»

«№ 46: Законодательную власть совместно осуществляют король и Народная скупщина...

№ 47: Исполнительную власть осуществляет король через ответственных министров...

№ 52: Король созывает Народную скупщину на регулярный или внеочередной созыв... Король имеет право распустить Народную скупщину. Однако указом о роспуске одновременно назначаются новые выборы, которые должны состояться, самое позднее, через три месяца...

№ 54: Ни один акт королевской власти не имеет силы и не подлежит осуществлению, если его не заверил соответствующий министр...

№ 75: Заседания Народной скупщины регулярного созыва открываются каждый год 20 октября в том случае, если ранее скупщина не была созвана королем во внеочередном порядке...

№ 80: Законы провозглашает король своим указом, который содержит текст самого закона, принятый скупщиной. Указ заверяется министрами...

№ 82: Каждый член Народной скупщины имеет право направлять министрам вопросы и интерpellации. Министры обязаны дать на них ответ в течение того же созыва...

№ 90: Все министры составляют министерский совет, который подчиняется непосредственно королю. Король назначает председателя и членов министерского совета.

№ 91: Министры несут ответственность перед королем и Народной скупщиной...

Союз с НРП, пользовавшейся популярностью среди масс сербов по всей стране, также позволял двору некоторое время нейтрализовывать центробежные устремления пречанских¹⁴ — хорватских и словенских — политиков. Главным «достижением» на этом направлении стала так называемая «капитуляция» сепаратистской Хорватской республиканской крестьянской партии, в 1925 г. отрешившейся на словах от республиканства и хорватского национализма и вступившей в правительственную коалицию с НРП.

Несмотря на вышеописанное партнерство, крупнейшая сербская партия на протяжении всего времени оставалась главным соперником короля Александра, с которым она конкурировала за право считаться подлинным «представителем сербского народа», или, другими словами, за право определять политику официального Белграда. Начало открытого противостояния Александра и НРП относится к декабрю 1918 г., когда он отказался утвердить Н. Пашича на посту премьер-министра, как о том договорились ведущие партийные деятели Сербии и пречанских областей. Вместо главы Народной радикальной партии (НРП) председателем кабинета министров стал его соратник Стоян Протич.

Инструментом борьбы с НРП стала Демократическая партия (ДП), которая была образована вскоре после создания Королевства СХС по инициативе Александра Карагеоргиевича, не имевшего возможности активно действовать на публичной политической арене. По словам радикала Лазара Марковича, «импульс к созданию Демократической партии придал сам регент...»¹⁵. «Партия, — продолжал политик, — возникла под лозунгом борьбы против Радикальной партии. Создатели ДП считали, что ее предназначение в том, чтобы заменить радикалов у кормила власти в новом королевстве»¹⁶.

По мнению руководства новой партии, только ДП была способна последовательно воплощать в жизнь идеи Объединения и защищать югославянское государство от внешних и внутренних угроз: «Единая партия всех племен, всех религий и всех сословий в нашей стране. Демократическая партия основана на возвышенных идеалах народного единства, политических свобод, гражданского равноправия и экономической справедливости»¹⁷. Если ДП состояла из групп, формально представлявших все части «сербо-хорвато-словенского народа» и объединенных обще-

14 Термин «пречанин» используется нами не в узком оригинальном его смысле (серб из Австро-Венгрии), а в широком — для обозначения югославян новоприсоединенных территорий в целом.

15 Цит. по: *Glorigijević B. Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Beograd, 1970. S. 64.*

16 *Марковић Л. Из Уставотворне у законодавну скупштину // Нови живот. Књ. VI. Београд, 1921. С. 4.*

17 Проглас Демократске странке // Политика. 16 јануар 1923 г.

югославистской идеологией, то остальные партии, возникшие в тот период, когда «трехименный народ» был насильственно разделен, являлись не более чем анахронизмом, сербскими, или, еще того хуже, австрийскими пережитками.

Из-за своей внутренней слабости ДП не выполнила своего предназначения, в результате чего Александр с 1920 г. вплоть до последней отставки, а вскоре и смерти «патриарха» радикалов Н. Пашича в 1926 г. был обречен на опостылевшее ему сотрудничество с НРП. Однако все это время монарх не оставлял анти-радикальных намерений. В инициированном Александром создании коалиции крупнейшей сербской и крупнейшей хорватской партий можно разглядеть не только попытку расширения базы режима, но и шаг в сторону достижения личных интересов монарха, состоявших в ослаблении всех партий и уменьшении роли парламента.

Вошедший в Народную скупщину и правительство лидер Хорватской крестьянской партии (ХКП) Степан Радич должен был, по словам Б. Глигориевича, способствовать «разжиганию межпартийных противоречий, созданию парламентских кризисов, в которых король выступал бы в роли арбитра...»¹⁸. В пользу мнения сербского историка говорят свидетельства широкого круга современников. Многолетний министр двора Милан Антич задавался вопросом: «Так как большая часть политической ответственности была уверена в том, что Радич не конструктивен и не способен к сотрудничеству, учитывая его поведение с 1918 г. по 1925 г., вставал большой вопрос, а не был ли разрыв коалиции Пашич-Прибичевич¹⁹ частью адского заговора по свержению Пашича, т.к. с большой вероятностью можно было ожидать, что комбинация Пашич-Радич не будет успешной...»²⁰.

Более определенно высказывались югославские коммунисты: «Курс двора сводится к тому, чтоб при помощи коалиции по возможности ослабить Радикальную партию... расширить свой базис и, окружив себя незначительными партиями, играть руководящую роль в политической жизни страны»²¹.

С. Радич не обманул ожиданий венценосца. За время действия «сербскохорватского соглашения» сменилось четыре кабинета. И все правительственные кризисы были вызваны поведением лидера ХКП. По обвинению в коррумпированности были устранены из исполнительной власти лидер НРП и его соратники. Как вспоминал М. Антич, «от Радича потребовали

18 *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919-1929. Beograd, 1979. S. 203.

19 НРП долгое время формировала правительственную коалицию с возглавляемой Светозаром Прибичевичем Самостоятельной демократической партией, отколовшейся от ДП и представлявшей сербское население Хорватии.

20 Архив Српске академије наука и уметности (далее — АСАНУ). Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/9438.

21 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 69. Д. 215. Л. 4.

подать в отставку, которая вызвала падение всего правительства. Так наступила последняя драматичная фаза борьбы против Пашича»²²

Конец 1920-х гг. традиционно считается периодом наиболее активного королевского вмешательства во внутрипартийные дела. Главным его результатом стало формирование в двух крупнейших сербских партиях — НРП и ДП — групп так называемых «придворных радикалов и демократов». Действуя без оглядки на своих формальных партийных лидеров, эти группы при поддержке конформистски настроенных Словенской народной партии и Югославской мусульманской организации формировали правительственные кабинеты вплоть до государственного переворота 6 января 1929 г.

Наступлению двора на права партий и, в целом, народного представительства объективно способствовало обострение в 1927-28 гг. главной внутренней проблемы Королевства СХС — нерешенных противоречий отдельных национально-исторических областей, выражавшихся в политической жизни в виде так называемого «хорватского вопроса». Ареной его эскалации стала Народная скупщина, в которой НРП и ДП противостояла хорватская Крестьянско-демократическая коалиция (КДК) во главе со С. Радичем.

В этой ситуации, как и во всех межпартийных конфликтах 1920-х гг., их участники своим потенциальным союзником видели короля, вмешательства которого они требовали, несмотря не то что оно могло противоречить писанным и неписанным нормам парламентаризма, а также их собственным идеологическим установкам. Соблюдение суверенитета народного представительства не интересовало партийных функционеров, которым та или иная «интрига двора» помогала усилить позиции в скупщине, сформировать правительство, несмотря на отсутствие парламентского большинства, или добиться роспуска скупщины и получить мандат на проведение выборов. Одновременно трудно припомнить случаи, чтобы к Александру не апеллировали терпящие поражение в какой-нибудь политической баталии.

Кульминацией борьбы КДК с правящими сербскими партиями стали события весны-лета 1928 г. По воспоминаниям С. Милосавлевича, «фракция Радича и Прибичевича... устроили бешеную обструкцию в Народной скупщине, походившую в тот момент на деревенскую пивную, в которой народные избранники ругаются самыми грязными уличными ругательствами, грозят друг другу, или даже дерутся»²³. В конце концов, 20 июня депутат от НРП П. Рачич в ответ на оскорбления открыл стрельбу по депутатам ХКП, из которых двое было убито, а двое ранено. Впоследствии после осложнения от полученного ранения скончался С. Радич, что стало

22 АСАНУ. Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/8447.

23 АСАНУ. Бр. 13607. Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. I. С. 105.

предложением для его партии объявить политический и социальный бойкот Сербии: «Ноги нашей не будет в белградской скупшине, если только не потребуются свергнуть тиранию»²⁴.

Таким образом, сбылись произнесенные незадолго до происшествия в парламенте слова Александра, в которых содержались и пессимистический прогноз развития ситуации в стране, и его антипарламентское кредо: «Постоянно говорится, что стране нужен демократический парламентский режим. А этот режим навязывает нам не только выборы и агитацию, но, как мы видим, и другие трудности и негативные явления. Вам бы следовало объяснить вашим коллегам в правительстве и всем другим нашим выдающимся политикам, что их деятельность, в конце концов, ведет страну к хаосу и развалу»²⁵. В условиях острейшего государственного кризиса монарх выбрал самый радикальный путь его преодоления. Гордиев узел парламентаризма был разрублен в результате государственного переворота 6 января 1929 г. и установления режима личной власти короля Александра.

* * *

«В первое воскресенье января 1929 г. рано утром король Александр привел в замешательство свою страну и дал повод европейской печати посягнуть заголовки газет прокламации о роспуске парламента и упразднении конституции. В тот же день он доверил формирование правительства внепартийному кабинету, который представлял разные части страны и был подчинен напрямую королю... *Королевский манифест моему дорогому народу* (курсив мой. — А.С.) был опубликован в газете Службене новине...

— *«Пришел час, — писал неизвестный автор, — когда больше не должно быть никаких посредников между народом и королем... Парламентские институты, которыми как политическим инструментом пользовался мой блаженно почивший отец, остаются и моим идеалом... Но слепые политические страсти настолько злоупотребляли парламентской системой, что она стала препятствием всякой полезной национальной деятельности. Согласие и даже обычные отношения между партиями и отдельными людьми стали совершенно невозможными. Вместо развития и воплощения идеи народного единства парламентские вожди начали провоцировать столкновения и народную разобщенность... Мой святой долг любой ценой сохранить народное единство государства... Этот идеал должен стать самым важным законом не только для меня, но и для каждого человека. Такое обязательство на меня налагает моя ответственность перед народом и историей, моя любовь к родине и святая*

24 Велики Радићев збор у Загребу // Политика. 16 април 1923 г.

25 АСАНУ. Бр. 13607. Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. I. С. 81.

память о бесчисленных и бесценных жертвах, павших за этот идеал. Прибегать, как и раньше, к парламентской смене правительства или к новым выборам в законодательное собрание значило бы терять драгоценное время в тщетных попытках, отнявших у нас несколько последних лет. Мы должны искать новые методы работы и прокладывать новые пути».

Чем руководствовался король, так смело взяв инициативу в свои руки? Ситуация, впрямь, должна была казаться критической, иначе он не стал бы так рисковать и брать на себя такую ответственность»²⁶.

Возможен только утвердительный ответ на вопрос, заданный автором статьи «Королевская диктатура в Югославии». Переворот был совершен в условиях государственного кризиса, описанного Александром Карагеоргиевичем в обращении «всем сербам, хорватам и словенцам». Содержание манифеста отражает итог десятилетнего политического развития Королевства СХС, в котором дезинтеграционные устремления представителей хорватских областей одержали верх над непоследовательными усилиями сербского истеблишмента по превращению разрозненных югославянских территорий в единое централизованное государство. Неутешительный результат данного противостояния поставил короля перед дилеммой, описанной им в разговоре с сербским патриархом Гаврилой Дожичем: «Я мог или отсоединить Хорватию, или упразднить Видовданскую конституцию и ввести режим 6 января... Я стремился положить конец шовинистическим настроениям отдельных областей, которые продолжали, как и ранее, приносить огромный ущерб народному и государственному единству»²⁷.

Опорой Александра Карагеоргиевича в его начинаниях стали кадры, подтвердившие свою лояльность в 1920-е гг. Главой первого кабинета и одновременно министром внутренних дел стал давний фаворит короля генерал Петр Живкович. В правительство вошли «придворные» радикалы и демократы — неформальные агенты двора в крупнейших сербских партиях.

«Поиск новых методов и путей», продекларированный в манифесте, начался с принятия 6 января 1929 г. ряда законов, направленных на достижение полного государственного единоначалия, а также на устранение непосредственных противников новоявленного автократа — традиционных политических представителей сербов, хорватов и словенцев.

Закон о королевской власти и верховной государственной администрации прекратил действие Видовданской конституции, согласно которой Югославия была парламентской монархией. Теперь король стал «носителем всей власти», которому принадлежало исключительное право

26 Архив Југославије (далее — АЈ). Ф. 335. Војислав Јовановић-Марамбо. Хартије двора. Фасцикла 18. «Краљевска диктатура у Југославији».

27 Мемоари патријарха Српског Гаврила. Београд, 1990. С. 57.

принятия законов, назначения чиновников, командования вооруженными силами и т.д.

Закон об изменении закона о муниципалитетах и областном самоуправлении отменял избираемость представительных органов, на смену которым пришли назначаемые управленцы.

В соответствии с Законом о защите общественной безопасности и государственного строя запрещалась деятельность всех партий и объединений, созданных на религиозной или «племенной» основе. В результате в январе 1929 г. одна за другой были запрещены все партии Королевства СХС: Югославская мусульманская организация, Хорватская крестьянская партия, Народная радикальная и Демократическая партии, Земледельческий союз и др.

Изгнание с политической арены пресловутых «посредников между народом и королем» создало необходимые условия для реализации новой властью собственного предназначения, как его описал король Александр 6 января 1929 г. в обращении к кабинету министров: «Ожидаю от вас, что вы в духе народного единства будете оберегать и развивать согласие, равноправие и родство сербов, хорватов и словенцев»²⁸. Отвечая на монарший призыв, правительство в первой Декларации перечислило свои приоритетные цели: «1. Реформа администрации; 2. Экономическое обновление и финансовая санация; 3. Достижение полного духовного единства сербов, хорватов и словенцев, требующее унификации законодательства, реформы и сокращения чиновничества, подъема производства... нового административного деления страны».

Выполнение первой задачи началось с принятия вышеупомянутого закона, регулирующего местную администрацию. Законом об устройстве верховной государственной администрации от 31 апреля 1929 г. количество министерств уменьшилось с шестнадцати до двенадцати.

Новый этап реформ был ознаменован принятием 3 октября 1929 г. Закона о названии и административном делении Королевства. Переименование страны было, по словам премьер-министра П. Живковича, вызвано «необходимостью, чтобы официальное название Королевства полностью выражало народное и государственное единство. Поэтому в будущем наше Королевство будет носить имя Королевство Югославия»²⁹. Страна, с 1922 г. разделенная на 33 области, теперь делилась на 9 крупных областей — баковин.

Завершающим этапом государственного переустройства, начало которому было положено 6 января 1929 г., стало «дарование» королем конституции 3 сентября 1931 г. Закон определял югославское государство как

28 Записници са седница Министарског савета Краљевине Југославије 1929-1931. Београд, 2002. С. 6.

29 Там же. С. 100.

«конституционную монархию» с «народным представительством», которое вместе с королем осуществляет законодательную власть. Народное представительство состояло из Сената и Народной скупщины. Половина Сената избиралась, половину назначал монарх, имевший право утвердить или отклонить принятые законы. Главе государства принадлежало право роспуска и созыва представительства, назначения чиновников, ведения внешней политики страны и т.д. 116 статья конституции давала право королю осуществлять прямое правление посредством указов при наличии внешней или внутренней угрозы безопасности государства. Правительство было напрямую подотчетно королю. Формируемая политическая система принципиально отличалась от прежней Видовданской. В новой конституции отсутствовало понятие «парламентаризм». Старые партии были исключены из политической жизни продублированным запретом на «создание объединений на религиозной или племенной основе»³⁰.

Выборы в народное представительство были назначены на 8 ноября 1931 г. В соответствии с новым избирательным законом организации, желавшие принять в них участие, должны были представить список кандидатов, состоявший минимум из 305 человек — по числу избирательных округов королевства. Кроме того, глава списка должен был собрать в свою поддержку 18000 подписей избирателей — по 60 от каждого избирательного округа, а также 60000 подписей в поддержку списка — по 200 от каждого округа. Выполнить эти требования было под силу только тем, кто располагал поддержкой административного аппарата. В результате на выборы, в которых по официальной информации приняло участие 67% избирателей, был выставлен только правительственный список, возглавляемый премьер-министром П. Живковичем.

В декабре 1931 г. депутаты, избранные по правительственному списку, объявили о формировании новой, единственно разрешенной, партии, получившей громоздкое название — Югославянская радикально-крестьянская демократия (ЮРКД)³¹.

Приоритетной задачей режима было формирование общегославского правового пространства. В результате, в течение одного только 1929 г. королем было подписано более 200 новых законов³². Их принятие было насущной потребностью, а не правовым графоманством и имитацией бурной деятельности. Это подтверждается тем фактом, что только спустя 10 лет после объединения Югославия получила единое уголовно-процессуальное и фискальное законодательство³³.

30 Записници са седница Министарског савета... С. XLIII–XLIV.

31 20 июля 1933 г. партия была переименована в Югославянскую национальную партию (ЮНП).

32 Записници са седница Министарског савета... С. 353–365.

33 Были приняты Уголовный кодекс (*Dobrivojević I. Državna represija u doba diktature Kralja Aleksandra 1929-1935. Beograd, 2006. S. 101.*) и Закон о полиции,

Вообще, представление о необходимости правовой унификации было одним из главных побудительных мотивов узурпации власти Александром Карагеоргиевичем, полагавшим, что отсутствие общих законов разделяет югославян ничуть не меньше, чем «племенные» различия. Поэтому первые месяцы и годы режима личной власти были посвящены решению задач административного строительства, экономической и социальной политики, которыми было недосуг заниматься партиям, участвовавшим в парламентских баталиях предыдущего десятилетия. Судить о том, каким было на рубеже 20-30-х гг. положение вещей в разных областях государственной жизни, можно по стенограммам заседаний совета министров:

16 февраля 1929 г. «Министр транспорта полагает, что... у нас вообще нет экономической политики, так как нет статистики, на основании которой можно было бы производить расчеты и вырабатывать государственный экономический курс...».

21 февраля 1929 г. «Министр торговли и промышленности полагает, что ранее его ведомство функционировало бессистемно, без должных принципов и статистики, необходимых для любой работы, а тем более для Министерства торговли и промышленности»;

«Министр строительства. ... Действительно, за последние десять лет почти все проекты в нашем государстве осуществлялись небрежно, без должной подготовки... О негосударственных дорогах в первые девять лет существования страны... никто не заботился».

12 марта 1929 г. «Министр просвещения. ... В вопросе школьных учебников царит полный хаос, позволивший разным безответственным людям заниматься для них весьма выгодным, а для школы вредным, издательским бизнесом»;

«Министр здравоохранения. ... В последние годы административная деятельность моего министерства была полностью дезорганизована... Это можно объяснить отсутствием преемственности в работе. За десять лет сменилось семь помощников министра, а о самих министрах и не говорю...»

3 июля 1929 г. «Министр торговли и промышленности говорит, что проблема проведения аграрной реформы столь же стара, как и социальный вопрос... То, что они десять лет спустя до сих пор не решены, служит лучшим доказательством слабости государства»³⁴.

Нелицеприятность мнения членов правительства Его Величества — людей заинтересованных — о работе их предшественников не удивляет.

а также Закон об изменениях и дополнениях Закона о прямых налогах от февраля 1928 г. (Записници са седница Министарског савета... С. 357).

Однако то, что в конце 1920-х гг. представление о плачевном состоянии государственных дел разделялось широкими общественными кругами, а не только первыми министрами нового режима, иллюстрируют относившиеся еще к 1927 г. эмоциональные слова одного из авторов либерально ориентированного Сербского литературного вестника: «Налицо настоящий государственный кризис. Причина его в том, что наши политики не знают, как надо управлять государством. Хотя в конституции написано, что у нас парламентская монархия, парламентаризм им не нужен. Однако, что еще опаснее, неизвестно, чего они хотят... Из-за этого нет стабильности в администрации, из-за этого каждый час правительственные кризисы... из-за этого откладывается решение самых важных государственных проблем, от которых зависит будущее страны... Хочется бережливости и бездефицитного бюджета... Хочется унификации законодательства, но скупщина совсем этим не занимается. Хочется упрощения государственной администрации и честного чиновничества, но ничего для этого не делается...»³⁵.

Объективная потребность в преобразованиях стала причиной того, что поначалу узурпация власти королем не встретила какого-либо серьезного общественного сопротивления. Как пишет современный сербский историк Ивана Добривоевич, «народ отвернулся от скупщины — этого «уродливого порождения парламентаризма», — ставшей синонимом хаоса и лености. Какое-то решение напрашивалось. Король разрубил Гордиев узел»³⁶. Ни одна из сербских партий не посмела публично воспротивиться запрету на свою деятельность. Единственной реакцией парламентских вождей на события 6 января стало одобрение, высказанное наследником С. Радича В. Мачеком по поводу упразднения Видовданской конституции, «более семи лет служившей инструментом притеснения хорватского народа»³⁷.

Сдержанно благожелательно отнеслись к произошедшему и европейские союзники Югославии. Показательно мнение английского посла Кеннарда: «Что впечатляет больше всего, так это масштаб решаемой задачи — объединение Королевства и его превращение в современно устроенное цивилизованное государство... Если диктатуре удастся осуществить программу реформ... она оправдывает свое неконституционное происхождение... В 1929 г. положены основания. Будущие результаты сегодняшней политики будут зависеть от того, как будет применяться новое законодательство... Еще слишком рано, чтобы судить, и не следует быть слишком

35 *Аранђеловић Д.* Наша политичка криза // Српски књижевни гласник. Књ. 22. Број 6. 16 новембар 1927. С. 449–450.

36 *Dobrivojević I.* Op. Cit. S. 52.

37 Цит. по: *Boban Lj.* Ma ek i politika Hrvatske Selja ke Stranke 1928–1941. I. Zagreb, 1974. S. 44.

критично настроенным»³⁸.

Подобная внутри- и внешнеполитическая реакция на совершенный переворот вселяла в Александра Карагеоргиевича и его окружение чувство уверенности как в популярности совершаемых преобразований, так и в их необратимости. «Неудача исключена, если за тобой стоит весь народ»³⁹, — заявил король в интервью французской газете. В его новогоднем обращении от 31 декабря 1929 г. говорилось о свершившемся «быстром наведении порядка в стране», о «преодолении опасности духовной разобщенности». Декларация правительства от 4 июля 1930 г. объявляла, что «*навсегда*» (курсив мой. — А.С.) стерты внутригосударственные исторические границы, препятствовавшие формированию нации» и реализации принципа «один народ — одно национальное чувство»⁴⁰. В 1931 г. в очередном интервью французским журналистам Александр говорил, что «*никогда*» больше югославскую политику не будут определять религиозные, региональные или центробежные интересы»⁴¹.

В пользу того, что вышеприведенные высказывания отражали подлинное мнение короля, а не только публичный оптимизм властей, свидетельствуют впечатления вынесенные Александром от поездки в Загреб. Бану Врбасской бановины С. Милосавлевичу он доверительно сказал, что «во время пребывания в Савской бановине пришел к убеждению, что хорватский вопрос более не существует»⁴².

Действительно, «авторитарные лидеры, устранившие политических конкурентов... поставившие под контроль средства массовой информации, полагают, что пришли навсегда. Они думают, что находящиеся в их распоряжении средства принуждения достаточны, чтобы обеспечить стабильность власти. Это иллюзия, дорого стоившая многим»⁴³.

В случае с диктатурой, установленной шестого января, иллюзорность подобных надежд стала очевидной весьма быстро. Совершенные преобразования не смогли устранить общественных, политических и национальных противоречий, предопределивших государственный кризис конца 1920-х годов. Притупленные в результате насильственно установленного моратория на публичную политическую активность они спустя короткое время стали для режима непреодолимым препятствием.

Проявлением кризиса режима можно считать осознание самими его носителями масштаба вставших перед ними трудностей. Приведем реакцию С. Милосавлевича на процитированное эйфорическое заявление

38 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Knj.1. Zagreb, 1986. P. 590–591.

39 Цит. по: *Dobrovojević I.* Op. cit. S. 45.

40 Записници са седница Министарског савета... С. 129, 193.

41 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji... Knj.2. Zagreb, 1986. S. 38.

42 АСАНУ. Бр. 13607. Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. II. С. 71.

43 *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 59.

Александра: «Будучи весьма удивлен сказанным королем, я ответил ему, что очень рад слышать, что в Загребе... хорватский вопрос отсутствует. Однако на территории Врбасской бановины он цветет буйным цветом»⁴⁴.

Ироничные слова королевского наместника иллюстрируют положение вещей в отдельно взятой провинции. Оценка остроты проблемы в масштабах всей Югославии содержится в относящемся к маю 1932 г. выступлении В. Маринковича, сменившего П. Живковича на посту премьер-министра: «В нашей стране есть одна главная проблема, которая важнее всех остальных... Это вопрос, хотим ли мы народного и государственного единства — унитаризма, — или нам нужна федерация и сепаратизм. Пока нет ответа на этот вопрос, пока в нашей стране есть элементы, с которыми надо считаться, и которые против единства, общество будет разделено... Нужно уже предложить народу честно проголосовать по этому вопросу, а не по девяноста девяти другим вопросам...»⁴⁵.

Признанием невозможности достижения главной цели унитаристско-централистского курса стали слова короля Александра, сказанные им патриарху Гавриле Дожицу накануне роковой поездки в Марсель в октябре 1934 г.: «С проводимой до сих пор политикой следует заканчивать, ибо она завела страну в тупик... Должен вам признаться, что предпринимаемые с 6 января 1929 г. усилия оказались безуспешными... К сожалению, для осуществления моей программы требуется много времени... Наше государство молодо, и предрассудки в нем слишком живучи. Это воспрепятствовало тому, чтобы прогресс наступил так быстро, как нам бы того хотелось...»⁴⁶.

Из множества причин, по которым остались неосуществленными благие намерения Александра Карагеоргиевича, можно выделить главные. Общеизвестным является тот факт, что на годы, отведенные диктатуре историей, пришелся мировой экономический кризис — худший помощник в решении масштабной, говоря словами посла Кеннарда, задачи превращения отсталой страны в «современно устроенное цивилизованное государство». Вот как описывал дипломат воздействие экономических трудностей на политическую обстановку: «В 1931-32 гг. ситуация в Югославии, как и по всему миру, в экономическом, финансовом, а, следовательно, и общественном плане развивалась от плохого к худшему... Экономический

44 АСАНУ. Бр. 13607. Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. II. С. 71.

45 Цит. по: *Stojkov T. Opozicija u vreme estojanuarske diktature*. Beograd, 1969. S. 140.

46 Мемоари патријарха Српског Гаврила. С. 77. В пользу достоверности воспоминаний Г. Дожица о предсмертных планах короля Александра говорят мемуары других современников описываемых событий: *Stojadinović M. Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata*. Rijeka, 1970. S. 304-307, 313; *Meštrović I. Uspomene na političke ljude i događaje*. Zagreb, 1969. S. 237; *Јовановић Стоимировић М. Дневник. 1936-1941*. Нови Сад, 2000. С. 37. См. также: *Stojkov T. Opozicija... S. 264-273*.

кризис стал одной из причин широко распространенного политического недовольства, особенно в Хорватии... Вина за все недуги, от которых страдает Югославия, возлагается на режим короля Александра...»⁴⁷.

Таким образом, экономические проблемы привели к усилению центробежных тенденций, устранение которых виделось властям предрержающим стратегической целью их деятельности: «Югославию легче себе представить, чем создать на деле. Детские болезни этого народа оказались до неприятности устойчивыми к лечению... В решении главной внутренней проблемы страны не достигнуто сколько-нибудь значительного прогресса: не создана основа для добровольного сосуществования разных частей королевства... В Хорватии и Словении... неприятие белградского централизма выросло, а доверие к персоне короля, которое и без того никогда не было высоким, еще упало»⁴⁸.

Вышеописанная ситуация свидетельствовала об ошибочности выбора Александром Карагеоргиевичем идеологической основы собственного режима. Еще политическая практика 1920-х годов продемонстрировала, мягко говоря, неполное соответствие теории народного единства, положенной в основание создания Югославии, подлинным национальным чувствам сербов, хорватов и словенцев. Показательна судьба Демократической партии — ровесницы Королевства СХС, самопровозглашенной «партии всех племен, всех религий и всех сословий». Уже в 1924 г. партия распалась на организации, претендовавшие, в лучшем случае, на представительство населения отдельных национально-исторических областей.

Напомним, главный идеолог Демпартии и пророк югославизма Светозар Прибичевич, осознав его недостаточную эффективность для политической мобилизации населения, особенно в пречанских областях, в 1927 г. «перекрасился» из монархиста-централиста в республиканца-(кон)федералиста. Король Александр, поднимая в 1929 г. брошенное его бывшим фаворитом знамя национального унитаризма, для того чтобы заручиться устойчивой поддержкой столь неоднородного населения страны, должен был бы проявлять успешность во всех своих начинаниях. Но, как мы уже видели, объективные условия не позволили проявить диктатуре тех достоинств, которые бы выгодно ее отличали от опустылевшего парламентаризма.

Экономические трудности, сократившие имевшийся после 6 января ресурс популярности личной власти короля, активное отторжение значительной частью населения навязываемой идеологии привели к ситуации, описанной современным отечественным исследователем: «Даже когда подобные (авторитарные. — А.С.) политические структуры формируются при общественной поддержке, обусловленной разочарованием общества в

47 *Avramovski Ž.* Op. Cit. Knj.2. S. 79.

48 *Ibid.* S. 145.

некомпетентных и коррумпированных политиках, пришедших к власти на основе демократических процедур, со временем они начинают восприниматься обществом как нелегитимные...»⁴⁹.

Достоверным признаком вышеописанного кризиса легитимности была не столько имевшая место в первой половине 30-х гг. активизация оппозиционных запрещенных партий, сколько поведение самих носителей режима, демонстрировавших неуверенность в собственных силах, сомнения в общественной поддержке проводимого курса. Спустя всего несколько месяцев после переворота — в апреле 1929 г. — премьер-министр вынужден был констатировать: «Вера чиновников в стабильность нынешнего правительства стала меньшей по сравнению с первыми днями его правления. Разные интриги и сплетни, запускаемые в народ, имеют целью представить правящий режим как временный. Не только бывшие активные политики, но и чиновники на действительной службе сплетничают, будто скоро радичевцы войдут в правительство, а Маринкович пишет конституцию и так далее. Несомненно, это пагубно влияет на чиновничество, которое больше не проявляет былого рвения...»⁵⁰.

Самим министрам аналогичные претензии П. Живковичу пришлось высказывать от имени короля Александра уже в мае 1929 г.: «Разные слухи ходят о правительстве и его работе... Виноваты и сами члены кабинета. Его Величество обратил внимание, что их связи с господами, идущими наперекор режиму, вредоносны... Поддерживаются отношения с бывшими политиками... что порождает разговоры о временности режима. Необходимо, чтобы все члены правительства продемонстрировали, что не смотрят ни налево, ни направо, а вместе блюдут верность манифесту Его Величества...».

Данное пожелание осталось невыполненным. Почти полтора года спустя — осенью 1930 г. — Живкович горько упрекал своих подчиненных: «Моя цель была получить заявления членов правительства, что они больше не состоят в прежних партиях... Кто из вас выступил с таким заявлением?.. Результатов нет, так как все остались при своих партиях, которые до сих пор действуют организованно, только лишь благодаря тому что ни один министр не сделал ничего для их упразднения...»⁵¹.

Нежелание/неспособность номенклатуры последовательно воплощать догматы официальной идеологии следует добавить в перечень главных причин неудач начинаний Александра Карагеоргиевича. Верным оказался данный в 1929 г. пессимистический прогноз крупнейшего сербского правоведа и историка Слободана Йовановича: «Для такого режима требу-

49 *Гайдар Е.Т.* Указ. соч. С. 68.

50 Записници са седница Министарског савета... С. 63.

51 Там же. С. 68, 206, 208.

ется хорошая администрация и отличная бюрократия, чего у нас нет»⁵².

Нехватка лояльных и идейно стойких государственных служащих, равно как и живучесть «старых» партий, которым хранили верность даже члены кабинета, были проявлением узости социальной базы власти. «Нам приходится рассчитывать на сегодняшнее поколение. Генерацию наших сторонников еще предстоит создать... Тяжелее всего сформировать в народе благоприятное отношение, убедить народ поверить нам и присоединиться к нашему начинанию...», — сетовал В. Маринкович. Попыткой вернуть народное доверие стала реставрация формально демократических институтов и создание ЮРКД (ЮНП). Последней следовало заменить «посредников между королем и народом» — запрещенные партии, — в былые годы своей вертикальной структурой обеспечивавшие общественную легитимацию правящей элиты. «Надо найти людей, на которых мы сможем опереться, которые будут нести режим, а не наоборот...»⁵³, — описывал сановник суть непростой задачи.

Увы, народное представительство и ЮРКД (ЮНП) не выполнили своего предназначения. Их деятельность привела к деструктивным результатам, противоположным тем, на которые надеялись отцы-основатели. Вместо демонстрации единства депутаты, избранные в народное представительство по единственному правительственному списку, приступили к жесткой «внутривидовой» борьбе.

Трудности партийного строительства не стали неожиданностью для двора. Задолго до выборов премьер П. Живкович делился со своими коллегами невеселыми известиями: «Некоторые баны докладывают, что новую югославянскую партию создают люди, не пользующиеся никаким авторитетом на местах»⁵⁴. Данное обстоятельство, по-видимому, стала причиной того, что партия, решение о создании которой было принято еще осенью 1930 г., не появилась на свет накануне выборов, которые стали бы ее политическим крещением. Двор, не веря в электоральный триумф ЮРКД, предпочел выставить на выборы не организацию с сомнительной репутацией, а список кандидатов, отобранных в соответствии с высочайшим критерием — доверием короля Александра. Следует отметить, что ЮНП как парламентская партия не посмела напрямую участвовать и в следующих выборах в скупшину. В 1935 г. новый правительственный, а не партийный, список возглавил тогдашний премьер Боголюб Евтич, выступивший в роли самопровозглашенного хранителя завещания покойного короля Александра, якобы прошептавшего ему перед смертью: «Берегите мою Югославию».

52 Цит. по: *Поповић Н.* Слободан Јовановић и југословенска држава. Београд, 2003. С. 195.

53 Записници са седница Министарског савета... С. 200–202.

54 Там же. С. 206.

С первых дней своего существования малопопулярная ЮРКД (ЮНП) служила ретранслятором не верноподданнических настроений общества, а социальных и межэтнических противоречий, общественного неприятия официальной идеологии. Сбылось проницательное предостережение скептически относившегося к партийному строительству А. Корошеца, адресованное им в 1930 г. коллегам-министрам: «Не лучше ли оставить все как есть и считать, что все вокруг поддерживают режим. Все равно, никому не дозволено высказываться против. Ведь создавая партию сторонников режима, мы автоматически вычлением его противников. Это может привести к констатации того, что режим находится в меньшинстве»⁵⁵.

Осенью 1930 г., следуя принципу «вовремя предать, это не предать, а предвидеть», словенский политик предусмотрительно покинул тонущий корабль, подав в отставку с поста министра лесов и недр. «Сегодня можно спокойно констатировать, — объяснял в 1932 г. Корошец в послании Александру свою позицию, — что диктатура терпит поражения на всех фронтах... Настал последний момент, чтобы предложить руководителям старых партий сформировать правительство... Если свобода не будет возвращена народу и государству, то мы перед историей снимаем с себя всякую ответственность и перекладываем ее на Вашу душу»⁵⁶.

Следует отметить, что необходимость прибегать к услугам старой партийной элиты понималась Александром с первых дней установления режима личной власти. Пытаясь привлечь на свою сторону население отдельных национально-исторических областей и их традиционных политических представителей, король пользовался испытанным методом кнута и пряника. Многозначительные кадровые решения — назначения или отставки в ближайшем королевском окружении, соблазнение постами и даже подвергание несуровым репрессиям — должны были дать понять оппонентам режима, что тот, стоя на своем, все-таки не стремится сжигать мосты в отношениях с ними.

Примирительным сигналом всем оппозиционным силам стал уход в апреле 1932 г. П. Живковича с поста главы правительства. Солдафона, известного своей непримиримостью в борьбе с «проклятым прошлым», сменил В. Маринкович, демонстрировавший склонность к ревизии диктатуры. Бывший представитель ДП продержался, однако, на своем месте недолго — до июля 1932 г. Очередное «закручивание гаек» осуществляли премьеры-экс-радикалы: Милан Сршкич (до января 1934 г.) и Никола Узуневич (до конца октября 1934 г.).

Особое значение король придавал тому, как воспринимались его действия в пречанских регионах. Так после 6 января знаками расположения, демонстрируемого югославам-католикам, стало сохранение чиновни-

55 Записници са седница Министарског савета... С. LXI.

56 Цит. по: *Stojkov T. Opozicija u vreme estojanuarske diktature... S. 191.*

кам — членам ХКП их постов в местных районных администрациях, а также включение в состав первого правительства словенца А. Корошеца (единственного из лидеров старых партий) и значительного числа хорватов. «Хорваты получили пять министерств. Значит, эта часть народа не будет чувствовать себя угнетенной или оставленной без внимания», — так оценивал желательные последствия данного шага король в интервью французской газете⁵⁷.

Поначалу подобные решения не входили в явное противоречие с официальным курсом. Однако с течением времени, по мере того как становилась очевидной бесперспективность/невозможность его реализации, попытки короля заигрывать с формально запрещенными партиями становились все более откровенными, нарушавшими надплеменной догматический принцип «нести ни эллина, ни иудея...». Широкий резонанс в 1930 г. получило неожиданное вхождение в состав правительства четырех бывших членов руководства ХКП, служившее с точки зрения официального Белграда свидетельством отказа хорватов от оппозиционности. К *Inische Zeitung* писала: «Если раньше всегда подчеркивалось, что правительство диктатуры абсолютно неполитическое и не признает принесшие столько вреда политические партии, а только стремится своей добросовестностью привлечь население, то теперь в Белград приглашаются личности с ярко выраженной политической ориентацией... бывшие члены презренной Хорватской крестьянской партии. Более того, им должны уступить свои места далекие от политики специалисты Франгеш и Дринкович. Речь идет о политике в худшем смысле этого слова. Остается подождать и посмотреть, какие плоды она принесет»⁵⁸.

Главным «плодом» стало осознание современниками непоследовательности власти, ее готовности поступиться основными политическими принципами ради расширения круга сторонников. Подобные проявления слабости режима предопределили характер его отношений с главной оппозиционной силой — Хорватской крестьянской партией, чьей приязни король добивался с 1930 г. и до последних дней жизни. Все попытки Александра Карагеогиевича убедить Владимира Мачека перейти на его сторону остались безуспешными. Не помогли даже неоднократные аресты и угрозы длительного заключения — средство, некогда сделавшее покладистым первого председателя ХКП Степана Радича.

Упрямство Мачека, в заключении встретившего известие о марсельском покушении, происходило из понимания того, что чем дольше ХКП отвергает поступающие из Белграда предложения, тем более выгодными для нее будут результаты неотвратимого кризиса диктатуры и конечное решение хорватского вопроса. Предпочтительность выжидательной по-

57 Цит. по: *Dobrivojević I.* Op. cit. S. 48.

58 Цит. по: *Boban Lj.* Maček i politika Hrvatske Seljačke Stranke... I. S. 51.

зиции объяснял Анте Трумбич, в 1930-е годы занимавший высокое место в партийном руководстве: «Не нужно себя обманывать, будто можно добиться чего-то серьезного (приняв предложения короля. — А.С.). А даже если бы мы добились хотя бы 50% того, что хотим и на что имеем право, где гарантии, что эти договоренности будут соблюдаться? Ведь физическая сила на той стороне... Из рук не выпускают реальную эффективную власть... А когда под давлением обстоятельств... они будут готовы уступить нам эти 50%, это будет подтверждением того, что вода подступила к их порогу. И мы сможем взять в свои руки все 100%»⁵⁹.

Неуступчивость ХКП Александр пытался нейтрализовать известным с 1920-х гг. способом — так называемым «окружением Хорватии» силами сербов и словенцев. С этой целью незадолго до смерти он прилагал небезуспешные усилия по примирению придворных радикалов во главе с Н. Узуновичем и старой НРП, руководимой Ацей Станоевичем. О готовности сотрудничать находившегося по домашним арестом за строптивость А. Корошца король узнать не успел. 9 октября 1934 г. он был убит в Марселе в результате заговора, организованного хорватскими и македонскими террористами.

* * *

Политическим наследством Александра князю-регенту Павлу⁶⁰ стал весь багаж проблем «шестоянварской диктатуры». Положение нового фактического главы государства усугублялось тем, что он не располагал личным авторитетом освободителя и объединителя югославян, компенсировавшим постепенную утрату режимом социальной опоры. Как говорил сам Павел, «диктатура возможна была при короле, но губительна и нереализуема при регентстве»⁶¹.

В августе 1939 г. «вода подступила к порогу» князя-регента, вынужденного в обмен на лояльность удовлетворить требования ХКП, объединив хорватские области в мало зависящую от центральной власти административно-территориальную единицу⁶².

59 Цит. по: *Stojkov T.* Opozicija u vreme šestojanuarske diktature... S. 195.

60 В соответствии с написанным в январе 1934 г. завещанием на период несовершеннолетия престолонаследника Петра был установлен режим регентства («наместничества»). Первым регентом по воле Александра стал его двоюродный брат Павел Карагеоргиевич, вторым — сенатор Раденко Станкович, а третьим — бан Савской бановины Иво Перович.

61 Цит. по: *Boban, Lj.* Maček i politika Hrvatske Seljačke Stranke... I. S. 175.

62 26 августа 1939 г. в результате Соглашения Цветкович-Мачек была образована Бановина Хорватия. В состав Бановины вошли Савская и Приморская бановины, а также некоторые районы Врбаской и Дунайской бановин. Допускалось изменение границ новой административно-территориальной единицы. В компетенцию властей Бановины вошли вопросы правосудия, социальной

В отличие от русофила Александра князь Павел у современников и историков пользовался репутацией англомана. Однако, либеральный «имидж» не мешал ему авторитарно править вплоть до весны 1941 г. Только немецкая оккупация положила конец действию законов диктатуры. Даже решение об образовании Бановины Хорватия формально не нарушало ее правовых рамок, так как основывалось на 116-й статье конституции 1931 г., дававшей монарху особые полномочия на случай внешней или внутренней угрозы.

Таким образом, после смерти короля Александра основанный им режим просуществовал дольше, чем длилось его собственное правление. Это обстоятельство дает основание повторить тезис, что не одно только природное властолюбие нашего героя определяло недемократичный вектор развития страны в межвоенный период. Политический плюрализм, характеризовавший государство в первое десятилетие его существования, имел последствием не нивелирование, а обострение социальных, межэтнических и межобластных противоречий. Ощущаемой обществом (по крайней мере, значительной его частью) потребностью обезопасить себя от них объясняется формирование в Королевстве СХС на рубеже 20–30-х гг. режима личной власти монарха.

Увы, главного своего предназначения диктатура короля Александра в силу вышеописанных причин не выполнила. Плачевный итог межвоенных десятилетий, с учетом судьбы титовской Югославии, в которой «тоталитарный» и «демократический» этапы чередовались в обратной последовательности, но с тем же результатом, подводит к выводу о принципиальной неспособности сербов, хорватов и словенцев преодолеть пресловутые «шовинистические настроения отдельных областей». Вероятно, в этом состоит главный урок политической биографии Александра Карагеоргиевича, как и истории Королевства СХС/Югославии, в целом.

политики, просвещения, сельского хозяйства, торговли и промышленности, управления лесными угодьями и природными недрами. Исполнительную власть предстояло осуществлять бану, ответственному перед хорватским Сабором и королем, который принимал решение о его назначении и отставке.

НИКОЛА ПАШИЧ: НА СТЫКЕ УНИТАРИСТСКИХ И ФЕДЕРАЛИСТСКИХ УСТРЕМЛЕНИЙ

На белградском Новом кладбище, справа по аллее Великанов, высится памятник — темная мраморная плита, стела с бюстом пожилого господина с окладистой бородой, работы ученика знаменитого Родена, хорватско-го скульптора Ивана Мештровича. На плите надпись: «Никола П. Пашич (1844–1926)»... Камень спас могилу от заброса, чем ей грозило полувековое табу, наложенное на имя упокоенного здесь человека — все эти годы его именовали «самым выдающимся представителем консервативной сербской буржуазии»¹, что, уже само по себе, звучало как приговор. Запрет в эпоху «Братства и единства» был тотальным. Еще лет двадцать пять назад публичное возложение цветов на могилу старца могло закончиться арестом. Так, по крайней мере, говорили автору этих строк белградские коллеги. Редкие прохожие сворачивали в аллею Великанов.

Однако, к счастью, приходили новые времена, извлекая со дна забвения многие казалось бы, навсегда «погребенные» там имена. Одним из первых, кого востребовала «проснувшаяся» историческая память народа, оказался именно он — пожилой господин с бородой.

CURRICULUM VITAE

Для каждого беспристрастного человека очевидно, что Никола Пашич занимает в истории сербского народа исключительное место. Его жизнь протекала в переломную для Сербии и всей Европы эпоху. Он родился в 1844 г. в Заечаре, на восточной окраине вассального Сербского княжества — формально подданным Турецкой империи, а умер в 1926 г. в Белграде, столице объединенного Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. Так тогда называлась Югославия.

В промежутке между этими датами произошло множество событий, сыгравших огромную роль в судьбах как сербского, так и других югославянских народов. Великий Восточный кризис 1875–1878 гг. и подведший его итоги Берлинский конгресс; Сербско-болгарская война 1885 г. и госпереворот 29 мая 1903 г., в результате чего на сербский престол была «возвращена» династия Карагеоргиевичей; Боснийский кризис 1908–1909 гг. и Балканские войны 1912–1913 гг.; еще одна война — Первая мировая, — из пламени которой родилось Королевство СХС, и Парижская мирная конференция 1919–1920 гг., юридически закрепившая появление на карте мира новой геополитической реальности, — таковы вехи исторического пути Сербии и Балкан в конце XIX — начале XX в.

1 Чубрилович В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 463.

Они же одновременно являлись важнейшими рубежами в жизни Николя Пашича, который во всех перечисленных событиях принимал самое непосредственное участие: сначала — как лидер оппозиции и «бунтовщик», приговоренный Миланом Обреновичем к смерти; затем — как влиятельный, но, в основном, теневой персонаж; и, наконец, — как многолетний глава сербского и югославского правительств.

Полвека — срок для Балкан немислимый — он активно участвовал в политике, и не где-нибудь на задворках оной, а на самой что ни на есть авансцене: 48 лет являлся депутатом Народной скупщины; 45 лет был лидером Сербской народной радикальной партии — крупнейшей и влиятельнейшей национальной политической организации; 22 раза занимал должность премьер-министра, причем в самые драматические, военные, годы (1912–1918) — бессменно. Несть числа другим постам в государственной иерархии, на которых побывал Пашич за свою долгую карьеру. Спикер парламента, мэр Белграда, посланник в Петербурге, сенатор, глава делегации на Парижской мирной конференции, etc... Его деятельность, повторимся еще раз, покрывает целую эпоху в истории Сербии, в рамках которой произошло множество судьбоносных событий, начиная с обретения независимости на Берлинском конгрессе 1878 г. и заканчивая образованием Югославии сорок лет спустя. На каждое из них личность Пашича наложила свою печать.

Как с полным правом подчеркнул профессор Джордже Станкович, «по тому, что он внес в исторический процесс, какой след оставил после себя и сколь велик объем сохранившейся о нем информации, Никола Пашич больше походит на общественную институцию, чем на отдельно взятое историческое явление»². И далее о том же, но еще более концентрированно: «Как историческая личность, он представляет собой научный вызов, которому трудно найти аналог в историографии развитых стран...»³.

ВЕСНА ПАТРИАРХА

Небольшой провинциальный городок Заечар, расположенный на берегах реки Тимок в Восточной Сербии — это «малая родина» Николя Пашича. Именно здесь в день Святого Николая (6 декабря) 1844 г. первенец Петра и Петрии Пашич появился на свет. Не удивительно, что родители нарекли младенца Николой. Кроме будущего политика, у них было еще двое детей: в 1848 г. родился младший брат Найдан, а в 1859-м сестра Ристосия.

Поскольку большую часть времени отец проводил вне дома, в трудах и заботах, воспитание детей оказалось полностью в руках матери. Неграмотная, как и огромное большинство сербских женщин середины XIX в., Петрия Пашич тем не менее обладала острым умом и житейской мудростью. Ее вли-

2 *Станковић Ђ.* Искушења југословенске историографије. Београд, 1988. С. 245.

3 *Он же.* Никола Пашић. Прилози за биографију. Београд, 2006. С. 285.

яние позитивно сказалось на развитии всех детей, но особенно благотворную роль она сыграла в становлении старшего сына. Рассудочность и терпеливость, поистине культовое отношение к семье и близким — все эти качества он воспринял от матери. Петрия умерла в 1870 г., когда ее первенцу было двадцать шесть. Успев, в отличие от младшей сестры, до дна испить чашу материнской любви, он на протяжении всей жизни платил ей тем же. Его дочь Дара вспоминала, что «отец всегда с величайшим пиететом относился к памяти покойной матери...»⁴. Кстати, именно после ее смерти, в знак траура, он и отпустил свою знаменитую «пророческую» бороду.

Пронизанная вниманием и уважением друг к другу атмосфера семьи, здоровая и консервативная обстановка глубинки, в которой прошли детство и отрочество Пашича, способствовали его гармоничному развитию — он рос физически и психически крепким человеком. Особое значение имело то, что жизнь семейства протекала как бы на стыке города и села. Его глава, кроме ремесла и торговли, занимался еще земледелием, владея нивами и виноградниками в окрестностях Заечара. Такое сочетание городских занятий и чисто крестьянского труда было в те времена явлением типичным⁵. Патриархальная, почти сельская среда, таким образом, являлась тем социальным фоном, на котором шло формирование личности Пашича.

Именно сербское село, как сообщество свободных и равных сограждан, со своим устоявшимся укладом жизни и традиционной этикой, придавало ему уверенность и устойчивость. С ранних лет оно раскрывало перед ним отлаженный веками механизм общинного самоуправления, опираясь на который шумадийский крестьянин только и смог освободиться от турок в начале XIX в. Воспоминания же о недавнем прошлом на заре юности Пашича были свежи, поскольку оставались в живых непосредственные участники эпопеи Карагеоргия и Милоша Обреновича. По замечанию одного из самых проницательных современников — графа Карло Сфорца, «Никола Пашич имел великое счастье провести свое детство в прямом контакте с миром, который уже через одно-два поколения стал для многих принадлежностью легенды»⁶. Из этого контакта он вынес укорененность в традицию и достоинство свободного человека.

С другой стороны, город, сконцентрировав в себе все элементы

4 *Световски М.* Пашић у интимном животу. По прићању своје кћери // «Пашић». Илустровани радикални алманах. Грађа за педесетогодишњу историју Народне радикалне странке и политичку историју Србије. Београд, 1927. Књ. 4. С. 63.

5 В городе Пожаревац, к примеру, в 1896 г. имелось 800 лошадей, 900 коров, 4900 свиней, 2600 овец и 250 пчелиных ульев (*Каниц Ф.* Србија. Земља и становништво. Београд, 1985. Књ. 1. С. 171)... А 2 декабря 1897 г. в Белграде «электрический трамвай № 56 столкнулся с волком, словав ему ногу» (Живети у Београду. 1890–1940. Документа управе града Београда. Књ. 6. Београд, 2008. С. 503).

6 *Сфорца К.* Никола Пашић и уједињење Југословена. Дипломатске и ратне успомене. Београд, 1937. С. 27.

той культурной инфраструктуры (то есть — церковь, школу, рынок), провоцировал интерес. Грамотный священник, учитель и приехавший издала купец расширяли детский кругозор. В почву аграрного статичного мира город бросал семя познания.

Петар Пашич, как человек по тем временам довольно просвещенный (он одним из первых в Заечаре начал покупать, и даже выписывать из Белграда, книги для своих сыновей) и обладавший к тому же известным материальным достатком, понимал все значение образования, направив старшего Николу по его стезе. Младшему же Найдану был уготован совсем иной путь — он был отдан в учение к дядюшке Йовану, дабы затем продолжить семейное дело.

Успешно завершив начальную школу и полугимназию у себя на родине, Никола Пашич для завершения гимназического курса отправился в бывшую сербскую столицу — Крагуевац. И вот тут-то настали трудные времена: в 1862 г. отец неожиданно умер, а мать, оставшись с двумя детьми на руках, не могла его содержать. Но тяга к знаниям у Пашича была столь велика, что победила свалившиеся на него материальные невзгоды. Подрабатывая репетиторством, он блестяще окончил гимназию. Именно тогда впервые проявилась важнейшая черта его характера — стремление к цели и достижение ее во что бы то ни стало.

Следом настала очередь столичной Великой Школы — в 1865–1867 гг. он учился на ее техническом факультете. Учился, и опять весьма прилежно, несмотря на все те же материальные проблемы. Впрочем, иначе и быть не могло — привыкший рассчитывать исключительно на свои силы, Пашич студенческой поры был уже человеком житейски зрелым, хорошо знающим, чего он хочет. Трудно точно определить, когда закончилась его юность. По оценке Латинки Перович, «Пашич принадлежал к категории закрытых и хладнокровных людей, которые очень быстро выбиваются из своей среды и становятся ее лидерами. Они рано фиксируют личные и общие цели, как правило, отжествляя их. Это люди одной единственной идеи и исключительно высокой концентрации»⁷.

В ноябре 1867 г., окончив технический факультет, Никола Пашич обратился к министру просвещения Сербии Косте Цукичу с «покорнейшей просьбой» включить его в число государственных стипендиатов и направить в Европу. В феврале министерство удовлетворило прошение Пашича и определило для завершения образования Высшую политехническую школу в Цюрихе — знаменитый Политехникум. Уже в начале марта он выехал в Швейцарию.

В ЕВРОПЕ

Цюрихский период жизни Н. Пашича оказался важнейшим с точки зрения его идейного формирования. И, действительно, именно тогда были за-

7 Перовић Л. Млади Никола Пашић // Развитак. Зајечар, 1993. Бр. 3–4. С. 54.

ложены основы его народнической доктрины, что не удивительно, ибо на рубеже 60-70-х гг. XIX в. город на Лиммате являлся одним из центров европейского социалистического движения, где «свили гнездо» и десятки эмигрировавших из России «нигилистов». Социалистическое окружение, и прежде всего русское, особо близкое по языку и менталитету, в огромной степени повлияло на становление Пашича и других молодых сербов.

К тому же, в апреле 1869 г. в Цюрих прибыл Светозар Маркович — организатор сербского социалистического движения и верный ученик русских народников. Прибыл из Петербурга, где обучался в Институте инженеров путей сообщения и участвовал в революционном движении. По приезде он хотел было продолжить свое образование в Политехникуме, но приступить к занятиям ему так и не пришлось. Политика властно диктовала свое и становилась делом всей жизни. Очень скоро он стал идейным центром небольшой сербской колонии в Цюрихе, объединявшей как однокашников Пашича, так и студентов Университета. Своему кружку цюрихские сербы дали имя «Задруга», как бы продолжив тем самым традицию сербов петербургских, называвших аналогичное объединение «Общиной».

Никола Пашич играл в новом кружке роль весьма заметную, выполняя функции организационного секретаря. Для нужд «Задруги» он приобрел в Женеве типографию, перевез в Цюрих и организовал печатание переводной социалистической литературы. В первую очередь, русской.

В немалой степени на такой выбор повлияло тесное общение и идейная близость со С. Марковичем. А после отъезда того из Швейцарии в июле 1870 г. Пашич возглавил кружок цюрихских сербов. Именно под его началом «Задруга» достигла апогея своей деятельности. И связано это было с наплывом в начале 70-х гг. русской молодежи, который самым непосредственным образом сказался на ее составе — в бумагах Пашича той поры мы обнаруживаем и русские имена: Василий Александров, Вера Любатович, Виктория Крюкова.

В.М. Александров, с которым он близко сошелся в Цюрихе, являлся фигурой в русском революционном движении заметной. Один из создателей кружка «чайковцев» и организатор знаменитого «книжного дела», он был послан соратниками в Цюрих для издания нелегальной литературы, наладить которое ему и помогли сербы. Типография, купленная Пашичем, стала совместным сербско-русским издательским предприятием по выпуску социалистической литературы. Она и звалась — «Славянская типография». В начале 1872 г. Александров (при содействии Любатович и Крюковой, работавших у него наборщицами) напечатал в ней второе издание популярных «Отщепенцев» Н.В. Соколова, а сербские студенты перевели и издали брошюру В.А. Энгельсона «Что такое государство?», а также работы П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина, Ф. Лассалья и др.

У истоков этой прямой кооперации с русскими стоял Н. Пашич. Таким образом, фундаментальное положение о существовании в начале 1870-х гг.

тесных связей между сербскими и русскими социалистами и ориентации одних на других, приобретает как бы новое измерение — теперь можно говорить и о наличии на определенном этапе (1-я половина 1872 г.) их единой организационной структуры. А организация, как известно, всегда следует за идеологией.

Что касается последней, то, общаясь весьма продолжительное время с Пашичем, Александров и другие «нигилисты» (а он знал также М.П. Сажина, Н.И. Жуковского, З.К. Арборе-Ралли, А.Л. Эльсница) вряд ли являлись для него представителями какой-то определенной доктрины — внутри русской эмиграции постоянно происходила «грызня», — но, скорее всего, были носителями широко понимаемого народнического стереотипа, как квинтэссенции того специфически-«восточного» взгляда на прогресс, который так характерен для левой интеллигенции стран «догоняющего развития», осознавшей уже все пороки либерального капитализма и потому обращавшейся в поисках «трамплина» для прыжка в будущее к собственным социокультурным традициям...

В начале 1872 г. Пашич обратился к министру просвещения Сербии с просьбой разрешить ему практику на строительстве железных дорог в Европе.

В этом важном для разумения мысли Пашича письме он по сути сформулировал фундаментальный вопрос — как сделать, чтобы Сербия смогла воспользоваться научно-техническими достижениями западной цивилизации, не потеряв в то же самое время своей самобытности? Признание необходимости экономической модернизации страны в условиях, когда «волны европейского рынка уже бьются о сербские границы», автор сопровождает предостережением в адрес властей от «передачи сербских предприятий в руки зарубежных фирм», поскольку в таком случае «Сербия навсегда будет покорена иностранным капиталом» со всеми вытекающими последствиями⁸.

Итак, можно заключить, что к концу пребывания в Цюрихе у Пашича сложился вполне определенный (и, добавим, стойкий) подход к «Европе», главной особенностью которого была ярко выраженная двойственность — ее достижения он воспринимал утилитарно, к пути же относился эсхатологически. Инстинкт жителя Балкан и личные наблюдения подсказывали, что «путь Европы» чреват для сербов опасностью всеобщей нивелировки и отчуждением от национального бытия. А потому он и не должен быть слепо повторен. Технические высоты европейской цивилизации, напротив, привлекали Пашича. И, мало того, без овладения ими, как он полагал, трудно было рассчитывать в перспективе на успешное сопротивление ее духу — агрессивному по самой своей сути. Иными словами, как писал Арнольд Тойнби о русских:

8 Письмо Николе Пашича министру просвете и црквених дела. У Цириху, 8 март 1872 г. // *Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872–1891). Приредили Л. Перовић и А. Шемјакин. Београд, 1995. С.27-29.

«Чтобы обезопасить себя от завоевания и насильственной ассимиляции Западом, они постоянно заставляют себя овладевать достижениями западной технологии»⁹. Логика та же.

Кроме того, сама постановка Пашичем вопроса — *как измениться, оставаясь в то же время самими собой?* — свидетельствовала о том, что у него также сформировался альтернативный западному взгляд на прогресс, когда тот понимается «не как что-то противоположное традиционным формам жизни, но как сила, которая позволяет как раз именно эти формы сохранять и совершенствовать»¹⁰.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКА

Мы уже говорили о той, может быть, важнейшей «политической» особенности Пашича, когда среда, в которой он вращался, как бы сама собой выталкивала его на поверхность. Совсем «не сербские» черты характера, унаследованные в благодатном полиэтническом окружении Тимокского пограничья, — хладнокровие и рассудочность, вкупе с фанатичной целеустремленностью и предельной концентрацией, создавали ему в глазах окружающих тот авторитет, который впоследствии добровольно признавался даже тогда, когда, случалось, превращался в авторитарность. Как размышлял Слободан Йованович, «его успех, возможно, объясняется именно тем, что он заметно отличался от своей среды»¹¹. Причем статус лидера, как мы видели, был характерен не только для «позднего» Пашича — непререкаемого и харизматического вождя основанной им же Радикальной партии. Он начал проявляться уже в Швейцарии. В 1873 г. Никола Пашич возвращался из Европы человеком для своего поколения уже известным — фундамент будущего политического первенства был заложен.

По возвращении в Сербию он сразу же включился в деятельность движения С. Марковича, который, продолжая заниматься теоретическими проблемами социализма, в то же время активно поддержал антиправительственную деятельность крестьянской «фракции» в парламенте во главе со знаменитым Адамом Богосавлевицем. При жизни Марковича, пользовавшегося в кругах социалистически настроенной интеллигенции славой непогрешимого учителя, Пашич — всего лишь его верный последователь; после же смерти (в феврале 1875 г.) он постепенно выходит на ведущие позиции в иерархии сербской левой оппозиции с тем, чтобы после войн за независимость (1876–1878) по сути единолично возглавить ее...

Информативно насыщенные письма Н. Пашича середины 1870-х гг. дают нам яркое представление об этом важнейшем периоде ранней истории

9 Тойнби А. Византийское наследие России // *Он же*. Цивилизация перед судом истории. М., 1995. С. 106.

10 Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 265.

11 *Јовановић С.* Никола Пашић // *Србија и коментари*. Београд, 1989. С. 248.

Радикальной партии. Показательно — уже в 1875 г., он использует в переписке термин *радикальная партия*, что означало конечное формирование самостоятельной политической ниши соратников Марковича и их новых союзников — «народных трибунов» из скупщины. В этих своих письмах Пашич разрабатывает для нее организационные принципы и идеологическую программу, выдержанную уже не в духе голой теории (доктрины), но адаптированную к реалиям практической борьбы.

И, в частности, в письме брату Светозара Еврему он определяет главную задачу «радикальной партии», как борьбу за власть. Причем, «ее приход к власти» означал бы «победу всего народа». Такая взаимосвязь для него есть *conditio sine qua non*, поскольку «самостоятельно наш народ не в состоянии выйти из кризиса...». Уже в этих немногих фразах Пашича проявилась «мессианская» природа сербского радикализма — интересы партии отождествлены здесь с интересами всего народа, ну а радикальное «критически мыслящее» меньшинство объявлено его единственным поводырем.

Из так сформулированной генеральной посылки вытекало все остальное. Прежде всего — это жесткая конфронтационность сознания, когда власть воспринимается не как политический оппонент, но как откровенный неприятель (т.е. «враг народа»), которого надо *уничтожать*: «Нынешней бюрократической машине, если ее невозможно сломать сразу, следует вбивать клин за клином, подталкивать ее, раскачивать, вставлять палки в колеса, чинить всяческие препятствия и вообще делать все, чтобы способствовать ее краху». Отсюда — осознание именно борьбы с этим врагом (а не только критики) и даже признание возможным использования в ней нелегитимных средств: «Никогда не стоит забывать, что народная свобода не может быть завоевана исключительно легальным путем». Ну а дальше — четкое понимание значения организации для достижения цели и, соответственно, акцентация на строгую дисциплину и единомыслие, как неперемное условие эффективности действий, что значит — неприятие всякого диссидентства: «Мы надеялись, что твое избрание в Скупщину усилит радикальную партию и поможет ее более разумной, синхронной и энергичной деятельности», но «ты своим поведением нанес ущерб и себе, и партии, к которой принадлежишь»¹², — это о том, что за Евремом Марковичем водился грешок сепаратных деяний в парламенте...

Очевидно, что политически наш герой сформировался как-то слишком быстро. И впрямь, — уже бросаются в глаза его мессианизм и предельная бескомпромиссность, проявившаяся в жестко заявленных оппозициях: мы-они, свои-чужие. Осознание того, что крепкая организация — это главное средство борьбы и важнейшее условие победы. Предпочтение идти путем возможного, не срываясь в авантюру, но и готовность без колебаний прибегнуть

12 Письмо Николе Пашића Еврему Марковићу (1875 г.) // *Пашић Н.* Писма, чланци и говори... С. 41–45.

к нелегалышине, если максимум из этого возможного уже выжат. Перспективное мышление, т.е. умение не дать себя увлечь первому же политическому успеху¹³, что подразумевает наличие весьма редкого для темпераментных балканских политиков таланта — ждать сколь угодно долго и, в конце концов, дожидаться своего.

Эти формирующиеся качества Пашича-политика накладывались на свойства его характера, нередко органично продолжая их. Молчаливость и предпочтение дела слову, рассудочность и предшествование мысли делу. Известный авторитаризм и одномерность мышления как отражение взрастившей его патриархальной среды. Уже упоминавшиеся целеустремленность и последовательность. И, наконец, отличное психическое здоровье и железные нервы. От этого человека, которому всего чуть за тридцать, уже веет какой-то скрытой, но грозной силой. Со временем, для своих оппонентов (как внутренних, так и внешних) он станет страшным противником, в одиночку стоящим целых вражеских армий.

Итак, к середине 1870-х гг. политик явился. Его политический арсенал уже при нем. Правда, пока в основном на бумаге.

ВЫХОД НА СЦЕНУ

После обретения Сербским княжеством независимости, в 1878 г., Никола Пашич был избран депутатом Народной скупщины от родного Заечара. Здесь, за два года ему удалось собрать разношерстную левую оппозицию, сплотить под едиными лозунгами, внести элементы дисциплины и порядка в ее эмоционально-хаотическую деятельность — словом, создать в виде радикального парламентского клуба необходимый задел для дальнейшей быстрой и успешной организации партии. Как видим, лидер объявился. Возникла и организация — правда, пока лишь в зародыше, но с потенцией превращения в мощного спрута. Сама же возможность такого «превращения» напрямую зависела от того, сколь долго еще суждено было «творцу сербской независимости» Йовану Ристичу диктаторски управлять Сербией. Отдавая себе в том отчет, Пашич ожидал изменений в стране и готовился к ним. Прежде всего идеологически.

13 15 февраля 1875 г. в Крагуевце состоялась демонстрация «Црвени барьяк» («Красное знамя»). Ее провели социалисты и сторонники группы А. Богосавлевича по случаю победы на местных выборах. Манифестация сопровождалась пением «Марсельезы» и требованием самоуправления в масштабах всей страны. В итоге она была разогнана... Как вспоминал Раша Милошевич, Пашич «осудил демонстрацию с красным знаменем. Это было, по его мнению, несерьезным поступком, который омрачил нашу победу на выборах в общинную управу» (*Милошевић Р. Први почеци радикалне странке // «Пашић». Илустровани радикални алманах. Грађа за педесетогодишњу историју Народне радикалне странке и политичку историју Србије. Београд, 1927. Књ.4. С.91*).

Не имея возможности выпускать политический печатный орган своей фракции, он начинает использовать страницы газеты «Видело» («Свет»), издававшейся группой младоконсерваторов — в недалеком будущем самых жестоких противников, но пока что союзников в борьбе против Ристича. В своих письмах в редакцию предводитель левых уже открыто говорит о *радикальной партии* и ее программе¹⁴. Главными целями партии он провозглашает политические свободы и борьбу «против преимущества капитала над трудом», выступая также за развитие «отечественной промышленности», но, «насколько возможно, без пролетариата». Все эти задачи представляются ему крайне важными в новых, сложившихся после Берлинского конгресса условиях, когда «место прогневившей Турции на Балканах заняла Австро-Венгрия», владения которой полукольцом охватили территорию Княжества. Настаивая на проведении реформ, Пашич особо подчеркивает, что радикальная партия стремится к тому, чтобы они осуществлялись «в духе народных традиций...». По сути, в письмах в редакцию «Видела» он заново ставит уже известный нам стратегический вопрос — *как измениться, оставаясь в то же время самими собой?*

Без учета активной работы Николе Пашича по организации левой оппозиции в скупшине и идеологическому обеспечению ее деятельности, трудно до конца понять ту быстроту, с которой Радикальная партия конституировалась после падения кабинета Й. Ристича. Всесильный либеральный премьер подал в отставку 19 октября 1880 г., а уже в январе года следующего в свет вышел первый номер партийной газеты «Самоуправа» («Самоуправление») с официальной программой партии...

А события, тем временем, развивались бешеным темпом. Дарованная в Берлине независимость, словно всадник, пришпорила Сербию, подняв ее на дыбы — за первые десять лет самостоятельного развития страна пережила острейший внутренний кризис, Тимокское восстание, проигранную войну с Болгарией, принятие новой конституции и отречение монарха. В любом другом государстве всего этого хватило бы на несколько поколений, но только не на родине Пашича. Почему? Постараемся это объяснить.

Решения Берлинского конгресса коренным образом изменили геополитическую конфигурацию Балкан, способствовав усилению влияния Европы в регионе, еще недавно составлявшем периферию оттоманской цивилизации. Сербское княжество, оказавшись в сфере интересов Австро-Венгрии, сразу же ощутило на себе ее мощное давление, что ускорило процесс идейного размежевания в среде немногочисленной местной элиты.

Так, осенью 1880 г. бывший русофил князь Милан Обренович открыто перешел на проавстрийские позиции, навсегда связав судьбу страны и династии с Веной. Тем самым, он четко обозначил свое намерение «втянуть»

14 Изјава. 30 април 1880 г. // *Пашић Н.* Писма, чланци и говори... С. 57; Господине уреднице! 2 мај 1880 г. // Там же. С.58-62.

Сербию в Европу. Призванный им к власти кабинет напредняков¹⁵ Милана Пирочанца и попытался осуществить этот «прыжок из балканского мрака на европейский свет», сделав главную ставку на прямое заимствование, т.е. «пересадку» результатов западного опыта в местную почву, причем без всякого учета ее адаптивных способностей, что означало коренную ломку традиций собственного народа. По свидетельству очевидцев, напредняки собирались «насадить в Сербии европейскую культуру»¹⁶ и при этом «насиловать и подавлять население для того, чтобы ускорить путь и в короткое время приблизиться к Западу»¹⁷.

Мощное сопротивление модернизационным акциям сербских ультралибералов оказали радикалы. В ответ на вызов властей, они провозгласили своей главной задачей защиту сербской самобытности, отождествляя ее с только что обретенной свободой. Их концепция прогрессивного развития Сербии базировалась на твердом убеждении в необходимости сохранения всех важнейших институтов и норм *традиционного* уклада жизни (каковые объявлялись ценностями для сербского народа непреходящими) и, соответственно, на стойком неприятии пути Европы и ее образцов. «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, — писал в конце 1880-х гг. Никола Пашич, — но идя за модой, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы»¹⁸.

С ходу отвергая все проекты правительства (железная дорога, банки, регулярная армия), радикалы заручились поддержкой подавляющего большинства населения. Строя свою идеологию на базе прочно укорененной в народном сознании патриархальности и идентифицируясь с массой, партия Пашича политически выражала спонтанное и резко негативное отношение сербского крестьянства к структурным изменениям общества и государства (их модернизации), которые могли нарушить самодостаточное равновесие его традиционного бытия.

Само стремление к сохранению в Сербии патриархальной социальной модели по формуле «сербский народ — сообщество равных» не являлось для Пашича самоцелью. В условиях незавершенности процесса сербского освобождения и объединения эта модель становилась средством и формой национальной консолидации сербов Королевства, ибо нерасщепленность интересов внутри социума позволяла сохранять единство народного духа и высокую степень его мобилизационной готовности, как важнейшую внутреннюю предпосылку будущего освобождения. Социальное равенство отождествлялось в глазах радикалов с национальным единством. Добавим, что «в нужное время» данный подход полностью оправдал себя...

15 От сербск. *напредак* — прогресс... Ядро Напреднякской партии составили члены бывшей группы младоконсерваторов.

16 *Овсяный Н.Р.* Сербия и сербы. СПб., 1898. С.90.

17 *Лавелэ Э. де.* Балканский полуостров. М., 1889. Ч.1. С.204.

18 Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее — АСАНУ). Пашићеве хартије. Бр.14615-1-27.

Политика «шоковой терапии», проводившаяся правительством напредняков, привела Сербию на грань гражданской войны — стремление властей *европеизировать* ее скорым кавалерийским наскоком порождало резкое неприятие радикальной оппозиции. Причем сила воздействия реформаторов была прямо пропорциональна мощи отпора охранителей, что особо впечатляет, если понимать под ними общественный монолит (почти 90% крестьян примерно равного имущественного состояния) — единый, прочно спаянный патриархальными взглядами и организованный традиционной контрэлитой — радикалами.

Напряжение на обоих полюсах неуклонно росло. «Желание остановить историю столкнулось со стремлением принудить ее к прыжку», — описывает типологически схожую ситуацию Ю.М. Лотман¹⁹. При этом каждый лагерь, свято веря в свою правоту, отказывал в таковой оппоненту, превращавшемуся в смертельного врага. Борьба с ним осознавалась как миссия, направленная на благо Сербии. В действительности же страну рвали на части... Осенью 1883 г. конфликт достиг апогея — население четырех округов Восточной Сербии взялось за оружие. Тимокское восстание, таким образом, явилось открытым столкновением двух различных подходов к перспективам развития Сербии и сербского общества.

На выступление крестьянства Милан Обренович ответил карательными мерами: военно-полевым судом, тюрьмами, расстрелами. Главный комитет радикалов в полном составе был арестован, а Пашич, чью голову жернова королевской мести смололи бы в первую очередь, бежал за границу. Начались его шестилетние скитания по Болгарии, Румынии, России.

В ИЗГНАНИИ

Оказавшись в эмиграции, Пашич сразу начал готовить новое восстание против режима. С этой целью он вступил в контакт с болгарскими юнионистами и жившими на Балканах русскими революционерами; предводителем московских славянофилов И.С. Аксаковым и всегда готовыми к драке черногорцами. Обращался он за содействием и к официальной России, однако в Петербурге отнеслись к его планам свержения Милана Обреновича с плохо скрытой холодностью, опасаясь реакции Вены. В конечном итоге, все попытки Пашича организовать заговор (а их, по нашим подсчетам, было не менее четырех) сорвались; но, несмотря на это, активность и фанатичная целеустремленность беглеца поражает — все годы изгнания он оставался для сербского монарха каким-то слепым наваждением, вызывающим страх. Так, во время решающей битвы с болгарями под Сливницей в ноябре 1885 г., когда маятник военного успеха еще колебался, у того случился нервный срыв: коронованному гонителю радикалов вдруг привиделось, что в первых

19 Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С.261.

рядах штурмующего сербские позиции противника обретается сам Пашич со своими боевиками. Король бежал, а за ним потянулась в отступление вся его армия. «Я не хотел, чтобы Пашич и его люди провели меня связанного по Софии» — оправдывался он позднее. А тот, ничего не подозревая, отсиживался тогда в румынской глубинке...

Вторым важнейшим аспектом деятельности Николы Пашича в эмиграции был идеологический. Именно на чужбине система его взглядов окончательно сложилась, превратившись в набор чеканных формул и приобретя насыщенную славянофильскую окраску. В известном письме директору Азиатского департамента российского МИД И.А. Зиновьеву от 21 марта 1887 г. лежащая в ее основе идея противостояния с чуждым по духу Западом выразилась в полном блеске²⁰. «Главное стремление в нашей борьбе, — объяснял Пашич русскому чиновнику, — состояло в том, чтобы сохранить хорошие и соответствующие сербскому духу учреждения и воспрепятствовать введению новых западных учреждений, которые могли бы разрушить самобытность жизни нашего народа и внести смуту в народное сознание и жизнь...». Из этой генеральной посылки проистекало и жесткое сопротивление радикалов австрофильскому курсу белградских властей, которые «желали бы сразу обратить Сербию в малую западную державу, не обращая внимания ни на что сербское и славянское». И далее: «Наша партия полагает, что у сербского народа есть столько хороших и здравых учреждений и обычаев, что их оставалось бы только беречь и дополнять теми прекрасными установлениями, которые имеются у русского народа и остальных славянских племен, а с Запада брать только технические знания и науку и пользоваться ими в славянско-сербском духе».

Перед нами — суть позитивной доктрины Радикальной партии. Под «хорошими и здоровыми учреждениями» Никола Пашич имел в виду православную церковь, общину (с присущей ей коллективистской ментальностью)²¹ и древнюю традицию народного самоуправления, на которой базировалась

20 «Обзор деятельности сербской оппозиции». Записка Николы Пашича директору Азиатского департамента МИД России И.А. Зиновьеву. 1887 г. (Публикация А.Л. Шемякина) // Исторический архив. 1994. № 5. С. 112-114.

21 И позже Пашич оставался крайне последовательным в таком своем взгляде на общину. В 1895 г. в беседе с одним русским гостем, подчеркнув, что Радикальная партия «появилась у нас со Светозаром Марковичем — другом ваших Чернышевского и Добролюбова; под непосредственным влиянием идей, господствовавших в России в шестидесятых годах», он заявил: «Маркович проповедовал необходимость сельской общины на манер русской, чтобы не развивался у нас пролетариат, и чтобы Сербии не идти в этом отношении по следам Европы. И община у нас живет до сих пор — каждое селение имеет, помимо подворных участков, общинную землю для будущих членов своих и для общественных нужд. Об этом радикалы особенно хлопотали...» (Марков Е.Л. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С.349).

вся политическая теория радикалов. Их он считал главными элементами Восточной — «славянской и православной», цивилизации. Принадлежность к ней, по его представлениям, помогла сербам выстоять и сохранить себя под турками. И она же должна помочь им успешно противостоять наступлению «германизма» на Балканы, резко усилившемуся после Берлинского конгресса.

Однако перед ним не мог не встать вопрос — а была ли Сербия в состоянии в одиночку бороться с этим мощным вторжением «опасной заразы»²². Негативный ответ напрашивался сам собой — силы были слишком неравны. «Распространение влияния Западной Европы, — писал он в декабре 1884 г. — невозможно остановить на сербской границе»²³. Данная констатация настоятельно подталкивала его к поиску надежных союзников. А потому активные попытки вступить в прямой контакт с российскими официальными и славянофильскими кругами, впервые предпринятые им еще в начале 1880-х гг., не кажутся чем-то неожиданным. Они четко соотносились с его позицией — именно в России видел Никола Пашич основу славянской православной цивилизации, с которой связывал судьбу своего народа.

Здесь истоки прочного пророссийского определения сербских радикалов и их вождя. «Наша партия, — писал он И.А. Зиновьеву, — во внешней политике держалась славянской православной России, а во внутренней политике — сербских обычаев и духа. Вот откуда проистекает для многих непонятное явление, что почти весь народ тотчас же встал на нашу сторону...». Как видим, Пашич и его соратники не являлись, подобно Стояну Новаковичу и напреднякам в 1890-е годы, «рациональными русофилами»²⁴. Их русофильство носило *органический* характер: стремление к сохранению в Сербии status quo по уже известной формуле «сербский народ — сообщество равных» и традиционных основ его жизни («сербских обычаев и духа») автоматически толкало радикалов, через неприятие «Запада», к поискам союза с Петербургом, как предводителем «Востока» и славянства в целом, и противовесом Вене на Балканах, в частности...

В последние годы эмиграции, когда все его заговорщические замыслы рухнули, вождь сербских радикалов нередко жила в России (в Петербурге или Одессе). Здесь он завязал прочные контакты с русскими и, в частности, — с руководством Петербургского славянского благотворительного общества и почвеннически настроенной профессурой. К тому же времени относится и его знакомство с секретарем Общества В.И. Аристовым, петербургским инженером И.П. Табурно (уроженцем Боки Которской) и полковником Гене-

22 Подлинное высказывание Н.Пашича. См.: АСАНУ. Пашићеве хартије. Бр. 14615-1-32 (Домаћи лек противу заразе).

23 Письмо Николе Пашића митрополиту Михаилу. Софија, 20 децембар 1884 г. // *Пашић Н. Писма, чланци и говори...* С. 172.

24 *Трговчевић Љ.* Српска интелигенција у XIX веку — западни и источни утицаји // Европа и Срби (Зборник радова). Београд, 1996. С. 271.

рального штаба Ф.Ф. Таубе, которые навсегда станут ближайшими конфиденантами и друзьями.

А в Белграде, тем временем, появлялись вестники новых времен — летом 1887 г. напредняцкое правительство вышло в отставку, а к власти был призван коалиционный либерально-радикальный кабинет во главе с Ристи-чем. Развязки и возвращения ждать оставалось совсем недолго.

В ожидании их Пашич занялся самообразованием (он не любил и не умел сидеть без дела). Особое внимание он обратил на книги «по славянской истории, филологии и праву, т.е. вообще по славистике»²⁵. А в 1888 г., «сидя без дела» в Бухаресте, изгнанник переводил книгу Н.Я.Данилевского «Россия и Европа», повлиявшую на него, пожалуй, больше всего²⁶. К немалому сожалению, следы этого первого перевода Данилевского на сербский язык там же и затерялись.

А развязка приближалась... Положение Милана Обреновича, пошатнувшееся в связи с поражением в войне с Болгарией, становилось все более непрочным. К прежним неприятностям добавлялись новые — неурядицы в собственной семье, чему причиной были как неумный темперамент самого монарха, так и амбиции его супруги, королевы Натальи. Нервы короля не выдержали, и он решил отступить, по сути спасая династию. В конце 1888 г. он созвал Народную скупшину, которая одобрила новую конституцию установившую было в Сербии парламентский режим. Сам ее коронованный «автор» в феврале следующего года отрекся от престола в пользу малолетнего сына Александра и покинул страну. Ну, а в марте, сразу же после «отставки» заклятого врага, на родину вернулся и Никола Пашич.

Его «путь домой» напоминал былые триумфы римских героев. Близкий друг Аврам Петрович зафиксировал в дневнике по горячим следам: «Когда Пашич приехал в Белград, множество народа поспешило туда, чтобы его встретить и поприветствовать, как мученика и победителя»²⁷. Победителя! — именно так тогда многим казалось... Но до полной победы было еще далеко.

ПОЛИТИК И ЧЕЛОВЕК

Принятие конституции, по разумению Пашича, открыло «новую эру» в истории Сербии. К власти в ней пришла совсем недавно гонимая Радикальная партия. Причем положения парламентского Устава, как это не парадоксально звучит, обеспечивали ей по сути *вечную* власть. Ведь присущая сербскому социуму однородность, при запуске «чистого» парламентского механизма (свободные выборы и ответственность кабинета перед народным представительством), не могла не «конвертироваться» в политическую

25 «Пашић». Илюстровани радикални алманах... Београд, 1926. Књ.3. С.47.

26 Писмо Николе Пашића В.И.Аристову. 12 маја 1888 г. // *Пашић Н.* Писма, чланци и говори... С. 274.

27 *Петровић А.* Успомене. Приредила Л.Перовић. Горњи Милановац, 1988. С.128.

монополию «народной партии», выражавшей интересы подавляющего большинства населения. Новый порядок, таким образом, обеспечивал радикалам полную гегемонию в скупшине, что превращало ее в партийный парламент. Суверенная же власть такой скупщины и самому государству придавала партийный характер... Все так и было — в 1889—1892 гг. Сербия являла собой типичное «радикальное царство», как высказался о характере установившегося режима сам некогда активный радикал Пера Тодорович²⁸.

В 1891 г. Никола Пашич впервые занял кресло премьер-министра... Но все же, думается, значение этого года для него заключалось в другом. В мае, в возрасте 46 лет, он, наконец, женился. Почему так поздно? «Пока борьба за изменение конституции не завершилась, — объяснялся позднее сам Пашич, — я избегал жениться, полагая, что в той борьбе меня могут подстергать разные опасности, и совсем не желая, чтобы, наряду со мной, лишения терпела моя семья. Когда же я решил, что борьба эта завершена, я и вступил в брак, с намерением посвятить себя основанию семьи и заботе о ней»²⁹. Все у него было разложено по полочкам, в определенной иерархии, как и у всякого человека, у кого воля превалирует над чувствами.

Начиналась новая, не ведомая ранее, частная жизнь... Отвлечемся на время от политики и взглянем на нашего героя, как сейчас говорят, в человеческом измерении.

Его избранница — Джурджина — была на 22 года моложе и происходила из семьи богатого сербского негоцианта из Триеста Александра Дуковича, имевшего активные связи с южно-русскими регионами. Она и родилась в России, в Бердянске, в 1866 г. Их знакомство и помолвка произошли на удивление быстро, в чем, пожалуй, было больше патриархальности, чем романтики.

Итак, решив на 47-м году жизни создать семью, Пашич посвятил в свои личные планы ближайших друзей. Один из них, житель Триеста Лаза Аничич, вспомнил, что в по соседству с ним проживает красивая сербка-триестинка с богатым приданым. Через настоятеля местной сербской церкви была добыта ее фотография и послана в Белград. Пашичу избранница понравилась, и, не долго думая, он отправился во Флоренцию, к ее брату — известному скульптору Стевану Дуковичу. Здесь, в ресторане на берегу реки Арно и состоялась их встреча. На первый взгляд, между ними было мало общего: она — европейка с образованием и манерами, он — сербский selfmademan; она — богата, он — нет; она — склонна к искусству, он, посвятивший жизнь единственно политике, — и в театр-то не выбирался, а на придворных балах и церемониях присутствовал только тогда, когда к тому обязывал протокол. И все же их связывало что-то самое важное для брака — обоюдное желание домашнего

28 *Тодоровић П.* Огледало. Зраке из прошлости. Приредила Л. Перовић. Београд, 1997. С.206.

29 *Пашић Н.* Моја политичка исповест // Сербия и коментари. С. 140.

тепла и приверженность семье.

Они венчались в русской церкви во Флоренции, где Пашич молил Бога, чтобы «она была счастлива»³⁰. Свадьбу сыграли тут же, на Piazza Indipendenza, 22. В середине июня, не завершив свадебного путешествия по Европе, молодые вернулись в Белград. «Государственные дела позвали меня назад», — оправдывался новоиспеченный супруг в письме к теще³¹.

Семейная жизнь Пашича сложилась безоблачно. Супруга смогла создать ему ту тихую заводь, где он мог отдохнуть от политических бурь. В отличие от многих своих коллег, по-балкански горячих, продолжавших партийные споры в белградских кафанах, лидер радикалов проводил досуги дома, в кругу семьи, которая с годами росла. В 1892 г. у Пашичей родился сын Радомир, год спустя на свет появилась Даринка, а в 1894 г. — младшая Пава. В 1900 г. родилась третья дочь — Даница, но она умерла младенцем.

К детям отец относился любовно, но без особой сентиментальности. Дочери, по стародавнему обычаю, целовали ему руку и обращались на Вы. Значительно большую снисходительность он проявлял к своему первенцу, причем к концу жизни черта эта усилилась. Сам всегда щепетильный в денежных вопросах, старый Пашич, казалось, закрывал глаза на сомнительные операции сына, что подрывало его собственный образ в народе...

Взращенный в патриархальной среде сербской глубинки, он впитал в себя, как мы говорили, поистине культовое отношение к семье, родственникам, друзьям, и весь был пропитан каким-то задружным духом. Потому он и Сербию воспринимал, как одну большую задругу, а всех сербов — как единый род... Когда в 1898 г. скончался младший брат — вдовец Найдан, старший Никола принял старательство над его детьми. Помогая оставшимся в Заечаре, он устроил племянницу в женский пансион в Киеве, а старшим племянникам, Петру и Николе выхлопотал возможность учиться в Киевском кадетском корпусе. Впоследствии, закончив корпус и выйдя в Константиновское артиллерийское училище, Петар писал ему: «Да, милый дядюшка, нелегко сознавать, что мы — птенцы, сиротинки, покинутые отцом и матерью, разбросаны по всему миру, сознавать, что мы живем, благодаря Вам...»³². Кстати, к этому сыну своего брата — будущему полковнику русской императорской армии, отсидевшему после Октябрьского переворота почти два года в большевистской тюрьме и освобожденному в 1920 г. в результате его личного обращения к Г.В. Чичерину, Никола Пашич относился с особой теплотой.

И это не случайно. Поскольку он сам был связан с Россией глубокой внутренней связью. Можно привести массу деталей, которые обычно ускользают от внимания историков, толкующих исключительно о политиче-

30 *Сфорца К.* Никола Пашић и уједињење Југословена... С.284.

31 АСАНУ. Заоставштина Николе Пашића. Бр.11868/5.

32 Архив Југославије. Ф. 143 (Заоставштина Николе Пашића). Фасцикла 3.

ском интересе Пашича к Петербургу, чтобы показать ее наличие.

В 1925 г. — на закате поздней осени Патриарха, его супруга Джурджина писала своей родственнице: «Никола всегда чувствует себя хорошо за границей»³³. Все точно, но особенно справедлива данная констатация применительно к России. Пашич любил Россию, любил в ней бывать, всегда чувствуя себя своим, — к нему и обращались здесь не иначе, как: «Николай Петрович!». Любил общаться с русскими, иногда, правда, перегибая палку, — во время приемов нередко здоровался за руку с лакеями в ливреях. Любил изъясняться по-русски, что, бывало, тоже приводило к казусам. Как вспоминал дипломат Димитрие Попович, однажды Пашич разговаривал без переводчика с каким-то русским господином. Но так, что по окончании разговора тот удивленно заметил: «А я и не знал, что сербский язык так похож на русский»³⁴. В бытность свою посланником Сербии в Петербурге (1893—1894), он, расписываясь в книгах посещения важных особ, всегда выводил: «Николай Петрович Пашич» — книга визитов наследника-цесаревича Николая Александровича сохранила для нас такую его особенность³⁵. И даже во время официальных приездов в Россию данная практика не менялась. В 1891 г., рассматривая список сербской делегации, сопровождавшей короля, Пашич приписал напротив своей фамилии по-русски: «Николай Петрович»³⁶. Ну нравилось ему так! А 28 апреля 1916 г., подтверждая получение от московской городской думы 100 тысяч рублей для сербской армии, он начертил: «Николай Петрович Пашич. Министр Председатель Сербский»³⁷. Эта его расписка тиражировалась газетами — русским было приятно... Мелочи, скажет кто-то. Детали, ответим мы, говорящие куда больше о подлинном состоянии души, чем долгие официальные заклинания.

И в быту, о чем уж совсем редко упоминается при описании жизни политиков, Никола Пашич был каким-то полу-русским. Летом, например, любил носить чесучевую пару, как помещик средней руки. На кухне у него стоял большой *тульский* самовар из меди, а рядом — еще один маленький самоварчик. Среди столового серебра в хозяйстве Пашичей имелось 12 русских ложек с инкрустациями, чайный сервиз и 6 чарок для водки, которую он, правда, не пил. А в кабинете был особый шкафчик с собраниями сочинений И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого — с его произведениями он познакомился еще в 80-е гг. в бытность в России эмигрантом — и других русских класси-

33 Это письмо хранится у Джордже Пашича, младшего внука Н. Пашича. Мы глубоко признательны ему и его супруге, Босильке Пашич за предоставленную возможность ознакомиться с ним, как и другими семейными реликвиями.

34 *Поповић Д.* Никола Пашић и Русија. Из мојих личних сећања // Годишњица Николе Чупића. Београд, 1937. Књ. XLVI. С. 144.

35 Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1587. Л. 33 об.

36 Архив внешней политики Российской империи. Ф. Славянский стол. Д. 9534. Л. 80.

37 Центральный Исторический Архив Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 10.

ков. На стенах, в доме на Театральной (ныне — Французской) улице, висели картины художника Байкова и русские иконы в старых окладах. И в церкви он обычно крестился, отбивая поклоны в пояс, что также было нетипично для серба.

Кстати, о вечном. Когда 12 декабря 1926 г. Пашича хоронили, на груди у него лежала русская икона Св. Спиридона в серебряном окладе, к которой и прикладывались все пришедшие проститься, а «в отпевании и погребении покойного приняло участие русское духовенство и русский хор»...³⁸ Пашич лежал в ореховом гробу, усыпанном красными гвоздиками и белыми розами. У его одра стояло 128 венков. Среди наград, что несли курсанты военной академии, в первом ряду были русские — орден Белого Орла с бриллиантами и Святой Владимир I степени.

Но вернемся к Пашичу живому. Рано познав нужду и привыкши преодолевать лишения, он был экономным хозяином (иногда даже слишком) и умел считать деньги. Причем, получив за супругой изрядное приданое, он не изменил ни образа жизни, ни привычек — его стол, как всегда, был традиционным и скромным, он никогда не курил, пил мало, разбавляя любимое неготинское вино водой. Мог по десять лет не снимать один и тот же редингот, но на приемах носил фрак, обрамленный орденовыми звездами и седой бордой, столь элегантно и с достоинством, что на то обращали внимание даже европейские аристократы. Всегда скрупулезно следил за своим здоровьем, регулярно посещая европейские курорты — Карлсбад, Мариенбад, Эвиан, а также проводя время на Адриатике (обычно в Опатии и Цавтате) или в сербских «банях» с их горным воздухом. Эта ревнивая забота о здоровье, в совокупности с крайне умеренным образом жизни и умением полностью отключаться от политических баталий, способствовали тому, что до глубокой старости он сохранил свежесть мысли и потрясающую работоспособность.

Известно, что русские баре, получив приданое, нередко проматывали его вместе с собственным состоянием. Цена богатства не зналась. В бедной же Сербии, где всякий, невзирая на положение, происходил из крестьян с их этикой и традиционной моралью, представить такое было трудно. И действительно, оказавшись в связи со смертью брата в значительных финансовых затруднениях, Никола Пашич был вынужден обратиться к приданому жены. Но как! «Если бы это имущество было моим, — писал он, — я бы и не волновался особо: сам получил, сам и растратил. Но это имущество моей супруги, на которое я не имею прав до той меры, чтобы поставить его под вопрос. Конечно, она меня не укорила и словом, но эти ее внимание и сдержанность были для меня еще горше, поскольку я ощущал себя униженным уже тем, что попал в положение, когда она меня не только кормит и содержит, но и тратит то имущество, которое отец оставил в наследство ей и ее детям»³⁹.

38 Новое время (Белград). 14 декабря 1926 г. № 1689.

39 *Пашич Н.* Моја политичка исповест... С. 140.

В конечном счете, ситуация разрешилась успешно. Пашич устроил свои дела — недвижимое имущество семьи на рубеже веков состояло в собственном особнячке на Театральной улице, еще одном доме на Теразиях и небольшой гостинице «Националь», которые сдавались в аренду. Арендные платежи, вкуче с премьерским жалованьем, составляли основу семейного бюджета. В письмах супруге, часто проводившей время с детьми на море, в Опатии (там находилась дача — часть наследства покойного тестя), постоянно звучит мотив: «Хватает ли вам денег, и не послать ли еще?»⁴⁰. Самому же Пашичу, весьма умеренному в личных потребностях, нужно было совсем немного. «Чистый воротничок, да кусок хлеба», — как говаривал один из героев А. Конан-Дойля. Потому и политику он воспринимал не как бизнес, что стало типичным в XX в., но как единственную страсть и миссию...

Прочная укорененность Николая Пашича в традицию, что ясно просматривается в его взгляде буквально на все — от быта и человеческих отношений до идеологии и политики, рождала вполне понятный консерватизм. Он «очень редко менял однажды приобретенные убеждения и привычки», — заметил хорошо его знавший современник⁴¹. И навсегда (а главное — во всем) остался *человеком XIX века*, завершим мы эту мысль. Показательный пример: до самой кончины наш герой сохранял язык и стиль 70-х годов позапрошлого столетия, практически никак не обогатив его за полвека. Он говорил на архаичном «наречии», густо пересыпая сербские выражения русизмами и галицизмами, давно уже вышедшими из употребления. Время внутри него как будто остановилось.

В ПРАВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО ОБРЕНОВИЧА

Эпоха «первого радикального царства» длилась совсем недолго. А иначе и быть не могло, поскольку придававшая ему легитимность конституция 1888 г., объективно низведя все нерадикальные политические структуры, включая Корону, до положения придатков новой «абсолютной» власти, была обречена. Очередной раунд острейшей внутренней борьбы, сопровождавшейся целой серией государственных переворотов, наглядно подтверждает эту мысль — стремление «оперившегося» к середине 90-х гг. короля Александра Обреновича к личному правлению с трудом уживалось с доктриной «партийного государства» радикалов. Тем более, что за делами молодого венценосца, пока еще в тени, стоял его отец — злейший и опаснейший враг Николая Пашича. В мае 1894 г. конституция была отменена. И в том же году в Белград из-за границы прибыл бывший монарх. Пока ненадолго, но прецедент был создан; страну опять залихорадило.

40 АСАНУ. Заоставштина Николе Пашића. Бр. 11623/5; 11623/15; 11623/22; 11623/23.

41 *Јовановић-Стојимировић М.* Предговор // *Никола П. Пашић* (10 децембар 1926 — 10 децембар 1936). Београд, 1937. С. 22.

Используя ставший вновь актуальным конституционный вопрос и деля вид, что готов к его разрешению, король искусно манипулировал им в стремлении «приручить» лидеров партий при сохранении за собой свободы рук. В таких условиях министерской чехарды и откровенного шантажа складывался фундамент личного режима, символом которого, в конечном итоге, стала так называемая «владановщина» — по имени главы (1897–1900) «внепартийного» правительства Владана Джорджевича. В 1897 г. в Сербию окончательно вернулся Милан Обренович, заняв должность командующего армии. Над радикалами Пашича снова нависла угроза. И она не замедлила стать реальностью.

Когда в 1899 г. было совершено покушение на экс-короля, тот заключил, что пришло время окончательно разделаться с ненавистными радикалами. Лидеры партии, включая председателя, были немедленно арестованы. Несмотря на полную абсурдность обвинений, Пашич имел все шансы живым из тюрьмы не выйти. Его положение было отчаянным. К тому же, арестант и не знал, что с определенного момента его жизнь вне опасности — Россия решительно высказалась против вынесения смертных приговоров радикальным вождям, и официальный Белград не посмел ослушаться.

На суде Пашич «признал», что Радикальная партия якобы вынашивала тайные замыслы против династии Обреновичей, взяв на себя ответственность за подготовку «психологической атмосферы» покушения. Мало того, он обвинил в этом и соратников, сидевших вместе с ним на скамье подсудимых. По сути дела, это был самоговор, и Милан Обренович не мог им не удовольствоваться, полагая, что публичное покаяние Пашича и «сдача» им своих товарищей означают его моральную (коль голову спасла Россия) смерть в глазах как однопартийцев, так и общественного мнения. Получив пять лет каторги, он был немедленно помилован. Его репутация была серьезно «подмочена». Однако Пашич вовсе не собирался складывать оружие. Вместе с тем, он не стремился и торопить события. Бросив весла, он, казалось, просто плыл по течению, проводя время с семьей в Опатии и занимаясь «литературным» трудом.

Пока не подоспел знаменитый Майский переворот 1903 г., в результате которого династия Обреновичей навсегда сошла с исторической сцены... Провидение хранило Милана Обреновича от участи свидетеля трагедии собственного сына; он умер в январе 1901 г. в Вене.

ЕГО ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Новый же король Петр Карагеоргиевич, по-иному, чем Обреновичи, смотревший на сербские национальные приоритеты, был готов для их обеспечения связать судьбу страны с Радикальной партией. Внутренний консенсус, таким образом, был достигнут. В июне 1903 г. скупщина приняла кон-

ституцию, практически повторявшую основные положения «радикального» Устава 1888 г. Монарх обязался уважать конституционный строй и правил в согласии с парламентом все отпущенные Королевству мирные годы.

Вполне естественно, что 1903 г. не мог не стать водоразделом и в международной политике Сербии. Устранив австрофилов Обреновичей и добившись «демократизации» внутреннего порядка, новым властям предстояло «переложить руль» и заняться делами национальными — чем реанимировалась «прадедовская задача сербского освобождения и объединения»⁴², оказавшаяся на время в тени. Ее решение стало основным смыслом всей политической деятельности Радикальной партии и вернувшегося к ее руководству Николы Пашича.

О «смене вех» высказался и сам Пашич в разговоре с влиятельным священником из Ужица, радикальным ветераном Миланом Джуричем вскоре после переворота. «Вот, Никола, мы завершили все дела — завоевали свободу, гарантировали влияние Народной скупшине, посадили на престол короля Петра. А сейчас мы можем отойти в сторону и провести остаток жизни в спокойствии», — подводил итог борьбе с Обреновичами поп Джурич. «Э, нет, — последовал ответ, — все, что мы сделали, само по себе еще ничего не значит. Это только предпосылка для нашего самого главного и грандиозного дела — национального освобождения и объединения. И теперь мы должны целиком посвятить себя ему»⁴³. Такой «поворот» был сделан, а значит — приоритетами в государственной политике становились задачи внешнеполитического, психологического и технического обеспечения сербских национальных амбиций; подготовки страны к маячившим пока в отдалении решающим событиям. А в том, что они грядут, сомнений у Пашича не было никогда.

Важнейшим же внутренним смыслом «поворота» оказался решительный переход к русофильству в политике, что органично корреспондировало с ее новой национальной парадигмой. Еще в далеком 1887 г., в письме соратнику, Пашич расставил все нужные акценты: «Боснию и Герцеговину, а также другие сербские земли в Австро-Венгрии, мы не сможем вернуть самостоятельно, т.е. без помощи России, но Македонию мы в состоянии спасти для Сербии и без военного содействия России»⁴⁴. В конечном итоге, все так и случилось...

Приход к власти в Сербии пророссийски ориентированных элементов не мог не привести к ухудшению ее отношений с Австро-Венгрией, которая крупно обманулась, сделав ставку на лояльность короля Петра, не игравшего

42 *Терзић С.* Јован Ристић и «заветна мисао српска» (1868–1876) // Историјски часопис. Београд, 1987. Књ. XXXIV. С. 281.

43 Цит. по: *Игњџић С.* Народни трибун прота Милан Ђурић. Ужице, 1992. С. 156.

44 Цит. по: *Митровић Ј.* Никола Пашић о основним питањима унутрашње и спољне политике Србије после Сливнице // Историјски гласник. Београд, 1971. Бр. 1. С. 128.

заметной политической роли. И уже в сентябре 1903 г. посланник К.Думба констатировал в одном из донесений, что ситуация в сербско-австрийских отношениях «настолько плоха, насколько это вообще может быть»⁴⁵.

Новые сербские власти пытались эмансипироваться от былой опеки Дунайской монархии двумя путями. С одной стороны, Белград активизировал свои отношения с соседями и, в частности с Болгарией, пойдя на заключение с ней в 1905 г. секретного таможенного союза (что было своеобразным прологом Балканского союза 1912 г.). Это стало для Вены, дотоле практически полностью контролировавшей внешнюю торговлю Сербии, полнейшей неожиданностью. Она приняла меры, пригрозив распространением своего ветеринарного законодательства на сербский скот — основу экспорта страны. То было давней и проверенной практикой; не зря же говорилось: чтобы победить Сербию, «Австрии надобно всего лишь мобилизовать своих ветеринаров». И... угроза возымела действие — в марте 1906 г. правительство Н. Пашича смягчило свою позицию, отодвигая на второй план положения таможенного союза с Болгарией и стимулируя переговоры с Веней о заключении торгового договора. Такую «покладистость» можно объяснить и тем обстоятельством, что именно тогда Россия, потерпев поражение в Японской войне и пребывая в состоянии внутренней смуты, ослабила свое присутствие на Балканах.

Но в этот самый момент новая проблема осложнила австро-сербские отношения. Яблоком раздора явился крупный заказ на артиллерийские орудия, который Белград разместил во Франции, а не (как всегда ранее) в Чехии. Пытаясь удержать Сербию под контролем, Австро-Венгрия оказывала на нее сильнейшее давление с целью обеспечить размещение заказа на собственных заводах, угрожая при негативном ответе закрытием венгеро-сербской границы. Пашич — глава кабинета, инициировавшего вопрос о закупке пушек, — без колебаний ответил отказом, хотя и осознавал, что такое решение грозит стране таможенной войной. Парламентская оппозиция, из опасения закрытия границы, требовала от радикального правительства уступок, но их не последовало. Отдать заказ на вооружение Вене значило для сербского премьера лишь одно — стать ее заложником. И он был оставлен французам... Австро-Венгрия закрыла границу с Сербией. Началась таможенная война, длившаяся вплоть до 1911 г.

Вене, однако, не удалось заставить Белград капитулировать, в чем сказалась его новая внешнеполитическая ориентация. Ведь, привязав «маленький сербский плот (как тогда говорили) к мощному русскому кораблю», Н. Пашич тем самым сумел подтянуть его и к могучей эскадре под названием «Антанта».

С помощью Франции была модернизирована пищевая промышленность — основа экономики страны. Возводились бойни, холодильники, кон-

45 Цит. по: В «пороховом погребе Европы». 1878—1914. М., 2003. С. 375.

сервные заводы. Свой скот сербы начали сбывать не в живом (как раньше в Австро-Венгрии), а в готовом виде. И покупатели нашлись. Сербской тушонкой, к примеру, снабжались британские базы в Египте и на Мальте — даже Германия допустила ее на свой рынок... Соответственно, убытки Сербии оказались во много раз меньше, чем полагали внутренние и внешние оппоненты. Она в значительной степени освободилась от экономической зависимости от Австро-Венгрии, куда теперь вывозила лишь 30% своего экспорта, в отличие от 80—90% в «предвоенные» годы.

Таможенная война была для Сербии тяжелым испытанием, но еще более тяжким стал Боснийский кризис, связанный с аннексией в 1908—1909 гг. Боснии и Герцеговины. Целью ее было стремление Вены укрепить свою гегемонию на Балканах и в восточной Адриатике, а также переориентировать собственное югославянское движение, отдавая себе отчет в том, что Белград становится для него все более притягательным. Аннексия была ускорена и из-за Младотурецкой революции в Стамбуле, которая вернула в силу конституцию 1876 г., — ее действие формально распространялась на территорию всей Империи, включая оккупированную провинцию. Вместе с тем Австро-Венгрия вывела свои гарнизоны из Новипазарского санджака, возвратив его Турции, — так было легче сохранить тампон-зону, разделявшую Сербию и Черногорию.

В Сербии аннексия вызвала мощную волну протестов. Общество всколыхнулось — в стране создавались пункты записи добровольцев, готовых сей же час отправиться в Боснию на защиту «сербского дела». Правительство требовало предоставления Боснии и Герцеговине автономии и раздела Новипазарского санджака между двумя сербскими королевствами. Одновременно оно обратилось к России, вставшей на сторону сербов. Однако, в марте 1909 г., принимая во внимание неготовность России к войне, Германия ультимативно потребовала от нее санкционировать акцию Австро-Венгрии, дав понять, что отрицательный ответ повлечет за собой ее вооруженное вторжение в Сербию, при содействии Берлина. Угроза опять-таки подействовала — Петербург был вынужден отказаться от поддержки Белграда и посоветовать ему признать новый status-quo.

Сербия отступила. Но то отступление было временным. В отблесках последнего триумфа Габсбургов уже являлась тень царя Пирра.

Наглядна позиция Николая Пашича, который во время Боснийского кризиса не входил в правительство. Он выступил за жесткий отпор аннексии, говоря о возможной защите сербских национальных интересов и с оружием в руках. Так, на тайной сессии скупщины 10 октября 1908 г. он открыто высказался за войну с Австро-Венгрией, чем проявил себя как прекрасный психолог. С одной стороны, его решительный «частный» настрой импонировал общественному мнению, оскорбленному в лучших национальных чувствах. С другой, когда чуть позже министр иностранных дел Милован Миловано-

вич с подачи дипломатов Антанты начал задумываться о территориальных компенсациях за аннексию (на что бы Вена, может быть, и пошла) он решительно восстал против любых сделок. «Пусть на теле сербского народа останется живая рана!», — подчеркнул Пашич, желая сохранить высокий национальный тонус сербов для будущего реванша⁴⁶.

Кто знает, возможно, он вспоминал тогда площадь в Париже, где стояли статуи женщин по числу провинций Франции, две из которых, олицетворявшие Лотарингию и Эльзас, были без малого сорок лет укутаны черным крепом — в напоминание французам об отторгнутой части Отечества...

Боснийский кризис имел рубежное значение для балканских стран. Во-первых, он похоронил возможность в принципе близких отношений Белграда и Вены, сделав их окончательно неприятелями. Во-вторых, в условиях дальнейшего ослабления Турции, привлек внимание к Балканам великих держав, стремившихся укрепить свои позиции в отдельных государствах региона, которому придавалась важная роль в стратегических раскладах как Тройственного союза, так и Антанты. И, наконец, исходя из первых двух посылок, подтолкнул балканских политиков к сотрудничеству друг с другом — в целях защиты от Австро-Венгрии, с одной стороны, и освобождения христианских областей Европейской Турции, с другой.

Завязались тайные переговоры, и в октябре 1912 г. Сербия, Греция, Болгария и Черногория, заключив соглашение, объявили войну Турции. Главным стержнем нового Балканского союза был сербо-болгарский союзный договор, подписанный 13 марта, по которому предусматривалось их совместное выступление против турок и последующий раздел Македонии. С другой стороны, в случае нападения на Сербию Австро-Венгрии, болгары обязывались предоставить в помощь Белграду армию в 200 тысяч штыков. Но последнего не случилось, ибо союзники разыграли «Турецкий гамбит».

К началу войны Сербия имела сильную, хорошо и вовремя вооруженную армию, а моральный дух народа был как никогда высок. Многолетний заместитель Н. Пашича по финансам и близкий его друг еще с 70-х гг. XIX в. Лаза Пачу говорил Л.Д. Троцкому, обозревавшему в качестве корреспондента военные коллизии тех лет: «Наши финансы в прекрасном состоянии. Мобилизация обходится нам в миллион динаров ежедневно. Мы сделали значительные запасы золота и спокойно смотрим навстречу завтрашнему дню. На шесть месяцев нас хватит»⁴⁷. Словом, каждый спокойно делал свою работу. И даже конституционный режим, в отличие, скажем, от Болгарии, на время войны не был отменен.

Плоды такой подготовки оказались впечатляющими. Сербские войска выиграли ряд решающих сражений Первой Балканской войны: при Кумано-

46 *Сфорца К.* Никола Пашић и уједињење Југословена... С.116.

47 *Троцкий Л.Д.* Балканы и Балканская война // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С.508.

во, Битоле, Прилепе и т.д. Особенно в них отличились артиллеристы, вооруженные теми самыми орудиями, за которые в свое время «на смерть» бился Никола Пашич. Однако не все оказалось гладко — пробившиеся на побережье и занявшие порты Алесслио и Дураццо (без выхода к морю Сербия просто задыхалась) сербские части были вынуждены их оставить — из-за угрозы Австро-Венгрии, которая объявила частичную мобилизацию. Это привело, по мнению политиков и военных, к необходимости частичного пересмотра договора с Болгарией и, в частности — сохранения за Сербией долины Вардара (занятой сербами, но по договору должной отойти к болгарам), как единственного удобного пути к порту Салоники. Они же, не выполнившие, кстати, ряд положений договора, встретили предложение о ревизии его текста в штыки. При этом сами выдвинули территориальные претензии к грекам — относительно Салоник и юго-восточной Македонии. Напряжение в отношениях между союзниками росло. Надвигалась гроза.

Она и разразилась в ночь на 30 июня 1913 г., когда болгарские войска атаковали сербские позиции на реке Брегалница. Началась Вторая Балканская война. Болгарии в ней, кроме Сербии и Греции, противостояли Румыния и недавно побежденная Турция. Боевые действия закончились быстро. И в результате — София потеряла почти все, что приобрела накануне. Бухарестский мирный договор от 10 августа 1913 г., юридически закрепивший итоги обеих войн, признал за Сербией Вардарскую Македонию и Старую Сербию (нынешние Косово и Метохию)... Таким образом, южный «аспект» сербского национального вопроса, в том виде, как его понимало руководство страны, был решен.

После впечатляющих сербских побед на полях Балканских войн конфликт Вены с Белградом становился *в перспективе* неизбежен. Австро-Венгрия не желала терпеть у своих границ усилившееся Королевство, само существование которого пробуждало у ее югославянских подданных центробежные настроения. Целостность двуединой монархии во многом зависела теперь от того, сможет ли она сломить резко возросшую сербскую силу и нейтрализовать ее влияние. Заручившись поддержкой Германии, Вена ожидала повода для «похода на юг». Сараевский атентат показался ей довольным...⁴⁸

48 Руководство Сербии, которую часто обвиняли и обвиняют в провоцировании мировой войны (из новейших «критиков» см.: Романенко С.А. Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М., 2000. С. 35, 314), рассуждало в ее канун совсем по-другому. Считая столкновение с Веней неизбежным, Пашич тем не менее стремился всячески оттянуть его. «В наших интересах, — говорил он, — чтобы Австро-Венгрия просуществовала еще лет 25–30, дабы мы смогли так “переварить” наши новые территории на юге, что вопрос об их принадлежности уже никем и никогда не мог бы быть поставлен заново» (Никола П. Пашич (10 декабря 1926 — 10 декабря 1936). Београд, 1937. С. 246)... Кроме того после двух войн страна явно нуждалась в мирной передышке. Но таковой она не получила.

С началом войны «югославянский вопрос» был поставлен открыто. В Нишской декларации, зачитанной Пашичем и принятой скупщиной 7 декабря 1914 г., депутаты определили в качестве главной задачи Сербии освобождение и объединение в едином государстве всех сербов, хорватов и словенцев. Вопрос этот имел свою предысторию.

На рубеже XIX–XX вв. представления о «народном единстве» сербов, хорватов и словенцев были достаточно распространены в кругах югославянской интеллигенции. В сербском обществе «югославянская идея» начинает пользоваться популярностью уже после Майского переворота 1903 г. Особый отклик мысль о единстве, согласно которой сербы, хорваты, словенцы объявлялись «тремя племенами одного народа», нашла среди студенческой молодежи и интеллектуалов — их главным рупором стал журнал «Српски Книжевни Гласник» («Сербский литературный вестник»), возглавлявшийся известным литературным критиком и общественным деятелем Йованом Скерличем. Скерлич и его единомышленники, полагая главным критерием любой нации наличие единого языка, рассматривали все населенные югославянами территории на Балканах (несмотря на разделяющие их государственные границы) единым этно-языковым пространством, где обитал единый же «трехименный народ»⁴⁹.

Представители же хорватской и словенской интеллигенции, напротив, считали возможным сплочение югославян под скипетром династии Габсбургов, но при условии дарования им тех же политических прав, какие имели немцы и мадьяры. И в этой связи они требовали замены дуализма австро-венгеро-югославянским триализмом. Немалое их число приветствовало оккупацию, а затем и аннексию Боснии и Герцеговины, видя в том усиление славянского фактора в монархии и пролог ее внутренней перестройки. Что же касается австрийских и венгерских сербов, то многие из них с нескрываемой симпатией смотрели в сторону Белграда.

Вместе с тем, следует особо подчеркнуть, что все разговоры о «югославянском единстве» велись накануне войны в основном в интеллигентской и студенческой среде. В белградских же коридорах власти о нем не было принято говорить вслух. Приоритет отдавался более насущным и жизненным задачам — освоению и обустройству новых территорий на юге и гармонизации отношений с Черногорией в условиях, когда оба независимых сербских королевства наконец-то соприкоснулись своими границами. О том, насколько более важными были для Пашича переговоры о реальном сближении Сербии и Черногории по сравнению с абстрактными лозунгами единства югославян, свидетельствует и российский посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг. Сообщая в начале апреля 1914 г. в МИД о начавшемся диалоге, дипломат отмечал, что «Пашич находил желательным оставить ныне в стороне все заботы о “нео-

49 *Екмешић М.* Стварање Југославије. Београд, 1989. Књ.2. С.670.

свободенных еще сербских братьях и целом югославянстве”, а подумать о мерах, которые на деле скрепили бы узы единокровных народов (сербов и черногорцев. — *А.Ш.*)»⁵⁰.

Итак, очевидно, что даже при наличии определенного югославянского «крена» в общественном мнении (явно усилившегося после побед в Балканских войнах), Пашич в своей реальной политике отдавал предпочтение решению внутрисербских, назовем это так, проблем. Югославянская же перспектива лежала для него далеко за «всербским» горизонтом. И вряд ли вообще предполагал сербский премьер, которому в год начала войны исполнилось 70 лет, что он и современное ему поколение политиков окажутся не только свидетелями, но и активными участниками югославянского объединения. Саму возможность реализации этой идеи он, казалось, добровольно отдавал в руки будущих поколений. Но история распорядилась по-другому...

Как бы там ни было, — с началом войны «югославянский вопрос» был поставлен сербским руководством. Однако, в условиях вооруженного противостояния он оказался в очевидной зависимости от военно-политической конъюнктуры. Можно даже говорить о его использовании в политических целях. Не секрет, что в противоборстве с Австро-Венгрией Пашич рассчитывал на ее югославянских подданных, как на потенциальных союзников. По свидетельству секретаря сербского лидера, декларация о военных целях Белграда приобрела югославянскую «упаковку» лишь после того, как Пашича убедили в том, что «это поможет Сербии в войне, так как вызовет выступление югославянских и иных славянских народов Австро-Венгрии»⁵¹.

Представители самих этих народов не остались в стороне от заявленной позиции властей Сербии. В начале мая 1915 г. в Лондоне был основан Югославянский комитет; который возглавил Анте Трумбич — хорват из Далмации. Опираясь на идею «народного единства» сербов, хорватов и словенцев, члены Комитета высказались за поражение Австро-Венгрии в войне и объединение ее югославянских областей с Сербией в рамках единого государства. Мотивами такого стремления являлись опасность германизации и мадьяризации югославян монархии, а также желание консолидировать внутри него все до того разделенные хорватские и словенские земли.

Агитация Комитета за государственно-политическое единство югославян была поставлена на широкую ногу. Но что же лежало в ее основе, какова была конечная цель единения?.. О том «комитетчики» предпочитали не распространяться в дискуссиях с сербами, но активно рассуждали в сообществе дипломатов Антанты. Так, в Петербурге член Комитета Франо Супило особо отмечал, что слияние хорватов с сербами «должно принять форму, обеспечивающую перевес культурного мирозерцания хорватов над нынешними

50 Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917. (Далее — МОЭИ). Серия III. М.; Л., 1933. Т. 2. С. 220 (Н.Г. Гартвиг — С.Д. Сазонову. Белград, 7 апреля 1914 г.).

51 *Милојевић П.* О људима и чудима. Београд, 1982. С. 42.

стремлениями сербов», подчеркивая «европейский оттенок цивилизации хорватов в противоположность культуре сербской»⁵².

И в других союзных столицах послы Комитета развивали эту же мысль. Дэвид Ллойд Джордж вспоминал, что в меморандуме британского Форин оффис о возможном территориальном переустройстве в Европе (подготовленном осенью 1916 г.) — в части, касающейся будущего югославян Австро-Венгрии, констатировалась: «Цель, которую поставили себе югославы, — это освобождение всех сербов, хорватов и словенцев от власти Австро-Венгрии или другой державы и объединение их в едином государстве. Они желают, однако, свободного и добровольного объединения, а не такого, которое было бы навязано им извне и предполагало подчинение одной части другой. Хорваты и словенцы, без сомнения, восхищаются боевыми успехами Сербии и надеются, что она поможет им освободиться; но, с другой стороны, они считают себя выше сербов по своей культуре и образованности и полагают, что это превосходство обеспечит за ними руководящую роль в будущей конфедерации южных славянских государств...»⁵³.

Итак, мотивы объединительных стремлений хорватской эмиграции вроде ясны — консолидировать все хорватские и словенские земли в рамках единого югославянского государства и обеспечить преобладание в нем «европейского» мировоззрения тех же хорватов и словенцев.

Как видим, между «сербиянцами», с одной стороны, и хорватами и словенцами, с другой, при ясно выраженной воле к единству, с самого начала ощущалось скрытое соперничество по вопросу — кто же будет гегемоном объединения? Это соперничество, имевшее, кстати, весьма глубокие корни, выплеснулось наружу в начале 1916 г., когда Сербия была занята австро-германскими и болгарскими войсками, а ее правительство, король и остатки армии находились в изгнании — на острове Корфу. О резко возросших амбициях хорвато-словенской эмиграции наглядно свидетельствует «Дополнительный меморандум Югославянского комитета», переданный французскому правительству 13 марта 1916 г.

По мысли Комитета, так как оккупированная Сербия и югославянские области Австро-Венгрии сравнивались в своем политико-юридическом статусе («абсолютно все югославянские земли без исключения теперь находятся под властью неприятеля»⁵⁴), то сербское правительство должно потерять свое положение монопольного политического фактора юнионистского движения и единственного выразителя в союзных столицах «общей» воли всех «трех племен одного народа». На практике это означало стремление эмигрантов добиться от стран Антанты признания Югославянского комитета в качестве

52 МОЭИ. Серия III. М.; Л., 1935. Т. 7. Ч. 1. С. 479 (беседа Ф. Супило с К.Н. Гулькевичем 14 марта 1915 г.).

53 *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 1. С. 38, 43–44.

54 Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. Sabrao F. Sisic. Zagreb, 1920. S. 50.

политического органа, равного по значению и весу сербскому правительству. С другой же стороны, перед нами — попытка его лидеров «лишить» Сербию роли Пьемонта, т.е. объединителя югославянских земель (каковая идея, заметим, ранее ими разделялась), и объявить теперь уже Хорватию первым претендентом на роль «собирателя» югославян.

Понятно, что подобные новации хорватских и словенских деятелей не радовали Николу Пашича, который трактовал роль Югославянского комитета совсем по-иному и отнюдь не желал воспринимать эту эмигрантскую организацию (основанную, кстати, на сербские деньги), как единственного представителя австро-венгерских югославян. Полагая «почечительство» над сербами, хорватами и словенцами Дунайской монархии прерогативой руководства Сербии, он попытался низвести Комитет до роли всего лишь одной из его внешнеполитических структур, а потому длительное время воздерживался от каких бы то ни было официальных шагов в сторону А. Трумбича и компании. Только более года спустя, в мае 1917 г., на Корфу, представителями сербского правительства и Югославянского комитета была подписана известная Корфская декларация, в которой стороны однозначно высказались за создание единого государства сербов, хорватов и словенцев. Почему же теперь Пашич пошел на сближение с Комитетом и установил с ним официальные контакты?

Все дело, как представляется, в том, что коренным образом изменились внешние обстоятельства. Речь идет о крахе в марте 1917 г. императорской России — главного союзника Сербии и Пашича. До Февральской революции Пашич, предполагавший, что именно Россия в конце войны сможет поставить перед союзными державами австро-венгерский вопрос во всем его объеме (быть или не быть монархии Габсбургов, а если быть, то в каком виде) и защитит при этом жизненные интересы Сербии, не желал себя связывать какими-то посторонними обязательствами. Но когда Петроград фактически вышел из игры, и «его голос потерял свой вес и значение в решении международных проблем, — как писал премьер принцу-регенту Александру Карагеоргиевичу в августе 1917 г., — стало очевидно, что остальных наших союзников: Францию, Англию, а тем более Италию меньше всего заботят сербские интересы»⁵⁵. Что же сербам оставалось делать в такой ситуации? Только одно — последовать рекомендации генерала Михаила Рашича тому же регенту от 20 марта: «Не следует себя обманывать, Ваше Высочество. Сейчас, когда мы лишились опоры в лице русского императора Николая, нам надо действовать самим»⁵⁶. Вследствие этого, Пашичу пришлось перестраиваться на ходу — в лице Югославянского комитета был найден новый союзник, а совместная Корфская декларация была призвана поставить перед правительствами

55 Дипломатска преписка српске Владе. 1917. Збирка докумената. Крагујевац, б/г. С. 193.

56 Там же. С. 128.

стран Антанты австро-венгский вопрос от имени нового же политическо-го тандема... Кроме того, не явилось ли ее принятие и неким превентивным шагом? Ведь в начале 1917 г. ходили упорные слухи о предстоящей в Сараево коронации императора Карла Габсбурга югославянским королем.

Как бы там ни было, совместное заявление на Корфу стало для Пашича не более, чем следствием изменившейся политической конъюнктуры. Далее него дело не пошло. Он продолжал маневрировать. А потому и не кажется чем-то удивительным его резкий «вираж» в сторону от «согласованной» югославянской позиции в начале 1918 г., когда США и Англия сочли вдруг целесообразным сохранение Австро-Венгрии (выступление Дэвида Ллойд-Джорджа в Палате Общин 5 января и знаменитые «14 пунктов» Вудро Вильсона). Реагируя на этот поворот, Пашич срочно дал команду сербским дипломатам в Лондоне и Вашингтоне поднять вопрос о Боснии и Герцеговине, чтобы обеспечить Сербии хоть что-нибудь в той ситуации.

Югославянские же деятели, полагавшие, что отделение Боснии и Герцеговины от Монархии привело бы к ослаблению в ней славянского элемента и, следовательно, к уменьшению шансов на благоприятный исход в борьбе за автономию югославянских областей в ее рамках, упрекали Пашича за то, что, колебнувшись в сторону «Великой Сербии», он нарушил югославянскую солидарность. Для того же подобная постановка вопроса являлась чистой абстракцией. Отнюдь не ««Великая Сербия» или Югославия» была главной дилеммой, стоявшей тогда перед ним; сохранится (а если да, то в какой форме) или распадется Австро-Венгрия в результате войны — так ее можно озвучить. Причем в глубине души Пашич вряд ли был уверен, что она обязательно развалится. Отсюда и его мгновенная реакция на ход англо-американской дипломатии. Когда же союзники, наконец, утвердились в своем решении «разменять» Австро-Венгрию на несколько «национальных» государств, Пашич вернулся к своему «югославизму». Как видим, его политика была весьма гибкой. Стремясь при любом раскладе обеспечить интересы Сербии и сербского народа, он, в зависимости от изменений международной обстановки, «колебался» от широкой опции до узкой и обратно...

Кстати, должно заметить, что упрекавшие сербского премьера в нарушении так называемой «югославянской солидарности» деятели Лондонского комитета сами были отнюдь не безгрешны. Так, 14, 24 и 30 октября 1918 г. Анте Трумбич, через британскую военную миссию, направил тайные инструкции активисту Югославянского Народного Веча в Вашингтоне дону Нико Гршковичу, где требовал издействовать... интервенцию США, вкупе с последующей оккупацией ими «главных пунктов в Далмации, Истрии, Хорватии и Словении. При этом важно, чтобы ни итальянские, ни сербские войска не были употреблены, чего можно добиться только авторитетом Соединенных Штатов»⁵⁷. Где же здесь «принципы Корфу»?.. Перед нами — все

57 См.: *Leontic Lj. Simpozijске teze (Neka zapazanja iz istorije ujedinjena jugoslovenskih*

те же «игры в прятки» с сербами, подтверждающие тщательно скрытую за «югославянской» ширмой одну из констант в стратегии Комитета: желание до поры до времени их использовать («удачная ставка на Сербию») для дальнейшей реализации «собственных крайне национальных стремлений хорвато-словенской группы», как в свое время подчеркивали русские дипломаты⁵⁸. Но, это к слову.

Финал известен. Вслед за империей Романовых рухнула монархия Габсбургов. Ее югославянские области 1 декабря 1918 г. объединились с Сербией и Черногорией в единое государство — Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев.

ЗАКАТ

В 1919 г., в качестве главы югославянской делегации, Пашич присутствовал на Парижской мирной конференции, где отстаивал интересы нового отечества решительно и талантливо. По словам Д.Ллойд-Джорджа, «Пашич был одной из наиболее красочных фигур конференции, и ни одна страна не могла похвастать более талантливым, более проницательным, более упорным защитником своих притязаний»⁵⁹. В конечном итоге, ему удалось отстоять большинство тех самых притязаний и добиться международного признания объединенного королевства югославян. Это был его звездный час — сербский народ смог, наконец, собраться под одной крышей. Задача всей жизни была выполнена. Ему казалось, навсегда... Но трудности подстергали с другой стороны.

Образование единого югославянского государства, увы, не означало достижения ожидаемой гармонии в отношениях между вошедшими в его состав «тремя племенами одного народа». Будущее устройство только что обретенной общей родины виделось из Белграда, Загреба и Любляны по-разному. В борьбе за конституцию Королевства СХС столкнулись унитаристские устремления одних и федералистский настрой других.

Никола Пашич, до конца жизни остававшийся убежденным государственным деятелем, узрел в требовании федерализации Югославии, что для него было одним из синонимов сепаратизма (каковой также имел место), открытую угрозу государственному единству. В таких условиях, по словам биографа, «он стал консервативным, а иногда, как в 1921 г., и самым консервативным его охранителем»⁶⁰.

paroda) // Југословенски народи пред први светски рат. Београд, 1967. С.494.

58 «Главнейшие задачи юго-славян». Донесение российского консула в Питтсбурге Г.В. Чиркова в посольство России в Вашингтоне. 1916 г. (Публикация А.Л. Шемьякина) // Исторический архив. 1994. № 3. С.113.

59 Ллойд-Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 2. С. 44.

60 Казимировић В. Никола Пашић и његово доба. 1845–1926. Београд, 1990. Т. 1. С. 10.

28 июня 1921 г. Учредительное Собрание приняло Видовданскую конституцию, юридически закрепившую централизованное устройство Королевства СХС с сербской династией Карагеоргиевичей во главе. Принятие Основного Закона, несмотря на то, что хорватские и словенские депутаты проголосовали против, Пашич, наверное, мог внести в реестр своих тактических побед. Однако главная его ошибка заключалась в том, что он воспринимал хорватскую оппозицию — наиболее мощную и активную, как обычную парламентскую фронду, которую возможно победить фракционными комбинациями и рутинной голосований. Оппозиция же хорватских политиков унитаризму (прибегавших нередко к открыто антигосударственным призывам) отражала движение целого народа, против чего обычная парламентская тактика, как правило, не помогает.

Сама жизнь, таким образом, наносила удар по «трехименной» теории.

По С. Йовановичу, «Королевству СХС был необходим или пророк югославизма, который мог бы зажечь своим воодушевлением и верой как сербов, так и хорватов, или конструктивный политик, который смог бы примирить сербо-хорватские противоречия в рамках какого-то государственно-правового компромиса. Пашич же не был ни тем, ни другим»⁶¹. Точно. Он оставался традиционным человеком XIX века...

История любит парадоксы. В случае с Николой Пашичем он заключался в том, что унитарист и жесткий защитник государственного единства по-прежнему оставался заядлым конституционалистом. И это не могло не привести его к столкновению с королем Александром Карагеоргиевичем, чьи авторитарные замашки становились все более откровенными. В год своей кончины Пашич — этот «последний из могикан», которому уже перевалило за восемьдесят, говорил о необходимости создания широкой коалиции различных партий для отпора надвигающемуся режиму личной власти. Как и в свои ранние годы, он был готов бороться против самовластия монарха, отстаивая конституцию и прерогативы народного представительства.

Однако, борьбе так и не суждено было начаться. 10 декабря 1926 г., в возрасте 82 лет, Никола Пашич скончался. По словам Йована Дучича, «когда разнесся слух, что Пашича нет в живых, вся страна почувствовала, что теперь все пойдет наперекосяк. И не обманулась. Приближался хаос»⁶². Отбросив преувеличения, свойственные натурам творческим, заметим, что автор данной сентенции знал, о чем говорил. И не он один — «Со смертью Николы умерло и счастье...»⁶³.

61 *Йовановић С.* Никола Пашић... С. 281.

62 *Дучић Ј.* Личност Николе Пашића // *Дучић Ј.* Сабрана дела. Сарајево, 1969. Књ. 6 (Стазе поред пута). С. 198.

63 Цит. по: *Зундхаузен Х.* Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2009. С. 288.

ХОРВАТСКИЙ «АПОСТОЛ» СТЕПАН РАДИЧ

В Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1920-е гг. лидеры крупнейших партий (таких как Народная радикальная, Словенская народная, Хорватская республиканская крестьянская, Самостоятельная демократическая партии и т.д.) не столько считали себя руководителями политических организаций, сколько претендовали на роль единоличных представителей интересов того или иного народа. В этом отношении абсолютное первенство принадлежало Степану Радичу¹ — главе основанной в 1904 г. Хорватской народной крестьянской партии (ХНКП), переименованной в 1920 г. в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП), а в 1925 г. — в Хорватскую крестьянскую партию (ХКП). Сравниться с Радичем не могли даже лидер сербских радикалов Никола Пашич и король Александр Карагеоргиевич, имевшие в лице друг друга сильного конкурента. Отнюдь не выглядят преувеличением слова Г.В. Чичерина, передающие самооценку С. Радича: «По его схеме, хорваты — это его партия («хорватское народное представительство»), а его партия — это, в сущности, он»².

Радичевское высказывание, достойное «короля-солнце», относится к июлю 1924 г. и служит ничем иным, как констатацией реального положения вещей — на тот момент ХРКП была единственным политическим представителем хорватского народа, или «хорватской части триединого народа сербов-хорватов-словенцев», как сказали бы национальные унитаристы того времени. Успех Радича выглядит особенно впечатляющим, учитывая, что «до 1918 г. мало кто принимал Степана Радича всерьез. Он был депутатом Сабора, но говорил от имени сословия, по большому счету лишенного права голоса»³. Только в 1920 г., когда в новом государстве было

-
- 1 Родился в 1871 г. в Хорватии в многодетной крестьянской семье. После окончания гимназии был студентом нескольких европейских университетов, в том числе Пражского и Московского. В 1899 г. получил диплом парижской «Свободной школы политических наук».
 - 2 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала-середины 1920-х годов. Часть 2 (июнь 1924 г. — декабрь 1926 г.). (Отв. ред. Р.П. Гришина) М., 2003. С. 48.
 - 3 «Высокий образовательный и имущественный ценз лишал крестьян возможности участвовать в выборах депутатов хорватского сабора — высшего органа автономной власти в Хорватии. Достаточно сказать, что из 2,6 миллиона человек, составлявших население Хорватии в начале века, избирательным правом пользовались лишь 190 тысяч... На выборах в сабор Хорватская крестьянская партия... всегда выглядела более чем скромно. Ее электорат насчитывал порядка 15–17 тысяч человек, а количество завоеванных мандатов составляло в разные годы от 2 до 9 (из 88 депутатских мест)». (Городнянский А.В. Степан

провозглашено всеобщее право голоса для мужчин, радичевское влияние на массы стало явным»⁴. Настолько явным, что на югославской политической сцене не осталось места другим партиям, которые бы носили атрибут «хорватский».

Монополия ХРКП на хорватский электорат свидетельствовала, по мнению уже процитированного нами американско-хорватского автора Иво Банца, о «завершении процесса хорватской национальной консолидации». «Благодаря деятельности партии Радича, — продолжает автор, — хорватская национальная идеология охватила и самые отдаленные деревни, все селения, где живут хорваты». Мнение апологета ХРКП разделяет и более критично настроенный белградский профессор Джордже Станкович. Заслужив Радича он называет «окончательное формулирование хорватской национальной программы в Югославии» и «тотальную гомогенизацию хорватского народа»⁵. Единодушие двух видных исследователей, столь различных меж собой, побуждает нас принять на веру их оценку лидера ХРКП. Однако в некоторое замешательство читателя приводит естественно встающий вопрос: каковы же были основы «национальной программы» Радича, которого при жизни нельзя было упрекнуть в идейной и моральной стойкости. Без преувеличения, за время политической деятельности он отрекался от всего и предавал всех. Перечисление всех этапов идеологической «эволюции» Радича представляло бы весьма утомительное чтение. Дадим слово его современникам. Интересно, что и они, невзирая на свою «разношерстность», выступают в оценке лидера ХРКП на удивление согласно.

Бывший австро-венгерский наместник в Боснии генерал Степан Саркотич, после мировой войны один из лидеров прогабсбургской хорватской эмиграции, за беспринципность назвал С. Радича «ненормальным человеком» (курсив мой — А.С.)⁶. «Я не могу считать нормальным человека, который из апологета Марии Терезии, Франца Иосифа, одним словом, обожателя Габсбургов, превратился в габсбургоненавистника и поклонника династии Карагеоргиевичей... Нормальным не может быть человек, который присвоил чистейшую программу Анте Старчевича, смешал ее с несколькими каплями социалистического масла и выдает теперь за свою собственную. Потом он клянется на могиле Старчевича. Там и везде на митингах произносит ультрахорватские речи о «Святой Хорватии», а на следующий день от всего отрекается, включая «Святую Хорватию», и все это кладет как жертву на алтарь великосербства... Такая постоянная перемена

Радич (1871–1928) // Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы. М., 1993. С. 198.)

4 Vanac I. Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb, 1995. S. 184.

5 Станковић Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 322.

6 Цит. по: Казимировић В. Србија и Југославија: 1914–1945. Књ. 2. Крагујевац, 1995. С. 507

мнения и позиции без сомнения ненормальна... Переход от монархизма через республиканизм к советизму, а от советизма через республиканизм к монархизму за столь короткое время показывает, что мы имеем дело с каким-то редким ненормальным клоуном... Эта моральная и душевная ненормальность, которую, несомненно, констатировали бы психиатры, и есть единственная причина бесчинств и злодеяний, совершенных Радичем по отношению к собственному народу»⁷.

Солидарно с реваншистом-монархистом Саркотичем выступает и его политический антипод Войислав Маринкович — представитель сербского истеблишмента, деятель Демократической партии: «По-видимому, нашему государству суждено бороться с сумасшедшими. Не успели еще избавиться от Д'Анунцио⁸ в Риеке, а в Загребе уже появился Степан Радич»⁹.

Призыв «Остановите безумие» подхватывает и лидер социал-демократов хорват Витомир Корач: «Во многих отношениях Стипа Радич напоминает тех патологических типов, которые, благодаря стечению обстоятельств, играли большую роль в хорватской политике. Он не только похож на них, но и сам классический представитель такого рода людей. Это была бы очень благодарная тема, если бы какой-нибудь специалист по душевным болезням обратил внимание на столь классический пример политической патологии... Мы все, занимавшиеся в Хорватии политикой и знающие Стипу Радича, дошли до твердого убеждения... что он совершенно *ненормальный человек*. Но в политике приходится считаться со всеми обстоятельствами — и с ненормальными, и с *патологическими типами*. Только нужно открыто об этом говорить, чтобы и широкие массы знали, о чем речь»¹⁰.

К мнению «широких масс» апеллировала белградская газета «Политика», назвавшая Радича «впавшим в детство дураком», «шарлатаном» и «*патологическим типом*, за которым стоит сегодня весь хорватский народ»¹¹. Солидарно с сербскими коллегами выступал Иван Херцог, выпустивший в загребской «Новой Европе» статью «*Патологическая политика*»¹². Большого алкоголизмом Радича автор квалифицирует как «винного политика», «чьи принципы — пустые фразы, которыми он скрашивает свои тосты».

«Достоверно известно, что в последнее время он был абсолютно не-

7 Цит. по: *Radić S. Politički spisi*. Zagreb, 1971. S. 442

8 В 1919 г. группа итальянских авантюристов во главе с известным писателем Габриеле Д'Анунцио захватили адриатический порт Риеку (Фиуме), на который наряду с Королевством СХС претендовала Италия.

9 Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее — АСАНУ). Заоставштина Воје Маринковића. Бр. 14439/283.

10 Архив Југославије (далее — АЈ). Ф. 305 (Ђура Поповић). Фасцикла 40.

11 Дете или Будала? Шарлатан или лудак? // Политика. 17 април 1923.

12 *Hercog I. Patološka politika (Politički pregled)* // Nova Европа (далее — NE). Knjiga III. Broj 10. 11 novembar 1921. S. 315.

способен что-либо воспринимать, если не вливал в себя привычный объем — 3 литра вина. Естественно, это оказывало сильное влияние на его психическое состояние. Вследствие этого более или менее постоянного *патологического* состояния... Радич не мог находиться в уравновешенном расположении духа... а также следовать правильному систематическому ходу мысли. Наоборот, в этом психопатологическом состоянии с ним постоянно случались эксцессы. Он кидался из одной крайности в другую... Это яснее всего видно на примере его выступлений, в которых он все время перескакивает с одного предмета на другой. Поэтому они часто выглядят бессмысленными и неразумными¹³. Данные слова принадлежат перу Михаила Банковича, который в 1928 г. откликнулся на обращение Саркотича и Корача, выпустив в Вене «Stjepan Radi — Eine Psychoanalytische Studie». Идеологические «скачки» председателя ХРКП, «ярко выраженного истерика, который войдет в анналы психопатологии», Банкович объяснял присущей тому «моральной невменяемостью» и «психической анархией». Последняя «лучше всего проявляется в его так называемой политической деятельности. В 1898 г. он предстал перед нами как самый убежденный сторонник идеи объединения сербов и хорватов под лозунгом «сербы и хорваты — один народ, братья». Несколько лет спустя, выжав из этого лозунга всю возможную пользу, он не только отказался от этого объединения, но стал главным его противником. Всю свою враждебность он концентрирует в неопишемую ненависть по отношению к Сербии и сербам. В 1914 г. он обвиняет их в убийстве Франца Фердинанда, называет сербов прямыми виновниками той «заранее подготавливаемой войны». При этом он был верноподданнейший восхвалитель императора Франца Иосифа и всей династии Габсбургов... В новом государстве из убежденного монархиста Радич превратился в яростного республиканца... В 1924 г. мы видим Радича на пути в Москву, где он ведет себя, как самый главный коммунист. Но на следующий день 14 июля 1925 г. он опять превращается в первейшего монархиста, высказывает одобрение всему, против чего боролся... Как только его положение укрепилось, Радич продемонстрировал, что остался верен своим старым разрушительным принципам... Радич подписывает договор с Италией, Венгрией и Россией, заключает соглашения с разными партиями внутри Югославии, но всех их обманывает, всех до одного... Он берет на себя обязательства, но не выполняет ни единого, оправдываясь удобной формулой, которую он озвучил на заседании Лиги Наций в Женеве в 1925 г.: «До сегодняшнего дня я был безумен, но в любом безумии есть свой предел»¹⁴.

* * *

Необходимость придерживаться источниковедческой методологии

13 Цит. по. *Станковић Ђ*. Изазов нове историје. Београд, 1992. С. 163–178.

14 Там же.

требует от нас осмотрительного, если не сказать скептического, отношения к тому, что выглядит как наветы врагов и завистников. Однако наш подход к вышеприведенным мнениям не может быть столь однозначным. С одной стороны, отвести их полностью мешает то обстоятельство, что уж слишком широк и неоднороден круг радичевских недоброжелателей. К тому же эскапады Радича, особенно на европейской арене, вызывали неприятие и в его ближнем кругу. Так, в июле 1924 г. жена Радича Мария жаловалась школьному другу мужа, что тот «весь переменялся», и что «когда-нибудь все здание (партия Радича) рухнет... Вступление Радича в московский Крестьянский интернационал противоречит всему, что он говорил ей..., и она боится, что этот его шаг, — результат того болезненного состояния, в котором он находится... что его сумасшествие скоро станет явным»¹⁵.

С другой стороны, в процитированных характеристиках нельзя не разглядеть стремления дискредитировать Радича. Многим современникам лидера ХРКП, особенно хорватам, трудно было признать в этом, по словам Керубина Шегвича, «вожде озлобленных, ослеплённых и пьяных» нового и единственного хорватского «апостола». Найти выход из наметившегося логического затруднения не составит труда, если предположить, что критики Радича не столько ошибались в своем суждении о нем, сколько имели слишком комплиментарное представление о тех, кто за него голосовал. Нам с высоты исторического опыта известно, что в межвоенный период в Европе черты «ненормальности» и «патологии» можно обнаружить равно как у лидеров народных (национальных) движений, так и у самих народов.

Наше предположение снимает мнимое противоречие между точкой зрения Банаца-Станковича и оценками политиков 1920-х гг. Именно те черты Радича, которые некоторыми современниками воспринимались как слабости ненормального человека, в политической практике были его сильными сторонами. Они позволяли лидеру ХРКП соответствовать послевоенным настроениям хорватского крестьянства, которое Радич, по собственному признанию, «никуда не вел,... а только верно и честно интерпретировал»¹⁶. Общий принцип этой «интерпретации» всегда оставался неизменным, как не менялись и некоторые основные лозунги, соответствовавшие константным настроениям хорватских масс. Что же касается отсутствия идеологической устойчивости, то в начале XX века, когда события происходили стремительно и непредсказуемо, она могла только уменьшить достоверность пресловутой «интерпретации». Как писал Йосип Хорват, «Степану Радичу была чужда любая политическая догма, ... обладая способностью предугадывать ход событий, он всегда руководство-

15 А.Л. Ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо). Хартије двора. Фасцикла 21.

16 Цит. по: *Banas I. Op. cit. S. 188.*

вался тем, как в дальнейшем сложатся обстоятельства... Для него самой важной догмой было прислушиваться к пульсу крестьянского мира, подстраивать под его ритм концепцию и тактику своей политики. Это было единственной постоянной в его политической активности...»¹⁷.

* * *

В конце второго десятилетия XX века Радич в «кардиограмме» крестьянского мира прочитал явное раздражение от послевоенного национально-территориального переустройства. Прибегнем еще раз к свидетельству Й. Хорвата: «Радич увидел, что югославянство как политическое понятие абсолютно чуждо хорватскому крестьянству. Ему также отвратительна и жесткая государственно-правовая политика. Но он знал, что если югославянство не понятно крестьянству, то в его душе вызывают резонанс хорватские националистические лозунги. Это он принимал в расчет, выстраивая свою тактику». С хорватским публицистом согласны и другие современники:

По словам Анте Трумбича, «Радич хорошо разгадал душу хорватского крестьянина, вернувшегося домой после четырехлетних страданий за чужие интересы, полного разочарований, злобы и бешенства оттого, что свою страну обнаружил под сербской оккупацией»¹⁸.

Проще говоря, апеллируя к хорватскому плебсу, лидер ХРКП ориентировался на его сербофобские настроения, или, как писала «Арбайтер Цайтунг» от 18 июля 1921 г., на «стремление католических малоземельных крестьян стать независимыми от безбожных и некультурных сербов»¹⁹.

«Сербофобия это такой капитал,... такая валюта, которая имеет хороший курс в масштабах отдельной территории... Сегодня она в кармане у Радича», — говорил А. Корошец в Уставотворной скупшине²⁰.

Следует отметить, что антисербская риторика составляла основу пропаганды основанной в 1904 г. радичевской партии и в австро-венгерский, и в югославский периоды ее активности. Так после опубликования осенью 1902 г. в газете «Србобран» известной статьи Н. Стояновича «Сербы и Хорваты»²¹ Радич произнес следующую тираду: «Нечего жаловаться на

17 *Horvat J. Živjeti u Hrvatskoj 1900–1941 (zapisci iz nepovrata)*. Zagreb, 1984. S. 143.

18 Цит. по: *Казимировић В.* Указ. соч. С. 501

19 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 33. Д. 580. Л. 48.

20 Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XV редовни састанак. С. 18; См. также: *Petranović B., Zečević M. Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata*. Tom I. 1914–1943. Beograd, 1987. S. 142.

21 В статье говорилось, что хорваты не могут считаться отдельным народом, а являются «авангардом чуждых сил, в то время как сербы — сторонники принципа: «Балканы балканским народам». Хорватам автор сулил «войну на уничтожение — вас или нас».

судьбу, как мы делали раньше, а в то же время своими руками поддерживали элемент, который поступил с нами хуже, чем любой другой враждебный народ. Мы должны постараться ослабить этот элемент. Чем он будет сильней, тем для нас опасней. ...или мы так низко пали, что нам действительно нет дела до нашей национальной гордости, или мы сумасшедшие, что греем на груди змею, которая готовится впрыснуть яд в нашу кровь...»²².

В Королевстве СХС своим сторонникам, врагам в Белграде и международной общественности историю сербскохорватских взаимоотношений последних лет Радич излагал, шулерски транспонируя представления об эпическом прошлом Европы на современное положение Хорватии. Судя по тому, что, по словам Радича, «хорватский народ получил литературное образование от Италии и Франции»²³, лидер ХРКП опирался на «Песнь о Роланде», который погиб от рук сарацин в Ронсевальском ущелье, прикрывая отступающую армию франков. Вот и хорватам — «народу европейской культуры» — судьба предназначила быть «европейским арьергардом или последним отрядом европейского фронта против Балкан».

Пред войском Карл Великий гордо скачет.

«Бароны, — вопрошает император, —

Тесны ущелья здесь и круты скалы.

Кого бы нам оставить в арьергарде?».

Граф Ганелон ему в ответ: «Роланда.

Мой пасынок — храбрейший из вассалов»²⁴.

Вообще-то, в лучшие времена хорваты исполняли роль «авангарда Запада», одним из завоеваний которого была «реконкиста» Боснии. «В географическом отношении Босния это Балканы. Но мы ее дебалканизировали. Она больше не на Балканах»²⁵. По другую сторону «фронта» находились «сербиянцы» — представители варварской «восточно-византийской», «византийско-азиатской», «турецко-азиатской культуры»²⁶.

Марсилией-нехристь там царит всевластно,

Чтит Магомета, Аполлона славит...

«Язычники» Александр Карагеоргиевич и Никола Пашич суть наследники русского «довоенного царистского режима, самого бессовестного, насильнического и лицемерного во всем свете. При этом режиме правосудие в Хорватии подчинено жандармам, а вся администрация — шпи-

22 Radić S. Op. cit. S. 235–239.

23 А.А. Ф. 305 (Ђура Поповић). Фасцикла 40; см. также: Čulinović F. Jugoslavija između dva rata. I. Zagreb, 1961. S. 373.

24 Песнь о Роланде. // Европейский эпос античности и средних веков. М., 1984. С. 496.

25 Цит. по: Horvat J. Politička povijest Hrvatske. 1918–1929. Zagreb, 1938. S. 348.

26 Цит. по: Mužić I. Stjepan Radić u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Ljubljana, 1987. S. 256–263.

онам». «Сегодняшние сербские правители — тираны и убийцы, которые истребляют все несербские народы и национальные группы»²⁷.

Араб Абим пред войском первый мчится.

На свете нет коварней сарацина.

Злодейств немало свершено им в жизни.

Не чтит он сына пресвятой Марии.

Угля и сажи он чернее видом.

Милей ему измена и убийство

Всех кладов и сокровищ галисийских

В Первую мировую войну, которую, убив эрцгерцога Фердинанда, развязали сербы, «европейский арьергард», как известно, проиграл. «Хорватия, которая никогда не находилась под властью турок и всегда была совершенно европейской страной, более или менее независимой, содрогается от ужаса..., глядя на то, как каждый день исчезает святое наследие прошлого... Сербские политики,... очарованные идеей сильного государства, которое поглощает и отечество, и церковь, и нацию, государства, которое уничтожает вокруг себя все неправославное и несербское, проводят в Хорватии антинародную политику,... главной и очевидной целью которой является простое и полное уничтожение этнического народа Хорватии»²⁸, «уничтожение хорватской экономики и культуры». «Палач и жертва не одно и то же. Никогда в наших рядах не найдется тот, кто скажет, что мы и сербы один народ»²⁹. «Сербия для хорватов это Сибирия». «Если мы говорим о том, что нас разделяет с Белградом, то это не стена, не пропасть. Это один мир, а это другой. Там мир деспотии, а здесь мир республики»³⁰.

Самостоятельно сербы, разумеется, не смогли бы одолеть хорватов. «История не знает ни одного примера, чтобы хорваты бежали от сербов... есть примеры обратного. Они нас обвиняют: «Вы были в союзе с немцами и венграми...». Но вы были в союзе с французами и с неграми. У нас союзниками были только европейцы... То, что говорят сербы, не имеет смысла, так как Антанта, борясь... за достижение значительной цели — права народа на самоопределение, совершила ошибку, на которую только история укажет,... привела негров на Рейн. Это значит, может быть, доживем до тех дней, когда белые должны будут покинуть Африку»³¹.

Эмир спешит объехать ратный строй...

Нубийцев, русов в третий полк он свел.

Боруссов и славян — в четвертый полк.

Сорабы, сербы — пятый полк его.

27 А.И. Ф. 305 (Ђура Поповић). Фасцикле 40, 67.

28 Цит. по: *Horvat J. Politička povijest Hrvatske. 1918–1929. S. 282.*

29 *Ibid. S. 321.*

30 Цит. по: *Mužić I. Op.cit. S. 126.*

31 *Radić S. Op. cit. S. 431.*

*Берут армян и мавров в полк шестой,
Иерихонских жителей в седьмой.
Из черных негров состоит восьмой.*

Вся эта орда не победила в «равном» бою. Ударом в спину Хорватии стала междоусобная рознь западноевропейских государств. «Никогда Европа не была так глупа, как сегодня... Франция образована, но не мудра. Иначе не стала бы биться в Руре... Надо сказать Европе: «Хватит безумствовать. Загреб это европейская столица»³². «Мы как народ не можем допустить, чтобы Версальский договор нам что-либо навязывал».

*Вас предал ваш защитник и оплот:
Зря бросил вас в горах глупец-король.
Падет на вашу Францию позор,
А Карл простится с правою рукой.*

О том, какое значение придавал Радич антисербскому характеру собственной популистской деятельности, дает представление донесение агента премьер-министра Николы Пашича, вошедшего в доверие к руководству ХРКП в качестве представителя македонской сепаратистской организации ВМРО: «Господин Радич рассказал мне историю основания партии и потом перешел к настоящему времени, то есть с 1918 г. Тут он долго обосновывал... бойкот сербов хорватским племенем. Сербы в его словах представляли разбойниками и людьми некультурными... Господин Радич утверждает, что действуя таким образом, ему удалось собрать вокруг себя всех хорватов, включая даже лучших представителей интеллигенции»³³.

Этот впечатляющий политический успех был достигнут ХРКП уже на первых выборах в Конституционное собрание. Именно тогда хорватские избиратели отказали в поддержке политикам, принявшим участие в создании Королевства СХС с хорватской стороны³⁴. В 1923 г. один из идеологов ХРКП Рудольф Херцег вспоминал: «Это были судьбоносные дни. Решался вопрос, хочет ли хорватский народ передать полномочия Радичу, или тем своим *господам* (курсив мой — А.С.), которые... решили вручить власть над Хорватией Белграду. Хорватский народ должен был высказаться или за свое самоопределение, или добровольно отдаться в рабство господам»³⁵.

Помимо последних, антисербская пропаганда ХРКП позволила опередить в борьбе за народные симпатии и коммунистов. Те проповедовали чуждые хорватской черни идеи руководящей роли пролетариата и интернациональной «солидарности трудящихся». В отличие от Радича

32 Цит. по: *Horvat J. Politička povijest Hrvatske*. II. Zagreb, 1990. S. 258.

33 А.Л. Ф. 143 (Никола Пашић). Фасцикла 1.

34 К таковым следует отнести Хорватское объединение, А. Трумбича и др.

35 *Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj*. Zagreb, 1923. S. 33.

коммунисты не видели, «что война... несет идею национализма. Радич ее воспринял и, таким образом, укрепил хорватский национализм, который был лучшим щитом от всякого интернационализма»³⁶. Душан Иванчевич писал: «Хорватская республика» рождается из ненависти к сербам. Поэтому хорватские массы, которые сначала принимают коммунизм, затем стремительно обращаются к Радичу, который гораздо больше, чем коммунисты, соответствует их антигосударственным и антисербским настроениям. Коммунисты, хотя бы, были против сепаратизма, племенных и религиозных разногласий»³⁷.

* * *

Следует отметить, что Радич не был единственным антисербски настроенным хорватским политиком. Но именно он завоевал право говорить от имени крестьянских масс. Партия оправдала свое название — *Hrvatska Pučka Seljačka Stranka* (Хорватская народная крестьянская партия). При этом слово «*ruk*» следует переводить на русский как «люди», «толпа», «плебс». Последовательная самоидентификация организации как «крестьянской» позволила, в конце концов, стать ей, по общему признанию, «хорватской народной» «Для нас крестьянство не класс, а народ; господа буржуа — это класс притеснителей; рабочие — это класс притесняемых; крестьянство — это народ мучеников»³⁸, — писал в 1924 г. Радич в Москву «товарищам Домбалу и Красному». Возможно предположить заочное согласие Радича с другим специалистом по корреляции классовых и национальных процессов — И.В. Сталиным, заявившим в марте 1925 г. на Югославской комиссии 5-го пленума Исполкома Коминтерна, что «национальный вопрос... по сути дела крестьянский. Не аграрный, а крестьянский, ибо эти две вещи разные. Совершенно верно, что национальный вопрос нельзя отождествлять с крестьянским, ибо кроме вопросов крестьянских, национальный вопрос включает в себя еще вопросы национальной культуры, национальной государственности и проч. Но, несомненно, также и то, что основу национального вопроса, его внутреннюю суть все же составляет вопрос крестьянский. Этим именно и объясняется, что крестьянство представляет основную армию национального движения... Это именно и имеют ввиду, когда говорят, что национальный вопрос есть по сути дела вопрос крестьянский»³⁹.

Сербофобия объединяла Радича с конкурентами — «поповской» Хор-

36 *Horvat J. Politička povijest Hrvatske*. II. S. 143.

37 *Иванчевич Д. Г. Стјепан Радич и његова «Миротворна република»* // Српски књижевни гласник. Нова серија. Књ. 10. Бр. 8. 16 децембар 1923. С. 604.

38 РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 19.

39 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала-середины 1920-х гг. Часть 2... С. 408.

ватской народной партией, «господской» прогабсбургской Хорватской партией права (франковцами). А выгодно отличало не только крестьянское самоназвание ХРКП, но и способность «артикулировать» весь широкий спектр «гнева и разочарований»⁴⁰ наиболее многочисленной части «третьего сословия». После распада Австро-Венгрии возросший национализм не был единственной особенностью масс. Широкое распространение получили антимилитаристские, анархические, антиклерикальные, антиурбанистические настроения.

«Массами овладела мораль проигравших, — рассказывал в 1925 г. в приватной беседе Радич, — с одной стороны — габсбурговщина. С другой — большевизм. Тут нужен был сильный «шлягер». За республиканизм мы ухватились из-за Вильсона, Америки, Германии, Австрии и Венгрии... Только с республиканизмом в этих краях мы могли одолеть габсбурговщину и остановить распространение большевизма...»⁴¹.

«Психологическое состояние масс, — вспоминал Витомир Корач, — было опасным. Измученные и истерзанные тяжелой войной, они по своей наивности надеялись на немедленные перемены к лучшему сразу по ее окончании. Но тяготы войны продолжались и дальше. Из России возвращались пленные солдаты бывшей австро-венгерской армии, проповедовавшие «зарю с востока»... Глухой ропот масс слышался со всех сторон... Массами овладел психоз. И тогда появляются разные «спасители», которые обещают спасение в 24 часа, если только пойти за ними»⁴².

«Пред народом мы появились с республиканским «шлягером», — продолжал Радич — потому что это выглядело чем-то новым, неизвестным и казалось великим. Другого «шлягера», впрочем, у нас в то время не было»⁴³.

«Шлягер» назывался «Государственное устройство или Конституция нейтральной крестьянской республики Хорватия», в которой «следовало владеть и править по человеческой справедливости»⁴⁴. Эта «земля обетованная» кардинально отличалась от прежнего «ига фараонова»: «Судя по опыту предвоенных лет и войны, для крестьян монархия это организация власти сверху вниз. Когда император объявил войну, он позвал министров, министры — великих жупанов... а эти весь народ: «Пушкай идет и бьется... И весь народ должен был слушаться». Новое государство должно было превратиться в «культурно-хозяйственную организацию. Власть в

40 *Rothschild J. East Central Europe Between the Two World Wars. Seattle & London, 1974. P. 212.*

41 А.А. Ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо). Хартје двора. Фасцикла 6; См. также: *Krizman B. Dva pisma T. Schlegela o razgovorima sa Stjepanom Radićem u zatvoru 1925. godine // Časopis za suvremenu povijest. 1974. № 2. S. 136.*

42 А.А. Ф. 305 (Ђура Поповић). Фасцикла 40.

43 А.А. Ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо). Хартје двора. Фасцикла 6.

44 *Herceg R. Op. cit. S. 34.*

нем осуществляется снизу вверх. Решения принимает народ, а чиновники не приказывают, а исполняют народную волю... В монархии (да и в такой республике, где буржуи правят сверху вниз) принимаемые сабором законы вступают в силу, когда их подписывает царь, король или президент господской республики. В республике крестьянской... законы имеют силу... когда большинство народа общим голосованием выскажется за их действие».

Как все утопические проекты, «конституция» рисовала идеальное государство, по определению сербского историка Горана Милорадовича, «настолько хорошо устроенное, что оно раз и навсегда освобождает людей от бед, которые испокон веков приносил им исторический процесс»⁴⁵. И как все утопии, реализуемые в межвоенный период XX века, радичевский «шлягер» указывал врагов «человеческой справедливости и морального гуманизма». «Хуже, чем с тягловым скотом, — писал лидер ХРКП, — обращались разнообразные официальные и неофициальные господа с нашим крестьянином — настоящим рабом государства...»⁴⁶; «Крестьянство в течение тысячелетий давало всем и каждому, и за это принимало... только удары и признание (так в оригинале — *A.C.*) или только... сладковатое господское сожаление и протекцию...»⁴⁷.

После этого, напомним, «господа» отправили «народ» на войну и, проиграв её, «решили вручить власть над Хорватией Белграду» — «по дешевке продали хорватский народ Сербии»⁴⁸. То, как должна была выглядеть картина «продажи-предательства», Радич в 1923 г. живописал, передавая слова сербского радикала Любы Йовановича, якобы сказанные лидеру ХРКП в доверительной обстановке: «Мы, сербиянцы, не виноваты перед вами. Мы знали, что в Хорватии живет хорватский народ, который не отрекался от своего имени, своего духа, своего прошлого и будущего. Но приехал ваш Трумбич, ваш Дринкович, приехали Смодлаки, приехал Томленович. И они сказали: «Мы, хорваты, хотим быть югославами, хотим быть вашими, а не своими»... Так мы и объединились»⁴⁹.

Таким образом, налицо связь внешнего врага «республики» с «местными предателями», такими как Хорватское объединение. Логово первого было в Белграде. Вторые проживали в городах, которые, по психологически точному наблюдению современника, виделись хорватскому селяку одновременно и «носителями сербофильства»⁵⁰, и источниками государственного «господского» насилия. Конец последнему обещала положить «конституция»:

45 Милорадович Г. Роман Замятина «Мы»: между историей и утопией // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 4. Москва, 2007. С. 190.

46 Radić S. Op. cit. S. 336.

47 РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 20.

48 Самоуправа. 12 јануар 1924.

49 Велики Радичев збор у Загребу // Политика. 16 април 1923; См. также: Obzor. 16 travnja 1923; Čulinović F. Jugoslavija između dva rata. I. Zagreb, 1961. S. 420.

50 Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. S. 118.

- «У крестьянского народа регулярная армия особенно разрушительна для основ морали (честности), хозяйства, культуры и свободы»⁵¹. (Херцег: «Крестьянская республика должна быть нейтральной, пацифистской, миротворческой... Ей не нужна регулярной армии. Ибо в республике меньшинство не правит большинством, а народ правит сам собой... Из нейтральности сам по себе вытекает пацифизм, то есть разоружение и упразднение регулярной армии»).
- «Все крупные землевладения, будь то государственные, церковные и частные, упраздняются в принципе. Ни одно землевладение не может быть большим, чем самый крупный крестьянский надел в данной жупании.
- Таможенные пошлины в принципе отменяются. Законом предусматриваются пошлины только на предметы роскоши...». (Херцег: «Когда крестьянский народ обеспечит себе власть, многие вопросы, особенно экономические, будут решены легко, быстро, справедливо, в интересах народа. Речь идет об аграрной реформе, о создании кооперативов вместо капиталистических банков...».)
- «Университет как ложная высшая школа упраздняется... Упраздняются все сегодняшние так называемые средние школы (гимназии, реальные училища, лицеи), а вместо них основываются народные общеобразовательные школы...».

Попыткой, хоть и неудачной, задуть «сербофильские» рассадники были «крестьянская забастовка», объявленная по поводу ареста Радича в Загребе в 1919 г., и крестьянское восстание 1920 г., поводом к которому стала перепись крупного рогатого скота в интересах армии. «Хорватский крестьянский народ! — гласила партийная листовка — Председатель ХНКП и вождь хорватского крестьянства Степан Радич противозаконно арестован, потому что он бесстрашно защищает хорватские права и права крестьян, а еще бесстрашнее борется за хорватскую крестьянскую республику... Не остается нам ничего другого, как на это нарушение человеческой и политической свободы ответить еще более сильным средством. Скажем своим правящим господам: «Пока вы нарушаете наши права и свободу, не будете есть нашего хлеба». Поэтому объявляем всеобщую крестьянскую забастовку... Пока не отпустят на свободу председателя Степана Радича... ни один крестьянин не смеет 1) привозить в города зерно и живность, 2) продавать на ярмарках рогатый скот и свиней, 3) продавать перекупщикам что-либо, необходимое для продовольственного обеспечения городов... А кто нас предаст — предаст себя и своих детей, а также хорватскую респу-

51 *Radić S. Op. cit. S. 370.*

блику. Крестьянский мир вынесет таким предателям свой приговор...»⁵².

Итак, Степан Радич в первые послевоенные годы старался, по словам А. Трумбича, «навязать Хорватии борьбу между мнимыми господами и крестьянским народом, представляя тех господ как старых графов, баронов и богачей, которые пили народную кровь»⁵³. Сам же лидер ХРКП преподносил себя как реинкарнацию Матии Губца, возглавившего в 16 веке антифеодальное крестьянское восстание. Только в отличие от мученически погибшего предшественника Радич лучше распознавал врагов народа: «Матия Губец отправился в Вену к императору, потому что искал у того справедливости. Но он забыл, что справедливости нет ни на императорском престоле, ни в церкви. Справедливость в сердце человеческом и нигде больше»⁵⁴. Таким образом, третьим врагом республики, наряду с «габсбургщиной» и «большевизмом», Радич называл «клерикализм».

Клир председатель ХРКП видел своим главным идеологическим конкурентом в борьбе за право «интерпретировать» крестьянские фобии: «Клерикалы агитировали, что сербы превратят хорватов во «влахов»⁵⁵, и им почти удалось привлечь народ на свою сторону. А вы знаете, как тяжело потом скинуть клерикальную власть с народа?... Велика была опасность от клерикализма. Вот, пожалуйста, Корошеч. Он и патриот, и словенский националист. Но голова у него в Риме...»⁵⁶.

У хорватов должна была быть только одна голова — голова Радича, который не собирался с кем бы то ни было делить власть над мыслями и чувствами крестьянского народа. Как писал осведомленный современник, «хорватский вождь вел против клерикалов такую кампанию, что они, пока он был жив, и высунуться не могли со своей политической пропагандой»⁵⁷.

52 Цит. по: *Banac I.* Op. cit. S. 200.

53 Цит. по: *Smith Pavelić A.* Dr. Ante Trumbić. Problemi hrvatsko-srpskih odnosa. München, 1959. S. 293.

54 Изборна кампања г. Радића. Ревизија устава одмах по изборима // Политика. 4 фебруар 1926.

55 Презрительное название, данное сербам хорватами. В Австро-Венгрии, в целом, влахами сначала называли только румын, а потом всех православных.

56 АЈ. Ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо). Хартије двора. Фасцикла 6.

57 АЈ. Ф. 74. Фасцикла 11-618. (Антиклерикализм характеризовал деятельность ХКП на протяжении всего межвоенного периода. Приведем относящиеся к 1935 и 1938 гг. отрывки донесений правительственных информаторов: «Др. Мачек издал циркуляр, которым запрещается в местные партийные организации выбирать католических священников. Запрет объясняется тем, что священникам место в церкви, а не в политике»; «ХКП начала организационную работу среди женщин. Их следует эмансипировать от католических объединений и на всякий случай привлекать к партии. Не исключено, что в будущем женщины станут решающим политическим фактором, особенно если получат право голоса». (АЈ. Ф. 37 (Милан Стојадиновић). Фасцикла 50-24; Ф. 38

Залогом успеха Радича в его борьбе с конкурентами было то, что, выступая с антицерковных, но отнюдь не с атеистических позиций («Слава Иисусу и Марии. Долой попов»⁵⁸), ему удалось обратить в свою пользу крестьянское восприятие церкви как орудия государства, ответственного за лишения военного времени. Падение авторитета духовной власти, пусть непродолжительное, способствовало усвоению массами утопического радичевского учения. Справедливо мнение Г. Милорадовича: «Духовный вакуум необходим, чтобы одна идейная система пришла на смену другой. Так как эту нишу обычно занимает религия, присущая данной области в данное время, можно говорить, что религиозный кризис есть необходимое условие для появления утопий»⁵⁹.

Для чад своих у Радича была собственная квазирелигия: «Крестьянское движение, требующее справедливого устройства жизни общества, предстает перед нами как та вера, которую следует обновить, вдохнуть жизнь в учение Христа о человеческом равноправии и социальной справедливости»⁶⁰. Как священнодействие описывал Радич свою деятельность в письме московским товарищам: «Все у нас делается самым идеальным образом — апостолатом, то есть... проповедью освобождения крестьянского народа»⁶¹. Таким образом, председателю ХРКП была уготована роль не только принцепса, но и первосвященника Хорватской республики. Тогда последняя предстает не просто крестьянским государством, а «раем, в который, не сворачивая, идет человеческая пацифистская крестьянская процессия. Крестьянские ряды принимают только тех, кто присоединяется добровольно, и чьи души чисты»⁶².

Забегая вперед, отметим, что после смерти ересиарха Радича в 1928 г.⁶³ осиротевшие «апостолы» сняли с его чела тиару и водрузили терновый венец спасителя. Партийная резолюция гласила: «Степан Радич, — Богом данный Вождь хорватского народа, — после телесной смерти не перестал быть народным вождем. Он стоял во главе хорватского народа, будучи председателем Хорватской крестьянской партии со дня ее основания. Разумеется, он и после смерти остается ее председателем»⁶⁴. Воистину, «в белом венчике из роз — впереди — Иисус Христос». Новый глава партии

(Пресби́ро Министарског Савета Краљевине Југославије). Фасцикла 16.)

58 Цит. по: *Baban I*. Op. cit. S. 186.

59 *Милорадович Г*. Указ. соч. С. 190.

60 Цит. по: *Herceg R*. Op. cit. S. 44.

61 РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 19.

62 Цит. по: *Herceg R*. Op. cit. S. 47.

63 С. Радич умер в августе 1928 г. от последствий ранения, которое ему нанес в Скупшине неуравновешенный депутат-радикал из Черногории в отместку за оскорбительные выпады со стороны депутатов фракции ХКП.

64 Цит. по: *Boban Lj*. Маџек i politika Hrvatske Seljaџke Stranke 1928–1941. I. Zagreb, 1974. S. 4.

Владко Мачек был назван в резолюции только «исполняющим председательские обязанности».

Возвращаясь к началу «похода за синей птицей», приведем результаты участия ХРКП и прочих хорватских партий в парламентских выборах суть количественное выражение роста праведности электората, а также подтверждение обоснованности оценки Радича его адептами: «Степан Радич не является шефом некоей партии, какие существуют в Западной Европе. Он вождь, чьи решения выполняются беспрекословно... даже тогда, когда он кого-нибудь исключает из партии, из рядов хорватского народа. Патриархально он вершит свою власть, которой плебисцитарно наделил его народ. Он наставляет, грозит, карает, хвалит, но при этом всегда остается в душе добрым отцом...»⁶⁵.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕПУТАТСКИХ МЕСТ ПО ВЫБОРАМ⁶⁶

ПАРТИЯ	1920	1923	1925
Хорватская народная (республиканская) крестьянская партия	50 мандатов (230.590 голосов)	70 (473.733)	67 (545.466)
Хорватская земледельческая	7	—	—
Хорватское объединение (ХО)	4	—	—
Хорватская партия права (ХПП)	2	—	—
Партия буневцев и шокцев и Хорватская народная партия (ХНП)	13	3	—
Список Трумбич-Дринкович	1	2	—

Таким образом, в 1924 г. при вступлении в Крестьянский интернационал Радич с полным правом описывал собственные достижения на хорватской политической арене: «Мы, хорваты, работаем совсем независимо от своих старых и своих новых властителей... Римский папа не имеет у нас ни малейшего влияния на ход нашей общественной жизни. То же наши владыки и священники... Габсбурги не имеют в Хорватии про себя ни одного щенка»⁶⁷.

Амбиции Степана Радича не исчерпывались вышеописанным до-

65 Цит. по: *Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. S. 249.*

66 *Čulinović F. Op. cit. S. 309, 408, 455.*

67 РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 20.

стижением. Этот тактический результат лишь приближал главу ХРКП к главной политической цели. Последняя, разумеется, не состояла в создании республики. В 1925 г. Хорватская крестьянская партия вошла вместе со своими прежними злейшими врагами сербскими радикалами в состав двухпартийной правительственной коалиции, официально признав и монархию, и централистско-унитарное устройство Королевства СХС. Степан Радич был не мучеником Матией Губцем, а исполнителем политического «шлягера», который не был готов «пойти на костер» ради буквы «р» в аббревиатуре названия своей партии. Цену собственным политическим декларациям Радич определил сам, ответив бывшему стороннику, упрекнувшему его в предательстве республиканского дела: «Молчи, дурак! Ты ничего не понимаешь! Лучшая республика та, в которой король президент»⁶⁸.

Для С. Саркотича и К. Шегвича данное высказывание, несомненно, послужило лишним подтверждением радичевского безумия. Нам же кажется, что «капитуляция» свидетельствовала о том, что в условиях социально-экономической, внешне- и внутривластной стабилизации Королевства СХС Радичем был сделан выбор в пользу политических приемов, более тонких и эффективных, чем открытая борьба с Белградом. Ведь присяга на верность белградскому «королю-президенту» была принесена в обмен на фактически официальное признание тезиса, определявшего стратегию Хорватской крестьянской партии: «В своем доме хорватский народ должен быть сам себе хозяин»⁶⁹.

Фанатичной преданности адептов не хватало для строительства независимого хорватского государства, но ее оказалось достаточно, чтобы заставить «белградских правителей» принимать его всерьез. Воспользуемся еще раз работой Д. Станковича для того, чтобы понять, какое впечатление от Радича сложилось у сербского политического бомонда к концу 1922 г.: «Руководство радикалов осознавало тот факт, что Радич все активнее выходит на политическую сцену страны. Но они никак не могли определить его силу. Поэтому иногда для радикалов Радич был предателем и сепаратистом, а иногда политиком, с которым надо серьезно считаться», «радикалы находились под впечатлением политической мощи Хорватского блока и были готовы при условии сохранения правящих позиций партии пойти с ним на компромисс»⁷⁰.

Союз с реальной силой — королем и радикалами — помог председателю ХКП преодолеть пропасть от подпольщика и «агента Коминтерна», до «хозяина Хорватии». В Европе даже доброжелатели называли Радича лишь

68 Цит. по: *Stojadinović M. Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata.* Rijeka, 1970. S. 201.

69 *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Хрвати. С. 129, 197.

70 Там же. С. 205, 239.

«агитатором», неспособным стать «государственным деятелем»⁷¹. В Белграде — провозгласили «вождем хорватского народа»⁷²: «Наступил новый период сербскохорватской кооперации на основе союза сильнейшей сербской партии и мощнейшей партии Хорватии, — писал главный идеолог радикалов Лазар Маркович, — два главных ствола нашей нации — сербский и хорватский — примирились...»⁷³.

* * *

«Примирение», как и хождение Радича во власть, не было продолжительным. Сербско-хорватское согласие интересовало его ничуть не больше, чем строительство «Небесного Иерусалима» — Крестьянской республики. В 1927 г. ХКП, озабоченная наметившимся падением популярности среди неизменно антисербски настроенных масс хорватов, разорвала партнерство с радикалами и перешла в оппозицию.

Существенным итогом 1920-х гг. было то, что достижение абсолютного превосходства над конкурентами в Хорватии наряду с признанием, полученным в Белграде, предоставило Радичу возможность перед лицом страны, а подчас и всей Европы выступать в качестве фигуры, от которой зависит состояние всего комплекса религиозных, национальных, экономических и прочих проблем, имевших решающее значение для стабильности Югославии и объединенных термином «хорватский вопрос». Способность Радича и его наследников по ХКП им спекулировать предопределила их политический вес. В конце 1930-х гг. он воплотится в то, о чем мечтал герой нашего исследования, — в санкционированное Белградом объединение и обособление хорватских областей в Бановину Хорватия⁷⁴, в которой ХКП получила всю полноту власти.

71 R.W. Seton-Watson and the Yugoslavs. Correspondence. 1906–1941. II. London; Zagreb, 1976. P. 115, 120. (P.Y. Сетон-Уотсон восклицал: «Если бы только Хорватия могла пойти за нормальным лидером!»)

72 *Marković L.* Jugoslovenska država i hrvatsko pitanje. Beograd, 1991. S. 273.

73 *Ibid.* S. 260–270.

74 В составе Бановины впервые были объединены Хорватия, Славония и Далмация, а также некоторые районы Боснии и Герцеговины.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ АНТОНА КОРОШЦА

Антон Корошец родился в 12 мая 1872 г. в селе Бисерьяне в Словении. Учился в гимназиях в городах Птуй и Марибор. В 1895 г. принял сан священника. Спустя десять лет, в 1905 г. получил степень доктора теологии. В 1907 г. Корошец возглавил католический Словенский крестьянский союз Штирии. Становление Корошца как политического деятеля происходило в знаменательный для Словении момент. Именно в это время начинает складываться словенская политическая система, и формируются первые политические партии. Первой появилась Католическая национальная партия, созданная в 1895 г. представителями духовенства. По своему составу она не была однородной и как следствие этого, в ней сложились два противоположных по взглядам лагеря. Первый возглавил профессор богословия Горицкой семинарии епископ Антон Махнич. Он был ярким противником социализма, выступал против равноправия женщин и т.д. Во главе другого лагеря встал профессор семинарии Янез Крек, по своим политическим взглядам он был христианским социалистом. Именно его программа, принятая Католической национальной партией за основу, обеспечила ей широкую поддержку населения. Крек выступал за всеобщее, равное избирательное право, за создание крестьянских и рабочих кооперативов, которые смогли бы спасти мелких производителей от нужды и разорения. Для решения национального вопроса он считал необходимым преобразование империи в многонациональное государство с автономией для всех ее народов, и это должно было быть закреплено в конституции, основанной на принципах христианства¹. Его позиция не отличалась оригинальностью. Для империи, где только один народ сумел добиться относительного равноправия (Венгрия еще в 1867 г. обрела особый статус), было естественным стремление непривилегированных народов, к коим относились и словенцы, к некоторому виду самостоятельности. Политические взгляды Корошца были сформированы под влиянием Крека. Многие его идеи он воспринял и впоследствии пытался реализовать, заняв пост главы партии.

В 1905 г. Католическая национальная партия была переименована в Словенскую народную партию. В начале XX в. СНП возглавлял словенский адвокат Шуштершич. После аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г. ее популярность возрастает. К ней присоединяются схожие по идеологии католические организации из Нижней Штирии, Каринтии, Истры. Меняется и название, теперь она именуется Всеславянская народная партия. Ее руководство одобрило аннексию, значительно увеличившую процент

1 Чуркина И.В. Национальный вопрос в программах Словенских партий накануне первой мировой войны // На путях к Югославии: за и против. М., 1997. С. 271.

славянского населения Австро-Венгрии. Шуштершич публично выступает с предложением объединить все югославянские земли в отдельную территориальную единицу и наделить ее равными правами с австрийской и венгерской частями. Эту инициативу поддержал Янез Крек. Корошец считал, что аннексия Боснии и Герцеговины и присоединение этих территорий к «хорватскому королевству», в составе которого видел и словенцев, остановит распространение великосербской пропаганды². Идея триализма в то время пользовалась большой популярностью. Клерикалы видели свое будущее только в Австро-Венгерской империи, поэтому они не принимали все то, что имело антигабсбургский характер, в частности выступали против Хорвато-сербской коалиции. Популярности триализма способствовала поддержка наследника трона эрцгерцога Франца Фердинанда. Словенские политики надеялись, что с его восшествием на престол их предложения будут услышаны и реализованы. Идея триалистичного устройства монархии сохранялась в программе партии вплоть до первой мировой войны. После убийства престолонаследника эти надежды были практически разрушены. События в Сараеве вызвали волну антисербских настроений в среде клерикалов. В полемическом запале Крек заявил, что сербы не способны создать великосербское государство, поэтому не стоит рассчитывать на их помощь. Но если монархия Габсбургов изменится в лучшую сторону, отметил он, сербы сами изъявят желание войти в ее состав и примут католицизм³.

Первая мировая война несколько изменила отношение части членов Всеславянской народной партии к Сербии в положительную сторону, теперь в ней увидели возможного союзника в борьбе за собственную независимость. Развитие событий на мировой арене показали, что положение югославянских народов может вскоре измениться, но перспективы были еще весьма туманными и противоречивыми. Главным вопросом, вокруг которого развернулись основные партийные дебаты, был вопрос о будущем словенского народа. После смерти Крека в 1917 г. Антон Корошец, возглавивший к тому времени партию, начал менять ее идеологию, которая теперь сосредотачивалась не только на интересах словенского народа, но и на интересах других югославянских народов империи. Весной 1917 г. был образован Югославянский клуб, объединивший словенских, хорватских и сербских депутатов рейхсрата Цислейтании. Его председателем стал Антон Корошец. 30 мая того же года он выступил с программным заявлением, которое получило название Майской декларации. По сути, она провозглашала и развивала идею триализма и являлась полной противо-

2 *Vodopivec P.* Jugoslovanska ideja v slovenski politiki // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992. Ljubljana, 2005. S. 48.

3 *Чуркина И.В.* Национальный вопрос в программах Словенских партий накануне первой мировой войны... С. 277–278.

положностью Корфской декларации, заключенной летом 1917 г. членами сербского правительства и представителями Югославянского комитета, которые выступали за объединение югославянских земель Австро-Венгрии с Сербией при условии сохранения ими автономии. В 1918 г. он выступил за отделение словенцев и хорватов от Габсбургской монархии, и за создание ими собственного государства.

В 1918 г. неизбежность краха Габсбургской монархии стала очевидной, политические партии южных славянских народов, входивших в ее состав, после предварительных переговоров поспешили созвать народное вече, в которое вошли представители саборов Хорватии, Боснии и Герцеговины, выборных органов самоуправления Словении, Истрии и Далмации. Вече состоялось осенью 1918 г. в Загребе. Его председателем стал Антон Корошец. О создании Государства словенцев, хорватов и сербов было объявлено в октябре 1918 г. Но это государственное образование просуществовало недолго. Окруженное со всех сторон неприятелем, оно было вынуждено искать союзника, которого нашло в лице Сербии. 24 ноября народное вече в Загребе приняло решение объединить Государство словенцев, хорватов и сербов с Королевством Сербия. В декабре того же года было образовано Королевство сербов, хорватов и словенцев. Сразу же остро встал вопрос об устройстве нового государственного образования. Для разработки основного закона было решено созвать учредительную скупщину, выборы в которую состоялись 28 ноября 1920 г. Участие в выборах приняли все политические партии Словении. Корошец считал единственным возможным путем реализации своей программы активную работу в парламенте. Однако отношение центра к СНП было весьма настороженным. Партия имела репутацию католической, консервативной, клерикальной и проавстрийски ориентированной политической силы, с ярко выраженным национализмом⁴. В связи с этим ее руководство хорошо понимало, что в какой-то степени придется менять свою направленность. В первую очередь это коснулось роли католического клира внутри партии. Присоединение к стране, во главе которой стояла православная династия Карагеоргиевичей, неминуемо снизило политический вес духовенства, в то время как позиции клерикалов укрепились. Принятие решений относительно работы партии и ее взаимодействия с «внешним миром» были переложены с епископа Еглича, главного идеолога СНП, на Корошца. Если раньше партия выступала за автономию словенцев внутри Австро-Венгерской монархии, то теперь она требовала установления равноправия словенцев, хорватов и сербов в новом государстве. При этом Корошец видел Словению автономией со своей скупщиной и подчиненным ей правительством. Он считал необходимым объединение всех словенцев в рамках Королев-

4 *Zečević M. Slovenska ljudska stranka i jugoslovensko ujedinjenje. Beograd, 1973. S. 216.*

ства. Что касается верховной власти, то СНП традиционно (со времен Австро-Венгрии) поддерживала монархию, не смущаясь тем, что монарх по вероисповеданию был православным. Помимо политических требований в программе партии были четко сформулированы социальные. Идеалом Корошца было правовое социально-ориентированное государство, осуществлявшее жесткий контроль над капиталистической экономикой. Для рабочих он требовал предоставления социальных гарантий рабочим и служащим, стабильных выплат, цен и строительства цивилизованного рынка. В программе говорилось о предоставлении рабочим, занятым на индустриальных объектах, права участвовать в управлении предприятиями и в распределении прибыли. Партия выступала за единый пакет социального страхования для населения, за установление минимального размера заработной платы и за введение единого трудового законодательства, в котором бы запрещалась эксплуатация детского и женского труда на производстве. Кроме того, СНП считала необходимым введение единого избирательного права для мужчин и для женщин и предусматривала создание специальных женских организаций внутри партии. В аграрной сфере партия предусматривала проведение реформы, согласно которой был бы осуществлен раздел крупных земельных владений между безземельными крестьянами.

Изначально принц-регент Александр был благосклонно настроен по отношению к СНП. По мнению историка Момчило Зечевича подобное отношение являлось частью продуманной стратегии регента, с помощью которой он хотел создать союз между проправительственными силами и оппозиционной СНП⁵. Корошец принял протянутую руку, несмотря на то, что она была предложена православным монархом. Руководство партии понимало, что теперь вся политическая жизнь будет сконцентрирована в Белграде и поэтому необходимо было идти на компромиссы, которые позволили бы партии остаться в общей лодке, а не за ее бортом. Одной из целей СНП было объединение всех словенцев Австрии и Италии. Для этого должен был быть благоприятно решен вопрос о словенских границах. Корошец активизирует свою деятельность в этом направлении и стремится всеми силами войти в правительство, что, по его мнению, обеспечило бы словенцам приближение к реализации своих целей. Поэтому он принимает активное участие в переговорах о составе югославского правительства, которые начались в Белграде в декабре 1918. В итоге Корошец был назначен заместителем главы правительства в качестве министра без портфеля⁶. Это назначение рассматривалось партией как большое достижение. Последовавший далее первый правительственный кризис не особо взволновал об-

5 *Zečević M.* Slovenska ljudska stranka i jugoslovensko ujedinjenje. S.221.

6 Ukaz o postavljenju prve vlade kraljevstva SHS // Jugoslavija 1918–1988. Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 147.

шественность Словении, ее интересовал только один вопрос, сохранят ли словенские представители свои места в правительстве. И то, что Корошец остался в должности заместителя председателя правительства, было воспринято с энтузиазмом⁷. Негативные эмоции вызвало только назначение хорвата Анте Трумбича на пост министра иностранных дел, поскольку, как считала словенская политическая верхушка, он не был заинтересован в положительном решении вопроса о словенском приморье⁸. Корошец решил предпринять самостоятельные шаги для привлечения широкой общественности к решению вопроса о границах Королевства, проходящих по Словении. С этой целью на мирную конференцию в Париже отправили словенских представителей. Они должны были ознакомить мировую общественность с подготовленными еще в 1918 г. материалами относительно этнических границ Словении. Для этого в свое время была создана специальная комиссия, состоявшая из видных деятелей словенских научных и культурных слоев⁹. Возглавлял ее профессор государственного права И. Жолгер, который впоследствии вошел в состав делегации от Королевства СХС¹⁰. В качестве тактики по привлечению как можно большего внимания к территориальным проблемам Словении Корошец предлагал усилить давление на общественное мнение через прессу. Он полагал, что шумиха в печати неминуемо привлечет внимание участников конференции в Париже. Но этого не произошло.

Помимо вопроса о границах руководство Словенской народной партии было озабочено процессом превращения Королевства СХС в централистское государство. Но партия не спешила брать на себя роль рьяного оппозиционера. В ее уставе особо подчеркивалось, что деятельность СНП базируется на христианском, национальном и демократическом фундаменте, и направлена на благо не только словенского, но и югославского народа¹¹.

Однако после оглашения указа Александра от 20 января 1919 г. о роспуске местных правительств, словенское народное правительство вопреки всему продолжало функционировать. Несомненно, такое неповиновение не могло вызвать одобрения Белграда¹². Постепенно СНП начинает проявлять твердость в отстаивании своей позиции относительно места Словении в Королевстве. В программе партии 1920 г. говорилось, что различия как в историческом развитии и культуре, так и в экономике отдельных ча-

7 Slovenec. 15.12.1918.

8 *Zečevič M.* Slovenska ljudska stranka i jugoslovensko ujedinjenje. S.235.

9 Slovenec 22.01.1919.

10 *Vladina odluka o sastavu delegacije Kraljevstva SHS na mirovnoj konferenciji u Parizu // Jugoslavija 1918-1988. Tematska zbirka dokumenata.* S.160.

11 *Arhiv Republike Slovenija.* AS 1898. Politni ni programi SLS. F. 5.

12 *Zečevič M.* Slovenska ljudska stranka i jugoslovensko ujedinjenje. S.258-259.

стей государства, должны неминуемо привести к самоуправлению¹³.

В ноябре 1920 г. состоялись выборы в учредительную Скупщину. Победителем в Словении стала Словенская народная партия, получив 37% голосов¹⁴. Второй по количеству голосов стала либеральная Независимая крестьянская партия. Ей предпочтение отдали 20% голосов. Далее следовала Югославская социал-демократическая партия — 18% голосов, и Коммунистическая партия — 10% голосов. Таким образом, в учредительной скупщине были представлены все существовавшие на тот момент наиболее крупные словенские партии. Скупщина начала работу в декабре 1920 г. Ее задачей была разработка конституции нового государства. В феврале 1921 г. СНП предложила свой вариант будущего устройства государства, которое должно было стать конституционной, парламентарной и наследственной монархией с автономным устройством для входящих в него народов. Предполагалось, что каждая автономия (всего их должно было быть шесть: Босния и Герцеговина, Черногория, Сербия, Хорватия, Воеводина и Словения с Приморьем) должна представлять собой территориальную единицу со своей скупщиной, в ведении которой находятся внутренние дела, строительство, леса и полезные ископаемые, вопросы сельского хозяйства, образование, здравоохранение, суды, финансовые, налоговые и общественные вопросы, а также административный контроль за подчиненными им органами исполнительной власти¹⁵. Но этот вариант основного закона так и остался на бумаге.

В 1921 г. была принята так называемая Видовданская конституция. В ее основу лег проект, предложенный руководством Сербской радикальной партии. Конституция провозглашала создание централистского государства во главе с династией Карагеоргиевичей. Языками делопроизводства стали сербско-хорватский и словенский. Провозглашалась свобода собраний и печати. Король как главнокомандующий вооруженными силами получил право вводить чрезвычайное положение и приостанавливать действие Конституции¹⁶, принимать или отвергать законы, принятые однопалатным парламентом, назначать премьер-министра. Согласно статье 51 конституции на международной арене страну представлял король, он также получал право объявлять войну и заключать мир¹⁷. Выборы в Народную скупщину, согласно Конституции, были свободными и тайными. В Парламент избиралось по одному представителю от 40 тыс. человек.

В апреле 1922 г. было введено новое административно-территориальное

13 Iz programa SLS 1920 // Jugoslavija 1918-1988. Tematska zbirka dokumenata. S. 207.

14 Rezultati izbora za ustavotvornu skupštinu 28 novembra 1920 // Ibid. S.158.

15 Perovšek J. Programi političnih strank, organizacij in združenij na Slovenskem u času Kraljevine SHS. Ljubljana, 1998. S.78-79.

16 Ustav Kraljevine SHS // Jugoslavija 1918-1988. Tematska zbirka dokumenata. S. 192-193.

17 Ibid. S. 193.

устройство государства, игнорировавшее национальные особенности регионов. Новое деление страны проводилось теперь с учетом природных, социальных и экономических условий. Каждая из 33 областей должна была иметь население, не превышающее 800 тыс. человек. Словения делилась на две области — Люблянскую и Мариборскую¹⁸. Изменялась и структура местных органов власти. Новую областную администрацию возглавлял теперь ставленник короля — областной наместник, который находился под непосредственным контролем министра внутренних дел. Первым наместником Словении стал представитель либеральных кругов Иван Хрибар, который в свое время довольно долго занимал пост жупана Любляны. На своем посту Хрибар пытался ликвидировать разделение Словении на две части с центрами в Любляне и Мариборе, поскольку это препятствовало реализации идеи об объединении всех словенцев в рамках одного государства. По его мнению, единая Словения была более привлекательна для словенцев, проживавших на территории Италии и Австрии. Кроме того, он пытался добиться значительного расширения полномочий областной администрации. Этих же взглядов придерживался и Антон Корошец. Между Хрибаром и Пашичем произошло столкновение. Пашич пригрозил, что если подобного рода требования не прекратятся, то он распустит словенскую областную администрацию. После этого Хрибар подал в отставку.

В 1923 г. состоялись очередные выборы. СНП в брошюре под заголовком «Судите по делам!» требовала пересмотра «Видовданской» конституции с целью преобразования государства в союз словенцев, хорватов, сербов и болгар. Эта же идея была озвучена и в программе партии 1923 г.¹⁹ В ней, в частности, говорилось, что во главе автономной Словении должно быть правительство, избранное местным словенским парламентом, причем белградские власти не имели бы права вмешиваться в его работу. Предполагалось, что парламент будет состоять из двух палат: торговой и политической. Первая палата помимо экономических вопросов, таких как контроль за предприятиями, продукцией и прибылью, занималась бы и социальными вопросами (здравоохранение, социальное страхование, специальное образование). Политическая палата получила бы право принимать законы относительно деятельности церкви и ее отношений с государством, образования в целом, организации политической и финансовой администрации, а также судопроизводства. В завершении говорилось, что словенскому народу нет дела до того, кто правит в Белграде, его волнует, кто будет править в Словении. По плану СНП Словенией должно руководить словенское население и избранное им *свое* правительство²⁰. Несмо-

18 Uredba o podeli zemlje na oblasti // Jugoslavija 1918–1988. Tematska zbirka dokumenta. S. 199.

19 Iz programa SLS 1923 // Ibid. S. 216.

20 Ibid. S. 217.

тря на ужесточение режима, партия на выборах получила 60% голосов и 21 место из 26 выделенных для Словении в Народной скупщине.

Партия Пашича не получила ожидаемого большинства в парламенте, и была вынуждена искать поддержки иных политических сил. С тем чтобы упрочить свое положение она попыталась заключить соглашение с радикалами. В апреле 1923 г. такое соглашение было заключено, оно получило название «Марков протокол». Добившись желаемого большинства в парламенте, Пашич провел несколько жестких законов, направленных на укрепление режима в стране. Эти действия вызвали неодобрение у некоторых представителей Хорватской республиканской крестьянской партии. Ее глава Радич подверг критике протокол, после чего, опасаясь ареста, был вынужден покинуть страну. Ситуация в стране накалялась, недовольство проводившейся правительством политикой возрастало. В связи с этим работа парламента была приостановлена почти на пять месяцев, что вызвало недовольство оппозиции. Пашич стремился распустить скупщину, где его партия не имела большинства и провести новые выборы. Против подобных тенденций выступили Демократическая партия, Югославская мусульманская организация и Словенская народная партия. В мае 1924 г. они публично осудили существующий режим. ХРКП поддержала оппозицию²¹. Король Александр уволил в отставку правительство Пашича, который однако вскоре вернулся на свой пост.

Новые выборы были назначены на февраль 1925 г. Правительство страны пыталось сделать все возможное для того, чтобы обеспечить для себя их благоприятный исход. В Словении абсолютным победителем стала Словенская народная партия. Она получила 56% голосов и 20 из 26 депутатских мест, предназначенных для словенцев в парламенте.

В марте 1925 г. в скупщине вновь оформился оппозиционный блок. СНП вошла в его состав наряду с ХРКП, демократической партией и Югославской мусульманской организацией. Объединение получило название «Блок народного соглашения и крестьянской демократии». В скупщине было оглашено его программное заявление, в котором выдвигалось требование равноправия сербов, хорватов и словенцев. Однако в том же месяце ХРКП отделилась от блока и перешла на сторону радикалов. Племянник С. Радича Павел в конце марта 1925 г. заявил на заседании скупщины о поддержке централистской политики и о сотрудничестве с сербскими радикалами, что вызвало резкое неодобрение со стороны СНП. Антон Корошец назвал поступок Степана Радича предательством и отметил: «Когда это произошло, мы должны были думать не о том, как скрыть программу автономии, но о том, как попытаться по-другому ее реализовать»²².

21 Proglas opozicionog bloka // Jugoslavija 1918–1988. Tematska zbirka dokumenata. S. 217.

22 Slovenec. 4.01.1927. St. 2.

Новая тактика партии была озвучена на заседании руководства СНП 10 октября 1926 г. В принятой резолюции особое внимание уделялось экономике Словении и всей страны в целом. Отмечалось, что экономические, финансовые и социальные условия в стране настолько ухудшились, что можно определенно говорить о кризисе. Решение именно этих проблем должно стать главной задачей правительства, отмечалось в резолюции²³. Это был тактический ход руководства партии. Дабы не касаться болезненного для властей национального вопроса, Корошек решил бороться за восстановление единства словенских территорий, делая упор на экономические аспекты. Для иллюстрации своей правоты СНП подвергла критике деятельность представителей Независимой демократической партии и ее союзников, которые из-за приверженности идеям централизма нанесли Словении значительный экономический урон.

Новое правительство, сменившее кабинет Пашича-Радича, было сформировано в апреле 1926 г. Николой Узуновичем. Оно обещало обратить особо пристальное внимание на проблемы экономического развития страны. Корошек согласен был даже войти в правительство, но при условии, что люблянская и мариборская части Словении будут объединены. Это заявление лидера партии вызвало критику со стороны Независимой демократической партии. Ее глава Грегор Жерьяв в одной из публикаций газеты «Утро» обвинил СНП в непоследовательности и капитулянстве, отметив, что партия и ее лидер сдают позиции²⁴. Но Корошек не видел в своих действиях ничего предосудительного. Он заявил, что СНП признала Видовданскую конституцию еще когда вошла в правительство Давидовича, но это вовсе не означает, что она отказывается от своих взглядов и одобряет централизм²⁵. В ноябре 1926 г. на съезде членов СНП в Целье руководство так объяснило свое стремление войти в правительственные круги: «несправедливо, когда в руководстве государства, в состав которого входят три народа, нет представителя одного из них»²⁶. Однако для вхождения в правительство одного желания было недостаточно. Одним из препятствий стала позиция ХКП, которая настаивала на том, чтобы СНП отказалась от идеологии клерикализма. Вызывало опасение и стремление партии к автономии. В ходе предвыборной компании Корошек в качестве первоочередной задачи провозгласил создание «широкого самоуправления». Он в частности заявил: «Все те проблемы, о которых у Белграда нет представления, но которое есть у нас, как то: образование, экономика, здравоохранение, вопросы крестьянства, должны находиться в ведении местных органов власти». Он отметил, что это никоим образом не будет влиять на

23 *Stipovšek M.* Slovenska ljudska stranka in uvedba oblastnih samouprav leta 1927 // *Prispevki za novejšo zgodovino XXXV — 1995.* S. 37.

24 *Ibid.* S.37.

25 *Ibid.* S.37–38.

26 *Slovenec.* 16.11.1926. St. 264.

разрушение единого государства, а только способствовать развитию и сохранению словенской индивидуальности²⁷.

До 1927 г. СНП находилась в оппозиции правящему режиму. Когда Узунович пригласил СНП в правительство, Корошец ответил согласием, но при условии, что «войдя в правительство, будет служить своему народу, а не отдельным личностям, поскольку в Словении должны знать, что у власти стоит партия, которой весь словенский народ может доверять»²⁸. В феврале 1927 г. три представителя СНП стали членами правительства Узуновича. Душан Сернец получил пост министра общественных дел, Фран Куловец — министра по делам крестьянства, Андрей Госар — министра социальной политики. Но это вовсе не означало, что партия отказалась от стремления к объединению Словении и введения на ее территории широкого самоуправления, а впоследствии автономии.

В январе 1927 г. в Королевстве были проведены выборы в областные органы правления. В Люблянской областной скупшине СНП получила 40 мест, а все остальные партии 13, в Мариборской скупшине ею было завоевано 42 места²⁹. Это было весомой победой. 20 февраля 1927 г. депутаты СНП обеих областных скупщин съехались на съезд в Целье. В своем выступлении новый заместитель лидера партии Марко Натлачен заявил, что задача членов СНП заключается в обеспечении единства работы словенских органов самоуправления в обеих областях. Положительным моментом было и то, что представители партии вошли в правительство. Это укрепило ее позиции на политической арене, и, в свою очередь дало возможность рано или поздно, при возникновении удобного момента, донести до властей более высокого порядка свои предложения по устройству не только Словении, но всего государства.

Что касается выборов в других частях страны, то нередко они сопровождались беспорядками и жестоким их подавлением со стороны полиции. Все это вызвало большой общественный резонанс и привело к тому, что оппозиционная часть Народной скупщины потребовала привлечения к ответственности министра внутренних дел Б. Максимовича. В конце февраля 1927 г. в скупшине началось рассмотрение этого дела. После этого правительству Узуновича пришлось уйти в отставку. В апреле 1927 г. было сформировано правительство Вукичевича—Маринковича. На этот раз Корошец в его состав приглашен не был. Но ситуация вскоре переменялась.

В июне 1927 г. скупшина вновь была распущена, новые выборы назначены на 11 сентября 1927 г. Премьер Вукичевич, стремясь создать сильное прокоролевское крыло и ослабить парламентскую оппозицию, начал

27 *Stipovšek M.* Slovenska ljudska stranka in uvedba oblastnih samouprav leta 1927... S. 42–43.

28 Slovenec. 15.01.1927. St.11.

29 *Stipovšek M.* Slovenska ljudska stranka in uvedba oblastnih samouprav leta 1927... S. 42–43.

переговоры с оппозиционными партиями, в том числе и с СНП. В результате им удалось достигнуть компромисса, СНП обещала поддержку правительству. 11 июля 1927 г. между Вукичевичем и руководителем СНП на озере Блед было заключено соглашение. Корошцу было обещано, что он войдет в правительство. Это был шанс снова вернуться в большую политику. Правительству же был выгоден еще один союзник в борьбе с оппозицией, тем более что СНП уже давно перестала выступать с требованиями пересмотра Видовданской конституции.

Заключение соглашения вызвало неоднозначную реакцию словенской общественности. О его истинном содержании приходилось только догадываться, поскольку текст соглашения так и не был обнародован в печати. Либералы обвинили Корошца в том, что он отступил от идеи создания автономного государства и, тем самым, предал интересы Словении. СНП обвиняли также в том, что она стала действовать только в своих интересах, а не в интересах словенского народа, что она просто реализует свои амбиции.

В сентябре 1927 г. состоялись выборы в Народную скупщину Королевства СХС. В Словении победу снова одержала СНП, получив большинство голосов (59,94%)³⁰, несмотря на развернувшуюся вокруг полемику относительно изменения ее политического курса. Антон Корошец не остался в стороне и вошел в правительство в качестве министра внутренних дел (в 1928 г.)

Весной 1928 г. между депутатами правительственного большинства и депутатами Крестьянско-демократической коалиции (КДК была создана в ноябре 1927 г., в нее входили представители ХКП и сторонники Прибичевича) возникли серьезные разногласия по ряду политических вопросов. Очень часто острые дискуссии заканчивались рукоприкладством, и особенно активных участников приходилось выводить при помощи полиции. Коалиция, возглавляемая Радичем и Прибичевичем, резко критиковала действия правительства, требуя от него исполнения конституции. Кроме того, они призывали покончить с коррупцией в административных и правительственных кругах, отказаться от кабальных заграничных займов. Заседание скупщины 20 июля 1928 г. закончилось трагически. В ответ на саркастические замечания депутатов КДК выступавший депутат Пуниша Рачич выхватил пистолет и открыл стрельбу. Он убил и ранил нескольких депутатов ХКП. Тяжело раненый С. Радич скончался через несколько недель. Рачич принадлежал к Народной радикальной партии, поэтому его действия были восприняты в Хорватии как преступление, направленное против хорватского народа. Последовавшие за этим беспорядки вынудили правительство Вукичевича подать в отставку. 24 июля 1928 г. право на

30 *Perovšek J. Volitve v Narodno skupščino septembra 1927 // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992. S. 303.*

создание нового правительства было предоставлено лидеру СНП Антону Корошцу. По политическому составу оно мало чем отличалось от предыдущего. В него вошли представители Народной радикальной партии, Демократической партии и Югославской мусульманской организации. В новом правительстве Корошец совместил две должности, помимо его главы, он сохранил за собой пост министра внутренних дел.

Ситуация в стране обострялась с каждым днем, сербо-хорватские противоречия достигли высшей точки кипения. 30 декабря 1928 г. правительство Корошца подало в отставку. Король принял ее 2 января 1929 г. А 6 января 1929 г. Королевским манифестом была запрещена деятельность всех партий. В нем говорилось, что только монарх, обладая всей полнотой исполнительной и законодательной власти, сможет вывести страну из кризиса³¹. В манифесте отмечалось, что последние события в скупшине дискредитировали этот орган и поколебали доверие населения. Главной задачей провозглашалось сохранение единства страны и народа. Конституция 1921 г. отменялась, скупщина, созданная осенью 1927 г., распускалась.

Одновременно был издан «Закон о королевской власти и верховном государственном управлении», согласно которому исключительное право на издание законов, назначение чиновников на посты принадлежало монарху. Король не нес ни за что ответственности и не мог быть предан суду³². Начался новый период истории Королевства СХС, которое с октября 1929 г. стало называться Королевством Югославия.

30-е гг. прошли под знаком снижения политической активности СНП. После провозглашения Октроированной конституции в сентябре 1931 г. СНП вышла из состава правительства. Таким образом, она снова оказалась в оппозиции и вернулась к отстаиванию идеи автономного устройства государства. В 1932 г. партия выступила с критикой режима, самые жесткие выступления прозвучали на митинге в честь дня рождения Антона Корошца, которому в 1932 г. исполнилось 60 лет. Митинг был подавлен полицией. Подобного рода выступления не ограничились только Любляной, они прокатились по всей Словении, которая теперь была объединена в одну бановину, получившую название Дравской. В 1933 г. в Белграде начался суд над бывшими представителями СНП в скупшине Иваном Бродаром, Иваном Штрцином и Матией Шкребцем. В вину им вменялись высказывания антиправительственного характера, которые они позволили себе на митинге, посвященном празднованию дня рождения Корошца. Несомненно, что меры подобного рода вызвали еще большее недовольство населения.

В начале 1933 г. по всей Югославии прокатилась волна выступле-

31 Proklamacija kralja Aleksandra // Jugoslavija 1918–1988. Tematska zbirka dokumenta. S. 313.

32 Zakon o kraljevskoj Vlasti i vrhovnoj dr avnoj upravi // Ibid. S. 315.

ний в пользу федерации. Словения не осталась в стороне. 1 января 1933 г. была опубликована Словенская декларация или, как ее еще называли, Люблянские пунктуации. В них СНП сделала особый упор на то, что словенский народ продолжает оставаться разделенным между четырьмя государствами: Югославией, Италией, Австрией и Венгрией. В связи с этим выдвигалось требование предоставить Словении такое положение внутри государства, которое стало бы привлекательным для всех словенцев, проживавших за ее пределами. Это можно было сделать только при условии, что государство станет союзом равноправных народов, одним из которых является словенский³³. Требовалось признание самобытности словенцев, предоставление им права иметь собственный флаг, подчеркивалась необходимость обеспечения этнической целостности и права самим распоряжаться финансовыми средствами. Если бы требования были бы выполнены и в отношении других народов Югославии, то, как отмечалось в пунктуациях, это позволило бы государству стать союзом равноправных народов. Декларация вызвала недовольство правительства, и Корошец был отправлен в ссылку сначала в Тузлу, а затем на Хвар. В связи с этим СНП бойкотировала выборы в скупщину 1935 г. Находясь в изгнании, Корошец связался с премьер-министром М. Стоядиновичем, с которым обсуждал вопрос о создании новой прогосударственной партии³⁴. Самовольно вернувшись из ссылки, он сразу же направился в Белград, где активно включился в политическую жизнь. В своем письме принцу-регенту Павлу он писал: «четыре основных принципа: единство государства, единство народа, монархия и династия Карагеоргиевичей не могут являться предметом ... ежедневного торга между политиками. Придерживаясь этого принципа и опираясь на нынешний конституционный порядок, мы должны работать над другими проблемами, которые ожидают своего решения. В первую очередь сюда относится экономика и социальная политика³⁵». Понимая, что традиционная позиция партии закроет перед ним двери на широкую политическую арену, Корошец пересмотрел свое отношение к государственному устройству страны. После убийства короля Александра на его похоронах он призвал своих оппонентов к объединению усилий в борьбе за сохранение единства государства³⁶. Но подобного рода заявления Корошца явились неожиданностью только для непосвященных. По некоторым данным, уже тогда ему было предложено место в правительстве. Однако ни в правительство Узуновича, ни в правительство Ефтича Корошец войти не спешил, причем Ефтич предлагал ему портфель министра.

33 Jutro. 11.01.1933.

34 *Vidovič-Miklavčič A.* Vrnitev SLS na oblast // Slovenska novejša zgodovina 1848-1992. S.361.

35 Pismo Korošeca kralju // Jugoslavija 1918-1988. Tematska zbirka dokumenata. S.315.

36 *Krek M.* Iz življenja in dela dr. Antona Korošca. Zbornik Svobodne Slovenije. Buenos-Aires, 1960. S.84-85.

После смерти короля Александра, несмотря на то, что продолжала действовать конституция 1931 г., политическая жизнь страны ожила. В мае 1935 г. состоялись очередные выборы. Проправительственные партии во главе с Б.Ефтичем набрали голосов немногим больше, чем оппозиционные. Это было воспринято как поражение, и правительство подало в отставку. Новое правительство возглавил член радикальной партии М. Стоядинович.

В этих непростых условиях в СНП происходит раскол на две группы. Первую возглавил бывший министр Госар, глава мариборского отделения СНП. Эта группа считала необходимым объединение с правительственным блоком. Вторую группу возглавлял Натлачен. По его мнению, для реализации программы партии необходимо было объединиться с оппозиционным блоком В. Мачека. Натлачен даже начал переговоры относительно этого объединения. Корошцу стоило большого труда сохранить единство партии.

Формирование нового правительства было поручено М. Стоядиновичу. Для укрепления собственных позиций Стоядинович приступил к созданию собственной политической силы — Югославского радикального союза (ЮРС). В него вошли партии, которые во времена диктатуры были в оппозиции. На учредительном съезде, состоявшемся весной 1936 г., Стоядинович выступил в поддержку идеи децентрализации государственной власти, пообещав, что будут изданы демократические законы и введено широкое самоуправление.

Заявления Стоядиновича об изменении политического курса страны помогли ему перетянуть на свою сторону Мусульманскую партию и СНП. Говоря о программе ЮРС, Стоядинович отметил, что идеалом союза является самоуправление и уважение равноправия и традиций трех народов государства: сербов, хорватов и словенцев³⁷. В итоге, М. Спахо (лидер Мусульманской партии) и Корошец вошли в состав правительства, получив министерские портфели. Корошец снова стал министром внутренних дел.

В Словении появление подобного рода партии вызвало широкую поддержку. Однако не все члены СНП приветствовали новую политическую силу. «Несогласные» образовали так называемую «Старую СНП» и настаивали на том, чтобы партия вернулась к реализации требований Словенской декларации 1933 г. Ее возглавили Антон Брецель и Иван Становник. Но Корошца это уже не волновало. Вскоре он стал главой словенского бановинского комитета Югославского радикального союза. Постепенно ЮРС занял лидирующее положение во всех органах власти Дравской бановины, вытеснив представителей других партий.

Одной из задач, которые ставил перед собой Корошец, находясь в правительстве, была реорганизация системы местного самоуправления.

37 Milan Stojadinović o programu JRZ // Jugoslavija 1918–1988. Tematska zbirka dokumenata. S. 362.

По его словам, это позволило бы новой партии, коей являлся ЮРС, поставить под свой контроль настроения в стране. Осенью 1936 г. были проведены выборы в органы местного самоуправления. В Дравской бановине они состоялись 25 октября. Победу одержал ЮРС, чью основную базу составляли члены СНП. Такой исход выборов в Словении был предсказуем, и Корошеч это знал наверняка. Являясь клерикальной партией, СНП, несмотря ни на что, могла рассчитывать на стопроцентную поддержку крестьянства, составлявшего большинство населения бановины.

Другим достижением Корошца во время его пребывания в правительстве Стоядиновича стало возвращение к обсуждению вопроса о конкордате с Ватиканом. Положение католической церкви в Югославии было неопределенным, поэтому представители Хорватии и Словении в правительстве всеми силами пытались добиться повышения ее статуса. Но выступившая с резким протестом православная церковь смогла приостановить процесс заключения конкордата, поскольку опасалась, что новый статус может предоставить католической церкви больше прав, чем православной. Несмотря на то, что скупщина большинством голосов поддержала конкордат, он так и не получил силу закона. Синод православной церкви предал анафеме депутатов, проголосовавших за него. В их числе был и Стоядинович. Католическая церковь осталась конфессией, не имевшей соглашения с югославским правительством. Ситуация в стране вновь накалялась. Отношения между сербскими и хорватскими политическими кругами обострились с новой силой.

Очередные выборы в скупщину были назначены на 11 декабря 1938 г. ЮРС составил блок с Югославской народной партией. Большинство голосов (1,6 млн) и мест в парламенте получил Югославский радикальный союз, однако перевес был незначительным, оппозиция, возглавляемая Мачеком, получила 1,3 млн голосов. В поражении обвинили Стоядиновича, с осуждением его политики выступили ведущие члены ЮРС. Среди них были Корошеч и Спахо. Стоядинович вынужден был подать в отставку.

Новое правительство было сформировано 4 февраля 1939 г. Д. Цветковичем. В этом правительстве Корошеч стал министром просвещения. Он выступал против вступления Югославии в войну, поскольку понимал, что в случае нападения стран оси, Королевство рассыплется как картонный домик и сохранение государства является единственной гарантией для безопасности словенского народа. Но в то же время руководство СНП вело разработку планов, касавшихся не автономии, а независимости Словении. После образования Словацкой республики появились соображения о возможных переговорах с Хорватской крестьянской партией об образовании союзного словенско-хорватского государства, рассматривалась и возможность создания независимого государства под германским протекторатом. В некоторой степени на это оказали влияние переговоры

Цветковича с Мачеком, результатом которых стало заключение соглашения между правительством и Крестьянско-демократической коалицией. Оно предусматривало создание Хорватской бановины, права которой значительно расширились. Законодательная и исполнительная власти бановины получили широкие полномочия. Новое правительство Цветковича-Мачека давало гарантию хорватам, что к их мнению будут прислушиваться. Реакция СНП, которая осталась в составе нового правительства, на переговоры последовала незамедлительно. В ее новой политической программе было отмечено, что главным требованием партии остается создание «свободной и независимой Словении... Словения должна быть самостоятельной и равноправной составляющей частью обновленного, расширенного, федеративного Королевства Югославия»³⁸. Особо отмечалось, что государство должно заниматься международными отношениями, защитой государственной безопасности и неприкосновенности границ, а также управлением государством как таковым с целью сохранения его единства. «Все остальные вопросы должны находиться в ведении местных органов власти»³⁹.

После смерти Корошца 14 декабря 1940 г. партия перестала быть однородной и раскололась на два лагеря. Когда мы говорим о политической деятельности Антона Корошца, мы не можем отделить его от Словенской народной партии, идеологом и центром которой он был. После создания Королевства СХС словенцы ненадолго ощутили себя равными среди равных. Но основная борьба в государстве развернулась между двумя силами: сербской и хорватской политической элитами, по большей степени игнорировавшими интересы словенцев и использовавшими ее ведущую политическую партию СНП для упрочения собственных позиций. На Словению Белград обращал внимание только тогда, когда заявления со стороны словенских политиков звучали слишком резко и имели антиправительственный характер, или когда требовалось найти лишнего союзника. Но, несмотря на это лидер СНП Антон Корошец всеми силами стремился к участию в политической жизни страны, хотя его партия не играла особой роли в принятии ключевых решений. Естественно, что предложения Корошца о создании союза равноправных народов, по сути союза южнославянских государств не находило отклика центра, тяготевшего к авторитаризму. Поэтому в 30-е гг. партия предпочла начать сотрудничество с властью, чтобы хоть как-то участвовать в политической жизни страны. Антон Корошец был одной из самых ярких словенских политических фигур межвоенного периода, именно ему СНП обязана своим успехом и популярностью в Словении.

38 Arhiv Republike Slovenija. AS 1898. Politi ni programi SLS. F. 5.

39 Ibid.

ЦАРЬ БОЛГАР ФЕРДИНАНД САКСЕН-КОБУРГ-ГОТСКИЙ

Фердинанд Максимилиан Карл Мария Саксен-Кобург-Готский (1861—1948) — потомственный немецкий аристократ из древнего и знатного рода, состоявший в родстве со многими королевскими домами Европы, прожил долгую и богатую событиями жизнь. Третью его жизненного пути была неразрывно связана с историей болгарского государства: в 1887 г. Фердинанд в чине поручика австрийской армии волею случая попал на болгарский престол и более 30 лет (1887—1918) правил страной, ранее абсолютно ему незнакомой.

Первые 25 лет правления Кобурга были отмечены значительными достижениями в экономическом, политическом и культурном развитии этого самого молодого балканского государства. При Фердинанде Болгария обрела независимость и превратилась из княжества в царство (1908), добилась роли лидера в регионе и сумела одержать впечатляющие победы над своей вековой угнетательницей — Османской империей (1912). В тот момент болгары как никогда были близки к обретению максимальной территории своего государства, а их правитель к возможности возвыситься до уровня монархов ведущих европейских держав. Но уже очень скоро, летом 1913 г., Болгария потерпела от своих недавних союзников и соседей сокрушительное поражение, воспринятое в обществе как национальная катастрофа. Первая национальная катастрофа 1913 г. проложила дорогу ко второй, постигшей страну на исходе мировой войны в 1918 году. Это новое поражение стоило первому болгарскому царю трона.

Личность, находившаяся на вершине власти в период судьбоносных для страны событий, неизбежно привлекает внимание исследователей, пытающихся определить роль субъективного фактора в случившемся, выяснить возможность иного варианта развития событий. Авторы исторических исследований вслед за современниками военных событий на Балканах начала XX в. неизменно пытались решить вопрос о степени ответственности Фердинанда Кобургского за катастрофические поражения 1913 и 1918 гг., определить, кто был больше виноват в крушении национального дела — объединении всех болгар в одном государстве — монарх или народ.

Если марксистская историография создала упрощенный и негативный образ болгарского правителя, преданно служившего интересам австро-германского империализма и потому приведшего страну к катастрофе, то в последние десятилетия характер и деятельность этого заметного исторического деятеля конца XIX — начала XX в. стали объектом достаточно объективного анализа¹. О Фердинанде Кобургском пишут

1 Йовков И. Кобурггът. София, 1980; Констант С. Фердинанд Лисицата. София, 1992; Давчева. Д. Лисицата и лъвът. Фердинанд I на фона на българската пси-

как о сложной и противоречивой личности, наделенной разнообразными интеллектуальными качествами, отмечают его несомненные заслуги в утверждении Третьего болгарского царства и чрезмерные амбиции, сыгравшие роковую роль в истории болгарского государства. «Его амбиции были непомерны для малой страны. Болгария была для него лишь камнем, на который он ступал, чтобы оседлать белого коня своего величия. Он не сумел окончательно преодолеть изначальную привязанность к своей родине, свойственную «импортируемым» из Европы балканским монархам первого поколения. Не сумел полюбить и народ, которым ему суждено было править, не сделал попытки проникнуть в его душу»².

Болгарские исследователи в основном придерживаются мнения, что истинным несчастьем для Болгарии являлось то, что династия Кобургов не была национальной, а царь не был болгариним. Почти аксиомой считается, что Фердинанд — немецкий принц, австрийский офицер, собственник имения в Венгрии — в силу своего происхождения, воспитания и образования не мог в должной мере выражать потребности болгар, способствовать достижению их национального идеала. Именно его считают «виновником сокрушенного национального достоинства и подъема, виновником неосуществленных национальных идеалов». Утверждается, что из-за «византийских мечтаний» Фердинанда болгары потерпели в 1913 г. свою первую национальную катастрофу, а его спекуляции «возвышенными» устремлениями болгар объединиться и жить в одном государстве, повели Болгарию по пути, приведшему ко второй национальной катастрофе 1918 года»³.

В данной статье делается еще одна попытка выяснить адекватность личности первого «царя болгар» интересам болгарской нации, выяснить, насколько соответствовали личные цели монарха-чужестранца национально-государственным интересам Болгарии. Важным источником, способствующим решению поставленной задачи и прояснению позиции царя в судьбоносные для Болгарии моменты, являются донесения российских посланников, аккредитованных в разное время в Софии, и мемуарная литература. Они помогают выяснить психологическую мотивацию поступков Фердинанда Кобургского, включающую как личностные причины, так и внешние обстоятельства, лучше понять жизнь этого человека в контексте бурных событий того времени.

История правления Фердинанда началась в разгар «болгарского

хологическа и политическа действителност 1886-1902. София, 1994.

- 2 *Илчев И.* Българо-руските отношения през Първата световна война как антична трагедия // История — професия и съдба. Сборник в чест на 60-годишнината на член-кореспондент д.ист.н. Георги Марков. София, 2008. С. 234.
- 3 *Семов М.* Великите сили и българската национална драма. София. 1991. С. 172; *Шаренкова С.* Болгария — Россия. Исторический очерк. София, 2004. С. 96.

кризиса» 1886—1887 гг., вызванного грубым вмешательством России во внутренние дела Болгарии. Процесс освобождения страны, открытый победами русского оружия в 1878 г., продолжался собственными силами болгарского народа и привел к объединению в 1885 г. Княжества Болгарии и Восточной Румелии. Однако император Александр III в силу личной неприязни к тогдашнему болгарскому правителю Александру Баттенбергу отказался признать за ним титул «князя Северной и Южной Болгарии». Болгарам было трудно понять, почему Россия, начертавшая в Сан-Стефанском договоре 1878 г. проект «Великой Болгарии», воспротивилась его осуществлению. Отказ России следовать духу Сан-Стефано и ее действия по вассализации Болгарии вызвали активность прозападных сил, олицетворением которых стал глава временного правительства С. Стамболов. Кризис сфокусировался вокруг проблемы избрания нового болгарского князя. Несмотря на активное противодействие России, пошедшей даже на разрыв отношений с Болгарией, правящие круги последней предложили престол 26-летнему поручику австрийской армии, которого активно лоббировала Австро-Венгрия.

2 августа (по ст. стилю) 1887 г. в средневековой болгарской столице Тырново немецкий принц Фердинанд Кобургский торжественно взошел на болгарский престол, но первые восемь лет за него правил всевластный премьер Стамболов, «болгарский Бисмарк». Эти годы были нелегкими для молодого князя, по его собственному выражению он был «парией Европы»⁴. Великие державы из-за явной вражды России к «незаконному» болгарскому правителю, не спешили с официальным признанием. Внутри страны против него постоянно зрели заговоры, подготавливаемые русофильской партией.

Но недаром за Фердинандом прочно закрепилось прозвище «лисица», данное ему сослуживцами по австрийской армии. Его изворотливый ум, хитрость и большая выдержка компенсировали отсутствие реального опыта и надлежащей подготовки к роли монарха. Фердинанду удалось с помощью раздачи чинов и наград завоевать симпатии офицерского корпуса и при его поддержке ликвидировать в 1894 г. диктаторский режим Стамболова, что подготовило почву для международного признания князя. А со смертью Александра III, воспринимавшего Кобурга в лучшем случае как символ, в худшем — как причину русских неудач на Балканах, исчезли личные мотивы для антагонизма между двумя государствами. В 1896 г. Кобург устранил и идеологическое препятствие, обратив наследника из католической веры в православие и добившись того, чтобы восприимчивым княжича Бориса стал русский император Николай II. **Ватикан отлучил Фердинанда от католической церкви, но Россия, а за ней и вся Европа официально признали Фердинанда князем Болгарии.**

4 *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 2001. С. 66.

Укрепление своего политического авторитета Фердинанд использовал для установления контроля над правительством и армией. Будучи мастером интриг, он умело натравливал друг на друга и без того враждовавшие партии и их лидеров, поощрял соперничество в офицерской среде, развращая ее доносами и наградами. Играя на человеческих слабостях и пороках, он для укрепления собственной власти окружал себя людьми, лично им прощенными или помилованными за различные злоупотребления или даже преступления. Вскоре все министры стали послушными исполнителями воли «le roi maître», как называл Фердинанда французский историк П. Ренувен. Режим личной власти, сложившийся в Болгарии в начале XX в., аналогичный политическому устройству в других балканских странах, наилучшим образом отвечал менталитету монарха и политических сил, заключивших между собой негласный политический союз.

Движимый мотивами личного тщеславия Фердинанд имел намерение превратить болгарское княжество, фиктивно зависимое от турецкого султана, в полноценное независимое государство. Он тяготился тем, что возглавлял с точки зрения существовавших законов довольно странное соединение «самоуправляющегося и платящего дань княжества» и пользующейся «внутренней автономией» турецкой провинции Восточная Румелия. Представители России в Софии сообщали о том, что мысль о провозглашении независимости Болгарии и возложении на себя короны не покидала ума князя, при этом они отмечали, что Фердинанд трезво и реалистически относился к этому вопросу и из-за своего боязливого характера не пойдет напролом, а будет ждать удобного случая⁵. Такой случай представился осенью 1908 г., в разгар младотурецкой революции. Заручившись поддержкой Австро-Венгрии, запланировавшей аннексию Боснии и Герцеговины, Фердинанд 5 октября 1908 г., находясь в Тырново, объявил «воссоединенную в сентябре 1885 г. Болгарию независимым болгарским царством», а себя провозгласил «царем болгар». Присвоенный Фердинандом титул наглядно демонстрировал конечную цель правящих кругов Софии — объединение всех болгар в одном государстве — Великой Болгарии⁶.

Великая Болгария виделась в границах, определенных недолговечным Сан-Стефанским договором, «от моря и до моря» (от Черного до Эгейского). Политический и экономический подъем, стремительно набиравшей мощь Болгарии, усиливал тягу к реализации велико-болгарской идеи. Наиболее рьяными носителями национальной идеи было офицерство, а также государственная бюрократия и народная интеллигенция⁷. Устрем-

5 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 1134. Л. 1—5.

6 Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 32.

7 Гришина Р. П. Болгария: опыт социализированной модернизации (конец XIX — первая половина XX в.) // Человек на Балканах и процессы модернизации.

ления окрепшей болгарской буржуазии, жаждавшей присоединения новых территорий и лидерства на Балканах, совпадали с гегемонистскими устремлениями Фердинанда. Главенствующая роль Кобурга в государстве превращала его в главного сторонника национального идеала.

Отмечая принципиальное совпадение национальных приоритетов болгар и личной заинтересованности Фердинанда встать вровень с коронованными лидерами, монархами ведущих европейских государств, российские дипломаты указывали и различие в способах их достижения. «Болгары, — писал посланник России в Софии А. Неклюдов, — желают достичь всего и не согласны ни на какие уступки, Фердинанд склонен по самому характеру своему к более осторожному поступлению и согласен был бы на исполнение половины программы с тем, чтобы со временем осуществить и другую. Болгары готовы пойти на больший риск в уверенности, что и при полной неудаче им не дадут пропасть как народу и государству; Фердинанд, не будучи вовсе уверен в подобной “стихийной” устойчивости своего трона, гораздо менее склонен к риску и бесповоротным решениям»⁸.

Провозглашение независимости и назревавшие перемены на Балканах способствовали переходу Болгарии к активной защите своих национальных интересов и реализации великодержавной идеи. На фоне общей милитаризации страны заметно активизировалась внешнеполитическая деятельность Фердинанда, имевшего большую склонность к дипломатии. Он продолжал с азартом играть на противоречиях России и Австро-Венгрии, между которыми лавировал со дня восстановления русско-болгарских отношений. Эта «политика качелей», заключающаяся в заигрывании то с одной, то с другой державой в зависимости от того, что Кобург считал выгодным, вызывала недоверие и Вены, и Петербурга. Бьюкенен, характеризовавший Фердинанда как «человека, находящегося во власти огромного личного честолюбия и не очень щепетильного в выборе средств его удовлетворения», считал, что его поведение в делах иностранной политики страдало от чрезмерной уверенности в своем умении перехитрить других⁹.

Кобург и на Балканах имитировал игру в «большую дипломатию». Российские представители отмечали, что малейшее недовольство Веней тотчас вызывало демонстративные шаги царя по сближению с Сербией, чего пытался добиться Петербург, но как только Фердинанд заручался какими-либо серьезными обещаниями Австро-Венгрии, неожиданно наступало охлаждение в отношении Белграда. Они с тревогой сообщали в

СПб., 2004. С. 113.

8 Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878-1917 (далее — МОЭИ). Серия вторая. Т. XVIII. Ч. 1. М., 1938. С. 303.

9 Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 68.

Петербург, что Вена путем своего влияния на Фердинанда ведет работу по вовлечению Болгарии в орбиту австрийского влияния, пытаюсь направить ее устремления в сторону Адрианополя и Константинополя¹⁰. Укрепление болгарских позиций в районе, прилегающем к Босфору, грозило неминуемым столкновением с интересами Российской империи. Некоторым успокоением для российской дипломатии было то, что приоритетом болгарской политики после воссоединения севера и юга в 1885 г. была Македония, открывавшая стране выход в Эгейское море. В донесениях отмечалось, что основные интересы Болгарии направлены не на восток, а на юго-запад и что этот македонский вектор определяет политику Фердинанда «в деле обеспечения будущего болгар»¹¹.

Македонский вопрос доминировал не только во внешней политике Болгарии, он существенно влиял на внутреннюю жизнь страны, определял состояние общественного мнения. Значительную часть болгарской элиты составляли выходцы из Македонии, и не без их помощи требование освобождения Македонии превратилось в составную часть государственной идеологии. Подавление турками Ильинденского восстания 1903 г. наглядно продемонстрировало невозможность освобождения Македонии с помощью местных революционных комитетов, на что в тот момент делала ставку София. Не готовая в то время к открытому столкновению с Турцией, Болгария была вынуждена придерживаться очень выдержанной линии в македонском вопросе: она требовала выполнения Портой условий Берлинского трактата, предусматривавших предоставление автономного статуса Македонии. Автономной Македонии нетрудно было предсказать судьбу Восточной Румелии.

Соседи Болгарии, Сербия и Греция, притязавшие на северную и южную части Македонии, настойчиво пытались склонить Софию к разграничению сфер влияния в этой османской провинции. Но правящие круги Болгарии, поглощенные идеей восстановления сан-стефанских границ, неизменно противились этому. В оправдание своей неуступчивости они, по свидетельству российских дипломатов, всякий раз при возбуждении вопроса о распределении сфер влияния ссылались на будто бы уже давно принятое македонскими комитетами решение до последнего издыхания отстаивать «целостность» Македонии, которая должна во всем объеме войти в состав будущей Великой Болгарии¹².

Неуступчивость болгарской стороны в македонском вопросе в небольшой степени основывалась и на надменном отношении Фердинанда к соседним правителям, особенно к сербскому королю Петру Карагеогиевичу. Заносчивое отношение к сербам, характерное и для болгарского обще-

10 АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2251. Л. 124.

11 Там же. Л. 128.

12 МОЭИ. Серия вторая. Т. XVIII Ч. 1. С. 111.

ства, особенно усилилось после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г., воспринятой в Сербии как национальная драма. В Софии надеялись на то, что удар, нанесенный Белграду, ослабит позиции конкурента в Македонии. Фердинанд же открыто высказывался в том плане, что рано или поздно маленькая и слабая Сербия будет поглощена своей могущественной соседкой — Австро-Венгрией — и потому нет никакой надобности идти навстречу сербским требованиям.

Подобная позиция Фердинанда мешала попыткам России добиться сближения двух славянских стран, усилившимся после Боснийского кризиса. Таким путем Россия надеялась противодействовать растущей австро-германской экспансии на Балканы. Россия подозревала Фердинанда в том, что тот ценой отказа от союза с Сербией и полной ее изоляции на Балканах намеревался с помощью Вены осуществить национальные задачи Болгарии, как в отношении Македонии, так и Адрианопольского вилайета. Однако поддержка Веной албанского движения за автономию, начавшего набирать силу с 1909 г., мешала Кобургу открыто войти в орбиту политического влияния Австро-Венгрии.

В 1911 г. восставшие албанцы впервые выдвинули требование предоставить Албании автономию в границах, охватывавших помимо собственно Албании, Косово, Новопазарский санджак и значительную часть Македонии. В Софии возникли серьезные опасения потерять при создании столь обширной албанской автономии всю западную Македонию, включавшую долину Вардара и Салоники. Российский посланник в Софии А. Неклюдов сообщал в августе 1911 г., что Фердинанд и правящий кабинет «с самым напряженным вниманием следят за развитием ситуации в полном сознании, что может наступить минута, когда Болгарии так или иначе придется сказать свое слово и принять участие в событиях»¹³. Он высказывал надежду, что поддержка Веной проекта создания Великой Албании заставит Кобурга «усиленно дорожить нашей дружбой и следовать нашим благоразумным советам»¹⁴.

Объявление Италией войны Османской империи в сентябре 1911г. было расценено в Софии как начало раздела турецких владений. Правящие круги Болгарии, осознав неизбежность вооруженного столкновения с Турцией, вынуждены были налаживать отношения с соседями, чтобы объединиться с ними в борьбе против векового противника. В первую очередь встал вопрос о сближении с Сербией. В Софии стало складываться убеждение в необходимости отказа от принципа неделимости Македонии и уступок Сербии во имя великой цели — завершения национального объединения¹⁵. Осуществление политики сближения с Сербией было возло-

13 Там же. С. 302.

14 Там же. С. 155.

15 *Стателова Е., Грънчаров С.* История на България. София, 1999. Т. III. История

жено Фердинандом на правительство, возглавленное лидером Народной партии, русофилом И. Гешовым.

13 марта 1912 г. после трудных переговоров, длившихся полгода, царь Фердинанд и Гешов подписали союзный договор с Сербией. В секретном приложении определялись условия начала военных действий против Турции и территориальные приращения. За Болгарией признавалось право на Восточную Фракию (Адрианопольскую Фракию), а за Сербией — Косово и Новопазарский санджак. Территорию Македонии (между Шар-планиной, Родопами, Эгейским морем и Охридским озером) две страны в случае невозможности придания ей автономного статуса должны были поделить. Линия раздела определяла «спорную» и «бесспорную» зоны. Последняя оставляла за Болгарией примерно две трети македонских территорий, расположенных на юго-восток от линии Крива Паланка-Охрид. Судьбу же «спорной» зоны, расположенной на северо-запад от этой линии, должен был решить путем арбитража русский император.

На основе болгаро-сербского договора при активном участии Фердинанда летом 1912 г. был создан союз четырех балканских стран (Болгарии, Сербии, Греции, Черногории), открыто готовившийся к войне с Османской империей. Это свидетельствовало о превращении Фердинанда из крайне осмотрительного, осторожного политика в сторонника активных наступательных действий. Подобная метаморфоза происходила и с другими руководителями балканских стран, ей немало способствовали важные события на Балканах. В разгаре было очередное албанское восстание, в ходе которого повстанцы из Косово и Северной Албании двинулись в Вардарскую Македонию, заняли Ускюб (Скопье) и готовились к походу на Салоники. Порты готова была идти на уступки албанцам, в поддержку которых выступила Вена, предложив 1 августа 1912 г. провести децентрализацию Европейской Турции.

Возможность появления двух новых автономий — большой албанской и малой македонской — накалила ситуацию в Болгарии и за ее пределами. Македонскими комитетами была спровоцирована резня христиан в городе Кочани, что дало основание Болгарии ультимативно потребовать от Порты незамедлительного предоставления Македонии широкой автономии. Страна переживала небывалый националистический подъем: в газетах и на митингах звучали призывы к освобождению Македонии с оружием в руках. Не была забыта и Фракия: Адрианопольскому вилайету также требовали предоставить автономию. В эти августовские дни 1912 г. Фердинанду публично напомнили о невыполненной им задаче завершения национального освобождения. Митрополит Тырновский на праздновании 25-летия правления Кобурга заявил: «Вы подняли Ваш собственный престиж, привлекли внимание держав, подняли Болгарию до ранга независи-

мого государства, приобрели для себя титул короля, но вы должны помнить, что за все эти 25 лет Вы ни на один шаг не продвинулись к реальным целям Болгарии, тем, которые были закреплены Царем-Освободителем в Сан-Стефанском договоре»¹⁶.

Взрыв национальных чувств, сотрясших болгарское общество в августе 1912 г., поколебал умеренность и осторожность царя Фердинанда. А. Неклюдов писал, что Фердинанд опасался войны, что ему «более по сердцу перенесение вопросов на почву дипломатических переговоров, к которым он чувствует себя гораздо более способным и призванным, нежели к рассечению гордиева узла мечом». Но открытые обвинения царя в трусости перед турками и измене национальному делу, шедшие со стороны почти всех слоев общества, заставляли его идти навстречу «вкоренившимся народным пониманиям» и воевать из-за Македонии. «Для Фердинанда, — писал А. Неклюдов, — противиться войне значило бы отказаться от власти. Фердинанд боится пуще всего восстановить против себя болгарское офицерство, т. е. единственную силу, на которую он, в сущности, в течение 25 лет опирался»¹⁷. По словам Г.Н. Трубецкого, Фердинанд «больше всего боялся партии македонцев и стоящих во главе ее честолюбивых вождей. Он знал, что они ни перед чем не остановятся, если сочтут это нужным для осуществления своих планов»¹⁸. Македонские комитеты, тесно связанные с военными кругами, грозили властям небывалыми потрясениями в случае их отказа объявить войну Турции.

Русская дипломатия сообщала о растущем давлении на царя и правительстве со стороны общественных и военных кругов, пораженных «преувеличенным национализмом» и «самообольщением». Донесения российских дипломатов позволяют сделать важный вывод о том, что общественное мнение в Болгарии, максималистское и часто безответственное, стало мощным фактором, влиявшим на правящие круги, и что имела место зависимость монарха от настроений в обществе и армии.

Прогноз А. Неклюдова, сделанный им летом 1912 г., что «болгары пойдут напролом, увлекая за собой короля», оказался точным. 18 октября 1912 г., ровно через четыре года после провозглашения независимости Болгарии, Фердинанд возвестил болгарам о начале войны за освобождение болгарских соплеменников, томившихся в неволе за Рилой и Родопами. Царский манифест вызвал «волну народного энтузиазма, который не поддается описанию»¹⁹. Взяв на себя функции главнокомандующего болгар-

16 *Айранетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 557.

17 МОЭИ. Т. XX. Ч. 2. М., 1940. С. 77; АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 5358. Л. 67–68.

18 *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 47.

19 АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3699. Л. 60.

ской армией, Фердинанд своим помощником сделал генерала М. Савова, выходца из Македонии.

В первые же дни войны болгарская армия, действовавшая во Фракии против основной части турецких войск, одержала значительную победу под Лозенградом (Кирк-Килисе), вызвавшую настоящую эйфорию в стране. Через неделю последовала новая блестящая победа у Люлебургаза, остатки турецких войск откатились к Чаталджийским позициям под Константинополь, оставив гарнизон в осажденной крепости Адрианополь (Одрин, Эдирне). Грандиозные победы болгарской армии, приблизившейся в ноябре 1912 г. к столице Османской империи, вскружили голову честолюбивому Фердинанду. Его первоначальные страхи и сомнения в успешном исходе событий сменились уверенностью в осуществлении своих самых смелых мечтаний.

Многие исследователи считают, что Кобург уже с момента своего воцарения в Болгарии полагал своей исторической миссией восстановление Византийской империи под своим скипетром. Г. Шкундин пишет, что «хотя эти экстремистские амбиции и не разделялись даже самыми авантюристическими болгарскими политиками, все же данные химеры были не отвлеченной мечтой, а целью. Целью, бесспорно, нереалистичной, но реально присутствовавшей в планах болгарского царя»²⁰.

Другие полагают, что Фердинанд возмечтал о собственной империи в границах Византии только после неожиданных и блестящих побед болгарской армии. Находясь в 40 километрах от Константинополя, он потерял проявлявшуюся в течение четверти века способность хладнокровно анализировать ситуацию, у него обострилась свойственная ему мания величия. В голове Кобурга, по воспоминаниям близкого окружения, в те дни стали рождаться безумные планы не только торжественного вступления в столицу Османской империи, но и воскрешения в своем лице Царьградского Василевса. В столице Болгарии ходили слухи о том, что Фердинанд уже подготовил белого коня для въезда в Константинополь, копии регалий и облачения византийского императора Юстиниана и огромный крест для водружения его на соборе Святой Софии, в котором он намеревался короноваться. Говорили, что он даже придумал себе будущий титул — император Востока²¹.

Порта, стремясь предотвратить разгром империи, обратилась к Фердинанду с просьбой о перемирии. По мнению многих военных специалистов, дипломатов и историков, это был самый благоприятный для Болгарии момент, когда можно было завершить победоносную войну и заклю-

20 Шкундин Г.Д. Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 — март 1916). София, 2007. С. 13. См. также: *Констант С.* Указ. соч. С. 202–203, 224–245.

21 Йовков Й. Указ. соч. С. 279.

чить выгодный мир. Однако Фердинанд, ослепленный успехами армии, развращенный лестью своего окружения и авторитарным стилем правления, не считаясь с реальностью, отверг турецкое предложение, даже не известив о нем своих союзников. А генералу Савову дал указание атаковать позиции у Чаталджи, но только в том случае, если есть надежда на успех. Савов принял решение о наступлении, игнорируя нехватку боеприпасов, распутицу и начавшуюся в армии эпидемию холеры. В результате атаки, предпринятая 17 ноября 1912 г., провалилась, болгары потеряли до 10 тысяч человек. Только после этой неудачи Фердинанд сообщил союзникам о предложенном Турцией перемирии²².

В ходе мирных переговоров в Лондоне, начавшихся в декабре 1912 г., выяснились серьезные разногласия в правящих кругах Болгарии. Если правительство И. Гешова было готово довольствоваться предлагаемой болгаро-турецкой границей по линии Мидие — Эннос, то царь и генералы настаивали на линии, ведущей от Мидие до Родосто, города на берегу Мраморного моря вблизи Константинополя. Кроме того, Фердинанд помимо эгейского острова Тасос, включенного в список болгарских требований, стал просить великие державы сделать ему «подарок» в виде острова Самофракия (Самотраки)²³.

Для достижения своих максималистских целей Фердинанд и генералы были готовы воевать с Турцией дальше, и именно они настояли на возобновлении военных действий Балканского союза после переворота в Константинополе 23 января 1913 г. Фердинанд и Савов хотели новой победой во Фракии добиться установления желаемой границы с Турцией. Новая попытка прорвать Чаталджийские линии снова закончилась неудачей, но болгар ждала блестящая победа у Адрианополя. Вторая столица Османской империи, ключевая крепость во Фракии в марте 1913 г. перешла в руки болгар. Эта победа усилила импульсивные притязания Фердинанда на Родосто. Намерения военной партии шли еще дальше, Савов намеревался продолжить боевые действия на Галиполийском полуострове²⁴.

Однако к этому времени в полной мере проявились противоречия между союзниками по македонскому вопросу. Болгары, полагавшие, что они внесли главный вклад в разгром врага, были недовольны греко-сербской оккупацией большей части Македонии. Наиболее острым был вопрос о Салониках: в ноябре 1912 г. туда вошли практически одновременно греческие и болгарские войска. Монархи двух стран с сыновьями регулярно посещали свои зоны оккупации этого важнейшего эгейского порта, демонстрируя притязания на него. С весны 1913 г. противоречия между

22 АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3708. Л. 62–63; Болгария в XX веке. С. 39.

23 АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. Д. 34. Л. 115–116.

24 Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА) Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2997. Л. 34.

болгарами и греками приобрели характер вооруженных стычек по всей демаркационной линии в Македонии. Сербы, занявшие в ходе военных действий весь бассейн реки Вардара, уходивший оттуда также не собирались. Белград стал требовать пересмотра сербо-болгарского договора, утверждая: так как Сербия пожертвовала своими приобретениями на Адриатике в пользу нового албанского государства, то она должна быть вознаграждена большей территорией в Македонии. София отказывалась признать за Сербией оккупированные ей македонские территории, настаивая на «минимальной границе», предусмотренной договором²⁵.

Подписание 30 мая 1913 г. в Лондоне мирного договора с Турцией не вызвало ликования у Фердинанда и генералов, не сумевших добиться реализации своих максималистских задач: болгаро-турецкая граница проходила по линии Энос-Мидие, а острова Тасос и Самофракия были переданы Греции. К тому же назрела война между союзниками из-за македонской добычи.

Россия делала безуспешные попытки спасти Балканский союз, пытаясь склонить союзников к взаимным уступкам. Но, как писал Неклюдов, «лишь только я начинал указывать болгарам на необходимость соглашаться на какие-либо новые территориальные жертвования в пользу сербов — я наткнулся на гранитную стену; у Гешова и его сторонников эта стена совпадает с известной границей «бесспорной» зоны Македонии; Данев и его друзья противились уступке сербам и части «спорной зоны», а именно Дибры, и упорно отстаивали обладание Салониками; оппозиционные же круги возводили обладание всею Македонией в принцип безусловный и непреложный. Военные круги придерживаются точки зрения оппозиции»²⁶.

Неклюдов в своих донесениях, датированных концом мая — началом июня 1913 г., отмечал обострение воинственного настроения в армии и обществе, уверенных в превосходстве своих сил, назвав это «опьянением народа». По стране прокатилась волна митингов, призывающих к жесткой политике в отношении Сербии и Греции. Газеты открыто писали о том, что болгарская армия, отбросившая турок к Константинополю, не будет иметь проблем с сербскими и греческими частями, что за несколько дней она сметет союзников в Македонии.

Сразу же после подписания Лондонского мирного договора Фердинанд отправил в отставку Гешова, который был готов для предотвращения войны с союзниками отказаться от притязаний на Салоники и допустить изменения в «спорной зоне» в пользу Сербии. Как писал впоследствии И. Гешов, в тот «совершенно исключительный период народной жизни, после блестящих успехов болгарской армии умеренность — единственно спаси-

25 АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. Д. 34. Л. 36, 58.

26 Там же. Л. 200.

тельная для Болгарии политика — не была популярной»²⁷. Фердинанд не принимал предупреждений Гешова о том, что болгарская неуступчивость толкает Грецию и Сербию к созданию антиболгарского союза для защиты оккупированных македонских территорий. Формирование нового кабинета царь поручил С. Даневу, лидеру Прогрессивно-либеральной партии, а это значило, что в болгарской внешней политике победил твердый курс на неуступчивость относительно соседей, на силовое решение македонской проблемы. Современные исследователи пишут о демоне максимализма, обуявшем правительство Данева и генералитет. Напрасно бывший премьер Гешов призывал к умеренности и говорил, что «вторая война, если и нужна, будет делом следующего поколения»²⁸.

А. Неклюдов в июньские дни 1913 г. отмечал, что царь начал терять бразды правления, утрачивать контроль над Савовым и другими военачальниками, становившимися все более категоричными и независимыми. В каждом донесении в Петербург сообщалось: «Фердинанд крайне опасается войны и всех ее последствий, но не решается идти наперекор генералам и большинству политических деятелей», «король боится войны, но еще более боится Савова». Отмечая «брожение среди народа и солдат, побуждающего правительство к скорейшему рассечению македонского узла», российский посланник считал к концу июня столкновение союзников неизбежным²⁹.

Все предложения России по предотвращению межсоюзнической войны (частичная демобилизация, встреча премьер-министров, арбитраж, союзнический кондоминиум в западной Македонии) торпедировались союзниками. В частности, сербы не проявляли готовности принять арбитраж России и отказывались допустить ввод болгарских войск в Завардарскую Македонию для ее совместной оккупации, на чем настаивали болгары. Неклюдов писал: «Болгары начинают убеждаться, что Россия не в силах заставить сербов внять требованиям Петербурга, и это сознание в корне подрывает наш здесь авторитет»³⁰.

Окончательное решение о начале военных действий против союзников было принято 22 июня 1913 г. на совещании в царском дворце. К тому времени Фердинанд был уже ознакомлен австро-венгерской разведкой с содержанием тайного сербо-греческого соглашения, установившего общую границу на запад от реки Вардар. Он согласился с доводами генералов, требовавших начала военных действий и утверждавших, что промедление доведет войска до деморализации. В телеграмме, отправленной Николаю II 24 июня 1913 г., Фердинанд ответственность за назревавшее

27 *Гешов И.* Балканский союз: воспоминания и документы // Малые войны первой половины XX века. Балканы. М.; СПб., 2003. С. 408.

28 *Стателова Е., Грънчаров С.* Указ. соч. С. 281.

29 АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. Д. 34. Л. 184–185, 200, 212–213.

30 Там же. Л. 211, 215, 216, 218.

между союзниками столкновение возлагал на Сербию, указывая, что как он, так и болгарское правительство стремятся избежать братоубийственной войны, но не могут идти против «единодушного возмущения народа» Сербией, пытающейся отнять у Болгарии плоды ее побед.

Намереваясь силой выдавить союзников из спорных районов Македонии и сделать их более уступчивыми, Фердинанд и генералы исключали возможность продолжительного конфликта. Они, не принимая во внимание истощение болгарской армии, недооценивали соединенные силы Сербии и Греции, не замечали опасности со стороны Румынии, намеревавшейся за счет Болгарии получить компенсацию за свой нейтралитет в период войны Балканского союза с Турцией. Игнорировали они и предупреждения Неклюдова о том, что в случае братоубийственного столкновения болгар с греками и сербами Россия отвернется от Болгарии, и в роли безучастного зрителя будет наблюдать за гибелью болгарского дела³¹.

В ночь с 29 на 30 июня 1913 г. по приказу Фердинанда, даже не уведомившего правительство Данева, болгарская армия атаковала сербские и греческие позиции с намерением занять долину Вардара и Салоники. Союзники, только и ждавшие повода к военным действиям, оказали серьезное сопротивление. В первые же дни болгарские войска были не только остановлены, но и потерпели серьезные поражения. В жестокой битве с сербами на Овчем поле они потеряли более 20 тысяч убитыми, ранеными и пленными. Неудачи постигли их и в боях с греческими частями, которые перешли в наступление, сжигая и истребляя все на своем пути. В Софии, по словам Неклюдова, все начали осознать, что «болгарское дело проиграно, и что болгары потеряют безвозвратно всю Македонию».

Российские дипломаты, анализируя впоследствии причины, толкнувшие Фердинанда к принятию рокового решения, приходили к выводу, что оно было принято в условиях эйфории, царившей в Софии после всех предыдущих побед, а также под давлением окружения царя, в основном военных, связанных с македонскими комитетами. Кобургу грозили покушениями в случае уступок союзникам, и, не желая разделить участь Стамболова, он отдал приказ об атаке против союзников³².

Очевидно, что, начиная войну с союзниками, в Софии рассчитывали на содействие населения Македонии, считавшегося болгарским. Однако прагматичные жители Повардарья, в дни болгарских поражений поспешили заявить о своем сербском патриотизме. «Насколько я понимаю дух македонского народа, — писал в те дни управляющий консульством в Битоли Кохманский, — в среде которого провел восемь лет, никакие идей-

31 Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове. Август 1912 — июнь 1913. СПб., 1914. С. 108.

32 МОЭИ. Серия третья. Т. II. М., 1933. С. 433–436; АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 5358. Л. 68.

ные чувства не захватывают его глубоко, а на первом плане у него всегда остается личная выгода, внешне же проявление его политических симпатий зависит от страха перед силой и уважения к крепкой власти. Это, конечно, не относится к агентам-проводникам болгарской культуры, в лице церковно-школьного персонала, то есть чисто болгарской интеллигенции, воспитанной в строго болгарском патриотическом духе. Но эта интеллигенция глубоко разобщена с массой сельского народа, не признающего в сущности единства с нею своих непосредственных интересов»³³.

В разгар непрерывных боев на македонском фронте румынские войска перешли границу и, не встречая сопротивления, оккупировали Северную Болгарию. Турция также воспользовалась благоприятными для реванша условиями и начала оккупацию Восточной Фракии, обозначая движение своих войск пожарами сел. Донесения Неклюдова рисуют картины бедствий, обрушившихся на страну, вынужденную вести борьбу на четыре фронта против пяти балканских стран: «Все население Южной Болгарии бежит в панике к северу, оставляя жилища и только что собранную жатву», «Болгарские войска совершенно истощены огромными потерями, усталостью и голодом». Сообщалось и об угрозе «кровавых беспорядков против короля Фердинанда и правительственного класса без различия партий». «Солдаты открыто говорят, что шваб-король и изменники министры втавили народ в ненужную и братоубийственную войну против воли русского царя. То же говорят среди простого люда столицы и окрестностей, а также и в провинции»³⁴. Опасаясь за свою жизнь, Фердинанд был готов к бегству в Австрию, в свое любимое поместье.

Через месяц после начала военных действий Болгария капитулировала. 10 августа 1913 г в Бухаресте был подписан мирный договор, по которому она потеряла почти все, что завоевала до этого, и вдобавок уступила Румынии Южную Добруджу. Македония, за исключением Пиринского края, составлявшего всего одну десятую македонских территорий, переходила Сербии и Греции. Болгария смогла удержать за собой лишь Западную Фракию, дававшую ей выход в Эгейское море, но два наиболее важных эгейских порта — Салоники и Кавала остались за Грецией. Горечи добавил и Константинопольский мир, подписанный в сентябре 1913 г.: Восточная Фракия вместе с Адрианополем и Кирк-Килисе вновь вошла в пределы Турции. По словам И. Гешова «Болгария была ограблена, погублена, уничтожена, обесславлена»³⁵.

Новому правительству либеральных партий во главе с австрофилом В. Радославовым удалось отвести ответственность за поражение от Фердинанда, который всю тяжесть сделанных им ошибок не без успеха

33 АВПРИ. Ф.151. Политархив. Оп. 482. Д. 2706. Л. 203.

34 Там же. Ф 133. Канцелярия. Оп. 470. Д. 34. Л. 332, 340, 354, 359.

35 *Гешов И.* Указ. соч. С. 423.

переложил на свое окружение. В опустошительном разгроме лета 1913 г. болгарское общество винило не только и не столько своих правителей, отделившихся испугом и падением престижа, сколько бывших союзников, обвиненных в предательстве, и Россию, хладнокровно наблюдавшую за бедствиями болгар. Русская пресса вину за постигшие Болгарию испытания возлагала исключительно на болгарское руководство, обнаружившее «бездну легкомыслия и самомнения». «Правительство Фердинанда, достигнув самого блестящего положения, в короткий срок потеряло по собственной вине все плоды великих национальных жертв и подвергло страну всем ужасам отчаяния»³⁶.

Поражение породило у Фердинанда и у болгарской правящей элиты, особенно у офицерства, желание возмездия. В дни работы Бухарестской конференции царь в узком кругу придворных грозил бывшим союзникам реваншем. Отдавая приказ о демобилизации армии, он заявил, что «свертывает знамена в ожидании лучших времен». Настроения царя разделяли практически все политические силы страны. Стремясь помешать упрочению Сербии и Греции в завоеванных ими частях Македонии, Болгария стала использовать террористически-диверсионные отряды македонских комитетов, отправлять туда офицеров и добровольцев с целью подготовки восстания³⁷.

Начало Первой мировой войны летом 1914 г. вызвало в Софии надежду на благоприятное решение болгарских национально-территориальных проблем. Как минимум речь шла о получении бесспорной зоны Македонии с удобным выходом в Эгейское море и возвращении Южной Добруджи. Фердинанд, предпочитавший поначалу придерживаться выжидательной позиции, вынужден был учесть и свой страх перед македонской партией и неизбежность движения по пути строительства Великой Болгарии. Осенью 1915 г. Болгария, заглотив приманку в виде обещанной ей Вардарской Македонии, примкнула к Германскому блоку. В октябре 1915 г., с обстрела сербской границы началась новая война Болгарии. «Так как болгарский народ в большинстве своем не сочувствовал этому шагу, — отмечал американский посланник в Софии, — то ответственность за него лежала целиком на царе Фердинанде и премьер-министре Радославове»³⁸.

Россия считала Фердинанда бесспорным и единственным виновником участия Болгарии в войне на стороне центральных держав. Она клеймила его как изменника, увлекшего за собой послушный ему народ. Разница в мере вины царя и народа ясно подчеркивалась и в министерских инструкциях, получаемых в начале войны российским посланником

36 Вестник Европы. 1913. № 8. С. 389.

37 МОЭИ. Серия третья. Т. 1. С. 47.

38 Цит. по: Айрапетов О.Р. Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914-1918) // Новая и новейшая история. № 5. М., 2003. С. 199.

в Софии, и в официальных обращениях императорского правительства в тот период. Интересно, однако, отметить и определенное расхождение во взглядах царских дипломатов относительно степени ответственности самого болгарского народа и болгарских политических деятелей за все случившееся. А. Неклюдов считал, что ничего не может быть ошибочнее, чем утверждение, что болгары, приученные 500-летним рабством к слепому повиновению, находятся всецело в руках своего владыки, который и направляет этих «природных рабов» куда захочет. Он считал, что болгарские политические деятели — без различия партий — являлись «верным отзвуком народных черт и народных вождений», что степень их влияния на принятие решений монархом достигала большой силы и поэтому нельзя говорить о том, что вся болгарская политика зависела и зависит исключительно от Фердинанда³⁹.

По мнению А. Савинского, афоризм, что каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает, трудно приложить в полной мере к «некультурному, забитому болгарскому народу, бывшему веками в рабстве. 35 лет не могли сделать из него политически зрелого организма, тем более что ему была дана самая либеральная из всех европейских конституций — бельгийская, с которой болгарские политические деятели обращались как дети с огнем. Винить народ за случившееся нельзя; даже строго осуждать короля трудно, так как он остается тем, чем родился — немцем; винить нужно тех, кто с бесконечностью садил на болгарский престол немцев»⁴⁰.

Весьма показателен еще один пассаж из «Записки по болгарскому вопросу» А. Савинского, в котором он высказал свою точку зрения на дальнейшее государственное устройство Болгарии. По его глубокому убеждению, восстановление монархии в Болгарии после изгнания Фердинанда было бы для России крайне невыгодно. «Всякий иностранный принц, не только из ныне дружественных нам Домов, но даже из нашего Царствующего Дома, а тем более основатель национальной династии, сделавшись болгарским королем, будет неизбежно, силою вещей, стараться увеличить территорию и мощь своей новой страны, и чем ближе он будет к нам, тем нам будет труднее противиться его планам. Поэтому было бы практичнее всего способствовать будущему временному правительству превратиться в республиканское или федеральное. При страшной склонности болгар к политиканству такое правительство на многие годы занялось бы своими внутренними делами, и таким образом одна из наших задач на Балканах, воспрепятствовать созданию слишком сильных государств, была бы достигнута»⁴¹.

Обсуждение планов относительно будущего Болгарии и Фердинан-

39 АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 5358. Л. 67.

40 Там же. Л. 13–14.

41 АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 5358. Л. 16.

да было прервано революцией в России. Фердинанду, все свое царствование опасавшегося императорского двора, довелось пережить российского императора, но сохранить трон он не смог. Сокрушительное поражение болгарской армии на Салоникском фронте в сентябре 1918 г., вызвавшее мощное солдатское восстание, вынудило его отречься от престола в пользу своего сына Бориса и удалиться в свое заграничное поместье. Вину за новое поражение все политические силы страны свалили на Фердинанда, стараясь сделать из бывшего монарха «козла отпущения». Дипломатия Антанты, учитывая прежний почти полный консенсус монарха, военной верхушки и лидеров основных политических партий, полагала, что Фердинанд лишь воплощал в жизнь устремления «болгарского национально-эгоизма»⁴².

Поражение Болгарии в мировой войне стало новой, более масштабной катастрофой. Если в Балканских войнах 1912–1913 гг. за попытку силой оружия добиться осуществления национального идеала она заплатила 55 тысячами убитых и 105 тысячами раненных, то потери в 1915–1918 гг. были на порядок выше. Общее число погибших и изувеченных войнами в период с 1912 по 1918 г. составило около 400 тысяч и более 160 тысяч болгар стали военнопленными в английских и французских лагерях.⁴³ Территория страны была жестоко окромсана со всех сторон соседними государствами.

Роковые решения, определившие судьбу страны, были приняты ее правителем, которому четверть века удавалось быть успешным кормчим этого государства в центре самого кризисного региона Европы. Длительное время его политика, нацеленная на возвышение и укрепление своей власти и государства, почти оптимально соответствовала национально-государственным интересам Болгарии, как заданных временем, так и соответствовавших состоянию общества. Как и многие монархи того времени, Фердинанд использовал национальную идею в своих интересах, он тешил народные ожидания демонстративной приверженностью болгарской «великой идее». Но, решив извлечь из нее выгоды, Фердинанд попал в тяжелое положение: объективным ходом событий он был поставлен в положение поднадзорного и был вынужден действовать сообразно сложившимся обстоятельствам. Ему пришлось под давлением националистически настроенных слоев, в первую очередь офицерства, решиться на силовое решение национального вопроса и принять войну как радикальный способ разрешения межрегиональных противоречий.

Личность Кобурга естественно, накладывала сильный отпечаток на его внешнеполитическую деятельность, моменты эмоционально-психологического характера влияли на руководство страной, но задачи

42 Болгария в XX веке. С. 92.

43 История на България. София, 1993. С. 517.

этого руководства определялись не царем самим по себе, а сложившейся ситуацией, реалиями того времени. Иначе говоря, национально-государственные интересы Болгарии и ее внешнеполитическая ориентация определялись не только и не столько личными амбициями монарха. В первую очередь, они определялись целью, к которой стремилось большинство болгар, — созданию Великой Болгарии. В погоне за призраком Великой Болгарии Фердинанд превратился из носителя национальной идеи в ее заложника и жертву.

«ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПАРТИОТ» ТОДОР АЛЕКСАНДРОВ: МЕЖДУ БОЛГАРИЕЙ И МАКЕДОНИЕЙ

Тодор Александров Попорусhev родился в 1881 г. в македонском городке Штип, расположенном в одном из западных вилайетов Османской империи.

Содержание всей его 43-летней жизни коротко можно определить словами, от которых, думаю, не отказался бы и он сам: это был революционер-террорист, с молодости сжигаемый одной, пламенной страстью: объединение всего болгарского народа в составе одного государства — Болгарии, в которое нераздельно вошли бы македонские земли, населенные, как полагали сторонники этой идеи, в основном болгарями. Однако в ходе своего развития и под влиянием крупных международных и внутривосточных передраг начала XX в. Идея изменилась в противоположном направлении, представ в 1923—1924 гг. в интерпретации Т. Александрова вариантом пограничного разделения между эвентуальным македонским государством (с преобладающим болгарским этносом) и Царством Болгария.

Человек деятельный, Тодор Александров принимал самое непосредственное участие во всех перипетиях так называемого македонского вопроса. В болгарской исторической литературе он побывал и героем национально-освободительной борьбы, и военным преступником, и опасным террористом, а в годы коммунистического режима в социалистической Болгарии предстал как организатор и руководитель националистической и даже фашистской организации. Тогда занятие этой персоной становилось делом не только непродуктивным, но и небезопасным; «его имя было скрыто от нас завесой молчания и отрицания», — пишет один из современных болгарских авторов¹. В целом, в исторической и мемуарной литературе Т. Александрова либо превозносили и хвалили, либо ругали, а его деятельность замалчивали².

Только в последние полтора-два десятилетия до наступления XXI века в Болгарии стало возможным научное исследование жизни и деятельности такого человека, как Т. Александров. Но и здесь есть своя особенность. Наибольший интерес к теме проявили историки, пристрастные к его делу и образу. Для них он — «имя-символ», человек, триумфально вошедший в легенду, «крупный по масштабу и прозорливый болгарин», обладатель непреклонной воли и сильного характера. Столь сладкозвучные дифирамбы весьма патриотичны, но, думается, слишком односторонни и, более того, своей прямолинейностью способствуют искажению сложности пути, пройденного Т. Александровым, на котором были и провалы, и цинич-

1 Военноисторически сборник. София, 1987. № 2. С. 184.

2 *Биларски Ц.* Предговор // Тодор Александров. Живот легенда / Съст. Ц. Биларски. София, 1991. С. 5.

ные провокации, наносившие вред болгарскому государству и обществу. Вместе с тем именно его современные адепты сделали очень много для выявления и публикации новых материалов, когда в результате «документальной революции» начала 1990-х гг. открылись архивные запасы, и публикация источников стала знаком совершенно новой эпохи. Нельзя не отметить, что болгарские историки Ц. Билярски, Кр. Гергинов, Т. Петров и другие имеют большие заслуги перед наукой, подготовив и издав ряд документальных подборок, хотя написанные ими предисловия к публикациям нередко носят апологетический характер. Заслуживает благодарности и их весьма полезная для читателей работа по составлению сложных, по настоящему исследовательских, комментариев к документам.

Введенными болгарскими специалистами в научный оборот материалами мы преимущественно и пользовались при подготовке настоящей статьи, сознавая, что в предложенном формате нарисовать широкого полотна не удастся, тем более, что объем литературы, в той или иной степени прилежащей к теме, поистине огромен, и в данных обстоятельствах часть его использовалась только как фон.

1. ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ, ДИНАМИТЧИК

Незаконная Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО) была создана в 1893 г. в городе Солуни (Салоники) — центре одного из балканских вилайетов Османской империи. Целью ее учредителей было попытаться революционным путем решить так называемый македонский вопрос, возникший в 1878 г. в результате отмены Берлинским конгрессом прелиминарного Сан-Стефанского договора. Принятыми в Берлине решениями македонские земли, вместо включения их в состав автономного Болгарского княжества, как это предполагалось в Сан-Стефано, было предписано оставить в составе турецкого государства. На эти земли, население которых (в том числе в значительной степени недостаточно определившееся этнически) жило чересполосно (где более или менее компактными поселениями, а где и вперемешку) претендовали Болгария, Сербия, Греция, а затем и Албания. Каждая из них выдвигала на первый план задачу полного объединения своего народа, поскольку на предыдущем этапе объединительного процесса во всех них эта задача была решена лишь частично. Болгары, как, впрочем, и все их балканские соседи, считали, что Македония населена по преимуществу именно их одноплеменниками.

Деятели ВМРО также исходили из представления о том, что большинство населения Македонии является именно болгарским. Своей задачей ВМРО провозгласила борьбу за освобождение Македонии из-под турецкого рабства и завоевание ею политического статуса автономии, что

подразумевало в дальнейшем присоединение к этнически однородному Княжеству Болгария. Такая задача не была чужда правящим кругам Болгарии, но до 1908 г. само Княжество еще сохраняло вассальные отношения с империей и не располагало свободой рук во внешнеполитической области. Во всяком случае, собственной разработанной национально-государственной концепции предъявить не могло. Однако такими программами располагали Греция и Сербия. Сложность положения заключалась в том, что претензии всех участников территориального спора распространялись на *одни и те же* земли, и каждый из претендентов заявлял, что населены они именно его этническим большинством.

Сколь запутан был вопрос на самом деле, можно приблизительно судить по описанию дробности македонского населения по разным показателям (этносостав, религиозная принадлежность, уровень грамотности и т.п.), которое сделал болгарский исследователь В. Кынчов, совершивший путешествие по Македонии в самом конце XIX века с этнографической целью. Оно, на наш взгляд, лучше всяких академических определений дает непосредственное представление о тогдашней демографии Македонии. Вот несколько приводимых им примеров: население вокруг городка Лагадино (на пути от Солуни к Сяру), пишет он, — болгарского происхождения, но половина его эллинизирована; в селах имеется по несколько домов греков-переселенцев, которые сумели эллинизировать болгар-крестьян: сам городок Лагадино старается приобрести греческий вид; остальные поселения остались чисто болгарскими³. Город Скопье насчитывает 32 тысячи жителей (без военного гарнизона), из них турок — 15 тыс., болгар — 13 тыс., цыган — 1920 чел., евреев — 800, греков — 450, албанцев-католиков — 150 и т.п.⁴. В Сяре, пришедшем в расстройство после установления железнодорожной связи Цариграда и Солуни с Веной, откуда стали поступать дешевые товары, осталось 27 тысяч жителей, в том числе 13 тыс. мусульман (турки, цыгане, черкесы) и 12 тыс. христиан. Имевшееся здесь производство текстиля (караваны с хлопком прежде ежегодно отправлялись в Вену) с приходом индийского хлопка подверглось разорению: сейчас сохранились всего 3 лавки по производству ситца — «дело поставлено первобытным способом»⁵. Или вот примеры из другой части Македонии: в селе Серска Джумая на празднике Пасхи большинство вlahов облачено в европейскую одежду, на голове у их школьных учителей — даже шляпы, болгары одеты по-крестьянски, только жены некоторых более богатых одеты как румынки⁶. Интересно и представление о городке Штип (откуда происходил наш «герой»Тодор Александров). В. Кынчов сообщает: точных сведений о насе-

3 *Кынчов В.* Избрани произведения. Т. 1. София, 1970. С. 31.

4 Там же. С. 22.

5 Там же. С. 44.

6 *Кынчов В.* Избрани произведения. Т. 1. София, 1970. С. 101.

лении Штипа нет; по мнению местных священников, болгар в городе и его предместье Ново село (место рождения Тодора) — примерно 9 тыс. человек (около 1500 домов); турок больше, считают, что их около 12 тысяч; кроме того, около 500 евреев и 150 цыган, следов эллинизма нет; сейчас община обеднела, но местные школы в хорошем состоянии (помимо начальной, имеются также мужская 3-хклассная и женская классная школы)⁷.

В социальном отношении преобладающей здесь (до 80%) была компактная крестьянская масса, страдавшая от эксплуатации со стороны государства и сохранявшихся в известной степени феодальных отношений⁸. Как отмечал современник событий — известный болгарский политический деятель П. Каравелов, — болгарские крестьяне в Македонии были гораздо беднее, чем крестьяне в собственно Болгарии периода до ее Освобождения⁹. Показателем уровня крестьянской техники может служить одно из орудий его труда, с этнографической точностью описанное В. Кынчовым: в селе Гювезна, расположенном на пути от Солуни к городку Сяр, крестьяне прикрепляли лемех к тяжелой кривой палке, образуя таким образом верхнюю часть сохи, другой конец орудия заканчивался ярмом. Пахота производилась одной парой волов. Всё рало человек свободно мог переносить на себе¹⁰. Большая бедность сельского населения, замечал Кынчов, плохо отражается и на положении города¹¹.

Капиталистические отношения, конечно, проникали и в Османскую империю, но, как подчеркивают специалисты-османисты, внедрение буржуазных элементов определялось не столько внутренними, сколько *внешнеэкономическими импульсами и связями*. Что происходило, главным образом, по линии торговли. Об этом пишет, например, современный российский исследователь С.М. Иванов, указывая на *внутреннюю неготовность империи* к вступлению на путь буржуазного развития. Изучение османских реалий конца XIX — XX в. приводит его к выводу, что «рост и общее увеличение объемов товарного производства здесь еще не свидетельствовали о *накопленном обществе потенциале* «прорыва» от традиционного к капиталистическому типу организации социально-экономической жизни»¹².

Другими словами, элементы новых стандартов жизни, оставались внешними, не проникали в ткань македонского общества и мало были

7 Там же. С. 368.

8 *Христов Хр.* Аграрные отношения в Македония през XIX в. и началото на XX в. София, 1964. С. 165.

9 Приведено в: *Божинов В.* Българската просвета в Македония и Одринска Фракия. 1878–1913 гг. София, 1982. С. 61.

10 *Кынчов В.* Указ. соч. С. 32.

11 Там же. С. 44.

12 *Иванов С.М.* Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX — начало XX в.). СПб, 2004. Автореферат докт. дисс. С. 20, 24.

связаны с конкретными социальными группами, или, как формулирует эту мысль С.М. Иванов, были «неорганичны *качественному состоянию общества*»¹³. Разбогатевшим на торговле отдельным представителям той или иной этнической группы еще предстояло вырасти и сложиться в принципиально новый общественный слой; равно как и росткам местной интеллигенции, которую называть так можно лишь условно, ибо к этой категории причисляли себя, главным образом, гимназические учителя, учителя начальных школ, православное духовенство, в основном, также низшее. А основой подобной недоразвитой социальной пирамиды оставалось сельчество, в преобладающем большинстве неграмотное.

Именно с таким населением предстояло работать ВМРО, поднимать его на революцию. В 1896 г. ВМРО была преобразована во ВМОРО (Внутренняя македоно-одринская революционная организация). Это значило, что объектом ее борьбы за освобождение от османской власти являются земли и население не только Македонии, но и Одринского санджака Турции. ЦК ВМОРО располагался в Солуни. В Софии в том же 1896 г. разместилось Заграничное представительство ВМОРО — как орган ее ЦК. Годом раньше опять-таки в Софии был учрежден Македонский комитет; он представлял интересы беженцев, организованных в Болгарии в македоно-одринские местные организации (землячества). В Софии оба учреждения существовали и действовали легально.

За несколько лет местные структуры ВМОРО возникли на всей территории Македонии и Одринской области Османской империи. На съезде Организации в Солуни в 1896 г., названном учредительным, революционеры подтвердили цель: завоевание *полной политической автономии* для Македонии и Одринской области; во ВМОРО вводилась иерархическая структура подчинения; «революционная территория» была разделена на округа, каждый со своим руководством¹⁴.

ВМОРО занялась агитационной работой среди населения, его вооружением, созданием вооруженных чет. Строгая дисциплина регламентировалась специальными циркулярами и инструкциями, как и вся иерархия руководства. Революционная дисциплина распространялась также на местных жителей. Им предлагалось, нередко под страхом смерти, покупать оружие, в том числе у четников, участвовать в восстаниях. Бедняков нередко силой заставляли вступать в отряды, богатых — делать финансовые взносы. Революционная заносчивость привела ВМОРО к якобы оправданной практике избавления (путем убийства) от «бесполезных для идеи людей», то есть от тех самых, ради освобождения и счастья которых затевалось само национально-освободительное движение. Убитых как врагов Организации списывали на злодеяния турецких чиновников.

13 Там же. С. 28.

14 Даскалов Р. Българското общество. 1878—1939. Т. 1. София. 2005. С. 185.

Так в довольно короткое время, где агитацией, где насилем была создана вооруженная организация, способная ставить перед местным населением боевые задачи и мобилизовывать его, хотя бы силой и принуждением, на их выполнение. Впрочем, немалая часть патриотически настроенных жителей добровольно вливалась в ряды ВМОРО, становилась четниками, с верой в возможность осуществления заветной цели.

Нелегальная деятельность ВМОРО, подвергавшейся постоянным преследованиям турецких властей, очень скоро определила характер Организации как *террористической*.

* * *

В апреле 1903 г. при выходе из Солунской гавани взлетело на воздух французское пассажирское судно «Гвадалквивир», а в самом городе — здание Оттоманского банка. Вслед за подрывом сетей освещения и водоснабжения Солунь погрузилась во мрак. Серия терактов продолжилась взрывами на железнодорожной линии Солунь — Цариград. «Динамитный сериал» явился ответом ВМОРО на разработанный Россией и Австро-Венгрией проект реформ для некоторого улучшения положения населения Македонии: не *реформы* нужны, говорили революционеры этим терактом, а *радикальное разрешение* македонского вопроса¹⁵.

Масштабная диверсия, как было установлено, осуществлялась группой молодежи г. Велеса и Солунской мужской гимназии. Одним из участников насильственной акции был Тодор Александров, учитель начальной школы в г. Кочани и руководитель местной революционной организации. «При моем содействии, — напишет он позже в «Автобиографии», — в Солунь была доставлена большая часть взрывчатки для акции»¹⁶.

Именно на базе знаменитой Солунской болгарской мужской гимназии сложился круг революционных деятелей, многие из которых стали инициаторами создания ВМОРО/ВМОРО. Гимназия имени «Святых Кирилла и Мефодия» открылась в 1880 г. при содействии местной болгарской общины и экзархийского протосингела М. Кусевича. Срок обучения в ней был установлен в семь лет. При гимназии имелись пансион, хорошо оборудованные химический и физический кабинеты, а также библиотека, оркестр и даже — единственная в Турции — метеорологическая станция¹⁷.

С приобретением в 1870 г. Болгарской православной церковью самостоятельности одним из главных направлений деятельности возглавившего ее экзарха стало насаждение болгарского самосознания среди населе-

15 *Исаева О.Н.* Мюршштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония: проблемы истории и культуры / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 1999. С. 81.

16 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Непубликувани документи за дейността на Тодор Александров и ВМОРО (1910–1919 г.) // Военноисторически сборник. София, 1987. № 2. С.189.

17 *Энциклопедия България.* Т. VII. София, 1988. С. 290.

ния — строились православные храмы, где служили болгарские священники, развивалась система болгарского школьного образования. Школы различного уровня стали открываться в ряде городов и сел македонских вилайетов — классическая гимназия в Битоле, педучилища в Скопье и Сяре, множество классных и начальных школ. Историки отмечают, что на местах появилась даже своего рода мода на открытие образовательного учреждения, что становилось делом чести для болгарской общины, которая и содержала его финансово. Увлечение новым делом и наставления экзархийских пропагандистов по поводу его важности содействовали успеху¹⁸.

Это увлечение дало не совсем ожидаемые результаты. За сравнительно короткое время произошло своего рода перепроизводство молодых людей учительской профессии. Правда, их никогда не бывает слишком много в малообразованном обществе, но дело в том, что если в Княжестве Болгария интеллигенцию первого поколения быстро поглощала государственная служба, то в македонских землях турецкому государству, тем более исповедовавшему тогда идеологию османизма, болгарские выпускники были не нужны. Писатель П. Яворов отмечал в 1901 г., что школ в Македонии в процентном отношении к населению было больше, чем в Княжестве, как и учителей с законченным образованием. Он считал, что дело не только в отсутствии возможности использовать таких людей в администрации, но и в отсутствии в Македонии «литературы, искусства, журналистики, которые поглощают талант»¹⁹.

Впрочем, складывавшаяся просветительская сеть сама определяла направление «профессиональной деятельности» выпускников: не только в Солунской мужской гимназии, но повсеместно в школах организовывались тайные революционные кружки, причем организаторами и руководителями их часто выступали учителя и директора учебных заведений. Какие методы борьбы за освобождение Македонии имелись при этом в виду? Они разнились, так как в каждой школе или гимназии активисты делились на так называемых экзархистов и революционеров. Первые выступали за эволюционное распространение просвещения через школу и духовное влияние церкви, за что, собственно, ратовала экзархия, полагая таким образом содействовать утверждению болгарского самосознания. Для революционеров этот путь был слишком медленным, им нужны были более решительные и быстрые меры для радикального изменения политического строя. Слоган сторонников политики экзарха: «Труд и ревность несут удачу», несомненно, уступал боевитому слогану революционеров: «Свободе не нужен экзарх, нужен Караджа»²⁰. Учителя повседневно рабо-

18 *Божинев В.* Указ. соч. С. 129.

19 Цит. по: Там же.

20 *Божинев В.* Указ. соч. С. 124.

тали с молодыми людьми, находившимися в самом лабильном возрасте, легко откликнувшимися на завлекательные революционные идеи, на борьбу, приключения, романтику, на причастность к предлагавшимся тайнам и таинствам. Так, юного Тодора Александрова посвящал в товарищество ВМРО ни кто иной, как директор его педагогического училища в Скопье Христо Матов, известный как крупный деятель ВМОРО; именно в его присутствии отрок приносил клятву верности революционному делу.

Александров, родившийся в 1881 году, педучилище окончил в 1898 г. с правом работать в экзархийских школах. Аттестат зрелости свидетельствует о весьма успешном прохождении им школьного курса, лишь по двум предметам полученные им оценки были чуть ниже высшего бала. Назначенный на должность учителя младших классов в районный центр Кочани, Александров задержался там лишь на год. Вообще для его служебного «продвижения» характерны «скачки» с места на место: за Кочанской последовали школы в Виннице, Кратове, снова Кочани, и все с интервалом в один год. Пока в апреле 1903 г. он не был арестован. И повсюду Тодор вел революционную работу: организовывал население, устанавливал каналы связи, пункты снабжения оружием. «Через революционную организацию в Кочани, — напишет он в 1923 г. в «Автобиографии», — проходило много чет и материалов почти для всей Македонии»²¹. Об его участии в Солунской диверсии уже говорилось выше. Александров явил конкретный пример того, как образовательные учреждения в Македонии становились поставщиками революционных кадров, которые, действуя в рамках ВМОРО, быстро превращались в приверженцев террористической тактики.

Зачерно ли быть террористом? Современные отечественные исследователи террора и терроризма как социальных явлений единодушно признают террор логичным и естественным, если речь идет о национально-освободительной или партизанской борьбе²². В таком случае кровавая реальность прикрывается возвышенной риторикой, глубоко и массово осмысленной идеей. Именно «насаживание» терроризма на революционную цель, как на стержень, делает причиняемое зло как бы оправданным. Исполнитель теракта в момент его совершения кажется себе мужественным, благородным, жестоким, бескомпромиссным борцом за «справедливость», а жертвы предстают безличными существами. И самое важное — общество принимает его деяние, ценит его, награждая тем или иным способом.

Да, так и происходило во ВМОРО. И разве в конце XIX — начале XX в. могло быть иначе! Вспомним хотя бы Россию. Но что происходит с пси-

21 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Непубликувани документи... С. 189.

22 *Ольшанский Д.В.* Психология терроризма. СПб, 2002; *Литвинов Н.Д.* Роль идеи в развитии антигосударственного терроризма. Воронеж, 1999; *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1998.

хойкой профессионального террориста? В террор не идут насильно, пишет Д.В. Ольшанский, им занимаются те, кому это нравится. Террор, считает он, это определенный способ жизни и деятельности, который целиком захватывает человека и подчиняет его себе; террор не может быть увлечением в свободное время²³. Иными словами, террор глубоко входит в такого человека, в его сознание, становится фактором его личности, притом фактором не отягощающим, но просто само собой разумеющимся.

Все это необходимо сказать, чтобы выявить, возможно, главное в натуре человека, подобного Т. Александрову, чтобы понять корни ощущения им своего «Я», его представления о служении «главной идее».

* * *

Арест Александрова в марте 1903 г. турецкой полицией произошел «из-за предательства местных влахов, с которых собирали налог на подготовку восстания»²⁴, — запись в «Автобиографии» об аресте деловита и лаконична, Тодор не вдается в рассуждения об отношении населения к практике ВМОРО, к вымогательству у него денежных средств. Приговоренный Скопским чрезвычайным судом к 5 годам тюремного заключения, он уже летом 1904 г. вышел на свободу «в результате большой политической амнистии». Амнистия, между прочим, явилась одним из пунктов той самой Мюрцштегской программы реформ, против которой ВМОРО протестовала, устраивая теракты.

Летом 1903 г. революционная организация осуществила давно задуманное большое восстание, получившее название Ильинденско-Преображенского. По ряду признаков, оно разыгралось на линии уже начавшегося падения силы и авторитета ВМОРО. Как и все предыдущие, это вооруженное выступление было недостаточно продуманным и подготовленным, кончилось поражением, и в ходе его никакая международная сила, никакое государство не посчитали нужным вмешаться и решить вопрос о политической автономии Македонии.

В отчаянии — пусть хотя бы Болгария вмешается! — ВМОРО мобилизовала македонские землячества в болгарских городах. Созванный 14 сентября 1903 г. внушительный митинг в Софии потребовал от болгарского правительства, чтобы оно объявило войну Османской империи. На митинге звучали слова: «Война любой ценой и независимо от ее исхода — это национальный и моральный долг Болгарии по отношению к освободительным усилиям македонских и фракийских болгар». Представители некоторых земляществ предлагали заставить правительство Княжества объявить войну против его воли, например, путем убийства турецкого комиссара в Софии, или любым другим способом. Разрядить обстановку — к

23 *Ольшанский Д.В.* Указ. соч. С. 112, 114.

24 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Непубликувани документи... С. 189.

такой войне Болгария готова не была — удалось с большим трудом, благодаря вмешательству авторитетного Христо Татарчева — заграничного представителя ВМОРО в Софии²⁵.

Провал повстанческой тактики способствовал расколу Организации, в ней окончательно оформилась левица во главе с Яне Санданским, выступавшим за Балканскую федеративную республику, в которой Македония и Одринская область будут иметь полную политическую автономию. «Правые» остались верны автономистской идее, но внутреннее расстройство ВМОРО тормозило конкретную деятельность.

Поражение восстания и жестокая расправа турецких властей с повстанцами привели к массовому исходу населения из Македонии. Примерно 30-32 тысячи беженцев направились в Княжество Болгария. Небольшие группы уезжали в Румынию, Сербию, Словению, США. До 1908 г. поток эмигрантов увлек за собой свыше 40 тысяч человек. Уезжали в основном представители интеллигенции, молодые торговцы, ремесленники, крестьяне, учителя и, главным образом, сами члены ВМОРО²⁶. Эти события, поставившие точку на массовой революционной деятельности ВМОРО в Македонии и Одринской области, оставили Т. Александрова неудел.

Он попытался вернуться на работу в школу, сумел стать главным учителем двухклассного училища в родном Штипе и ... все-таки членом районного руководства ВМОРО. Но турецкие власти проявили бдительность, запретив ему даже «ступать в школу».

Что делать дальше? В несурзаице того времени Александров переезжает в болгарское Княжество, поселяется в Бургасе. Приблизительно тогда же обзаводится семьей. Но степенная жизнь — не для него. Весной 1907 г. он вновь отправляется в Македонию. ВМОРО еще проявляет признаки жизни, проводит кое-где районные и окружные съезды, в некоторых из них Тодор принимает участие, но высоких постов не занимает.

* * *

Новой вехой в развитии событий на Балканах становится Младотурецкая революция 1908 г. Поначалу она имеет демократический облик, в ходе ее восстанавливается Турецкая конституция 1876 г.; устанавливается так называемый хуриет, сопровождаемый провозглашением политических свобод, равенства всех граждан перед законом. Младотурки в обмен на обещание помощи «македонствующим» добиваются выхода ВМОРО из подполья, роспуска ее чет, сдачи оружия. Это конец? Нет, Александров отдает распоряжение хотя бы на неделю задержать в своем округе сдачу ору-

25 См.: *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008. С. 166-167.

26 *Бошнакова М.* ВМОРО и эмиграцията на българите от Македония след Илинденско-Преображенското въстание // *Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби на българите.* София, 2005. С. 250.

жая туркам, чтобы успеть спрятать его. Он не верит ни в какие благодеяния со стороны официальной власти, знает, что впереди только борьба.

2. КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ВОЙНУ ...

Недостаток сведений о личности Тодора Александрова, о круге его знаний и интересов, кроме сугубо революционных, о круге чтения или отношении к своей гражданской профессии — учительской, к семье, очень затрудняет составить представление о нем, как о человеке. Некий свет на это проливает его дружба — товарищество с «горячим македонцем», болгарским поэтом Пейо Яворовым, все более вовлекавшимся в конкретные революционные дела. В газете «Илинден» (орган «правых» ВМОРО) Яворов опубликовал в год ее основания (1908) 22 статьи на злободневные темы. Но подробнее о сотрудничестве Александрова с Яворовым — чуть ниже.

В 1909–1910 г. среди бывших активистов Организации все яснее стало проявляться желание заняться прежним делом, восстановить организацию, добиваться заветной цели. Для «правых» — сторонников террористической тактики, революция являлась высшей ценностью, и они не слишком интересовались, насколько благоприятны внешнеполитические условия для такой деятельности. В 1910 г. в Софии собрались несколько воевод, четников, бывших руководителей революционных округов Македонии с целью обсуждения положения и выяснения перспектив дальнейшей работы. В ходе неформальных обсуждений выдвигался главный вопрос — о месте четничества в предстоящей борьбе: возобновлять ли его или достаточно будет нелегальных и террористических акций против турок²⁷. Как пишет в воспоминаниях участник событий Милан Матов, мнения разделились. «Старые» нажимали на необходимость сохранения людей: «Хватит жертв!», — зывали они. «Разве не видите, как стирается болгарский облик Македонии? Люди боятся и спешат выселиться, а этого быть не должно. В Америку, в Австралию и по всему свету разошлись наши люди. /.../. Нельзя так!»²⁸.

Тем не менее воинствующие революционеры — и среди них Т. Александров — решили не отступать и активнее использовать Болгарию для достижения прежней цели. Необходимо было в первую очередь воссоздать Центральный комитет ВМОРО. Но сложившиеся условия не позволяли провести его выборы с соблюдением уставных требований, и в начале 1911 г. пришлось, как сообщает М. Матов, избрать ЦК и Заграничное представительство «по-товарищески, хотя и незаконно». Однако и после этого между его членами и в отношениях с местными руководителями ВМОРО

27 *Бошнакова М.* За революционера Милан Матов и неговите спомени \\ *Матов М.* За премълчаното в историята на ВМОРО. Спомени. София. 2007. С. 11.

28 *Матов М.* За премълчаното... С. 177.

продолжались препирательства²⁹.

В новый состав ЦК ВМОРО вошла группа «более молодых деятелей»: П. Чаулев, Хр. Чернопеев и Тодор Александров³⁰, а также в качестве запасного члена ЦК ВМОРО Александр Протогеров — 44-летний офицер действительной службы, один из основателей офицерских братств и член Верховного македоно-одринского комитета (ВМОК), а также участник Горноджумайского 1902 г. и Ильинденско-Преображенского 1903 г. вооруженных восстаний на территории Македонии против турецких властей.

К тому времени были предприняты уже некоторые шаги для подъема почти из небытия Организации как таковой. Одним из первых занялся конкретным делом известный македонский деятель Христо Чернопеев, восстанавливая Струмишский революционный округ, который и стал «ядром вновь созданной Болгарской народной македоно-одринской революционной организации»³¹. Следом за ним начал работу по восстановлению Скопского революционного округа Тодор Александров, помогая делать это и в других округах. Применительно к началу 1911 г. болгарские исследователи фиксируют преодоление раскола «на всей территории Организации»³². Некоторые из них именно с именем Александра связывают «пробуждение Организации от хуриетского сна»³³.

Начинается конкретная работа. Как член Центрального комитета Тодор Александров, конечно, один из самых деятельных. Он в своей стихии, к тому же имеет большие полномочия. 11 июня 1911 г. Тодор сообщает Хр. Чернопееву о впечатлениях от посещения им нескольких сел в районе Кратово, Штипа и Куманова: «Дух населения — отличный. Везде хорошо принимают и готовы на все риски и жертвы (по контексту это относится к крестьянам. — *Р.Г.*) Горожане еще противятся, но начали собирать с них налог. Это их вразумит, особенно после того, как *накажут и принудят* некоторых *насилъно внести свой налог*». Разложили налог и на влахов, они внесут быстрее и легче, потому что сейчас — в наших руках. Собирай и ты с влахов налог и поспеши с отправкой денег в Софию (курсив мой. — *Р.Г.*)»³⁴. И далее — о планах террористической деятельности: готовим 2-3 взрыва на дорогах; «если можешь, распорядись и ты об 1-2 таких атентата по линии в Струмишском и Солунском округах. Но еще полезнее для нашего дела будут взрывы на железных дорогах, на европейских фабриках, фермах и т.п., в государственных и общественных зданиях, на мостах». Александров делится и откровенно циничным приемом: с христиан (ар-

29 *Матов М.* За премълчаното... С. 178.

30 *Куманов М.* Македония. Кратък исторически справочник. София. 1993. С. 57.

31 *Александров Т.* Дневник и кореспонденция ... Предговор. С. 5.

32 Там же.

33 Заговорът против Тодор Александров по данни на ВМОРО. София, 1991. С. 1.

34 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Из архивното наследство на Тодор Александров // Известия на държавните архиви. София, 1990. № 60. С. 216.

мян, греков), желающих бежать от власти турок в Болгарию, в виде платы за переправу мы можем требовать убийство ими высших офицеров, чиновников, подрыв казарм и т.п.³⁵ Это ли не забота революционера о внедрении террористической идеологии в головы людей, о превращении террора в обыденность!

Особенно «урожайными» на многочисленные диверсии и теракты оказались 1911 и первая половина 1912 г. Взрывались поезда, трамваи, почтовые фургоны, мосты.

Начавшаяся летом 1911 г. Итало-турецкая война обнаружила военную слабость Турецкой империи, что, несомненно, способствовало окончательному формированию в голове Александра идеи использовать ситуацию, чтобы, не откладывая, как можно скорее напасть на турок с другой стороны, и в качестве тарана использовать Болгарию. Но как заставить болгарское правительство объявить войну Турции? Хотя в Болгарии, провозглашенной в 1908 г. Царством, было немало сторонников силового, военного разрешения национального вопроса, особенно среди военных и македонских эмигрантов, многие из которых занимали довольно высокие административные посты, царь Фердинанд и часть политической элиты испытывали большие колебания, не решаясь на судьбоносный шаг. Александр искал способы оказания на них давления. Среди многочисленных терактов, совершенных в 1911 г., взрыв бомбы в Штипе и последовавшая за ним кровавая расправа турецких властей с местными болгарскими жителями, как с помощью циничной провокации можно психологически воздействовать на болгар в Царстве, вызвать их на бой в защиту единокровных братьев.

Одновременно предпринимались и другие действия — легальные и полуполициальные. В октябре 1911 г. генеральным консулам великих держав в Солуни, Скопье, Битоле и Одрине были вручены от имени ВМОРО памятные записки, извещавшие о возобновлении деятельности Организации в связи с тем, что лидеры младотурок изменили принципам свободы и равенства, и насилия над македонским населением продолжают. Документ был составлен на французском языке, и «цивилизованный мир» таким образом оповещался, что целью организации по-прежнему является автономия Македонии, а добиваться этого она будет «через атентаты*, устраиваемые небольшими четами»³⁶.

За дипломатическим демаршем последовали конкретные действия: 19 октября 1911 г. ЦК ВМОРО объявил о приведении Организации в боевую готовность. В документе говорилось: «Итало-турецкая война разубедила всех, кто говорил, что продолжать работу нет смысла, и показала, что,

35 Там же. С. 216–217.

36 * То есть взрывы, покушения, теракты. *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Непубликованы документи... С. 185.

наоборот, — работать надо. Надо использовать момент, чтобы потребовать от Европы разрешения македонского вопроса». В специальном циркуляре ЦК призывал революционных организаторов привести в порядок имеющееся оружие, приобретать патроны — до 200 на каждую винтовку, и строго требовал: «Распорядитесь немедленно об обложении налогами для приобретения патронов»³⁷.

Пожалуй, еще более показательно письмо Тодора Александрова к Пейо Яворову: с 1910 г. они настолько сблизились, что поэт стал ближайшим сподвижником Александрова и его доверенным лицом в качестве заграничного представителя ВМОРО в Софии. В послании от 22 октября 1911 г. Тодор просит друга агитировать премьера И. Гешова и министра Т. Теодорова «быстрее обнажить нож»³⁸. Так, в частном письме откровенно произносится то, что более или менее вуалировалось в официальных бумагах: македонский лидер как бы «поручает» именно Болгарии «обнажить нож против Турции», для чего желательно перетянуть на сторону идеи объявления войны Османской империи главу правительства и авторитетного члена его кабинета. Но это дело не из легких: Гешов — известный русофил, а Россия твердо стоит на позиции сохранения статус кво в регионе, к тому же сам Гешов относится к деятельности Организации далеко не благожелательно.

Кажется, Александров задействовать все каналы. И вдруг ... неожиданная остановка — 22 января 1912 г. он пишет Яворову, что хочет отдохнуть несколько недель, «спастись от головной боли и досады»³⁹ (последнее слово, сообщают публикаторы, зачеркнуто автором в оригинале документа). Спустя неделю — новая идея: желание послать свой аттестат зрелости в какой-нибудь западный университет. «Неплохо будет поучиться несколько семестров, — делится он с Яворовым, — и, если останусь жив, это когда-нибудь пригодится, если же меня убьют, потерю не больше, чем внесенная плата»⁴⁰. По всей видимости, задуманное — не случайная, шальная мысль: в письме из Солуни годом позже (12 января 1913 г.) Тодор обращается к тому же адресату с упреком, что его предчувствия сбылись и «из-за вашей небрежности с моими документами» два его семестра пропали даром. Все же он не теряет надежды, спрашивая, «можно ли сейчас еще послать мои документы куда-нибудь»⁴¹.

Что это — усталость, желание выбраться из осточертевшего круга

37 Известия на държавните архиви. София, 1990. № 60. С. 220-221.

38 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Из кореспонденцията на Пейо Крачолов Яворов с Тодор Александров (1911–1914 гг.) // Военноисторически сборник. София, 1985. № 3. С.200.

39 Там же. С. 201.

40 Там же. С. 202.

41 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Из кореспонденцията на Пейо Крачолов Яворов с Тодор Александров... С. 203.

проблем, вращающихся в одной и той же колее, стремление понять себя, оглянуться на другие стороны жизни? А пока что речь об отдыхе. Но почему для него выбрано столь тревожное время: все балканские государства находятся в нервном ожидании, война с Османской империей кажется им неизбежной. В феврале 1912 г., когда завершаются переговоры между Сербией и Болгарией о военном союзе против Турции, Александров отправляется в путешествие. Посылает Яворову нарядные почтовые карточки из Венеции (22 февраля), Ниццы (28 марта), затем поездка продолжилась по Черногории, Хорватии, Венгрии. Он зондировал почву? Искал союзников? О том можно лишь догадываться: ведь еще весной 1911 г. Александров вместе с Хр. Чернопеевым и П. Чаулевым встречался в Цетинье с албанскими руководителями, пытался договориться о совместной борьбе против турецкой власти⁴².

Пока что убедительных ответов на подобные вопросы найти не удалось и можно только домысливать. Но, скорее всего, в это время Александров окончательно решает, где и как следует расставить точки в деле вовлечения Болгарии в войну, при том, что испытывает большое недоверие к попыткам болгарского гражданского правительства образовать Балканский союз против Турции и к способности болгарской дипломатии обеспечить Болгарии все права на македонские земли, как они были обозначены в Сан-Стефанском договоре. На меньшее революционеры не согласны.

Македонские земли летом 1912 г. становятся полем действия многочисленных диверсионных групп. Помимо плотности этих деяний, даже по сравнению с 1911 г., они отличаются тем, что в ходе их начинают применяться новые элементы борьбы: во-первых, откровенные провокации с массовыми жертвами и, во-вторых, массивное информационное обеспечение событий, с перекладыванием на противника ответственности за пролитую кровь. А также, в-третьих, — широкое использование психологически важного фактора кровного «племенного» родства болгар Царства и болгар, избиваемых турками в Македонии. Кампания началась устроенными Александровым и Протогеровым взрывами бомб в Штипе, где за диверсию поплатилось местное болгарское население; расправа турецких властей с ним была жестокой, пролилась безвинная кровь.

Годом позже, к моменту окончания турецкого судебного процесса по поводу штипских событий, новые взрывы прозвучали в македонском городке Кочани. Они повлекли за собой очередные кровавые репрессии со стороны турок, в ходе беспорядков было убито около 40 человек, многие ранены. Напряженность, связанная с судебным процессом, и одновременно с ним проведенная по той же схеме и теми же исполнителями очередная провокация, вызвала чрезвычайно бурную реакцию — выстрел дуплетом всегда звучит громче. Вопли о чудовищной жестокости турок моменталь-

42 Тодор Александров. Живот легенда. С. 12.

но заполнили страницы болгарской прессы, на все лады требовавшей возмездия. И не меньшего, чем война с Турцией.

Откликнулся и ЦК ВМОРО. Вслед за инструкцией, разработанной Хр. Чернопеевым, Александров — «скопский нелегальный окружной и член Центрального комитета», как он подписался в письме от 2 сентября 1912 г. к районным воеводам округа, предписал им следующую тактику: исходя из того, говорилось в документе, что у нас недостаточно средств для организации «внушительных партизанских действий, нет и массового движения, а дух населения сильно упал», в настоящих условиях динамитные атентаты во всех отношениях предпочтительнее перед партизанскими действиями; кроме того, партизанские действия меньше страшат турок и почти никак не затрагивают торговлю и интересы европейцев, «в то время как подрывы поездов, мостов, вокзалов и теракты в городах самым чувствительным образом затрагивают европейские интересы и принуждают великие державы быстро и эффективно вмешаться».

Мысль Тодора шла дальше: следует по возможности вооружать население, главным образом, для самозащиты, но также и для облегчения действий диверсионных групп в селах и городах и особенно вблизи железных дорог, «эти диверсионные группы заменят целиком легальные четы, существовавшие в прошлом», а в некоторых случаях будут нужны и для партизанских действий, «усиливая эффект одновременных динамитных взрывов»⁴³.

Агитационно-информационная кампания в печати Царства Болгария была мастерски организована. В результате августовской истерики в прессе (и не только военной) и массовых митингов, прокатившихся по стране, болгарское общество, включая его верхние слои, не имевшее до тех пор однозначного мнения относительно необходимости войны с Турцией, резко качнулось в желаемую и фактически спровоцированную македонскими революционерами сторону. Предлагаемая ими причина невозможности более существовать в рамках мирных отношений с Турцией, мстительное требование к османским властям ответить за жестокости по отношению к болгарам в Македонии были приняты и поддержаны обществом и царским двором. В царском Манифесте от 5 октября 1912 г. об объявлении Болгарией войны Турции Фердинанд поводом к войне назвал резню болгар турками в Штипе и Кочани, ни словом, естественно, не обмолвившись, что резня была спровоцирована ни кем иными, как Тодором Александровым и Александром Протогеровым, а единокровные братья оказались сознательно принесенными в жертву их идефикс. «Деятельность ВМОРО в 1911 и 1912 гг. во многом привела к тому, что был *найден повод* для объявления Балканской войны. Им стала резня болгар в Штипе

43 Гергинов Кр., Билярски Ц. Непубликувани документи ... С. 196.

и Кочани в ответ на атентаты ВМОРО (курсив мой. — *Р.Г.*)»⁴⁴, внешне бесстрастно сообщает Ц. Билярски. Но выделенные курсивом слова сами по себе несут, как мне представляется, положительную оценку автором находчивости Александрова.

Первая Балканская война, начавшаяся на волне талантливо поднятых идей патриотизма и под благородным лозунгом защиты страдающих под иноземным гнетом братьев-болгар, на первых порах сопровождалась значительным успехом болгарских войск, так что уже где-то в конце октября 1912 г. султан запросил перемирия.

Конечно, не один Александров выступал за военное решение Болгарией македонского вопроса. Но он сумел имевшееся в части болгарского общества настроение в пользу войны поднять до уровня общественной психопатии, сделать ее своеобразным мейнстримом политической жизни, по крайней мере, в 1912 г. И это было его личным делом, его жизнью. В ходе 1-й Балканской войны он постоянно держал руку на пульсе. Обстоятельства складывались таким образом, что вначале болгарская армия направилась именно в Македонию, но затем, согласно союзному договору, передислоцировалась на восточный фронт, оставив на македонских землях «ответственными» сербов и греков. Видя здесь опасность для болгарских интересов, Тодор предупредил о ней премьер-министра и одновременно отправил «в свои районы воевод для наблюдения за оккупантами и оказания помощи населению»⁴⁵. Так в его лексиконе союзники стали значиться оккупантами.

Тревога не отпускала его. Уже в декабре 1912 г. ЦК ВМОРО направляет памятную записку царю Фердинанду, а в январе 1913 г. премьер-министру Гешову, обращая внимание властей на несоблюдение союзниками условий договора, в частности, касательно «спорной зоны» и на опасность получить в результате «нового поработителя здесь»⁴⁶.

Эти документы по-своему интересны: в них и чутье прагматика, и предугадывание беды. Но в них и непонимание того, что Болгария во многих отношениях плохо подготовлена к союзнической войне, что царская дипломатия слаба и неумела, а союзники маневрируют лучше, и, главное, что одного силового напора для победы недостаточно. Из предчувствия беды делается только один вывод — надо идти напролом. Происходит самонагнетание возбуждения, в ходу только черно-белая краска, только прямолинейность! 27 января 1913 г. в письме к Яворову Тодор пишет: «Сделаем все возможное, — пишет он, — чтобы не позволить болгарскому правительству подарить болгарские земли сербам и грекам и продолжать цепляться за какой-то там союз, меньше всего нужный нам, по крайней

44 *Билярски Ц.* Предговор // Тодор Александров. Живот легенда. С.12.

45 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Непубликувани документи ... С. 185-186.

46 Там же. С. 186.

мере, впредь. Если не сумеем этого сделать, то хотя бы выполним до конца наш долг и дадим понять нашу силу всем “союзникам”»⁴⁷.

Еще злее такая прямолинейность отражена в черновике Декларации ВМРО от 16 мая 1913 г., когда положение Болгарии стало совсем серьезным. В документе говорилось: «Внутренняя организация, не признавая никаких спорных земель, но, признавая, что в *границах Македонии существуют только болгарские земли*, должна заявить своевременно и категорически, что, если македонский вопрос не решится так, как она того желает, то она не прекратит революционную деятельность и в вихре борьбы не усомнится в том, чтобы использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства, не обращая внимания ни на Женевские и ни на какие другие международные конвенции (курсив мой. — *Р.Г.*)»⁴⁸.

Абсолютизируя идею и гипнотизируясь ею, Александров и саму войну считает едва ли не собственной, заявляя: *эта война — наша, так как именно события в Штипе, Кичево, Кочани, вызванные нами, дали к ней повод*, явились первопричиной войны, «начатой главным образом и, прежде всего, во имя освобождения македонского населения»⁴⁹.

Александров не сомневается в неизбежности войны между союзниками и готов сделать все, чтобы она произошла. Это следует из его письма из Штипа в Софию Яворову от 25 мая 1913 г.: «Договорились, — сообщает он, — с некоторыми военными, что, если правительство попытается избежать войны, мы отсюда спровоцируем ее и заставим... (обрыв текста. — *Р.Г.*). Поэтому следует регулярно телеграфически извещать нас, как обстоят дела, особенно о войне, чтобы не пропустить момента»⁵⁰. В последующих письмах он просит немедленно слать динамит, партии сухих элементов, фитили с запалами и т.п. А 30 мая пишет, что, по его сведениям, штаб ополчения «по приказу Главной квартиры распорядился предпринять разрушение железнодорожных мостов, каналов водоснабжения и т.п. по линиям Велес-Скопье, Скопье-Митровица и Скопье-Куманово. Видишь, этими и другими подобными диверсиями можно ускорить и даже *заставить* (курсив в тексте) вызвать войну. Отправил людей в Кумановскую околию, но не могу верить им, как самому себе. Я должен поехать сам и вплоть до самопожертвования, но заставить вызвать эту войну, благодаря которой сумеем объединиться: возьмем все болгарские земли Македонии, как и «спорную зону», названную так болгарским правительством, а также Солунь со всеми болгарскими околиями вокруг нее»⁵¹. Смело! Особенно для человека, не прошедшего настоящей воинской службы, не говоря уже

47 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Непубликувани документи ... С. 204.

48 Тодор Александров. Живот легенда. С. 133-135.

49 Там же.

50 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Из кореспонденцията на Пейо Крачолов Яворов с Тодор Александров ... С. 208.

51 Там же. С. 209.

о военных академиях, где дают некое представление о военной и политической стратегии, для человека, опыт которого ограничивался партизанскими вылазками и диверсиями.

За шесть дней до начала Межсоюзнической войны Александров направляет из Штипа письмо «Ко всем деятелям ВМОРО». Вот выдержки из него: «Концентрация болгарских войск против сербов и греков почти завершена. Вероятность войны очень велика, притом, что болгарское правительство под нажимом великих держав все еще колеблется и пытается разрешить вопрос мирным путем. В этом случае мы потеряем: спорную зону, то есть местности Скопскую, Кумановскую, Тетовскую, Гостиварскую, Кичевскую и Дебарскую, как и прекрасный город Солунь. Чтобы раз и навсегда решить вопрос нашего национального объединения, чтобы взять сейчас все болгарские земли — и спорную зону, и Солунь, надо непременно объявить войну и грекам, и сербам. Поскольку Главная квартира разрешила послать части внутрь Македонии, где они начнут устраивать диверсии, сейчас целиком от нас зависит — ускорить и заставить открыть войну, как мы это сделали с помощью акций и терактов в 1910-1912 гг. для войны с Турцией /.../ Уверен в полном успехе правого дела, желаю удачи всем товарищам. Да здравствует объединенная Болгария! До встречи в свободных болгарских городах Скопье, Битоля и Солунь!». Подпись: Нелегальный окружной /руководитель/ и член ЦК Тодор Александров⁵².

Межсоюзническая война началась в середине июня 1913 г. и закончилась быстрым разгромом Болгарии. По Бухарестскому мирному договору, заключенному 28 июля, Болгария потеряла Добруджу. Основная часть македонских земель была поделена между победителями, Болгарии удалось отстоять лишь небольшую их часть. Опыт дался тяжело. Погибло около 33 тыс. человек, свыше 60 тыс. было ранено и покалечено. Ни о каком разрешении македонского вопроса в духе болгарских максималистских требований не могло быть и речи. Такой разгром и такое поражение означали, что в борьбе за национальный болгарский идеал, как иначе расшифровывался македонский вопрос в Болгарии, точка невозврата пройдена. Хотя осознать подобное в то время было трудно, просто невозможно.

Но остановиться уже не было возможности. С началом Первой мировой войны, когда на протяжении нескольких месяцев воюющие блоки вели борьбу за привлечение Болгарии на свою сторону, Александров, действуя уже известным путем — организовав очередную авантюру («Валандовскую аферу»*), способствовал вхождению Болгарии в союз Центральных держав. За что кайзером был награжден Железным крестом⁵³.

52 *Гергинов Кр., Биялски Ц.* Непубликувани документи ... С.198.

53 * Не эту ли авантюру имел в виду в своих записках А. Стамболийский: «28 сентября 1915 г. на сербо-болгарской границе около г. Белградчик произошла перестрелка между сербскими и нашими войсками, длившаяся целый день. /.../ 29 сентября то же произошло около Кюстендила. Болгарское правительство

О свойстве Александрова «организовывать» вступление Болгарии в «судьбоносные» войны современные болгарские авторы пишут индифферентно, указывая лишь на роль своего героя в важнейших для истории Болгарии событиях, без исторической оценки таких деяний. Мне это представляется неправомерным. Особенно, если знаешь, что участие Болгарии в этих войнах принесло ей (за редким и недолгим исключением) лишь боль и поражение, а, главное, навсегда лишило ее серьезной возможности бороться за полное объединение болгарского народа и реально претендовать на законную часть македонских земель. Фанатичная устремленность Александрова к войне не получила адекватной оценки в болгарской историографии, не приходилось встречать искреннего осуждения несообразной деятельности этого человека. И никакой его «повышенный» патриотизм (если он и был временами действительно искренним), не может, по-моему, служить оправданием содеянному.

3. «РЫЦАРЬ» ОРДЕНА ЖЕЛЕЗНОГО КРЕСТА

Под давлением царя Фердинанда и нового главы правительства В. Радослава за военным поражением 1913 г. последовала быстрая переориентация внешней политики Болгарии. Первым стремлением было уйти под защиту Австро-Венгрии, что вполне соответствовало давно лелеемой мечте Фердинанда об установлении католической династии в возглавляемой им стране. «Нет другого спасения для Болгарии, кроме возвращения в Рим» — стало девизом Фердинанда⁵⁴. По слухам, велись конкретные переговоры относительно принятия унии с Римской церковью. Как сообщал 7 августа 1913 г. российский вице-консул в Софии Джакелли, мысль о необходимости унии усиленно проводилась министром иностранных дел Болгарии Геннадиевым и успела захватить широкие слои в государстве — простонародья, чиновников и даже духовенства⁵⁵. Экзарх Йосиф упорно сопротивлялся поветрию, но на него власти уже мало обращали внимания. Поворот Болгарии от России в сторону Германии и Австро-Венгрии оказался, по-видимому, довольно легким и для находившейся в шоковом состоянии

пытается уверить, что первыми начали сербы. Я же думаю как раз наоборот. И мне кажется, что это — начало военных действий. /.../ Такие провокации, шовинистическая ярость направлены на возбуждение болгарского общества, всех его частей, чтобы завоевать на свою сторону и оппозицию авантюризму правительства, за которой стоит огромное большинство болгарского народа. И скоро мы получим сюрприз в виде формального объявления войны и полного таким образом выполнения нашего договора с немцами». (Централен държавен архив (далее — ЦДА). Ф. 255к. Оп. 1. А.е. 92. Л. 8). *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Непубликувани документи... С. 187.

54 *Елдров С.* Католиците в България. 1878–1989. София, 2002. С. 764.

55 Там же. С. 300.

так называемой политической элиты, к которой в новых обстоятельствах стал причислять себя и Александров. В письме от 1 августа 1913 г. к обществу деятелю Григору Василеву он разъяснял: «Все, что делаем сейчас, — шаги в пользу автономии /Македонии/, зондаж идеи, возможно ли путем унии под австро-венгерским протекторатом сохранить национальность македонских болгар в захваченных сербами и греками районах, и, в крайнем случае, переход некоторых районов (например, вокруг Дебара, Тетово, Охрида, Битоли, Лерина, Костура и др.) в Албанию и пр. — все это происходит со знания и согласия болгарского правительства»⁵⁶.

Какое-либо раскаяние или сожаление по поводу несомненной причастности к трагическим событиям, усугубившим международное положение Болгарии, Александрова, как профессионального террориста и организатора провокаций, скорее всего, не посещало. Он быстро ориентируется в ситуации и выражает готовность поддержать новое — прогерманское — направление внешней политики, являя качества непреклонного борца за идею при любых обстоятельствах. В его планы входит установление тесного взаимодействия с премьером В. Радославовым, а через него и с царем Фердинандом; перед ними он выступает главным представителем сильнейшей организации, носительницы идеи автономии Македонии.

Но для этого следовало закрепить свое ставшее почти единоличным верховенство в македонских кругах. Из воспоминаний одного из старейших деятелей ВМРО/ВМОРО Милана Матова следует, что Александров, перебравшийся в Болгарию, постарался с началом мировой войны избавиться от присутствия в Софии Христо Татарчева и Христо Матова, принадлежавших к числу основателей и идеологов ВМРО/ВМОРО и пользовавшихся в движении большим авторитетом. Трещина между ними пролегла еще летом 1913 г., когда оба долговременных руководителя выразили сомнения в необходимости начинать Межсоюзническую войну, в связи с чем бывший их воспитанник Тодор позволил себе язвительные возражения⁵⁷. В 1915 г. его усилиями Хр. Татарчев был отправлен на работу во фронтową госпиталь, а Хр. Матов — в Скопье на должность чиновника для поручений, и обоим удалось задержать на их постах до конца войны⁵⁸. Таким образом, Александров, избавившись от «чужой шапки на собственной голове», смог чувствовать себя хозяином положения в македонских кругах.

И не только в македонских кругах. Тяжесть поражения 1913 г. и, главное, его последствия не воспринимались во всей их глубине болгарским обществом, во всяком случае, его военным сегментом. Современные болгарские авторы фиксируют, наоборот, наличие повышенного настроения

56 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Непубликувани документи ... С. 199.

57 *Матов М.* За премълчаното ... С. 283.

58 Там же. С. 245.

людей, ибо армия в целом проявила себя достойно, и не было ощущения, что ситуация складывается безвыходной. Поражение только сплотило воинственно настроенную часть социума вокруг фигуры, которая выступала как знамя борьбы за национальное объединение. Этим, вероятно, можно объяснить повышенный интерес к Александрову в Болгарии, когда с началом Мировой войны вновь оживились мечты и надежды использовать очередной военный конфликт для исправления «несправедливостей, допущенных в отношении болгарской Македонии». Годы 1915-1918 — время значительного роста общественного авторитета Александрова. Он широко известен в Софии, с ним общаются видные болгарские политики и общественные деятели. Он постоянно на виду, при этом не имеет никакого чина или официального статуса, никаких называемых при его имени должности или поименования. И подписывается под документами и письмами просто как «Тодор Александров» (иногда совместно с генерал-майором А. Протогеровым) или, позже, — одним из псевдонимов. Себя представляет выступающим от собственного имени или от имени «ближайших товарищей», «наших товарищей» и т.п.

Во время Мировой войны Александров служил в штабе партизанского отряда 3-й бригады 11-й Македонской дивизии, в создании которой «сыграл особенно важную роль», был, кроме того, офицером для поручений. Он также занимался отправкой в тыл противника чет для проведения акций саботажа; доставкой оружия из Германии⁵⁹. Как видим, никаких высоких армейских чинов и постов не имел и не получил в ходе войны. При этом, сообщают болгарские исследователи, он имел большие связи с болгарским Генеральным штабом, дворцом, правительством, а также располагал разного рода знакомствами с высшими военными чинами союзнических армий и, прежде всего, немецкой. Дважды за годы войны общался в той или иной степени с кайзером — в Нише и в Софии. А, кроме того, находился в *непрерывном контакте* с царем Фердинандом, князьями Борисом и Кириллом, а также с премьером В. Радославовым, которые «хотели знать его компетентное мнение по ряду вопросов, связанных с ведением военных действий, снабжением армии продовольствием и разрешением национального вопроса»⁶⁰.

59 *Биярски Ц., Петров Т.* Дневник и корреспонденция от Първата световна война. 1915-1918 г. Под ред. проф. П. Петрова. Стара Загора, б/д. С. 8. Предисловие.

60 Там же.

* Протогеров Александр (1867–1928), род. в г. Охриде, в 1887 г. окончил Военное училище в Софии, дававшее среднее образование, в 1887-1912 гг. — на действительной службе, участвовал в Сербо-болгарской войне, воевода четы в Горноджумайском (1902) и Ильинденско-Преображенском восстаниях (1903), один из основателей офицерских братств, член ВМОК, руководитель легальной эмигрантской македоно-одринской комиссии. В 1911 г. — запасной член, а после убийства в 1915 г. Хр. Чернопеева — член ЦК ВМОРО. В Балканской

Внимательное изучение публикуемых документов приводит к мысли, что цитируемые авторы, рекомендуя Т. Александрова как *компетентного специалиста* и по военным, и по тыловым вопросам и, конечно, — по македонскому, слишком задирают планку его влияния на государственные структуры Болгарии. Правда, в нашем распоряжении — документы только одной стороны, т.е. исходящие преимущественно от самого Т. Александрова и рисующие его инициатором отношений (иногда в содружестве с А. Протогеровым*) с царской семьей и значимыми политическими фигурами.

Всего за 1916–1918 гг., как можно подсчитать по публикации, Александров направил не меньше 12 письменных обращений к царю, принцу Кириллу и — больше всего — принцу-престолонаследнику Борису Тырновскому с просьбами принять его «по важным для Отечества вопросам». В ряде случаев просьбу приходилось повторять.

По каким же «судьбоносным вопросам» обращались Александров и Протогеров к царствующей особе? Видимо, полагая себя весьма большим авторитетом как зачинщика еще одной болгарской войны, Александров считал полезным давать царю советы по поводу «крайне напряженных отношений» между Главной квартирой и правительством. Наряду с конкретными разработками предложений по частичной реконструкции кабинета, Александров увлекся идеей изменить и личный состав Главной квартиры, во главе которой он хотел бы видеть престолонаследника — с князем Борисом он вел соответствующую работу на протяжении всего 1916 г. Одновременно Александров быстро и напористо обрабатывал (кого посулами, кого страшной картиной конца карьеры) нужных для политической комбинации людей — самого премьера, его министров, общественных деятелей⁶¹. Эта околдворцовая борьба, основанная на интригах и слухах, носила нечистый, нездоровый характер. И особого успеха, кажется, не имела: Фердинанд одной из причин нежелания встречаться с македонскими руководителями назвал распространение ими провокационных слухов в отношении отдельных людей.

Другая тема обращения к царствующей особе — актуальная и в 1916 и в 1917 гг. — плохое снабжение продовольствием армии и населения. Тодор обеспокоен сложившимся положением и в подготовленной записке царю рекомендует объединить руководство снабжением армии и тыла в одном

войне — командир 3-й бригады Македоно-одринского ополчения, во время мировой войны — командир оккупационных войск в Моравской области, в 1917–1918 гг. — глава Дирекции по снабжению и общественному планированию (СГОП). Ближайший сподвижник Александрова, в том числе по организации терактов. Один из руководителей Великой масонской ложи в Болгарии.

61 *Биярски Ц., Петров Т.* Дневник и кореспонденция от Първата световна война... С. 22–25.

органе. Сюда же примыкает вопрос о «бесконтрольном вывозе» продуктов и сырья из Македонии, Моравской области и старой Болгарии⁶². Вывозят, вероятно, в пользу союзников по войне, и Комитет общественного планирования (организация производства и торговли для нужд военного времени), созданный в 1915 г. из гражданских лиц, никак не устраивает военных. Они добиваются его реорганизации, выдвигая на первый план патриотическое требование — экспорт продовольствия должен осуществляться государственной комиссией, чтобы часть доходов шла в пользу государства. И в этом отношении Александров и Протогеров добились многого: реорганизованный в 1917 г. Комитет превратился в Дирекцию СГОП, которую возглавил Протогеров. Через эту крупную государственно-монополистическую структуру проходили значительные финансовые средства⁶³.

Наконец, то, что непосредственно касалось македонских земель. Александров предусмотрительно заботится о том, чтобы с помощью специальных мер — увеличения снабжения, закупки техники для проведения сева в «новых землях», качественного улучшения работы администрации и т.п. — добиться расположения местного населения к болгарским властям. Он жалуется, что министр внутренних дел «не желает улучшать администрацию», и следовало бы его сменить, ибо «нужен другой человек». И заявляет: «Если это полезно, *Организация может принять участие в управлении* (курсив мой. — *Р.Г.*)»⁶⁴.

С приближением окончания Мировой войны происходило все более тесное вращение Александрова и Протогерова в правящую верхушку Болгарии. В марте 1917 г. генерал «славно потрудились» на благо союзников, жестоко подавив сербское восстание в Моравской области. Тодор Александров в разговоре с В. Радославовым обещал премьеру рассказать в подробностях, как это происходило⁶⁵.

11 октября 1917 г. Александров получил приглашение на официальный обед в честь приезда в Софию кайзера Вильгельма, а вечером того же дня — еще и на торжественный прием. Судя по дневниковой записи Тодора, он вошел, таким образом, в число примерно 100 человек, наиболее приближенных к болгарскому двору. Александров явился на прием, не забыв прикрепить германский Железный крест II степени. Вот небольшая выписка из его личного дневника: «Был представлен кайзеру и он лично ему (в дневниковых записях Александров говорил о себе в третьем лице. — *Р.Г.*)

62 *Биярски Ц., Петров Т.* Дневник и корреспонденция от Първата световна война... С. 46.

63 *Гришина Р.П.* Возникновение фашизма в Болгарии. 1919–1925. София, 1976. С. 129–131.

64 *Биярски Ц., Петров Т.* Дневник и корреспонденция от Първата световна война... С. 18.

65 Там же. С. 50.

улыбнулся и пожал руку», спросил о ряде воевод и четников, которые во время посещения Ниша кайзером произвели на него сильное впечатление — одни внешностью, другие — знанием иностранных языков. Тодор «высказал благодарность всех македонцев и признательность болгарского народа храброй германской армии за содействие в освобождении Македонии и объединении болгарского народа»⁶⁶. В последовавшем кратком разговоре кайзер и Александров выразили взаимное удовлетворение поражением Сербии и «заслуженным наказанием Румынии за подлость, совершенную в 1913 г.». Александров на этом не успокоился и продолжал: «Новый неприятель союза явился на Балканах, — сказал он, — это Греция, вековой заклятый враг Болгарии», на что кайзер «энергично проговорил»: «И с нею расправимся»⁶⁷.

Судя по дневниковой записи от 25 декабря 1917 г., Александров узнал о содержании предварительных условий мира от Радославова еще до того, как премьер представил их Совету министров. В беседе Радославов изложил Тодору суть проблемы, состоявшей в том, что на предложение русских заключить мир без аннексий и контрибуций, немцы, австрийцы и турки ответили согласием и теперь настаивают, чтобы и Болгария сделала то же самое; но болгарская сторона хотела бы, продолжал премьер, чтобы «в отношении нас считалось, что мы осуществляем не аннексии, а национальное объединение», т.е. речь должна идти о присоединении к Болгарии областей, признанных болгарскими; но союзники не допускают такого исключения и «не позволяют нам выступить с возражениями — боятся, что мы станем причиной разрыва переговоров»⁶⁸.

Из дневниковой записи Александрова следует также, что болгарский министр Попов имел непосредственный контакт с российским представителем А. Иоффе, который дал болгарам совет: все ваши земли вы можете получить путем плебисцита. На вопрос Радославова Тодору, насколько возможен успех плебисцита, тот ответил: «В отношении Македонии мы предприняли определенные меры, и я верю, что после всего сделанного в Добрудже, можем быть совершенно уверенными, что там с большой вероятностью выиграем; в Дrame, Кавале, Сяре, несмотря на то, что там из-за проведенного разоружения населения и грубого его третирования мы целиком потеряли симпатии мирного турецкого населения, однако путем возвращения всех болгарских беженцев в этот край и благодаря умелой работе опять-таки, очень вероятно, выиграем; но в отношении Моравского района, *после всего, что там произошло* (курсив в документе), на референдуме мы наверняка проиграем. А нам совершенно необходимо иметь

66 *Биярски Ц., Петров Т.* Дневник и кореспонденция от Първата световна война... С.32.

67 Там же.

68 Там же. С. 34.

общую границу с Венгрией, чтобы хотя бы немного освободиться от оброча, которым стягивают нас наши ожесточенные соседи-враги: Сербия, Румыния и Греция, к ним же всегда склоняется и Турция»⁶⁹. Сам Радославов, добавляет свое изложение Александров, не возлагает больших надежд на плебисцит: «много ошибок там сделано».

Александров и Протогеров в ощущении неизбежного военного краха Четверного союза пытались еще как-то повлиять на судьбу Болгарии, понимая, что союзники будут отстаивать, прежде всего, собственные интересы. Это касалось, например, переговоров в Брест-Литовске, где, по мнению Александрова, союзники готовы решить проблему Добруджи отнюдь не в пользу Болгарии. В очередном обращении к престолонаследнику он заявлял о необходимости энергичного противодействия таким действиям.

Но война уже катилась под уклон, и Болгария не могла устоять под ее катком. В стране неизбежны были перемены. 9 июля 1918 г. Протогеров направляет из Скопье любопытное письмо Николе Сакарову, известному общественному и политическому деятелю, в котором предлагает ему «принять участие в управлении», войти в состав правительства. Предложение одновременно адресуется и Янко Сакизову, одному из руководителей реформистского крыла социал-демократической партии. Из контекста письма следует, что такая попытка предпринимается не впервые, и теперь Протогеров, опровергая резоны первоначального отказа Сакизова и Сакарова, пишет, что их нежелание «разрушать образ, созданный ими во время войны, и стремление остаться незапятнанными для реализации широкой демократической программы в послевоенном мире», не имеют под собой оснований. «Ваш страх неоснователен, — внушает Протогеров, — тем более, что осуществить демократическую программу легче, войдя в правительство именно сейчас, а не после заключения мира»⁷⁰.

Протогеров заговорил о демократии? Протогеров, который год назад «прославился» жестоким подавлением восстания сербов в Поморавье, и которому еще предстояло вскоре — в сентябре 1918 г. — стать одним из организаторов кровавого разгрома болгарского Солдатского восстания? Не знаю, каковы были личные отношения у генерала с его адресатами. Протогеров писал, что считает их «моральной силой, необходимой для управления». При этом, именно Я. Сакизов был единственным из депутатов Народного собрания, созванных на чрезвычайную сессию 27 сентября 1912 г. для объявления в Болгарии военного положения, кто публично выска-

69 Там же. С. 37.

70 ЦДА. Ф. 366 к. Оп.1. А.е. 301. Л. 1-2. Н. Сакаров, аккуратно ведший свой архив, написал на письме резолюцию: «Несмотря на эти соображения, остаюсь противником участия в управлении. Сакаров».

* Кстати, позже Сакизов вошел во все переходные правительства 1919 — начала 1920 гг.

зался против милитаристского угара в стране, так радовавшего тогда души Александрова и Протогерова — «героев», которые нашли повод к войне*.

Главное же в письме заключалось, видимо, в другом выдвигаемом генералом постулате: ваш отказ, говорилось в документе, даст возможность войти в состав кабинета и неудобным лицам, не имеющим оснований претендовать на это⁷¹. Иными словами, Александров и Протогеров на этот раз были обеспокоены судьбой именно Болгарии и, естественно, своей собственной, своим местом в послевоенном мире, для чего и нужно было обеспечить *удобное для них* правительство. Они еще сохраняли навыки политического администрирования и пытались их использовать. Но было уже поздно, проигранную войну и поднятое на ее волне высокое положение Александрова и Протогерова нельзя было направить вспять. Следовало приспособляться к новым условиям и новому статусу.

4. «ХОТИМ ЦЕЛОКУПНУЮ МАКЕДОНИЮ!»

Итак, война проиграна. Царь Фердинанд отрекся от престола в пользу старшего сына Бориса и бежал из страны. В Болгарии — полная сумятица, смущение, страх перед неизвестным будущим. И надежда ... надежда на милость победителя, провозгласившего принцип права наций на самоопределение как основу устройства будущего мира. Именно это обстоятельство питает надежду на то, что с военным поражением еще не все потеряно: население Македонии тоже имеет право на самоопределение.

Среди болгарских политиков наиболее распространенной точкой зрения было преобразование Македонии в самостоятельное государство под контролем великих держав или какой-либо одной из них. Например, тогдашний премьер-министр А. Малинов в первые же недели после прорыва фронта при Добро поле (сентябрь 1918 г.) заявил представителям Антанты, что, исходя из постулатов В. Вильсона, Македонию, в которой, дескать, большинство населения — болгарское, следовало бы отдать Болгарии; если же такого просто не может произойти и от указанных принципов победители будут делать отступления, то болгарское правительство согласно на превращение Македонии в *независимое государство под протекторатом великих держав*⁷². Такой же позиции держался сменивший Малинова на посту премьера Т. Теодоров.

Но были и более радикальные предложения, исходившие, как говорится в одном из писем Александрова, от близких к правительству людей, которые заявили военным представителям Антанты: «если для осуществления независимости Македонии нужно, чтобы *Болгария вернула полученную в 1913 г. часть ее территории, она готова сделать и это*».

71 ЦДА. Там же.

72 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Непубликувани документи ... С. 214.

Болгарский историк В. Василев пишет, что с подобной позиции выступал также министр иностранных дел М. Маджаров при обсуждении проекта Нейиского договора в Народном собрании, сказавший: в случае, что Греция и Сербия примут предложение о создании *независимой Македонии*, Болгария готова уступить ей и свою часть⁷³.

Предлагались также другие варианты решения судьбы македонских земель. В конце мая 1919 г. правительство Т. Теодорова обратилось к руководителям Парижской мирной конференции с просьбой провести в Македонии плебисцит под контролем Лиги Наций, ожидая, подчеркивает В. Василев, результата в виде объединения Македонии с Болгарией⁷⁴.

Эти данные говорят о том, какой сумбур творился в головах болгарских политиков, какие странные (особенно в реалиях 1990-х гг.) мысли приходили им на ум. И о том, что за время, прошедшее с 1903 г. до краха в мировой войне, убежденность болгарской политической элиты в «невозможности» оторвать Македонию от Болгарии укрепилась, чему, несомненно, способствовала пролитая в войнах за «национальный идеал» кровь. Продемонстрированная готовность определенного круга болгарских политических деятелей согласиться для достижения цели на любые формы и комбинации македонского государственно-административного строительства, вплоть до отказа о собственного «куска», но не отдать Македонию под власть сербов и греков, характеризовала атмосферу, в которой развивалась «македонская идеология» Т. Александрова последнего периода его жизни и деятельности.

Первой заботой Александрова и Протогерово после осознания ими значения поражения Болгарии стало восстановление ВМРО и ее вооружение⁷⁵. Это уже не ВМОРО (во Фракии создавалась собственная организация). Но состав ЦК ВМРО — остался тем же, что и в созданном еще в 1911 г. ЦК ВМОРО (Александров, Чаулев, Протогеров). Произошел как бы неприметный в неразберихе тех лет захват власти в Организации: это мы восстанавливаем *нашу* организацию, и руководить ею будем мы.

Однако ВМРО, фиксирует Ц. Билярски, была слаба «из-за ее недавнего активного участия в политической жизни страны»⁷⁶, т.е. вознесение Александрова и Протогерово в высокие слои общества при В. Радославове теперь отзывалось негативно. Пожалуй, наиболее четко причину взрывной карьеры обоих македонских руководителей в годы мировой войны дали деятели левого лагеря македонского движения: случайное стечение обстоятельств, писали они в Обращении к македонской эмиграции в Болгарии от 15 марта 1919 г., привело к тому, что эти люди, «широко используя свое слу-

73 Василев В. Правителството на БЗНС, ВМРО и българо-югославските отношения. София, 1991. С. 17.

74 Там же. С. 16.

75 Билярски Ц. Предговор // Тодор Александров. Живот легенда. С. 15.

76 Там же. С. 19.

чайное всеисилие», стали играть «высшую политическую роль». Болгарское государство, сетовали они, допускало такое из-за благоговения к наградам кайзера Вильгельма⁷⁷. В свою очередь отодвинутый от руководства Христо Татарчев выступил весной 1919 г. со статьей в соавторстве с Вл. Ковачевым в журнале «Сила», обвиняя Александрова и Протогеров в незаконности их членства в ЦК, как не избравшихся на очередном конгрессе (этот орган не созывался с 1908 г.). Так что Александрову и Протогерову в ситуации потери опеки со стороны Радославова и Ко сразу пришлось столкнуться с оппозицией внутри македонского эмигрантского движения, хотя поначалу и слабой.

В ноябре 1918 г. в Софии состоялся Учредительный съезд Союза македонских благотворительных братств (землячеств), был избран Исполком Союза. Его последующие соборы стали полем эмоционального обсуждения македонскими эмигрантами вопроса о будущем Македонии. В качестве их общего желания Исполком зафиксировал стремление к национальному объединению и присоединению Македонии к Болгарии. В случае невозможности осуществления первого предлагался и другой вариант — вновь выдвигался лозунг автономии⁷⁸. Как видим, это были старые требования, рожденные ситуацией конца XIX в. Но в 1918-1919 г.г. лозунг автономии оказывался весьма опасным. В ходе дискуссий собор землячеств принял специальную директиву, где фигурировали лозунги *неделимости, целостности Македонии и присоединения ее к Болгарии*. Разъясняя суть *новой* позиции, Александров в частном письме от 6 июля 1919 г. сообщал своему корреспонденту: нами и Исполкомом македонских землячеств поднят вопрос о том, что в изменившихся условиях уже нельзя требовать автономии Македонии — в такой форме она может попасть под сербский или греческий протекторат, поэтому теперь выдвигается требование *независимой Македонии*⁷⁹.

Впрочем, наряду со словосочетанием «независимая Македония» в ходу были такие, как «целокупная» и опять-таки «автономная Македония», что болгарский историк А. Гребенаров считает не разноголосицей, а выражением одного и того же символа. С его точки зрения, желание видеть Македонию целокупной связывалось с идеей спасения болгарского населения от денационализации⁸⁰.

Стремясь опередить неблагоприятное развитие событий на Парижской мирной конференции, Т. Александров и А. Протогеров направляют 1 марта 1919 г. в ее адрес Мемоар ВМРО. Себя они называют «единственными представителями македонского населения», от имени которого заявля-

77 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Из архивното наследство ... С. 226-227.

78 См.: *Василев В.* Указ. соч. С. 20.

79 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Непубликувани документи ... С. 70.

80 *Гребенаров А.* Легални и тайни организации на македонските бежанци в България. 1918—1947. София, 2006. С. 37.

ют, что оно «хочет сохранить Македонию неделимой и никоим образом не оставлять ее под властью Сербии и Греции». Свое право говорить от имени всего населения Македонии авторы послания объясняют всемерной, по их мнению, поддержкой организации на местах. Нынешнее руководство ВМРО они представляют как легитимно избранное большинством населения, а саму Организацию — «самым авторитетным органом», который мог бы «в виде специальной делегации компетентно представить на Мирной конференции все *болгарское население Македонии* (курсив мой. — Р.Г.)»⁸¹.

Этот документ хорошо известен в историографии и, приводя его, хочу обратить внимание, главным образом, на вряд ли случайную «непроработку» авторами понятия «македонское население»: на протяжении всего довольно долгого текста Мемоара «македонское население» присутствует в нем как некая общая и однородная фигура и лишь в конце документа руководители ВМРО конкретно говорят о болгарском этносе в Македонии, интересы которого они и хотели бы представлять на конференции. Налицо, таким образом, явно неадекватное изложение этнической ситуации в спорном районе и претензии на свое представительство там как единственно авторитетное.

Последнее вызвало немедленную реакцию — 15 марта 1919 г. с протестом выступило Временное представительство Объединенной бывшей ВМОРО в лице Хаджидимова, М. Герджикова, Гьорче Петрова, П. Ацева и др. (так называемые «левые», серчане /от города Сяр/ и др.) В их обращении к *македонской эмиграции в Болгарии* говорилось, что Александров и Протогеров давно не имеют ничего общего с организацией, давно идут собственным путем, злоупотребляя именем ВМРО. Возмущение «левых» вызывало поведение «этих людей», «позволяющих себе просить представительства на Мирной конференции! Многострадальную Македонию будут защищать «орудия кайзеризма и шумные герои царских торжеств в Нише!», писали они⁸².

Соперничество между Исполкомом Союза землячеств, еще в феврале 1919 г. опубликовавшем собственный Мемоар в адрес Парижской мирной конференции, и Временным представительством Объединенной бывшей ВМОРО усиливалось. Каждый из них считал именно себя единственным представителем интересов македонского населения в Болгарии. Появилось и третье по счету течение: когда стало ясно, что Исполком Союза землячеств подпал под влияние Александрова и Протогерова, Хр. Татарчев попытался объединить оба лагеря. Вместе с Вл. Ковачевым они создали свою оппозиционную группу. Легальные организации опубликовали множество деклараций, обращений, резолюций и прочих документов, борясь

81 Тодор Александров. Живот легенда. С. 145–146.

82 *Гергинов Кр., Биярски Ц.* Из архивного наследство... С. 226–227.

за первенство между собой и в надежде на благополучное разрешение македонского вопроса по предлагаемому ими рецепту⁸³. В таких же тенетах заблуждений находились и многие болгарские политики и дипломаты «от карьеры», даже те редкие среди них, кто понимал, что судьба Македонии была предрешена еще осенью 1918 г. с выводом с ее территории болгарских войск и администрации, но гнал такую мысль прочь.

В надежде и в тихом ужасе ожидала Болгария ультиматума великих держав — победительниц. Согласно Нейискому мирному договору, подписанному 27 ноября 1919 г., *Македония осталась разделенной между Сербией, Грецией и Болгарией*.

* * *

Узаконенные международным форумом политико-территориальные реалии ставили перед Александровым ряд вопросов: что делать дальше, как точнее сформулировать цель и какими средствами ее добиваться, где искать союзников?

Болгария — в тяжелейшем состоянии, ее ресурсы помощи Македонии за прошедшие годы были использованы и теперь исчерпаны. Значит, предстоит концентрация собственных сил и, прежде всего, нужна правильная постановка задачи. Независимая Македония, но в какой форме? на каких основаниях? Сколь прекрасно звучала эта формула в 1919 г., столь непонятной она оставалась по существу.

В 1920 г. был принят устав ВМРО. Цель деятельности Организации определялась в нем следующим образом: европейское общественное мнение должно понять, что македонское население не может примириться с чуждой ему властью и что, пока Македония не получит автономии, мира на Балканах не будет. Отсюда и главный вид деятельности — вооруженная борьба, которая может принимать различные формы — от отдельных терактов и убийств угнетателей и изменников до «частичных и общих восстаний». Руководители ВМРО возлагали надежду на то, что с помощью вооруженного сопротивления удастся опровергнуть утверждение, распространяемое творцами Версальской системы, и особенно сербами и греками, будто македонский вопрос решен окончательно, и что великие державы и Лига Наций не смогут что-либо предпринять в этом отношении, во изменение его⁸⁴. Финансовыми средствами для такой деятельности ВМРО располагала в достаточной мере — как утверждает В. Василев, основная их часть была получена в 1915 г. от германского правительства для развертывания диверсионной деятельности на сербской территории и за заслуги Организации перед немецким командованием на Балканах, а также за втягивание Болгарии в войну на стороне Центральных держав.

83 *Гребенаров А.* Указ. соч. С. 71.

84 *Василев В.* Указ. соч. С. 54.

Существовали и другие источники получения денег⁸⁵.

Центром деятельности ВМРО Александров объявил «Македонию под сербским рабством». Поначалу он рассчитывал на успех здесь через поощрение *легальной борьбы* населения, тем более, что в Королевстве СХС предстояли парламентские выборы. В директиве от 11 июня 1920 г. Александров и Чаулев от имени ЦК ВМРО заявили о восстановлении деятельности Организации в Вардарской Македонии и близкой целью объявили борьбу за *федеративное устройство Югославии, в которой Македония будет равноправной частью федерации*. Исходя из этого, ВМРО будет поддерживать легальную борьбу и намерена создать легальную партию — Македонский федеративный Союз.

Итак, новый поворот творческой мысли: независимая, целокупная Македония вписывается в Федерацию равноправных государств. Каких? Это следует из ее названия: «Федерация сербов, хорватов, словенцев, *болгар* и др. (курсив мой. — Р.Л.)» Болгары (македонские или из Царства Болгария?) более точно пока не определены, во всяком случае, пресловутое понятие «македонское население» не употреблено.

Основные начала Федерации определялись следующим образом: 1. Каждая область (единица Федерации) обладает полным самоуправлением, имеет свое Народное собрание, свое, согласно воле населения, внутреннее управление; язык большинства населения становится официальным. 2. Общее (федеральное) Народное собрание и другие органы составляются по принципу соразмерного представительства федерированных областей.

28 июня 1920 г. Тодор прибыл в Вардарскую Македонию с циркуляром, исходившим из *новой ориентации ВМРО* (так оценивает «нестандартную» легальную тактику Александра современный македонский исследователь Зоран Тодоровски⁸⁶) и рекомендациями по поводу избирательной кампании. Подтверждая, что важнейшим в данный момент должно стать установление автономного управления трех частей области, ныне разорванной между Сербией, Грецией и Болгарией, ЦК ВМРО заявлял о своем стремлении облегчить достижение цели легальным путем — «без жертв, революции и войн». Успех в таком случае создавал благоприятную перспективу — *«цельная, объединенная, независимая или автономная Македония может быть поставлена под покровительство Совета Лиги Наций или одной из великих держав, являющейся его членом, или даже может войти в состав югославского государства как равноправный член федерации, если сербы примут федеративное устройство в новом государстве»*⁸⁷.

85 Там же. С. 56.

86 Тодоровски З. Мечтите за независима Македония в епистолярното наследство на Тодор Александров // Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби на българите. С. 492.

87 Тодоровски З. Мечтите за независима Македония в епистолярното наследство на Тодор Александров. С. 492.

На последнее руководство ВМРО рассчитывало зря: идею образования Федерации правители Королевства СХС встретили в штыки.

В Штипе Тодор призывал граждан группироваться в своего рода партийные группы для формирования македонской партии — Македонского федеративного союза. Обращался к болгарам, туркам, албанцам, влахам и др. То же — в Велесе, Скопье и других местах. Особенно надеялся на болгар и турок. Но все подобные попытки успеха не имели, местное македонское население не имело навыка легальной общественной деятельности. И здесь Александров, хваставшийся, что хорошо знает македонцев, явно просчитался. Пришлось братья за старое, хорошо известное оружие.

Июнем 1921 г. помечен «совершенно секретный» циркуляр-инструкция ЦК ВМРО, адресованный нелегальным группам. По всей видимости, это первый (или один из первых) документ, цель которого — строительство ВМРО, решение организационных задач по вертикальной схеме. И одновременно — разъяснение разбросанным нелегальным группам, что во главе Организации стоит прежний Центральный комитет, что выборы нового ЦК возможны только тогда, когда «организация усилится», что в первое время оргработой будут руководить начальники нелегальных групп, формирование которых производится по согласованию с ЦК⁸⁸. Цель организации определялась в этом документе как достижение *автономии Македонии, независимой от балканских государств* (то есть и от Болгарии тоже), а средством борьбы — создание в Македонии тайной, мощной, революционной организации, неуловимой для врагов — поработителей Македонии, т.е. Сербии и Греции⁸⁹. В циркуляре популярно разъяснялось, что нелегальная группа формируется из испытанных людей и становится «душой организации в районе». Указывались также основы дисциплины и правила поведения в группе, формы наказания за отступление от них (вплоть до смертной казни). А также главное правило революционера: взялся за оружие, за дело освобождения брата-раба — перестал принадлежать самому себе и «всеми силами должен стремиться переродиться, чтобы отвечать высокому призванию».

Преимущественное место в деятельности нелегальных групп отводилось «сохранению национального сознания у поработенного населения — агитация через газеты, брошюры и т.п.» (своеобразное обращение к тому, что считалось важнейшим в «национально-освободительном движении» начала XX века, ведь с тех пор выросло новое, «малосведущее» поколение). Ставилась задача превращения организации в сеть, связывающую города и села Македонии, но с призывами к осторожности в отношении населения, чтобы не подвергать его опасности (совершенно новые нюансы — в

88 Александров Т. Сè за Македонија. Документи / Избор, предговор и редакција проф. д-р Зоран Тодоровски. Скопје, 2005. С. 42.

89 Там же. С. 44.

прежние времена его не очень-то щадили).

Особенно интересен пункт 4 циркуляра, предписывавший «вовлечение в ряды организации всех *иных* народностей Македонии (по сравнению с болгарской, наверное. — *Р.Г.*), главным образом, турок, албанцев, влахов, евреев и др., а вне Македонии — черногорцев, хорватов, словенцев, босняков и др.» (курсив мой. — *Р.Г.*). Примечательно, что в конце XIX в. в Организации также ставился вопрос о вовлечении в борьбу всех угнетенных этносов, но то была борьба против Османской империи. Теперь же руководство ВМРО хотело сплотить разноэтничное население Вардарской Македонии против сербской власти. Различие невозможно не заметить.

В инструкции специально был выделен пункт о «Дальнейшей деятельности» нелегальных групп, которая возможна только с разрешения ЦК. К ней относилось создание террористических групп из 3-8 чел. для небольших терактов, в то время как крайние и наиболее эффективные акции с динамитом «допускались только в исключительных случаях»⁹⁰. Здесь опять ощутима разница — не предполагалось никакого террористического разгула, как в 1911–1912 гг., когда под огонь подставлялась Болгария, ныне македонское население следовало беречь. В том же духе было и предупреждение: из-за сильного террора опасно ввозить новое оружие.

В мае 1919 г. в состав правительства вошел Александр Стамболийский, активно выступавший в свое время против вовлечения Болгарии в мировую войну. Он же вскоре и возглавил кабинет министров. Это было совсем не то правительство, каким заблаговременно пытался озаботиться Протогеров. Пришедшие к власти «земледельцы» совершили резкий поворот во внешней политике, отказались от воинственных форм борьбы с версальским диктатом и провозгласили курс на примирение с соседними государствами, на добрососедское сосуществование с ними. Такая политика была востребована временем. Обусловленная, прежде всего, обстоятельствами, в которых оказалась Болгария после военного поражения, она не могла не означать отказа от государственной поддержки македонского движения, до того оказывавшейся ему в той или иной степени всеми предшествующими болгарскими кабинетами министров. Более того, публичное стремление Стамболийского установить дружеские связи между Болгарией и Королевством СХС, где главную роль играли ненавистные Александрову сербы, лишь подчеркивало глубину перемен. Тодор называл обращение к новой политике предательством. Пожалуй, первым «показательным примером» их столкновения стал арест по распоряжению правительства Стамболийского в ноябре 1919 г. Александрова и Протогерова: в числе других виновников двух национальных катастроф они подлежали преданию суду. Но сумели бежать из-под стражи.

Репрессивные меры «земледельческой» власти против македонского

движения в Болгарии, пока оно в 1920-1921 г.г. переживало в основном стадию организационного становления и идейного определения, не носили широкого характера. Но за это время ВМРО укрепились, сумела завоевать преобладание в борьбе против поддерживаемой «земледельцами» Федеративной революционной организации и в целом увеличить свое влияние на многочисленные македонские группы и группки.

Весной 1922 г. Александров фактически объявил войну правительству БЗНС. Желая «объясниться» с предательским правительством, письмом от 2 апреля он извещал «культурные и профессиональные организации» Болгарии, что ВМРО после мировой войны приняла решение прийти на помощь македонскому населению, оставшемуся в рабстве, чтобы «укрепить его сознание» и подготовить к совместной борьбе с другими народностями Югославии⁹¹. Считая это прямой задачей ВМРО, Александров вместе с тем выражал симпатии к борьбе «сознательного гражданства» против правительства А. Стамболийского. В других документах этого времени ЦК ВМРО определял статус своих местных организаций в «*Македонии под болгарской властью*» как вспомогательных, но в реальности Александров в борьбе с властью «земледельцев» использовал всю мощь вооруженной ВМРО. В октябре 1922 г. был убит А. Панов, лидер эмигрантской македонской группы при БЗНС, а вскоре при преследовании «федератистов» «автономисты» Александрова ворвались в г. Неврокоп и похозяйничали там. Еще более устрашающая акция была устроена ими при захвате г. Кюстендил.

Особенно острыми стали отношения между болгарскими властями и руководством ВМРО весной 1923 г. «ВМРО ведет себя вызывающе, — замечает А. Гребенаров, — преувеличивая свое место и роль в общественной и политической жизни» и связывает это обстоятельство с тем, что Александров возможно знал или догадывался о готовящемся государственном перевороте⁹². Памятуя о главной цели ВМРО — «создании автономного или независимого государства Македония в ее этнографических и географических границах», Тодор считал, что правительство БЗНС в стремлении уничтожить ВМРО на болгарской территории, тем самым выступает и против свободы порабощенной Македонии. Показательно в этом плане обоснование смертного приговора ближайшему сотруднику Стамболийского — Райко Даскалову, вынесенного ЦК ВМРО 3 марта 1923 г. Через все пять пунктов приговора красной нитью проходит обвинение Даскалова и его товарищей «земледельцев» в предательстве «дела Македонии». Этому послужило якобы и Солдатское восстание 1918 г., как способствовавшее установлению несправедливого для Македонии Нейского мира. Р. Даскалов обвинялся не только как главный организатор армейского бунта,

91 *Тодоровски З.* Мечтите ... С. 500.

92 *Гребенаров А.* Указ. соч. С. 132.

но и как министр правительства БЗНС, выступавший против «всей деятельности ВМРО по завоеванию независимости Македонии, а, кроме того, поставивший целью уничтожить ВМРО, ее вождей и *навечно оставить Македонию под иностранным рабством*». За что как «явный антиболгарин» должен понести заслуженное наказание⁹³. В документе конкретно называлось имя члена Организации, которому поручалось стать палачом и привести приговор в исполнение. 26 августа 1923 г. Р. Даскалов был застрелен им в Праге.

Примерно с такими же обвинениями ЦК ВМРО обратился к премьер-министру Стамболийскому в связи с гонениями против тех македонских эмигрантов в Болгарии, которые помогают борющейся Македонии добиться независимости⁹⁴. Это открытое письмо помечено 17 мая 1923 г., т.е. практически за 3 недели до государственного переворота — кровавого свержения правительства БЗНС и жестокой расправы со Стамболийским. В перевороте, как признавал Александров, ВМРО «косвенно» сыграла определенную роль. Степень «косвенности» он раскрывал неохотно, но не отрицал положения, что «в июне 1923 г. вопрос сохранения для ВМРО базы в Болгарии стал вопросом жизни и смерти. Подготовка свержения правительства Стамболийского была силами Организации почти закончена»⁹⁵. Позже, бахвалясь, Александров говорил в интервью французскому корреспонденту: Стамболийский и его банда получили смертный приговор от ВМРО, и «мы бы выполнили его, если бы переворот запоздал, бросили бы ночью 700—800 четников и за несколько часов разрешили бы вопрос»⁹⁶. Характерно, что Тодор, правивший первоначальный текст журналиста, зачеркнул слово «четников» и написал действительно более правильное: и славное для него: «террористов».

5. ПОСЛЕДНИЙ РАУНД

93 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Из архивного наследство ... С. 236—237.

94 Там же. С. 237—238.

95 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. В документах центральных российских архивов начала-середины 1920-х гг. Ч. 1. Отв. редактор Р.П. Гришина. М., 2000. С. 181. Агентдонесение о беседе с Т. Александровым.

96 Тодор Александров. Живот легенда. С. 109.

* В. Коларов, отчитываясь на 5-м конгрессе Коминтерна (июнь 1924 г.) о переговорах представителя Болгарской компартии с Т. Александровым, имевших место в августе 1923 г., так передавал слова лидера ВМРО: «Мы, македонцы, теперь у власти; цанковское правительство — это наше правительство, мы заинтересованы в дальнейшем существовании этого правительства, т.к. при этом правительстве мы готовим наше вооруженное восстание в Македонии» (Национальный вопрос ... Ч.2. М., 2003. С. 42).

С ликвидацией «земледельческого» режима и утверждением у руля государства старых буржуазных деятелей, с формированием правительства во главе с А. Цанковым, у Александрова, возможно, появились надежды на возвращение его политического влияния в Болгарии. Тем более, что из 10 министров нового кабинета четыре, включая его главу, были выходцами из Дирекции СГОП. Судя по ряду высказываний Тодора, он рассчитывал на определенную командную роль в «обновленной» Болгарии, хотя и закулисную. Вначале что-то ему удавалось. Советы и помощь Александрова новое правительство охотно принимало в первые два-три месяца после прихода к власти, когда нужно было консолидировать политические силы путем принудительного объединения партий. В личной переписке Тодор не скрывал своего участия в этом процессе: «Хотя появились некоторые трудности в договоренном уже слиянии, думаю, что оно состоится, — писал он 26 июля 1923 г. — Вчера я послал господину министру официальное доверительное письмо /.../, чтобы он знал нашу точку зрения по вопросу»⁹⁷. Когда партии радикалов и демократов попробовали уйти от слияния с остальными партиями, Тодор использовал и угрозу насильственной расправы с ними: 3 августа ночью! (письмо помечено временем — 2.30) возмущенный Александров, считавший, что слияние политических партий в одну-единственную «навсегда спасет Болгарию от внутренних бед и внешних опасностей»⁹⁸, пишет сподвижнику: «10-20 голов — ничто перед существованием Болгарии. Я вчера отправил несколько нужных предупреждений. Прошу тебя встретиться и ты с Малиновым и Найденовым и скажи им, что не простим им заговоров против консолидации Болгарии. /.../ Хватит игр, хватит еврейских базаров»⁹⁹.

Личное участие Александрова в формировании в Болгарии крепкой политической власти имело для него и особый, специфический смысл. Слияние партий в единый Демократический съезд должно было, по его логике, противодействовать движению «земледельцев», бежавших в Югославию, которое он считал весьма серьезным. По имевшимся у Тодора сведениям (ими он делился с Цанковым в письме от 22 августа 1923 г.), не меньше 3 тысяч «земледельцев» сумели после переворота бежать из Болгарии, перейти границу; в Сербии они были приняты радушно и любезно, постепенно распределены в селах и городках вдоль болгарской границы с Сербией от Видина аж до Кюстендила. Таким образом, писал информатор Александрова, образован пояс, браслет из «земледельцев», предназначенный для контактов, связи и курьерской службы, для пропаганды и набегов, атентатов, «и вообще создается нечто подобное тому, что делает ВМРО в противоположном направлении». Сообщалось также, что Р. Даскалов на-

97 *Гергинов Кр., Биярски Ц.* Из архивного наследство... С. 242.

98 Там же. С. 243.

99 Там же. С. 243–244.

чал издание в Праге газеты «Земледельско знаме». Возможен его союз с сербами по такому плану: сербы начнут военное продвижение к болгарской границе с первоначальным объектом — Кюстендил, а Даскалов с «земледельческими» болгаро-сербскими отрядами вторгнется в Болгарию в направлении Софии, сметет все перед собою, свергнет нынешнее болгарское правительство и уничтожит все македонское и все буржуазное в Софии, использовав помощь болгарской коммунистической организации. Информатор выражал уверенность, что то, чего не решился сделать Стамболийский — подписать полный и исчерпывающий болгаро-сербский договор, Р. Даскалов сделает в ответ за обязательство сербской стороны помочь ему. И сделает именно тогда, когда почувствует себя уязвленным ВМРО некоторыми из ее предстоящих акций в Македонии¹⁰⁰. Передавая болгарскому правительству полученную информацию, Александров воздержался от комментариев, избегая, по-видимому, открытого высказывания собственных опасений. Но еще в январе 1924 г. считал опасным и актуальным приход к власти «земледельцев» с помощью Югославии, что означало бы, по его мнению, «если не смерть для свободы Македонии, то отсрочку часа свободы на долгое время»¹⁰¹.

Насколько серьезно относился он к заграничной «земледельческой» угрозе, свидетельствуют его усилия по устранению, вплоть до физического, наиболее крупных фигур «земледельческого» сопротивления. Именно в это время ВМРО поторопилась привести в исполнение смертный приговор в отношении Р. Даскалова, возглавившего в Праге Заграничное представительство БЗНС. Предпринимались шаги по компрометации Димитра Михалчева, болгарского посланника в столице Чехословакии. 5 ноября 1923 г. Александров направляет Цанкову в эпистолярной форме донесение о частной беседе некоего анонима с д-ром Д. Михалчевым и о «провокационном» заявлении последнего: «Болгария и Сербия должны договориться путем взаимных уступок. Болгария должна пожертвовать всем за Вардаром и утвердиться, постепенно, но прочно, сначала экономически, а потом народностно и политически по берегам Эгейского моря, на восток от Орфано. Чтобы достичь этого, Болгария должна сделать все уступки сербам»¹⁰². В новом письме от 14 ноября 1923 г. Тодор настойчиво напоминает премьер-министру: я уже несколько раз ходатайствовал перед некоторыми министрами как можно скорее убрать Михалчева с поста посланника в Праге. Он крайний македонофоб, его жена — учительница литературы в одной из софийских гимназий — вела спор с учителем Й. Бадевым, утверждая, что македонцы — не болгары, а другая, особая нация. Александров требует убрать Михалчева, «чтобы не вынуждать ВМРО

100 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Из архивного наследство... С. 245–246.

101 Национальный вопрос... Ч. 1. С. 187.

102 *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Из архивного наследство ... С. 249.

обезвредить его»¹⁰³. Удовлетворения такого требования со стороны правительства не последовало — слишком крупной и известной фигурой являлся Михалчев в европейском научном мире; он оставался на своем посту до 1927 г.

Смертельные угрозы Александров посылал еще остававшимся на своих постах «земледельческим» деятелям. Так, болгарскому посланнику в Лондоне Б. Кисимову 24 августа было отправлено «последнее предупреждение» с требованием немедленно подать в отставку, «в противном случае пошлем Вас к Стамболийскому». Подпись: «Член ЦК ВМРО Т. Александров»¹⁰⁴ выглядела как черная метка.

Лидер ВМРО использовал ситуацию лета 1923 г., чтобы поставить нужных ему людей у разных рычагов власти. Для этого он действовал нередко через доверенное лицо, которое служило связью с новыми государственными и общественными структурами Болгарии, — журналиста и общественного деятеля Кр. Станчева. Ему Александров адресует в июле-августе письма с просьбой помочь осуществить конкретные назначения, например, устроить адвоката Т. Балтаджиева в Кюстендиле председателем суда, и еще нескольких лиц там же, «необходимых для нашей работы»¹⁰⁵. Его же просит оказать давление на «генерала и на Чаулева», т.е. на двух других членов ЦК ВМРО, рекомендуя воздействовать на них рассказами о внутреннем положении Болгарии, о роли ВМРО в процессе слияния партий, о ее возросшем авторитете внутри и за границей. Их надо призвать, пишет Тодор, как можно скорее заняться организацией Битольского округа¹⁰⁶, о чем сам он уже сообщал им.

Нельзя не заметить, что из писем ЦК ВМРО постепенно исчезают подписи двух других его членов, и Александров все более проступает как главное начальственное лицо в Организации. Он действует в ЦК ВМРО в одиночку? Советские спецслужбы уже в августе 1923 г. сообщали в своих донесениях: имеются сведения о наступивших разногласиях между тремя боевыми фигурами организации — Александровым, Протогеровым и Чаулевым¹⁰⁷. Агент доносил и о другом важном моменте: устанавливается, писал он, наличие недовольства Александрова нынешним правительством,

103 Там же. С. 250–251.

104 Там же. С. 247.

105 Там же. С. 242–243.

106 Там же. С. 245.

107 Национальный вопрос Ч. 1. С. 106–107. Автор донесения продолжал: Чаулев «за свою бездеятельность сменил как воевода — личность крупная, однако для создания оппозиции Александрову — личность неприемлемая ввиду слабой интеллектуальности»; «Ал. Протогеров — популярен в Зап. Македонии — Битоль, но не пользуется влиянием вследствие несоприкосновения его ни с воеводами, ни с четниками». (Там же. С. 108).

как якобы начинающим игнорировать македонские интересы¹⁰⁸.

Действительно, надежды лидера ВМРО на то, что кабинет Цанкова («наше правительство») сможет существенно повлиять к лучшему на развитие македонского вопроса, оказались иллюзорными и слишком наивными: видимо, непостижимым для склада ума македонских революционеров (да и легальных деятелей тоже) оставалось то изменение после мировой войны общей международной и на Балканах, в частности, обстановки, которое приобрело кардинальный характер, хотя и достигнуто было в известной степени волевым, случайным образом.

Кабинет Цанкова, обязанный следовать тому же в общих чертах внешнеполитическому курсу, что и свергнутый ненавистный Стамболийский, летом-осенью 1923 г. оказался в особенно трудных условиях. Сербские власти немало провоцировали его, распространяя слухи, будто ВМРО совместно с болгарским правительством готовят восстание в юго-западных районах Болгарии¹⁰⁹. Дело дошло до предъявления Югославией в сентябре 1923 г. ультиматума Болгарии, в котором, помимо прочего, выдвигались, по некоторым сведениям, требования закрытия македонской прессы, а также выдачи Александрова и лиц, виновных в насилиях, совершенных во время мировой войны в Македонии и Моравской области¹¹⁰. Болгарским властям пришлось пережить немало неприятных минут.

Да и вообще новые правители болгарского государства отнюдь не горели желанием делиться полнотой доставшейся власти. О взаимоотношениях между руководителем ВМРО и важнейшими министрами кабинета Цанкова (иностранных дел, военным и внутренних дел) можно судить по письму Александрова от 3 января 1924 г., начинающемуся с едва сдерживаемых гневных слов: «Никто не считает патриотизм своей монополией, но никто не должен думать, что министерский пост дает человеку право считать себя патриотом, обладателем большого ума или крупным дипломатом». Кончается послание не менее «любезно»: в случае, если не выполните наше требование, и начальник службы социального обеспечения останется на своем посту, «который интересуется македонских беженцев, мы расправимся с ним, согласно правилам ВМРО»¹¹¹.

Именно уже летом 1923 г. начинаются лихорадочные попытки Александрова выйти на некие новые рубежи, получить более или менее весомого союзника, даже из лона ненавистной соседки — такой вырисовывался в лице Степана Радича, лидера и идеолога Хорватской крестьянской партии. Кроме того, Тодор стремился заручиться западной поддержкой, если не политической, то хотя бы со стороны демократической общественно-

108 Там же. С. 106.

109 Гребенаров А. Указ. соч. С. 143.

110 Национальный вопрос ... Ч. 1. С. 134.

111 Гергинов Кр., Билярски Ц. Из архивного наследство... С. 252.

сти. С этой целью была предпринята серия пропагандистских шагов: «в гости» к именитому вождю четников в лесные уголки гор Пирина один за другим стали приезжать корреспонденты западноевропейских агентств и прессы. Тодору важно было в определенной мере легализоваться, привлечь внимание к себе и к поднимаемым им вопросам. Он пишет короткую «Автобиографию»¹¹², чтобы журналистам было от чего отталкиваться при работе над материалом, добытым физически трудным путем: каждому посетителю приходилось преодолевать горные преграды и тропы, лесные заросли в сопровождении четников, не позволявших забывать дорогу, чтобы в нужный час оказаться в глуши на бивуаке предводителя ВМРО. И увидеть, как дисциплинирована его армия, быстро и беспрекословно выполняющая негромким голосом отданные поручения, какой прочной связью с отрядами обладает Александров, почти непрерывно принимающий гонцов с донесениями и т.п. Театрализованная демонстрация налаженной службы и быта четнических отрядов, романтическая героика походной жизни и борьбы за высокие идеалы справедливости во имя «независимой Македонии» — все это производило на европейских журналистов большое впечатление.

Одним из первых посетил Александрова Ф. Неманов, вероятно, как протеже П. Н. Милюкова, интересовавшегося македонскими делами. Встреча Тодора с ним особенно показательна: текст беседы, подготовленный Немановым, был не только правлен руководителем ВМРО, но фактически поменял своего автора — Тодор заменял поставленные ему журналистом вопросы на собственные, совершенные иные по содержанию, сам вписывал целые абзацы. В итоге получился материал, нужный именно Александрову. Здесь он сформулировал тезис о некоей «подсобной» роли Болгарии с точки зрения борьбы за Македонию, а именно: существование независимой Болгарии является необходимостью для ВМРО, так как сам факт ее существования держит открытым македонский вопрос, ибо «если Болгария исчезнет — завоевание свободы Македонии отдалится»¹¹³. (В таких рассуждениях Болгария, кажется, выступает не более, чем полезный инструмент!). Особое внимание Тодор уделял Петричскому округу, которому, по его мнению, болгарское правительство должно дать хорошую администрацию, урегулировать судебное дело, навести порядок. «Мы держимся за этот край, *которым Болгария владеет временно*, — аргументирует свое требование Александров. — Этот край — часть общего отечества Македонии, *наша родина*, и мы его возьмем, как возьмем и все другие части, которые сейчас страдают под сербским и греческим игом», и, если нынешняя болгарская администрация начнет использовать здесь те же методы,

112 Там же. С. 189–191.

113 Тодор Александров. Живот легенда. С. 110. Уж не отсюда ли болгарский патриотизм Александрова?

что и Стамболийский, мы и с ней начнем борьбу (курсив мой. — Р.Г.)¹¹⁴.

Своего корреспондента направило и агентство Рейтер, опубликовавшего затем полученные впечатления в нескольких английских газетах. Его Александров убеждал, что «македонцы не спешат, предпочитая ждать, когда ситуация созреет. Они верят, что панславистская политика Пашича заставит восстать все народности в Королевстве против централистских устремлений белградских правителей»¹¹⁵.

Пожалуй, наиболее интересные результаты от встречи вынес английский генерал С. Томпсон. Он хорошо почувствовал холодность Александра в отношении Болгарии и его привязанность именно к Македонии. «Македонское чувство вдохновляется не Болгарией, сообщал он. Наоборот, болгарское чувство стимулируется македонцами, которые всегда были многочисленны в Царстве». Возможно, повторяя слова Александра, что в случае уничтожения Болгарии как суверенного государства*, македонский вопрос останется неразрешимым, он развивал мысль дальше: если же Македония станет болгарской областью, то, согласно известной фигуре речи, получится, что хвост виляет своей собакой. Болгары из Македонии являются в большей степени болгарами, чем жители Царства, на которых первые смотрят как на бедных родственников, обязанных своим освобождением русскому царю¹¹⁶.

Генерал донес до европейского общественного мнения и то обстоятельство, что в ВМРО входят не только болгары, но также греки, вlahи, турки, евреи, хинтерланд же всех их находится под разными властями; живущие в Македонии, как заявил Александров в ходе беседы, желают иметь *автономную Македонию в границах 1912 г. со столицей* (не где-нибудь!) — *в Солуни*. Томпсон отметил, что Тодор при этом проявляет готовность к компромиссу, заявляя, что такая автономная Македония может войти на равных правах в перестроенную на федеративных началах Югославию.

Любопытны описания внешности Александра встречавшимися с ним журналистами. Он сильно изменился со времен мировой войны, пишет один из них, имеет вид истощенного и очень усталого человека. Другой отмечает: лицо испитое и загорелое, но энергичное, глаза горят внутренним огнем. Генерал Томпсон также обратил внимание на бледное испитое лицо с небольшими горящими глазами, а в целом остался с впечатлением, что Александров имеет претензию обладать более абсолютной

114 Тодор Александров. Живот легенда. С. 111.

115 Там же. С. 60–63.

* Странное впечатление производит неоднократное повторение в текстах Александра мысли об «уничтожении Болгарии как государства». Уж не являлась ли она внутренним лейтмотивом всех его государственных македонских построений? Не потому ли так легко при его содействии Болгария подставлялась под смертоносные удары в 1912–1913 и 1915–1918 гг. ?

116 Тодор Александров. Живот легенда. С. 75–76.

и более диктаторской властью, чем любой царь, и что само его передвижение похоже на царское шествие.

В беседах с иностранцами Александров, видимо, проверял и оттачивал основные постулаты новой концепции. В ходе их он впервые полностью обрисовал границы автономной и независимой Македонии со столицей в Солуни, при встрече с французским журналистом уже прямо заявил: «Македония требует независимости со столицей в Солуни»¹¹⁷. И далее развивал странную, на мой взгляд, мысль: «Впрочем, мы бы оставили воинственные намерения (усталость? — *Р.Г.*), если бы Македония, ныне разделенная между Сербией и Грецией, получила полную автономию в Югославии, в лоне которой все государства, представляющие части ее, получили бы такие же права. Болгария, *мы это знаем*, будет готова в этом случае вернуть автономной Македонии часть *нашей территории*, данной ей, (и дальше весьма небрежно! — *Р.Г.*) да и сама она могла бы войти в конфедерацию, создание которой привело бы к миру на Балканах (курсив мой. — *Р.Г.*)».

Какие имелись виды на реализацию подобного плана? «Если Сербия выступит против такого проекта, она падет в пропасть, — продолжал Александров. — Я знаю, что происходит в Хорватии, четыре года держу связь с Радичем. До 1922 г. хорваты думали улучшить свою судьбу легальной борьбой против белградского правительства, но рано или поздно они будут вынуждены изменить метод, стать конспираторами и начать революционную борьбу»¹¹⁸.

Несмотря на усталость, а, может быть, именно из-за нее, Александров заканчивает беседу бодрячески: «У нас нет необходимости в помощи наших сонародников в Болгарии (отчужденность и обида? — *Р.Г.*). В Македонии достаточно людей, чтобы предпринять акцию в день, когда мы решим это сделать. Оружия и амуниции достаточно. Но сейчас мы в режиме ожидания. Мы будем действовать, когда наступит наш час. Может быть, в согласии с хорватами, и в этот день македонцы не откажутся от клятвы, данной ими при вступлении в организацию, священный девиз которой — «Свобода или смерть!»»¹¹⁹.

Чем дальше, тем как будто больше появляется у него союзников. В январе 1924 г. еще один корреспондент «Таймс» побывал в гостях у «лесного вождя». Ему Александров заявляет, что может мобилизовать в одной только Македонии 150 тыс. человек (в ноябре 1923 г. Томпсону была названа цифра в 50–60 тыс. «добровольцев») и выражает надежду, что хорваты, словенцы и черногорцы, наконец, придут к использованию нелегальных методов борьбы против Сербии, так что может произойти комбинированное восстание. «Сейчас турки с нами, и я торжественно заявляю, что мы

117 Тодор Александров. Живот легенда. С. 71.

118 Там же. С. 72.

119 Тодор Александров. Живот легенда. С. 74.

сильнее, чем когда-либо прежде»¹²⁰.

Все это напоминает заклинания. Метания, метания, сумасбродные идеи. Вот и корреспондент пишет: «легко увидеть, что он не очень верит в помощь извне» и что при всей воинственности Александров выразил готовность действовать в легальных рамках — провести «какую-нибудь беспристрастную анкету о положении в Македонии силами великих держав, Лигой наций и группой независимых журналистов».

Положение Александрова, действительно, становилось непростым. Отношения с правительством Цанкова складывались далеко не так, как мечталось Тодору. Преследования македонских деятелей, вынужденные внешнеполитической обстановкой и ситуационные, закрытие македонской печати и некоторых легальных организаций эмигрантов проводилось в 1923 г., повторялось в первой половине 1924 г. Аресты македонцев подтачивали авторитет Александрова и ВМРО, как не способных их защитить. Внутри самой ВМРО назревало недовольство диктатурой шефа. Легальные македонские организации, стремившиеся сохранить независимость от цанковских властей, порицали негласные связи ВМРО с правительством и царским двором.

Последние несколько месяцев жизни Александрова были особенно напряженными — его постоянно атакуют и слева, и справа. К давлению со стороны болгарского правительства, присоединяется нажим товарищей по ЦК ВМРО — Протогерова и перешедшего к левым Чаулева, а также со стороны руководителей Сярского округа. Складывается впечатление, что он никому не доверяет, подозревает в неискренности. В этом кругу находит драматическое разрешение «союз» Александрова с Москвой.

Попытка Александрова войти в близкий контакт с представителями Страны советов и не могла не быть провальной. Эта история хорошо известна. Напомню только некоторые ее детали: в середине июля 1923 г. в СССР по поручению лидера ВМРО отправилась делегация в составе Д. Влахова и М. Монева, зятя Тодора. В Москве посланцы встречались с М.А. Трилиссером (начальник Иностранного отдела ОГПУ), К.Б. Радеком, Г.В. Чичериним, Хр. Раковским. Делегация привезла положительные впечатления в отношении возможного взаимодействия двух сторон.

30 декабря 1923 г. за подписью Т. Александрова в Москву был направлен «Проект соглашения между ВМРО и Российской Советской республикой», в котором, опираясь на «официальные заявления Российской Советской республики, что она будет содействовать освобождению угнетенных народов», ВМРО брала на себя обязательство «работать совместно с другими революционными организациями на Балканах в пользу федерирования балканских государств в их этнических границах, хорошо понятые политические и экономические интересы которых совпадают с ин-

120 Там же. С. 82.

тересами Российской Советской республики». А также с благодарностью приняла бы материальную, дипломатическую и моральную поддержку со стороны РСР¹²¹.

Только очень мало искушенный в политике человек, зашоренный провинциальной верностью одной идее, мог так легко поддаться в сети большевистских спецслужб. Степан Радич оказался смелее (сам приехал в Советскую Россию, а не положился на посыльных) и прозорливее: сумел выскользнуть из «дружеских» объятий.

Александров позволил советской стороне в течение нескольких месяцев разыгрывать спектакль, конечной целью которого была реализация известной установки партии большевиков: проникать в массовые организации буржуазных стран (рабочие, крестьянские, националистические и т.п.), разлагать их изнутри, захватывать в них руководство, подчинять их себе. Результатом взаимодействия представителей ВМРО с советскими органами стал знаменитый Майский манифест 1924 г., подписанный за ЦК ВМРО Протогеровым, Чаулевым и ими же за Александра по его полномочию. В Манифесте содержались убийственные для Тодора слова, означавшие его открытое противопоставление себя правительству Цанкова. «Вопреки всем жертвам, говорилось в нем, которые болгарский народ дал и готов дать для свободы и независимости Македонии, нынешнее болгарское правительство Цанкова вразрез с чувствами и интересами собственного государства ведет политику явно противомакедонскую, политику явно сербофильскую, которая не только увековечит раздел Македонии, но и подготавливает новые территориальные перекройки Балкан за счет Македонии /.../ Правительство Цанкова пошло на то, чтобы уничтожить ВМРО и македонскую революционную организацию и массовое революционное движение»^{122*}.

121 Национальный вопрос... Ч. 1. С. 181–182.

122 Там же. С. 274.

* Кажется, лучше всего понял содержание «московской тактики» Тодора один из немногих «нестандартных» российских большевиков — К.Б. Радек. В феврале 1924 г. при обсуждении македонского вопроса на заседании президиума ИККИ он заявил: «Тод/ор/ Александров — реалистический политик с ног до головы. Союз с ним — это план войны с Сербией». Радек сказал, что при разговоре с Влаховым и Моневым, когда они приезжали в Москву, он «пытался добиться у них, какова их программа в пользу македонских крестьян» и не смог выжать из них ни одного слова об этом. «Тогда я спросил, — продолжал он, — как они конкретно работают в Македонии, какую конкретную работу в Македонии автономисты предлагают. Они образуют отряды, которые состоят из элементов, выкристаллизовавшихся из интеллигенции и крестьян и вошедших в противостояние с сербами; они должны жить, они грабят крестьян». И далее: «Если вы хотите прощупать Тод/ора/ Александра, он поставит перед вами вопрос: хотите ли вы войны с Сербией, что вы можете дать нам для этой войны?» (Там же. Ч. 2. С. 212–213). Так, снимая вуаль с переговорщиков, Радек

Развязка не заставила себя ждать: 31 августа 1924 г. Тодор Александров был убит в Пиринских горах кем-то из сподвижников. Кем именно, осталось неизвестным.

Кто же он был и чего хотел в действительности? — свободы Македонии или власти над ней? Чем была для него Болгария? Был ли Александров вполне адекватным в последний год своей жизни, строя планы один невероятнее другого? Дать прямые ответы на эти вопросы не получалось ни у его современников, ни ныне — притом ни в Республике Македония, ни в Республике Болгария. К примеру, софийская газета «Класа» в номере от 4 марта 2008 г. сообщала: потомственный болгарин Др. Каров, живущий в македонском городе Велес, установил во дворе своего дома бюст Александра (местная администрация отказалась предоставить землю под памятник). Но и это частное деяние (хотя на его «официальном открытии» присутствовали депутаты из Болгарии) вызвало возмущение жителей города, потребовавших от кмета принять меры для устранения «этого постыдства для Велеса». Ночью памятник был разрушен, остатки его залиты черной краской. Редакция софийской газеты приводила также другие примеры подобного отношения к посмертной славе Александра, растянувшейся на многие десятилетия, в том числе на месте его захоронения в горах.

Те же, кто благоговейно и благодарственно относились и относятся к памяти Тодора Александра, могут, например, прогуливаться с лучшими чувствами по новому широкому проспекту его имени в Софии, недавно открытому. Как говорится: *Suum cuique!* (To each his own!).

показал, за чем приезжали посланцы Тодора.

ЭЛИФТЕРИОС ВЕНИЗЕЛОС — В ПОГОНЕ ЗА «ВЕЛИКОЙ ГРЕЦИЕЙ»

Одной из определяющих черт выдающихся деятелей является сила восторга и ненависти, испытываемых к ним широкими массами. В истории возрожденного в XIX в. нового греческого государства нет человека, политика, который бы приобрел столь широкую известность и пользовался таким авторитетом, как Венизелос. Европа его знала как блестящего дипломата и яркого государственного деятеля-реформатора. Почти в течение четверти века Венизелос и его имя определяли внутривосточное развитие Греции и ее внешнеполитическую доктрину. Родина почитала его как Бога и предавала анафеме как дьявола. Часть греческой нации видела в нем величайшего со времен античности человека, рожденного Элладой, гения, возводимого на пьедестал национального символа. Другая часть считала его беспринципным политиком, тираном, путем интриг и демагогии приобретшего власть над страной, предателя нации, разрушителя устоев государства. Четверть века раскол среди греков на венизелистов и антивенизелистов определял политическую жизнь страны.

Венизелос начал свою карьеру с борьбы против бюрократизированной олигархической власти и двора и закончил борьбой с законно избранным правительством. В семидесятилетнем возрасте, находясь в изгнании, он был приговорен к смерти. Когда же ему была предоставлена амнистия, и он был готов вернуться на родину, он умер. Спустя год после вынесения смертного приговора Венизелосу ему были устроены впечатляющие похороны, достойные великого государственного деятеля.

В конце XIX в. Греческое королевство занимало лишь южную оконечность Балканского полуострова (Пелопоннес, Аттику и Фессалию). Наиболее значимой идеей, оказывавшей влияние на формирование менталитета греков, была ирредентистская «мегали идэа» — объединение всех земель, населенных греками, и создание, таким образом, «Великой Греции». Поскольку эти территории находились под властью Османской империи, для внешней политики Греции приоритетной стала антитурецкая направленность.

Элефтериос Венизелос родился 11 августа 1864 г. на острове Крит недалеко от города Канэа в семье преуспевающего купца Кирьякоса Венизелоса. В молодости Кирьякос Венизелос принял участие в борьбе за независимость греческих земель от Османской империи. Один из его братьев стал известен тем, что поддерживал связь между критскими повстанцами и лидерами движения за независимость в континентальной Греции, а трое других сложили головы в этой борьбе. Осужденный и проведенный вне Крита 19 лет, Кирьякос вернулся в Канэа. Через два года родился его четвертый ребенок — Элефтериос (трое его детей умерли в раннем возрасте).

При крещении мальчика в небольшой церкви Св. Элефтериоса священник дал ему имя этого святого, в переводе с греческого означавшее «освободитель», добавив: «один из тех, кто освободит Крит»¹.

После окончания школы Элефтериос проявил желание изучать право. Отец противился поступлению сына в университет, опасаясь его включения в политическую борьбу. Обративший внимание на Элефтериоса греческий консул М.Г. Зигомалас убедил старшего Венизелоса уступить. В 1887 г. Э. Венизелос стал доктором права и, вернувшись в Канэа, работал адвокатом. Через три года молодой адвокат женится на Марии Кателузу. Он был по-настоящему счастлив, судьба же часто отнимает у человека, самое дорогое. В 1894 г. во время вторых родов умирает любимая женщина, и всю свою любовь и заботу Венизелос с тех пор дарит двум сыновьям².

Опасения отца оправдались — в Афинах Венизелос-младший, будучи по происхождению «невоссоединенным» греком (греческое население, оставшееся вне пределов суверенной Греции), был захвачен идеями объединения греческой нации и возрождения византийского величия Греции. Национально-освободительные традиции семьи, широко распространенные в греческом обществе, антиосманские ирредентистские настроения, стремление греческого населения Эпира, Фессалии, Македонии, Фракии, Крита, Эгейских островов, архипелага Додеканез и западной части Малой Азии к объединению с национально-государственным центром, суверенным Греческим королевством определяли геополитические воззрения и идеалы молодого Венизелоса. После присоединения Фессалии в 1880—1890-е гг. на первый план для нации выдвинулась проблема объединения с метрополией Крита. В 1889 г. Венизелос стал депутатом Критского Собрания от Либеральной партии, возглавив ее умеренное крыло. В 1895—1897 гг. на Крите активизировалось национально-освободительное движение, переросшее в восстание. Венизелос становится одним из лидеров движения. Королевская Греция попыталась вмешаться и высадила десант на острове для поддержки повстанцев. Однако в целях сохранения статус-кво в регионе вокруг острова были сконцентрированы международные (в основном английские) военно-морские силы, присутствие и участие которых в событиях привело к подавлению восстания. Тридцать лет спустя на вопрос британской журналистки, когда он изучал английский язык, премьер-министр Греции Венизелос ответил: «Мадам, я изучал английский, когда Ваш флот обстреливал меня в Акротири»³.

Подавление восстания привело к резне турками греческого населения и сожжению греческих кварталов в городах. Началась греко-турецкая война 1897 г. Поражение греков привело к расколу в рядах критского дви-

1 *Alastos D. Veniselos. Patriot. Statesman. Revolutionary. London, 1942. P. 9.*

2 *Kerofilas C. Eleftherios Veniselos. His life and work. London, 1915. P. 164.*

3 *Alastos D. Op. cit. P. 29.*

жения на два лагеря — «юнионистов» во главе с Венизелосом и «автономистов». Так Венизелос вошел в острый конфликт с частью критских парламентариев, отстаивавших идею автономии острова в рамках Османской империи, в то время, как он твердо выступал за объединение Крита с Грецией. В результате греки-критяне объявили его предателем национальных интересов. Один из депутатов едва не зарезал его в зале заседаний парламента, а его дом был разрушен до основания. Венизелос, ставший во время восстания председателем Критского собрания, вынужден был оставить этот пост.

Греко-турецкая война вызвала необходимость вмешательства в конфликт великих держав, которые не были заинтересованы в изменении статуса-кво на Балканах. Над островом был установлен международный контроль, а в декабре 1898 г. принц Георг (младший сын короля Георга I и королевы Ольги, дочери русского царя Александра II) прибыл на Крит в качестве уполномоченного великими державами Верховного комиссара. Венизелос вошел в правительство при Верховном комиссаре как советник юстиции.

Приверженность Венизелоса либеральным взглядам, парламентаризму и его стремление создать строго конституционную систему управления для своей страны наталкивались на абсолютистские убеждения молодого и довольно ограниченного принца, воспитанного своей матерью в традициях русского двора. Если верить известному историку Д.Аластосу (опубликовавшему в 1942 г. биографию Венизелоса), принц был «довольно ограничен», воспитанный, благодаря матери — Ольге Романовой, «в монархических традициях деспотизма»⁴. В Греции любят Венизелоса. Оставим на совести его апологета подобную характеристику. Между тем, Венизелос был вынужден подать в отставку. Но на острове сложилась провенизелитская оппозиция принцу — Верховному комиссару, выступавшая за проведение реформ, усиление роли местного парламента, за объединение Крита с Грецией, но против автократической власти Верховного комиссара. Венизелос писал в это время: «У нас нет ответственного правительства, нет свободной прессы: Есть одно — воля принца»⁵. Политика Верховного комиссара не оправдывала ожиданий местных юнионистских провенизелитских кругов, хотевших видеть в его прибытии на остров прелюдию к объединению с Грецией.

Нельзя забывать, что принц Георг, будучи Верховным комиссаром, проводил на Крите политику, согласованную с уполномочившими его великими державами. Весной 1905 г. венизелиты взяли за оружие и возобновили повстанческую деятельность. Дестабилизация ситуации на Крите и на Балканах, в целом, не входила в планы великих держав. Ан-

4 *Alastos D.* Op. cit. P. 48.

5 *Ibid.* P. 50.

глия, традиционно имевшая сильное влияние в Греции, и Россия, покровительствовавшая балканским славянам, были заняты в это время разделом сфер влияния в Азии (кроме того, шла русско-японская война), что исключало возможность их активной конфронтации с Турцией. Более того, такая конфронтация могла обострить растущие противоречия между складывавшимся союзом Англии, Франции и России и Германией. Поэтому летом 1905 г. англо-российские войска разгромили повстанцев, а через несколько месяцев сопротивление прекратилось окончательно. Однако большинство критян было на стороне венизелистов; вынужденный оставить свой пост, принц Георг в сентябре 1906 г. покинул остров. Пост Верховного комиссара занял бывший премьер-министр Греции А. Заимис. Критские события превратили Венизелоса в фигуру общенационального масштаба.

Проведя выборы на Крите, в результате которых победу одержали либералы, Заимис отправился в Европу способствовать вожденной цели критян — объединению с Грецией — путем воздействия на общественное мнение в Европе. Всю административную власть он передал премьер-министру Крита Венизелосу. Несмотря на определенное сопротивление со стороны оппозиции, Венизелос, вынужденный сдерживать попытки своих сторонников урезать права турецкого меньшинства, за два года правления смог проявить себя весьма умелым государственным деятелем: реорганизовать полицию и судебную систему, создать критские вооруженные силы под командованием греческих офицеров, т.е. создать условия для отплытия критского корабля от турецкого причала. Собравшиеся на критском Марсовом поле 15 тысяч греков 7 октября 1908 г. провозгласили ликвидацию поста Верховного комиссара и потребовали объединения с Грецией⁶. Эти события стали возможными после пошатнувшей Османскую империю младотурецкой революции. Удалось добиться фактического признания критского правительства великими державами, а через год ставший президентом Крита Венизелос провозгласил объединение острова с Грецией.

Нападки критской оппозиции и принца на Венизелоса были отражением общенационального конфликта между олигархической «государственной буржуазией», крупными землевладельцами и королевским окружением, с одной стороны, и предпринимательскими кругами метрополии и сильными торговыми, промышленными и финансовыми кругами греческой диаспоры, стремившейся связать свои экономические интересы с усилением собственного политического влияния в Греции и с греческими геополитическими интересами. Поражение в войне против Турции в 1897 г. вызвало затянувшийся кризис, окончательное разрешение которого принес путч военных в 1909 г., разрушивший гегемонию «старых

6 *Alastos D. Op. cit. P. 58.*

партий», которые выражали интересы олигархии, и означавший начало ускорения буржуазной эволюции и модернизации⁷. Сам по происхождению принадлежа к греческой торговой диаспоре, Венизелос на Крите стал лидером кругов, для которых воедино слились вопросы экономического благополучия, политических реформ, объединения вокруг национально-государственного центра — Старой Греции всех земель, населенных греками.

В 1909—1910 гг. в стране сложилась ситуация массового недовольства правящими кругами. Еще до событий 1909 г. Венизелос установил контакт с лидерами Военной Лиги — непосредственными инициаторами путча. В январе 1910 г. «революционные» офицеры пригласили его в Афины. «Новой» предпринимательской буржуазии и офицерству, защищавшему идеи национального возрождения и требовавшему реформ, был необходим настоящий политический лидер, способный стать символом преобразования страны. Стремление к воссоединению греческих территорий, находившихся под османской властью, и к избавлению от олигархического эгоизма и политической инертности «старых партий» обеспечивали Лиге поддержку в народе. Нерешительность Георга I в вопросе о воссоединении Крита с Грецией усиливала растущую популярность критского лидера. Венизелос персонифицировал идею национального единства и возрождения греческой нации. Обострение социально-политической ситуации и активизация масс вынудили правящие круги уступить новым силам, способным разрешить нарастающий кризис. В новых выборах, в созыве Национального собрания, призванного пересмотреть конституцию, массы видели начало пути перемен в социально-экономической и политической жизни страны.

Летом 1910 г. Военная Лига выдвинула кандидатуру Венизелоса на парламентских выборах — критянин одержал внушительную победу и стал депутатом греческого парламента. В глазах народа он превращался в национального героя, призванного «спасти страну от гибели»⁸. В сентябре в Канэа Венизелос прощался с родным Критом. На прощальном вечере он — талантливый оратор — смог произнести лишь два слова: «Дорогие соотечественники...», сердце переполнили эмоции⁹.

В октябре 1910 г. Георг I поручил Венизелосу сформировать правительственный кабинет, видя в нем деятеля, способного мирным путем ликвидировать внутривластительский кризис¹⁰. Венизелос пообещал королю за

7 *Mavrogordatos C. Th.* Stillborn republic. Social coalitions and party in Greece. 1922—1936. Los Angeles; London, 1983. P. 124—125.

8 *Никитина Т. В.* Греция накануне первой мировой войны: особенности внутривластительского развития. М., 1984. С. 81.

9 *Kerofilas C.* Op. cit. P. 61.

10 *Никитина Т. В.* Указ. соч. С. 81.

пять лет возродить Грецию¹¹. Во многом ему это удалось. Демократизация и упорядочение парламентской практики, борьба с засильем клановости и коррупции в государственном аппарате, экзаменация поступавших на государственную службу, введение обязательного начального образования и широкого трудового законодательства, а также минимальной зарплаты для женщин и детей, официальное признание прав профсоюзов,— таковы инициативы Венизелоса в этот бурный период реформ. Правительство Венизелоса и парламентарии внесли ряд поправок в конституцию, благодаря чему усиливалась роль парламента и его независимость от монарха, была создана законодательная основа для раздела крупных землевладений и создания капитализированных фермерских хозяйств. Ряд реформ был проведен для модернизации армии и флота¹². Греция превращалась в правовое государство, стабилизировалось финансовое положение — курс драхмы сравнился с курсом французского франка. На выборах 1912 г. Либеральная партия заняла 146 парламентских мест из 181: именно Венизелос обеспечил высокую степень внутреннего консенсуса накануне драматических событий, развернувшихся на Балканах¹³.

Результатом внутри- и внешнеполитического курса правительства Венизелоса стал триумфальный успех Греции в Балканских войнах 1912—1913 гг., превративший ее в значимую силу на Восточном Средиземноморье. Территория и население Греции увеличились почти вдвое: были присоединены Эгейская Македония, часть Эпира и Эгейских островов, произошло окончательное объединение Крита с Грецией. После подписания Бухарестского мира вззошедший в 1913 г. на греческий престол Константин телеграфировал Венизелосу: «Страна благодарна Вам». Весьма чувствительный человек, Венизелос был тронут — слезы блестили на его щеках¹⁴. Слова «нация», «Великая Греция» и «Венизелос» становятся в это время синонимами.

Наряду с Венизелосом чрезвычайную популярность в народе приобрел король Константин, занимавший пост главнокомандующего во время Балканских войн. Вокруг Константина объединились все антивенизелистские милитаристские прогерманские монархические силы, олигархия, отстраненная от власти в 1909 г. Популярность короля усиливалась оживлением византийской традиции — Константину пропаганда присваивала порядковый номер XII, как следующему после последнего византийского императора Константина XI Палеолога. «Истинный преемник Палеологов», «живое воплощение нации», «хранитель идеалов расы»

11 *Alastos D.* Op. cit. P. 76.

12 *Dakin D.* The unification of Greece. 1922—1923. London, 1972. P. 186—189; *Clogg R.* A short history of modern Greece. Cambridge, 1979. P. 100; *Никитина ТВ.* Указ. соч. С. 71, 87, 94-95.

13 *Clogg R.* Op. cit. P. 101.

14 *Alastos D.* Op. cit. P. 125.

— такими эпитетами одаривали Константина¹⁵. Для политической жизни Греции стала характерна поляризация — формирование двух соперничавших лагерей, для которых имена Венизелоса и Константина стали своеобразными знаменами. В 1915—1916 гг. дело дошло до политического раскола («национальной схизмы»): к социально-политическим противоречиям добавился вопрос об участии Греции в первой мировой войне. Прогерманские константинистские круги выступали за сохранение нейтралитета. Венизелос считал необходимым вступление Греции в войну на стороне Антанты с целью реализации ирредентистских идеалов-освобождения огромной массы греческого населения, находившегося под властью турок, и обеспечения суверенитета над приобретенными в ходе войн территориями, которому угрожали северные соседи.

Разногласия с королем заставили Венизелоса подать в отставку. Выборы в мае 1915 г. принесли полную победу Либеральной партии, однако король вынудил Венизелоса вновь подать в отставку и распустил парламент. Когда режим Константина отводом греческой армии с ее позиций фактически отдал болгарским войскам Восточную Македонию, Венизелос взял на себя руководство антиправительственным восстанием на севере страны и создал временное правительство в Салониках, объявившее войну Центральным державам. Развязанный константинистами массовый террор против сторонников Венизелоса вылился в гражданскую войну между «государством Афин» и «государством Салоник».

Венизелос был лидером, стремившихся к расширению национально-государственных границ, к экономической модернизации, к либерализации политической системы и демократизации гражданского общества; вокруг этих идей объединялись греки присоединенных после войны 1912 г. земель и «невоссоединенных» территорий. Антивенизеллизм объединял патриотов-изоляционистов, сторонников консервации социально-политических традиций и антикапиталистического мелкобуржуазного романтизма; оплотом этих сил стала Старая Греция (первоначальная территория королевства в XIX в.).

В 1917 г. при содействии Антанты Константин был свергнут и изгнан из страны и королем стал его средний сын Александр, а Венизелос вновь занял пост премьер-министра Греции. Период противостояния афинского и салоникинского правительств в 1915—1917 гг. был отмечен массовыми преследованиями политических оппонентов. Организованная Антантой блокада Старой Греции вызвала экстремальные трудности для населения и голод, что обострило ненависть к «предателю» Венизелосу и значительно расширило социальную базу его противников. Последние аккумулировали память о «жертвах венизеллистской тирании», имевших место и в ходе салоникинского восстания 1915 г., и во время проводившейся салоникиским

15 *Mavrogordatos G.Th.* Op. cit. P. 61.

правительством насильственной мобилизации и т.д. Придя к власти, венизеллисты жесткими мерами подавляли сопротивление антивенизеллистов. С другой стороны, проводя в 1917–1920 гг. быстрыми темпами аграрную реформу на контролируемой салоницким правительством территории, в результате которой крестьяне наделялись землей, Венизелос приобретал все больше сторонников.

Выступление салоницского правительства во главе с Венизелосом на стороне Антанты, непосредственное участие греческих войск на салоницском фронте войны вместе с англо-французскими частями и победа союзников означали реальную возможность для Греции рассчитывать на значительные территориальные приобретения. На Парижской мирной конференции в 1919 г. при решении вопросов послевоенного урегулирования отношений с Болгарией и Турцией (особенно в разрешении национально-территориальных проблем) также с Королевством СХС Венизелос проявил себя тонким политиком и искусным дипломатом в отстаивании национальных интересов своей страны. В частности, он успешно противодействовал сербским и болгарским устремлениям на покровительство славянскому меньшинству в Греции, сталкивая друг с другом интересы своих северных соседей и одерживая в результате победу. В результате территории со значительным славянским населением были окончательно закреплены за Грецией, а болгаро-греческой конвенцией 1919 г. была заложена основа для обмена населением между Болгарией и Грецией, что обеспечивало развитие процесса эллинизации этих районов. Венизелос использовал впервые представившийся шанс для реализации «мегали идэа» и добился разрешения союзников на оккупацию греческими войсками всей Фракии и западного побережья Малой Азии. На горизонте небосклона греческой внешней политики возник отчетливый мираж «Греции двух континентов и пяти морей».

Занятый проблемами высокой дипломатии, Венизелос два года не был в стране. А она за это время сильно изменилась. Резко возросла пропаганда роялистов-константинистов, ложившаяся на свежую память о лишениях, принесенных блокадой Антанты, которая поддержала Венизелоса и свергла законного короля Константина. Народ устал от восьмилетних почти непрерывных войн: мобилизаций, конфискаций в пользу фронта, людских потерь, многолетнего отрыва от хозяйства. Репрессии против антивенизеллистов, особенно характерные для Старой Греции, осиливали ненависть к «критскому тирану» и увеличивали число его противников.

Значимость внешнеполитических достижений ставилась под вопрос восстанием турок во главе с Кемалем в Малой Азии, не смирившихся с капитуляцией стамбульского правительства и не признавших условий Севрского договора, подписанного побежденной Османской империей, что означало продолжение войны. Война, тяжелые материальные условия,

жестокая политическая борьба и разочарование в провиденциализме Вензелоса порождали вдохновляющую оппозицию враждебность к нему. В Париже на Вензелоса было совершено покушение. В ответ вензеллисты провели серию погромов роялистских клубов, члены которых избивались и арестовывались. При аресте был застрелен один из лидеров оппозиции. Долго находясь в Париже, Вензелос потерял контроль над внутренними событиями и не отдавал себе полного отчета, что политика вензеллистов предоставляла возможность тем, кто ждал реванша, воспользоваться растущим недовольством¹⁶. Внезапная смерть короля Александра превратила его отца Константина в центр притяжения антивензеллистских монархических сил и всех просто недовольных Вензелосом. Позже Вензелос признавал, что совершил ошибку, не отложив парламентские выборы и не встретившись с Константином¹⁷. Полный оптимизма и уверенности в доверии к нему со стороны греков, он пошел на проведение выборов и проиграл их. В ноябре 1920 г. премьер-триумфатор покинул Грецию.

Хелена — единственная, кто мог его утешить в это время. В 1913 г., находясь в Лондоне в связи с подписанием мирного договора с Турцией, Вензелос познакомился с состоятельной гречанкой, уроженкой Лондона Хеленой Схилици. Их дружбе способствовала финансовая поддержка, которую Хелена оказывала Вензелосу в его филантропических акциях как руководителя страны. Она делала все, чтобы Вензелос не испытывал финансовых трудностей и во время его добровольного изгнания. Теплая дружба постепенно переросла в любовь, в декабре 1921 г. в Лондоне Вензелос и Хелена заключили брак¹⁸.

Несмотря на то, что антивензеллисты пришли к власти под лозунгами мира, война в Малой Азии развертывалась все шире. Возвращение в страну Константина и прогерманского правительства оказали тяжелое впечатление на союзников Греции, особенно в Лондоне. Находясь в контакте с лондонскими политическими и финансовыми кругами, Вензелос убеждал британцев «не оставлять Грецию»¹⁹. Период правления антивензеллистов, отмеченный свертыванием аграрных преобразований, а также репрессиями против вензеллистов бесславно кончился поражением греческой армии в Малой Азии от турок в августе 1922 г.

В сентябре армейский Революционный комитет сверг антивензеллистское правительство и заставил Константина отречься от престола в пользу своего старшего сына, принявшего имя Георга II. Будучи поначалу реакцией военных на фиаско политики константинистов в Малой Азии, утвердившийся военный режим не смог стать надпартийной си-

16 *Dakin D.* Op. cit. P. 228.

17 *Alastos D.* Op. cit. P. 204.

18 *Ibid.* P. 217.

19 *Dakin D.* Op. cit. P. 229.

лой: его акции приняли характер венизелитской «революции». Созданное под давлением Лондона и Парижа гражданское правительство было полностью зависимо от Революционного комитета, большинство в правительстве составили умеренные венизелиты.

Сам же Венизелос находился вне пределов Греции и отказывался вмешиваться во внутренние дела страны. Но согласился быть представителем Греции в Европе, и в таком качестве он в большей или меньшей степени вновь определял внешнюю политику Греции. К этому времени к противостоянию антивенизелитов и венизелитов добавился раскол в рядах последних. Свобода от участия во внутривнутриполитических распрах облегчала Венизелосу труднейшую задачу спасения достигнутых такими жертвами завоеваний. Он вынужден был непрерывно лавировать между великими державами, чтобы те оказали нажим на одержавших победу турок, и «революционным» греческим руководством, пытаясь заставить и тех, и других пойти на взаимоприемлемые компромиссы. Венизелосу пришлось согласиться на уступку туркам территории во Фракии в обмен на их отказ от притязаний на контрибуции с Греции. Заключив конвенцию с Турцией, Венизелос ускорил выселение турок из Греции и занятие их земель многочисленными греческими беженцами из Малой Азии, что способствовало освобождению греческого руководства от тяжелого бремени, оставшегося в наследство от войны. Возобновление аграрной реформы и наличие освобожденных земель практически сняли аграрную проблему в Греции в последующие годы.

В 1923 г. попытки «революционного» правительства создать новую центристскую партию, объединив умеренных роялистов и умеренных венизелитов, провалились. Нация была разделена как никогда, обострилось противостояние роялистов и республиканцев (левого крыла венизелитов). Венизелос по своим политическим убеждениям был сторонником ограниченной монархии при наличии сильной парламентской власти. Несмотря на то, что среди республиканцев было очень много его сторонников, Венизелос не поддерживал их из-за излишнего, по его мнению, радикализма. Чрезвычайное усиление республиканского движения заставило Венизелоса нарушить свою отстраненность от внутривнутриполитических дел и заявить в августе 1923 г., что Греция «не так уж незрела для республиканской формы правления», но что он не вернется в страну, поскольку не видит для себя места при республиканском режиме²⁰. Позиции республиканцев укрепились после подавления осенью 1923 г. восстания роялистов; возникла даже угроза переворота со стороны республикански настроенных военных-венизелитов. События вновь не позволяли Венизелосу оставаться в стороне. Выступая против насильственного установления республики, он советовал провести выборы, а затем вынести вопрос

20 *Dakin D.* Op. cit. P. 240.

о судьбе монархии и династии на референдум.

По стране прокатилась волна митингов, на которых в адрес Венизелоса обращались не иначе, как «наш отец» и умоляли вернуться и «спасти страну»²¹. В декабре Георг II решил покинуть Грецию до разрешения вопроса о форме правления. Парламент послал Венизелосу телеграмму с предложением вернуться. По прибытию в Афины в начале января 1924 г. Венизелос был единогласно избран председателем парламента. Однако его возвращение не ликвидировало распрей в лагере венизелистов. Особую активность проявляли республиканцы во главе с А. Папанастасиу, обрушившие ряд обвинений на умеренное крыло либералов и требовавшие немедленного введения правительственным декретом республиканского правления. Нападки на Венизелоса со стороны республиканцев достигли своего апогея, и на одном из заседаний Венизелос, почувствовав себя плохо, покинул парламента. Его личный врач официально заявил, что по состоянию здоровья Венизелос должен оставить политическую деятельность. Неизвестно, было ли это истинной причиной или приемлемым способом ухода Венизелоса с политической сцены без вреда для позиции умеренных, когда он оказался не в состоянии справиться с ситуацией. Его преемник в свою очередь был вынужден уйти в отставку, а ставший премьер-министром республиканец Папанастасиу провозгласил 25 марта Грецию республикой, что было подтверждено проведенным в апреле 1924 г. референдумом. Не найдя себе места в стране, в марте Венизелос вновь отправился в добровольное изгнание в Европу. С разбитым сердцем, больной, разочарованный человек с увядшими надеждами на национальное величие своей страны оставлял позади себя ненависть, решив никогда не возвращаться в политику²².

Но через четыре года он снова стал премьер-министром Греции. Венизелос был создан для перипетий политической жизни и не мог найти успокоения в чтении классиков и переводах Фукидида, чему он посвятил себя в период второго изгнания. В 1927 г. он вернулся на Крит, чтобы обустроить свой дом в ожидании приезда из Парижа жены. Во время поездок по острову Хелена была поражена проявлениями любви и доверия критянок к Венизелосу, она была уверена — муж снова станет премьер-министром Греции. Действительно, к 1928 г. сложились условия для прихода к власти партии либерал-прогрессистов, которые, однако, остались без лидера после отставки Г. Кафандариса. Жена, лелеявшая страстное желание стать первой леди Греции, и друзья посоветовали Венизелосу взять на себя руководство партией и предотвратить ее развал²³. Кафандарис подал в отставку и с поста премьер-министра. Этот пост занял Венизелос. Он распустил

21 *Mavrogordatos G.Th.* Op. cit. P. 56.

22 *Alastos D.* Op. cit. P. 238.

23 *Alastos D.* Op. cit. P. 240.

парламент и назначил новые выборы, на которых либералы одержали полную победу.

Однако Венизелос уже не был прежним. Жизнь за границей и богатство притупили остроту оружия старого политического бойца. Следуя британской традиции, он попытался установить жесткие отношения со своими противниками — оппозиционными лидерами. Они ему не верили. Часто его самоуверенность оказывалась неадекватной реальным событиям. Становилось очевидным, что искушенный в вопросах дипломатии и международных отношений, Венизелос был неспособен осуществить задуманную им внутреннюю реконструкцию в стране. Но на Балканах рубеж 20–30-х годов стал временем разрядки напряженности и международного диалога, чему в немалой степени способствовала политика Венизелоса. За время его последнего правления Греция заключила соглашения с Италией, Албанией, Югославией, Австрией, Венгрией, с Турцией — между вековыми врагами были установлены дружеские отношения. Греческая дипломатия стала пользоваться выгодной репутацией.

Неофициально Венизелос поддерживал движения националистов на Кипре и Додеканезских островах за объединение с Грецией. Однако проводившийся им курс на мирное решение балканских проблем не позволял ему открыто встать на сторону греческих патриотов. Поэтому наперекор общественному мнению он официально осудил вспыхнувшее в 1931 г. восстание киприотов. Даже половина либеральной прессы осудила его позицию по кипрскому вопросу. Если успехом критского восстания Венизелос начал свое восхождение к политическому Олимпу, то поражение нового кипрского восстания привело его карьеру к закату²⁴. В 1932 г. Венизелос подал в отставку.

Правда, расставание с политикой затянулось: оппоненты Венизелоса не смогли удержать власть, и многолетнему премьер-министру вновь пришлось занять этот пост. Имея весьма неустойчивое большинство в парламенте, Венизелос воспользовался правом его роспуска. Оппозиция немедленно обвинила его в насилии над конституцией и прессой и в диктаторстве. В марте 1933 г. венизеллистская коалиция проиграла выборы. На следующее утро генерал Пластирас (лидер антиконстантинской «революции» 1922 г.) осуществил попытку переворота, поддержанную многими офицерами и депутатами-венизелистами, потерявшими веру в способность самого Венизелоса противостоять оппозиции. Венизелос не поддержал путчистов. Между тем, обстановка в парламенте накалилась до предела: ругань и драки, пистолеты и ножи стали чуть ли не обычным явлением. Каждое появление в парламенте Венизелоса сопровождалось криками «вон!». Однажды, после одного из его выступлений депутаты с криками «предатель!», «долгой Венизелоса!» сорвались со своих мест... Сторонники

едва смогли уберечь его. Покидая зал, он сказал: «Господа, я не вернусь сюда, пока этот дом не перестанет быть площадкой для корриды»²⁵. Менталитет греческого общества был по-прежнему далек от идеала Венизелоса — английского парламентаризма.

Как пишет один из основных биографов Венизелоса Дорос Аластос, обаяние Венизелоса создавало особый магнетизм его личности. И к старости его глаза сохраняли необычайно молодой блеск. Он так и не стал стариком — трудно было определить его возраст. Легкая походка, ловкость и грациозность движений — в нем находили нечто кошачье. Как и все одаренные люди, он бывал немного ребенком, иногда приходя в восторг от простых вещей, но сохраняя спокойствие в самые критические моменты. Он обладал удивительной способностью переубеждать и заставлять оппонента принимать его точку зрения. Свои полемические выступления в парламенте он начинал с согласия с некоторыми пунктами в речи своего оппонента, постепенно развивая аргументы так, что к середине выступления позиция оппонента выглядела совершенно беспомощной. Голос был сильный, но ему не хватало мужественного звучания, мягкий, почти бархатный, он все же приковывал внимание аудитории, будучи выразительным и убедительным. Решительность и лидерство были отличительными чертами Венизелоса вместе с верностью по отношению к друзьям и коллегам²⁶.

Из небольших провинций Венизелос сумел создать современное государство, дать народу веру в силу национального государства и стремление к прогрессу. Он способствовал выдвижению новых социальных и политических сил. Его появление в Греции совпало с поворотным моментом в социальной истории нации — активизацией средних классов и их стремлением обладать политической властью в стране. Либерализм, истинным лидером которого в Греции был Венизелос, способствовал окончанию эры господства привилегированной «аристократии», а также развитию социальной активности пролетариата и крестьянства. Присоединение новых земель в конечном счете разрешило аграрную проблему в стране — Греция в отличие от своих соседей избежала аграристской политизации.

Парадоксально, но наряду с прозорливостью Венизелосу была свойственна политическая близорукость. Он не сумел предвидеть поражения своей партии ни в 1920 г., ни в 1932 г. Он больше был осведомлен о внутренних делах во Франции (как пишет Д.Аластос), нежели в собственной стране, воспринимавшейся им несколько идиллически. Возможно, Венизелос, будучи по происхождению критянином, так и остался иностранцем в континентальной Греции²⁷.

25 *Alastos D.* Op. cit. P. 257.

26 *Ibid.* P. 260.

27 *Alastos D.* Op. cit. P. 262.

Несмотря на то, что Венизелос был лидером определенной партии, политического лагеря, он всегда стремился к гражданскому примирению в стране, к преодолению раскола нации. Однако очень многое от него не зависело, да и в силу первостепенности разрешения задач национально-государственной экспансии Венизелос с 1919 г. практически слабо контролировал развитие конкретных внутривнутриполитических событий и мог влиять на них лишь силой своего авторитета. Непрерывавшаяся война политических лагерей часто исключала присутствие в стране лидера либералов, что способствовало расколу последних, внутривнутрипартийным распрям и ослаблению лагеря в целом. Антагонистическая враждебность при непреодолимой слабости политических партий так и осталась неразрешимой проблемой политической жизни Греции. Это определяло частое вмешательство военных в политику, против чего всегда выступал Венизелос. Находясь долгое время в Лондоне, Венизелос считал британскую демократию примером, достойным для подражания, и мечтал перенести опыт либеральной демократии на греческую почву. Греция же оставалась самой собой и пережила за период с 1924 по 1936 г. четыре переворота, придя, в конце концов, к диктатуре монархиста Метаксаса. Каждая смена власти приводила к новым репрессиям в отношении политических оппонентов.

В июне 1933 г., когда Венизелос ночью вместе с женой возвращался в автомобиле домой, на него было совершено покушение. На протяжении трех миль покушавшиеся преследовали автомобиль Венизелоса и обстреливали его из пулемета. На утро в корпусе машины было обнаружено 120 пулевых отверстий. Четыре ранения получила жена, был ранен шофер и убит телохранитель. Венизелоса хранила судьба — он остался невредимым. Акт насилия вывел на улицы Афин почти всех жителей. Тысячи людей демонстрировали на следующий день свою поддержку Венизелосу — ненависть и преданность масс попеременно сопровождали этого человека.

В марте 1936 г. военными-республиканцами была предпринята новая попытка переворота. Венизелоса обвинили в причастности к заговору. На самом деле он не был посвящен в ход подготовки очередного антиправительственного акта. Правда, после прибытия повстанческого флота в Канна, где находился в это время Венизелос, он принял на себя руководство движением, считая, что существовавшее правительство вело страну к диктатуре. Несколько дней спустя после подавления восстания Венизелос на повстанческом крейсере «Авероф» переправился на Додеканезские острова, затем в Неаполь, а оттуда в Париж. «Все, что не удастся, — ошибка,» — говорил Венизелос²⁸. Против либералов были развязаны репрессии, многие республиканские лидеры попали в тюрьмы.

Семидесятилетний Венизелос был приговорен к смертной казни. Весть об этом застала его в Париже и вызвала у него гнев и отвращение, целую неделю он был в состоянии нервного потрясения. Через некоторое время Венизелос выступил в печати с резкими обвинениями в адрес новых властей в Греции, восстановивших-таки монархию и устроивших, по его мнению, фарс с референдумом по вопросу о возвращении к монархическому правлению. Отголоски из Афин на это выступление, полные угроз, всерьез обеспокоили французскую полицию, которая усилила меры по обеспечению безопасности Венизелоса²⁹.

Но быстрая смена событий в Греции вызвала изменение позиции Венизелоса, пришедшего к выводу, что интересы страны требуют восстановления монархии в качестве арбитра над соперничавшими политическими партиями. Возвратившийся в страну король Георг II гарантировал, что он будет свободен от влияния сил, способствовавших реставрации монархии. Король амнистировал Венизелоса, подчеркнув его вклад в дело национального единства. В канун нового 1936 года король и Венизелос обменялись приветственными телеграммами.

Венизелос всегда предпочитал правление конституционного монарха «беспринципной» военной диктатуре³⁰. Он категорически заявил, что больше никогда не будет вмешиваться в политику, но не было недели, чтобы он не писал статей для печати, или писем друзьям о своих взглядах на события в Греции. После амнистии ему было очень трудно оставаться в Париже. Он тосковал по солнечному свету, столь благодатному на родной земле. В письмах к одному из друзей просвечивало последнее сильное желание старого человека увидеть свой дом. В то же время Венизелос, в жизни которого политика играла роль главного жизненного стимула, не мог удовлетвориться менее бурной жизнью. «Мои противники требовали моего ухода с политической арены как первого условия национального умиротворения. Я принес эту жертву во имя будущего моей страны, величию которой я посвятил всю свою жизнь... Необходимо жертвовать для обеспечения внешнего и внутреннего мира» — это были последние публично произнесенные Венизелосом слова³¹. Через пять дней (13 марта 1936 г.) его не стало. Великий критянин скончался в чужой стране.

И после его смерти война с ним продолжалась: было запрещено прощание с телом Венизелоса в Афинах. Но Греция отдала дань этому человеку. На Крите в знак траура каждое окно было задрапировано крепом. Критские бойцы в колоритных местных костюмах отвезли на лафете тело Венизелоса к склону горы Пророка Илии, где тридцать девять лет назад началась «революция» Венизелоса, и там под соснами на

29 *Alastos D.* Op. cit. P. 271.

30 *Ibid.* P. 272.

31 *Ibid.* P. 274.

неровном скалистом выступе горы, обращенном к серебряному Критскому морю, они похоронили создателя современной Греции. У власти, в оппозиции или в изгнании его личность господствовала на политическом небосклоне Греции.

КОРОЛЬ ФЕРДИНАНД I — ОБЪЕДИНИТЕЛЬ РУМЫНСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Официальный въезд в Бухарест символически открывает Триумфальная арка, от которой расходятся ведущие магистрали к центру румынской столицы. Арка возведена в ознаменование окончания первой мировой войны и побед румынских войск в составе армий стран Антанты. На фронто-не памятника вписано чеканным слогом в новейшую историю страны имя короля Фердинанда — «объединителя румынских земель», под державным скипетром которого в 1918 г. была создана «Великая Румыния».

Каким масштабом можно измерить личность и деяния политика, память о «звездном часе» которого, высеченная в камне Триумфальной арки, сохранялась на руинах отрицавших друг друга исторических эпох и к исходу века вернулась нынешнему поколению румын ностальгией по былому величию государства? Именно тогда — в годы войны и послевоенного хаоса, когда рушились основы старого миропорядка, разваливались великие соседние империи, а революционные вихри сметали и королевские троны, и государственные границы, румынская монархия не только удержала власть и страну на краю пропасти, но сумела компенсировать слабости своего пошатнувшегося было положения искусным лавированием на противоречиях внутри самого румынского общества и в борьбе своих мощных внешних союзников. Добившись в конечном счете удовлетворения притязаний на образование «Великой Румынии», что прежде казалось неосуществимой национальной идеей-фикс, особенно несопоставимой с реальным весом обессиленной страны, монархия возвысила национальное самоощущение в сознании общества и престиж румынского государства в послевоенной европейской политике.

Волею случая на вершине власти в это судьбоносное для Румынии время оказался король Фердинанд, как представляется, — одна из самых драматичных фигур в пантеоне государственных деятелей страны межвоенного периода. Его личная драма заключалась в том, что он случайно был избран престолонаследником на румынский престол, оказался в чужой стране и чуждой ему среде, 25 лет ожидая освобождения королевского трона. И этот случайный жребий судьбы воспринимался самим Фердинандом как в известной мере ущербность его положения среди коронованной румынской элиты.

Действительно, неприметный лейтенант прусской армии, выходец из правящего дома Гогенцоллернов Фердинанд скорее всего оказался бы вне высокой политики, если бы не деликатное положение его дяди Карла, призванного в 1866 г. иностранным князем в Румынию, чтобы положить начало наследственной монархии. Карл принадлежал к династии Гогенцоллернов, к ее боковой швабской ветви Зигмарингенов. Карл был не пер-

вой кандидатурой стать румынским князем, но его умеренно-либеральные взгляды, а более того — связи с французским и прусским высшим светом сыграли свою роль: Карл Гогенцоллерн был признан великими державами Европы румынским монархом. В 1881 г. эта монархия была возведена в ранг королевства, и князь был провозглашен королем Карлом I.

Согласно румынской конституции 1866 г., установившей в стране наследную монархию, предусматривался порядок престолонаследия по мужской линии. При отсутствии потомков по мужской линии у Карла I право наследования короны принадлежало старшему из его братьев или же потомков последнего. Итак, вопрос о престолонаследии встал перед Карлом еще в 1880 г., поскольку его единственная дочь умерла малолетней. Далее вопрос о наследнике решался в тесном семейном кругу Гогенцоллернов-Зигмарингенов между Карлом I, его отцом Карлом-Антоном и братьями Леопольдом и Фридрихом, в последующем были привлечены к дележу румынской короны и дети старшего брата короля Карла принца Леопольда Вильгельм и Фердинанд. Поскольку старшие по праву очередности отказывались от наследования румынского престола, выбор семьи пал на Фердинанда. Румынский парламент согласился с этим решением и в конце 1889 г. Фердинанд Гогенцоллерн был официально провозглашен «предположительным наследником короны» и тогда же занял отведенное ему по конституции место в сенате.

Но появившись на политическом горизонте, Фердинанд неизменно в течение долгих 25 лет держался в тени своего царствующего дяди. Кстати, Карл I твердой рукой удерживал штурвал власти 48 лет, и под сенью его правления свершилось завоевание независимости Румынии в 1877 г. в условиях начавшейся русско-турецкой войны на Балканах. После избавления от османского гнета в стране ускорились процессы экономического обновления, прежде всего укреплялись основы собственной национальной промышленности, торговля свободно перешагнула границы. Утверждение независимости укрепило и политические основы румынского национального государства. Хотя принятая с воцарением Карла в Румынии конституция 1866 г. была скроена по западноевропейскому образцу и своими демократическими декларациями явно опережала бухарестское время, однако именно в период его правления стали обрисовываться контуры конституционной монархии с достаточно уравновешенной системой власти. В этой румынской модели конституционно-парламентской монархии король занимал место «отца нации», что позволяло ему не только царствовать, но и править.

Естественно, личность первого румынского монарха и методы его правления наложили отпечаток на авторитет королевского двора. Карлу удавалось балансировать между «кнутом и пряником»: при всей его пруссаческой склонности к авторитарной сильной власти (в чем сыграл свою

роль и испуг перед Парижской Коммуной), политикой уступок и реформ правящим верхам во главе с Карлом удавалось утихомиривать политические страсти и длительное время поддерживать в стране спокойствие и развитие. Выплескиваясь из-за границ восточного соседа, революционная стихия российских бунтов увлекала порой своим примером столь же безземельную румынскую деревню и малочисленные слои нарождавшегося индустриального пролетариата, примером чему являлись мощное крестьянское восстание 1907 г. и подъем забастовочного движения рабочих в ответ на ухудшение экономической конъюнктуры в период балканских войн. С восстанием власти жестко и быстро расправились: жертвами репрессий пало **II тыс. человек. Однако по горячим следам событий сверху был разработан и принят свод аграрных законов, предусматривавших определенные послабления для крестьян (положение о сельскохозяйственных договорах, запрещение отработок, создание коммунальных пастбищ, введение максимальных ставок арендной платы и т.д.). Таким образом, властям удалось приостановить нарастание социального напряжения в деревне и до поры до времени отсрочить решение главного для крестьян вопроса — о наделении землей.**

Появившийся в городских низах на волне рабочих забастовок лозунг румынских социалистов: «Да здравствует социальная война!» был нейтрализован гибкой политикой верхов, обратившихся к сфере социального законодательства. На исходе первого десятилетия нового века Румыния оказалась среди немногих восточноевропейских стран, в которых рабочему движению были предоставлены законом достаточно широкие права по меркам того времени, в том числе создание профсоюзов, были введены коллективные договоры и законы о регулировании трудовых отношений как устойчивая форма снижения болезненных противоречий между трудом и капиталом. К тому же благоприятную роль в стабилизации общественного настроения в городе и деревне сыграло постепенное оживление экономики в преддверии первой мировой войны, так что пылкие лозунги революционеров-социалистов не отвечали ожиданиям масс в тот период, хотя в румынском обществе и накопилось немало горячего материала для вспышки новых классовых битв.

Если внутри своего дома — королевства Карл уверенно чувствовал себя полновластным хозяином, умело поддерживающим баланс различных политических сил у кормила власти тем, что ключи от нее доверял попеременно сменявшим друг друга и потому зависимым от высшей воли монарха традиционно правящим партиям либералов и консерваторов, то опасности извне румынский король боялся всегда. Слишком велики были окружавшие Румынию империи с их противоречиво амбициозными интересами! В начале XX в. сгущавшиеся тучи на горизонте европейской политики предвещали Румынии неспокойные времена.

Узел внешнеполитической нестабильности завязался не без усилий самого румынского короля. Завоевав независимость с помощью России, спустя всего пять лет Румыния оказалась втянутой в договорный союз австро-германской военной группировки. Вполне понятное желание румынской дипломатии обеспечить стране покровительство бисмарковского рейха в этом случае стимулировалось голосом прусской крови Карла I Гогенцоллерна и в еще большей степени официальным согласием Берлина и Вены поддерживать румынские притязания на Бессарабию.

Но шли годы, реальных надежд на отрыв Бессарабии от России не прибавлялось, а вместе с тем союзные отношения с Габсбургской монархией перечеркивали планы Бухареста каким-либо образом поддерживать сепаратистское движение трансильванских румын, находившихся в составе Австро-Венгрии, с их национальными требованиями объединиться с Румынией. С образованием второго европейского блока — Антанты разочарование в прогерманской ориентации среди румынской политической элиты было полным. Даже король признавал, что для интересов страны прежний союз становился «бесполезным».

Карл попытался использовать балканские войны для утверждения большей самостоятельности внешнеполитического курса Румынии, имевшей территориальные претензии к своей соседке Болгарии. С началом второй Балканской войны в июне 1913 г. правительство провело мобилизацию войск, и румынская армия, главнокомандующим которой был назначен принц Фердинанд, перешла Дунай. И хотя ей не пришлось сражаться, так как окруженная со всех сторон Болгария была вынуждена капитулировать, по Бухарестскому мирному договору 1913 г. Румыния получила в качестве компенсации за участие в войне Южную Добруджу. С удачи и легкой победы начинался первый самостоятельный шаг на политическом поприще престолонаследника Фердинанда. Но самое ближайшее будущее готовило ему новые испытания.

Разразилась первая мировая война. Перед Румынией встал вопрос о выборе позиции. У власти была тогда либеральная партия во главе с И.И. Брэтиану. Он был приверженцем вступления в войну на стороне Антанты, поскольку появлялась перспектива присоединения Трансильвании, что могло быть осуществлено в случае поражения Габсбургской монархии. Но учитывая непредсказуемость хода войны, премьер Брэтиану считал более мудрым выждать и посмотреть, «как развернутся события. Нам еще представится случай, чтобы сказать свое слово»¹. В начале войны Карл получил телеграмму от Вильгельма II с выражением надежды, что румынский король останется верным как Гогенцоллерн и безусловно выполнит союзный долг. Такую же телеграмму прислал и Франц-Иосиф.

1 Цит. по: Очерки политической истории Румынии. 1859—1944. Кишинев, 1985. С. 160.

С предложением выступить на ее стороне обратилась к Румынии и Антанта, обещая в случае победы освобождение Трансильвании.

21 июля (3 августа) 1914 г. Карл созвал Коронный совет для обсуждения вопроса об ориентации внешней политики страны. Сам он настаивал на немедленном вступлении Румынии в войну на стороне Центральных держав, но был поддержан лишь престарелым лидером консерваторов П. Карпом. И. И. Брэтиану призывал подождать, ссылаясь на пример Италии, объявившей себя нейтральной. Предложение премьер-министра было принято, а в коммюнике после заседания Коронного совета было отмечено, что Румыния сохраняет позицию «вооруженного выжидания»².

Тем не менее, чтобы не оказаться перед лицом угрозы русского нашествия, чего так опасались румынские правящие круги, прогнозируя возможный поход русской армии на Балканы, правительство заключило 18 сентября (1 октября) 1914 г. соглашение с Россией, которая обязалась противостоять любой попытке нарушить территориальный статус-кво Румынии и признала за последней право присоединить населенные румынами области Австро-Венгерской монархии в уплату на благожелательный по отношению к Антанте нейтралитет. Эта конвенция, во многом определившая политическую судьбу Румынии на переломе исторических эпох, не была санкционирована королем: доживавший последние дни Карл даже не увидел официального документа, реализация которого доставалась в наследство его преемнику Фердинанду, как и страна, — в преддверии войны. 28 сентября (11 октября) 1914 г. Фердинанд вступил на престол.

Реакция околдворцовых кругов на восшествие нового правителя, как отметил современник событий, увидев плачущего Фердинанда у гроба почившего дяди, была почти однозначной: «Бедный Фриц!», «Бедная Румыния!», Видимо, в ответ на выраженное недоумение окружавших его новый король заметил: «Я ведь только человек»³.

Личность престолонаследника и ранее не вызывала энтузиазма у политического истеблишмента в стране. Еще в детстве перенесенный тиф печальным образом отразился на облике Фердинанда: от юношеской красоты и молодости не осталось и следа, его как бы изможденное лицо выдавало постоянную усталость человека с потухшим взглядом. Современники мало что знали о реальной жизни принца и его положении во дворце. Периодически возникали слухи о его неуклюжих промахах в этикете, излишней застенчивости и неприметности в свите короля. А случившийся однажды с Фердинандом пассаж, когда он упал с лошади во время парада, долго забавлял гостиные именитых салонов, в которых фактически и варилось так называемое общественное мнение. Образ будущего монарха, человека болезненного и отличавшегося непривлекательными житейскими

2 Adevărul. 24 iulie 1914.

3 *Diamandi S. Galeria oamenilor politici. Buc., 1991. P. 8.*

привычками, не вписывался в пропитанную чинопочитанием и высокомерием среду румынской элиты. Поэтому история бедна свидетельствами о нем.

Лишь немногие из постоянного окружения Фердинанда знали о неординарности натуры наследника престола. Вероятно, у него были склонности к языкам, о чем имеются ссылки на воспоминания официальных собеседников Фердинанда — зарубежных деятелей. Так, аббат Мюньер был глубоко взволнован, когда при встрече с ним румынский король заговорил на иврите. А французский посол на прошальной аудиенции у Фердинанда был столь же удивлен поворотом разговора с королем к теме восточной поэзии, в частности, монарх Румынии проявил интерес к сравнению японской и китайской лирики. Известен также факт об участии тогда еще принца Фердинанда в археологической экспедиции крупнейшего румынского историка В. Пырвана на раскопках в Истрии, когда оба они занимались расшифровкой греческих и латинских надписей⁴.

Лишенный склонности к пышным дворцовым церемониям и явно тяготившийся строгими правилами протокола королевских приемов, Фердинанд лучше всего чувствовал себя, судя по отзывам редких неофициальных собеседников, в окружении книг, музыки и цветов. Цветами он мог заниматься часами и обладал как будто приличными знаниями в этой области ботаники. Но сколь различны были оценки этих увлечений Фердинанда со стороны знавших его людей! Одна из самых известных представительниц высшего света, бывшая своим человеком в королевском дворце Марта Бибеску (она оставила воспоминания о межвоенном периоде румынской истории, глядя на нее как бы изнутри пирамиды власти) отмечала необычное преображение Фердинанда, слушавшего музыку любимого им Вагнера или находившегося в саду среди цветов. Пропадала его застенчивость и отстраненность от реального мира, какая-то одухотворенная красота появлялась в движениях его рук, прикасавшихся к цветам⁵.

Но не будем подозревать повелительницу светских салонов Марту Бибеску в особой женской чувствительности и предвзятости лестных оценок в адрес короля, отдохнувшего от земных проблем в цветущем саду. Видный политический деятель Ион Дука, уже при сыне Фердинанда Кароле II ставший премьер-министром и далекий от экзальтированной переоценки реалий румынской действительности, также вспоминал об удивительных изменениях облика, состояния и даже рук короля рядом с цветами и говорящего о них. Наблюдавший эту сцену, может быть, больше понимал человеческую натуру Фердинанда, когда видел цветок в его руках. Но в этих же руках находился и скипетр монарха в столь трудное для судьбы страны

4 *Diamandi S. Galeria oamenilor politici. P. 6.*

5 *Ibid.*

время⁶.

Совсем иную реакцию и, видимо, более распространенную в высших кругах монархии, выразил один из старейших представителей традиционной политической элиты, лидер консерваторов Ласкэр Катарджиу. Оценивая предстоящие перспективы Фердинанда еще в качестве наследника, он никак не мог забыть состоявшуюся между ними беседу, когда принц вдруг показал на наряженную рождественскую елку: это дерево прислали ему из дома как подарок семейства Зигмарингенов к Рождеству. Елка напоминала годы детства, далекую родину, семью, любимую матушку, которую он боготворил всю жизнь. Фердинанд поддерживал буквально культ матери — ее портрет и написанная ею акварель (очень светлая картина с видом Пояны Синайя, которую предпочитал король как свою резиденцию) висели как святые иконы над рабочим столом Фердинанда. Катарджиу посчитал и ностальгические воспоминания принца, и окружавшую обстановку несерьезными для наследника престола, отвлекающими от выполнения государственного долга.

Боярину Л. Катарджиу предстояло сыграть к тому же весьма неблагодарную роль в личной жизни Фердинанда. Любовь принца к поэтессе Елене Вэкэреску — представительнице старинного румынского рода, по мнению руководства правящей тогда консервативной партии, «могла нанести ущерб интересам страны», так как в королевском дворце начало бы проявляться влияние знатного румынского семейства и их сторонников, что могло нарушить сложившийся при иностранной династии баланс политических сил. Катарджиу выпала обязанность напомнить престолонаследнику о его «высшем долге», чтобы заставить отказаться от женитьбы на Вэкэреску, поскольку «Вам этого нельзя, Ваше Высочество!». Взоры государственных мужей обратились за границу, и Фердинанду было рекомендовано присмотреться к английской принцессе Марии Эдинбургской и Саксен-Кобург-Готской, внучке королевы Виктории. Их брак был благословлен обоими монархами. В 1894 г. родился их первенец Кароль, который в 1915 г. был официально провозглашен наследником престола после Фердинанда.

Вступая на румынский престол в 1914 г., король Фердинанд обещал «без колебаний идти по стопам своего предшественника» и быть «добрым румыном»⁷. Эти последние слова были встречены в парламенте настороженно, даже с вопросом: «Если король будет проводить политику своего предшественника, а Карл всегда считался «добрым пруссаком», то куда приведет Румынию новый курс, когда страна стоит на пороге войны?». Опасения были связаны с тем, чтобы не дать прусской династии Гоген-

6 *Duca I.G. Portrete și amintiri.* Buc., 1934. P. 20.

7 *Cuvîntări de Ferdinand I regele României adunate și publicate de N.A. Vasilescu.* Brăila, 1931. P. 55.

цоллернов раньше времени вовлечь Румынию в войну, не имея реальных доказательств ее исхода. Как поведет себя в этих условиях «добрый румын» Фердинанд?

Два года продолжался выгодный для Румынии нейтралитет. Все это время король держался в тени политики своего премьер-министра И.И. Брэтиану, который имел в своих руках все ключи румынской дипломатии и не преувеличивая, говорил об этом сам: «Я не делю ни с кем политику Румынии, это целиком мое дело»⁸. Основываясь на условиях конвенции, заключенной с Россией в 1914 г., Брэтиану торговался с союзниками умело и упорно, добиваясь признания румынских претензий на всю Буковину по линии Прута, Банат и Трансильванию. Кроме того, союзные державы должны были гарантировать место Румынии на мирной конференции и полное равноправие при выработке условий мира.

Торги шли с переменным успехом в зависимости от положения на фронтах войны. Не без колебаний склонившаяся к поддержке Антанты и тем не менее не порывавшая контактов с Центральными державами, румынская сторона искала возможности с минимальным риском вступить в войну, чтобы «пролитой кровью на полях сражений поставить печать на карте новых границ Румынии, воплотив в жизнь идеал национального объединения». С таким впервые откровенным заявлением выступил премьер Брэтиану на заседании Коронного совета, созданного Фердинандом 14 (27) августа 1916 г. для определения момента вступления в войну. Король поддержал призыв Брэтиану начать военные действия «теперь или никогда».

Вновь, как и два года назад, из среды сторонников Германии выступил П. Карп и заклинал короля отступить от рискованных планов ориентации на Антанту, поскольку война против Германии несет угрозу самой династии, ведь Фердинанд «выступает против своей немецкой семьи». Надо признать, что эта аргументация была сильным испытанием для короля, которого даже правящая политическая элита, не говоря уже о широких массах, воспринимала как «пруссак Фрица». Ответ Фердинанда показал, что монарх не случайно при вступлении на престол обещал быть «добрым румыном». «Вы ошибаетесь, — заявил он П. Карпу, — когда говорите об интересах династии. Я не знаю каких-то особых интересов. Династия будет следовать судьбе страны: либо победит вместе с ней, либо проиграет с ней». П. Карп бросил последний довод: «Гогенцоллерны не могут проиграть». Король быстро нашелся, ответив знаменательной репликой: «Вы заблуждаетесь, г-н Карп, один уже побежден» и показал на себя, чем внес разрядку в дискуссию присутствовавших на Коронном совете⁹. Решение было принято. Вечером того же дня король подписал приказ о

8 Dezbaterile Adunării Deputaților. 1914-1915. (f.a.). P. 29.

9 Cuvîntări de Ferdinand I regele României...,

мобилизации, румынский посол в Вене объявил о выступлении Румынии против Австро-Венгрии. На другой день, 15 (28) августа 1916 г. такую ноту получило и германское правительство.

Императорский двор в Германии объявил Фердинанда предателем. Вильгельм II как глава семейства Гогенцоллернов повелел вычеркнуть его имя из состава семьи и генеалогии рода. А семейство Зигмарингенов ввело траур по своему румынскому родственнику как по покойнику.

Сообщения о реакции Берлина глубоко ранили Фердинанда — больше всего, вероятно, личной направленностью выпадов против него, поэтому в дальнейшем он не раз при случае затрагивал тему своей личной причастности к судьбе Румынии. К тому же он должен был чувствовать уязвленность в связи с определенным отстранением его от руководства внешней политикой и появлением на первом плане соперничающего лидера и искусного дипломата И. И. Брэтиану. Можно предположить также, что Фердинанд отдавал себе отчет в том, что правительство Брэтиану использовало его для введения в заблуждение правящие дома Германии и Австро-Венгрии относительно проводимых закулисных переговоров с державами Антанты.

Как бы отвечая своим оппонентам и противникам, Фердинанд не случайно, конечно, начал подчеркивать преемственность роли великих румынских господарей и правящей монархии в осуществлении многовековой национальной идеи «объединения всех румын и земель, на которых они проживают». Для меня не имеют значения ни мое происхождение, ни моя семья, взятые отдельно от Румынии, — вновь и вновь возвращался король к тезису о неразрывности интересов монархии и румынского народа, заключавшихся в том, чтобы «воссоединить всех сынов родины-матери в единое государство». — Наша война — это святая война. Остаться вне ее было бы действительным предательством к памяти наших предков и всех будущих поколений румын... Быть единым с народом в его помыслах и судьбе — такова моя высшая обязанность как короля; но осуществить завет предков — такова еще более тяжелая обязанность перед Богом, перед собой, перед страной и историей», — заявил Фердинанд в интервью одному французскому агентству в начале войны, как бы предвосхищая грядущие для Румынии испытания¹⁰.

Колесо военной фортуны, благосклонно позволившей на первых порах румынским войскам успешно продвинуться в походе по Трансильвании, две недели спустя после начала военных действий повернуло вспять. Немецкие войска под руководством Макензена с юга и армия Фалькенгайна с севера окружили плохо вооруженные, недостаточно обученные и дезорганизованные своим командованием румынские армии, сломали их сопротивление, а 23 ноября (6 декабря) немцы заняли Бухарест. Войска,

10 *Marghiloman A. Note politice. 1897–1924. Vol. II. Buc., 1927. P. 144.*

правительственные учреждения, часть членов парламента эвакуировались в Молдову, столицей неоккупированной румынской территории стали Яссы, более 2/3 страны было занято противником. Румынские войска и посланные Россией на помощь русские армии летом 1917 г. после успешных контрнаступательных сражений (вошедших в историю как «победы румынского оружия под Мэрэшьть, Ойтуз и Мэрэшешть») выправили линию фронта и стабилизировали военную обстановку.

Правительство Брэтиану, находившееся на грани краха, было спасено, но престиж самого премьера и возглавляемой им национал-либеральной партии, на которых возлагалась вина за участие Румынии в войне, за оккупацию и разорение страны, колоссальные военные потери более 800 тыс. человек, пал как никогда низко. Оппозиционные партии во главе с консерваторами требовали предать суду «виновников национальной трагедии». Первые атаки на правительство сдерживал сам король. Он же взял на себя главную роль защитника порядка и устоев государства, когда разразившийся в России революционный пожар весной 1917 г. начал угрожать своими искрами и взрывоопасной ситуации в Румынии.

Румынский политический истеблишмент всегда отличался искусным умением своевременно делать разумные выводы из опыта своих партнеров и ближайших соседей, выбирая в конечном итоге компромиссные варианты в своей внутренней и внешней политике. Тому свидетельство и поведение власть имущих в роковом 1917 году.

Пережив известия о падении империи Романовых и первый шок от оккупации врагом большей части румынской территории, Фердинанд срочно отправился на фронт, к войскам действующей, а вернее бездействующей и потерявшей боевой дух, армии, чтобы там среди солдат в окопах объявить королевские декреты о переходе к реформам в стране. Сделан был самый главный и давно ожидаемый страной шаг — обещано проведение аграрной реформы с наделением крестьян землей и в первую очередь солдат после окончания войны. Одним этим декретом король завоевал расположение солдатской массы и румынской деревни. Объявление о предстоящей реформе избирательного права с предоставлением его всем гражданам и отменой сословных ограничений выбило почву из-под ног у румынских революционеров-агитаторов, призывавших «сделать так, как в России».

Стихия возникавшего народного бунта была приостановлена. А победы в летней кампании 1917 г. возродили патриотизм в различных слоях румынского общества, и низы, и верхи которого были объединены одним стремлением — освободить родину от германских оккупантов. В выступлениях государственных деятелей, политических лидеров, в печати того времени преобладали мотивы об «исторической предопределенности единства румынской нации», которая в разные века «приносила свои

жертвы на алтарь общей победы национального идеала»¹¹.

Достаточно представить себе ситуацию в Румынии, посмотрев на нее изнутри в конце 1917 года: с воодушевлением вступая в войну за «святые национальные идеалы», страна оказалась поруганной сапогом чужеземного солдата, на другой, небольшой части ее территории находилась столь же чужая, уставшая и раздраемая революционными противоречиями русская армия, западные союзники заняты своими судьбами, а на границах ближайших соседей оживились национальные движения, вслед за крушением российской монархии зашаталась троны окружавших Румынию империй. В этом хаосе войны румынская монархия вновь использовала пример своего восточного соседа: каждый по-своему искал возможности выйти из войны, путем сепаратного мира обеспечить «передышку».

Подписав 24 ноября 1917 г. перемирие в Фокшанах с уполномоченными Четверного союза в тот момент, когда в Бресте представители большевистской России заключили перемирие на русско-германском фронте, для спасения своего престижа румынское правительство должно было найти цель, которая оправдывала бы принесенные жертвы, вселяла оптимизм и обещала вполне достижимый успех. Такой целью виделась Бессарабия.

С благословения короля, немецкого командования, бывших западных союзников под новый 1918 г. румынские войска пошли «освобождать своих братьев за Прутом», оставив под оккупацией собственную территорию. О том, что этот поход на Восток румынская олигархия предприняла по согласованию с обеими воюющими сторонами и более того, что ее территориальные притязания вписывались в дальнейшие планы и немецких и союзных штабов в борьбе против Советской России, свидетельствует А. Маргилومان — бывший премьер-министр и генерал, приложивший свои силы для оформления захвата Бессарабии инсценировкой в Кишиневе «свободного волеизъявления» ее населения о присоединении края к «родине-матери Румынии». Генерал Маргилومان записал в дневнике о пожеланиях Ж. Клемансо относительно сотрудничества Румынии с Украинской радой и белогвардейским движением; немецкое командование также учитывало взаимодействие с румынами, отмечая: «Русская анархия привела к созданию своего рода братства. Вы боретесь против большевиков в Бессарабии; мы вступили на Украину с той же целью»¹².

Присоединение Бессарабии было первым шагом на пути к созданию «Великой Румынии», к осуществлению идеи «единой румынской нации в ее этнических границах». В обмен на признание свободы рук в Бессарабии румынское правительство вынуждено было согласиться на подписание тяжелого и позорного мирного договора с Германией 24 апреля (7 мая) 1918

11 *Iorga N. Istoria românilor. Vol. X. Buc., 1939. P. 262, 317; Averescu A. Notițe zilnice din război (1916—1918). Buc., 1936. P. 304.*

12 *Marghiloman A. Note politice. Vol. III. Buc., 1927. P. 356.*

г. Однако Фердинанд отказался ставить подпись под документами этого договора, тем самым спасая политическую репутацию монархии. Противопоставив свою волю правительству А. Маргиломана и парламенту, который ратифицировал договор, нарушавший суверенитет и территориальный статус-кво Румынии, король сделал главное в тех условиях: авторитетом монарха он спасал целостность государства и национальную идею как оплот единства румынского общества среди хаоса войны.

Между тем позиция Фердинанда как бы приоткрывала дверь для возможного возвращения Румынии в стан Антанты, если последняя подтвердила бы свою благосклонность, а вместе с тем и прежние гарантии.

В начале октября 1918 г. румынский король получил от Ж. Клемансо такой благожелательный сигнал с подтверждением, что для Румынии настало время выступать. 23 октября (5 ноября) президент США В. Вильсон в свою очередь заверял Яссы, что его правительство «не относится с безразличием к пожеланиям румынского народа как в королевстве, так и вне его границ»¹³. Король срочно отправил в отставку герmanoфила А. Маргиломана, двумя днями позднее денонсировал Бухарестский румыно-германский мирный договор, германскому командованию в Бухаресте был предъявлен ультиматум о выводе войск и сложении оружия в 24 часа.

Спешка оправдывала желание румынского правительства успеть вернуться в лагерь союзников. Спустя сутки, 29 октября (11 ноября) 1918 г. первая мировая война окончилась, и Румыния оказалась среди победителей за день до окончания войны — искусство почти невозможного!

В результате распада Австро-Венгрии создались условия для объединения Трансильвании с Румынией, в этом было обоюдное стремление румын по обе стороны Карпат. В ходе вспыхнувшей в Венгрии революции национальная партия трансильванских румын развернула движение за самоопределение края с большинством румынского населения. В свою очередь на помощь братьям-трансильванцам поспешили румынские войска. 18 ноября (1 декабря) 1918 г. в г. Алба-Юлия собрались делегаты национального собрания румын Трансильвании и более 100 тыс. местных жителей. Этими многотысячными голосами была выражена воля румын к объединению. Почитавшаяся в румынской истории Алба-Юлия как символическая колыбель румынского народа, впервые воссоединенного под скипетром Михая Храброго в 1600 г., которому на краткое время удалось объединить все три княжества — Молдову, Валахию и Трансильванию в попытке создать централизованное государство, эта историческая земля Албы-Юлии в 1918 г. ознаменовала триумф национальной идеи. Идеи, выразившейся в осуществлении многовековой мечты о единстве земли, нации и государства. Судьба вручила венец объединителя Фердинанду, вписав его имя на Триумфальную арку первым королем «Великой Румынии».

13 Очерки политической истории Румынии... С. 191.

Для возрождения государства, побывавшего на грани краха, а теперь с территорией и населением, увеличившимися более чем вдвое, и обремененного проблемами не только военной разрухи, но и отличающимся уровнем развития присоединенных земель, нация должна была обрести волю к созиданию, консолидации внутреннего единства. В условиях всеобщей внутренней и внешней нестабильности обращение правящих кругов страны к реформам спасло румынское общество от перспективы революционных потрясений и затяжных национальных конфликтов в новых провинциях. Монархия придавала нации эту волю. Ибо являлась воплощением преемственности власти при сменявшихся друг друга правительствах, борющихся партиях, отсутствии долгосрочных программ экономического оздоровления. Именно в послевоенный переходный период монархия символизировала стремление к устойчивости в условиях проведения обновляющих реформ.

Власти приступили к реформе избирательного законодательства, предоставив право участия в выборах всему мужскому населению страны и упразднив прежнюю цензово-куриальную систему. Наступила очередь и аграрной реформы, которая должна была наделить землей более 2 млн. безземельных крестьян. Со скрипом и отступлениями от закона, но эта реформа внедрялась в румынскую деревню, снимая классовое напряжение в социально взрывоопасных слоях крестьянства. Деревня отказалась от борьбы в ожидании перемен.

Король манипулировал, сменяя правительства, перекадывая на отдельных политических лидеров вину за бедственное положение масс, за хаос в экономике. Он сталкивал зарождавшиеся мелкие партии и их амбициозных лидеров в борьбе за приближение к кормилу власти. Но это был путь парламентской борьбы, политическая активность низов канализировалась в власть имущими в мирное русло избирательных кампаний. Когда накал политической активности новых партий ослаб и начался процесс неизбежной консолидации позиций старой и по-прежнему сильной национал-либеральной партии (НЛП) во главе с семейством Брэтиану, король лично стимулировал сближение казалось бы столь различных по социальной базе и программам цэрэнистской (крестьянской) партий Й. Михалаке и национальной партии городских слоев буржуазии, возглавляемой Ю. Маниу и объединявшей в основном представителей трансильванского населения. Фердинанду необходима была вторая крупная политическая сила в противовес либералам и всесильному клану Брэтиану, который претендовал быть «второй династией» в стране. И этот второй центр в партийной системе создала объединенная национал-цэрэнистская партия, которая во второй половине 20-х гг. соперничала с НЛП, создавая устойчивый баланс политических сил для функционирования механизма власти.

Именно при Фердинанде была принята в 1923 г. новая конституция, заложившая основы для развития демократических процессов в рамках конституционной монархии и жестко централизованного управления: получили закрепление политические права и личные свободы граждан, укреплялось положение судебной ветви власти, парламент расширял полномочия как законодательная власть в стране. Важно подчеркнуть, что эта умеренно-демократическая модель политической системы, центральное место в которой сохраняла монархия, внедрялась с помощью «державной руки» самого короля в попытке вывести страну на путь сближения с европейскими демократиями. Не в последнюю очередь эти намерения диктовались и начавшимися после войны процессами экономической модернизации, которая развивалась в значительной степени на базе расширения экономических отношений с Западом, привлечения иностранного капитала.

Усвоенный румынскими верхами урок революционной опасности, преподнесенный рухнувшими империями и соседними государствами, пережившими революцию — как Венгрия или массовое восстание — как Болгария, заставил различные политические круги Румынии сплотиться вокруг монархии, как бы ни были велики раздоры противоборствующих сил. Не случайно после 1918 г. ни одна политическая партия, организация или массовое движение не выдвигали лозунга «Долой монархию!» (в том числе даже образовавшаяся в 1921 г. и довольно быстро поставленная под запрет из-за своей позиции непризнания присоединения Бессарабии, ориентированная на Москву и Коминтерн Коммунистическая партия Румынии). «Один король, одна нация, одно государство» — этот постулат пронизывал конституцию «Великой Румынии» и в определенный момент создавал основу для общего умиротворения.

Болезнь Фердинанда в 1925 г. пошатнула опоры сложившегося баланса политических сил. На горизонте появлялась фигура наследника Кароля, не скрывавшего своих претензий на более авторитарное правление, на единоличную власть, без вмешательства вездесущего И.И. Брэтиану, без оглядки на строптивых лидеров национал-царанистов, имевших популярность в низах. Кароль был опасен политической элите, и она сумела временно избавиться от него, используя как повод фактический разрыв престолонаследника со своей семьей и его проживание за границей. Перед Фердинандом был поставлен вопрос об отстранении Кароля от наследования престола. В рождественские дни января 1926 г. коронный совет и Фердинанд приняли акт отречения Кароля и наследником был объявлен малолетний Михай¹⁴, внук и, может быть, последняя надежда пережившего зенит своего правления Фердинанда. Отстранение сына Кароля от престола было слишком сильным ударом для больного короля. Больше к активной жизни в политике он практически не возвращался.

14 *Muşat M., Ardeleanu I. România după Marea Unire. Vol. II. Part. I. Buc., 1986. P. 799.*

Скончался Фердинанд 20 июля 1927 г.

С ним отошла память о великих свершениях 1918 г. Румынская монархия вступила в полосу кризиса: прежние властители — и Фердинанд, и вслед за ним всемогущий И.И. Брэтиану сошли с политической сцены, а введенное при малолетнем Михеа регентство упустило бразды правления. Доверие к власти падало. Страна оказалась перед выбором новых государственных приоритетов, которые обеспечили бы ей решение тех самых задач, что стояли и перед соседними государствами Восточной Европы и соответствовали периоду перехода к урбанизованному, индустриальному обществу. Этот переход настоятельно требовал и обновления политической системы, системы власти на принципах широкой демократии.

Послевоенное румынское государство под сенью монархии во главе с Фердинандом формировалось на этнической основе, идея нации доминировала над идеей политической демократии и свободами гражданского общества. С ослаблением института монархии в конце 20-х гг. у Румынии был шанс принять новую либеральную идею западных демократий. Но предъявив свои права на королевский престол, в политическую борьбу за власть вступал Кароль. Но эта страница уже другой истории.

РУМЫНСКИЙ СФИНКС ИОНЕЛ БРЭТИАНУ

Речь пойдет об Ионе И.К. Брэтиану-младшем, знаковой фигуре в румынской истории, четырежды премьер-министре страны, ее некоронованном правителе в судьбоносные годы первой мировой войны. Произошло тогда нечто невиданное и неслыханное в европейских летописях — Румыния, разгромленная в пух и прах в 1916 г., в 1919, не одержав ни одной решающей победы, по Версальскому мирному урегулированию увеличила свою территорию вдвое, а население — и того больше. Не удивительно, что в национальной историографии личность Иона Брэтиану оценивается в хвалебных, на грани панегирика, тонах: Провидение предназначило его для «великих политических свершений», он — «гений политики, избравший единственный путь осуществления национального идеала государственного объединения». Его наделяют самыми приятными человеческими чертами, отмечая его «терпимость по отношению к политическим противникам, учтивость в обращении со всеми, душевное благородство, элегантность манер»¹.

Совсем иное впечатление сложилось о нем у современников, соприкоснувшихся с ним на мирной конференции 1919 г. в Париже: «Брэтиану, несомненно, самый непопулярный из собравшихся здесь министров. Он не единственный из государственных деятелей, сидевших во время войны между двух стульев и флиртовавших с обеими сторонами, но создается впечатление, что он опустился ниже других и его флирт был особенно бесстыден». Или совсем уж уничижительно: «Брэтиану — бородатая баба, страшный лицемер, провинциальный интеллигент из Бухареста, исключительно неприятный субъект»².

Но, по порядку.

Родился наш герой в 1864 г. в боярской семье с корнями в уезде Арджеш, не очень знатной, но состоятельной. Его отцу, тоже Иону, при разделе имущества досталось пять имений. И.К. Брэтиану-старший, оставил заметный след в истории родины, — участник революции 1848 г., видный борец за объединение Молдавии и Валахии в 1856—1859 гг., один из основателей национал-либеральной партии, единственный румын, возглавлявший правительство почти без перерыва двенадцать лет (1876—1888)

И.К. Брэтиану-младший, или Ионел, получил прекрасное образование, сперва дома, затем в лицее Св. Саввы в Бухаресте, лучшем в стране. Прослужил полгода волонтером в армии, во 2 артиллерийском полку, сдал экзамен на офицерское звание. И, наконец, шесть лет учился во Франции,

1 *Iordache A.* I.I.C. Bratianu. Buc., 1994. P. 565, 562.

2 *Bonsel St.* Suitors and Suppleants. N. Y., 1945. P. 171; *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 г. М., 1945. С. 198.

в парижских училищах Политехническом и Дорог и мостов³. Он хотел было получить докторскую степень по математике, но провалился на экзамене в Сорбонне. Если судить по письмам юного Ионела домой, он не смыкал глаз, корпя над книгами и чертежами. Строгий отец судил иначе — малый ленив, капризен и упрям.

Вернулся он на родину в 1889 г. не в самый благоприятный для себя момент: совсем недавно казалось бы непотопляемого отца «свергли» (именно таков бытующий в историографии термин) с поста главы правительства. Последние годы его правления известны как «визират Брэтиану», столь значительной властью он обладал и такие злоупотребления ею допускал, что сравнения стали черпать из сферы восточной деспотии. Премьер подбирал министров по своему хотению, пополняя кабинет незначительными, а то и темными, но послушными ему личностями. Не проходило и года, чтобы ни вспыхивал громкий скандал с казнокрадством. Особенно «славилась» хищениями военное министерство и управление железных дорог. Попытки расследовать злоупотребления застревали в дебрях бюрократической процедуры, протесты пресекались. Газета «Чокоюл» («Мироед») описывала царившие нравы: «Ныне конституция страны попирается с первой статьи до последней, свободы растоптаны сбирями и агентами выскочек, румыны живут в состоянии осады, граждан преследуют прямо на улицах, будто они воры, их арестовывают, им угрожают»⁴.

Под оппозиционным знаменем сплотились разные силы: либералы-диссиденты, представлявшие мелкую и среднюю буржуазию, с интересами которых «визирь» не считался, консерваторы, разбитые на несколько группировок. К протестантам примкнул даже брат Думитру, задвинутый в кулисы политической жизни. В марте 1888 г. у королевского дворца с кровопролитием была разогнана многолюдная демонстрация, после чего угрозы стали раздаваться и по адресу монарха. Король Карл понял — медлить дальше нельзя, и уволил своего любимца в отставку.

Ионел застал отца в меланхолии и болезнях. Пришлось взять на себя заботу по управлению поместьями, большая семья — родители, двое братьев и четверо сестер, — требовала немалых расходов. Он поступил на службу в государственную компанию железных дорог, диплом инженера-путейца давал престижное положение в обществе и высокий доход. Но не в духе Ионела было карабкаться по крутым ступеням чиновничьей лестницы, он мечтал о карьере политика. В 1891 г. скончался отец, страсти, связанные с его отставкой, улеглись, и либералы стали приглядываться к его наследнику: молод, прекрасно образован, энергичен, в речах призывает скрупулезно следовать принципам, носит громкое имя.

В партии — развал, лидер, старец Д. Стурдза пропах нафталином,

3 Биографические данные взяты из указанной книги А. Иордаке.

4 Цит. по: Краткая история Румынии. М., 1986. С. 215.

подвигнуть его на что-нибудь новое, значительное, невозможно. Путь в политику перед Ионелом открыт. В 1895 г. он становится членом палаты депутатов, в 1897 — уже министром общественных работ в краткосрочном кабинете Д.А. Стурдзы. Пост — технический, но он проявляет себя хорошим администратором и рачительным распорядителем средств, и набирает очки. На него начинают смотреть как на наследника засидевшегося в лидерах Стурдзы. Ждать пришлось долго. В 1902—1904 гг., в течение более двух лет, Ионел занимает важнейший пост министра иностранных дел в очередном либеральном кабинете. И тут он наталкивается на разбитое корыто внешнеполитического наследства отца.

Малые страны и в XIX в., и ныне проявляют маниакальную склонность к вовлечению великих держав в свои сомнительные внешнеполитические комбинации. Страдал этим недугом и Брэтиану-отец. В 1883 г. он отправился к канцлеру О. Бисмарку — записываться в незадолго до того созданный австро-германский военный союз. Он не поспешил на перечисление претензий к России, из которых вытекала необходимость отторжения у последней Бессарабии. Его рассказы насчет будто бы нависшей над Румынией российской угрозы Бисмарк пропустил мимо ушей, считая их «неестественными и невероятными», и сотрудничество с Румынией скроил по своей мерке, а не по желанию бойкого собеседника. Тому он предложил подписать союзный договор прежде всего с Австро-Венгрией, а сам направил инструкцию послу в Вену: следует исключить всякую возможность для румын разжечь войну. Слово «Россия» вообще не должно фигурировать в документе, «иначе у Румынии всегда будет сильное искушение, если к тому представится юридическая возможность, ради румынских реваншистско-завоевательных вожделений, простирающихся до Днестра и далее, воспользоваться участием германо-австро-венгерских войск численностью почти в два миллиона».

Подписанный 3 октября 1883 г. договор отвечал всем пожеланиям Бисмарка: слово «Россия» исчезло из текста, стороны заверяли друг друга в сугубо оборонительном характере документа и обуревающем их стремлении защитить от всяких поползновений связывающую их «совершенную дружбу»⁵. Германия примкнула к союзу отдельным актом.

В монархии Габсбургов, в Трансильвании и Банате, проживало до трех миллионов румын, роптавших на отсутствие у них национальных прав. Их борьба встречала поддержку «за Карпатами», в Румынии. Вступив в союз с Веной, королевское правительство по сути дела принесло в жертву интересы трансильванцев. Альянс встретил бы резко отрицательный отклик в стране, будь текст договора опубликован. Но единственный его экземпляр

5 Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. В., 1921. В. 3. S. 263—266, 274, 269, 281—282; *Ерусалимский А.С.* Бисмарк. Дипломатия, империализм. М., 1968. С. 281—283, 263.

король Карл хранил за семью печатями в личном архиве.

Российский МИД узнал-таки о наличии союза. Возглавлявший ведомство Н.К. Гирс писал: Румыния «не дерзает признаться открыто в мечтаниях о Дакийском королевстве, тщательно избегает всего, что можно считать отказом от территорий, долженствующих однажды составить Великое Румынское государство»⁶. В отношениях между двумя странами прочно утвердились недоверие и подозрительность.

С образованием в 1892–1893 гг. франко-российского военно-политического союза установилось своего рода его равновесие с блоком Центральных держав. Мечты об аннексии Бессарабии увяли и остались уделом стародумов вроде «пруссак на престоле», короля Карла, и Д.А. Стурдзы. Взоры общественности устремились к Трансильвании. Ионел Братиану почувствовал: с «Центром» не по пути, страна находится по сути дела в состоянии международной изоляции. Поездка в Париж породила печальные размышления. Состоялась его протокольная аудиенция у президента республики, вот и все. Он писал матери: «Это единственный мой демарш здесь, ибо я пришел к выводу, что бесполезно предпринимать иные попытки при нынешнем состоянии умов у французов, которые знать нас не желают»⁷. Это была не более чем информация к размышлению, внешнеполитической концепции он не выработал, бросать вызов стародумам опасался, а через год последовала и отставка.

* * *

Грозный 1907 год начался для Ионела приятно — наконец-то он свил семейное гнездо, а ведь ему уже за сорок, и он пользуется успехом у женщин — статный, красивый брюнет, умный и прекрасно образованный собеседник и, наконец, у него видное положение в обществе. Какие-то кратковременные увлечения, конечно, случались. В 90-е гг. он сблизился с молодой вдовушкой, принцессой Марией Морузи. В результате их сентиментального романа на свет появился сын Георге. Чтобы дать ему имя, Братиану пошел с Марией под венец, но из храма «молодые» разъехались по своим домам, и вскоре последовал развод. Прошло десять лет, и Ионел влюбился всерьез. Выбор его пал на замужнюю женщину, тоже княжеского рода, Елизавету Штирбей. Той пришлось развестись с супругом, видным консерватором Александру Маргиломаном, чтобы соединить судьбу с Братиану. Политическая вражда ее мужей, прошлого и настоящего, сочелась с личной неприязнью⁸. А весной грянул гром.

6 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Отчеты. 1883 г. (микрофильм).

7 *Iordache A.* Op. cit. P. 78.

8 *Ibid.* P. 80.

13 (26) марта 1907 года. Заседание парламента. Происходит смена кабинета, и в условиях, совершенно необычных: в стране бушует крестьянское восстание. Нет ни раздраженной полемики между депутатами, ни потока обвинений в печати, ни попытки возбудить уголовное дело против уходящих консервативных министров. Дряхлый Д.А. Стурдза, в четвертый раз назначенный премьером, со слезами на глазах жмет руки уходящим и заявляет, что забыл о вражде к политическим противникам. Экс-министры — консерваторы отвечают ему подобными же любезностями. Олигархия сплачивает ряды, над ее господством нависла опасность⁹.

Румынская пугачевщина, великий, страшный и кровавый крестьянский бунт, распространяется с быстротой пожара. Сотни и тысячи селян громят поместья, делят между собой «боярский» скот и запасы зерна, а то и сжигают усадьбы, помещики с семьями бегут в города, под защиту штыков. Клич «Требуем земли!» повергает в ужас и консерваторов, и либералов¹⁰.

Ионел Брэтиану занимает ключевой пост министра внутренних дел. Подчиненные ему полиция и сельская жандармерия первыми столкнулись с повстанцами. Брэтиану попытался подорвать движение изнутри, приказав префектам уездов всеми возможными путями убеждать крестьян, что лишь мирным путем и сохранением спокойствия они добьются улучшения своей участи. Он разослал местным властям циркуляр об организации своего рода шпионской службы из «преданных и надежных людей» для сбора сведений о настроениях жителей, а там, где восстание налицо — о передвижениях повстанцев. Осведомителей он предлагал переодевать корабейниками и студентами.

Но не ведомству Брэтиану было справиться с разбушевавшейся стихией. Против вышедшего из повиновения народа была двинута регулярная армия. Страну разбили на военные округа, сформировали карательные отряды (рота, а иногда и батальон пехоты, 50 кавалеристов, 2 пушки), на железнодорожных станциях сосредоточили резервы, по первому сигналу отправлявшиеся в беспокойные места. В важных городах увеличили гарнизоны. Военный министр генерал А. Авереску в приказе по войскам заявлял: «Восстание может быть подавлено только силой оружия. Престиж армии поставлен на карту»¹¹. Каратели действовали беспощадно, открывая огонь по «угрожающей» (но безоружной!) толпе. «Зачинщиков» расстреливали по приказу «суда», состоявшего из офицера и двух унтеров. Население целых сел подвергалось порке, в случае сопротивления деревни сжигались артиллерийским огнем, тысячи людей очутились за решеткой,

9 Desbaterile Adunarii deputatilor. 1906–1907. P. 826–827.

10 Подробнее о восстании см.: Виноградов В.Н. Крестьянское восстание 1907 г. в Румынии. М., 1958.

11 Rascoala taranilor din 1907. V. 1. Buc., 1948. P. 804.

тюремных помещений не хватало, и несчастными забивали трюмы барж, которые выводились на середину Дуная. 11-ю тысячами расстрелянных, запоротых до смерти, не вынесших ужасов застенков заплатила румынская деревня за попытку сбросить помещичье ярмо.

Брэтиану понимал, что пуля, штык и розги — не те средства, коими врачуют социальные раны. «Правительство не хочет и не может считать осадное положение нормальным... Господа, — твердил он твердолобым «боярам» собственной партии, — жизненно необходимо воспрепятствовать перерастанию политической борьбы в этом государстве в гражданскую войну между классами»¹².

Принятие законов «в пользу крестьян» растянулось на два года (1908–1910). Наделения землей они не дождались. Был установлен принцип, по которому арендная плата не могла превышать определенного предела, а заработки на сельскохозяйственных работах — упасть ниже минимума, но и то, и другое устанавливали по уездам комиссии, в которых помещики и представитель властей имели большинство. Закон о коммунальных пастбищах предусматривал их предоставление селянам из расчета 1 гектар на четыре головы скота. Создавались сельские кассы, которые могли предоставлять кредиты на покупку земли, но на столь обременительных условиях, что их услугами воспользовались немногие.

Указанные меры имели целью создать в деревне прослойку «справных мужиков» в деревне, и в этом их сходство со столыпинской реформой. Но в самих законах существовало столько оговорок и ограничений, а помещики так упорно и искусно их обходили, что на практике они мало что принесли деревне. Общее число зажиточных хозяйств с наделами в 19–50 гектаров выросло в 1903–1913 гг. с 36,6 до 48,8 тысяч. А на другом полюсе — 911 тысяч малоземельных дворов (с наделом до 5 га) и 370 тысяч безземельных¹³. Брэтиану накануне первой мировой войны, будучи главой правительства, предпринял еще одну попытку сдвинуть с места решение аграрной проблемы, но она за сугубо подготовительную стадию не вышла. Кризис 1914 года ее оборвал.

В декабре 1908 г. Стурдза скончался, и Ионел Брэтиану из кронпринца либеральной партии превратился в ее лидера, унаследовав и пост председателя совета министров на два года, ознаменовавшихся бурным ростом нефтедобычи и массовыми забастовками в промышленности. В 1913 г. он, в качестве офицера запаса, участвовал во второй балканской войне, очень удачной для Румынии, бескровный поход в Болгарию принес богатую добычу в виде Южной Добруджи. Кампания произвела на него сильное впечатление. Вот так нужно воевать!

4 (17) января 1914 г. Ионел Брэтиану на четыре бурных и судьбонос-

12 Discursurile lui I.I.C. Bratianu. Buc., 1933. V. 2. P. 439.

13 Agricultorii si repartizarea pamintului cultivat in 1913. Buc., 1915. P. 211–215.

ных в истории Румынии года занял пост премьер-министра. Летом все вопросы внутренней политики отошли на второй план, надвигалась война. Румыния — все еще участник блока Центральных держав. Но союз сгнил на корню. Взоры общественности были прикованы к Трансильвании, а не к Бесарабии. В июне месяце царь, плавая на яхте по Черному морю, посетил порт Констанцу. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов его сопровождал. Король Карл встретил его, имея в свите Брэтиану. Пока монархи вели дружеские беседы, Сазонов произвел разведку внешнеполитической ориентации Румынии. Потом он навестил Бухарест и в компании Брэтиану совершил автомобильную поездку по Карпатским горам, причем экскурсанты пересекли границу и покатались по дорогам Трансильвании. В докладной записке императору Сазонов писал: в случае войны «Румыния присоединится к той стороне, которая окажется сильнейшей и которая будет в состоянии предложить ей наибольшие выгоды¹⁴. В отношении последнего условия у Антанты было серьезное преимущество в виде желанной Трансильвании. В одной частной беседе Брэтиану определил свою цель кратко и выразительно: он желает войти в зал мирной конференции под руку с победителем. Но угадать его в пороховом дыму, окутавшем Европу в августе, было невозможно. Следовало выжидать.

31 июля (ст. ст.) в королевской резиденции Синя состоялся коронный совет. Открывший его «пруссак на престоле» огласил текст союзного договора с державами Центра. Сам он не ведал сомнений в торжестве фатерлянда. Реакция собравшихся его поразила, если не потрясла, — лишь один участник совещания его поддержал. Все остальные высказались в пользу ожидания, даже германофилы, надеявшиеся, что прусский меч расщепит гордые узел страха и колебаний, и сотрудничество с рейхом возобновится. Брэтиану выступил взвешенно и весомо: немцы и австрийцы не сочли даже нужным информировать Бухарест, что развязывают войну. Румыния не заинтересована в уничтожении окружающих ее малых стран (намек на готовившуюся расправу над Сербией). Общественность страны исполнена чувства солидарности с трансильванцами, добывающимися национальных прав, и отвергает союз с Австрией. *Casus foederis* не существует, ибо связывающий страну с центральными державами трактат по форме носит оборонительный характер¹⁵. Карл скоро сошел в могилу, и, видимо, не без влияния перенесенного им нервного потрясения. Единственная дочь королевской четы умерла в детстве, на престол вступил племянник Фердинанд, человек, исполненный чувства долга перед принявшей его страной. Положение Брэтиану укрепилось еще более, ему уже не приходилось пре-

14 Международные отношения эпохи империализма (далее — МОЭИ). Т. 3. М.: Л., 1933. С. 388; см. также: *Кросс Б.Б.* Констанцское свидание // Ученые записки Шуйского пединститута. Вып. 8. Шуя, 1958.

15 *Jordache A.* Op. cit. P. 219–220.

одолевать стойкие прогерманские симпатии венценосца.

Характерно, что объявления нейтралитета не последовало, а появился манифест о вооруженном выжидании. В Вену и Берлин Братиану направил депеши, в которых в тоне извинении сообщал, что страна не может выступить на их стороне по причине военной неготовности, настроений общественности и угрозы русского вторжения. Дверь, ведущую к возвращению к «друзьям», он не захлопывал. Однако переговоры о сотрудничестве велись с Антантой, а раскаяние мыслилось в качестве запасного и вынужденного варианта, на случай решительной победы германской группировки. 18 сентября (1 октября) был подписан секретный румыно-русский протокол, по которому Россия обязалась уважать территориальную целостность соседки и признавала за той право «присоединить населенные румынами области Австро-Венгерской монархии», заняв их своими войсками «в момент, который сочтет нужным».

В исторической литературе достигнутое договоренность часто расценивали как соглашение о нейтралитете и награде за него, в румынской — даже как «беспримерное дипломатическое достижение». Мы подобного взгляда не разделяем. В тексте нет и намек на то, что Россия займет Трансильванию своими войсками и в порыве благодарности передаст ее в румынские руки. Сазонов счел нужным информировать и Братиану, и своих коллег в Лондоне и Париже, что речь идет о допущении Румынии «овладеть самой, без нашей помощи, Трансильванией и Южной Буковиной», т.е. в ходе войны на стороне Антанты. Братиану предоставлялась лишь возможность выбора времени¹⁶.

Союзники сочли, что Сазонов продешевил, и отвергли сделку. Протокол фактически содержал молчаливое согласие на раздел Австро-Венгрии, к чему Париж и Лондон еще не были готовы.

Уже в сентябре 1914 г. в румынской печати прозвучал призыв: «Пересечем Карпаты! Пробил час освобождения братьев!» Агитация то взмывала волнами, то стихала, причем подъем ее совпадал с успехами сил Согласия на фронтах, а затишье — с их неудачами; журналисты немели, шумные уличные манифестации прекращались, со страниц газет исчезали обвинения премьера в том, что тот вот-вот проспит благоприятный случай для вмешательства. А Братиану ждал и ждал, полагая, что война обречена быть длительной и по мере истощения сторон цена за румынское участие в ней будет возрастать..

Видный историк А.Д. Ксенопол еще в августе опубликовал в популярной газете «А девэрул» («Правда») статью под характерным, можно сказать многозначительным заголовком «С Австрией — ни за какую цену!»: «Захватить в ходе войны у России хоть пядь земли — значит поставить навечно под угрозу само наше существование», предупреждал маститый автор.

16 Виноградов В.Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969. С. 123—124.

Редактор этого издания К. Милле опасался — как бы сесть не в ту телегу. Но еще опаснее — опоздать к столу, за которым рассядутся победители. Как жаль, что нельзя все рассчитать заранее. К маю 1915 ему все же удалось преодолеть сомнения: «Выступать или не выступать? Выступать!»¹⁷. А Брэтиану «продолжает политику усыпления страны» бесконечными оттяжками. На помощь публицистам пришли художники. На одной из карикатур Брэтиану изображался в виде утомленной одалиски, обхаживаемой немцами, на другой Антанта хором уговаривала премьера вступить в дело, а тот, в пижаме и с будильником в руках, отвечал: «Сейчас без пяти минут десять, а в десять часов я ложусь в постель, что бы ни происходило»¹⁸.

Страсти бушевали. Газета «Вииторул» даже пожалела власть предержащих: «Все средства пущены в ход: король оскорбляется, армия унижена, в правительство кидают грязью»¹⁹.

Война затягивалась, противники зарылись в окопы, горячие головы в Румынии несколько успокоились. Выжидание приносило немалые доходы узкой прослойке истеблишмента. Зерно и нефть тысячами вагонов и цистерн отправлялись в Германию и Австрию, помещики благоденствовали, банковский капитал рос как на дрожжах. А цены на хлеб поползли вверх, у булочных разыгрывались бурные сцены, а потом начались многотысячные митинги протеста с требованием: «Долой спекулянтов!» Власти «принимали меры», которые почему-то на спекулянтов не воздействовали. А в парламенте число сторонников Брэтиану росло, они курили фимиам премьеру и возглашали: «Молчи и действуй!»

Российскую ставку неучастие соседки в войне долгое время устраивало, на юго-западе граница на протяжении 400 верст не требовала защиты. Румынский военный потенциал оценивался скромно; рядовой состав ее армии котирировался высоко, офицерский вызывал много замечаний, генералы не ставились ни во что. Переговоры с Брэтиану велись не спеша и под настойчивым давлением французов, на которых завораживающе действовала цифра — полмиллиона румынских штыков. Ситуация круто изменилась летом 1915 г. В мае войска генерала А. Макензена прорвали российскую оборону под Горлицей, и царская армия, жестоко страдая от нехватки оружия, покатила на восток. Дипломатические батареи С.Д. Сазонова оказались опрокинутыми, на них шло наступление со всех сторон — из Парижа, Лондона, Бухареста и из собственной Ставки, превратившейся в сторонницу вовлечения Румынии в войну. Брэтиану воспользовался положением и выговорил исключительно благоприятные условия присоединения Румынии к Антанте: ее будущая граница была проведена с включением населенных венграми земель по левобережью Тиссы и на-

17 Adevarul. 04.08.1914; 10.09.1914.

18 Adevarul. 30.05.1915; 22.07.1915; 24.07.1915.

19 Viitorul. 05.12.1915.

селенных сербами на западе Баната. Оставалось лишь определить дату выступления и подписать конвенцию. И тут до посланника С.А. Поклевского стали доходить слухи, будто коллеги Братиану по кабинету, дотоле покорные его воле, выступили против заключения договора, считая момент неподходящим, будто премьер в гневе собрался подать в отставку, но те же коллеги, убоившись остаться без его испытанного руководства, уговорили его их не покидать. На встрече с Поклевским Братиану, с видом огорченным и смущенным, сообщил тому, что время для заключения конвенции еще не наступило, но он считает ее как бы подписанной и условия оговоренными.

Действительно, с точки зрения священного эгоизма время не наступило. Российская армия откатилась на сотни верст, британский десант на Галлиполийском полуострове, что в Дарданелльском проливе, истекал кровью. Наступление союзников под Артуа во Франции закончилось катастрофой. По логике Братиану, следовало продолжать выжидание, что он и сделал, застолбив при этом территории, на которые он претендовал. Но у него хватило выдержки не переметнуться на сторону Центральных держав, что сделали царь Болгарии Фердинанд и глава ее правительства Малинов на горе своей стране.

В 1916 г. ситуация изменилась в корне. 22 мая (4 июня) войска Юго-Западного фронта под командованием генерала А.А. Брусилова совершили прорыв австрийской линии обороны. Неприятель в ходе отступления потерял полтора миллион человек убитыми, ранеными и попавшими в плен, от нанесенного удара габсбургская армия уже не смогла оправиться.

Дела у союзников на западе обстояли несравненно хуже, французская армия таяла в боях под Верденом. В Париже питали преувеличенное представление о военном потенциале Румынии, настояния о вовлечении ее в войну превратились в домогательства

В самой Румынии общественность под влиянием Брусиловского прорыва взвилась на дыбы. Антантофильская пресса забила в барабан: «Армия генерала Брусилова не может угнаться за австрийцами», она «продвигается с невиданным порывом. Гнилая австрийская куча разбросана» русскими штыками, «австрийцы и германцы бегут, очертя голову».

«Достаточно было загреметь русским орудиям на нашей границе, чтобы общественное мнение Румынии снова взволновалось», — констатировала газ. «Адевэрул». Ей вторила «Актиуня»: «Мы должны спешить, пока наша помощь еще имеет какое-то значение»²⁰.

Голова кружилась от открывавшихся перспектив, газетчики оторвались от тверди земной и устремились в облака грез: «Когда Румыния выступит, Австро-Венгрия и Болгария совершенно ослабеют и наверное поймут, что их нахальству пришел конец». «Венгры в отчаянии». «Война на

Балканах закончится так, как хочет Румыния»²¹.

Сочувствовавшая Центральным державам пресса оконфузилась, — только что она сравнивала Россию с громадным размалеванным огородным пугалом, которое ткни палкой, — оно и развалится, и вдруг такой пассаж. Последовали невнятные утверждения — предсказаниями заниматься рано, изменения стратегической обстановки русским добиться не удалось, Германия «решительно превосходит своих противников изобилием военных материалов, артиллерией, в особенности тяжелой, решающей судьбу... всех сражений»²².

Нападки на Сфинкса, то бишь Брэтиану, возобновились с новой силой: этот «политический шарлатан» все еще считает, что момент не наступил, «отставка правительства Брэтиану вернет веру в честь и мужество общественной и национальной жизни». Газета «Эпока» сокрушалась: «Мы вместо политических деятелей имеем лабазников и свиней Эпикура». И во главе их, конечно, «ленивый, неспособный, недобросовестный и лживый Брэтиану, окруженный всякого рода дельцами»²³.

А в Петербурге давление союзников с целью вовлечь Румынию в войну достигло такой степени, что товарищ министра иностранных дел Нератов назвал его «подлинным шантажом». Посол Франции Морис Палеолог преследовал Сазонова по пятам. Ему на помощь пришел президент Р. Пуанкаре, адресовавший свои настояния непосредственно царю.

17 июня, после «обмена взглядов» с генералом Ж. Жофром начальник штаба верховного главнокомандования М.В. Алексеев снял свои прежние возражения против вовлечения Румынии в схватку. Существовали обстоятельства, объяснявшие податливость Ставки. Казалось, что Австро-Венгрия близка к развалу и румынский удар в Трансильвании превратит возможность в действительность. Но удар нужен был срочно, пока габсбургские войска находились в полном расстройстве и немцы еще не успели залатать линию фронта. Отсюда — мелькнувшая в переписке фраза — выступление нужно «теперь или никогда», т.е. пока не выдохлось брусилловское наступление.

Иначе рассуждал Брэтиану. Он использовал создавшуюся обстановку для выдвижения новых и новых требований. Граница в Буковине подверглась пересмотру, и город Черновцы отошел к Румынии. Премьер обусловил участие своей страны в войне принятием серии требований: опережающим российским наступлением в Карпатах, англо-французским на Салоникском фронте, сосредоточением крупных российских сил в Добрудже на случай появления там болгар. Запросы насчет поставок в Румынию снаряжения, вооружения, обмундирования и еще многого другого соз-

21 Adevarul. 19.08.1916; Nationalul. 10.08.1916; Dreptatea. 13.06.1916.

22 Iasul. 22.03.1916; Argus. 28.05.1916, 15.07.1916.

23 Adevarul. 14.06.1916; 21.06.1916; Epoca. 21.04.1916.

давали впечатление, что румынскую армию надо было заново вооружить, одеть и обуть.

Лицемерие вошло у Брэтиану в плоть и кровь, чуть ли не накануне выступления он заверял посланника Австро-Венгрии, что никакие неприятности с румынской стороны ей не угрожают. Зачем? Опытный дипломат граф О. Чернин в своих депешах в Вену называл срок румынского вторжения с точностью до недели. 4 (17) августа на дому у брата премьер-министра Винтилы в совершеннейшей тайне состоялось подписание договора. Брэтиану выговорил по нему полное равноправие Румынии в процессе будущего мирного урегулирования²⁴. Впадая в утопизм, он обязывался выступить лишь против Австро-Венгрии, и тем самым подвел мину под собственные требования, не пожелав объявить войну Болгарии, не посчитавшись с пожеланиями французов. Он не мог настаивать на посылке 200-тысячного российского контингента в Добруджу. С трудом удалось убедить Ставку направить туда две пехотные и одну казачью дивизию.

* * *

В ходе почти двухлетней переговорной Одиссеи Брэтиану проявил себя как недюжинный дипломат, упорный, настойчивый, хладнокровный, бесконечно терпеливый человек, цепкий в дебатах; он совершенно затмил официального руководителя ведомства иностранных дел Э. Порумбару. Выявилась, однако, и его ахиллесова пята: он не обладал геополитическим мышлением. Налаживание союзных отношений — материя сложная и тонкая, прочное сотрудничество можно установить лишь при учете интересов не только своих, но и партнерских. На это Брэтиану был решительно не способен, горячий патриотизм ослеплял его. Его усилия сводились к тому, чтобы поставить Великобританию, Францию и Россию на службу Румынии. Он потратил драгоценное время, выторговывая у союзников все новые и новые уступки, и упустил момент, когда в июне-июле румынский удар в Трансильвании мог бы принести серьезные стратегические обязательства. Сам он не раз и не два нарушал принятые и оговоренные результаты, но почему-то верил, что партнеры на это не способны и придавал чрезвычайное значение подписанным бумагам. В конце концов антантовская дипломатия потеряла терпение. Министр-президент Франции А. Бриан заметил: если союзникам при заключении мира не удастся добиться желаемых условий, «Румынии волей-неволей придется склониться перед т.н. *force majeure*, не настаивая на осуществлении державами неисполнимых требований». На том и порешили. Союзники пребывали в полном согласии — за военную прогулку образца 1913 г. румыны не получают ничего: «если они хотят

24 *Pingaud A. Histoire diplomatique de la France pendant la grande guerre. T. 2. P., 1939. P. 193; Kiritescu C. Istoria rasboiului pentru intregirea Romaniei. Ed. a 2. Buc., f.a. V. 2. P. 362; Царская Россия в мировой войне. Л., 1925. № 137.*

быть великими, — считал Алексеев, — пусть сперва пройдут через горнило войны»²⁵. Ионел Брэтиану приобрел репутацию политика коварного и лживого, и церемониться с ним не собирались.

* * *

Попытка Брэтиану предвидеть все и вся являлась с самого начала ничемной, его планы стали разваливаться еще до начала вступления страны в войну. Российские атаки в Карпатах захлебнулись. На Салоникском фронте генерал Жеков нанес болгарскими войсками упреждающий удар по союзникам, и те перешли к обороне. 14 (27) августа посланник Маврокордат вручил в Вене декларацию о войне. В течение нескольких дней последовало ее объявление со стороны Германии, Турции и Болгарии.

В ночь на 15(28) августа румынские войска перешли границу и стали углубляться в Трансильванию, имея превосходство сил в 2,4 раза в пехоте, в 3 раза в артиллерии, не говоря уже о том, что значительную часть вражеских сил составляли нестроевые части — караульные, команды выздоравливающих, гарнизоны городов из великовозрастных солдат. «Оборонявший» один из горных перевалов полк, состоявший из чехов, как мрачно шутили в будапештском сейме, «исчез, да так, что никто не мог сказать, куда же он делся». Но венгры дрались отчаянно. Почему румынский план «зет» предусматривал не быстрый разгром врага, а систематическое занятие местности, остается загадкой. По словам генерал-квартирмейстера немецкой армии Э. Людендорфа, румыны ползли со скоростью улитки²⁶ (ради справедливости скажем, что все же быстрее — 2-3 километра в день), а австро-германцы лихорадочно собирали силы для отпора, и не только. Румынское наступление продолжалось две недели, удалось занять город Сибиу и подойти к Брашову. А 3(16) сентября началась переброска войск на юг. В разгар боев часть армии оказалась на колесах и вне военных операций.

Что же произошло на линии Дуная и в Добрудже?

Соотношение сил и здесь сложилось в пользу румыно-российской группировки. Но генерал А. Макензен, имея под своей командой уступавшие неприятелю по численности болгарские, немецкие и турецкие войска, перешел к активным действиям первоначально с ограниченной целью — поселить в румынском генштабе тревогу и заставить его приступить к переброске сил на юг и тем самым позволить державам Центра перейти в наступление в Трансильвании. Результаты превзошли ожидания, румыны неожиданно быстро сдали крепость Тутракан (Туртукай) и отступили на левый берег Дуная. В румынской историографии неудача объясняется

25 Красный архив. Т. 32. 1929. С. 70; Т. 29. С. 2.

26 The Times History of the War. V. 11. 1917. P. 210; Людендорф Э. Мои военные воспоминания. Т. 1. М., 1924. С. 269.

многими причинами — целые дивизии были укомплектованы плохо подготовленными резервистами, между отдельными частями имелся разрыв в километры, врагу удавалось создавать превосходство сил на направлениях главного удара²⁷. Почему войска Антанты, имея общее численное преимущество, оказывались в меньшинстве в местах решающих боев, остается секретом командования.

В середине сентября австро-германцы перешли в наступление и на севере, и на юге. В Могилев, где располагалась Ставка, посыпались просьбы о помощи — от начальника румынского генштаба генерала Д. Илиеску, И. Брэтиану, короля и даже королевы Марии, которая вспомнила, что приходится внучкой Александру Второму и двоюродной сестрой царю Николаю. Брэтиану в телеграмме от 23 сентября (6 октября) просил срочно прислать войска, ссылаясь на нависшую над страной опасность. Через два дня он повторил свои настояния: «24 часа имеют большое значение», сообщая при этом не внушавшие доверия данные о численности вражеских сил (500-600 тысяч человек). Цифра эта представлялась генералу М.В. Алексееву крайне преувеличенной. Он полагал, что вражеские войска насчитывают 251 батальон пехоты и 70 эскадронов кавалерии. «Силы эти, — в явном раздражении информировал он генерала Д. Илиеску, — вовсе не столь грозные, чтобы говорить о критическом или крайне тяжелом положении Мы имеем 331 румынский, 52 русских батальона»²⁸.

Но от академических рассуждений и арифметических подсчетов было уже мало толку. Румынская оборона трещала по швам, и, по мнению антантовского командования, по причине неспособности генералов. Британский военный атташе подводил невеселые итоги (запись от 10 октября): «1-ую и 2-ую армии следует считать деморализованными, но не потому, что не годились войска, а потому, что управление плохо»²⁹. Происходила чехарда с высшим составом, и, как мрачно шутили обыватели, способного полководца Авереску перебрасывали с места на место, словно святые мощи. Бои в Трансильвании в сентябре-октябре происходили тяжелые, и во многих случаях румынские войска сражались храбро, но устоять не смогли. В отступлении на юге участвовал и 47 российский корпус. Командовавший им генерал А.М. Зайончковский, известный историк, качеств умелого военачальника не проявил.

В румынской историографии военные неудачи традиционно списываются на союзников: «Наступления на других фронтах запаздывали, русские в ответ на обращения премьер-министра призывали к терпению, французы — тоже. Эта позиция промедления по отношению к румынам яв-

27 *Cupsa I. Armata romana in campaniile din anii 1916 si 1917.* Buc., 1967. P. 47, 51, 63–64, 69.

28 Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2003. Д. 60. Л. 29, 39, 109.

29 Там же. Ф. 2003. Д. 72. Л. 69.

лялась ошибочной». Совсем иную оценку давал фельдмаршал П. Гинденбург: «Румыния была побеждена, конечно, не по вине своих союзников»³⁰.

Через Карпаты австро-германцам удалось прорваться в конце октября. День 15 ноября выдался для румын тяжелым: немцы захватили мост через реку Олт у Каракала, и открыли путь в центральные области страны, генерал Крафт преодолел перевал Красная Башня и вступил в Молдавию, а Макензен форсировал Дунай. 19 ноября войска Центральных держав сомкнулись и двинулись на Бухарест. Брэтиану не решился оставить столицу без сопротивления, было дано сражение расстроеными войсками, безнадёжное и повлекшее за собой большие потери. 12 (25) ноября началась эвакуация из Бухареста разного рода учреждений, в изгнание отправилось и правительство. Оборонительные бои продолжались до нового года. В первые дни января смертельно уставший неприятель прекратил атаки.

Как же удалось оборвать его победоносный марш?

«История Румынии», выпущенная в Москве попечением Румынского посольства, дает довольно путаное объяснение: «Наступление австро-немецких войск было остановлено ценой тяжелых потерь. После занятия противником в начале 1917 г. городов Фокшаны и Брэила фронт стабилизировался по линии Восточных Карпат и реки Сирет» (Сереет)³¹. По смыслу выходит — остановили врага румынские войска, о других вообще не упоминается. Но вот данные Ставки о состоянии румынской армии на 3 декабря: в строю осталось 70 тысяч человек из 620 тысяч, имевшихся в августе; из 23 дивизий «разбежались» 2, сдались в плен еще 6. Позволительно спросить — как могли деморализованные остатки войск остановить победоносного противника? Защищать родину было некому. Генерал Авереску записывал в дневнике: «Все зависит от силы сопротивления русских, а последнее, в свою очередь, от пропускной способности железных дорог»³².

Сказать, что в Румынию хлынул поток войск из России, нельзя по той причине, что две страны соединяла единственная однопутная железная дорога, по которой удавалось «протиснуть» десяток эшелонов в сутки. Замысел Ставки — создать прочную линию обороны за спиной сражающейся румынской армии, провалился, остатки войск союзника негодились даже в качестве временного заслона. Русские части снимались прямо с колес и, после утомительного пешего марша, бросались в бой. Снабжение наладить не удалось, горячей пищи они не получали. Ничего похожего на братство по оружию не существовало. Солдаты не понимали, почему они должны защищать Румынию, когда сами румыны бегут.

В январе 1917 г. линия фронта, названного румынским по местополо-

30 *Iordache A.* Op. cit. P. 310; Воспоминания Гинденбурга. Пг., 1922. С. 23.

31 История Румынии. М., 2005. С. 493–495.

32 Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Румынский фронт. М., 1922. С. 108; *Averescu A.* Notite zilnice din rasboiu. F.a. P. 1114.

жению, все же стабилизировалась. Он протянулся на 430 верст, из которых румыны (44 500 штыков и 2 100 сабель) занимали 30, а русские, численностью около 400 тысяч, остальные 400 верст. Из приведенных юданных видно, кто же остановил наступающего противника.

В дальнейшем число российских солдат и офицеров на фронте превысило миллион. Они обеспечили на четверти территории страны сохранение румынской государственности, за их завесой удалось воссоздать боеспособную национальную армию. Сто тысяч россиян в гимнастерках покоятся в румынской земле. Но тщетно искать на ней хотя бы один монумент в их память, и поныне не раздалось ни слова признательности им, одна критика. Авторы упомянутой «Истории Румынии» говорят о какой-то «русской осечке»³³. Россия, оказывается, не выполнила своих обязательств по защите Добруджи и вообще опоздала с приходом на помощь. Никаких обязательств не существовало и не могло существовать, расчет строился на то, что Румыния с ее 600-тысячной армией добьется успеха в боях.

* * *

В конце 1916 г. в Яссы пробирался новый посланник А.А. Мосолов. Поезд плелся со скоростью черепахи по забитой составами одноколейке. А за окнами он видел «толпы беглецов, представлявших остатки румынской армии. Это были не регулярные части, а насильственно собранное сборище избегнувших гибели людей, в большинстве своем больных, оборванных, с драньем, накинутым на плечи поверх грязного белья». Мемуары королевы Марии включают главу под названием «Болезни, хаос и интриги». Дневниковые записи А. Авереску отличаются военной лаконичностью: «Население мрет от холода и голода». Статистика сохранила страшные цифры: 70% родившихся в «свободной зоне» в 1917 г. младенцев не прожили и года, в некоторых селах не выжил ни один из новорожденных. В 1917–1918 гг. умерло (не считая потерь армии) 240 тысяч человек, родилось и выжило всего 48 тысяч³⁴.

В обстановке разрухи и нужды предстояло восстановить порядок, наладить производства, вновь сформировать армию. Едва успев распаковать чемоданы, депутаты парламента собрались на сессию. 11 декабря 1916 г. группа консерваторов-антантофилов во главе с Таке Ионеску вошла в состав правительства, ставшего национальным. В тронной речи короля Фердинанда прозвучала знаменательная фраза: крестьянин, сражающийся в армии, имеет право на ту землю, которую защищает; парламент обязан «осуществить по окончании войны аграрную и избирательную реформы».

33 Стратегический очерк ... С. 115–117; История Румынии. С. 395.

34 *Mosoloff A. Ma mission en Roumanie // Bibl. Acad. Romane. F. Arhiva palatului. M. 20. № 7. P. 54; Marie, Queen of Roumania. The Story of my Life. V. 3. L., 1935. P. 101; Averescu A. Op. cit. P. 1234; Situatia clasei muncitoare din Romania. Buc., 1964. P. 81.*

Палата депутатов единогласно приняла ответ на тронную речь, составленный в духе войны до победного конца³⁵.

Генералу К. Презану понадобилось несколько недель, чтобы собрать потерявших свои полки людей. Была проведена дополнительная мобилизация на незанятой неприятелем территории, армию полнили юнцами, вывезенными, а то и выведенными из оккупированных областей. В страну прибыла французская военная миссия во главе с генералом А.М. Бертело. К лету 1917 г. была сформирована сильная армия, в ней насчитывалось 15 пехотных дивизий, 2 кавалерийские дивизии, 4 полка тяжелой артиллерии, 12 авиаэскадрилий, всего 400 тысяч бойцов³⁶.

* * *

Утром 23 февраля 1917 г., когда Мосолов завтракал в столовой миссии, в комнату стремительно вошел Брэтиану; он увлек дипломата в кабинет и молча протянул ему телеграмму о свержении царя. Шесть дней почта задерживала вести о Февральской революции в тщетной надежде на то, что события примут другой оборот³⁷. Когда же печать разомкнула уста, король Фердинанд отправился в объезд войск, обещая предоставить крестьянам после войны землю, а народу — всеобщее избирательное право. Король передал командование армией генералу К. Презану, чтобы возможные военные неудачи не бросили тень на монархию.

А российская армия, подтачиваемая введенными в ней демократическими порядками, теряла боеспособность и разваливалась. В сражениях в июле-августе, известных под общим названием битвы при Мэрэшешти, это выявилося в полной мере. Основную тяжесть боев вынесли румыны, им же принадлежала честь победы над самим фельдмаршалом А. Макензеном.

Тревоги Брэтиану, вызванные событиями в России, шли по нарастающей. Большевики, придя к власти, обратились ко всем воюющим с призывом к миру. Кабинет встал перед мучительным вопросом — что делать? О поездке в Брест-Литовск и присоединении к начавшимся там переговорам речь не шла. Предстоял выбор между сопротивлением в одиночку или сепаратным перемирием. Правительство склонялось к последнему решению. В качестве подставного лица, на которое можно было свалить ответственность за сепаратные действия, использовали генерала Д.Г. Щербачева, все еще числившегося командующим российскими войсками на фронте, хотя они вышли из повиновения. Именно Щербачев выступил с инициативой вступления в переговоры с немцами. О реакции союзников можно судить по дневниковым записям генерала А.М. Бертело (3 декабря):

35 Desbaterile Adunarii deputatilor 1917-1918. P. 2.

36 Analele. 1967. № 3. P. 11.

37 *Mosoloff A.* Op. cit. P. 125.

«У меня впечатление обрушившегося удара... Я отправился к Брэтиану и в присутствии посланников и перед Щербачевым с негодованием протестовал против совершенного по отношению к союзникам предательства». Запись от 7 декабря: ночью пришла радиограмма — «Французское правительство с негодованием протестует против перемирия, заключенного на Румынском фронте, расценивая его как капитуляцию. Клемансо»³⁸. Реакция других правительств Антанты была сходной. С точки зрения международного права Румыния нарушила условия конвенции от 4 (17) августа 1916 г., запрещавшие сепаратное перемирие с неприятелем, и Антанта освободилась от обязательства поддерживать зафиксированные в нем румынские территориальные требования.

Совершенно иная ситуация сложилась вокруг другой акции Брэтиану. После Октябрьской революции российская армия, изгнавшая офицеров и руководимая солдатскими комитетами, устремилась домой лавиной. В ночь с 8 на 9 декабря (ст. ст.) состоялось заседание румынского правительства. Некоторым министрам она представлялась еще грозной силой и нападение на нее с целью разоружения опасным. Брэтиану преодолел колебания коллег. 11 декабря Молдавия, за исключением Ясс, была разделена на 8 военных зон под контролем генерального штаба. В последний момент возникло неожиданное затруднение — Щербачев запросился в отставку, заявив, что у него нет ни одного человека, которому он бы доверял. По словам И. Брэтиану, создалось «безвыходное положение — в отсутствие российского главнокомандующего невозможна военная акция, ее нельзя предпринять без российского прикрытия, хотя бы номинального». Щербачева удалось уговорить, и он «возглавил» разоружение «собственной» армии³⁹.

Отступавшие войска не ожидали подобного коварства от «союзников», одни части сдавали оружие без сопротивления, и солдаты пробирались дальше на родину. Другие сопротивлялись, и тогда их расстреливали или загоняли за колючую проволоку в концентрационные лагеря. Расправа с российской армией явилась прелюдией к вторжению в Бессарабию.

В последние дни 1917 г. в Петроград поступили сведения о появлении в Бессарабии первых румынских отрядов. Совнарком реагировал быстро и решительно, потребовав прекратить нападения на отступающие войска, очистить бессарабскую территорию и прибег даже к экстраординарной мере — посланника К. Диаманди и еще четырех сотрудников миссии отправили в Петропавловскую крепость. Дипломаты *in corpore* заявили энергичный протест. Заключение длилось сутки, и г-н Диаманди со товарищи покинул темницу, негодуя по поводу «инфракции» международного права. Он не поспешил на описание перенесенных им лишений:

38 *Torrey Gl. General Berthelot and Roumania. N.Y., 1987. P. 126, 128.*

39 *Ibid. P. 134.*

«холодная, плохо освещенная камера для уголовников, железная кровать без простыни», на обед — несъедобная бурда «в грязной белой жестяной миске с выщербленной деревянной ложкой»⁴⁰. О вопиющей «инфракции» международного права, о нападении на российскую армию, он, разумеется, умолчал.

Весь состав румынской миссии выслали за рубеж. Советская власть порвала с Румынией дипломатические отношения, но состояния войны не наступило. Бессарабия подверглась оккупации, и к ее пределам быстро приближались красные войска...

Нарастало давление Центральных держав с требованием заключения мира. Подписывать документ с тяжелыми и унижительными условиями, взваливать на свои плечи ответственность за поражение Брэтиану не желал. 26 января (8 февраля) 1918 г. он ушел в отставку под самым что ни на есть благовидным предлогом — вести переговоры с неприятелем должна не столь одиозная в его глазах фигура.

Правительство возглавил генерал А. Авереску, а позднее — лидер консерваторов-германофилов А. Марголоман, знакомый нам как первый муж супруги Брэтиану Елизаветы. Король вызвал его из Бухареста и назначил на высокий пост в надежде, что со своим добрым знакомым немцы обойдутся помягче.

Авереску пошел на заключение с представителями советской власти протокола об эвакуации Бессарабии. Но началось вторжение австро-немецких войск на Украину, исчезло опасное соседство с большевиками, и о протоколе забыли. В Бессарабии оккупанты опирались на Сфатул цэрий (Совет страны), который в появляющихся ныне в Бухаресте и Кишиневе изданиях выдается за некую разновидность парламента: «Сфатул цэрий» стал новым свободно избранным законодательным органом. Он принял руководство Бессарабией и судьбой народа, который его избрал»⁴¹. Это неверно, на самом деле совет не избирался населением, а состоял из делегатов от некоторых общественных и национальных организаций с преобладанием в нем молдаван (хотя они составляли лишь половину населения). В декларации самого Сфатула от 2 декабря 1917 г. о нем говорилось, как о временном органе, «составленном из представителей организационных групп революционной демократии, отдельных народностей и органов местного самоуправления». Никаких претензий на ранг парламента тогда не отмечалось. В проекте конституции Молдавской республики (март 1918 г.) говорилось: «Решение вопроса о вхождении Молдавской демокра-

40 Российский центр хранения и изучения научной документации. Ф.5 (Секретариат Совнаркома). 1918. Ед. хр. 1807; U.S. National Archives. Microfilm publications. Microcopy 316. Roll 11.

41 Русско-румынское соглашение об уходе румынских войск из Бессарабии см.: Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. 1. М., 1961. Док. 90; История Бессарабии. Кишинев, 2001. С. 81.

тической республики в политический союз с каким-либо государством на основе конфедерации, федерации, персональной или реальной унии» должно приниматься «путем народного голосования (референдума)»⁴². В других документах подобные вопросы относились к компетенции Учредительного собрания. Одно ясно — сами отцы-основатели Сфатул цэрия считали, что он должен заниматься текущими делами, и не более.

В условиях оккупации обо всем этом забыли. «По совету» румынского правительства и генерала Бертело главари Сфатул цэрий провозгласили автономию, затем самостоятельность и, наконец, объединение с Румынией на основе самоуправления. Поскольку это не вязалось с унитаристскими порядками в королевстве, совету было предписано от автономии отказаться, что он и сделал. Все это происходило уже без участия генерала Щербачева, яские правители перестали нуждаться в услугах марионетки. Военный министр К. Янковеску пригласил Щербачева к себе и спросил, кем тот собственно является и на каком основании пребывает на румынской земле (комментарий Бертело: Какое хамство!)⁴³. Объявленный советской властью вне закона, выставленный из Румынии Щербачев отправился в эмиграцию. Совнаркомы России и Украины резко протестовали против объединения, расценив его как акт, «лишенный международно-правовой силы», и «насмешку над бессарабским населением». Советская власть никогда не признавала вхождения Бессарабии в состав Румынии. Такую же позицию занимало Белое движение. П.Н. Милоков издал в Лондоне сборник, отвергая в нем законность осуществленного в Кишиневе «народного волеизъявления»⁴⁴.

Ультимативное требование фельдмаршала А. Макензена о срочном заключении мирного договора прозвучало 23 января (5 февраля) 1918 г. и застало Братиану еще в кресле премьер-министра. Он попытался добиться у союзников санкции на заключение сепаратного акта, ссылаясь на безвыходное положение страны, но натолкнулся на твердый отпор. Военные миссии Антанты в Яссах придерживались иной точки зрения на соотношение сил в регионе. Они полагали, что командование противника может рассчитывать лишь на немецкие и венгерские части, ибо «австрийские и турецкие находятся в состоянии разложения и сражаться не будут». По подсчетам генерала Бертело, на конец января под командованием Макензена находилось 5 немецких дивизий ослабленного состава (без тяжелой артиллерии, переброшенной на Западный фронт, туда же отправили всех

42 Там же. С. 201–202; *Левит И.Э.* Молдавская республика. Ноябрь 1917 — ноябрь 1918. Кишинев, 2000. С. 280–281. Эта и другая книга автора — «Движение за автономию Молдавской республики» (Кишинев, 1997) — содержат подробный документированный анализ событий в Бессарабии.

43 *Torrey Gl. Op. cit.* P. 156.

44 ДВП. Т. 1. С. 248–249; *Torrey Gl. Op. cit.* P. 156, 140, 141; *The Case for Bessarabia.* L., 1919; *Studii si referate de istoria moderna.* V. 6. Buc., 1979. P. 62.

солдат моложе 35 лет), 13 австрийских, 2 болгарских и 1 турецкой. Все, кроме германских — сомнительной надежности. Вывод — неприятель «неспособен в данный момент на серьезное наступление против румынской армии». Боеспособных солдат у него — 100 тысяч, у румян — вчетверо больше⁴⁵. Посланники вручили Брэтиану коллективную ноту: «Наши правительства подтверждают свою полную веру в то, что Румыния, верная своим благородным традициям и жизненным интересам, будет, как и в прошлом, с прежней энергией продолжать борьбу и свяжет свою судьбу с союзниками». Разглагольствования Брэтиану об особых заслугах Румынии в борьбе с большевиками, его намеки на то, что переговоры с немцами можно затянуть до бесконечности, не произвели на них впечатления: «все т.н. длительные переговоры могут быстро завершиться сепаратным миром». Преемник Брэтиану, генерал А. Авереску, уверял партнеров, что Румыния, даже заключив мир, «будет всегда считать себя связанной с Антантой»⁴⁶. Но не излияний же в душевной преданности, а пушек на поле боя ожидали от него!

Румынские «верхи» решились на капитуляцию. 24 апреля (7 мая) в Бухаресте был подписан мирный договор, по тяжести условий сравнимый разве что с Брестским. Предстояло утвердить его в парламенте. Либеральная партия во главе с Брэтиану в патриотическом негодовании бойкотировала выборы, и ответственность за принятие унижительного акта с себя сняла. Королю оставалось подписать ратификационную грамоту. Но Фердинанд тянул и медлил. Силы держав Центра таяли на глазах, немецкое командование бросало в бой последние резервы, гибли восемнадцатилетние юнцы. По всем канонам реальной политики следовало возвращаться в Сердечное Соглашение. Только бы не упустить момент и вовремя «выхватить саблю из ножен», чтобы на ней засверкали лучи победы! 6 ноября монарх отправил в отставку правительство Маргиломана, причем бесцеремонно, заявив, что того требуют посланники Антанты. «К власти» пришел кабинет генерала К. Коанды. Берем эти слова в кавычки, ибо самой влиятельной фигурой оставался «опальный» и даже находившийся под следствием за вовлечение страны в войну Брэтиану. Его частную квартиру открыто посещали дипломаты и министры, свидетели заметили даже любопытную оговорку: Коанды, переступив порог жилища, вежливо спросил, дома ли премьер-министр.

Стремясь действовать наверняка, яские правители все же переосторожничали. 9 ноября поступили сведения, что войска Антанты готовятся к переправе через Дунай, и Макензен просил их повременить, чтобы по-

45 По американским оценкам — 300 тысяч солдат в строю и еще 160 тысяч подготовленных. — U.S. National Archives. Op. cit. Roll 6. P. 4.

46 Papers Relating to the Foreign Relations of the U.S. 1918. V. 1. Wash., 1933. P. 754–755, 713.

зволить ему вывести свои войска и избежать кровопролития. В 9 часов вечера того же дня немцам вручили ультиматум правительства Румынии: им предлагалось в 24 часа покинуть ее территорию или сложить оружие⁴⁷.

Срок ультиматума истек в 9 часов вечера 10 ноября, в 11 часов утра 11-го (по Парижскому времени) вступило в силу Компьенское перемирие. В. Канчиков, бывший депутат парламента, записывал в своем дневнике: «Немец, побитый на западе, скованный по рукам и ногам, молит столько времени о перемирии», а в Яссах вдруг проявляют решительность и воинственность: «В этом есть что-то смешное»⁴⁸. Из дипломатического мешка явно торчало пропагандистское шило. Немцы физически не могли за одни сутки убраться из Румынии, складывать же оружие им было не перед кем, румынская армия после заключения Бухарестского мира существовала в миниатюре. Никто за пределами яских кабинетов не воспринял всерьез возвращение румынского блудного сына. Предстояло выдержать суровое испытание на Парижском конгрессе, что было явно не по плечу фигурантам в генеральских мундирах. 12 декабря Ионел Братиану вновь возглавил правительство. Следовало поставить конгресс перед совершившимся фактом объединения румынских земель с прихватом спорных территорий. Сфатул цэрий в Бессарабии, собрание румын в Альба-Юлии в Трансильвании, и Румынский совет в Буковине провозгласили его.

* * *

18 января 1918 г. мирный конгресс приступил к работе. Братиану в Париже встретили неприветливо, возвращение в Антанту было шито белыми нитками. В портфеле у него лежала телеграмма министра иностранных дел Франции Э. Пишона: «Соглашение от 27 августа 1916 г. с правовой точки зрения перестало существовать после заключения с нашими врагами Бухарестского договора». «Большая четверка» недвусмысленно предупреждала любителей ставить ее перед совершившимися фактами, к которым, несомненно, относился Братиану: «Мы заявляем, что любая попытка предвосхитить решения мирной конференции, захватить или оккупировать вооруженными силами какие-либо земли не только не будут способствовать делу тех, кто прибегает к подобным методам, а напротив, чревата нанесением им вреда в глазах союзников». Румыния рассматривалась не как союзное, а как примкнувшее государство, т.е. без всяких перед нею обязательств⁴⁹.

Репутация у Братиану — хуже некуда, лицемер и лжец. Казалось, он приперт к стенке, ему остается лишь подписать продиктованные большой

47 Arhiva ministerului afacerilor externe. 71-1914. E2. Nepaginat.

48 *Cancicov V. Impresiuni si pareri personale. V. 2. Buc., 1921. P. 655.*

49 1918 la romani V.2. Buc., 1983. P. 1284; *Spector St. Rumania at the Paris Peace Conference. N. Y., 1962. P. 80; Iordache A. Op. cit. P. 410.*

четверкой условия, несмотря на то, что он продемонстрировал мастерство и цепкость в дебатах. Но не такой был человек Ионел Брэтиану, чтобы сдаться, он упрям, уверен в себе и верит в свою счастливую звезду и в свое везение. И ему повезло, и повезло сказочно.

21 марта 1919 г. в Венгрии победила советская власть. Гидра большевизма вползла в центр Европы. Заседавшие в Париже миротворцы принялись за поиски средств, как эту гидру придушить, и их не обнаружили. Европейская общественность смертельно устала от войны, интервенция в Россию популярностью не пользовалась, о чем свидетельствовало восстание матросов французской эскадры на Черном море. Тупик. И тут свои услуги предложил Ионел Брэтиану. На словах его намерения были чисты как слезы ребенка: он спрашивал у держав разрешения на то, чтобы позволить Румынии «сопротивляться большевизму не только в собственных интересах, но и в интересах всей Европы и даже, не преувеличивая, в интересах мировой цивилизации», и выразил готовность защищать оную не только на берегах Днестра, но и Тиссы. У него появилось влиятельное генеральское лобби во главе с маршалом Фернаном Фошем, жаждавшим расправиться с венгерскими мятежниками. И что значили несколько преувеличенные румынские территориальные притязания по сравнению с этим порывом? 10 апреля Брэтиану передал в Бухарест утешительную новость: «Французы наконец-то разобрались в ситуации и ролью в ней Румынии». О запальчивых словах Д. Ллойд-Джорджа, сравнившего Брэтиану с «разбойником, выжидающим удобного случая, чтобы стащить территорию», никто не вспоминал. Американский историк Ст. Фишер-Галац описывал ситуацию и поведение Брэтиану не в столь возвышенных тонах, как наш герой: «Заявляя, что Великая Румыния превратится в бастион против большевистской России и коммунистической Венгрии, он получил от союзников мандат на разрушение государства Бель Куна»⁵⁰.

7 июля румынские войска переправились через реку Тисса и 3 августа заняли Будапешт. По исполнению задания им следовало вернуться на линию разграничения. Но таковой не существовало, Брэтиану отказывался признать линию, предписанную ему Советом четырех и проходившую в Трансильвании несколько восточнее той, что была обозначена в соглашении от 27 августа 1916 г. и предоставлявшую часть Баната сербам. Завязался длительный и тяжелый конфликт. Тем временем в оккупированной части Венгрии интервенты обирали страну, что называется, до нитки. Верховный совет Антанты пытался их урезонить (5 сентября 1919 г.): Венгрию «опустошают войска, действующие по приказу из Бухареста, лишая

50 Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. М.; Л., 1949. С. 308; *Jordache A.* Op. cit. P. 410; *Fischer-Galati St.* Twentieth Century Rumania. N. Y.; L., 1970. P. 27; *Mantoux P.* Le deliberations de Conseil de quatre. 2. P., 1955. P. 352.

ее транспортных средств, угоняя скот. Лошади, сельскохозяйственный инвентарь, сырье, машины, железнодорожное оборудование, даже имущество детских садов вывозится в Румынию». Союзники, говорилось в декларации, «с неохотой вынуждены задать вопрос — а находится ли Румыния в их составе?» Братиану на протесты и ухом не повел, он знал, что репрессий не последует. Правда, поговорили было о прекращении поставок в Румынию продовольствия. Но зачем же наказывать ни в чем не повинное население⁵¹?

13 сентября наш герой, убедившись, что своего не добьется, ушел в отставку с поста премьер-министра: Румынии-де навязывают условия, не соответствующие ее «достоинству и независимости, историческим и экономическим интересам». Оппозиционные газеты вышли со статьями под злорадными заголовками: «Диктатор удаляется», «Бегство тирана».

Преемники упрямством Сфинкса не обладали, они заключили сделку, по которой, в обмен на признание предписанной им границы с Венгрией союзники дали санкцию на вхождение Бессарабии в состав Румынии. Соединенные Штаты наотрез отказались участвовать в этой акции и «одобрить политику, направленную на расчленение России»⁵², которая не имела прецедента в истории: Великобритания, Франция и Италия, формально не находившиеся в войне с Россией и уверявшие весь свет, что питают к ней самые дружеские чувства, в нарушение норм международного права дали согласие на отторжение части ее территории (т.н. Парижский протокол от 29 октября 1920 г.) И тут не обошлось без лицемерия: 8 сентября генерал Авереску направил в Москву телеграмму, заверяя, что румынское правительство «желает восстановления вековых добрососедских отношений между Румынией и Россией на возможно более прочных основах» Но, на фоне произведенной вскоре аннексии — какие уж тут «добрососедские отношения»! 1 ноября Совнаркомы РСФСР и УССР заявили решительный протест против учиненного произвола. Ни советская власть, ни Белое движение никогда не признавали румынскую оккупацию Бессарабии⁵³.

51 *Deak F.* Hungary at the Paris Peace Conference. 1952. P. 473, 492.

52 Государственный департамент США пытался разобраться в ситуации. Государственный секретарь Р. Лансинг спросил Братиану на заседании Совета министров иностранных дел 2 июля 1919 г., «расположена ли Румыния провести плебисцит в Бессарабии?». Тот ответил категорическим отказом (см.: *Lordache A.* Op. cit., P. 441). Сменивший Лансинга Бейнбридж Колби 6 октября 1920 г. обратился к президенту В. Вильсону с письмом, в котором говорилось: «Имея в виду наш постоянный отказ одобрить политику, направленную на расчленение России, ... я склонен сообщить в инструкции послу (в Париже. — *Авт.*) Уоллесу, что мы не подпишем договор относительно Бессарабии...». Резолюция президента гласила: «Я вполне одобряю Вашу точку зрения и надеюсь, что Вы направите предложенные Вами инструкции. В.В.» (US National archives. 871 A / 14. Bessarabia 1).

53 Бессарабия на перекрестке... С. 247–248; Известия. 12.09.1920; ДВП СССР. Т. 3.

* * *

Демонстративная отставка Брэтиану в сентябре 1919 г. не означала его ухода с политической арены. Еще пять лет (1922—1926, 1927) он занимал премьерское кресло, и либеральная партия под его руководством являлась звездой первой величины на небосклоне власти. Это были годы, именовавшиеся в советской историографии периодом временной и частичной стабилизации капитализма. В 1921 г. появился акт об аграрной реформе, несравненно более серьезный, чем все предшествовавшие, потеснивший помещичье землевладение — румынские правящие сферы учитывали и свой опыт 1907 г., и соседство с Россией, где тогда колхозов не существовало и крестьяне хозяйствовали на своей земле. В 1923 г. при министерстве Брэтиану была принята новая конституция, предусматривавшая введение всеобщего избирательного права, но сохранившая важные prerogatives за королем. Страна быстро развивалась, причем промышленность — опережающими темпами. Брэтиану правил твердой рукой, расправлялся с коммунистами, со зверской жестокостью подавил Татарбунарское восстание в Бессарабии (1925) Он одержал верх над т.н. карлистской оппозицией, неформальным объединением враждебных ему и рвавшихся к власти сил, объединившихся вокруг наследника престола принца Кароля, человека тщеславного, авантюристического склада, стремившегося свалить старого Брэтиану. Конфликт закончился изгнанием честолюбца из страны (январь 1926 г.) под предлогом недостойного семейного поведения — забыл о супруге, принцессе Елене, связал себя прочными узами с мадам Е. Лупеску, особой отнюдь не безупречного поведения. Престол «занял» шестилетний Михай, разумеется, под присмотром регентства, — ныне единственный оставшийся в живых кавалер советского ордена Победы. Выборы 1927 г. увенчались триумфом либеральной партии, она собрала 60% голосов. Ион Брэтиану-младший уходил из жизни с высоко поднятой головой, в ранге премьер-министра.

7 июля 1927 г. скончался король Фердинанд. 24 ноября вслед за своим сувереном ушел в мир иной Ионел Брэтиану.

ИЗМАИЛ ЭНВЕР-ПАША

И ЕГО МОДИФИКАЦИЯ ТУРЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Измаил Энвер-бей родился в Стамбуле 22 ноября 1881 года. Семья Энвера происходила из Монастира (Битоля), центра одноименного вилайета. Отец Энвера начинал простым носильщиком на вокзале. Трудом и усердием он дослужился до должности смотрителя железнодорожных мостов и получил почетный титул «бей». Мать была по происхождению албанкой. Смешанные браки между представителями мусульманских народностей были частым явлением в Османской империи, особенно в ее европейских провинциях.

О социальном статусе семьи накануне рождения Энвера говорит приглашение общей кормилицы к нему и к сыну знаменитого немецкого археолога профессора Хуманна. Измаил и Ганс, будучи молочными братьями, остались друзьями на всю жизнь. Отношения с семьей Хуманнов стали путеводной звездой молодого Энвера. Они расширили его горизонты и были стимулом его духовного и интеллектуального развития¹.

Как многие молодые люди из новых социальных слоев Энвер выбрал военную карьеру. Он окончил военное училище в Стамбуле, а после его окончания — академию генерального штаба, причем окончил вторым на курсе по результатам. В декабре 1902 г. в возрасте двадцати одного года Энвер был выпущен в звании капитана генерального штаба. Продвижение к должностям высшего командования в соответствии с прусской системой, принятой в Турции, было открыто в основном для офицеров этой категории.

Наряду с высоким уровнем образования и владением двумя европейскими языками, французским и немецким, Энвер усвоил в академии революционные взгляды, широко распространенные в столичной курсантской среде. Он также свободно владел болгарским и албанским языками, что в дальнейшем давало ему огромные преимущества при ведении операций в Македонии против повстанческих чет и просто банд разного происхождения².

Молодой капитан генерального штаба получил назначение в 3-ю армию в Македонию. Здесь он скоро примкнул к тайному комитету младотурок, сеть ячеек которого охватывала всю провинцию. Перспективный, хорошо образованный на западный манер офицер, Энвер быстро выдвинулся в революционном движении. В качестве руководителя организации младотурок в Монастире он стал членом ЦК и внутреннего штаба

1 *Haley Ch.D.* The Desperate Ottoman: Enver Pasa and the German Empire. P. I // *Middle Eastern Studies*. 1994. January. P. 32.

2 Об участии Энвера в боевых операциях в Македонии см.: *Aydemir Ş.S.* Makedonya'dan Ortaasya'ya Enver Pa a. Istanbul, 1970. Vol.2. P. 437-438.

ба комитета³. Однако, сравнивая его с другими руководителями заграничного и внутреннего штабов: Бахаэдином Шакиром, доктором Назимом, Талаат-беем и Мидхатом Шукру, следует признать, что в то время Энвер являлся скорее представителем военного крыла движения, нежели действительным участником узкого круга идеологов и политических руководителей, принимавших стратегические решения.

Мощная организация младотурок, возникшая в Македонии накануне революции, пришла на смену рыхлой «коалиции» отдельных комитетов и групп предшествующего периода. Ради создания структуры, обладающей реальной силой для революционной деятельности, парижский центр младотурок, руководимый Бахаэдином Шакиром и доктором Назимом, пошел на объединение с салоницкой организацией, поступившись частью своих полномочий. Объединение этих двух организаций в 1906 г. в рамках комитета «Единение и прогресс» радикально изменило характер младотурецкого движения, нацелив его на вооруженное восстание в Македонии. Майор Энвер-бей активно работал над созданием военной организации движения. Им была развернута массовая вербовка молодых офицеров, а также формирование собственных боевых отрядов комитета. Воюя с христианскими четами и бандами и формируя боевую подпольную сеть комитета, он активно пропагандировал среди мусульманских жителей Македонии взгляды младотурок.

Что это были за взгляды? Прежде всего — это «османский патриотизм». Патриотизм этого периода еще не равнялся турецкому национализму. Защита родины в кругу Энвера связывалась с неделимостью территории Османской империи, возвращением Турции в число великих европейских держав, подписавших Парижский трактат 1856 г., сохранением господства титульной «османской нации», объединяющей мусульманскую общину империи и являющейся скорее конфессиональным, нежели этническим понятием. Для достижения этих целей главной задачей являлось сохранение в составе империи ее европейских провинций и, прежде всего, Македонии. Накануне революции 1908 г. Восточный вопрос в его наиболее острой постановке представлял собой Македонский вопрос.

Огромную роль в развитии национального сознания турецких офицеров сыграли Ильинденское восстание 1903 г. в Македонии и его последствия в виде установления международного контроля и утраты империей части суверенитета над этой самой богатой и стратегически важной провинцией. Присутствие в Македонии иностранных офицеров раздражало

3 Тот факт, что Энвер изначально не принадлежал к салоницкой группировке младотурок, освобождает его от подозрений в связях с масонами, салоницкими евреями-сефардами и сионистами, — одна из популярных тем при анализе генезиса младотурецкого движения, особенно в греческой и армянской историографии. Подробности вступления Энвера в комитет см. в его мемуарах: *Enver Paşa*. *Enver Paşa'nın Anıları (1881–1908)*. Istanbul, 1991. P. 57–61.

их, унижало национальное чувство и ясно давало понять, что дни империи сочтены. Агитация эмиссаров младотурок из Парижа и Салоник, падая на благодатную почву, приносила свои плоды.

В меморандуме, посланном руководителями заграничного штаба младотурок в Париже Хюсревом Шали и Бахаэдином Шакиром руководителю внутреннего штаба в Салониках Талаат-бею 16 марта 1908 г., отмечалось: «Независимость Македонии означает потерю половины Османской империи и, в силу этого, ее полное уничтожение. Как известно нашему брату, без Македонии в центре, Албания естественным образом будет потеряна. Поскольку наша граница должна будет отодвинуться к воротам Стамбула, столица не сможет оставаться в Стамбуле. Перенос нашей столицы из Европы в Азию исключил бы нас из числа европейских держав и превратил бы нас в азиатскую державу второго или даже третьего ранга. Таким образом, оттоманская держава будет сведена до уровня Персии. Поскольку Македонский вопрос является вопросом самого существования турок, мы полагаем, что для честного правительства было бы предпочтительнее пойти на риск большой войны, нежели потерять Македонию и Румелию»⁴.

К лету 1908 г. организационная структура комитета находилась в полной готовности к захвату власти. Практически вся 3-я армия была революционизирована⁵. Вскоре события стали необратимыми.

5 июля 1908 г. в городе Ресна в ходе традиционной пятничной молитвы член комитета майор Ниази-бей поднял и увел в горы двести солдат своего батальона, телеграфировав султану требование восстановить конституцию 1876 г. Этот яркий эпизод, поразивший современников, позже стали считать стихийным началом младотурецкой революции. Первая заявка на роль харизматического «героя свободы и революции» была сделана майором Ниази-беем, но в дальнейшем Ниази-бей будет оттеснен новым героем Энвером сначала на вторые роли, а потом и вовсе в тень.

Боевые группы младотурок осуществили в Македонии серию террористических актов. Энвер был обвинен в организации покушения на воен-

4 *Şukru Haniöglu M.* Preparation for a Revolution: The Young Turks 1902–1908. N. Y., 2001. P. 236.

5 У активистов комитета была практика вербовать в свои ряды вначале лейтенантов, а потом старших офицеров (*Şukru Haniöglu M.* Op. cit. P. 220). Этот тип военно-политического движения мы склонны считать «балканским тенентизмом», явлением, общим для большинства балканских стран начала века. В силу этого, личности и социальные типажи Энвера и сербского заговорщика и политика Д. Дмитриевича-Аписа представляются нам весьма близкими в социально-политическом и психологическом плане. Однородными можно признать и созданные ими политические режимы: симбиоз тайной и официальной исполнительных властей, находящихся в сложных отношениях взаимодополнения, противоречий и конфликта.

ного губернатора Салоник, приходившегося, кстати, ему зятем⁶. Поначалу власти пытались действовать более тонкими методами. Энвер получил лестное приглашение от султана прибыть в Стамбул и лично проинформировать Его Величество о реальном положении дел в Македонии. К приглашению было добавлено обещание повышения по службе. В офицерской среде 3-й армии, состоящей в основном из выпускников столичных военных училищ европейского образца, были хорошо известны истории о молодых офицерах, членах революционных кружков и комитетов, которые, получив подобное приглашение, входили в ворота дворца Йылдыз-Киоск после чего бесследно исчезали навсегда.

Вместо Стамбула Энвер отправился в Ресненские горы на соединение с отрядом Ниази-бея в сопровождении своей боевой группы из солдат гарнизона городка Теквеш. За короткий срок численность революционных отрядов значительно возросла, главным образом, за счет предварительно сформированных комитетом мусульманских чет. Революционеры, действуя из своих лесных лагерей, вступали в турецкие и болгарские села, ликвидируя активных представителей султанской администрации и просултанские банды баши-бузуков. Повсюду отменялись повинности в пользу султана и назначалась новая комитетская администрация.

Революция, начавшись 6 июля 1908 г., победила неожиданно быстро, всего за две недели, потому что все слои турецкого общества, старые и новые, объединились в едином порыве против султанской диктатуры. В течение тридцати лет режим Абдул-Хамида угнетал и подавлял своих подданных без различия национальности и вероисповедания. Комитет «Единение и прогресс» сумел сплотить против него все звенья военного, политического и административного аппарата империи. Абсолютное большинство губернаторов вилайетов поддержали требование о восстановлении конституции. Войска, посланные против восставших из Малой Азии, отказались в них стрелять и перешли на сторону революции⁷.

Султан сдался и согласился с требованиями восставших — конституционная монархия была восстановлена и были назначены выборы в парламент. Население империи восторженно праздновало победу, вчерашние враги, мусульмане и христиане, устраивали братания и застолья с песнями и танцами. Революционные отряды спускались с гор к Салоникам, где с балкона отеля «Эксельсиор» 21 июля 1908 г. Энвер произнес цветистую речь, в которой были слова: «Отныне — мы все братья! Нет больше болгар, греков, румын, евреев, мусульман. Под общим голубым небом мы все гор-

6 *Enver Paşa*. *Enver Paşa'nın Anıları* (1881–1908). P. 79–84.

7 Младотурецкая революция освещена в работах отечественных историков: *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.; Л., 1948; *Петросян Ю.А.* Младотурецкое движение. М., 1971; *Алиев Г.З.* Турция в период правления младотурок. М., 1972; Турция в XX веке. М., 2004.

димся быть османами!»⁸.

В ходе этих событий звезда Энвер-бея поднялась на вершину политического небосклона Османской империи. Благодаря европейской прессе он стал хорошо известен и популярен и в Европе как молодой герой турецкой революции, символ очистительного ветра перемен, пронесшегося, наконец, над Балканами и развеявшего душную атмосферу вражды, ненависти и террора. В эти дни в болгарских семьях родители нарекали своих новорожденных дочерей именем Надежда. В мусульманских семьях было свое поветрие — новорожденным мальчикам по всей империи давали имя Энвер⁹.

После победы революции Энвер получил назначение на престижный пост военного атташе в Берлине. Отношение иностранных держав к революции было разным. Режим Абдул-Хамида поддерживался Германией, несмотря на такие его одиозные проявления, как репрессии и армянские погромы. Общественное мнение в Германии вначале повернулось против младотурок, усматривая в них проводников британского влияния, подрывающих германские позиции. С другой стороны, Франция, бывшая многие годы прибежищем турецкой оппозиции, и Англия, исповедующая либеральные политические принципы, встали на сторону младотурок.

В этой связи назначение Энвера военным атташе в Берлин нельзя считать ни поощрительной синекурой за активную роль в победе революции, ни почетной ссылкой подальше от реального политического центра принятия решений гражданской фракцией младотурок¹⁰. Это назначение следует считать достаточно важной дипломатической миссией по восстановлению и укреплению отношений нового турецкого режима с германским правительством, политическими и военными кругами¹¹. Выбор эмиссара мог быть сделан, исходя из того, что с самого детства Энвера его семья поддерживала близкие отношения с влиятельными представителями германской колонии в Константинополе.

Со своей миссией Энвер справился блестяще. Он не только сумел создать в Берлине положительный облик младотурецкого режима в официальных кругах, но и установил личные, весьма прочные отношения с военными, политиками, журналистами и издателями. В Берлине того вре-

8 *Ramsaur E.* The Young Turks: Prelude to the Revolution of 1908. Princeton (NJ), 1957. P. 137.

9 *MacDermott M.* Op. cit. P. 340; *Yilmaz S.* An Ottoman Warrior Abroad: Enver Pasa as an Expatriate // Middle Eastern Studies. Vol. 35. 1999. October. P. 28. Некоторые из этих мальчиков впоследствии тоже стали видными политическими лидерами, среди них Энвер Ходжа в Албании и Анвар Садат в Египте.

10 Такое мнение высказано: *Ahmad F.* Great Britain's Relations with the Young Turks 1908–1914 // Middle Eastern Studies. Vol. 2. 1966. P. 163.

11 *Trumpener U.* Germany and the Ottoman Empire 1914–1918. Princeton (NJ), 1968. P. 105.

мени вокруг него сложился своеобразный «кружок Энвера». Энвер сумел даже стать «личным другом» кайзера Вильгельма¹². При этом все годы своего отсутствия в Салониках он оставался членом центрального комитета «Единение и прогресс».

В апреле 1909 г. Энвер временно покинул свой дипломатический пост для участия в подавлении в Стамбуле контрреволюционного мятежа, организованного султаном Абдул-Хамидом. Мятеж был подавлен младотурецкими частями, выделенными из состава 3-й Македонской армии, т.н. «Армии действия». Энвер, наряду с Мустафой Кемалем, другим известным революционером, был одним из ее вождей. Абдул-Хамид был свергнут, на престол был возведен его брат Мехмед V Решат. **Подавление мятежа совпало с женитьбой Энвера, в сущности, пока только помолвкой, с принцессой Наджие-Султан**¹³.

Наджие-Султан была племянницей Абдул-Хамида (и соответственно, Мехмед-Решата), предназначавшаяся в жены его сыну. После свержения султана ее ждала другая судьба. Хотя недостатка в женихах у принцессы не было, и по османским меркам многие были намного респектабельнее «героя революции» майора Энвера, в пользу последнего говорили батальоны «Армии действия», едва затихшая канонада на улицах Стамбула и горы трупов сторонников старого режима. Забрызганный кровью победитель из нового класса потребовал свою добычу, и двор подчинился. Примечательно, что первоначально Энвер строил планы женитьбы на принцессе из дома хедива Египта, но великий визирь Халил-паша, представитель того же дома, решительно их отверг¹⁴. В конечном счете, Энвер не проиграл.

Невесте к моменту обручения было 12 лет, Энверу — 28. Действительная свадьба состоялась весной 1914 г. Главный биограф Энвера Айдемир сообщает, что Энвер был верен своей жене и неоднократно отвергал авансы германских дам в ходе своих частых вояжей в Берлин¹⁵. Особняком, однако, стоят отношения Энвера с сестрой Ганса Хуманна, друга его детства, ставшего к тому времени германским военно-морским атташе в Стамбуле. С Ханной Хуманн у Энвера, определенно, был длительный роман, о чем свидетельствует их переписка¹⁶.

Женитьба на Наджие-Султан в огромной степени повлияла на дальнейшую карьеру Энвера. Он стал, своего рода, соединительным звеном между двумя элитами: новой агрессивной, рвущейся к власти элитой младотурок, состоящей из людей скромного происхождения, представителей новых социальных слоев, и старой элитой султанского двора, Блистательной Порты и пашей дивана.

12 *Yılmaz S.* Op. cit. P. 53.

13 *Aydemir Ş.S.* Op. cit. P. 208.

14 *Haley Ch.D.* Op. cit. P. 16.

15 *Aydemir Ş.S.* Op. cit. P. 202.

16 *Haley Ch.D.* Op. cit. P. 17.

Летом 1911 г. неожиданно для себя Турция подверглась нападению Италии в своих африканских провинциях: Триполи и Киренаике. Немедленно после начала войны Энвер отбыл экспрессом Берлин-Салоники в штаб-квартиру своей партии. По прибытии Энвер убедил членов ЦК партии согласиться с его планом ведения малой партизанской войны¹⁷. Характерной чертой его плана, основанного на боевом опыте, приобретенном в Македонии в 1903-1908 гг., было использование поддержки местного населения в качестве основы ведения партизанских действий и осуществления разведки.

Энвер вызвался отправиться в Африку добровольцем для практической реализации предложенного им плана ведения войны. Его примеру последовало много молодых офицеров из числа участников революции в том числе Мустафа Кемаль. Пути обоих будущих турецких лидеров вновь пересеклись в критической точке истории их страны. Так будет еще не раз.

Энвер и его товарищи отправлялись в Африку, замаскированные под репортеров агентств новостей. Скрываясь от итальянских агентов, кишащих в Салониках, Энвер сбрил свои знаменитые усы, предмет подражания молодых османов, надел черные солнцезащитные очки и черную феску. В Александрии Энвер сошел на берег уже в обличи врача, а в зону боев отбыл в облике арабского шейха: в белом бурнусе с золотым шнуром.

В мировоззрении Энвера с началом Триполитанской войны произошли серьезные сдвиги — в нем появились черты озлобленного антиевропеизма. Солидарность великих держав с агрессором явилась глубоким разочарованием для модернизаторов-младотурок и не могла не вызвать в их среде попытки найти адекватный ответ на «европейское лицемерие», опираясь на культурно-исторические традиции страны, прежде подвергаемые критике. Энвер писал друзьям в Германию: «К счастью, европейцы, наконец, предоставили решение нашей судьбы нам самим. Мы покажем этим цивилизованным европейцам, что мы не варвары. Мы или победим, или погибнем на поле чести»¹⁸.

Европеизированный «герой свободы и революции», исповедующий (по крайней мере, внешне) принципы либерализма и позитивизма, на время превратился в ярого «борца против неверных». Его тогдашний внешний облик соответствовал воину ислама: простая выгоревшая униформа, бурнус, закрывающий загорелое лицо, окаймленное черной бородой. Только сабля с отделкой из серебра отличала его от рядовых бойцов¹⁹. При этом его отношение к арабам можно было назвать снисходительным. Несмотря на принадлежность к одной религиозной общине, «умме», и к одному го-

17 *Perzinski F.* Enver Pascha um Tripolis. Munich, 1918. S. 10.

18 *Ibid.* Ss. 10, 11, 15.

19 *Kandi Mektuplarında Enver Pasha* (ed. M. Şukru Hanioglu). Istanbul, 1989. P. 91.

сударству, он считал их подданными второго сорта. Все его поведение в Ливии свидетельствует об этом²⁰.

Письма Энвера из Африки, адресованные, главным образом, семье Хуманнов, были изданы в Германии в 1918 г. бюро военной пропаганды. В результате сделанных в них купюр Энвер предстал в глазах читателей убежденным борцом за религиозную идею. Но в 1989 г. турецкий историк Шукру Ханиоглу опубликовал полную личную переписку Энвера. В ней из-под маски благородного защитника ислама ясно проступают черты международного плейбоя начала XX века, стремящегося получить от жизни максимум удовольствий.

На деньги, поступившие из Германии от друзей и из секретных фондов, Энвер заказал несколько автомобилей фирмы «Даймлер» и с шиком рассекал пустыню на спортивной машине. Со своим другом, журналистом Эрнстом Якхом, писавшем о нем хвалебные статьи в германской прессе²¹, Энвер весело проводил время. В их распоряжении был роскошный шатер-дворец и что-то вроде походного гарема из бедуинских женщин, нубийских рабынь и европейских искательниц приключений²².

В ходе Триполитанской войны проявились первые признаки той важной роли, которую сыграла в карьере Энвера женитьба на принцессе султанского дома. Его появление на фронте в качестве родственника султана-халифа придало энергии и энтузиазму арабов новый импульс. Энвер, прибыв в Африку, по традиции осознавал себя «героем свободы и революции». Выяснилось, однако, что в этом качестве он здесь мало кому известен и интересен. Месяц спустя Энвер отмечал в письме: «Только это родство помогает мне. Арабы не знают героя свободы Энвера, но проявляют уважение к зятю халифа»²³.

Энвером было создано в Ливии военно-политическое образование, которое имело определенные квази-государственные черты. Сам Энвер называл это образование своим «царством». Столкнувшись с дефицитом наличных платежных средств, Энвер организовал в Триполи эмиссию бумажных денег (фактически, долговых расписок, «ваучеров»), на которых красовалась надпись: «Новый избавитель Триполи от варваров Энвер-бей» (Sic!)²⁴. На фоне хронически слабой турецкой лиры новые «деньги» Энвера имели устойчивый курс и охотно принимались населением к платежам и

20 О турецко-арабских отношениях см.: *Kayali H. Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism and Islamism in the Ottoman Empire 1908–1918*. Berkeley, 1997. Pp. 72–84 и *Stoddard Ph.H. The Ottoman Government and the Arabs 1911–1918: a Preliminary Study of the Teskilati-i-Mahusa*. Princeton, 1963. P. 52–58.

21 Частично вошли в: *Jackh E. The Rising Crescent: Turkey Yesterday, Today and Tomorrow*. N.Y., 1944.

22 *Şukru Hanioglu M.* Op. cit. P. 147, 194, 131.

23 Ibid. P. 93.

24 *Yilmaz S.* Op. cit. P. 72.

в расчетах. Энвер писал по этому поводу: «К счастью, мой кредит у арабов непоколебим. Я не знаю, банкир ли я, или все еще командир»²⁵. Эмиссия собственной валюты — это было именно то, чего не хватало «царству Энвера» в Ливии, чтобы вплотную приблизиться к государственному статусу.

Ливия сыграла очень важную роль в последующем становлении Энвера в качестве одного из диктаторов Турции. Административный опыт Энвера в Ливии можно сравнить с опытом, приобретенным Наполеоном в Италии, а затем в Египте в 1796—1799 гг. Бонапарт потому без смущения замахнулся на роль диктатора Франции, что уже несколько лет осуществлял подобные функции на оккупированных его войсками территориях, где были созданы фактически автономные или практически независимые административные образования.

Так же и Энвер, получив опыт власти в обособленной провинции в условиях войны, побывав «королем арабов», а фактически «проконсулом» в Африке, уже не мог в своих карьерных устремлениях довольствоваться ролью офицера генерального штаба и одного из регулярно переизбираемых членов центрального комитета партии «Единение и прогресс».

Энверу удалось организовать в Триполитании и Киренаике достаточное эффективное сопротивление захватчикам²⁶. Но, несмотря на отдельные успехи партизанских рейдов Энвера, неизмеримое превосходство итальянского экспедиционного корпуса давало о себе знать. Отряды Энвера несли все большие потери²⁷. По этой причине, а также в связи с обострением ситуации на Балканах Энвер, как и его герой Бонапарт в Египте 1799 г., все чаще задумывался о своем возвращении в Европу. Начало мирных переговоров с Италией помогло ему, и осенью 1912 г. на итальянском корабле Энвер вернулся в Стамбул²⁸.

Возвращение Энвера с Триполитанского фронта произошло на фоне тяжелых поражений, понесенных Османской империей в первый период Балканских войн. Этому предшествовал острый политический кризис лета 1912 г., выразившийся в отстранении младотурецкой партии «Единение и прогресс» от власти оппозиционной партией Либеральный союз.

С началом Балканской войны против младотурок начались преследования, партия фактически перешла на полуполюгальное положение. Однако военные поражения, утрата практически всей территории Европейской Турции и отстраненная позиция великих держав подорвали политические шансы либералов на укрепление их режима. В этих условиях младотурки активно готовились взять реванш. Их организационную силу

25 *Haley Ch.D.* Op. cit. P. 39.

26 *Aydemir Ş.S.* Op. cit. Vol. 2. P. 233.

27 *Bennett E.* With Turks in Tripoli. L., 1912. P. 87.

28 *Childs T.* Italo-Turkish Diplomasy and the War over Libya 1911—1912. N.Y., 1990. P. 76.

и энергию, политическое коварство и жестокость нельзя было недооценивать. Руководством младотурок был взят курс на возвращение к власти путем военного переворота. Возвращение Энвера и других офицеров-младотурок из Ливии придало этим намерениям новую энергию.

Перед Энвером стояло два вызова судьбы, как он их понимал: защита отечества от торжествующего врага, готовящегося праздновать победу, и возвращение своей партии к власти, а себя к активной политической жизни. Переплетение этих двух доминант сформировало ту мотивацию, которая двигала Энвером²⁹. Сам Энвер, вернувшись из Триполи, был преисполнен веры в свое высокое предназначение, в свою миссию спасителя родины, в «свою звезду». В его характере резко усилилось проявление «наполеоновского комплекса».

Энвер был назначен начальником штаба 10-го армейского корпуса, входившего в состав Чаталджинской армии, защищавшей Константинополь, что позволяло ему посвящать большую часть времени политическим переговорам и интригам в столице.

При всей катастрофичности военной ситуации для турок победа, одержанная ими при Чаталдже 15–16 ноября 1912 г., вселяла в них надежду. Она помешала болгарам с ходу занять Константинополь (Царьград) и провозгласить там создание Великой Болгарии и ликвидацию Турции в качестве европейской державы. Упорное сопротивление на позициях Чаталджи и Булаира и оборона Адрианополя позволили туркам в конце концов дожидаться изменения внешнеполитической ситуации в свою пользу и отыграть некоторые наиболее важные потери.

Переговоры, которые вел в это время Энвер с военным министром либерального кабинета Назим-пашей, ответственным за поражение в войне, но являвшимся при этом победителем при Чаталдже, при нынешнем состоянии источников до сих пор окутаны тайной. Возможно, переговоры велись о формировании коалиционного правительства или твердой линии на переговорах в Лондоне по вопросу Адрианополя³⁰.

В январе 1913 г. основным вопросом на мирных переговорах, начавшихся в Лондоне между воюющими сторонами, был вопрос принадлежности Адрианополя (Эдирне). Турки понимали, что Албания и Македония ими потеряны навсегда, но вопрос о Фракии еще оставался открытым. Адринополь занимал особое место в исторической традиции и политической системе Османской империи. Город являлся второй официальной столицей империи, местом нахождения религиозных святынь —

29 В отчете британского военного атташе в Турции полковника Канлифф-Оуэна по горячим следам событий отмечалось, что действия Энвера «были, вероятно, в равной степени внушены ему как тем, что он считал интересами страны, так и личными амбициями» (см.: *Miller G. Straits: British Policy towards Ottoman Empire and the Origins of the Dardanelles Campaign. Hull, 1997. P. 192*).

30 *Miller G. Op. cit. P. 201.*

могил ранних султанов и знаменитой мечети архитектора Синана, шедевра исламской архитектуры. Кроме того он представлял собой важную крепость на границе Восточной Фракии. Стратегическое значение Адрианополя в значительной степени соответствовало значению крепости Мец во франко-германском пограничном споре 1871 г.

17 января 1913 г. державы предъявили Турции коллективную ноту с требованием передачи Адрианополя болгарам. После недолгого размышления либеральный кабинет принял решение подчиниться требованиям держав. Это решило его судьбу.

Уступка Адрианополя была формальным поводом к выступлению младотурок в качестве патриотов, отстаивающих честь и интересы родины. На первом заседании комитета Энвер отсутствовал. Умеренная фракция заговорщиков убедила остальных отложить осуществление переворота в условиях войны, пока не будут исчерпаны все легальные возможности возвращения к власти. Однако на втором заседании прибывший в Стамбул Энвер внушил членам комитета новую линию поведения. Переворот был решен³¹. В этом Энвера активно поддержал Талаат, который еще в начале января отстаивал идею насильственного перехвата власти³².

23 января 1913 г. состоялось заседание правительства, Высокой Порты, по поводу ответа на коллективную ноту держав по вопросу Адрианополя. Турки соглашались уступить западную часть города по правому берегу Марицы с тем, чтобы святые места и могилы султанов оставались в их распоряжении. Такое разделение города обесценивало и его стратегическое значение в качестве крепости.

К полудню ответ на ноту держав был подготовлен по-французски. С переводом на турецкий, однако, возникли проблемы. Работа над редакцией перевода затянулась. Наступало время обеда. Было решено возобновить заседание во второй половине дня после перерыва. Но этому заседанию суждено было быть прерванным еще раз.

В три часа дня около сорока офицеров и солдат во главе с Энвером и Талаатом, сопровождаемые толпой экзальтированных религиозных фанатиков, приблизились к зданию Порты. Охрана беспрепятственно пропустила Энвера и его группу внутрь здания. Вошедшие громко требовали свержения кабинета, планирующего заключить постыдный мир.

31 *Gwynne D.* The Origins of the «Nationalist» Group of Officers in Turkey 1908–1918 // *Journal of Contemporary History*. L., 1973. Vol. 8. № 4. P. 129.

32 С этого момента отмечается начало тесного политического союза Талаата и Энвера, тандем которых в дальнейшем создал главную конструкцию в организации политического руководства комитета. Это обстоятельство должно быть принято во внимание при анализе распространенного представления о единстве «триумвирата» руководителей младотурок: Талаата, Энвера и Джемала, с одной стороны, и его особой роли в комитете «Единение и прогресс», с другой.

Назим-паша, выйдя на шум из зала заседаний, столкнулся лицом к лицу с Энвером, стоявшим в вызывающей позе с сигаретой в губах и руками, заложенными в карманы. Военный министр возмущенно воскликнул: «Вы обманули меня! Разве это то, что вы обещали?». В ответ зазвучали выстрелы, оборвавшие дальнейшее выяснение отношений и прояснение сути договоренностей для окружающих. При этом были застрелены также адъютант самого Назима и адъютант великого визира. Смертельно раненый Назим-паша успел произнести: «Эти собаки прикончили меня»³³.

Таков был конец победителя при Чаталдже, человека сохранившего за Турцией статус европейской и, хотя и региональной, но все же великой державы. Назим-паша был спешно похоронен без почестей и церемоний, тогда как его убийца, тоже застреленный, удостоился почетных «похорон мученика». Энвер писал в мемуарах, что министр стал жертвой переворота, о чем он лично якобы сожалел.

Либеральный кабинет Камиль-паши был насильно отправлен в отставку. В новом кабинете, сформированном младотурками, великим визирем и одновременно военным министром стал генерал Шевкет-паша, их давнишний сторонник. Главнокомандующим был назначен генерал Иззет-паша, один из самых способных турецких военачальников. Энвер стал начальником его штаба.

Новый кабинет возобновил военные действия против союзников с целью сохранения Адрианополя. Младотурки откровенно спекулировали на национальных чувствах населения, поскольку никаких объективных предпосылок для перелома военной ситуации в пользу турок к февралю 1913 г. еще не существовало. Тем не менее, была предпринята попытка контрнаступления с целью деблокады Адрианополя. После ожесточенных боев турецкие атаки на всех участках были отбиты болгарами. Это означало провал попыток добиться решения проблемы Адрианополя военным путем. В марте 1913 г. Адрианополь пал. Турция была вынуждена подписать Лондонский мирный договор с балканскими странами, устанавливающий границу во Фракии по линии Энос — Мидие.

Политическая авантюра младотурок, маскировавшая переворот 23 января в национально-патриотические одежды, казалось, потерпела полный крах, но тут, к счастью для нового режима, изменилась внешнеполитическая ситуация — между балканскими победителями вспыхнула междоусобная война. Потерпев поражение в Македонии, болгары перебросили все войска из Фракии на запад, практически оголив турецкий фронт.

Воспользовавшись ситуацией, турки вышли из-за укреплений Чаталджинской позиции и двинулись на запад. Энвер во главе кавалерийского авангарда скакал всю ночь по опустевшей равнине Восточной Фракии и на рассвете 21 июля 1913 г. вступил в оставленный болгарами Адриано-

поль, который, таким образом, снова стал Эдирне. С разгромленной на всех фронтах Болгарией турки заключили отдельный мирный договор, по которому границей становилось нижнее течение реки Марица со значительным плацдармом перед Адрианополем на ее правом берегу.

Переворот 23 января 1913 г., своего рода «18 брюмера» Энвер-бея, ввел его в число бесспорных лидеров младотурок³⁴, а возвращение Эдирне необычайно подняло престиж младотурецкого правительства и лично Энвера, который к своим многочисленным героическим именам прибавил имя «освободителя Эдирне».

Летом 1913 г. в Стамбуле боевые группы албанских террористов развернули террор против лидеров младотурок. Это была месть за жестокое подавление восстания албанских племен 1912 г. и за крах их надежд на создание Великой Албании. В ходе терактов были убиты великий визирь и военный министр Шевкет-паша, соперник Энвера на роль главного героя революции Ниази-бей и некоторые другие видные представители младотурок. Энвер постоянно перемещался с охраной, которая также понесла потери от нападений албанцев. Сам Энвер, однако, уцелел. Более того, албанская террористическая кампания открыла ему путь к вершинам власти³⁵.

15 декабря 1913 г. подполковник Энвер получил звание полковника, а уже 3 января 1914 г. стал бригадным генералом, сменив титул «бей» на титул «паша». В тот же день Энвер стал военным министром в кабинете Саида Халим-паши. О назначении Энвера султан Мехмед узнал из утренних газет. «Но ведь он еще так молод!», — только и мог сказать падишах. Впрочем, когда днем Энвер пришел во дворец представляться султану в новом качестве, тот безропотно одобрил назначение³⁶. Еще через пять дней Энвер фактически назначил сам себя начальником генерального штаба, объединив, таким образом, всю военную власть в империи в своем лице. Будущий кемалистский маршал Иноню, а тогда майор генерального штаба Исмет-бей писал, что «назначение Энвера военным министром в столь молодом возрасте не было расценено в военных кругах как нечто ненормальное и, напротив, приветствовалось»³⁷.

Таким образом, зимой 1914 г. Энвер-паша взошел на вершину политической власти в рамках ее модели, созданной младотурецким режимом. Любопытны оценки, которые давали Энверу наблюдавшие его в этот период иностранные дипломаты.

Американский посол в Стамбуле Г. Моргентау оставил такое описание Энвера: «Определенно, Энвер обладал одной характерной чертой, которая

34 *Ahmad F. The Young Turks: The Committee of Union and Progress in Turkish Politics 1908-1914. L., 1978. P. 158.*

35 *Haley Ch.D. Op. cit. P. 45.*

36 *Aydemir Ş.S. Op. cit. Vol. 2. P. 426.*

37 *Inonü I. Hatıralarım: gene subaylık yıllarım (1884-1918). İstanbul, 1969. P. 219.*

обеспечивала успех в такой неорганизованной стране, как Турция, — это была смелость. Он был быстр в принятии решений, всегда готов поставить на карту свою судьбу и самую жизнь ради успеха одного предприятия. Вся его карьера была, по сути, удачным разрешением следующих друг за другом кризисов. За его красивым, ухоженным лицом, маленькой, но крепкой фигурой и приятными манерами трудно было разглядеть присущие его натуре беспощадность и холодную решительность. Сторонний наблюдатель мог и не подозревать того страстного честолюбия, которое двигало им. Его друзья обычно обращались к нему по имени «Наполеончик», и это прозвище, действительно, отражало твердую внутреннюю убежденность Энвера на свой счет.

В кабинете его дома на берегу Босфора на одной стене висел портрет Наполеона, на другой — Фридриха Великого. Тщеславие Энвера делало их его главными героями, и я полагаю, Энвер верил, что судьба предназначала ему карьеру не хуже, чем им. Тот факт, что в 26 лет он был одним из лидеров революции, свергнувшей Абдул-Хамида, естественным образом приводил его к сравнению себя с Бонапартом. Несколько раз он говорил мне, что он верит, что является избранником судьбы и что ему уготовано свыше восстановить былое могущество и славу Турции, а самому стать великим диктатором.

На мой взгляд, в облике Энвера присутствовала женственная утонченность. Он принадлежал к тому типу мужчин, которых мы в Америке иногда называем «дамскими угодниками». Женщины, говоря о нем, чаще всего употребляли слово «лихой».

Его лицо было всегда неподвижно, на нем никогда нельзя было прочесть ни его эмоций, ни мыслей. Он всегда был спокоен, непреклонен, невозмутим³⁸.

Французский юридический советник турецкого правительства граф Леон Остророг, недоброжелатель Энвера, описывал его так: «Это угрюмый маленький человек с унылым выражением лица. Его умственные способности заурядны. Его речь нерешительна. В обществе он смущается, краснеет и глядит в пол. По морали он пуританин. Он не курит и не пьет. Его склад ума напоминает ствол ружья: не много идей входит в его узкий ум, но однажды войдя, они там застревают как пуля, и в тех редких случаях, когда они вылетают, это напоминает вспышку и полет пули прямо к цели. В Константинополе его мужество и совершенная честность не подвергаются сомнениям даже среди его злейших врагов, а смертельных врагов он имеет много»³⁹.

С другой стороны, новый секретарь британского посольства Обри

38 *Morgenthau H.* Ambassador Morgenthau's Story. N. Y., 1918. P. 33. В 1909 г. Энверу было 28 лет.

39 *Count Ostrerog L.* The Turkish Problem. L., 1919. P. 72–73.

Герберт, будучи предупрежден сотрудниками посольства о неумном тщеславии Энвера, был приятно удивлен: «Он определенно поразил меня тем, что из всех турок наиболее похож на настоящего государственного деятеля. У него нет манеры выпячивать свою персону»⁴⁰.

Авторы отчета британского посольства за 1913 г., написанного в первые месяцы 1914 г., были не так откровенно враждебны к Энверу, как Остророг, и следовали более традиционной линии. Они считали Энвера столь же отважным, как и Талаат, но еще более беспринципным. Он описан как «маленький человек с заурядными чертами бледного лица и сверкающими глазами. С виду он мягкий и особенно привлекателен, когда улыбается, но периодические вспышки наводят на мысль о его твердости и даже жестокости. Он тихий и замкнутый. В течение долгого времени он довольствовался положением на заднем плане, хотя его влияние как одного из членов тайной группы, которая правила Турцией со времени революции, было значительным. Думается, что он мечтает играть роль Наполеона, на которого он, по его мнению, походит.

Не имея личных средств, он живет во дворце на уровне, контрастирующем с простотой привычек других его коллег, кроме великого визиря. Он никогда не появляется на людях иначе, как в окружении нескольких генералов и адъютантов; вторая машина всегда находится в ожидании. Принимая послов великих держав, вместо того, чтобы встречать своих гостей, он ждет, когда они соберутся, после чего выходит, сопровождаемый свитой, почти в королевском стиле. Его пребывание в Берлине в качестве военного атташе оказало сильное влияние на его характер и карьеру: его симпатии, образование и методы действий, по сути, прогерманские. Более чем вероятно, что он получает дотации от германского правительства»⁴¹.

Накануне Первой мировой войны в мировоззрении Энвера произошли серьезные перемены: из пан-османиста, и патриота-государственника он превратился в адепта новой идеологии пан-туркизма, ставшей официальной идеологией младотурок. Новая доктрина, захватив Энвера, уже не выпускала его из своих цепких объятий до конца его дней.

Потеря европейских провинций в ходе Балканских войн в корне изменила этно-конфессиональную структуру османского общества — оно приобрело большее религиозное единообразие в рамках ислама и концентрированное национальное ядро в лице анатолийских турок. На таком фоне после 1913 г. в идеологии младотурецкого движения произошли существенные изменения. Этому способствовала деятельность группы турецких идеологов, таких как Зия Гокальп, Альп Текин и др., сумевших придать национальной доктрине новый облик и содержание⁴².

40 *Fitzherbert M.* The Man who was Greenmantle. L., 1983. P. 83.

41 Цит. по: *Miller G.* Op. cit. P. 205.

42 *Hostler Ch.W.* Turkism and the Soviets: The Turks in the World and Their Political

Новый турецкий национализм имел открыто агрессивный характер. Он был проникнут духом ксенофобии и идеализации тюркского этноса. Его подпитывали уязвленное национальное самолюбие, реваншистские настроения и стремление построить новую империю на основе этнически однородных элементов. И здесь на помощь младотуркам пришло новое идеологическое течение, зародившееся за пределами границ Османской империи — пан-туркизм⁴³.

После изгнания Турции из Европы вектор ее геополитики развернулся в противоположную сторону. Утратив свою западную границу по Адриатическому побережью, Турция стремилась компенсировать эти потери, установив свою восточную границу по Каспию. На пути к этому решению, в корне менявшему стратегическую и геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке, лежала проблема сокрушения России. Многим младотуркам она казалась реальной. Ознакомившись с идеями пан-туркистов, большинство которых происходило из тюркско-мусульманских регионов России, Энвер и его фракция решили, что Россия — это колосс на глиняных ногах, повалить который не составит большого труда.

Младотурки полагали, что мощные удары извне, нанесенные России прежде всего Германией, а на кавказском направлении и Турцией, способны потрясти до основания непрочное здание Российской империи и создать предпосылки для реализации их замыслов. Это, а вовсе не германофильство Энвера как таковое, предопределяло выбор союзника в надвигающейся войне. Поэтому при всей крайней запутанности причин и обстоятельств вступления Турции в Мировую войну⁴⁴ определяющими моментами, по нашему мнению, являются прогерманская и антироссийская составляющие ее внешней политики, вытекающие именно из новой пан-туркистской идеологии младотурок.

Энвер считается главным организатором вступления Турции в мировую войну на стороне Германии. 2 августа 1914 г., на следующий день после объявления Германией войны России, был заключен тайный германо-турецкий союзный договор. По этому договору Германия обещала Турции присоединение туркоязычных регионов Кавказа после победы Центрального блока. Другим аргументом в пользу союза с Германией было ее обещание предоставить крупные кредиты на реорганизацию финансов Турции. На оплату только процентов по внешнему долгу в 1914 г. уходило 80% доходов бюджета страны. К 1915 г. Турцию ждало неминуемое банкротство. Деньги, пять миллионов лир золотом, были доставлены из Берлина

Objectives. L., 1957. Pp. 101-108, 137-148.

43 *Тверитинова А.С.* Младотурки и пантуркизм // Краткие сообщения Института Востоковедения. 1956. № 22; *Landau J.M.* Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. L., 1995. Pp. 29 и далее.

44 *Trumpener U.* Turkey's Entry to World War I: An Assessment of Responsibilities // The Journal of Modern History. Chicago, 1962. Pp. 378-379.

в Стамбул в почтовом вагоне Восточного экспресса через Балканы, уже охваченные огнем войны⁴⁵.

В то же время многие влиятельные члены комитета и сам султан Мехмед-Решад хотели сохранить нейтралитет. Для форсирования событий по втягиванию Турции в войну Энвер прибег к провокации. Ее суть состояла в следующем. Энвер отдал адмиралу Сушону⁴⁶ приказ выйти в море и без объявления войны атаковать русский флот с целью завоевания господства на Черном море, абсолютно необходимого для развертывания операций на Кавказе. В качестве оправдательного документа Сушон имел приказ Энвера в запечатанном конверте, вскрыть который он должен был по особому сигналу. Однако Сушон не стал дожидаться ни сигнала, ни встречи с русским флотом, а просто организовал собственную провокацию, жертвой которой вместе со всем турецким правительством стал Энвер. 29 октября 1914 г. германские и турецкие корабли обстреляли российские черноморские порты Одессу, Севастополь, Феодосию и Новороссийск, после чего Россия 3 ноября объявила Турции войну.

В ходе войны Энвер как военачальник проявил полную несостоятельность. Неудача Сарыкамышской операции на Кавказском фронте, представлявшей собой первую попытку реализации пан-туркистских идей, полностью лежит на его совести. Его ранг военного министра и члена триумvirата позволил ему минимизировать ущерб для своей репутации путем введения жесткой цензуры на военные сообщения⁴⁷.

Поражения на Кавказском фронте привели к вторжению русских войск вглубь Восточной Анатолии. Ситуацию удалось стабилизировать только после переброски сюда турецких войск из зоны проливов. Стратегия Энвера, однако, продолжала и дальше оставаться авантюристичной, основанной на умозрительных геополитических построениях. Попытка завоевать Персию с помощью мятежных племен бахтиаров привела к вступлению русских и британских войск на персидскую территорию.

Операции по прерыванию кратчайших сообщений англичан с Индией: захват Суэцкого канала, стратегического порта Аден и острова Перим в Аденском проливе провалились. Отдельные удачи турецких войск, как например, Галлиполийская операция 1915 г. и разгром и капитуляция англичан в Кут-эль-Амаре в Месопотамии в 1916 г. не меняли для Турции общей стратегической ситуации. Она продолжала медленно ухудшаться в течение всех военных лет⁴⁸. Войска британской империи продолжали постепенно приближаться к жизненным центрам арабских провинций

45 *Trumpener U. Germany and the Ottoman Empire 1914–1918. P. 48–51.*

46 Командующий германской Средиземноморской эскадрой, укрывшийся со своими кораблями «Гебен» и «Бреслау» в турецких водах и перешедший на турецкую службу.

47 *Liman von Sanders O. Fünf Jahre im Türkei. Berlin, 1920. S. 239–240.*

48 *Лудшувейм Е.Ф. Турция в годы Первой мировой войны. М., 1966.*

Османской империи. Кульминацией британских успехов было организованное ими Великое арабское восстание 1916 г., которое полностью и окончательно покончило с планами младотурецкого руководства использовать идеологию пан-исламизма для борьбы с державами Антанты в их колониальной периферии.

Британский полковник Лоренс Аравийский полностью переиграл Энвера на том поле, на котором тот считал себя непревзойденным игроком — в деле организации массовых народных движений методами пропаганды, с одной стороны, и тайной дипломатии, с другой. Во время совершения хаджа 1915 года Энвер встречался с эмиром Хусейном и призывал арабского вождя поддержать фетву султана-халифа о развертывании священной войны мусульман против неверных. Ответом были учтивые отговорки. Более того, пока Энвер принимал парад арабских войск перед воротами Мекки, один из вождей предложил убить его. Сын эмира Хусейна Фейсал отказался, ссылаясь на законы гостеприимства⁴⁹. Спустя шесть месяцев восстание арабов, организованное Лоренсом и Фейсалом, охватило весь Хиджаз.

На совести Энвера и в исторической памяти о нем несмыслимым пятном лежит вина за организацию геноцида армянского населения в 1915 г. Энвер и его коллеги по триумвирату, Талаат и Джемаль, а также Бахаэддин Шакир были приговорены тайным армянским судом к смертной казни. После войны в ходе осуществления плана «Немезида» армянские боевики ликвидировали всех приговоренных кроме Энвера.

В 1916 г., стремясь сделать Турцию главным партнером Германии по коалиции вместо Австро-Венгрии, Энвер отправил на Восточный фронт VI и XV армейские корпуса из лучших турецких войск. В сущности, это была очередная авантюра. На Восточном фронте эти войска были каплей в море, в то же время их отсутствие в Азии привело к дальнейшему ослаблению турецкого сопротивления. Общая численность турецких войск первой линии, находящихся на Восточном фронте, в разное время составляла 70–90 тыс. хорошо обученных солдат⁵⁰.

Распад Российской империи запустил на Кавказе процессы его «балканизации». Полиэтничность и конфессиональная чересполосица региона, новые независимые государства: Грузия, Армения и Азербайджан, вступившие в ожесточенную борьбу между собой за спорные территории, делали его похожим на Балканы до 1912 г. Младотурецкое правительство увидело в ситуации на Кавказе шанс компенсировать себя за потерю европейской части империи приобретением нового не менее ценного приза. Вместо разрушенной многонациональной империи было решено постро-

49 *Lawrance T.E. Seven Pillars of Wisdom. L., 1926. P. 54.*

50 *Лудшувейт Е.Ф. Указ. соч. С. 147.*

ить новую на основе однородного этнического элемента — турок⁵¹.

В геополитическом плане основой такой империи было соединение территорий Восточной Анатолии и Азербайджана. В дальнейшем к ней должны были быть присоединены территории Северного Кавказа. Такова в основных чертах подоплека кавказской политики Энвера 1918 года. Но на путях ее реализации он неожиданно столкнулся с противодействием со стороны могущественного союзника — Германии. Пан-германизм на пике своего могущества вступил в конфликт с пан-туркизмом. Людендорф отмечал в своих мемуарах, что «Энвер и турецкое правительство меньше думали о войне с Англией, чем о своих панисламистских целях на Кавказе»⁵².

Германские войска высадились на побережье Грузии и к июню оккупировали территорию республики. Раздел западной части Кавказа между Германией и Турцией состоялся. В ходе установления демаркационной линии между германскими и турецкими войсками неоднократно происходили вооруженные столкновения, грозящие перерасти в настоящий конфликт⁵³. Особенно это касалось Азербайджана, из-за которого отношения между союзниками обострились до крайности. К концу 1917 г. Энвер полагал, что у Турции и Германии более нет совместных целей в войне — общий враг, Российская империя, лежала поверженная, опередив своей кончиной «европейского больного». Эти чувства укрепились, когда выявился масштаб германских приобретений по Брестскому договору с Советской Россией. Турция, считая себя обделенной, желала теперь получить свою долю добычи. Энвер выражал сильное недовольство отказом Германии предоставить Турции территориальные компенсации ее потерь в Аравии, Месопотамии, Палестине, притом, что сама Германия захватила на Востоке огромные территории. Он решил действовать самостоятельно.

На кавказском направлении была создана особая Группа войск «Восток». Для действий в составе авангарда этой группы Энвером было сформировано соединение «Исламская армия». Особенностью этого соединения было то, что в его составе совершенно отсутствовали германские офицеры, оно включало только мусульман-добровольцев тюркского происхождения и подчинялось лично Энверу как военному министру. Во главе «Исламской армии» Энвер поставил своего брата Нури-пашу. Задачей этого корпуса было взятие Баку⁵⁴.

Битва за Баку летом и осенью 1918 г. увенчалась последней победой младотурок. По их планам, Баку на востоке должен был заменить утраченные на западе Салоники. К тому же в Баку была нефть. Это определяло его

51 *Hostler Ch.W.* Op. cit. P. 141.

52 *Ludendorff E.* Meine Kriegserinnerungen. 1914-1918. Berlin, 1919. S. 499.

53 *Лудшувейм Е.Ф.* Ук. соч. С. 205–207.

54 Там же. С. 178.

особую притягательность для Энвера.

Но главные события развивались на другом участке. Когда, взяв Баку, младотурки готовились праздновать победу, под ударами англичан и их союзников арабов рухнул Сирийский фронт. Турция запросила мира. 30 октября 1918 г. в порту Мудрос греческого острова Лемнос на борту британского броненосца «Агамемнон» было подписано перемирие. Турция капитулировала. Наивно-авантюристическая политика и стратегия младотурок, вдохновляемая и руководимая Энвером, потерпела полный крах. Потерпела крах и политическая карьера Энвера и его коллег. Став в одночасье частными лицами, в последние дни октября они дрожали за свою жизнь.

3 ноября 1918 г. группа морально сломленных, испуганных людей взшла на борт германской подлодки U-67, вышедшей из Босфора в Черное море и взявшей курс на Одессу, оккупированную немцами. Это были бывшие лидеры младотурок и среди них — Энвер, Талаат, Джемаль, Назим. Незадолго до этого на последнем заседании комитета «Единение и прогресс» Талаат сказал: «Наша политическая роль окончена». Энвер горячо возражал ему: «Не забывайте, что в прошлом мы выиграли Балканскую войну в ее второй фазе!»⁵⁵. Энвер имел достаточно мужества не согласиться с пессимистической оценкой перспектив его фракции, сделанной Талаатом. В его жизни начинался новый этап, основным содержанием которого стало соперничество с Мустафой Кемалем в борьбе за лидерство в национальном движении.

Осенью 1918 г. Энвер сделал попытку переправиться из Одессы на Кавказ, где в сложных политических условиях войны «всех против всех» продолжала действовать «Исламская армия» его брата Нури-паши и дяди Халил-паши. Буря выбросила его судно на крымское побережье, что вынудило его последовать за отступающими германскими войсками в Германию.

Можно предположить, что отсутствие Энвера в Восточной Анатолии осенью 1918 г. предопределило закат его политической карьеры. Этот закат, правда, ярко пылал, но то были отблески былого величия. Не оказавшись в нужное время в нужном месте, Энвер исключил себя из принципиально нового по характеру движения, которое набирало силу в этих районах. Эту новую природу движения позже усмотрел Кемаль и поспешил возглавить его, что позволило ему стать будущим диктатором страны. Думается, что на неверный шаг, от которого не застрахован ни один политик, Энвер был увлечен своими геополитическими пан-идеями создания Великого Турана. Он недооценил перспективы национального движения сопротивления турецкого народа против грозящего расчленения страны. Справедливо ради стоит заметить, что осенью 1918 г. эти перспективы трудно было

55 *Aydemir Ş.S.* Op. cit. Vol. 3. P. 497.

предсказать. Не сразу это удалось и Кемалю. Ведь он прибыл в Анатолию в качестве посланца султана и союзников (Sic!) с задачей подавить зарождающееся движение. И лишь осознав его реальную силу и получив поддержку местных лидеров в качестве популярного генерала, Кемаль решился на разрыв со Стамбулом и союзниками.⁵⁶

Восточная Анатолия сыграла определяющую роль в Освободительной войне турецкого народа 1919–1922 гг. В городах создавались Общества защиты прав вилайетов, отстаивавшие национальный суверенитет данных территорий против передачи их в состав армянского и курдского государств. Боеспособные части 3-й армии после разоружения переводились на положение организованного подполья младотурок на базе старой «Организации специального назначения» и новой организации «Караколь» («Охрана»)⁵⁷. Исключительно важным обстоятельством было то, что командующий 15-го армейского корпуса генерал Казим Карабекир не выполнил условий Мудросского перемирия. Он сохранил свой корпус в полностью боеготовом состоянии, предоставив его в распоряжение прибывшего сюда позже Кемалья⁵⁸.

Карабекир считался и, по существу, был человеком Энвера. Он входил в состав его личного штаба в период Мировой войны. В свое время Энвер лично принял Карабекира в члены комитета «Единение и прогресс». Дивизия Карабекира могла бы послужить Энверу той старой гвардией Наполеона, с которой он высадился во Франции, покинув остров Эльба, чтобы вернуть себе власть. Присоединись Энвер осенью 1918 г. к «Исламской армии» или к дивизии Карабекира, финал его политической карьеры мог быть другим. Однако и сейчас точку в ней, как и в борьбе за лидерство с Кемалем, ставить было рано⁵⁹.

56 *Шамсутдинов А.М.* Национально-освободительная борьба в Турции 1918–1923 гг. М., 1966. С. 68–69.

57 *Stoddard Ph.H.* Op. cit. P. 168. Организация «Караколь» была создана специально для организации переправки лидеров младотурок из оккупированного союзниками Стамбула в Восточную Анатолию (о ней см.: *Zürher E.J.* The Unionist Factor: The Committee of Union and Progress in Turkish Politics 1905–1926. Boulder, 1984. P. 80–85). Известный голландский турколог Э.Я. Цюрхер считается автором концепции о глубокой идейно-политической близости младотурок и кемалистов. С ней трудно не согласиться, но нужно отметить, что проницательный наблюдатель У. Черчилль отметил этот факт на полвека раньше (см.: *Черчилль У.* Мировой кризис. М., 2004. С. 410).

58 *Ушаков А.Г.* Феномен Ататюрка. Турецкий правитель, творец и диктатор. М., 2002. С. 162.

59 Карабекир испытывал серьезные сомнения в правильности своего выбора, говоря другу: «Анкара мне не доверяет» (*Aydemir Ş.S.* Op. cit. Vol. 3. P. 533). Кемаль, кстати, достойно отблагодарил Карабекира, продержав его более двадцати лет под домашним арестом и угрозой репрессий. Генерал и будущий председатель парламента Турции написал в заключении многотомные мемуары.

В Берлине Энвер выступил с идеями создания новой коалиции, в составе Германии, большевистской России и колониальных народов Азии и Африки, направленной против Антанты. С германской стороны идея была поддержана генералом фон Сектом, а со стороны большевиков представителем Коминтерна Карлом Радеком. В Берлине было создано революционное общество народов Азии и Северной Африки, уполномоченным представителем которого стал Энвер⁶⁰.

Поражение кайзеровской Германии поставило крест на планах создания такой коалиции для участия в мировой войне, но они возродились в новой форме в период мирного урегулирования и локальных войн в Восточной Европе после завершения военных действий на Западе. Отныне в планируемой Энвером и его единомышленниками коалиции участники поменялись местами: главным партнером должна была стать РСФСР, а побежденная Германия перешла на роль младшего партнера. Исламский фактор оставался важным элементом в этих планах, но теперь он приобрел ярко выраженный революционный характер по сравнению с национально-религиозным аспектом освободительного движения народов Востока, превалявавшим на ранней стадии данного проекта.

Зимой 1920 г. после многих приключений Энвер прибыл в большевистскую Москву. Здесь он вел переговоры с Лениным, Троцким, Зиновьевым, Чичериным и другими лидерами большевиков⁶¹. В этот же период в Москву для установления контактов между кемалистами и большевиками прибыла делегация из Анкары. Энвер долго пытался усидеть между двумя стульями: выступать в роли лояльного представителя турецкого национального движения в Анатолии и одновременно лидера антиимпериалистического исламского движения в колониальном мире. Некоторое время ему это удавалось.

Правительство в Анкаре не дезавуировало Энвера, хотя настойчиво предостерегало его от активного вмешательства во внутренние проблемы движения. Переписка Энвера с Кемалем этого периода говорит о существовании зыбкого неустойчивого компромисса между ними⁶². Но скоро наступило неизбежное охлаждение и разрыв.

В сентябре 1920 г. Энвер принял участие в работе организованного большевиками Конгресса народов Востока в Баку. Его выступление, зачи-

60 *Carsten F.L.* The Reichswehr and the Red Army 1920–1933 // *Journal of the Royal Service Institution.* 1963. № 3. P. 248–255.

61 *Yamauchi M.* The Green Crescent under the Red Star: Enver Pasa in Soviet Russia 1919–1922. Tokyo, 1991. В содержательном исследовании М. Ямаучи опубликованы многочисленные документы из Ассоциации турецких исторических архивов, относящиеся к раннему периоду отношений большевиков и кемалистов.

62 *Yamauchi M.* Op. cit. P. 229–230; *Gürün K.* Turk-Sovyet İlişkileri (1920–1953). Ankara, 1991. P. 46.

танное секретарем конгресса, изобиловало антиимпериалистической и в частности антигерманской риторикой и неприкрытым самовосхвалением и в целом произвело удручающее впечатление⁶³. Кемалистская делегация устроила Энверу обструкцию. Сама идея мобилизации народов Востока на борьбу с империализмом, прежде всего британским, выдвигаемая Зиновьевым и Радеком, потерпела фиаско.

Энвер возвратился в Москву, где служил советником у большевиков по восточным вопросам, затем снова отправился в Европу содействовать закупкам вооружения как для Советов, так и для кемалистов. Кризис освободительной войны в Анатолии снова поставил ребром вопрос о лидерстве в национальном движении. Летом 1921 г. греческие войска начали решающее наступление на Анкару. Бои шли на реке Сакарья.

В предвидении возможного поражения кемалистов и выхода греческих войск к границам Армении большевики не исключали возможности своего вторжения в Анатолию и активизации здесь революционной войны. Вождем нового движения должен был стать Энвер. В августе 1921 г. Энвер во главе контингента войск, сформированного из бывших турецких военнопленных, распропагандированных большевиками, прибыл в Батуми на границу Анатолии и стал ждать развития событий. У Энвера были достаточно крепкие позиции и в самой Анкаре. Число его сторонников в революционном парламенте составляло более трети, т.н. «вторая группа» депутатов⁶⁴. Со времени своего бегства из Стамбула в 1918 г. Энвер никогда еще не подходил так близко к возможности своего возвращения к власти, как в решающий период Освободительной войны 1919–1922 гг. накануне битвы на реке Сакарья в сентябре 1921 г. Судьба, казалось, снова оказывалась благосклонной к нему, но решительная победа армии Мустафы Кемаля перечеркнула все его надежды. Отныне и до конца участием Энвера стали изгнание и авантюры.

В период работы Бакинского конгресса важные события произошли в Бухарском эмирате. Новое реформистское правительство партии «Молодая Бухара» при содействии Красной Армии свергло эмира Алим-хана. Последний сделал попытку удержаться в районе Восточной Бухары на территории современного Таджикистана с помощью различных исламских повстанческих групп под общим названием «басмачи».

К тому времени Энвер перестал рассматриваться Советами в качестве реальной кандидатуры на замену Кемаля на посту лидера национального движения в Анатолии. Короткий период охлаждения между Кремлем и Кемалем окончился. 23 октября 1921 г. в Карсе был подписан мирный

63 Текст речи Энвера см.: *Yamauchi M.* Op. cit. P. 318–321, а также в материалах конгресса на портале <http://www.marxist.org/history/international/comintern/baku/ch.04.htm>

64 *Yilmaz S.* Op. cit. P. 82.

договор между Турцией и Советской Россией. Прибывший в марте в Анкару новый советский посол Аралов и Кемаль обменялись на приеме повосточному пышными тостами. Первый, поднимая стакан с водой, пожелал, чтобы советско-турецкая дружба была так же чиста как эта вода. Кемаль от своего имени выразил надежду, что единение между партнерами будет столь же крепким, как связь между водородом и кислородом в его стакане воды⁶⁵.

В этих условиях Энвер стал нежелательным союзником, которого нужно было отправить подальше от кавказско-анатолийского региона. Решено было послать его в Бухару. Советское руководство предполагало использовать здесь авторитет Энвера в исламских кругах для подрыва позиций эмира и перетягивания части басмачей на сторону Советов. Дополнительно планировалось с помощью Энвера противодействовать проникновению афганского эмира и стоящих за ним англичан в Среднюю Азию. Энвер постепенно утрачивал самостоятельную политическую роль и превращался в марионетку в чужих руках. Понимал ли он сам изменение в своем положении? По-видимому, да, коль скоро он задумывался завершить политическую борьбу, вернуться в Берлин к жене и детям и жить частной жизнью⁶⁶.

Однако после недолгого душевного кризиса в деятельной натуре Энвера верх взяли идеалистические планы построения нового Турана в его историческом центре, в Средней Азии, и мечты о славе и власти. Занавес поднялся над последним актом драмы жизни «неистового оттомана» Измаила Энвер-паши.

Энвер имел очень приблизительное представление о реальном положении дел в Средней Азии. Во многом он был дезориентирован участниками Бакинского конгресса, с которыми обсуждал перспективы пантуркистского и пан-исламского движения.

Отношения между вчерашними союзниками, Энвером и большевиками, были неискренними и натянутыми. Энвер явно внутренне склонялся к разрыву и принятию им предложения большевиков вести в Бухаре революционную пропаганду считал не более чем тактическим ходом. Не было это секретом и для большевиков — российский консул в Бухаре Юренёв говорил Энверу: «Мы прекрасно осведомлены о той деятельности, в которую вы здесь вовлечены»⁶⁷. Энвер всерьез беспокоился за свою жизнь и безопасность.

65 *Yilmaz S.* Op. cit. P. 85. Очевидно, интерес к химической формуле воды был в крови у турецких администраторов разных уровней и режимов. В эпоху Абдул-Хамида цензура запрещала приводить ее в учебниках химии, усматривая в ней (H₂O) сатирическую шарату против султана: «Абдул-Хамид II — это ничтожество (нуль)».

66 *Ibid.* P. 86.

67 *Yilmaz S.* Op. cit. P. 87.

Когда у Энвера созрело решение перейти на сторону басмачей, возглавить их движение и начать борьбу под исламскими лозунгами, многие его соратники по пан-туранскому движению пытались его отговорить. Зеки Велиди Тоган, видный деятель башкирского движения за независимость, предлагал ему перебраться в Афганистан и вести борьбу оттуда, опираясь на ресурсы исламского государства.

В декабре 1921 г. под предлогом охотничьей экспедиции Энвер покинул Бухару и перешел на сторону басмачей. Предварительно он отправил послания бывшему эмиру в Афганистан и его правой руке, влиятельному «полевому командиру» Ибрагим-бею о своем желании сражаться на их стороне. Оказанный ему прием был, однако, весьма далек от его ожиданий. Ибрагим-бей обвинил Энвера в сотрудничестве с большевиками, он был задержан и три месяца провел в настоящем заключении. Энверу удавалось отправлять жене письма, написанные на папиросной бумаге микроскопическим почерком, в которых он горько жаловался на свою судьбу. В отчаянии, готовясь к худшему, Энвер сжег свои семейные фотографии⁶⁸.

Ситуация изменилась к лучшему, когда пришел ответ от эмира, в котором Энверу было оказано всяческое доверие как зятю халифа и защитнику ислама. Он получил возможность вести боевые действия. Поначалу движению сопутствовал успех. К апрелю 1922 г. отряды Энвера контролировали практически всю территорию Восточной Бухары. Снова, как и десять лет назад, Энвер теперь посылал в бой не фронты и армии, а взводы и эскадроны. Вершиной успеха его операций было взятие Душанбе.

Энвер очень скоро понял, что басмаческое движение — это не тот материал, из которого можно построить великую империю. Басмачи считали бльшими врагами младобухарцев, как ренегатов ислама, нежели русских как просто неверных. Постоянно происходили стычки местных банд между собой: туркменов с узбеками, узбеков с киргизами, киргизов с таджиками. Вероятно, Энверу это напоминало борьбу болгарских, сербских и греческих чет в Македонии между собой на фоне их общей анти-турецкой направленности. Даже здесь, в самом центре Евразии, в двух шагах от «Крыши мира» — Памира национализм брал решительный верх над транснациональными пан-идеями и абстрактными геополитическими построениями. Карта, на которую Энвер поставил свою политическую судьбу, была бита.

Активизация басмаческого движения под руководством Энвера показала большевикам, что его авторитет в исламском мире остается высок. Советские власти сделали попытку вступить в переговоры со своим бывшим «товарищем Энвером». Ответ был неожиданным и являлся, пожалуй, тем последним активным политическим шагом Энвера, который предо-

68 Эта часть личной переписки Энвера опубликована в: *Enver Paşa'nın Özel Mektupları* (ed. Ari Inan). Ankara, 1997. P. 187 и далее.

пределил окончательное завершение его карьеры и жизни.

Через своего друга, Председателя Совнаркома Советского Азербайджана Наримана Нариманова, Энвер 19 мая 1922 г. передал советскому правительству ультиматум. Риторика ультиматума повторяла риторику речи Энвера на Бакинском конгрессе с той лишь разницей, что теперь хула возлагалась на головы не империалистов, а большевиков. «Зверский режим, навязанный извне демагогами и анархистами», «иго бесчестных комиссаров», «чуждая власть Москвы» — таковыми эпитетами награждал Энвер своих оппонентов. Энвер предоставлял большевикам срок в 14 дней для того, чтобы очистить территорию Туркестана, после чего он будет «действовать по своему разумению». В ответ красные объявили Энвера британским агентом и направили в Туркестан подкрепления⁶⁹.

Опасность грозила Энверу не только со стороны красных. Когда он объявил себя «Главкомандующим всеми исламскими войсками, зятем халифа и представителем пророка» и стал издавать декреты, регулирующие гражданскую жизнь в Бухаре, бывший эмир отказал ему в дальнейшей поддержке. Поступление военной помощи Энверу через Афганистан прекратилось. В июле 1922 г. произошли даже столкновения между частями Энвера и Ибрагим-бея⁷⁰. Энвер пытался наладить кустарное производство патронов на месте, но высокое содержание свинца в патронных гильзах делало их бесполезными при разогреве стволов винтовок⁷¹.

Ситуация для Энвера продолжала неуклонно ухудшаться. Из 16 тысяч повстанцев Восточной Бухары ему оставались верны только три тысячи. Обложенный со всех сторон отрядами красных Энвер продолжал отчаянно сражаться, несмотря на растущие потери.

Последний период жизни Энвера окутан тайнами и слухами. По официальной версии он был убит 4 августа 1922 г., возглавляя кавалерийскую атаку на пулеметную точку красных⁷². Согласно другой версии, Энвер попал в плен и был тайно застрелен красным комиссаром, армянином по национальности⁷³.

69 Fraser G. Enver Pasa's Bid for Turkestan, 1920-1922 // Canadian Journal of History. Vol. 22 (1988). P. 207.

70 Ibid. P. 209.

71 Yilmaz S. Op. cit. P. 89.

72 Aydemir Ş. S. Op. cit. Vol. 3. Pp. 685-686.

73 Козловский Е. Красная Армия в Средней Азии. Ташкент, 1928. С. 37. В основе этой версии лежит «армянский след». Все три лидера младотурецкого триумвирата должны были быть ликвидированы армянскими боевиками группы «Немезида» в качестве акта возмездия за геноцид армян 1915 г. При некоторой нарочитой схематичности этой версии к ней в конце жизни, вероятно, склонялся и главный биограф Энвера Ш.С. Айдемир, говоря советскому востоковеду А. Васильеву, что «Энвер умер в глинобитной хижине, в маленькой комнатке...» (Васильев А.М. Мост через Босфор. М., 1989. С. 30).

7 августа 1996 г. останки Энвер-паши были доставлены из Таджикистана в Стамбул и торжественно захоронены на Холме Вечной Свободы рядом с уже покоящимися там Талаатом, Джемалем и маршалом Махмудом Шевкет-пашей. Лидеры младотурок, включая членов триумvirата, вновь соединились после смерти. В течение 74 лет за тайной могилой Энвера ухаживали потомки бойца его отряда, который предал его тело земле в 1922 г.⁷⁴.

Перезахоронение Энвер-паши и других вождей младотурок явилось глубоким политическим актом современного турецкого политического режима, отходящего от крайностей кемализма. С точки зрения интеллектуальной и политической элиты страны, младотурецкая эпопея 1908-1918 гг. является неотъемлемой частью современной турецкой истории. «Неистовый оттоман» Энвер-паша, сторонник безмерного расширения турецких границ, обрел, наконец, покой в родной земле.

74 Turkish Daily News. 7 August 1996.

ОСНОВАТЕЛЬ «ПЯСТОВСКОЙ» КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ПОЛЬШИ РОМАН ДМОВСКИЙ

Он умер 2 января страшного для Польши 1939 г. в Дроздове, в окрестностях г. Ломжи. Кажется, вся Польша хоронила семидесятичетырехлетнего Романа Дмовского, хотя он давно уже не занимал никаких важных постов. С величайшими почестями гроб с телом усопшего доставили в Варшаву. Траурная процессия прошествовала от костела св. Яна на Старом Месте к кладбищу на Брудно, где находился семейный склеп Дмовских. К этому «кладбищу бедняков», как его называли тогда в Варшаве, пришла многотысячная толпа скорбящих поляков. Тут были крестьяне, студенты и школьники, горняки и железнодорожники, шахтеры и солдаты, представители разных регионов Польши. Все шли в национальных костюмах или в мундирах, или в соответствующей форме. Около двухсот католических священников возглавляли шествие. Так торжественно и красиво Польша прощалась не только с одним из своих наиболее значимых политиков, но и с коротким периодом своей независимости, для достижения которой так много сделал Дмовский. Фотографии того печального дня запечатлели политических соратников Дмовского, провожающих его в последний путь, подняв правую руку в фашистском приветствии. Тогда, в январе 1939 г. эти взметнувшиеся руки, наверное, никого из собравшихся на брудненском кладбище, не смущали. Ведь никто еще не знал, что случится в сентябре...

* * *

Роман Дмовский родился 13 ноября 1864 г. в деревне Камёнек, относящейся к Праге (району Варшавы) в семье обедневшего шляхтича, к моменту рождения Романа — каменщика. Корни Дмовских — на Подлесье, в повете Соколов Подляский, где несколько деревень еще в первой половине XIX в. носили название Дмохы, а многие жители фамилию — Дмовские.

Обосновавшись со временем в предместье Варшавы, Валенты Дмовский обзавелся большой семьей — у него было 5 детей — и жил сначала весьма небогато, но со временем разбогател и даже приобрел собственный дом.

Мать Романа — Софья (урожденная Ленартовская) принадлежала к небогатой шляхетской семье, вынужденной собственным трудом зарабатывать себе на жизнь. Она была намного моложе своего мужа, отличалась сдержанностью и жесткостью. Когда один из ее сыновей заболел, и для спасения жизни нужно было согласиться на ампутацию ноги, Софья решительно этому воспротивилась, заявив, что лучше пусть ее сын умрет, чем будет жить калекой. Необходимость принятия этого трагического решения об ампутации как злой рок тяготела над семейством Дмовских: в конце жизни, когда Валенты заболел и у него началась гангрена, врачи на-

стаивали на ампутации. Но он решительно отказался, заявив: «Я честно прожил жизнь, смерти не боюсь, как же я предстану перед Богом на одной ноге».

Отец Романа, умный и рассудительный, был в то же время человеком не очень образованным, но ценил науку и образование. Валенты твердо верил в большое будущее Романа. В семье сохранились воспоминания о том, что когда сестры жаловались на Романа, отец говорил: «оставьте Романа в покое, придет время, он многое сделает для Польши»¹.

Хотя в раннем возрасте Роман, часто болевший и слабый мальчик, не очень-то был похож на будущего государственного мужа. Правда, он достаточно рано научился читать, но учился неважно, в гимназии даже оставался несколько раз на второй год. Однако в старших классах Роман уже учится хорошо, отдавая предпочтение польскому языку, истории, географии, классическим языкам. Здесь же в гимназии Роман впервые проявил себя как общественный деятель, основав тайное общество «Стражница» и сам разработав его программу. Последняя включала в себя углубленное изучение польского языка, литературы, географии с целью противостояния русификации. Примечательно, что в «Стражницу» принимались только поляки. Дмовский решительно пресекал попытки некоторых учеников непольского происхождения приобщиться к работе «Стражницы».

В 1886 г. благополучно закончив гимназию, Дмовский поступил в Варшавский университет, остановив свой выбор на специальности «биология». Учился он весьма успешно, защитил диссертацию «К вопросу о морфологии капиллярных инфузорий» (над этими несчастными инфузориями впоследствии нередко подшучивали политические противники Дмовского) и получил степень кандидата естественных наук. Занимаясь таковыми, Дмовский находил время и на изучение иностранных языков (он знал их девять), и на чтение, и на подработку (ему приходилось давать уроки).

Уже на первом курсе Дмовский включился в политическую деятельность. Он возглавил тайную молодежную организацию «Зет» — Союз польской молодежи (слово «союз» по-польски звучит как «звензек»). Зет был создан в 1886 г. З. Балицким. Уже тогда Дмовский придерживался четко выраженных национальных взглядов, решительно отвергая возможность сотрудничества с социалистами. Одиннадцать человек из числа последних демонстративно покинули Зет, после того, как его возглавил Дмовский. В социалистическом движении он не приемлет, прежде всего, «пролетарский интернационализм». Позже Дмовский вспоминал, как социалисты демонстративно порицали все польское, акцентируя революционное русофильство, читая исключительно по-русски и даже во время

1 *Niklewiczowa M.* Pan Roman. Wspomnienia o Romanie Dmowskim. Warszawa, 2001. S. 53, 54.

своих собраний распевая русские песни².

Еще будучи студентом, Дмовский познакомился с Я. Поплавским, редактором достаточно радикального издания «Глос», с которым Дмовский позднее стал сотрудничать, посылая из Парижа свои статьи под псевдонимом Дон Диего Игуэнас. В Париж Дмовский приехал осенью 1891 г. с целью продолжения образования (поездка стала возможной благодаря тому, что отец Дмовского выгодно продал небольшой земельный участок и снабдил сына деньгами).

Именно здесь, в Париже, Дмовский близко сошелся с З. Балицким, знакомым еще по варшавскому Зету и под его влиянием принял решение целиком посвятить себя политической деятельности. Несомненно, прими он другое решение — заняться наукой, к которой Дмовский проявил большие способности, жизнь его сложилась бы спокойнее. Политикой же в тогдашней Польше заниматься было небезопасно: при возвращении из Парижа Дмовский был арестован и отправлен в варшавскую тюрьму Цитадель, где провел пять месяцев. Причиной ареста стало его активное участие в манифестации варшавян 3 мая 1891 г. в честь сотой годовщины принятия Конституции 3 мая (это была первая манифестация после восстания 1861–1863 гг.).

Время заключения Дмовский использовал для напряженной умственной работы и уточнения своих политических взглядов. Выйдя на свободу, он вместе с Балицким активно включился в реформирование основанной в 1886 г. в эмиграции Лиги Польской. Основателем Лиги был З. Милковский, ветеран венгерской революции 1848 г. и член Польского демократического общества. В уставе организации говорилось, что задача ее состоит в «объединении всех национальных сил с целью восстановления независимости Польши в границах, существовавших до разделов, на принципах федерации...»³.

В апреле 1893 г. Дмовский и его соратники заявили о своем отказе подчиняться прежнему руководству Лиги, о перенесении центра организации из Швейцарии в Польшу и создании на основе Лиги новой организации — Национальной Лиги, в состав которой вошли, прежде всего, некоторые члены Зета, занимавшие не последнее место в иерархии этой организации, и люди из круга «Глоса». Задачу новой организации Дмовский видел в реализации принципа «деятельной борьбы», т.е. сопротивлении правительству, как пассивном, так и активном: неуплате налогов, уничтожении материальных ресурсов правительства, организации забастовок и манифестаций. «Правительству захватчиков, опирающемуся на жандармов и штыки, мы противопоставим свое национальное правительство, основанное на моральной силе. Лига будет пробуждать нацио-

2 Цит. по: *Kawalec K. Roman Dmowski. Warszawa, 1999. S.11.*

3 Цит. по: *Friszke A. O kształt niepodległej. Warszawa, 1989. S.87.*

нальное самосознание там, где его нет, развивать его там, где оно слабо...»⁴. Свои идеи и взгляды Дмовский изложил в анонимно изданной брошюре «Наш патриотизм».

В ноябре 1893 г. во исполнение приговора за организацию демонстрации в Варшаве Дмовский был выслан в Митаву под надзор полиции на 3 года. Однако надзор был, очевидно, не слишком строгим и в 1895 г. Дмовскому удалось перебраться во Львов, т.е. австрийскую часть Польши, где летом 1895 г. он основал журнал «Пшеглэнд Всепольский». Журнал издавался в сотрудничестве с Поплавским. Именно на страницах «Пшеглэнда» Дмовский заявил о себе как талантливый публицист, лидер и идеолог польского национального движения. Нередко он сам писал все материалы в очередной номер, сам следил за подготовкой издания и переправлял «Пшеглэнд» в Варшаву.

Оценивая позднее «Пшеглэнд», Дмовский писал: «Несмотря на краткость своего существования (1895–1905) «Пшеглэнд Всепольский» оказал решающее влияние на формирование современной польской политической мысли. В пределах всех трех захватов польских земель на этом издании было воспитано целое поколение людей, умеющих мыслить политически не только о проблемах той или иной польской земли, но о польском деле в целом, людей, которые много знали о всей Польше и понимали друг друга так, как должны понимать друг друга сыновья одного народа»⁵.

На рубеже XIX–XX вв. Национальная Лига была немногочисленна: она насчитывала около 100 человек, но действовала весьма эффективно, опираясь на двойственную структуру: тайную, куда входило руководство Лиги и открытую. Силами Лиги издавалось более 10 наименований различного рода изданий, рассчитанных на разные социальные слои, при Лиге действовали товарищества национального просвещения, в состав которых входило около 6 тыс. человек на территориях всех трех польских частей. В те годы Дмовский поражал всех, кто его знал, неумной энергией, убежденностью, умением «заразить» своими идеями окружающих.

Ян Залуска, бывший в 1895 г. студентом, вспоминал о своих встречах с Дмовским в Варшаве: «Я был под впечатлением от этой встречи. Спокойствие, удивительная ясность суждений, простота в общении и серьезность, четкость в выражении мысли и в замечаниях, но прежде всего эта непоколебимая уверенность в движении по пути, изобилующему столькими опасностями. Да, это наш лидер — подумал я тогда»⁶.

Твердость и уверенность в себе сочетались в Дмовском с остроумием, умением пошутить, сердечностью и доброжелательностью. Он был цели-

4 *Friszke A.* Op.cit. S. 90.

5 Цит. по: Roman Dmowski 1864–1939. *Życiorys — wspomnienia — zbiór fotografii.* Poznań, 1939. S. 6.

6 *Friszke A.* Op.cit. S. 102.

ком сосредоточен на деле, настолько, что, будучи далеко не аскетом, даже не завел семью (хотя ходили слухи о его влюбленности в Марию Юшкевич, ставшую впоследствии женой Ю. Пилсудского).

В рамках деятельности открытых структур Лиги с конца 1897 г. на территории всех трех польских частей, возникших после разделов, началось создание «национально-демократических стронництв» (СНД). Первое из них возникло в 1897 г. на польской территории, включенной в состав России, в австрийской Галиции позднее — в 1904 г., а в прусской части еще позже. Цели СНД формулировались следующим образом: «1) Главной политической целью, обусловленной положением нашего народа, является достижение независимости и создание самостоятельного польского государства... 2) Современное состояние и положение нашего народа делают невозможными вооруженную борьбу либо дипломатическую деятельность в целях обретения независимости... В связи с этим стронництво национально-демократическое... ставит перед собой цель обретения в каждой из трех частей такого положения, которое позволило бы достичь максимально возможного развития польского начала и национальной самостоятельности... всестороннего экономического, цивилизационного и политического прогресса — и тем самым приблизиться к достижению в будущем независимого существования»⁷.

Таким образом, в основе программы лежало убеждение в необходимости использования реальных возможностей для достижения некоей сверхцели — независимости. Программа предусматривала работу по усилению польского элемента в системе самоуправления, работу по патриотическому воспитанию молодежи, защиту католической церкви и многое другое. СНД были призваны как бы легализовать существование Лиги, ввести национальную идеологию в общественно-политическую жизнь разделенной между тремя государствами Польши.

В начале XX в. сформировалась идеология движения, разработанная прежде всего Л. Поплавским, Р. Дмовским и З. Балицким. О вкладе Дмовского можно судить по вышедшей в 1903 г. работе «Мысли современного поляка», неоднократно переиздаваемой и ставшей своеобразным катехизисом польского национализма.

В основе этой идеологии — категория «народ», понимаемый как нечто целостное, сформировавшееся в ходе исторического развития, проникнутое общим национальным духом.

В «Мыслях современного поляка» Дмовский пишет: «Я поляк — это значит, что я принадлежу к польскому народу, где бы он ни жил и в какое бы время он ни жил, хоть сегодня, хоть в ушедших веках, хоть в будущем.

Я поляк — значит во всей полноте своего духа я живу жизнью Поль-

7 Narodowa demokracja. Antologia myśli politycznej «Przeglądu Wszechpolskiego». Londyn, 1983. S. 118–119.

ши, ее чувствами и мыслями, ее потребностями, устремлениями и желаниями.

Я поляк — значит у меня польские обязанности: тем большие, чем сильнее я их ощущаю, чем более высокий тип человека я представляю»⁸.

Личность, в представлении Дмовского (в отличие от либерально-го подхода), по сути занимает подчиненное положение по отношению к народу. Личность должна быть в тесной связи со всем обществом и воспринимать его проблемы как свои. Каждый поляк обязан отстаивать свою «польскость» не только перед захватчиками, но и перед литовцами, украинцами, евреями.

Несколько позже, в 1905 г. Дмовский уточнил свои позиции в работе «Принципы польской политики». «... Основой патриотизма, — утверждал он, — является независимая от воли личности моральная связь с народом, выражающаяся в том, что личность, в течение жизни поколений сросшаяся со своим народом, в широкой сфере деятельности не обладает свободой воли, но должна быть послушна общей воле народа, всех его поколений, проявляющейся в унаследованных инстинктах. Эти инстинкты... заставляют человека действовать не только вопреки десяти заповедям, но и вопреки самому себе, заставляют жертвовать жизнью... если речь идет о благе народа в целом»⁹.

А. Мицевский усматривает в такой позиции Дмовского отрицание демократических принципов и склонность к тоталитаризму¹⁰. А. Фришке замечает в этой связи, что Дмовский действительно отрицал польские демократические традиции и либерализм, приведшие к упадку Речи Посполитой. Но из этой достаточно традиционной констатации Дмовский делал весьма нетрадиционные выводы. Он полагал, что шляхта навязала полякам свой идеал, согласно которому все народы должны уважать границы своей территории, чтобы каждый «смог спокойно спать у себя дома». Это, по мысли Дмовского, анахронизм и путь к гибели. На самом деле, каждый народ должен пребывать в борьбе, в постоянных усилиях, в стремлении к победе и экспансии самого разного рода: экономической, политической, культурной. В «Мыслях современного поляка» он писал: «...в отношениях между народами нет правды и неправды, а есть только сила и слабость»¹¹.

Если народ не способен ассимилировать, поглощать другие народы, то он сам станет добычей более сильных и агрессивных, — замечал Дмовский, приводя в пример успехи Бисмарка и его политики. Дмовский был уверен в существовании некой особой национальной этики, не совпадаю-

8 *Dmowski R. Myśli nowoczesnego Polaka. Warszawa, 1933. S. 2-4.*

9 *Friszke A. Op.cit. S. 102.*

10 *Micewski A. Roman Dmowski. Warszawa, 1971. S. 77, 107.*

11 *Dmowski R. Myśli nowoczesnego Polaka. S. 19.*

щей с этикой христианской. «В отношении к иностранцу, будь то немец или москаль, христианская этика обязательна для меня настолько, насколько речь идет о частном отношении человека к человеку, там же, где мы оба выступаем как представители и защитники дела своих народов, единственно обязательной для меня является национальная этика»¹².

Следует отметить, что проблема христианства, католицизма, соотношения религиозности и национальности волновала Дмовского на протяжении почти всего периода его политической деятельности. Сам он, во всяком случае, в зрелые годы, нечасто посещал церковь, но знал молитвы, религиозные песнопения, считал необходимым религиозное воспитание детей.

В 1893 г. в работе «Наш патриотизм» он расценивает религию как один из факторов «польскости». В программах СНД в 1897, 1903 гг. подчеркивается значение религии для народа. Но все же идея народа для Дмовского выше идеи религиозной. Работу Дмовского «Мысли современного поляка» многие католические мыслители, современники политика, считали произведением антихристианским.

Тем не менее, как полагает Д. Савицкий, Дмовский не противопоставлял национальной идее идею религиозную. Первая из них была высшей в сфере политики, но не рассматривалась как абсолют. Расхождения между церковью и народовцами не были настолько велики, чтобы исключить сотрудничество. Духовенство в целом признавало народовцев политическим движением христианской ориентации. Более 400 представителей духовенства присутствовало в 1905 г. на съезде, организованном Национальной Лигой именно с целью подчеркнуть связь католицизма и национального движения. Появившаяся в 1926 г. работа Дмовского «Церковь, народ и государство» написана с позиций ни в малейшей степени не противоречащих учению католической церкви. В этой работе Дмовский уже не рассматривал народ как высшую и абсолютную ценность, а национальный эгоизм как высший принцип политической мудрости.

Таким образом, можно констатировать эволюцию религиозных взглядов и отношения Дмовского к церкви в определенном направлении¹³.

Ставя во главу угла национальную независимость Польши, Дмовский не был сторонником политического равенства всех граждан: он придерживался идеи некой национальной иерархии, на вершине которой — сплоченная группа людей, являющаяся носителем национальной этики и определяющая судьбы народа.

Дмовский полагал, что проблема независимости включает в себя два аспекта: объединение польских земель в одно государство и обретение не-

12 *Dmowski R.* Podstawy polityki polskiej (dodatek do: *Myśli nowoczesnego Polaka*). S. 228.

13 *Sawicki D.* Roman Dmowski a Kościół. Warszawa, 1996. S. 116.

зависимости. Но новая Польша не должна быть такой, как прежняя Речь Посполитая — государство многих народов. Она должна стать польским национальным государством. Государство — неотъемлемая часть бытия народа. Народ, утративший государство, должен стремиться к его обретению и иметь некое «моральное правительство», пользующееся доверием народа. Таким правительством в Польше должна стать Лига¹⁴.

На рубеже XIX—XX вв. Р. Дмовский несколько раз выезжает за границу, используя деньги, полученные по наследству. Он побывал во Франции, Бразилии, Англии. Последняя произвела на Дмовского особо яркое впечатление: он даже внешне изменился, приобрел некий европейский лоск, перенял английскую манеру одеваться. В 1904 г. Дмовский посетил США, Канаду, Японию.

В Японии он оказался, используя свои связи в среде английской дипломатии и специально выделенные Лигой деньги для этой цели. В то время не только Дмовский проявлял интерес к Японии, так как шла русско-японская война, и польские политики пытались использовать ситуацию. Поездка в Японию привела к началу конфронтации двух политических направлений, двух видений польской истории, двух концепций. Одно из них было представлено Дмовским, другое — Пилсудским.

Дмовский прибыл в Японию намного раньше Ю. Пилсудского, лидера Польской социалистической партии (ППС). Польские политики случайно встретились на улицах Токи, вполне дружелюбно провели вместе день, осматривая город, на следующее утро встретились вновь и имели многочасовую беседу, в ходе которой так ни о чем и не договорились: каждый остался при своем мнении. Пилсудский стремился заручиться поддержкой японцев в потенциальном антироссийском восстании, Дмовский же считал таковое гибельным для Польши, обреченным на неудачу. Позиции Дмовского оказались более привлекательными для японцев: встретившись с высокопоставленными чиновниками, Дмовский убедил японскую сторону в невыгодности для нее поддерживать восстание в Польше. Как свидетельствует М. Прушиньский в интервью, которое он взял у Дмовского в 1935 г., последний так объяснил успех своей миссии в Японии: «Я объяснил им, что после каждого подавленного восстания поляки совершенно лишаются сил на 30 лет и что в интересах Японии не допускать вспышки восстания, т.к. именно угроза такового постоянно связывает российские силы на западе»¹⁵.

Примечательно, что Дмовский открыто предупредил Пилсудского о том, что он будет препятствовать ему в достижении цели, но не будет его «очернять» в глазах японских правящих кругов. В своих статьях «Новый период в истории России», «Нынешнее состояние России в исторической

14 *Dmowski R. Podstawy polityki polskiej...* S. 226.

15 Цит. по: *Micewski A. Op. cit.* S. 99.

перспективе», опубликованных в «Пшегленде Всепольском», а также в работе «Немцы, Россия и польский вопрос», увидевшей свет несколько позже, Дмовский выступил с идеей о том, что восстание в Польше было бы в конечном итоге выгодно только немцам, а Германия в тех условиях — главный враг Польши. «Отношение Польши к Германии, — писал Дмовский, — лежит в основе того интереса, который вновь вызывает в Европе польский вопрос. Угрожающая своим ростом мощь Германии и юго-восточное направление немецкой экспансии определили роль Польши как главного препятствия этого победоносного движения. Эта нынешняя роль нашего народа обуславливает то обстоятельство, что польский вопрос в ближайшем будущем станет одним из важнейших европейских вопросов»¹⁶.

За несколько лет до I Мировой войны Дмовский смог предвидеть значение Польши в европейской политике, убедить общественное мнение Запада, что польский вопрос касается не только государств-захватчиков.

Порожденная революцией ситуация требовала перехода к легальной работе Лиги. Дмовский и Балицкий разворачивают активную работу с целью перенесения центра тяжести в деятельности Лиги в легальные организации СНД. Дмовский стремится вовлечь в организацию новых, влиятельных людей, в частности из помещичьей среды. Вся российская часть Польши покрыта сетью ячеек Стронництва и Товарищества национального просвещения, с ним связанного. Создается Национальный рабочий союз, как анклав национального движения в рабочей среде. В то тревожное время Дмовский пользуется в стране большим авторитетом, по его инициативе проводятся массовые демонстрации и манифестации. В Варшаве Дмовский организует съезды крестьян, духовенства. Именно тогда в документах народовцев впервые формулируется тезис о связи католических и национальных начал. Усилиями Лиги проводится довольно большая работа: народовцы участвуют в акциях по борьбе за польскую школу, фактически вводится польский язык как язык администрации, уничтожается российская символика. Но вместе с тем, их усилиями срываются забастовки, организуемые социалистами. Дело доходит до кровопролития: гибнут люди, причем число жертв достаточно велико.

Поляки убивали поляков, и это, конечно, не всеми в стране принималось, и позднее нередко ставилось в вину Дмовскому. Но он был непреклонен, видя в революции только бунт, анархию, насилие, разрушение и гибель. В 1906 г. он назвал социализм «политическим сифилисом», всячески противодействуя попыткам социалистов развернуть революционное движение.

Лидер национальной демократии активно использовал возможности, открывшиеся перед Польшей в связи с принятием в России манифеста 17 октября и выборами в Думу. Правда, в первую Думу Дмовский не балло-

16 *Dmowski R. Niemcy, Rosja i kwestia polska. Warszawa, 1991. S. 28.*

тировался, т.к. по формальным признакам не мог попасть в число кандидатов в депутаты от Варшавы. Зато во второй Думе, выборы в которую прошли в феврале 1907 г., Дмовский получил депутатский мандат и был выбран председателем Польского Коло. Эта же должность сохранилась за Дмовским и в III Думе. Позиция Польского Коло была весьма умеренной, но компромисса с правительством достичь не удавалось. Более того, в 1907 г. был закрыт ряд польских культурно-просветительских организаций, в том числе Польская школьная матица.

Свою роль председателя Коло Дмовский воспринимал без энтузиазма. Он писал позднее: «Я знал, что то, что для меня является лишь возложением на себя трудных обязанностей, для многих было бы средством удовлетворения амбиций. Я знал, что то, что я буду делать, не будет понято долгое время даже большинством людей моего лагеря, что я буду вынужден предпринимать огромные усилия, чтобы не утратить влияния и возможности действовать. Одни будут требовать от меня сиюминутных достижений, другие, не верящие в эти достижения, будут требовать политики протестов, острой критики, не потому, что они ждут от этого каких-то результатов, а просто для морального удовлетворения; то же, что я буду считать самым важным, позитивной польской политикой, не будет привлекать внимания, или будет встречаться общественным мнением с неприязнью и сопротивлением...»¹⁷.

Вся деятельность Дмовского во II и в III Думе была, по сути, подчинена одной цели — вынести польский вопрос на международную арену. Он настолько твердо верил в то, что именно там возможно решение польской проблемы, что не очень активно боролся за реализацию лозунга автономии Царства Польского, с которым выступало Польское Коло. Дмовский полагал, что раньше вся Польша станет независимой, чем Царство получит автономию. Его выступления в Думе в основном окрашены в тона соглашения с правительством России, хотя иногда выступления Дмовского были и достаточно критичными.

В 1908 г. увидела свет книга Дмовского «Немцы, Россия и польский вопрос». В этой одной из известнейших своих работ (переведенной на русский, чешский, французский и английский языки) Дмовский исходил из постулата, согласно которому независимое польское государство немислимо без коренных, этнографических польских земель. Но эти земли были под властью Германии и, не сокрушив немецкую мощь, их невозможно было заполучить. Бороться же с немцами можно только, опираясь на Россию. Интересы Польши и Пруссии Дмовский считал абсолютно противоположными. Австрия, по его мнению, целиком зависела от Германии и не играла самостоятельной роли. Для утверждения же позиций России в Европе, Царство Польское не являлось необходимым. Дмовский

17 *Dmowski R. Polityka polska i odbudowywanie pa stwa. Warszawa, 1988 . Т. 1. S. 115.*

критиковал политику России в польском вопросе, считал ее непоследовательной и анахроничной (причем таковой она являлась, по его мнению, во многом из-за немецкого влияния на царское правительство). Россия, полагал Дмовский, не имела четкой позиции по отношению к Царству Польскому: «Она не может сделать его российским и не хочет позволить быть польским».

Германия сильна, а Россия слаба. Она не сможет в дальнейшем вернуться к политике русификации (которая и до сей поры не была успешной). Германия же вынашивает экспансионистские планы, стремится к лишению Польши всяких возможностей нормального бытия. Именно Германия — главный враг Польши. Отсюда вывод — в грядущем военном конфликте Польша должна быть на стороне России.

Р. Вапинский полагает, что не стремление к постоянному союзу с Россией, а выбор наименьшего зла определяли позиции Дмовского в этом вопросе¹⁸. Сближению с Россией, созданию совместного с ней фронта против Германии и была подчинена, как считает А. Мицевский, вся думская деятельность Дмовского. Она не находила поддержки в польском обществе. Дмовского считали просто соглашателем. Реальная политика не являлась традицией польского общества. Сам Дмовский с раздражением говорил о «стадном» характере поляков, об их политическом примитивизме. Польскому обществу были непонятны геополитические построения Дмовского, а между тем его концепция, основанная на признании Германии основным фактором грядущего европейского конфликта, в связи с ее растущей мощью, была дальновидной и реалистичной. Из этого факта Дмовский выводил и особую роль Польши, полагая, что польский вопрос в ближайшее время займет одно из важнейших мест в европейской политике¹⁹.

Учитывая концепцию Дмовского, можно объяснить и его не очень удачные попытки приобщиться к неославянскому движению, участие в работе славянских съездов 1908 и 1910 гг. Сама идея панславизма не пользовалась в Польше популярностью, как позднее писал сам Дмовский, «панславизм, так энергично некогда пропагандируемый Россией, уже стал достоянием прошлого». Удар ему нанесла национальная эволюция славянских народов. Быстро растущее чувство национальной самостоятельности этих народов сделало абсурдной идею «слияния славянских потоков в российском море»²⁰.

Несогласие с политикой Дмовского его соратников по Лиге приводит к кризису организации и выходу из нее значительной части членов. Именно в этот кризисный период произошел окончательный разрыв Лиги

18 *Wapiński R.* Narodowa demokracja 1893–1939. Wrocław, 1980. S. 65.

19 *Micewski A.* Op. cit. S. 151.

20 *Dmowski R.* Polityka polska... S. 145.

и Зета, из Лиги уходит Рабочий союз, Национальный крестьянский союз.

А. Мицевский полагает, что этот кризис очень ослабил организацию и привел к тому, что она вступила в период государственной независимости, лишенной наиболее динамичных элементов. Это было одной из причин того, что сильная в количественном отношении национальная демократия не смогла в межвоенной Польше сыграть той политической роли, к которой стремилась, а сам Дмовский в независимом государстве оказался в стороне, не занимал никакого значительного поста в правительстве²¹.

Зимой 1909 г. после резкой критики позиции Дмовского на съезде Стронництва, Дмовский отказывается от своего депутатского мандата в Думе и уезжает за границу во Францию и Испанию. Многие расценили этот шаг как конец политической карьеры Дмовского, что, как показали дальнейшие события, было преждевременным.

В 1911 г. Дмовский, как это ему было свойственно в принципе, вновь противопоставил себя общественному мнению, не считая нужным идти на поводу у последнего. Он не поддержал школьную забастовку польской молодежи, направленную против российских государственных школ. Дмовский считал бойкот правительственных школ крайне вредным и способным привести к расколу польской молодежи, т.к. в правительственных школах училась обычно небогатая молодежь, не имеющая средств на дорогие частные школы. Принципиальная, независимая позиция на этот раз обошлась ему весьма дорого: он подвергся публичному оскорблению. На улице в Варшаве к Дмовскому подошел молодой человек и, ударив его по лицу, скрылся. Дмовский вызвал обидчика и тех, кто за ним стоял, на дуэль, но не получил ответа. Тогда он опубликовал открытое письмо, осуждая столь подлые и трусливые действия оппонентов. Общественное мнение оказалось скорее на стороне Дмовского, он получил много писем с выражением солидарности (среди прочих письмо от Г. Сенкевича).

Интересно, что этот твердый и непреклонный политик в частной жизни был человеком мягким, терпимым, остроумным и добродушным. Он умел и любил пошутить, политические разногласия не мешали его хорошим отношениям с людьми, придерживающимися иных позиций. В 1910 г. Дмовский отдыхал в Косове на Гуцульщине и встретился там с отдыхающими социалистами. Разница во взглядах не помешала Дмовскому установить с ними вполне дружеские отношения. Фотографируясь на память в конце пребывания в Косове, Дмовский оказался на снимке рядом с женой социалиста С. Келльс-Краузе Марией, что стало поводом для шутки: «Это мне может пригодиться в будущем, — сказал пан Роман, — как гарантия от гильотины на случай революции»²².

В 1912 г. Дмовский боролся за депутатский мандат в IV Государствен-

21 *Micewski A.* Op. cit. S. 166.

22 *Micewski A.* Op.cit. S.184.

ную Думу, но проиграл: Варшава на этот раз отказала ему в доверии. Сам Дмовский приписывал свое поражение проискам евреев, увязывал это с антисемитской компанией, проводимой им в тот период. Ситуация в этом вопросе была действительно непростой: после революции 1905 г. в Царство Польское хлынул поток евреев, спасающихся от погромов и административных преследований. Только в Варшаве число евреев за десятилетие (с 1900 по 1910 гг.) увеличилось на 50 тыс., т.е. на 25%²³. Дмовский же считал евреев пособниками немцев и указывал на необходимость всеми силами им противодействовать.

Антисемитизм присутствовал в программе и действиях народовцев и раньше, но применительно к 1912 г. можно говорить о настоящей кампании. Поводом для нее стало противодействие евреев выборам Дмовского в IV Думу. Эндения ответила бойкотом евреев. Издается газета «Утренняя газета 2 гроша», специально пропагандировавшая бойкот. Газета выступила с лозунгом: «Свой к своему за своим», агитируя против покупок в еврейских магазинах. На ее страницах публикуются списки еврейских магазинов, скрывавшихся за польскими названиями, призывы бойкотировать еврейских адвокатов и врачей.

(Интересно, что газета издавалась на деньги, выделенные известным пианистом и общественным деятелем И. Падеревским на развитие эндении. Сам он об этом не знал и впоследствии был весьма удивлен упреками некоторых западных политиков в поддержке антисемитизма.)

В феврале 1913 г. Дмовский покинул Польшу на несколько месяцев, он посещает Алжир, Неаполь, много пишет. Вообще в период, предшествовавший войне, Дмовский проявлял большую активность, путешествовал, побывал в Англии, Франции, Швейцарии, при этом пребывал в состоянии душевного подъема. И для этого были все основания. Ведь надвигавшийся европейский конфликт не мог не принести изменений в положение Польши. Дмовский был первым, кто это увидел, и кроме того, он сумел обеспечить своему политическому направлению определенные международные позиции.

Готовясь к грядущим событиям и потенциальной войне, эндения стремилась к выработке четкой позиции. В 1912 г. во Львове, в 1913 г. в Берлине, весной 1914 г. в Вене прошли съезды Лиги, в которых участвовали представители движения всех трех польских частей. На Венском съезде на основе доводов Дмовского была принята резолюция о единой антинемецкой позиции народовцев в период войны.

В мае 1914 г. Дмовский писал: «Еще в этом году разразится мировая война. Польша должна выступить против Германии, ибо только в случае ее поражения возможно обретение независимости и объединение»²⁴.

23 *Wereszycki H. Historia Polski 1864-1918. Warszawa, 1946. S. 271.*

24 *Roman Dmowski 1864-1939... S. 11.*

1914 г., лояльные по отношению к России позиции польского населения в начавшейся войне во многом были следствием влияния на польское общество Дмовского и его идеологии. Конечно, действовали и объективные обстоятельства, в частности, жесткая политика германизации, проводимая по отношению к полякам еще со времен Бисмарка, но влияние эндеции отрицать невозможно. Позиция поляков, как отмечал сам Дмовский, нанесла удар и российским германофилам, и их друзьям в Берлине.

В тот период Дмовский придерживался весьма умеренной политической линии, не настаивая на требованиях не только независимости, но и автономии Польши, что весьма не характерно для польской политической мысли, проникнутой романтизмом и максимализмом. Он считал, что главное — это победить Германию, а потом уже все остальное.

В начале войны Дмовский некоторое время провел в Петербурге, потом отправился в Лондон, установил контакт с первым польским политическим представительством на Западе — Центральным польским агентством в Лозанне, участвовал в переговорах с итальянскими политиками, во встрече с папой Бенедиктом XIV. Ее результатами он был очень разочарован, т.к. папа видел будущее Польши только в связи с Австрией²⁵.

В начале 1916 г. политическая концепция Дмовского достаточно внешне изменилась. Он подготовил меморандум, в котором выступил с идеей независимого польского национального государства. С содержанием меморандума Дмовский ознакомил российского посла в Париже А.И. Извольского и политиков Антанты. По сути, этот меморандум был первым документом польских политиков, сотрудничавших с Антантой, в котором содержался постулат о независимости Польши. Дмовский был твердо убежден в необходимости «честной игры», считал недопустимым какие-либо интриги за спиной России²⁶.

5 ноября 1916 г. немецкий и австро-венгерский императоры декларировали создание «самостоятельного» польского государства на землях Царства Польского.

Польское агентство в Лозанне осудило акт 5 ноября, назвав его новым разделом, напомнив, что поляки стремятся к созданию государства, территория которого включала бы земли всех трех частей. Но объективно этот акт создал условия для деятельности политических партий, системы самоуправления, издания газет и журналов.

В тот период Дмовский постоянно проживал в Лондоне, в доме, снятом для него графом Замойским. Вообще польская аристократия и дворянство активно поддерживали усилия Дмовского установить контакты и наладить связи в английском политическом мире.

Февральская революция в России, признание Временным прави-

25 *Dmowski R. Polityka polska...* S. 248.

26 *Ibid.* S. 250–255.

тельством права Польши на самостоятельное существование изменили ситуацию в польском вопросе. Дмовский подготовил специальный меморандум для лорда Бальфура и правительств западных стран, где детально проработал проблему будущих границ польского государства. Этот меморандум был издан в количестве 500 экз. на английском языке. На востоке Дмовский предполагал включение в состав Польши огромных территорий с преимущественно непольским населением, но близким к Польше цивилизационно. Речь шла о Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской, Волынской губерниях. На западе предполагалось включение в состав Польши исторических польских земель: Познаньщины, Западной Пруссии с Гданьском, Верхней Силезии и южной части Восточной Пруссии.

Закончив работу над меморандумом, Дмовский отправился в Париж, где возглавил Польский национальный комитет, признанный многими западными странами в качестве официального представителя Польши. С Временным правительством у Дмовского отношения сложились достаточно прохладные, а после октябрьской революции он все свои политические действия, как отмечает А. Мицевский, стал связывать исключительно с западными странами. «Пророссийская ориентация, от которой он практически отступил еще раньше, теперь попросту перестает для него существовать. Это явилось, несомненно, крушением всей логики его мышления в польском вопросе, которой он следовал с 1907 г.»²⁷.

Ситуация развивалась достаточно стремительно, Дмовский прилагал все силы для отстаивания интересов Польши. Наиболее благоприятное отношение он встретил со стороны Франции. Не совсем благосклонную позицию США и Англии Дмовский объяснял враждебным отношением евреев и масонов.

Национальный польский комитет, помимо международных контактов, стремился к установлению отношений с политиками в самой стране. В сложившейся ситуации правительство смогла сформировать наиболее влиятельная политическая сила в Польше, связанная с Пилсудским.

В ноябре 1918 г. Дмовский направил в Варшаву С. Грабского для достижения компромисса с Пилсудским. Хотя перевес был на стороне Пилсудского, за эндецией тоже стояли весьма значительные силы: она пользовалась поддержкой в Царстве Польском, в Великой Польше, освободившейся от немцев в конце 1918 г., в Галиции. Эндецию поддерживали страны Антанты. Осознание обоими политиками того, что на грядущей мирной конференции Польша должна иметь единое представительство, побуждало их к умеренности и компромиссу, заставляя забыть личные амбиции.

В Париж к Дмовскому прибыла делегация от Пилсудского, доставив известное письмо от 21 декабря 1918 г., начинавшееся словами: «Дорогой

27 *Micewski A.* Op. cit. S. 241.

пан Роман». Переговоры завершились успешно, Национальный польский комитет признал правительство в Варшаве, в состав комитета вошли представители этого правительства. А член комитета И. Падеревский выехал в Польшу с тем, чтобы возглавить правительство. Дмовский и Падеревский стали представителями Польши на мирной конференции.

Таким образом, разрешилась довольно сложная ситуация: ведь Пилсудский, в руках которого оказалась власть в стране, не был связан с Антантой. Была преодолена угроза двойного польского представительства на мирной конференции, достигнут компромисс в формировании правительства Падеревского, признан парижский Комитет и дано согласие на кандидатуру Дмовского в качестве делегата на мирную конференцию.

29 января 1919 г. Дмовский выступил с докладом по польскому вопросу на заседании Верховного Совета конференции. Его доклад, сделанный на английском и французском языках, произвел большое впечатление. Это был его звездный час.

В конечном итоге не все планы Дмовского были реализованы. Правда, восторжествовал отстаиваемый им принцип — инкорпорации, а не федерации, к чему стремились Пилсудский и его единомышленники. Польша получила Великую Польшу, Восточное Поморье, Верхнюю Силезию. На Мазурах предстояло провести плебисцит, а Гданьск получал статус свободного города. Правительство Германии, пользуясь поддержкой Ллойд Джорджа, добились плебисцита и в Силезии.

Таким образом, не все, к чему стремился Дмовский, удалось достичь: статус Гданьска ограничивал выход Польши к морю и только строительство Гдыни сделало его полноценным. Плебисцит в Силезии породил массу проблем, сохранение Восточной Пруссии в составе Германии угрожало безопасности Польши. Но успехи Дмовского были неоспоримы. В тех реальных условиях он сделал все возможное. Ему принадлежит решающая роль в решении польского вопроса на мирной конференции. Его авторитет, широкие международные связи, его таланты — все это «работало» на польское дело. Сама личность Дмовского — яркая и неординарная, также производила впечатление.

Но фигура политика Дмовского достаточно противоречива. Его национализм и антисемитизм действовали против Польши, территориальные претензии которой многим участникам конференции казались чрезмерными и едва ли не империалистическими. Очевидно, важную роль играли не только личные качества Дмовского, но и объективная расстановка сил. Это и обусловило принятие некоторых невыгодных для Польши решений, в частности: о придании Гданьску статуса свободного города, о референдуме в ряде регионов Силезии.

В конце работы конференции Дмовский тяжело заболел (сказалось колоссальное нервное напряжение) и вынужден был даже на некоторое

время уехать в Алжир. В мае 1920 г. он вернулся в Варшаву, теперь уже столицу независимой Польши. Независимой, но управляемой отнюдь не народолюбцами. Почему? Сам Дмовский так отвечал на этот вопрос в одном из писем к З. Василевскому, написанному в Алжире перед возвращением на родину: «...Мне кажется, что наши друзья в стране наше положение и наши задачи оценивают слишком прямолинейно и часть из них, приближенная к нам, ожидала от нас невозможного. Недовольные Пилсудским и правительством, которое при нем, но не под его руководством формируется, они ожидали от нас взятия власти. Были даже такие, которые говорили и говорят: пусть придет Дмовский и создаст сильное правительство... Наверняка, если бы мы правительство создали — допустим, со мной во главе — мы бы Польше серьезно навредили.

1. Не забывайте, что мы живем в революционный период, который еще какое-то время продлится. Мы не революционеры, а я в особенности. Я не намерен на старости лет потворствовать стремлениям, которые считаю пагубными. Это не значит, что я некий застывший мамонт, не понимающий потребностей времени, но от этого еще далеко до примирения с идиотизмом и свинством, сейчас происходящими.
2. Нас ненавидят все революционные силы, которые бы мобилизовались против нас и вели бы борьбу более ожесточенную, чем с правительством, действующим при Пилсудском.
3. Евреи стали бы против нас стеной.
4. Немцы развернули бы подпольную работу через своих агентов против нашего правительства, особенно если бы я его возглавлял, во сто крат большую, чем они это делают сейчас.
5. Для московских большевиков мы были бы реакционной силой, которую любой ценой следует свергнуть. Они бы нам покоя не дали.
6. В странах-союзниках твой друг ненавидим весьма влиятельными кругами — не хочу их называть — они сделали бы все, чтобы мое правительство скинуть, и это вредило бы, как ты понимаешь, Польше. Возможно, это было бы самым опасным. Например, мы могли бы не получить ни гроша кредитов у союзников.

Словом, на нас нападали бы со всех сторон.

Могли бы мы выдержать эту борьбу при нынешнем состоянии нашем? Мы проиграли бы с треском, а с нами проиграла бы Польша»²⁸.

Итак, Дмовский объективно оценивал обстоятельства. Он не стремился к власти любой ценой. Ни в начальный период существования независимой Польши, ни позже он не предпринимал никаких серьезных усилий, чтобы занять сколько-нибудь значимый государственный пост.

28 *Micewski A. Op. cit. S. 281.*

Соратники Дмовского были весьма разочарованы своим лидером, прибывшим в Варшаву. Кстати, сам Дмовский очень не хотел никаких чествований и торжеств, поэтому приехал почти тайно. Враги пана Романа (главным образом из лагеря Пилсудского) вспомнили все его грехи и отметили приезд ядовитыми, исполненными сарказма статьями. Через 9 дней по приезде в Варшаву, Дмовский получил аудиенцию у Пилсудского. Начальник государства принял его довольно холодно и официально. Дмовский заявил, что готов работать на благо Польши, но его предложением не воспользовались.

Пассивность Дмовского не была понята его политическими соратниками. Настроения пана Романа кажутся им странными и далекими от реальности. Ю. Здановский записал в своем дневнике впечатления о встрече с Дмовским 20.III.1921 г.: «Дмовский производит какое-то странное впечатление. Он утверждает, что на уровне инстинкта чувствует, что в течение каких-нибудь 10 лет в мире произойдут великие вещи. Что грядет столкновение между арийской цивилизацией и евреями. Что его целиком поглощает сейчас эта проблема»²⁹.

Дмовский полагал, что народ надо готовить к грядущим событиям и делать это следует вне рамок официальной политики.

1922 г., казалось, открыл перед эндеецией определенные перспективы. Ситуация в стране изменилась, лагерь Пилсудского в то время был слабее народовцев. Дмовский (всего на 6 недель) занял пост министра иностранных дел в правительстве Витоса. Но правительство очень быстро пало.

Тот факт, что Дмовский не проявил себя в межвоенной Польше как государственный муж и политик, связан, прежде всего, с объективными обстоятельствами. А они не благоприятствовали Дмовскому, его правым позициям. Он не совпал с эпохой. Нужны были иные герои.

В 1922 г. Дмовский купил себе имение Хлюдово под Познанью (в Познань из Варшавы он перебрался в сложный период польско-русской войны, что было поводом для издевательств его политических противников). Здесь в Хлюдово он прожил до 1934 г., наслаждаясь прелестями деревенской жизни, принимая у себя семейство своих друзей Никлевичей и многочисленных гостей.

В Великой Польше старались отметить заслуги Дмовского как последовательного борца с Пруссией. В 1923 г. он получает звание доктора *honoris causa* в Познанском университете, в 1927 г. — литературную премию им. Я. Каспровича.

Дмовский много работает, пишет статьи, книги. Свою главную задачу он усматривает не в политической деятельности, а в воспитании народа и пропаганде. В декабре 1926 г. на съезде в Познани по инициативе Дмовского был создан Лагерь Великой Польши (ЛВП). Его задача — сплочение

29 Цит. по: *Micewski A.* Op. cit. S. 301.

народа вокруг национальной идеи. И если это будет достигнуто, исчезнет чрезмерная политическая фрагментация и возникнет одна национальная партия. ЛВП — особая организация. Она не может тратить время на бесплодные дискуссии. Ведь, возможно, очень скоро настанет время, когда организация народа станет его единственным спасением. Иерархия, дисциплина, ответственность — вот принципы построения этой организации. На все должности в ЛВП люди назначались, а не выбирались.

Лагерь исходил из постулата о кризисе либеральной демократии. Что предлагалось взамен? Не очень четко сформулированная концепция государства как «организации народа», построенного на явно авторитарных, если не на тоталитарных принципах.

В идеологии ЛВП много внимания уделялось католической проблематике. В работе Дмовского «Церковь, народ и государство» Дмовский писал: «Католицизм — это не добавка к польскости, украшение ее определенным образом. Он лежит в ее основе, в значительной мере составляет ее суть...

Польское государство — это государство католическое. Не только потому, что огромное большинство его населения — католики... Оно католическое в полном смысле слова, ибо наше государство является народным, а наш народ — католический.

Этот постулат влечет за собой важные последствия. Из него вытекает, что государственные законы гарантируют всем вероисповеданиям свободу, но господствующей религией, принципами которой руководствуется государственное законодательство, является католическая религия, а католическая церковь воплощает религиозную сторону в государственных функциях...

Политика католического народа должна быть искренне католической, это означает, что религия, ее развитие и сила должны быть признаны целью, что позволяет ее использовать как средство для достижения других целей, ничего общего с религией не имеющих»³⁰.

Итак, именно Дмовский в межвоенный период формулирует концепцию «поляка-католика». Эта концепция была с энтузиазмом встречена обществом, в частности молодежью. Возникшее Движение молодых ЛВП пользовалось достаточно широкой популярностью в стране.

Однако в целом ЛВП не сумел достичь желаемых целей. В значительной мере оттого, что происходила эволюция правящего лагеря — пилсудчиков, все более тяготевших к консерватизму, привлекавших на свою сторону многих потенциальных сторонников Дмовского.

В марте 1933 г. правительство приняло решение о роспуске ЛВП, поставив крест на политической концепции Дмовского. К моменту роспуска организация насчитывала более 200 тыс. человек.

30 Цит. по: *Micewski A.* Op. cit. S. 324.

К середине 1930-х гг. состояние здоровья Дмовского серьезно ухудшилось и постепенно он все более отходит от дел. Финансовые обстоятельства заставили его продать любимое имение Хлюдово, и с этого момента он поселился у своих друзей Никлевичей вначале в Варшаве, а с 1938 г. в их имении Дроздово, где и закончил свои дни.

* * *

Образ Дмовского как при жизни, так и после смерти порождал и порождает противоречивые оценки и чувства. Несколько лет назад в Варшаве одна из площадей была названа именем Дмовского, ему был поставлен памятник. У подножия нередко можно увидеть цветы и горящие свечи. Но предпринимались попытки и осквернить памятник. Кто-то видит в Дмовском фашиста и антисемита, а кто-то — неггибаемого борца за независимость Польши, настоящего поляка, всю жизнь посвятившего служению великой идеи независимости.

Он никогда не заискивал перед людьми, не пытался добиться популярности, отступая от своих принципов и своего видения проблемы. Конечно, пан Роман был человеком своего времени, притом одним из интереснейших людей этого времени. Далекое не все в его идеях и воззрениях может быть принято, но среди политиков и политических мыслителей Польши конца XIX в. — 30-х гг. XX в. образ Дмовского, несомненно, выделяется своей масштабностью и неординарностью. Его наследие представляет далеко не чисто академический интерес. В историческом сознании современных поляков фигура Дмовского занимает отнюдь не последнее место. Недаром Е. Гедройц, редактор парижской «Культуры», замечал в 90-е гг. XX в., что Польша «управляется двумя гробами», имея в виду Дмовского и Пилсудского. Действительно, «пястовская» и «ягеллонская» концепции развития Польши, разработанные этими политиками, по сей день присутствуют в политическом мышлении поляков.

ЮЗЕФ ПИЛСУДСКИЙ И ОБРАЗОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОГО ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

В ряду людей, олицетворяющих в Польше национальную историю, Юзеф Пилсудский, несомненно, занимает одно из центральных мест, а для периода Новейшей истории соперничать с ним по популярности может, пожалуй, лишь папа римский Иоанн Павел II. И это несмотря на то, что маршал ушел из жизни вот уже почти три четверти века, срок более чем достаточный для проверки истинного масштаба человека, от которого в свое время зависели многие и многое. Но мало ли влиятельных при жизни людей бывало в истории всякой страны, а кто их сейчас помнит, кроме профессиональных историков? Имя же Пилсудского, несомненно, знакомо каждому современному поляку, так же как оно было повсеместно известно 20, 40 и 60 лет тому назад.

Первые описания жизни и деятельности Ю.Пилсудского появились давно, в годы первой мировой войны, когда он еще только шел к славе и власти. С тех пор армия пилсудчиковедов пополнялась все новыми и новыми людьми, в равной степени профессионалами и любителями, адептами и беспощадными критиками. С одним из таких любительских произведений можно познакомиться в Российском государственном военном архиве (РГВА), где в фонде Института новейшей истории Юзефа Пилсудского хранится небольшая, рукописная биография маршала, созданная каким-то его неизвестным почитателем примерно в 1923-1926 гг.¹ Она наивна, восторженна, даже экзальтирована, но, несомненно, искренна. И написал он ее тогда, когда герой сочинения был всего лишь пенсионером и его дальнейшие жизненные перспективы рисовались весьма неопределенно. Пилсудскиана насчитывает на сегодняшний день многие десятки книг и тысячи статей, причем не только в Польше. И ничто не свидетельствует о снижении интереса к личности этого человека. Поистине, «большое видится на расстоянии...»

Юзеф Клеменс Пилсудский родился 5 декабря 1867 г. в поместье Зулув на Виленщине, в богатой помещичьей семье, владевшей более чем 10 тыс. десятин земли. Позже семья переехала на постоянное жительство в Вильну (Вильно, Вильнюс), на всю жизнь ставшую любимым городом этого поляко-литовцо-белоруса. Его ранние годы жизни мало чем отличались от многократно описанного русскими и польскими мемуаристами безмятежного детства дворянских отпрысков, окруженных достатком, любовью близких, особенно матерей, боннами, домашними учителями. Нет, пожалуй, только свидетельств о дружбе с деревенскими сверстниками, из которой затем рождалось сочувствие к страданиям и тяжелому труду крестьян (на котором, собственно говоря, и жидился тот самый недостаток). И в этом

1 РГВА. Ф. 476. Оп. 1. Ед.хр. 44.

нет ничего удивительного, ведь местные жители в основном были белорусами, а господа — поляками или полонизированными белорусами и литовцами. К их числу принадлежал и род Пилсудских. Маршал до конца жизни помнил о своем своеобразно понимаемом (не по крови, а по исторической территории) литовском происхождении, гордился этим, но одновременно считал, что такие, как он в большей степени сохранили польскость, чем «крулевыки» (уроженцы Царства Польского), галичане или «познаняки». К тому же он рос в окружении старших и младших сестер и братьев, эмоциональную связь с которыми сохранил на всю жизнь, поэтому у него всегда были напарники для игр и детских шалостей. Особая близость связывала его со старшим на два года Брониславом, много сделавшим для этнографического описания коренных жителей Сахалина в бытность свою политическим ссыльным, и старшей сестрой Зофией (Зулей).

Родной дом сформировал, пожалуй, две главных черты характера Юзефа, в немалой степени предопределившие его жизненный путь. Во-первых, глубокий патриотизм и веру в свое высокое предназначение воскресителя польской государственности. Этими качествами, по его собственному признанию, он был обязан матери, Марии, горячей польской патриотке и необычайно мужественной женщине, всю свою жизнь вынужденной бороться с тяжелым недугом. Во-вторых, полное безразличие к занятию сельским хозяйством. Причиной этого могла быть и деятельность его отца, Юзефа, сумевшего своими прогрессивными хозяйственными начинаниями довести материальное положение семьи до весьма плачевного состояния. Даже обзаведясь в 1923 году собственным домом с садом, он не проявлял ни малейшего желания копаться в земле, предпочитая любоваться цветами.

После окончания в 1885 г. виленской гимназии № 1, располагавшейся в здании закрытого русскими властями в 1832 г. университета, юноша выбрал для себя медицинскую карьеру. Однако обучение в Харьковском императорском университете было недолгим. После первого курса Пилсудский решил перевестись в Дерптский университет, имевший не столь выраженный русский характер и лучшую связь с Вильной. Но учиться ему там не пришлось. Ожидая в Вильне решения вопроса о переводе в Дерптский университет, он косвенным образом оказался причастным к подготовке покушения на императора Александра III петербургской народо-вольческой организацией, в которую входил и старший брат В.И.Ленина Александр Ульянов. Платой за это стала пятилетняя административная ссылка в Иркутскую губернию, во время которой он из юноши, ненавидевшего русское господство над его родиной, превратился в убежденного противника самодержавия и сторонника независимости Царства Польского.

На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание, по-

скольку в существующей литературе, как правило, говорится, что Пилсудский был борцом за независимость Польши, без уточнения, всех ли трех ее частей, в свое время включенных в состав Австрии, Пруссии и России, или же только одной из них. Анализ всех высказываний и действий Пилсудского до лета 1917 г. показывает, что главные его помыслы были направлены на освобождение лишь Царства (Королевства) Польского. Пилсудский неоднократно высказывался по вопросу о причинах такого выбора. В целом, все их можно свести к реплике: «Стена, да гнилая, ткни посильней, она и развалится!», которой В.И. Ленин якобы парировал заявление жандармского офицера, что молодой социалист борется со стеной. Видимо, подобное восприятие режима в конце XIX — начале XX в. следует считать обычным для тех подданных Романовых, которые готовы были рисковать всем ради высоких общественных идеалов.

Вернувшись в родной город из сибирской ссылки, Пилсудский с головой уходит в политику. Заниматься ею в России людям, не одобрявшим самодержавия, можно было лишь нелегально или в эмиграции. Выбор политического движения, в рамках которого Пилсудский смог бы реализовать свои планы, был в начале 1890-х гг. невелик. Во-первых, можно было примкнуть к формирующемуся национально-демократическому направлению, делавшему ставку на национальное просвещение польского народа, чтобы предотвратить его ассимиляцию и гарантировать в перспективе возрождение национальной государственности. Во-вторых, преодолевая провалы и расколы, формировалось социалистическое движение, ориентирующееся на свержение существующего общественного строя и интеграцию Европы на принципах социальной справедливости и всеобщего равенства. Шляхетский революционаризм, доминировавший в обществе Царства Польского до середины 1860-х гг., к этому времени полностью исчерпал свой мобилизационный потенциал и популярность у передовой молодежи не пользовался.

Пилсудский остановил свой выбор на социалистическом движении. В связи с этим трудно согласиться с теми биографами Пилсудского, которые пытаются представить его как романтика, человека XIX столетия, эпигона шляхетского революционаризма. Он не только признал истинность самой современной на тот момент идеологии, но и увидел таящуюся в ней возможность соединить массовое рабочее движение с борьбой за национальную независимость. В отличие от идеологов западноевропейских социалистических партий, считавших, что национальный вопрос — это орудие буржуазии, служащее отвлечению пролетариата от борьбы за социальное освобождение, Пилсудский и его единомышленники были убеждены, что рабочий класс Царства Польского должен сделать борьбу за независимость своим первоочередным делом. Весь путь к социализму они делили на два этапа. На первом надлежало освободить Царство Поль-

ское от деспотии самодержавия и построить польское демократическое государство. И лишь после этого приступить к решению собственно пролетарской задачи — борьбе за создание общества социальной справедливости². В связи с этим польские социалисты были против сотрудничества с российскими почитателями К. Маркса, не признававшими, как и их европейские единомышленники, важности национального вопроса. Зато выражали готовность взаимодействовать с сепаратистскими движениями в империи, которые в то время находились в зачаточном состоянии.

В силу стечения обстоятельств Ю.Пилсудский не только оказал чуть ли не у истоков Польской социалистической партии (ППС), но и очень скоро вошел в состав ее узкого руководства — Центральный рабочий комитет (ЦРК). В нем он с 1894 г. отвечал за один из самых важных для молодой партии участков работы — издание и распространение центрального партийного органа газеты «Роботник», а также других печатных материалов ППС³. Выполнять порученное ему задание было далеко не просто. Газету приходилось делать в условиях полной секретности, на весьма примитивном ручном станке, предназначенном для размножения приглашений и небольших афиш. Постоянно не хватало денег на бумагу, типографскую краску, которую нужно было контрабандой привозить из Германии. Немалую опасность представляли разъезды по железной дороге, чтобы доставить «Роботник» партийным ячейкам ППС в Царстве Польском и ряде городов империи. Для того чтобы освободиться от надзора полиции, пришлось перейти на нелегальное положение. Это создавало дополнительные трудности, особенно если принять во внимание, что типография до 1899 г. находилась в Вильне, относительно небольшом городе (в 1900 г. 139 тыс. жителей). Тем не менее, Пилсудскому долгое время удавалось избегать провала.

В 1899 г. в его жизни произошло важное событие — женитьба на принимавшей участие в деятельности ППС Марии Юшкевич, красивой молодой женщине с дочерью от первого неудачного брака. Вести семейную

2 В советской и польской историографии периода ПНР, базировавшейся на традициях СДКПиЛ и ленинских оценках, утвердилась однозначно негативная оценка этой позиции. При этом ее сторонники игнорировали тот факт, что в ходе революции 1905–1907 гг. большевики также пришли к выводу о том, что в борьбе за социализм в России нужно будет пройти два этапа: буржуазно-демократический и собственно социалистический. А это значит, что концепция Пилсудского и его единомышленников на десятилетие опередила ленинское прозрение.

3 Примечательно, что ряд лет обязанности наборщика исполнял Станислав Войцеховский, президент Польши с декабря 1922 по май 1926 г., когда он вынужден был оставить свой пост в результате государственного переворота, осуществленного его бывшим коллегой, а затем Первым маршалом Польши Ю. Пилсудским.

жизнь в городе, где оба были хорошо известны, в том числе и полиции, не представлялось возможным. Поэтому решили переехать вместе с печатным станком в Лодзь, крупнейший промышленный центр Царства Польского, насчитывавший в то время около 315 тыс. жителей. Не по вине Пилсудского в феврале 1900 г. типография была провалена, а он с супругой — арестованы.

Мария после 11 месяцев тюрьмы была освобождена под денежный залог в 500 руб. Закон не предусматривал наказания жены за преступления мужа. А против Пилсудского были выдвинуты серьезные обвинения, в том числе и в причастности к убийству двух провокаторов, внедренных охранным отделением в ППС. В зависимости от окончательного обвинительно-го заключения ему могли грозить от 10 лет ссылки до смертной казни.

Совместными усилиями товарищей по партии и отдельных русских «оккупантов» (государственных служащих) в Варшаве удалось убедить местные службы безопасности в душевной болезни Пилсудского. Для установления окончательного диагноза узник X павильона варшавской Цитадели был переведен в лечебницу для душевнобольных в Петербурге. В ночь с 14 на 15 мая по новому стилю (с 1 на 2 мая ст. ст.) 1901 г., когда в России отмечали государственный Народный праздник, установленный властями для того, чтобы отвлечь людей от празднования Дня международной солидарности трудящихся, был осуществлен побег Пилсудского. В июне 1901 г. он уже был в Австро-Венгрии.

После двухмесячного отдыха и восстановления подорванных в заключении сил Пилсудский вернулся к активной деятельности в ППС, которая переживала серьезные трудности. Они были вызваны не только арестами начала века, но и появлением в партии и ее руководящих органах новых людей, не испытывавших особого пиетета к отцам-основателям и открыто выражавших сомнения в правильности их тактики. Пилсудский стал больше внимания уделять зарубежной организации ППС, часто бывал в Великобритании, этой Мекке политических эмигрантов, Швейцарии, но не забывал и Россию. Правда, ездил туда не очень охотно, не без оснований опасаясь возможного ареста. Основное время он проводил в Австро-Венгрии, в Кракове, где снимал с семьей квартиру.

В эти же первые годы XX столетия Пилсудский начинает обдумывать новую тактику решения вопроса о судьбе Царства Польского. За время, прошедшее после основания в 1893 г., ППС окрепла, пустила корни в среде рабочих, студенчества и интеллигенции, овладела искусством пропаганды своих идей и постулатов. Но она не превратилась в спаянную жесткой дисциплиной организацию, способную повести за собой широкие слои польского общества на борьбу за независимость, а не за улучшение социального положения и кусок хлеба. Как вспоминал Шимановский, участник социалистического движения той поры, «Пилсудский всю жизнь был

бланкистом, верил только в небольшую, сплоченную, успешно действующую организацию, которой ее руководство могло бы распоряжаться по своему усмотрению. Он был принципиальным противником не столько массовости движения, сколько растворения организации в движении»⁴. А потребность, пользуясь ленинскими определениями, в «партии нового типа» Пилсудский ощущал все более явственно. В российском обществе развивались процессы, прямо свидетельствовавшие о приближении глубокого внутривнутриполитического кризиса. Каркас самодержавия уже не мог удерживать в жестких рамках нарастающую активность общества, желавшего участвовать в распоряжении собственной судьбой.

Новые замыслы Пилсудского стали приобретать форму тактических установок в 1904 г., когда в силу ряда объективных и субъективных причин российско-японский спор за сферы влияния на Дальнем Востоке перерос в военный конфликт.

Ю. Пилсудский очень быстро и достаточно точно оценил новые возможности, появившиеся в связи с войной для борьбы за независимость Царства Польского. Он и его ближайшие сподвижники были убеждены, что Россия эту войну, скорее всего, не выиграет. Но Япония в одиночку не может разгромить такую громадную империю. Вот если бы Россия одновременно получила ощутимый удар на западе, то это привело бы к ее действительному ослаблению. Таким ударом для нее могло стать восстание в бывших провинциях Речи Посполитой. Задачами ППС были придание организованного характера эвентуальному выступлению и обеспечение повстанцев оружием. Необходимые для этого деньги Пилсудский рассчитывал получить от японцев.

Без ведома ЦРК он разработал план операции по налаживанию сотрудничества с официальными кругами Японии, получившей наименование «Вечер». Это был достаточно реальный план, если учесть, что уже в 1902 г. японский Генштаб приступил к реализации проекта, предусматривавшего использование в будущем военном конфликте с Россией деструктивного потенциала революционных и сепаратистских движений в империи Романовых. Раньше всего японцам удалось наладить сотрудничество с финнами.

Помимо денег, Пилсудский надеялся получить от Японии помощь в реанимации польского вопроса как международного. Однако переговоры его доверенного лица с японскими дипломатами в Лондоне и личная поездка в Токио в июне-июле 1904 г. так и не завершились заключением политического договора, которому он придавал стратегическое значение⁵.

4 РГВА. Ф. 476. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 45.

5 Как вспоминал много лет спустя его преданный соратник В. Славек, именно это намерение Пилсудский назвал на октябрьской 1904 г. конференции ЦРК ППС основной целью своей поездки в Токио (*Samuś P. Walery Sławek. Droga do niepodległej Polski. Płock, 2002. S. 135*). Биографы Пилсудского фактически

Японцы согласились только на ежемесячную выплату в размере 90 фунтов стерлингов за получаемые от людей Пилсудского разведывательные сведения, а также выразили готовность дать польским партнерам 10 тысяч фунтов на создание разветвленной разведывательной сети в Европейской России и Западной Сибири.

Операция «Вечер» имела для Пилсудского как политика важные последствия. Во-первых, оказалось, что партию без ведома ее руководящих коллегиальных органов вполне можно использовать в качестве инструмента достижения собственных целей. Во-вторых, он еще больше утвердился во мнении, что наибольшего успеха можно добиться с помощью сплоченной группы единомышленников, действующей в рамках более широкой структуры. В-третьих, появился собственный источник финансирования, позволявший ему проводить самостоятельную политику, формально не разрушая единства рядов ППС⁶. В-четвертых, был приобретен ценный опыт налаживания связей и ведения переговоров с высокопоставленными официальными лицами, презентации своих взглядов, достижения взаимовыгодного консенсуса. Этот опыт пригодится Пилсудскому позже, при поиске поддержки своих планов Австро-Венгрией.

Неудачная для царизма война с Японией многократно усилила прежде подспудные политические, социальные и национальные противоре-

игнорируют сделанное им на конференции признание о тактических (получение технической помощи на вооружение польского движения) и стратегических (постановка польского вопроса на международной арене) целях поездки в Японию, акцентируя основное внимание на том, что его выступление вводило собравшихся в заблуждение и служило дальнейшему сокрытию от руководства партии всей правды о японском контакте. Нет сомнения в том, что, когда Пилсудский говорил о «незначительных результатах переговоров с японцами», он имел в виду провал стратегической цели. Об этом же свидетельствует и сделанное им на этой же конференции признание, что единственной целью предлагаемого им тактического перевооружения партии является «воскрешение польского вопроса. Этот вопрос живет, но только у нас, живет в широком значении национального вопроса, но он не живет как политический вопрос, который должен решать весь мир» (*Piłsudski J. Pisma zbiorowe. Uzupełnienia*. Т. II. 1899–1914. Warszawa, 1993. S. 189–191).

- 6 Среди исследователей нет единства мнений относительно того, сколько денег было получено инициаторами акции «Вечер» от японцев. В. Енджеевич считает, что за 1904–1905 гг. японцы выделили ППС на различные цели около 20 тыс. фунтов стерлингов; с ним согласен и А. Гарлицкий. По подсчетам Р. Сьвентека вся сумма составила 33 430 фунтов. Львиная доля этих средств (30,5 тыс.) была потрачена на приобретение оружия и финансирование революционной деятельности партии. Часть пошла на содержание 7 участников акции «Вечер» в Кракове и Лондоне. По подсчетам Рышарда Сьвентека, на это тратилось в среднем 252 фунта в месяц, то есть примерно 2520 руб. (Подробнее об этом см.: *Świętek R. Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego 1904–1918*. Kraków, 1998. S.321, 343–346).

чия в империи. Все явственнее чувствовалось приближение революции. От действовавших пока еще нелегально политических партий требовалось уточнение своих стратегических и тактических установок с учетом быстро меняющихся общественных настроений.

Эта проблема стала занимать Пилсудского, по крайней мере, с начала 1904 г. Тогда же определилось и наиболее оптимальное, с его точки зрения, направление деятельности: создать при ППС боевую организацию, способную стать организующим ядром будущей повстанческой армии. Тем самым центр активности Пилсудского стал смещаться с партии, служению которой он посвятил десять лет жизни, на более узкую группу людей, не столько думающих, сколько действующих одинаково с их лидером, вождем. И этот процесс будет развиваться вплоть до августа 1914 г., когда Пилсудский с головой, безвозвратно уйдет в военную работу. Все эти годы он трактовал ППС, по сути дела, лишь как своего рода вербовочную структуру, привлекающую в свои ряды идейную молодежь. Именно из их числа он и будет рекрутировать необходимый для боевой организации человеческий материал. Ради новой стратегической линии движения к намеченной в молодости цели Пилсудский был готов на все. Даже на раскол в 1907 г. собственного детища — ППС, существенно ослабивший партию в очень сложной ситуации начавшегося спада революционной волны, лишь бы освободиться от противников его тактики из числа так называемых «молодых». Его опорой стала ППС-революционная фракция.

Сам характер боевой организации как, по сути, сообщества идейных террористов, предопределил, помимо проведения диверсий и покушений на представителей русской администрации и служб безопасности, появление в ее арсенале еще одного направления деятельности, граничившего с обычным, безыдейным бандитизмом. Это были так называемые «экспроприации» или «экссы», то есть налеты на уездные кассы, почтовые отделения, фургоны и поезда, перевозившие деньги, в том числе и достаточно крупные суммы. Деньги нужны были на содержание партийного руководства и боевиков, покупку оружия, оказание помощи арестованным соратникам и их семьям, оплату адвокатов, подкуп судейских чинов, издательскую деятельность и т.д. «Экссы» нередко сопровождалась гибелью людей, в том числе и ни в чем не повинных. Суды жестоко карали схваченных боевиков, вплоть до смертной казни.

Однако все усилия Пилсудского с помощью боевых групп парализовать работу аппарата власти в Царстве Польском и поднять народ на войну с русским гнетом так и не дали ожидаемого результата. Польский пролетариат предпочитал бороться за социальные и политические права в рамках Российской империи, а не за независимость. Действия боевиков встречались с решительным противодействием, в том числе силовым, той части польского общества, которая разделяла концепции национальных

демократов и хотела воспользоваться не столь уж и ничтожными политическими итогами первой русской революции.

К концу революции Пилсудский понял, что его тактика активного действия не дала желаемого результата, восстание так и не началось. Тем не менее, он не разочаровался в ней, поскольку считал, что причина неудачи не в избранной линии поведения, а в отсутствии ядра будущего национально-освободительного восстания. Это не позволило придать стихийному движению масс организованный характер и повести их в нужном направлении⁷.

Своей задачей на будущее он считал корректировку тактики с учетом имевшегося опыта и новых условий, чтобы не упустить следующей okazji. В том, что она неизбежно вскоре появится, Пилсудский не сомневался. И дело здесь не столько в его особой политической интуиции, о которой пишут многие знавшие его люди, а в правильном анализе развития международной ситуации. От его внимания не ускользнул развивавшийся именно в это время процесс оформления Антанты и возникновения уникальной ситуации разведения угнетавших поляков империй по противостоящим военно-политическим блокам с трудно согласуемыми интересами.

Появился реальный, как ему казалось, шанс сделать союзником в борьбе за освобождение Царства Польского Австро-Венгрию, в составе которой поляки чувствовали себя наиболее комфортно. Первая попытка наладить сотрудничество с австрийским Генеральным штабом была предпринята 29 сентября 1906 г. На встрече в Перемышле с начальником штаба 10-го корпуса полковником Францем Каником Пилсудский назвал себя представителем политической партии, имеющей 70 тысяч вооруженных членов и способной в случае войны Австрии с Россией быстро поставить под ружье в три раза больше⁸. Но поскольку война с Россией была в то время далекой перспективой, австрийским военным незачем было спешить с ответом. Да и приобретение только карабинов для 70 тыс. членов ППС обошлось бы более чем в 600 тыс. крон, а бюджет австрийской военной развед-

7 Итог своих размышлений об уроках революции и задачах на будущее Пилсудский обобщил в лекциях, прочитанных в боевых школах ППС в 1909 г. и опубликованных спустя год сначала в «Работнике», а затем отдельной брошюрой «Практические задачи революции в русском захвате» под псевдонимом З. Мечиславский. Его генеральный вывод был таким: «Революция, которую мы хотим осуществить — это война двух армий, нашей — революционной, народной, с правительственной, оккупационной... Революция... — это борьба за власть, реализованная насильственными средствами в относительно короткое время» (*Piłsudski J. Pisma zbiorowe*. Т. III. S. 6–7).

8 *Galicyska działalność wojskowa Piłsudskiego 1906–1914. Dokumenty*. Warszawa, 1967. S. 443. Как видно, к этому времени Пилсудский уже хорошо знал и умело применял приемы политического блефа, игры на ожиданиях партнеров по переговорам.

ки составлял в то время лишь 120 тыс. крон⁹. Но был и позитивный результат: Пилсудский попал в поле зрения влиятельного австро-венгерского военного ведомства.

Уточненный проект подготовки будущего восстания предусматривал создание военизированного формирования, но уже не классового, а общенационального характера. Создавать его Пилсудский решил в Галиции. Помимо выходцев из Царства Польского в нем могли бы участвовать и местные поляки-добровольцы. Именно это он имел в виду на встрече с Ф. Каником, когда просил содействия австрийцев в приобретении оружия, толерантного отношения к складам оружия и партийным агентам в Галиции, «неприменения репрессий к австрийским резервистам, которые участвовали бы в борьбе с Россией, и к революционерам в случае эвентуальной интервенции нашей монархии»¹⁰. Главную трудность в реализации своего проекта Пилсудский видел в отсутствии «монеты», т.е. денег¹¹.

Поступления «проклятой монеты» из Царства Польского были невелики. Три удачных налета в период с октября 1907 по февраль 1908 г. дали около 40 тыс. рублей. Власти научились охранять финансовые учреждения. Поэтому Пилсудский решает проводить «эксы» в других областях империи, где польские боевики прежде не действовали. Летом 1907 г. решили ограбить филиал Государственного банка в Киеве, но, в конечном счете, сочли, что риск слишком велик и от операции отказались. Зато успехом закончился налет 29 сентября 1908 г. на следовавший из Варшавы в Петербург курьерский поезд на станции Безданы (в 25 км от Вильны), которым Пилсудский руководил лично. Добыча составила 200 800 руб. 61 коп.

В начале октября 1908 г. Пилсудский был уже в Австро-Венгрии. Хотя полученная в ходе операции в Безданах сумма и была меньше той, о которой он мечтал, но вполне достаточной, чтобы расплатиться с партийными долгами, помочь арестованным боевикам и заняться доработкой и реализацией нового проекта. Его основные положения оформились в 1909-1910

9 *Świętek R. Lodowa ściana...* S.379–380.

10 *Galiczyjska działalność wojskowa...* S. 443. Повторное предложение было сделано Пилсудским в 1907 г., но с тем же результатом.

11 Так, 1 декабря 1907 г. он писал Витольду Йодко-Наркевичу: «... сейчас я работаю над двумя вещами: а) получением монеты как учредительного капитала на будущее и б) агитацией, как я ее называю, военной, то есть агитацией в пользу обучения и подготовки к боевым задачам революции. Я боялся, что это будет выглядеть смешным, но к моему великому удивлению я нахожу людей, охотно об этих вещах слушающих. Если бы у меня эти две вещи получились хотя бы частично — в первом случае я для себя определил минимум 300 тыс., во втором — формирование в итоге хотя бы определенного направления мысли и интереса к этому вопросу у молодежи и людей — я был бы весьма доволен. Тогда бы я мог спокойно работать над созданием чего-то более отвечающего целям, чем нынешняя боевая организация» (*Piłsudski J. Pisma zbiorowe...* Т. II. S. 286).

гг. и были изложены в брошюрах «Практические задачи революции в русском захвате» и «Военная география Королевства Польского».

Проект предусматривал решение задач двух типов: политических и военных. К первым Пилсудский относил подготовку массового восстания (революции по его терминологии) в Царстве Польском. Это должно было быть делом не только ППС, но и других партий, сторонниц независимости. Восстанию должна была предшествовать подготовка будущих руководящих кадров для организации жизни на освобожденных территориях, а также создание условий для безотлагательного формирования в надлежющий момент революционного правительства. Оно должно было широко оповестить о своем существовании, назначить представителей на местах, объявить войну России, провозгласить политические и социальные реформы, наладить снабжение армии и населения, работу промышленности и т.д. Вторым слагаемым успеха должно было стать заблаговременное создание армии с помощью соответствующей организации.

Зародышем такой организации стал Союз активной борьбы (САБ), тайная военизированная структура, созданная в конце июня 1908 г. по инициативе Казимежа Соснковского. Своими целями САБ объявил подготовку вне границ России организаторов и технических руководителей будущего вооруженного восстания в Царстве Польском, учреждение там независимой демократической Польской республики, проведение радикальных социальных реформ вкупе с аграрной. Хотя и было решено не делать САБ политической организацией, требование, чтобы его члены разделяли положения программы-минимум ППС-революционной фракции, изначально придавало ему левый характер. В Царстве Польском САБ должен был стать помощником боевой организации ППС, находиться у нее в подчинении как до, так и во время восстания, выполнять все ее поручения¹².

Узнав о САБ, Пилсудский одобрил эту инициативу, указав только на необходимость вовлечения в него людей, не связанных с социалистическим движением, а также отказа от излишнего радикализма, особенно в аграрном вопросе. Он согласился возглавить САБ как чисто военизированную, а не политическую структуру. Это позволяло ему оставаться в ППС.

Это решение Пилсудского совпало по времени с важным для его проекта событием. В условиях разразившегося осенью 1908 г. боснийского кризиса, австрийский Генштаб активизировал подготовку к возможной

12 Именно это положение заставляет усомниться в том, что Пилсудский имел непосредственное отношение к организации САБ. Согласно воспоминаниям Соснковского, в начале лета 1908 г. Пилсудский во время встречи с ним сказал, что боевая организация — это уже отыгранная карта истории. Поэтому Соснковский якобы и решил создать САБ как беспартийную военную организацию. Но зачем же тогда было ее подчинять боевой организации ППС?

войне с Россией. Во внимание были приняты самые различные возможности ослабления противника, в том числе и поддержка сепаратистских движений в империи Романовых. В связи с этим вспомнили о предложениях Пилсудского о сотрудничестве.

Контакт с Пилсудским установил капитан Густав Ишковский, который возглавлял разведывательный центр во Львове, занимавшийся Россией. В конце 1908 г. Пилсудский встретился в Вене с руководителем разведывательной группы Учетного отдела Генерального штаба австро-венгерской армии майором Максимилианом Ронге. Взамен за участие в разведывательной деятельности австрийская сторона обещала поддержать движение сторонников независимости Царства Польского. Для ведения дел во Львове был принят общий для всех польских участников операции псевдоним «Роман» («Осведомитель «Р»), весной 1909 года, когда Пилсудского передали в ведение вновь созданного краковского разведцентра (руководитель поручик Юзеф Рыбак), его поменяли на «Стефан» («Осведомитель «С»»)¹³.

Для сбора интересовавших австрийскую разведку сведений Пилсудский использовал местные организации ППС в Царстве Польском, доверенных лиц, обучавшихся в России и за рубежом студентов, деятелей САБ, направляемых с инспекционными целями в Царство Польское. Добытая ими информация поступала к Пилсудскому, обобщалась и передавалась австрийским кураторам. Не менее активным было участие польской стороны в разоблачении русской агентуры в Галиции¹⁴.

Прошедшие летом 1909 г. I совет (съезд) Союза активной борьбы¹⁵ и II съезд ППС-революционной фракции показали, что они в главных чертах поддерживают проект Пилсудского и считают подготовку к будущей войне с Россией за Царство Польское своей главной задачей. Удалось найти оптимальную организационную форму, позволяющую приступить к созданию явной массовой военизированной структуры. Австрийские кураторы порекомендовали своему подопечному учредить стрелковый

13 *Świętek R.* *Lodowa ściana...* S. 416–418, 422.

14 Об этом направлении сотрудничества см.: *Ibid.* S. 514–523.

15 В ноябре 1908 г. САБ насчитывал 64, а в июне 1909 г. уже 147 членов. Рост его рядов наблюдался и в последующем, но не такими быстрыми темпами: весной 1910 г. — почти 220, в мае 1912 г. — 278 членов. Конечно, приведенные данные не впечатляют, но следует иметь в виду, что это было время послереволюционной реакции в России, когда еще недавно массовые революционные партии превращались в небольшие организации, а принадлежность к ним грозила тюрьмой или ссылкой. Так, в ППС-революционной фракции в середине 1909 г. было всего лишь около 3 тыс. членов, что было почти на два порядка меньше, чем в разгар революции, и в последующие годы заметного роста ее рядов также не наблюдалось. К тому же САБ до конца своего существования оставался тайной организацией, не проводившей широкой рекрутации членов.

союз, который бы действовал на основании императорско-королевского «Распоряжения о поддержке добровольческого стрелкового движения» от 6 мая 1909 г., изданного в интересах тирольских стрелков. В течение 1910 г. стрелковые союзы были созданы во Львове и Кракове, а затем и в других населенных пунктах Галиции. Со стороны властей деятельность союзов контролировали львовский и краковский разведцентры. С их молчаливого согласия в стрелковые организации вступали как галичане, так и эмигранты из русской Польши, хотя это и противоречило их уставу.

Легализация военизированной структуры польских борцов за независимость Царства Польского позволила австрийским военным более свободно оказывать им необходимую помощь, например, безвозмездно предоставлять оружие для занятий строевой и огневой подготовкой, партии, армейские стрельбища, организовывать стажировки в войсках. Кроме того, теперь венским властям проще было отвергать, как это было, например, в 1912 г., требования российской стороны о прекращении деятельности враждебных ей эмигрантских организаций.

Помимо САБ и стрелковых союзов в Галиции возникли другие организации сторонников освобождения Царства Польского из-под власти России (Польский военный союз, Легион независимости, Польская армия, Польские стрелковые дружины), созданные бывшими сторонниками Р.Дмовского, порвавшими с ним из-за несогласия с его переориентацией на взаимодействие с Россией. Все более военизированный характер приобретало и весьма популярное в Галиции гимнастическое общество «Сокол». Общность целей Пилсудского и этих организаций способствовала их взаимодействию и помогала ему позиционировать свой проект как общенациональный, а не социалистический.

Все годы до начала Великой войны были заполнены у Пилсудского привлечением в движение за освобождение Царства Польского новых людей, обеспечением ему широкой поддержки польских партий Галиции, изысканием финансовых средств, в том числе и на собственное содержание. Успешно развивалось сотрудничество с австрийцами по линии разведки, без их поддержки нечего было думать о налаживании военной подготовки жаждавших сразиться с русскими за свободу Царства Польского молодых людей обоих полов, о получении оружия, необходимого для превращения вооруженных, фигурально говоря, деревянными винтовками стрелков, в кадровое ядро будущей регулярной армии. На работу в руководстве ППС, членом которого он был все эти годы, оставалось все меньше времени. От разрыва с партией его удерживало то, что, покинув ее, он превратился бы в частное лицо, потерял канал поступления разведывательной информации и пополнения стрелкового движения, важный инструмент подготовки восстания в Царстве Польском. Совершенно очевидно, что в это время он трактовал ППС сугубо инструментально, как только перечисленные выше

обстоятельства в августе 1914 г. перестали для него что-то значить, он навсегда с ней расстался. Это, пожалуй, самое веское доказательство того, что он никогда не был социалистом в точном смысле этого слова. Партия для него всегда была только инструментом для достижения главной жизненной цели — освобождения Царства Польского из-под русского господства.

Пилсудский усиленно готовил себя к роли командующего армией будущего свободного Царства Польского. Он был первым и единственным Главным комендантом Стрелковых союзов и дружин, много занимался самообразованием, изучал, в частности, стратегическое искусство Наполеона, труды Клаузевица и Мольтке, опыт англо-бурской и русско-японской войн, действий повстанцев 1863–1864 гг. Конечно, это не могло заменить специального профессионального образования, но давало кое-какие знания, чтобы не чувствовать себя полным профаном в военном деле. Тогда же происходят изменения в его ближайшем окружении. Наряду со старшими товарищами по партии, которые были с ним на «ты», называли подомашнему «Зюком», в нем появляется все больше новых, молодых лиц, будущих майоров, полковников и генералов польской армии, а пока что его горячих адептов, испытывающих к нему глубокое почтение. И не из-за разницы в возрасте, но потому, что он придал высокий смысл их существованию, реализовал их «сон о шпаге». Для них он навсегда останется «комендантом».

Пилсудский понимал, что теоретической подготовкой нельзя заниматься вечно, молодым нужно реальное дело, своя война. Большие надежды он связывал с балканским кризисом 1912 г. Пилсудскому казалось, что наступает долгожданный момент для реализации его проекта. Взрывоопасную ситуацию в Юго-Восточной Европе он расценил как преддверие скорой войны между Австро-Венгрией и Россией. 5 октября 1912 г. Главный комендант издал общий приказ по САБ, призывавший членов организации добровольно отправиться в Царство Польское и начать там подготовку национального восстания¹⁶. Следом за этим приступил к подготовке к созданию революционного правительства. Этим должна была заняться организованная по его инициативе в ноябре того же года Временная комиссия, орган сотрудничества ряда польских политических партий русской и австрийской Польши, сторонниц освобождения Царства Польского из-под власти России. Однако конфликт с Россией на этот раз не входил в планы Австро-Венгрии, а без нее нечего было думать о каком-либо восстании¹⁷.

16 *Piłsudski J. Pisma zbiorowe*. Т. III. S. 158–159.

17 Вся помощь австрийцев ограничилась выделением в распоряжение Ю. Рыбака 3 тыс. карабинов устаревшей системы Верндла, 3 тонн взрывчатки и 20 тыс. крон, а также выделением 10 тыс. крон на нужды стрелкового движения. Оружие и взрывчатку Пилсудский мог получить только в случае войны с Россией

С большим трудом Пилсудскому удалось сохранить единство сложившейся в 1912 г. коалиции партий и военизированных организаций. Временная комиссия была преобразована во Временную комиссию конфедерированных политических партий-сторонниц независимости с участием шести партий из Царства Польского и Галиции, вскоре отказавшуюся от определения «временная» в своем названии. Пилсудский был назначен ею Главным комендантом стрелковых союзов и стрелковых дружин. Могло показаться, что Пилсудский последовательно реализует свой проект освобождения Царства Польского: созданы военизированные организации, готовящие будущие командные кадры повстанческой армии, налажено взаимодействие социалистических и несоциалистических партий и организаций, необходимое для формирования общенационального временного правительства и повстанческой армии, организован фонд для финансирования стрелкового движения, объединенного под его руководством. Продолжало успешно развиваться сотрудничество с австрийскими военными.

Но на практике дела обстояли не так хорошо, как хотелось бы Главному коменданту. Росло недовольство его линией в ППС, вылившееся в выходе из нее ряда известных деятелей. Не внушали оптимизма темпы роста Стрелкового союза¹⁸. Неблагоприятное положение с финансами удалось переломить только в 1913 г., когда стали ежемесячно поступать пожертвования из США. Палки в колеса вставляли национальные демократы и влиятельные консерваторы, иначе представлявшие себе пути решения польского вопроса. Немалая часть населения Галиции воспринимала стрелковое движение как ничего не значащую забаву «горбатов и хромых студентов», которым не жалко свободного времени и денег на покупку форменной одежды и проезд до места учений. Недовольство чрезмерным возвышением Пилсудского высказывали и некоторые участники коалиции «независимовцев». В связи с этим он даже демонстративно сложил с себя полномочия Главного коменданта, но от своего проекта не отказался.

Поведение Пилсудского в предвоенные годы свидетельствовало, что у поляков появился политик, умевший рисковать, принимать ответственные решения и проводить их в жизнь. Этого не могли не понимать окру-

(*Stachiewicz J. Polskie plany mobilizacyjne przed wojną światową // Niepodległość. 1933. Z. 18. S. 34.*)

18 К середине 1913 г. численность членов стрелковых организаций достигла 8,5-10 тыс. человек. Значительно успешнее развивались в это время военизированные организации, политически связанные с национальными демократами. В частности, Полевые дружины гимнастического общества «Сокол» насчитывали в 1913 г. около 30 тыс. членов, из которых каждый четвертый имел военную подготовку. Военизированная крестьянская организация «Дружины Бартоша» — порядка 6 тыс. (годом позже ее ряды удвоились).

жавшие Пилсудского люди. Многие из них, еще недавно считавшие себя равными ему, отходили на второй план, и их место никто уже не занимал. По словам его старого соратника Михала Сокольніцкого, комендант становился все более одиноким в собственном лагере. Сходным образом характеризовал Пилсудского известный боевик, специалист по взрывному делу, в межвоенной Польше профессор Александр Лютце-Бирк. Причину мощнейшего воздействия Пилсудского на окружающих он объяснял присущей ему «логикой рассуждений и определенной «*exterieur*»... С ним нельзя было трепаться, а нужно было следовать за ходом его мысли и эту мысль развивать: да или нет, но нужно было ее развивать. Нужно было следовать за ним. А поскольку он для себя многие вещи обдумал, то доминировал над своим собеседником»¹⁹.

В начале лета 1914 г. казалось, что будущее проекта Пилсудского под большим вопросом. Две ничем не завершившиеся предшествующие военные тревоги в Европе притупили остроту восприятия происходящих событий галицийскими политиками. Озабоченные предстоящими первыми всеобщими выборами в галицийский сейм, они не сразу поняли значение сараевского «атентата» 28 июня 1914 г. В июле почти все деятели военизированных и политических организаций разъехались из Кракова на отдых²⁰. На этот раз действия Пилсудского ничем не напоминали ту лихорадочную активность, которую он проявлял в 1908 и 1912 гг. Серьезность ситуации стала понятна ему, видимо, лишь в середине июля 1914 г., когда Ю. Рыбак потребовал незамедлительно начать подготовку к проведению диверсий на территории Царства Польского, то есть мероприятий, предусмотренных соглашениями с австрийцами только на случай войны.

Это было равнозначно переходу к осуществлению главной цели его жизни. Пилсудский объявил мобилизацию стрелков. Охваченный нетерпением, он непрерывно разъезжал по Кракову в автомобиле, предоставленном в его распоряжение одним из почитателей. В ночь с 1 на 2 августа 1914 г. в кафе «Эспланада», где офицеры Стрелкового союза и Стрелковых дружин шумно отмечали достигнутое соглашение об объединении, в двух изолированных от зала для посетителей комнатах начал работу импровизированный штаб Пилсудского.

2 августа, в воскресенье, Учетное бюро Генштаба направило в разведывательные центры в Кракове, Перемышле и Львове инструкцию относительно формирования польских стрелков, а военное министерство выделило в их распоряжение 3 тысячи однозарядных винтовок Верндла и 300 тысяч патронов (с дымным порохом) к ним. Это оружие предназначалось для выдачи стрелкам еще в 1912 г. и с того времени хранилось на армейских

19 РГВА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 79. Л. 14.

20 Там же. Д. 120. Л. 7.

складах²¹.

В тот же день Пилсудский встретился с Рыбаком. Капитан разрешил коменданту стрелков начать мобилизацию своих подчиненных, а также обсудил вопросы, связанные с их вооружением и вторжением в русскую Польшу. Тогда же Пилсудскому было сообщено об изменении направления наступления стрелков в Царстве Польском. Вместо Домбровского бассейна, который вошел в полосу наступления германской армии, следовало действовать в направлении Кельце, то есть преимущественно в аграрных районах. Согласно же плану Пилсудского восстание планировалось начать в Домбровском бассейне, где ППС могла рассчитывать на поддержку многочисленного пролетариата. Нежелание австрийцев считаться с его жизненными планами не обескуражило Пилсудского, хотя было очевидным, что события развиваются не совсем по его сценарию. Не случайно в основу своего жизненного кредо он положил наполеоновский принцип: «Главное ввязаться в бой, а там посмотрим»²².

3 августа договорились о процедуре передачи части хранившегося на военных складах Кракова оружия и взрывчатки, определили места перехода границы с Россией. В тот же день было сформировано подразделение из 144 человек (1-я кадровая рота), которое Пилсудский предполагал развернуть после перехода границы в крупную воинскую часть. То есть техническая подготовка к началу реализации его плана проходила успешно.

21 На следующий день австрийское военное министерство издало приказ о передаче стрелкам еще 10 тыс. винтовок Верндла и 1 млн патронов. Выделение стрелкам устаревшего оружия не было случайным делом. 3 августа министр обороны страны направил наместнику Галиции распоряжение о преобразовании всех военизированных организаций в части ландштурма (народного ополчения). Эти формирования надлежало вооружить карабинами Верндла, а в случае использования на фронте, ополченцам следовало носить на левой руке черно-желтые повязки для обозначения, что они находятся под охраной международного права. В тот же день тот же министр запретил использование этих частей в качестве партизанских отрядов, так как это вело бы к нарушению норм международного права, а также их вооружение многозарядными винтовками. Ополченские формирования следовало подчинить командирам линейных частей, а их офицерский корпус сформировать из людей, служивших в австрийской армии — офицеров в отставке, запаса, а также старших унтер-офицеров (*Galicyska działalność wojskowa Piłsudskiego... S. 616–617*). Показательно, что военное командование не торопилось исполнить этот приказ, видимо в уверенности, что план Пилсудского сработает и восстание начнется.

22 Об этом он прямо говорит, например, в работе «Практические задачи революции». Ссылаясь на авторитет Наполеона, Мольтке и других выдающихся стратегов и знатоков военного искусства, он утверждал, что следует разрабатывать только начало кампании, так как ее дальнейший ход и развитие зависят прежде всего от действий и поведения неприятеля (*Piłsudski J. Pisma zbiorowe. T. III. S. 10*).

Хуже обстояли дела в политической области. Не дала результата попытка делегации Комиссии конфедерированных партий (ККП) получить от Вены твердое обещание создать самостоятельное государство в Царстве Польском. Галицийские национальные демократы, консерваторы и крестьянская партия отказались войти в состав блока поддерживавших Пилсудского партий, узнав от высокопоставленных австрийских государственных и военных руководителей, что движение «независимовцев» нужно им только для организации восстания в тылах русской армии и снабжения разведывательной информацией.

Таким образом, Пилсудскому не удалось изменить облик ККП. Она так и осталась центром притяжения политических партий преимущественно левого толка, не имела морального права выступать от имени всех польских общественных и политических сил, а тем более формировать будущее национальное правительство Царства Польского.

Вечером 5 августа состоялась дружеская встреча близкого окружения Пилсудского. Комендант, только что официально назначенный австрийцами на должность командира всех стрелковых формирований, был возбужден и полон надежд. И не удивительно, ведь на следующий день он в очередной раз приступал к осуществлению главной цели своей жизни — освобождению Царства Польского из-под русского господства.

6 августа 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну России. Теперь успех проекта Пилсудского зависел только от одного: найдет ли он поддержку у жителей Царства Польского, откликнутся ли они на призыв «К оружию!» и вольются ли в массовом порядке в ряды повстанческой армии. Ранним утром того же дня 1-я кадровая рота выступила в поход, пересекла государственную границу и к вечеру заняла первый польский городок Мехув, расположенный примерно в 40 км от Кракова. 7 августа к ней присоединились еще 450 стрелков, и 9 августа эта группа двинулась в направлении губернского города Кельце. Русская армия, заблаговременно отведенная от границы, сопротивления, естественно, не оказывала.

Пилсудский остался в Кракове. Не получив от австрийцев благословления на политическую составляющую своего проекта и так и не сумев создать общенациональное представительство на базе ККП, он решил добиться своего явочным порядком. Главный комендант применил ход, который, как он считал, должен был освободить его и армию от присяги Комиссии конфедерированных партий и дать неограниченную свободу дальнейших политических действий. На заседании ККП 6 августа Пилсудский огорошил присутствующих известием, что в Варшаве 3 августа создано Национальное правительство, которое потребовало, чтобы Главная комендатура ему подчинилась, и он с этим согласился. Комиссии, заявил он, следует признать этот свершившийся факт. Австрийцам же суть мистификации объяснил желанием придать своей организационной деятельности

политический характер, чтобы облегчить дунайской монархии действия в сфере гражданской организации и использования Царства Польского²³. В действительности он намеревался использовать ожидаемое им восстание для освобождения от австрийской опеки и немедленного создания польской армии под своим командованием как решающего аргумента в дальнейшем торге с Веней о будущем Царства Польского.

Однако жизнь вновь заставила его спуститься с облаков на землю. Казалось бы, он учел все факторы успеха плана: ненависть к России, патриотизм и жертвенность поляков, войну как детонатор освободительного движения, русский план боевых действий, согласно которому русская армия должна была спешно покинуть левобережную Польшу, многолетнюю пропаганду восстания, организационные мероприятия по созданию ячеек Союза активной борьбы. Стимулирование восстания было поставлено перед отправляющимися в Царство Польское стрелковыми подразделениями в качестве основной задачи. В канун и первые дни войны Пилсудский активизировал отправку в Царство Польское эмиссаров для ведения там пропагандистской деятельности. Некоторым из них поручалось также исполнение обязанностей представителей Национального правительства и создание его военных комиссариатов на местах. Эти административно-политические органы должны были играть в отношении вторгшихся на территорию Царства Польского немецких и австро-венгерских армий роль учреждений польской государственной власти и представителей местного населения.

А восстание не началось. Население Царства Польского в основной своей массе сохранило верность Романовым вплоть до Февральской революции 1917 г. Не подтвердилось и предвидение Пилсудского о развитии военной кампании. Тяжелое положение Франции заставляло русское командование делать все, чтобы отвлечь на себя как можно больше немецких войск. Нельзя было сдавать Варшаву без боя еще и потому, что это осложнило бы готовившееся наступление в Галиции. Поэтому русские оставили на левом берегу Вислы часть своих сил. То есть оказалось, что проект Пилсудского базировался на ложных основаниях. Столь оглушительный провал буквально шокировал его. В 1939 г. профессор Шимановский вспоминал об этих днях: «Тот, кто видел Пилсудского в Кельце так, как видел его я, тот должен был заметить у него следы большого разочарования и подавленность... Пилсудский был в страшном настроении и под впечатлением общего провала»²⁴.

В свете произошедшего, мистификация с Национальным правительством и якобы создаваемой им польской армией оказалась ненужной. Более того, Пилсудский потерял возможность распоряжаться судьбой даже

23 Galicyjska działalność wojskowa Piłsudskiego... S.626.

24 РГВА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 79. Л. 50.

стрелковых организаций, командиром которых он был официально назначен австрийцами. Дело в том, что австро-венгерское командование не могло долго терпеть в рядах армии некомбатантское партизанское формирование. Русские войска, в полном соответствии с международными нормами ведения войны, расстреливали попавших в их руки польских стрелков²⁵. Если бы австрийцы просто расформировали стрелковые части Пилсудского, то нанесли бы смертельный удар по его проекту. К счастью, этого не случилось, поскольку им было нужно движение «независимовцев». Выход нашел Владислав Сикорский, активист САБ и стрелкового движения, которого Пилсудский 10 августа 1914 г. назначил военным комиссаром (т.е. своим уполномоченным) для Галиции. Он предложил австро-венгерскому Главному командованию создать на базе стрелковых и соколых формирований Польский добровольческий корпус.

Одновременно Главный комендант потерпел фиаско и на политическом фронте. Его довоенные оппоненты — краковские консерваторы и Польские демократы 16 августа создали Главный национальный комитет (ГНК) как высшую политическую инстанцию провинции, взявшую в свое ведение и все вопросы формирования и последующего развития Польского добровольческого корпуса. Комиссия конфедерированных партий-сторонниц независимости признала новый орган и самораспустилась. Возникновение ГНК похоронило идею национального правительства. В случае непризнания Пилсудским нового органа, он оставался бы ни с чем. Признав ГНК, он сохранял возможность в будущем изменить свое далеко не простое положение. Комендант понял это быстрее, чем его окружение, продолжавшее цепляться за концепцию национального правительства. Чтобы убедить соратников в своей правоте, Пилсудский даже пригрозил самоубийством, если они будут упорствовать²⁶.

Исходя из полученного от австрийцев согласия на формирование добровольческого корпуса, ГНК принял решение организовать два легиона, по одному в Восточной и Западной Галиции²⁷. Их основу должны были составить стрелковые союзы и стрелковые дружины, в оперативном отношении подчиненные австро-венгерскому командованию. Польский характер корпуса обеспечивался назначением на командные должности австрийских офицеров польской национальности, введением особой формы одежды и польских знамен. Вооружение осуществлялось по нормам, предусмотренным для регулярной армии, в том числе артиллерией и пулеметами. Но самое главное, легионеры приобретали статус комбатантов.

25 В русской армии был отдан соответствующий приказ, чтобы не поощрять переход поляков из числа русских подданных на сторону противника.

26 РГВА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 120. Л. 10.

27 Восточный легион создать не удалось, на стороне австрийцев воевал только Западный легион. Но в историографии сохранилась традиция называть его во множественном числе — легионы.

Пилсудскому, как он надеялся, командование создаваемым формированием не доверили, в его подчинении оставили только 1-й полк^{28 29}. Это было немного, но все же что-то. Могло быть и хуже: судьба обычного эмигранта, к тому же подданного вражеского государства. И в этой непростой ситуации Пилсудский вновь показал себя настоящим политиком, способным противостоять превратностям судьбы и максимально полно использовать малейшие возможности для изменения трагического положения к лучшему. Свой 1-й полк он превратил из чисто военной в военно-политическую часть, а его бойцов — в личную гвардию, готовую на все ради своего команданта, а с ноября 1914 г. бригадира, командира созданной в декабре того же года на базе полка бригады^{30 31 32}.

С августа 1914 до осени 1916 г. Пилсудский пребывал в состоянии непрерывной борьбы с командованием легиона, военным департаментом Главного национального комитета, который возглавлял В.Сикорский, самим ГНК. Пытался шантажировать австрийцев возможным переходом к немцам, препятствовал вербовке в оккупированном Царстве Польском добровольцев в легион, в котором помимо его полка/бригады были еще две части/соединения, не проявлявшие особых политических наклонностей. Имевшийся у него огромный опыт пропагандистской деятельности и наличие в его окружении большого числа творческих людей позволили очень быстро убедить многих поляков в том, что создание легиона — это его исключительная заслуга. Примером тому может служить широко отмеченный легионерами, общественными организациями и поляками Галиции и Царства Польского день его именин 19 марта 1915 г. В многочисленных поздравлениях бригадира именовали «гениальным вождем», «нашим героем», «творцом вооруженной силы», «воскресителем славы польского оружия», «восстановителем государственно-творческой традиции и инстинкта героизма в народе» и т.п.³³ Так было положено начало традиции «всемирного» празднования именин Пилсудского, продолжавшейся вплоть до 1939 г.

И все это делалось ради того, чтобы австрийцы назначили Пилсудского командиром легиона и согласились сами, а также убедили немцев в необходимости создания на территории оккупированного Царства Польского самостоятельного государства с армией под его командованием. По-

28 Но это не значит, что он оказался в опале у австрийцев. В конце 1914 г. был принят на личной аудиенции императором Францем Иосифом, в 1915 г. награжден орденом Железной Короны.

29

30 Это звание, соответствовавшее генералу низшего ранга, было присвоено Пилсудскому в конце 1914 г.

31

32

33 РГВА. Ф. 476. Оп. 2. Д. 41. Л. 1–58.

скольку австрийцы и ГНК игнорировали эти претензии, в июле 1916 г. он решился на прямой шантаж, подав рапорт об отставке и демобилизации из ландштурма. Австрийцы, давно раскусившие игру бригадира, шантажу не поддались и в сентябре удовлетворили рапорт. Это было очередное, но не последнее фиаско Пилсудского. И вновь он продемонстрировал силу воли, не запаниковал, не стал проситься обратно на службу. Вполне возможно, что к тому моменту он уже знал о том, что в августе 1916 г. Берлин и Вена пошли на очередное нарушение международных норм, решив создать на территории русской Польши самостоятельное Польское королевство. Не легко было сохранить такую договоренность в тайне от поляков, которых немало было в придворных и правительственных кругах Австро-Венгрии. Как бы там ни было, судьба дала Пилсудскому очередной шанс.

5 ноября 1916 г. австро-венгерским и германским генерал-губернаторами от имени своих императоров был оглашен манифест о создании «самостоятельного» (но не независимого) государства из польских земель, «вырванных из-под русского господства». Польское королевство должно было стать наследственной монархией с конституционным строем. Точное определение его границ откладывалось на будущее, но было известно, что польские земли в составе Германии и Австро-Венгрии в него не войдут. Этот акт был осужден Россией и ее союзниками. Зато его с восторгом восприняли сторонники Пилсудского в польских землях и среди эмигрантов, видя в нем свидетельство торжества политического гения их кумира и исполнение вековой мечты поляков³⁴. Реакция на манифест 5 ноября Пилсудского, в очередной раз оказавшегося не у дел, была сугубо положительной. Он тут же призвал своих сторонников из числа подданных Российской империи, вслед за ним покинувших легион, вернуться на службу, а также предложил будущему правительству Польского королевства свои услуги в качестве военного.

8 ноября 1916 г. германский генерал-губернатор Ганс Гардвиг фон Безелер, не дожидаясь образования каких-либо польских органов вла-

34 В качестве образчика такой реакции можно привести отправленное на его имя следующее приветствие: «Собравшиеся 12 ноября т.г. в Новом Тарге на торжественное собрание по случаю провозглашения Польского государства легионеры всех бригад и граждане всех сословий местного общества воздают почести творцу легионов и выражают надежду, что тот, который мощью своего великого духа создал легионы, организует Польскую армию, что приведет к возрождению вольного польского народа» (РГВА. Ф. 476. Оп. 2. Д. 39. Л. 98). А из далекой Бразилии поклонник Пилсудского К. Рызиньский писал: «Пришли телеграммы: провозглашена независимость. Теперь все в наших руках. Нужно действовать, приложить титанические усилия. Я здесь сделаю свое». На организованном им торжественном собрании была принята резолюция с требованием к властям страны немедленно признать Польское королевство (РГВА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 39. Л. 42, 44).

сти, призвал поляков вступать в польский вермахт. Тем самым он продемонстрировал подлинную цель реализуемого Центральными державами плана — получить «пушечное мясо» в обмен на создание марионеточного польского государства на территории русской Польши. А так как добровольный набор без участия влиятельных польских политиков провести было сложно, немцы решили подключить к этому делу Пилсудского.

В начале декабря 1916 г. Безелер согласился на приезд Пилсудского в Варшаву. Бригадир вошел в состав Временного государственного совета (ВГС), первого польского органа власти во вновь провозглашенном государстве, возглавил его военную комиссию. Однако скоро понял, что и на этот раз, теперь уже немцы, хотят использовать его авторитет и влияние исключительно в собственных целях. Должность командующего формирующимся польским вермахтом, благодаря которому Пилсудский планировал стать реальной политической силой, занял Безелер. Военной комиссии фактически была отведена роль вербовочного бюро. Созданная бригадиром в Царстве Польском в 1914 г. Польская военная организация (ПВО) не могла обеспечить ему независимой позиции в отношениях с Веной и Берлином.

В марте 1917 г. в России произошла революция, и Временное правительство признало право поляков всех земель на независимое государство при условии его «свободного военного союза» с Российской республикой, чтобы оно не могло стать в будущем союзником Германии и Австро-Венгрии. Вступление в войну США в апреле 1917 г. существенно повысило шансы Антанты на победу. Все указывало на то, что торжествует концепция Р. Дмовского, уже более 10 лет связывавшего решение польского вопроса с Россией и Антантой.

Пилсудский позитивно оценил победу Февральской революции в России и принятые в Петрограде решения по польскому вопросу, устранявшие международно-правовые препятствия строительству независимого государства в бывшей русской Польше уже во время войны. Об этом он прямо заявил в июне 1917 г. на закрытом заседании ВГС. Однако оккупанты по-прежнему не желали менять свое отношение к Польскому королевству и его армии. Это толкнуло Пилсудского на отказ от проекта решения судьбы русской Польши с помощью Вены и Берлина.

Видимо, это решение созрело в апреле-мае 1917 г. В мае бригадир приказал полуявной Польской военной организации перевести свою деятельность в подполье, продолжая одновременно рекрутирование новых членов. Стал подумывать о создании собственного заграничного центра в России, используя для этого существующие там структуры ПВО и политические организации, признававшие его авторитет. А он был немалым, не случайно 8 июня 1917 г. съезд Союза военных поляков в Петрограде избрал его своим почетным председателем.

К своему скрытому противостоянию с Безелером бригадир пытался привлечь других членов Временного госсвета. В частности, подбивал их солидарно подать в отставку в связи с нежеланием оккупантов передать ВГС контроль над польским вермахтом. Скрытно противодействуя вербовке добровольцев в это формирование, он в конце апреля воздержался при принятии соответствующего воззвания ВГС, мотивируя это тем, что не может быть армии без правительства. Наконец, в начале июня на одном из заседаний совета он объявил о своем намерении подать в отставку с поста руководителя Военной комиссии. Во второй половине июня вел в Люблине переговоры с генералом Станиславом Шептицким о возвращении на австрийскую службу в качестве командира польских частей. Однако австрийцы ему отказали. В июне — начале июля Пилсудский вполне серьезно рассматривал возможность перехода через линию фронта на русскую сторону. Его соратники свидетельствуют, что к тому времени он уже не сомневался в поражении Центральных держав.

В таких условиях следовало определить тактику ухода с политической авансены для своего движения и себя лично. В апреле 1917 года австрийцы передали легион под командование Безелера. В его рядах было много людей, готовых выполнить любой приказ бригадира. Включаемые в состав польского вермахта легионеры должны были присягнуть на верность германскому императору. Бригадир считал, что отказ от присяги был бы наилучшим способом продемонстрировать разрыв легиона с немцами. Правда, «отказникам» грозили суровые кары, поэтому он оставил легионерам свободу выбора. 9 июля, во время присяги, около 3 300 легионеров из бывших подданных России отказались это сделать. Они были интернированы и посажены в концентрационные лагеря. Примерно 3 500 подданных Габсбургов отправили в австрийскую армию на Итальянский фронт. Часть легионеров присягнула. В том числе почти вся II бригада, которая позже, под Каневом, организовано перешла на русскую сторону.

2 июля бригадир подал в отставку с поста референта Военной комиссии. Главной причиной этого шага было названо нежелание немцев, на сотрудничество с которыми он пошел из патриотических, а не политических соображений, дать согласие на создание самостоятельной польской армии. Теперь Пилсудского ничего больше не связывало с вчерашними союзниками, из государственного деятеля он превратился в частное лицо.

Но, даже будучи не у дел, он был крайне неудобен для Безелера, мешал ему выполнять инструкции Берлина. 22 июля 1917 г. немцы арестовали Пилсудского и Соснковского. Репрессиям подвергся и ряд членов Польской военной организации, в том числе и ближайшие соратники бригадира. Пройдя через тюрьмы в Данциге, Берлине и крепости Везель, Пилсудский спустя месяц был изолирован в Магдебургской крепости. Условия содержания не были излишне суровыми. Его трактовали как пленного

офицера высокого ранга со специальными привилегиями. Здесь, в достаточно комфортных бытовых условиях, но без права свидания с родными и соратниками, бригадир находился долгих 14 месяцев. Ему, человеку чрезвычайно деятельному, оставались только чтение местной прессы и книг, игра в шахматы с самим собой и раскладывание пасьянсов. Он немного писал, много гулял и думал. Легче стало в конце лета 1918 г., когда к нему перевели из магдебургской тюрьмы К. Соснковского, его бессменного начальника штаба со времен Стрелкового союза³⁵. 8 ноября 1918 г., в условиях разгорающейся в Германии революции, узники обрели свободу. На следующий день специальный поезд увез их в Варшаву, которая все еще была в руках немцев.

За 15 месяцев, проведенных Пилсудским в заключении, в судьбе польского народа произошли кардинальные изменения. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, сложившимися для польского вопроса после Февральской революции, Р.Дмовский сумел существенно продвинуть вперед его решение. Летом 1917 г. во Франции начала формироваться союзная Антанте польская армия, а через год первый польский полк отправился на Западный фронт. В августе — сентябре 1917-го был создан и признан западными державами Польский национальный комитет (ПНК) в качестве официального представительства польского народа. С рубежа 1917—1918 гг. можно говорить о фактическом признании международным сообществом возрождения независимого польского государства³⁶. Особенно важным для польского дела, учитывая стремительно возрастающее влияние США, был 13-й пункт программы В.Вильсона, гласивший: «Следует создать независимое польское государство, которое должно охватывать земли с бесспорно польским населением, иметь свободный и безопасный выход к морю, политическая, хозяйственная и территориальная целостность ко-

35 Следует вполне согласиться с оценкой последствий интернирования, данной А. Гарлицким: «Если в личном отношении пребывание в Магдебурге было тягостным и трудным для Пилсудского, то в политическом отношении оно стало его огромным успехом... Арест стал великолепным выходом из все более двусмысленной и непопулярной концепции сотрудничества с Германией. Пилсудский становился жертвой преследований, символом борьбы с оккупантами. Каждая неделя, каждый месяц пребывания в Магдебурге повышали его популярность, превращали его в руководителя нации... месяцы немецкой тюрьмы стали полным политическим успехом, позволили Пилсудскому не только восстановить прежнюю репутацию, но и создали ему позицию, которой у него еще никогда не было. Больше не имели значения зигзаги его политики — их прикрыв факт заключения» (*Garlicki A. Józef Piłsudski. 1867—1935. Warszawa, 1990. S. 199*).

36 Юридическое признание нового государства относится к июню 1919 г., когда Польша подписала соответствующий договор с державами-победительницами и согласилась на международную охрану прав национальных меньшинств на своей территории.

торого должна быть гарантирована международным пактом».

Но это был только один, хотя и важнейший, шаг в совокупности действий, сопутствующих рождению нового государства. Предстояло еще определиться с формой правления, создать общепризнанное в стране и мире правительство, установить государственные границы. Попытки Дмовского добиться от Запада согласия на безусловное вхождение в состав Польши помимо этнически польских земель также значительных территорий с далеко не всегда преобладающим польским населением на востоке, западе и севере не получили одобрения США и держав Антанты, особенно Великобритании.

Сторонники Р. Дмовского, несмотря на то, что он являлся общепризнанным на Западе польским лидером и пользовался достаточно широкой поддержкой в стране, не имели необходимых технических возможностей, чтобы в момент перехода от войны к миру быстро создать в Польше институты власти, особенно армию, и обеспечить нормальную жизнедеятельность возрожденного государства. Из-за противодействия прежде всего Великобритании Дмовскому не удалось организовать переброску польской армии из Франции сразу же после окончания войны. А без армии нечего было думать о реализации амбициозных территориальных проектов, создании сильного, авторитетного правительства, способного справиться с растущим радикализмом части общества и влиянием революционных партий, стремившихся установить в Польше советскую власть.

В этом отношении позиции Пилсудского были более предпочтительными. Пилсудчики давно и настойчиво занимались укреплением и расширением своего влияния в обществе. И хотя большинство поляков Царства Польского игнорировало их усилия, все же удалось привлечь в ПВО около 15 тыс. молодых, активных, патриотически настроенных людей. В распоряжении Пилсудского было несколько тысяч легионеров, имевших значительный боевой опыт и способных стать костяком регулярной армии. Да и он сам из малоизвестного лидера социалистической партии и руководителя ее боевой организации превратился в популярного политика, известного во всех частях Польши, достаточно авторитетного и ко всему прочему имевшего опыт управления большими массами людей. Правда, большинство своих проектов Пилсудскому осуществить не удалось, но полностью оправдалась мысль, что созданные им военные и политические структуры могут оказаться востребованными, когда вопрос о независимости перейдет в стадию практического решения.

К моменту приезда Пилсудского в Варшаву политическая ситуация в Польше была крайне запутанной: в столице продолжали функционировать созданные еще при немцах Регентский совет и правительство, в Кракове — Польская ликвидационная комиссия, в Люблине — Народное правительство, в Познани — Главный народный совет. Все они имели до-

статочно ярко выраженную политическую окраску, в связи с чем не демонстрировали готовности к компромиссу и консолидации. Стране, во что бы то ни стало, нужен был общенациональный лидер, способный встать над политическими и региональными различиями и сплотить нацию вокруг государственной идеи. И такой лидер нашелся. Им стал Пилсудский.

С первых минут пребывания на родной земле бригадир дал понять, что не будет придерживаться какой-либо политической ориентации, в том числе и социалистической, к которой его противники все еще продолжали его причислять. Раньше всего это поняли, пожалуй, консервативные политики, дискредитированные в обществе сотрудничеством с оккупантами. Регентский совет, прежде чем самораспуститься, 12 ноября поручил ему сформировать общенациональное правительство, передал военную власть и главное командование польским вермахтом, а затем и верховную власть до созыва сейма. Центристские и правые партии его примирительные жесты первое время игнорировали, поэтому до января 1919 г. бригадир вынужден был опираться на полностью ему лояльное левое правительство. За время пребывания у власти, левые успели провести ряд мероприятий в социальной области, в связи с чем Польша в этом отношении сравнялась с развитыми западными странами. Во многом благодаря пребыванию левых у власти удалось погасить социальный радикализм и не допустить раскола общества на непримиримые лагеря. Они же назначили Пилсудского начальником государства, формализовав его позицию главы государства, которую он де-факто занимал с момента возвращения из Магдебурга.

Лишь в декабре 1918-го на контакт пошли национальные демократы, причем для обеих сторон сближение было вынужденным. Без поддержки Дмовского Пилсудский так и не сумел добиться признания победителями варшавского правительства, а национальные демократы без взаимодействия с Пилсудским не могли влиять на внутреннюю политику. Платой за компромисс стало включение людей Пилсудского в состав польской делегации на Парижской мирной конференции и согласие начальника государства на устранение левого кабинета Енджея Морачевского. Для этого даже пришлось пойти на инсценировку государственного переворота³⁷. 16 января 1919 г. левый кабинет был заменен правительством специалистов во главе с Игнацием Падеревским. Этот широко известный в мире пианист и композитор оказался для Запада достаточной гарантией умеренности варшавских властей, следствием чего явилось официальное признание его кабинета ПНК, а конце января — феврале 1919 г. и великими державами.

Легче всего решился вопрос о форме государственного устройства страны. Победа западных демократий и широко распространенное убеж-

37 Подробнее об этом см: *Matwiejew G. Kto krył się za kulisami spisku styczniowego 1919 r. oraz manifestacji grudniowych 1922 r.? // Teki archiwalne. Seria nowa. T. 5 (27). 2000. S. 3–11.*

дение, что республика — наилучшая форма правления предопределили выбор именно ее для Польши. В январе 1919 г. на контролировавшейся варшавским правительством территории прошли демократические выборы, а в феврале в Варшаве собрался сейм. Таким образом, в течение четырех месяцев при самом активном участии Пилсудского были решены две важнейшие задачи: создано общепольское правительство и обеспечено его международное признание.

Оставалась последняя, наиболее сложная для решения задача — установление государственных границ Польши. От того, как это будет сделано, зависели ее текущие и будущие отношения с соседями, место и роль в системе международных отношений. Сложность проблемы состояла в том, что накануне гибели в XVIII в. Речь Посполитая включала в свой состав помимо польских, также литовские, частично латышские, белорусские и украинские территории. В 1918 г. политические элиты этих народов не были едины в вопросе о будущем. Одни стремились создать собственные независимые государства, другие хотели единения с РСФСР, были и сторонники объединения с Польшей, но их было мало. В связи с этим возникала проблема поливариативности устройства региона между Польшей и Россией. В пользу территориальных претензий Варшавы было то, что великие державы воздерживались от принятия однозначных решений по проблеме разграничения в регионе, надеясь на благоприятное для них решение вопроса о власти в России. Это оставляло возможность для проведения здесь столь любимой Пилсудским политики свершившихся фактов³⁸.

Сложным было польско-чехословацкое и польско-германское разграничение, поскольку некоторые спорные территории (Тешинская и Верхняя Силезии) были утрачены Польшей еще в средние века, в других (Поморье, Вармия, Гданьск, Мазуры) преобладало непольское население. К тому же, решающее слово в установлении здесь границ принадлежало западным державам, легальные возможности поляков влиять на принимаемые ими решения были весьма ограниченными.

Поэтому Пилсудскому было непросто найти формулу обеспечения безопасности Польши. Если бы он согласился на этнические границы, как того хотели в свое время Временное правительство России и В. Вильсон, то получилось бы расположенное между мощными Германией и Россией относительно небольшое государство площадью порядка 120–130 тыс. кв. км. Он абсолютно не верил в прочность создававшейся в Париже системы европейской и мировой безопасности, поэтому считал нужным включить

38 В оправдание Пилсудского следует сказать, что военные действия в Восточной Галиции начались до освобождения его из Магдебурга, т. е. без всякого его участия. Так что на украинском направлении он не был свободен в выборе своей политики, а вынужден был действовать исходя из существовавшей обстановки.

в состав Польши ряд спорных территорий на востоке и западе, а также повысить ее мощь за счет создания собственной системы союзов. А для проведения в жизнь своего плана использовать как вооруженную силу, так и дипломатию.

Было бы неправильным утверждать, что все свое внимание бригадир, а с марта 1920 г. Первый маршал Польши (именно такое звание было ему присвоено соответствующей комиссией) сосредоточил только на восточном направлении, хотя здесь его действия были наиболее явными³⁹. Не менее серьезно он относился к проблеме разграничения с Германией. С этой целью на спорных территориях были созданы отсутствовавшие здесь структуры Польской военной организации, сюда направлялись военные инструкторы, офицеры для формирования повстанческих отрядов, оружие и боеприпасы. Пилсудский и его люди стояли за всеми тремя Силезскими восстаниями 1919–1921 гг. Без скрытых усилий Пилсудского и польских правительств Польша вряд ли сумела бы получить большую часть Силезского промышленного округа, ставшего в межвоенный период ее индустриальным сердцем⁴⁰.

Однако и на этот раз ему не удалось реализовать в полном объеме свой план. Хотя на востоке в состав Польши и были включены основные территории, на которые претендовали и Дмовский, и Пилсудский, но провалился проект создания пояса независимых государств по периметру России, состоящих с Польшей в федеративных и дружественных отношениях. Зато советское правительство образовало Украинскую и Белорусскую советские республики, постоянно помнившие об отторгнутых у них землях и оказывавших соответствующее давление на Кремль с целью их возвращения. Непоправимо были испорчены отношения с Германией и Литвой, Чехословакии Пилсудский не мог простить потерю спорной области в Тешинской Силезии. То есть Польша не сумела заложить основы хороших отношений с большинством соседей (исключение составляла только Румыния, партнер слабый и ненадежный) и прочной безопасности в будущем. Но неправильно было бы обвинять в этом только Пилсудского или польский политический класс, это не позволяли сделать объективные условия рубежа 1910–1920-х гг.

Юзефа Пилсудского без натяжек можно считать счастливым человеком. Он относится к числу людей, сформулировавших в юности для себя

39 Существует обширная отечественная и зарубежная литература, посвященная восточной политике Пилсудского. Среди наиболее свежих работ — монографии И.В. Михутиной, М.И. Мельтюхова, С. Полторака, А.П. Исаева, И.С. Яжборовской и В.С. Парсадановой.

40 Большая часть польских границ получила международное признание в 1923 г., но окончательно этот процесс завершился лишь в 1938 г., когда Пилсудского уже почти три года не было в живых. Именно тогда Литва была принуждена к этому польским ультиматумом.

высокую цель общественного служения и сумевших дожить до ее осуществления. В данном случае такой целью стало решение вернуть Польше свободу и независимость. Пилсудский, несмотря на все превратности судьбы, трудности и неудачи, не отказался от нее, воодушевил и увлек за собой тысячи людей, и, в конечном счете, внес столь огромный вклад в возрождение польской государственности, что вполне мог считать себя ее творцом. Да, его творение оказалось не очень жизнестойким, но ведь непрочным, как выяснилось, был весь мировой порядок в 1919—1939 гг.

Скорее всего, в декабре 1922 г., когда Польша стала жить по конституции 1921 г., маршалу нужно было уйти с политической сцены бесповоротно, с чувством хорошо выполненной исторической для его страны и народа миссии. Но как же, видимо, трудно было сделать это в его, в общем-то, не старом возрасте, когда кажется, что все знаешь, умеешь и можешь, и когда видишь, что твое дело переходит в руки людей, относительно государственного ума которых испытываешь серьезные сомнения. Но демократия тем и хороша, что не требует в обычных условиях провиденциальных мужей.

Пилсудский вернулся к государственному кормилу Польши в мае 1926 года, на этот раз путем государственного переворота. Установил свою диктатуру, чтобы править так, как *Он* считал правильным, чтобы заложенный им самим в основы международной безопасности Польши изъян не привел ее к новой катастрофе. Он хотел и, как ему казалось, делал все, чтобы Польша была сильной и великой. Но жизнь не считается с хотениями даже великих людей, у нее свои, только ей ведомые пути. Юзеф Клеменс Пилсудский умер 12 мая 1935 г., в окружении родных и близких, с твердым убеждением, что не зря проделал свой жизненный путь и потомки его не забудут. И в этом он не ошибся.

ГЕТМАН ВСЕЙ УКРАИНЫ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ СКОРОПАДСКИЙ¹

Бурные события революции и гражданской войны в Российской империи привели к появлению ряда политических фигур, сыгравших особую роль в жизни населявших ее народов. Для новейшей истории Украины одной из таких фигур по праву считается Павел Петрович Скоропадский, воплотивший на практике свое видение национальной государственной жизни.

Наследник одного из самых известных родов казацкой Украины², Павел Петрович родился 3 (16) мая 1873 г. в Висбадене и первые пять лет своей жизни провел в Германии. В раннем детстве он говорил только по-немецки, а русский выучил после переезда на Украину, в имении деда Ивана Михайловича Скоропадского в Тростянце. Скоропадский вспоминал, что первые украинские впечатления связаны именно с домом деда: «Украина понималась как славное родное прошлое, но отнюдь не связывалась с настоящим, другими словами, никаких политических соображений, связанных с восстановлением Украины, не было. Моя вся семья была глубоко предана российским царям, но во всем подчеркивалось как-то, что мы не великороссы, а малороссияне, как тогда говорилось, знатного происхождения»³. В доме везде висели портреты гетманов, политических и культурных деятелей Украины. Между гетманами висел и портрет Мазепы: «в доме ему не преклонялись, как это делают теперь украинцы, видя в нем смысл украинской самостийности, а молчаливо относились с симпатиями...»⁴.

В 10 лет Павел вместе с семьей переехал в Москву. Получив классическое гимназическое образование, в 1886 г. он вступил в Пажеский корпус в Санкт-Петербурге. В 1892 г. получает первый армейский чин камер-пажа. Военная карьера Скоропадского складывалась успешно: в 1895 г. он стал полковым адъютантом, через два года — поручиком, а после русско-японской войны — полковником и флигель-адъютантом Николая II. В 1912 г. Скоропадский получил звание генерал-майора. В начале Первой мировой войны он командовал кавалерийским полком, а в 1916 г. получил звание генерал-лейтенанта. Успешно складывалась и личная жизнь: в 1897 г. Павел Петрович Скоропадский женился на Александре Дурново⁵,

1 Исследование выполнено при финансовом содействии Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-01-911-03а/Ук).

2 О генеалогии Скоропадских см.: *Резнт О.П.* Павло Скоропадський. Київ, 2003. С. 8–17.

3 *Скоропадський П.* Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995. С. 387.

4 Там же. С. 387–388.

5 Дочери генерал-адъютанта Петра Дурново и Марии из княжеского рода Кочубеев.

родившей ему шестерых детей.

Как вспоминал Скоропадский, несмотря на свою службу в Петрограде, он постоянно ощущал свою причастность к украинскому обществу. Он был знаком с черниговским земским деятелем, сотрудником архивной комиссии, знатоком украинской истории П.Я. Дорошенко, литературным критиком и искусствоведам В.П. Горленко, активно сотрудничавшим с «Киевской стариной», а также с этнографом и педагогом Я.П. Новицким. «...Я постоянно занимался историей Малороссии, всегда страстно любил Украину не только как страну с тучными полями, прекрасным климатом, но и со славным историческим прошлым, с людьми, вся идеология которых разнится от московской...»⁶, — писал Скоропадский. Подчеркивая свою любовь к Украине, он отмечал и отличие между собою и «украинскими кругами». Последние, по выражению Павла Петровича, «любя Украину, ненавидят Россию». У Скоропадского же этой ненависти не было: «Я люблю русский язык, украинцы его терпеть не могут; по крайней мере, делают вид, что не любят его; я люблю среднюю Россию, Московщину — они находят, что эта страна отвратительна; я верю в великое будущее России, если только она переустроится на новых началах...» Под этими новыми началами Скоропадский подразумевал такое федеративное устройство, «где бы всякая составная часть могла свободно развиваться»⁷.

С другой стороны, наследник старого гетманского рода подчеркивал «невыносимость» поведения великорусских кругов на Украине. «Эти великороссы совершенно не понимали духа украинства, — утверждал Скоропадский. — Простое объяснение, что все это вздор, что выдумали украинство немцы и австрийцы ради ослабления России, — неверно»⁸. Немцы и австрийцы тут не при чем, хотя общение с Галицией и имело, по мнению Скоропадского, громадное значение для усиления украинской идеи среди некоторых кругов: «Просто люди обращались во Львов, т.к. отношение ко всему украинскому в этом городе было свободно». Со временем, продолжал Скоропадский, за это украинство ухватились и австрийское правительство, и немецкое. Но он был убежден, что «украинство жило среди народа, а эти правительства лишь способствовали его развитию, поэтому мнению великороссов, что украинства нет, что оно искусственно создано нашими бывшими врагами, — неверно»⁹.

Учитывая особенности позиции Скоропадского, становится вполне понятным, почему царский генерал принял такое активное участие в бурных событиях на Украине в 1917–1918 гг. После февральской революции 1917 г. в Петербурге, столь повлиявшей на политический облик Российской

6 *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 48.

7 Там же. С. 48.

8 Там же.

9 Там же. С. 49.

империи, на Украине национальное движение стало развиваться быстрыми темпами, пройдя путь от требований национально-территориальной автономии до провозглашения государственной независимости. Уже 4 марта в Киеве был создан орган, претендовавший на ведущую роль в политической жизни Украины — Украинская центральная рада во главе с М.С. Грушевским. В июне на Украине появился и исполнительный орган власти — Генеральный секретариат во главе с В.К. Винниченко, а вскоре Центральная рада в своем постановлении — Универсале уведомила о подготовке проекта закона об автономном устройстве Украины. «Мы, украинцы, хотели жить и проявлять себя во всех сферах и областях жизни, — писал В.К. Винниченко. — Мы полагали, что все общественные, политические и социальные учреждения должны быть для народа, а не народ для них. На Украине — народ украинский, Поэтому для него, как украинского народа должны быть все учреждения: правительство, администрация, школа, суд. А также и армия»¹⁰.

В армии украинское движение стало активно развиваться уже весной 1917 г. Первый Всеукраинский войсковой съезд, состоявшийся в мае в Киеве, одобрил идеи формирования армии по национальному признаку. В июле 1917 г. в распоряжение 34-го корпуса, которым командовал Павел Петрович Скоропадский, прибыл представитель Украинского генерального войскового комитета, комиссар при штабе Юго-Западного фронта, член Украинской центральной рады поручик П. Скрипчинский с распоряжением об украинизации соединения. Скоропадский, как пишут историки, с большой осторожностью относился к идее украинизации армии, опасаясь, что это негативно скажется на ее боеготовности¹¹. Встретившись с командующим Юго-Западного фронта генералом Л.Г. Корниловым и получив приказ об украинизации корпуса, Скоропадский попытался возразить: корпус впоследствии может стать серьезным фактором «для развития украинства в нежелательном для России смысле». Однако Корнилов был настойчив. Как вспоминал Павел Петрович, командующий сказал: «Все это пустяки, главное война. Все, что в такую критическую минуту может усилить нашу мощь, мы должны брать. Что же касается Украинской рады, впоследствии мы ее выясним»¹². Скоропадский подошел к делу со всей основательностью, постарался укрепить дисциплину и наилучшим образом подготовить новоприбывших прапорщиков. Соединение Скоропадского получило название Первого украинского корпуса.

Авторитет Скоропадского начал стремительно расти. В своих воспоминаниях он писал: «Оказывается..., что среди украинских кругов ра-

10 *Винниченко В.* Відродження нації. Ч. 1. Київ, 1920. С. 125–126.

11 *Решт О.П.* Указ. соч. С. 35–41; *Папакін Г.В.* Павел Петрович Скоропадский // Вопросы истории. 1997 № 9 С. 65.

12 *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 64.

бота моя над созданием украинской крупной части имела большое значение в смысле популяризации моего имени»¹³. Генерал стал пользоваться авторитетом среди имущих слоев населения и в казачьей среде¹⁴. Вскоре произошли события, коренным образом повлиявшие на судьбу генерала. В начале октября 1917 г. в Чигирине открылся Всеукраинский съезд Вольного казачества, на котором выбрали Генеральную раду и атамана Вольного казачества, которым и стал Павел Петрович Скоропадский.

После октябрьских событий отношения между Украинской центральной радой и большевистским руководством в Петербурге складывались отнюдь не идеально. Центральная рада объявила о создании Украинской Народной Республики. Первоначально украинские деятели придерживались федеративного принципа в отношениях с Россией. Однако большевики вели решительную борьбу за политическое доминирование на Украине, не останавливаясь перед открытыми военными действиями. Стремясь задержать продвижение большевистских войск на Украину, Центральная рада назначила Скоропадского командующим всех украинских частей на Правобережье. Такое решение было вполне разумно: по сути дела, благодаря умелому руководству, корпус Скоропадского оставался к концу 1917 г. одним из немногих дисциплинированных и боеспособных частей. Как пишут украинские специалисты, уже тогда Скоропадский мог «въехать в Киев на белом коне»¹⁵. Однако дело обернулось по-другому. Большевики сумели овладеть ситуацией и вели наступление на Киев. Скоропадский же 29 декабря 1917 г. официально оставил корпус, передал командование начальнику 104-й дивизии генералу Я. Гандзюку. Как пишет А.П. Реент, Павел Петрович был недоволен бытовыми условиями своих подчиненных, которые жили в неотапливаемых вагонах, и отправился в Киев для того, чтобы решить все вопросы с новым генеральным секретарем по военным вопросам Н. Поршем, но не встретил понимания со стороны последнего¹⁶. Размышляя о причинах отставки Скоропадского, и современники, и историки обращали внимание на сложные взаимоотношения атамана с Центральной радой. Видимо, Генеральный секретариат подозревал в Скоропадском, из-за его растущего авторитета, возможного соперника и фактически вынудил его написать рапорт об увольнении¹⁷.

Скоропадский любил Украину и тревожился за ее судьбу. Украинский

13 *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 83.

14 *Горелов В.* Військова діяльність П.П. Скоропадського // Останній гетьман. Ювілейний збірник пам'яті Павла Скоропадського. 1873–1945. Київ, 1993. С. 46.

15 *Єкельчик С.* Павло Скоропадський // Історія України в особах. XIX — XX ст. Київ, 1995. С. 218.

16 *Реент О.П.* Указ. соч. С. 45; *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 98.

17 *Горелов В.* Військова діяльність П.П. Скоропадського // Останній гетьман. Ювілейний збірник... С. 47.

исследователь Г.В. Папакин делает любопытное замечание относительно политических убеждений Скоропадского в этот период. По мнению Павла Петровича, после отречения Николая II **потерял свое значение Переяславский договор 1654 г.**, когда украинцы присягнули на верность царю Алексею Михайловичу¹⁸. Размышляя о путях выхода из того тяжелого положения, в котором оказалась Украина, Скоропадский сделал ставку на поддержку со стороны «внешних» сил.

Тем временем изменилась внешнеполитическая ситуация. Центральная рада, пытаясь найти опору, подписала договор со странами Четверного союза и официально обратилась к Германии за помощью против большевиков. 1 марта немецкие войска вошли в Киев. Получив военную поддержку (на Украине располагались 6 корпусов немецких вооруженных сил — 450 тысяч солдат и офицеров), Украинская центральная рада подписала с Германией и Австро-Венгрией специальный протокол об экономическом сотрудничестве, согласно которому Украина должна была поставить союзникам 60 млн пудов зерна, 3 млн пудов сахара, 2,75 млн пудов мяса в живом весе, 37,5 млн пудов железной руды...¹⁹ Однако поставки сельхозпродукции проходили не так, как рассчитывало немецкое и австрийское командование. Желая укрепить свое положение на Украине, Берлин и Вена решили заменить украинское правительство и стали подбирать кандидатуру в диктаторы. Г.В. Папакин замечает, что в это время «пороги немецкого Oberкомандования и дипломатических представительств Германии и Австро-Венгрии обивали многочисленные представители различных партий, движений и групп в надежде доказать, что именно они справятся с существующими проблемами лучше эсеров»²⁰. Первоначально немецкое командование обратилось к Е.Х. Чикаленко и Н.И. Михновскому, а после их отказа — к П.П. Скоропадскому.

В свою очередь, Скоропадский, размышляя о сложившейся весной 1918 г. ситуации, пришел к мысли о том, что социал-демократы и эсеры оказались не способны к управлению страной. По его мнению, противостоять надвигающейся анархии смогут лишь другие политические силы: не социалистической ориентации, но обязательно демократические, «исповедовавшие украинство». Но украинство, уточнял Скоропадский, не крайне шовинистического толка, а определенно стоящее на позиции «развития украинской культуры, не затрагивая и не воспитывая ненависть ко всему русскому»²¹. Деятельность же Центральной рады, считал Скоропадский, «была направлена к внешнему, к усилению украинства для глаза, мало заботясь о его внутреннем, серьезном культурном развитии»²².

18 *Папакин Г.В.* Указ. соч. С. 65.

19 *Реснт О.П.* Указ. соч. С. 61.

20 *Папакин Г.В.* Указ. соч. С. 68.

21 *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 123.

22 *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 134.

Подобные настроения были присущи не только Скоропадскому. Сложная внутривластная обстановка способствовала вызреванию в украинском обществе идеи установления сильной власти. Она находила поддержку среди членов Украинской народной громады (среди ее членов было много старшин Первого украинского корпуса и «вольных казаков»), Украинской демократической хлеборобской партии, а также Союза земельных собственников. Постепенно была определена и кандидатура на роль диктатора. Им стал П.П. Скоропадский. «Официально ничего не говорилось о Гетманстве и о предназначении меня в гетманы, но мысль эта, очевидно, бродила в головах многих»²³, — вспоминал позже Павел Петрович.

Началась подготовка к перевороту. «Самое главное было узнать, что думают немцы...»²⁴ — писал Скоропадский. 24 апреля 1918 г. состоялась встреча между Скоропадским и начальником штаба группы армии «Киев» генерал-лейтенантом В. Гренером. Немецкая сторона потребовала в случае успеха переворота признания легитимности ее договора с Центральной Радой, стабилизации валюты, установления контроля над вывозом продуктов и поставками оккупационным войскам продовольствия по четко обозначенным для каждой местности и времени года ценам, восстановление судебного аппарата. Дата выборов и созыва сейма должны были также согласовываться с немецкой стороной²⁵.

В начале апреля 1918 г. в Киев прибыли несколько сотен активистов и сторонников хлеборобской партии из Полтавщины. Добиваясь отмены решений Центральной рады о социализации земли, они приступили к подготовке Всеукраинского съезда хлеборобов. Этому съезду уготована была решающая роль в смене государственной власти. Съезд хлеборобов начал работу 29 апреля 1918 г. в помещении киевского цирка. Делегаты съезда (а их было свыше 6 тысяч человек) в планы заговорщиков об избрании гетмана не были посвящены. В то время как делегаты произносили речи о тяжелом положении в деревне и требовали установления единоличной власти, немцы арестовали правительство. Получив сигнал об окончании операции, председатель съезда, крестьянин Кременчугского уезда Полтавской губернии Н.Г. Коваленко предложил избрать гетманом Скоропадского²⁶. В ночь с 29 на 30 апреля сторонники гетмана овладели помещениями, в которых располагались генеральные секретариаты по военным и внутренним делам, а также Центральный банк. Очевидец переворота, ученый и украинский общественный деятель Н.М. Могиланский вспоминал, что переворот, совершившийся при содействии и с согласия немецкой сторо-

23 Там же. С. 139.

24 Там же. С. 140.

25 Там же. С. 64.

26 *Лученков А.* Переворот в цирке. Страстная неделя Павла Скоропадского // *Родина*. 2007. № 7. С. 82–83.

ны, прошел «чисто и гладко, без единого выстрела», и Центральная рада была ликвидирована «к общему удовольствию», особенно киевлян, относившихся к украинскому парламенту «с нескрываемым недружелюбием, ничего путного от него не ожидая»²⁷.

Государственный переворот современники оценивали по-разному. Многие были настроены резко отрицательно. Например, В.К. Винниченко выразился наиболее категорично, назвав Скоропадского «опереточным Гетманом», «слюнявым русским генералом», «жалкой и никчемной марионеткой в руках русской буржуазии»²⁸. А.И. Деникин, П.Н. Врангель, П.Н. Милюков сочли Скоропадского отступником, осуществлявшим австро-немецкие планы расчленения бывшей Российской империи. Конечно, особой любви к гетману нельзя было ожидать ни от «сознательных украинцев», ни от приверженцев «единой и неделимой» России. «Для меня понятно отношение великорусских кругов к моим начинаниям: они не хотели Украины и думали, что можно целиком вернуться к старому, — писал Скоропадский, — а я хотел Украину, не враждебную Великороссии, а братскую, где все украинские стремления находили бы себе выход»²⁹.

А.С. Лукомский, представитель Добровольческой армии при атамане Всевеликого войска Донского, вспоминая свой разговор со Скоропадским, отмечал, что гетману было очень трудно работать с немцами, но это было «единственно правильное решение». Только опираясь на силу, говорил Скоропадский Лукомскому, он может создать порядок на Украине, а «единственная существующая и реальная сила — это немцы»³⁰.

В то же время у Скоропадского нашлись и сторонники, поддерживавшие украинские державнические устремления гетмана — Д.И. Дорошенко, В.К. Липинский, Н.Д. Полонская-Василенко. Современные историки пытаются найти объективный подход к оценке роли Скоропадского в становлении украинской государственности. Так, А. Буравченков, сопоставляя две концепции украинской государственности — УНР и Центральной рады, с одной стороны, и Украинской Державы и Скоропадского, с другой — подчеркивает интересную деталь. По его мнению, на украинских землях столкнулись два подхода к строительству независимого государства: «державнический» (Гетманщина) и «интернациональный» (УНР). Для Гетмана приоритетом являлись национально-территориальные интересы,

27 *Могилянський Н.* Трагедія України (из пережитого в Києві в 1918 році) // 1918 рік на Україні. М., 2001. С. 51.

28 *Винниченко В.* Указ. соч. С. 55, 103.

29 *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 51.

30 *Лукомський А.* На Україні в 1918 році // 1918 рік на Україні... С. 99. Кстати, если верить Лукомскому, Скоропадский также говорил о том, что «Украина не может быть «самостийной», но обстановка такова, что ему пока необходимо разыгрывать из себя «широкого украинца», «когда Великороссия изживет свой большевизм, он первый подымет голос за объединение с Россией» (Там же).

а для Центральной рады — социальная революция, что ставило «национальное дело в зависимость от проведения социальных экспериментов»³¹. Центральная рада, указывает Буравченков, ориентировалась на те же социальные группы населения, что и большевики, «направив их анархосоциальную энергию на разрушение старого». Однако такой подход оказался непригодным для созидательной политики: только Скоропадский, пишет далее украинский историк, смог объединить эти «протестующие силы» и повести за собой. Это был «единственный реальный шанс удержать и укрепить государственную независимость»³².

Внимательный анализ деятельности гетмана Украинской Державы показывает, что Скоропадский, не удовлетворившись политической практикой деятелей Украинской Народной Республики, предпринял свою попытку воплотить в жизнь идею украинской государственности. Деятельность украинского гетмана была широка и охватывала все, или почти все, сферы государственной жизнедеятельности — местных органов власти, судебной, финансово-промышленной, аграрной областей, науки и культуры, а также, насколько это было возможно в условиях немецко-австрийского военного присутствия, создание сильной украинской армии. В целом в этот период было издано около 500 новых нормативных актов.

Программа государственного строительства была изложена 29 апреля 1918 г. в «Грамоте ко всему украинскому народу» гетмана Скоропадского. Украина стояла на краю гибели, говорилось в «Грамоте...», и спаслась она благодаря поддержке центральных держав, которые и теперь борются за ее целостность и спокойствие. При такой поддержке у всех родилась надежда на установление порядка, но бывшее украинское правительство оказалось к этому неспособным. Рост анархии, экономической разрухи и безработицы заставили гетмана выйти на политическую арену, чтобы обеспечить населению спокойствие, закон и возможность творческой работы, указывалось в документе.

В «Грамоте...» говорилось о необходимости принятия закона о выборах в Учредительный Сейм, а до этого времени гетман брал на себя ответственность за исполнение всех государственных распоряжений и поддержку авторитета власти. Право частной собственности должно было стать фундаментом культуры и цивилизации; восстанавливалась полная свобода по составлению купчих по купле-продаже земли; объявлялось о выкупе земель у крупных собственников для наделения земельными участками малоземельных крестьян; провозглашалась полная свобода торговли и частного предпринимательства³³.

31 Буравченков А. Час відновлення історичної пам'яті // Останній гетьман. Ювілейний збірник... С. 27–28.

32 Там же.

33 Грамота до українського народу та закони про тимчасовий державний устрій України // Останній гетьман. Ювілейний збірник... С. 217–218.

После прихода к власти Павел Петрович Скоропадский подписал ряд документов, определявших будущее государственно-политическое и социально-экономическое устройство Украинской Державы: «Законы о временном государственном устройстве Украины», «О вере», «Права и обязанности украинских казаков и граждан», «О Совете министров и министрах», «О Генеральном суде», «О порядке назначения на государственную службу» и др.

Скоропадский принял титул «Гетман всей Украины». Формула гетманства была избрана, как говорилось в заявлении Совета министров от 10 мая 1918 года, в качестве воплощения в «исторической национально-украинской форме идеи независимой и свободной Украины»³⁴. В то же время в титуле говорилось о «всей Украине», что вызвало острую реакцию австро-венгерских властей, усмотревших в этом претензию на обладание Галицией. Немецкие дипломаты, пытаясь смягчить ситуацию, использовали в акте признания Украинской Державы формулировку «Гетман Украины». Однако Скоропадский продолжал подписывать документы как «Гетман всей Украины и войск казацких»³⁵.

С 1 июля 1918 г. ликвидировалась национально-персональная автономия, закон о которой был принят Украинской центральной радой. В действие вступал другой закон, по которому гражданами Украины признавались все российские подданные, которые пребывали на ее территории в момент обнародования документа³⁶. Закон «О вере», опубликованный 29 апреля, закреплял приоритетное положение в обществе православной церкви. Впрочем, согласно закону, неправославные граждане пользовались свободой в отправлении своих обрядов.

В компетенцию гетмана как главы государства входило определение внешнеполитической линии, объявление отдельных районов на военном, осадном или чрезвычайном положении, помилование осужденных, смягчение меры наказания, освобождение от судебной ответственности. Гетман единолично мог утверждать состав Совета министров и его главу. Совет министров должен был руководить работой ведомств.

Приступая к осуществлению своих планов государственного строительства Украины, Скоропадский столкнулся с множеством препятствий. «Украинцы вначале поддерживали меня, думая, что я пойду с ними полностью и приму всю их галицийскую ориентацию. Но я с ними не согласился, и они, в особенности в последнее время, резко пошли против меня»³⁷, — вспоминал гетман. Разногласия касались, прежде всего, представлений

34 *Резнт О.П.* Указ. соч. С. 91.

35 *Проданюк Ф.* До питання про внутрішню політику держави Павла Скоропадського // Останній гетьман. Ювілейний збірник... С. 59.

36 *Законодательные акты Украинской Державы (законы, постановления, инструкции, циркуляры).* 1918 г. Вып. 6. Июль. Одесса, 1918. С. 1.

37 *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 53-54.

о сущности гетманства. Скоропадский вспоминал, что спустя несколько дней после переворота к нему явились представители украинских партий и заявили о своей готовности поддерживать гетмана при соблюдении некоторых условий. Скоропадский должен был высказать свои представления о сущности гетманской власти: «является ли он президентом республики, или чем-нибудь большим», укажет ли он срок созыва Сейма («Сейм в их понятии был Учредительным собранием»). Согласиться на роль президента республики в то время Скоропадский не мог. Он считал это гибельным для всей страны: «Страна, по-моему, может быть спасена только диктаторской властью, только волей одного человека можно возратить у нас порядок, разрешить аграрный вопрос и провести те демократические реформы, которые так необходимы стране. Я это всегда исповедовал и остаюсь при этом мнении и теперь»³⁸.

В результате после переворота партии социалистической и национальной ориентации стали в оппозицию к режиму гетмана. Скоропадский столкнулся с острой кадровой проблемой. «Положение дел было в полном смысле *tabula rasa*, — вспоминал гетман. — Пришлось все создавать и, главное, из какого материала! Почти все было деморализовано. Приходилось долго выбирать человека, так как один оказывался негодяем, другой — человек совершенно неподходящий по своим политическим убеждениям, третий шел только ради жалования, не собираясь работать»³⁹. По подсчетам А.П. Реента, в правительстве было двенадцать министров украинского происхождения и лишь четверо — представители других национальностей (поляк, еврей, и двое русских)⁴⁰.

Свои принципы подбора кадров, Скоропадский объяснял недостаточным количеством «действительно культурных украинцев». «Украинцы все говорят о том, что я пользовался русскими силами для создания Украины, — писал гетман. — Да потому, что одними украинскими силами нельзя было создать ничего серьезного. Культурный действительно класс украинцев очень малочислен. Это и является бедой украинского народа»⁴¹. В то же время, отмечал Скоропадский, на Украине было много людей, «горячо любящих Украину и желающих ей культурного развития», но русских по культуре, и они, «заботясь об украинской культуре, нисколько не изменяют русской»⁴².

Вообще к «узкому украинству» у Скоропадского было особое отношение. Он считал, что это «исключительно продукт, привезенный нам из Галиции», культуру каковой «целиком пересаживать не имеет смысла». Там, собственно, и «культуры нет», считал Скоропадский, — «на

38 Там же. С. 173–174.

39 Там же. С. 158.

40 *Реент О.П.* Указ. соч. С. 95.

41 *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 233.

42 Там же.

пять слов четыре польского и немецкого происхождения». В то же время Скоропадский очень уважал, по его собственному признанию, галичан за их глубокую преданность родине и за то, что они «действительно демократы», понимающие, что «быть демократом — не значит действовать по-большевистски»⁴³.

Вообще Скоропадский всячески подчеркивал различие между «галицийской Украиной и нашей». На самом деле, утверждал гетман, это «две различные страны»: «вся культура, религия, мировоззрение жителей совершенно у них иные»⁴⁴. Скоропадский не противопоставлял украинскую культуру русской. Он был убежден в необходимости для украинцев работать над «созданием своей собственной культуры», не отрываясь от России в культурном отношении. «При существовании у нас и свободном развитии русской и украинской культуры мы можем расцвести, — убеждал Скоропадский читателей своих «Воспоминаний», — если же мы теперь откажемся от первой культуры, мы будем лишь подстилкой для других наций и никогда ничего великого создать не сумеем»⁴⁵. Русская наука, литература, музыка, художественная культура являлась плодом совместных усилий великороссов и украинцев, считал Скоропадский. Отказываться «от этого своего высокого и хорошего для того, чтобы взять то убожество, которое нам, украинцам, так наивно любезно предлагают галичане, просто смешно и немыслимо». Нельзя отказываться от русской культуры, от Пушкина и Гоголя, настаивал гетман, но одновременно с этим следовало работать «над развитием своей собственной, украинской»⁴⁶. В соответствии с вышеприведенными принципами Скоропадский решал и вопрос языковой политики. Он считал, что государственным языком на Украине должен быть украинский, но ничего не имел против того, «чтобы со временем оба языка, т.е. русский и украинский, были равноправны». Боязнь некоторых украинцев, что русский язык «затрет» украинский, утверждал гетман, «показывает отсутствие веры в Украину». Тем не менее, пока «положение с языками так остро», «украинский язык будет один»⁴⁷.

Несмотря на всю сложность обстановки, гетману удалось сделать довольно много для Украины. Прежде всего, Скоропадский пытался создать четкую систему административно-территориального устройства. С этой целью Украинская Держава была разделена на губернии⁴⁸, во главе которых стояли старосты. Губернские старосты обладали довольно большими полномочиями и даже в некоторых случаях, по согласованию с министром

43 *Скоропадський П.* Указ. соч.

44 Там же. С. 184.

45 Там же. С. 234.

46 Там же. С. 233.

47 Там же. С. 258.

48 Киевщина, Катеринославщина, Харьковщина, Волинь, Полтавщина, Черниговщина, Подолия, Херсонщина и Таврия.

внутренних дел, имели право распустить органы местного самоуправления, если действия последних шли вразрез с государственными интересами⁴⁹. Поскольку органы местного самоуправления нередко находились под влиянием партий социалистической ориентации, Гетман Украинской Державы пытался опереться на губернскую администрацию, подбирая на должность старост по принципу профессиональной пригодности, используя специалистов старой школы и отнюдь не всегда придерживаясь критерия «национальной сознательности и патриотизма»⁵⁰.

Поддерживать законность и правопорядок должен был специальный орган (Государственная стража — *Державна варта*), в компетенцию которого входили функции по охране общественного порядка, паспортный контроль, включая охрану границ и урегулирование вопросов, связанных с деятельностью иностранных граждан.

Реформируя систему судопроизводства, гетман утвердил закон о Государственном Сенате, который стал высшей в судебных и административных делах государственной институцией. Руководство судопроизводством в Украинской Державе осуществляло Министерство судебных дел (с 15 июля — Министерство юстиции). С 8 июля возобновлялась деятельность Киевской, Харьковской и Одесской судебных палат, в компетенцию которых входило рассмотрение апелляций на решения окружных судов. Кассационные жалобы на решения судебных палат вносились в Государственный Сенат. В Украинской Державе действовали Одесский коммерческий суд, Киевский и Екатеринославский высшие и штабные военные суды.

Целью аграрной политики Украинской Державы было создание среднего класса собственников, будущей экономической и военной опоры режима. Скоропадский восстановил частную собственность на землю, возвратив ее в товарооборот. Собственникам (прежде всего, средним и мелким) возвращались утраченные вследствие стихийных крестьянских реквизиций хозяйства. На местах создавались различные региональные управления и комиссии, бравшие на себя временное управление земельными наделами отдельных собственников, сдавая их в аренду либо управляя хозяйствами напрямую. Чистая прибыль передавалась собственникам, которые в любой момент могли потребовать возвращения своего надела. Кроме того, в интересах малоземельных крестьян был создан Государственный земельный фонд за счет государственных, церковных и — частично — частных земель. Размер частного землевладения не должен был превышать 25 десятин.

Обязательства перед Германией и Австро-Венгрией по поставкам сельхозпродукции осуществлялись за счет хлебной монополии. Весь уро-

49 *Реснт О.П.* Указ. соч. С. 115.

50 Там же. С. 117.

жай зерновых культур 1918 года (за исключением резерва для продовольственных и хозяйственных нужд собственников) отходил в распоряжение государства.

Были предприняты реформы и в финансово-промышленной сфере. Официальной украинской валютой становился карбованец (впрочем, параллельно ходили и гривны УНР, облигации госзайма, разменные марки). Принимались меры к налаживанию налоговой системы, были учреждены Государственный и Земельный банки. Особое внимание обращалось на работу железной дороги. Строились планы по созданию торгово-промышленных палат. Министерство труда готовило рабочее законодательство, которое должно было предусмотреть 8-часовой рабочий день, производственные кооперативы, свободу коалиций, трудовые договоры и пр.

Скоропадский стремился к созданию мощной украинской армии. Однако это противоречило намерениям австрийского и немецкого командования, считавшего оккупационные войска гарантом стабильности режима гетмана. Впрочем, в конце мая Скоропадский добился согласия верховного командования немецких войск на формирование 8-ми корпусов. Эти корпуса должны были создаваться по территориальному принципу комплектования и на основе всеобщей воинской повинности, закон о которой был принят в июле. Правда, завершить работу по комплектованию этих корпусов не удалось, поскольку призыв новобранцев, первоначально назначенный на 15 ноября, был перенесен — сначала на 1 декабря 1918 г., а потом на 1 марта 1919 г. К структурированию казачьего войска Скоропадский приступил только в октябре 1918 г. Организация собственного флота шла еще с большими трудностями: захватив остатки Черноморского флота на Севастопольской базе, немецкое командование начало передачу его украинской стороне только в сентябре 1918 г.

Особое значение в Украинской Державе придавалось военной униформе, флагам, символике украинских вооруженных сил. Знаки бывшей российской армии носить запрещалось. Важным атрибутом становился золотой тризуб на голубой эмали, украшавший кокарду. 30 мая 1918 г. был утвержден текст воинской присяги: военнотружачие клялись на Святом Евангелии служить Украинской Державе и гетману, скрепляя клятву собственноручной подписью.

В области образования, науки и культуры тоже было сделано немало. 14 ноября Павел Скоропадский утвердил закон об основании Украинской Академии Наук, первым президентом которой стал В.И. Вернадский⁵¹. Все академические издания должны были издаваться на украинском языке, а по желанию автора — и на других языках. Были созданы Национальный ар-

51 Скоропадский хотел видеть президентом Академии Наук М. Грушевского, но тот отказался, как пишут историки, из принципиальных соображений. См. Останній гетьман. Ювілейний збірник ... С. 21-22.

хив и Археологическая комиссия. Помимо действовавших университетов в Киеве, Харькове и Одессе, были открыты еще два государственных украинских университета — в Киеве и в Каменец-Подольском. Статус государственных получили Киевский политехнический и коммерческий, Харьковский ветеринарный, коммерческий и технологический, Катеринославский горнорудный институты, Нежинский историко-филологический университет. В период Гетманата были созданы архитектурный и клинический институты в Киеве, политехнический и сельскохозяйственный в Одессе, Украинский историко-филологический факультет в Полтаве. Министерство народного просвещения объявило о создании национальной начальной школы, в которой преподавание велось на украинском языке. В русскоязычных гимназиях и реальных училищах вводились украинovedческие дисциплины. Было учреждено 350 стипендий для малоимущих учеников украинской национальности. На конец 1918 года из 836 действовавших гимназий (161 государственная, 409 общественных, 269 частных) 150 были украинизированы. Впрочем, не были забыты и образовательные учреждения для национальных меньшинств. Существовали еврейские, польские гимназии, при историко-филологическом факультете университета в Каменец-Подольском действовали кафедры польской и еврейской литературы. Появились Еврейский институт теологических и общественных наук в Киеве, Еврейский научный институт в Катеринославе.

В августе был создан Государственный драматический театр, в октябре начал работу Государственный народный театр под руководством П. Саксаганского. Был создан Первый украинский национальный хор в Киеве, Государственная капелла бандуристов, выделены деньги на основание Государственного симфонического оркестра...

В 1918 г. действовало 104 издательства (в 1917 — 78). В 1918 г. было издано свыше 100 книг для детей, а всего 1526 книг (1084 из них — на украинском языке) общим тиражом 10 млн. 260 тыс. экземпляров. Количество периодических изданий выросло со 106 в 1917 г. до 212 в 1918 г.⁵²

Внешнеполитическая деятельность Украинской Державы обуславливалась существовавшими договоренностями с Германией и Австро-Венгрией. Гетманат Скоропадского официально признали страны Четверного союза — Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция, а также страны или государственные образования, так или иначе заинтересованные в распаде Российской империи и благосклонно относившиеся к существованию независимой Украины. Среди них — получившие независимость Финляндия и Польша; захватившая Буковину и Бессарабию Румыния; а также государственные образования, возникшие на руинах бывшей Рос-

52 Подробнее см. *Решет О.П.* Указ. соч. С. 217–228; *Машевский О.П.* Політика уряду гетьмана П. Скоропадського в галузі освіти, науки, мистецтва (квітень-грудень 1918 р.). Київ, 1997.

сийской империи — Дон, Кубань, Азербайджан, Грузия.

Основными внешнеполитическими партнерами Украинской Державы были Германия и Австро-Венгрия, осуществлявшие диктат в торгово-экономических отношениях. На территории Украины действовали немецкие и австро-венгерские заготовительные организации. Пытаясь контролировать вывоз продукции и сырья, гетманское правительство наложило запрет на экспорт стратегических и особо ценных и дефицитных материалов и обозначило таможенные пункты, через которые должны были транспортироваться закупленные товары. Пытаясь остановить валютную экспансию, Скоропадский установил твердый курс обмена валюты Германии и Австро-Венгрии в Украине (1 марка = 75 копеек, 1 крона = 50 копеек) и стал подавать многочисленные протесты на незаконные действия представителей Центральных держав в Украине. Для разрешения существовавших и возникающих противоречий была создана трехсторонняя финансовая комиссия (Германия, Австро-Венгрия и Украина)⁵³.

Если Берлин, рассчитывая после окончания мировой войны удержать Украину в сфере своего влияния, отстаивал концепцию независимой Украины, то Вена занимала более осторожную позицию. Это объяснялось тем, что Австро-Венгрия стремилась удержать за собой Восточную Галицию и Буковину. Пытаясь решить вопрос о своих западных границах, Украинская Держава решила найти союзника против Габсбургов в Германии⁵⁴. 17 августа в Берлин для переговоров прибыл глава украинского правительства Ф.А. Лизогуб, который должен был обсудить проблемы границ, договора с советской Россией, проблемы Крыма, Черноморского флота, создания украинских вооруженных сил. 4 сентября с 3-хнедельным официальным визитом в Берлин приехал Скоропадский, где встретился с императором, рейхсканцлером Гертлингом, Генрихом Прусским, генерал-фельдмаршалом фон Гинденбургом, генералом фон Людендорфом, промышленником Круппом.

Другим важным направлением внешней политики Украинской Державы были украино-российские взаимоотношения. Советская делегация во главе с Д.З. Мануильским и Х.Г. Раковским прибыла в Киев в начале мая 1918 г. Правда, советская делегация отправлялась для переговоров с Центральной радой: переворот застал их в дороге. Основной вопрос касался установления украино-российской границы. Украинская сторона настаивала на территориальном размежевании по этническому принципу, советская делегация требовала решать вопрос о принадлежности приграничных населенных пунктов путем опроса местного населения. На пере-

53 *Резнт О.П.* Указ. соч. С. 192.

54 *Кульчицкий С.В.* Українська Держава часів гетьманщини // Український історичний журнал. 1992. № 7–8. С. 73; *Заруда Т.* Становлення та основні напрямки зовнішньої політики Української держави // Останній гетьман. Ювілейний збірник ... С. 67-68.

говорах удалось достичь определенных успехов: 12 июня был подписан прелиминарный мирный договор между Москвой и Киевом, означавший признание независимости Украинской Державы.

Несмотря на все усилия гетмана, добиться внутривосточной стабильности Украинской Державе не удавалось. Зрело недовольство гетманским режимом. Население было недовольно положением в деревне: неразрешенным аграрным вопросом и поставками украинского зерна, мяса и сахара в Германию и Австро-Венгрию. Партии социалистической и национальной ориентации, не простив Скоропадскому отстранения их от власти, встали в оппозицию к гетманскому режиму. Еще в августе 1918 г. на межпартийной основе сложился Украинский национальный союз, который возглавил вначале А.В. Никовский, а потом В.К. Винниченко. Пытаясь контролировать ситуацию, 31 октября 1918 г. в специальном циркуляре Министерство внутренних дел Украины определило круг «вредных и небезопасных» для существовавшего государственного устройства Украины организаций. К таковым были отнесены организации РКП(б) и КП(б)У, российских и украинских социалистов-революционеров, партии и группы анархистского направления, российские и украинские правонационалистические партии, придерживавшиеся принципа «неделимости»⁵⁵.

Между тем, глубокой осенью 1918 г. произошли события, существенным образом повлиявшие на судьбу Гетманата. В ноябре Центральные державы признали свое поражение и капитулировали перед Антантой. В Германии и Австро-Венгрии начались революции. Лишившись поддержки оккупационных войск, Гетманат начал поиски нового союзника. Сблизиться со странами Антанты не удавалось, и Скоропадский принял решение опереться на «белую гвардию» Деникина. «Для офицерства русского состава я должен был немедленно объявить федерацию, — писал гетман, — так как мне уши прожужжали, что если это будет сделано, то весь офицерский состав станет горой, ради России, за гетманскую Украину»⁵⁶. В этих условиях Скоропадский и подписал 14 ноября грамоту о федерации Украинской Державы с будущей небольшевистской Россией. Однако вскоре гетман понял ошибочность своих расчетов и правоту тех украинских кругов, которые с опасением относились к идее федерации, поскольку «тогда русские ничего не дадут впоследствии». Скоропадский признал: «Через несколько дней после появления грамоты великорусские круги уже никакой Украины совершенно не признавали»⁵⁷.

Последнее обстоятельство вызвало много споров и неоднозначных оценок как у современников, так и у историков. Решение Скоропадского о федеративных отношениях с Россией называют даже причиной анти-

55 Сідак В.С. Контррозвідка останнього гетьмана. Київ, 1995. С. 33.

56 Скоропадський П. Указ. соч. С. 305.

57 Там же. С. 306.

гетманского восстания. Так, в тексте воззвания Директории к населению, опубликованном в ночь с 14 на 15 ноября, речь шла о генерале русской службы Скоропадском, договорившемся в апреле 1918 г. с немецкими генералами и упразднившим Украинскую Народную Республику. Во время гетманского правления, говорилось в воззвании, Украина «двигалась» в сторону единой неделимой России, а «последним предательским актом генерала-гетмана П.Скоропадского об упразднении независимости Украинской Державы» украинский народ отдавался в окончательное порабощение полицейско-бюрократической реакции⁵⁸.

Однако современные историки считают, что данное обстоятельство требует нового осмысления. Прежде всего, необходимо разобраться в том, что понимал Скоропадский под «федерацией». Обычно указывается на три обстоятельства. Во-первых, гетман отстаивал такую концепцию федерации, в которой Украина имела бы статус самостоятельного государства с собственной армией, флотом, полицией, валютой, внешней политикой и т.п., но в то же время, учитывая ее «восточнославянские корни» и православную веру, сохраняла бы культурные связи с Россией. Такое образование следовало бы называть не федерацией, а конфедерацией⁵⁹. Во-вторых, федералистских намерений придерживались и другие видные теоретики и практики украинской самостийности: М.С. Грушевский, В.К. Винниченко, Е.Е. Петрушевич, А.В. Крушельницкий, Ю.А. Бачинский...⁶⁰ В-третьих, в сложившихся условиях Акт о федерации с Россией был единственно возможным выходом из сложившейся ситуации — в условиях капитуляции Германии и угрозы войны против Антанты, «жаждавшей возрождения России в ее старых границах»⁶¹.

Действительно, в своих «Воспоминаниях» Скоропадский подчеркивал, что будущее Украины связано с Россией: «...Украина на существование имеет полное основание, но лишь как составная часть будущей российской федерации»⁶². Это, впрочем, отнюдь не означало какого-либо подчиненного положения Украины в будущей федерации («Великороссам же надо указать их определенное место»⁶³). «Я не скрываю, — писал Скоропадский, — что я хочу лишь широко децентрализованную Россию, я хочу, чтобы жила Украина и украинская национальность, я хочу, чтобы в этом теснейшем союзе отдельных областей и государств Украина занимала достойное место и чтобы все эти области и государства сливались бы в одном

58 *Винниченко В.* Указ. соч. С. 110–111.

59 *Пеленський Я.* Гетьманат Павла Скоропадського. Міфи та дійсність // Останній гетьман. Ювілейний збірник... С. 10.

60 Там же. С. 10; *Реснт О.П.* Указ. соч. С. 205.

61 *Бондаренко К.* До питання про «московську орієнтацію» гетьмана П. Скоропадського // Останній гетьман. Ювілейний збірник... С. 95.

62 *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 54.

63 Там же.

могучем организме, названном Великая Россия, как равные с равным»⁶⁴. Свою же нынешнюю политику по созданию Украинской Державы Скоропадский рассматривал как помощь Великороссии, как путь восстановления России, поскольку все помыслы Гетманской Украины были обращены на борьбу с большевизмом. Только с Украины можно было нанести решительный удар большевикам, писал Скоропадский, поэтому «великороссам... нужно было идти в то время со мной, так как это был единственный крупный оплот против большевизма»⁶⁵.

Однако стабилизировать Украинскую Державу Скоропадскому не удалось. Все больше распространялись антигетманские настроения. 14 ноября члены Украинского национального союза приняли решение о начале восстания, избрав для его руководства Директорию во главе с В.К. Винниченко. «С одной стороны, Директория и сочувствующие ей успешно распространяли сведения, что я изменил Украине, — вспоминал Скоропадский, — с другой стороны, среди русского офицерства распространялись толки, что я вхожу в тайные переговоры с Петлюрой...»⁶⁶. Впрочем, среди части населения Скоропадский продолжал пользоваться популярностью, что признавал и Винниченко. Последний признавал, что во время подготовки восстания украинские «ширие патриоты» высказывали свое недовольство действиями руководителей восстания. Бывали случаи, вспоминал Винниченко, когда кидались едва ли не с кулаками и кричали: «Не трогайте Гетмана! Не разваливайте украинское государство. Он — большой украинец и самостийник, нежели все ваши партии!» Еще и теперь, продолжал Винниченко, есть политики, считавшие, что восстание погубило украинскую государственность⁶⁷. Впрочем, достаточной для удержания своей власти опорой Скоропадский уже не обладал. В 20-х числа ноября войска Директории приступили к осаде столицы. 12 декабря состоялись решающие бои за Киев. 14 декабря гетман отдал приказ о прекращении сопротивления и подписал отречение от власти.

Давая оценку своим действиям по созданию украинской государственности, Скоропадский писал: «...при всех, скажу, ошибках, которые я и правительство сделали на Украине, при прямо-таки катастрофических условиях, прямо-таки стихийных бедствиях... — Украина была государством со всеми учреждениями, правильно функционирующими, с определенными планами действий, с финансовым бюджетом, с определенной программой создания армии, которая к весне 1919 года должна была быть организована, с восстанавливающейся промышленностью, с определенными международными отношениями. Мы должны были уйти, явилась

64 *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 267.

65 Там же. С. 182–183.

66 Там же. С. 317–318.

67 *Винниченко В.* Указ. соч. С. 99.

Директория, просидела три недели в Киеве и должна была уйти, но за эти три недели исчезло всякое понятие о государственности Украины. Все было разрушено в корне»⁶⁸.

Скоропадский эмигрировал в Германию. Размышляя о произошедших событиях, гетман писал в своих «Воспоминаниях»: «За мной не пошли, но я остался глубоко убежденным, что Великая Россия восстановится на федеративных началах, где все народности войдут в состав великого государства, как равное к равному, где измученная Украина может лишь свободно расцвести, где жизнь не будет пронизана насилием и справа, и слева, как до сих пор, что только тогда наступит покой, только тогда мы дойдем до периода нового, совместного, народного творчества, и нам не страшны будут ни Центральные Государства, ни Entente-ы того времени»⁶⁹.

В начале эмигрантской жизни Скоропадский отошел от активной общественно-политической жизни, но не надолго. В 1920 г. в Вене возник «Украинский союз хлеборобов-державников», ставший пропагандистом гетманской идеи. В программных документах Союза говорилось: украинская нация не может существовать без своей независимой и суверенной Державы. Союз отстаивал такую форму власти, которая обеспечивала бы каждому максимум его культурного и экономического развития и гарантировала каждому участие в управлении государством. Единственно правильной формой государственности признавалась «трудовая монархия» во главе с «непартийным деятелем» — гетманом. Своим лидером Союз признавал Павла Петровича Скоропадского как наследника давнего гетманского рода и особу, которую наделили полномочиями в 1918 году украинские хлеборобы.

Гетманская идея получила распространение в Чехословакии, США, Канаде, Франции, Польше, Турции, Китае — в странах пребывания украинской политической эмиграции. Для научной разработки украинской проблематики, гетманской идеологии и подготовки кадров будущих борцов за украинское дело в 1926 г. Скоропадским был создан Украинский научный институт в Берлине, первым директором которого стал Д.И. Дорошенко.

16 мая 1933 г., в день своего 60-летия, Павел Скоропадский огласил «завещание», в котором заявил о необходимости продолжения национального дела (а для этого необходима работа несколько поколений) и назначил своим наследником сына Данилу⁷⁰.

Деятельность Скоропадского после прихода к власти в Германии А. Гитлера по-разному оценивается историками. В частности, пока открытым остается вопрос об отношении гетмана к возможности создания

68 *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 254.

69 Там же. С. 325.

70 См.: *Решет О.П.* Указ. соч. С. 243–272.

небольшевистской Украины с помощью гитлеровцев. Р.Я. Пириг и Ф.М. Проданюк пишут, что Павел Петрович изучал этот вопрос. В письме, адресованному советнику гестапо Шредеру и имперской рейхсканцелярии, Скоропадский предлагал при помощи нацистской Германии создать фашистскую «великоукраинскую державу». По мнению украинских историков, в 1937 г. Скоропадский установил тесные контакты с абвером, однако гитлеровцы редко обращались за помощью к бывшему гетману. Только в 1944 г., когда по инициативе Розенберга начал создаваться так называемый Украинский национальный комитет, который должен был объединить всех украинских националистов, снова вспомнили о Скоропадском и даже обсуждали его кандидатуру на должность главы комитета. Однако инстанции СС сочли, что Скоропадский не имел уже достаточного влияния среди украинских националистов⁷¹.

Существуют и противоположные точки зрения. Так, Б. Коваль указывает, что, хотя и предпринимались попытки привлечь гетманское движение к сотрудничеству с командованием немецкой армии, однако гетман не проявил ни желания, ни инициативы иметь дело с гитлеровской Германией⁷².

А.П. Реент же считает, что Скоропадский не привязывал жестко планы своей организации к стратегическому курсу лидеров III рейха. Украинский историк приводит в пример одно из писем Павла Петровича, в котором указывалось: гетманское движение — это движение чисто украинское, Германия может нам помочь, мы это учитываем, но мы не немецкие агенты⁷³. Кстати сказать, Скоропадский негативно отнесся к включению «дистрикта Галиции» в состав Генеральной губернии и позитивно относился к формированию Украинской Повстанческой армии, в которой видел неподвластную немцам украинскую военную силу⁷⁴. Как указывает А.П. Реент, Скоропадский вынашивал амбициозные планы, о чем свидетельствует информация службы безопасности и СД за 1942 г. В ней говорилось, что Скоропадский надеется стать вождем украинцев в недалеком будущем, а его окружение вынашивает планы возрождения национальной державы, рассчитывая на поддержку Германии и Великобритании (в Великобританию выехал сын Скоропадского Данила в 1939 г.)⁷⁵.

16 апреля 1945 г. Скоропадский был ранен во время бомбардировки американской авиацией вокзала в Платтлингу (неподалеку от Мюнхена). Через 10 дней он умер в больнице города Меттена, где и был похоронен 28

71 *Пириг Р.Я., Проданюк Ф.М.* Павло Скоропадський: штрихи до політичного портрета // Український історичний журнал. 1992. № 9. С. 105.

72 *Коваль Б.* Павло Скоропадський та гетьманський рух в еміграції // Останній гетьман. Ювілейний збірник... С. 164.

73 *Реент О.П.* Указ. соч. С. 276.

74 Там же. С. 280–283.

75 Там же.

апреля 1945 г.

Анализируя события конца 1917 — начала 1919 г., Скоропадский поражался: «Как это могло случиться, что среди всех окружавших меня людей за время, особенно моего гетманства, было так мало лиц, которые в вопросе о том, как мыслить Украину, которую мы созидали, мыслили бы ее так, как я. Было два течения как в социальных, так и в национальных вопросах, оба крайние, ни с тем ни с другим я не мог согласиться и держался середины»⁷⁶. Это «срединное» положение отнюдь не придавало стабильности гетманской власти, поскольку не удовлетворяло интересы ни низших, ни высших слоев общества, а привязанность Скоропадского к двум культурам — украинской и русской — зачастую вызывало неприятие и у радикальных националистов, и у сторонников «единой и неделимой России». Однако именно эти особенности исторического портрета гетмана Украинской державы требуют осмысленного и взвешенного подхода к непростой фигуре Павла Скоропадского. По меткому выражению Н.М. Могилянского, «Скоропадский был достаточно русским, чтобы не предать интересов России, он был искренним украинцем, чтобы не дать в обиду украинские интересы»⁷⁷.

76 *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 47.

77 Россия и Украина. Из дневников Н.М. Могилянского и писем к нему П.П. Скоропадского. 1919–1926 // *Минувшее. Исторический альманах.* Вып. 14. М.; СПб., 1993. С. 261.

ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ЧЕХОСЛОВАКИИ

ТОМАШ ГАРРИГ МАСАРИК

Томаш Гарриг Масарик несомненно является центральной фигурой чехословацкой истории XX века. Еще при его жизни складывается культ первого президента страны, само его имя становится легендарным. Резкая критика Масарика и его преемника Бенеша «как буржуазных» политиков, ставшая идиомой в период социализма, после падения этого режима превратилась в прославление и апологетику обоих политических деятелей. Масштабы личности Масарика всегда притягивали к нему особое внимание.

О Масарике написаны многочисленные воспоминания, обширные статьи посвящены его политической деятельности и философским взглядам, толстые тома живописуют его биографию на разных языках мира. Интерес к нему объясняется многогранностью и богатством натуры Т. Масарика: он был и литератором, и философом, и социологом, и политиком, — во всех областях добиваясь признания. Этот интерес не ослабевает и в настоящее время: в Праге в рамках Академии наук ЧР существует Институт-архив Т.Г. Масарика — научный центр исторических и политологических исследований, занимающийся и большой публикаторской деятельностью по изданию трудов Т.Г. Масарика. Идеи Масарика — идеи гуманности и демократии — в известной степени положены в основу политической жизни чешского общества сегодня.

Личность такого плана как Масарик принадлежит не только национальной истории, но и европейской, всемирной истории. И вместе с тем Т. Масарик — именно национальный герой, окончательно разработавший и воплотивший в жизнь национальную идею, стоявший у истоков восстановления государственности, наметивший демократическую линию развития независимой чехословацкой республики.

Первый чехословацкий президент прожил долгую жизнь, появившись на свет в середине девятнадцатого столетия и впитавши в себя традиции, дух и идейное наследие того времени. Томаш Масарик родился на юге Моравии в небольшом городке Годонин 7 марта 1850 г. Его отец Йозеф Масарик, словак из Копчан, служил кучером в имении императора. Он умел читать, но так никогда и не освоил письмо¹. Мать Тереза, урожденная Кропачек, чешка, родом из Густопече, одно время работала в Вене у господ кухаркой и служанкой. В семье говорили на словацком и немецком языках. Детство Томаша прошло в постоянных переездах, пока отец не оставил службу. Несмотря на трудности материального порядка, в семье царили лад и спокойствие. Вместе с Томашем в семье росли еще два брата.

1 Cohen V. The life and times of Masaryk — the president-liberaler. London, 1941. P. 12.

Средний — Мартин — выучился на торговца, но умер рано, на воинской службе в Вене. Младший брат — Людвиг — приобрел профессию печатника и одно время работал в типографии в Густопече, а позднее открыл в Праге на Водичковой улице кафе моравских вин (винарню), которое вскоре стало излюбленным местом встреч писателей и журналистов. Он также прожил недолго, скончавшись накануне Первой мировой войны.

Томаш поступил в начальную немецкую школу, когда ему не было еще и 6 лет. После окончания 2-х классов низшего реального училища мать отвезла его в Вену для обучения слесарному делу². Однако это мастерство не пришлось ему по вкусу, оно было для него слишком нудным и неинтересным. Свободное время Томаш проводил за чтением книг, мечтая о путешествиях и изучая карты и атласы. Когда же у него пропал любимый атлас, он сбежал из Вены домой. Там его отдали учиться на кузнеца. Большое влияние на маленького Томаша оказал католический священник Сатора, который привил ему интерес к книгам и учебе. Но по просьбе густопеческого профессора гимназии Людвика и по настоянию матери, считавшей, что образование даст сыну новые возможности³, Томаш продолжил учебу сначала в Чейковицах, а затем в немецкой гимназии в Брно. Учился он с охотой, самостоятельно освоил польский и французский языки, но примерным учеником никогда не был. Слишком большая самостоятельность в оценках и суждениях нередко становилась причиной его конфликтов с учителями и директором. В результате одного из конфликтов ему едва удалось избежать исключения из гимназии без права поступления в другие учебные заведения. Помог ему, как ни странно, шеф полиции Антон Ле Монньер, с больным сыном которого занимался Томаш. Переезжая на службу в Вену, он взял юношу с собой. В Вене Масарик стал посещать известную академическую гимназию. Томаш учился хорошо, правда, нередко предпочитал заниматься самостоятельно в университетской библиотеке, а не в школе. В это время он изучил английский и русский языки. В 1872 г. он поступил на философский факультет, выбрав отделение классической филологии. После смерти брата Томаш оставил филологию и занялся естественными и социальными науками. Одним из любимейших предметов для Масарика стала социология. В это время он опубликовал серию статей о политической теории и практике, о патриотизме, о законах и просвещении, о будущем славянства. Затем он перешел к изучению философии. Его диссертация была посвящена трактовке Платоном сущности души. В 1876 г. он стал доктором философии и получил место воспитателя сына банкира. Кроме интенсивной преподавательской и научной работы Масарик активно включился в общественную деятельность:

2 *Marek F. Tomaš Garrigue Masaryk // Hrdinové a vestcí českého národa. K oslavě let 1848–1948. Přešov, 1948. S. 444.*

3 *Herben J. Život a dílo presidente osvoboditele. 5-té vyd. Praha, 1946. S. 127.*

стал старостой Чешского академического союза, хотя у него были большие трудности с чешским языком, так как и домашним, и языком обучения являлся немецкий. В гимназии он изучил греческий и латынь, а также освоил английский и французский, чешский пришлось осваивать позже. Как глава союза он организовал лекторскую работу среди рабочих, выступал за широкое сотрудничество интеллигенции и рабочего класса, верил в необходимость и возможность социализации общества. У него появился псевдоним Властимил.

Уехав со своим учеником и приятелем на каникулы в Рим, а затем продолжать учебу в Лейпциг, он знакомится там со своей будущей женой американкой из Бруклина Шарлоттой Гарриг. И хотя и раньше Томаш влюблялся в молодых особ, это было первое серьезное чувство. В августе 1877 г. они обручились. Затем Масарик вернулся в Вену, где его ждала защита доцентского звания в университете. Их свадьба состоялась 15 марта 1878 г. во время его 14-дневной поездки в Америку. Молодожены поселились в Вене, где жили очень скромно, если не сказать бедно. Кроме того, у них были проблемы со здоровьем: Масарик часто болел воспалением дыхательных путей, а в 1879 г. переболел тифом, Шарлотта тоже не отличалась крепким здоровьем. Но, несмотря на это, Масарик усиленно трудился. Одна из его работ этого периода называлась «Самоубийство как массовое социальное явление современной цивилизации»⁴. В 1879 г. у них родилась дочь Алиса, а еще через год сын Герберт. Всего в семье родилось пятеро детей. В это время Масарик переживает серьезный духовный кризис, который закончился его переходом в евангелическую церковь. Согласно воспоминаниям, «его разум был протестантским, но сердце оставалось на стороне весьма набожной матери-католички»⁵. Он был весь поглощен религией, часто ходил в церковь со сборником духовных песнопений и даже подумывал оставить профессию и стать пастором. Его философские построения всегда основывались на религиозных канонах.

Масарик принял предложение переехать в провинциальную Прагу, подыскать подходящую квартиру помогло неожиданное наследство, после чего материальная сторона жизни их семьи несколько улучшилась. С 1882 г. Масарик читает лекции по философии, а вскоре он становится профессором чешского Карлова университета.

В 1883 г. Масарик стал редактором журнала литературного и научного профиля «Athenaeum». На страницах этого издания он сам часто участвует в острых литературных дискуссиях, одной из которых стала полемика о так называемых «старочешских» рукописях. Несмотря на патриотический настрой, Масарик всегда оставался предельно честным в своих научных

4 В перев. на русск. яз. фрагменты работы см.: *Масарик Т.Г.* Философия-социология-политика. Избранные тексты. М., 2003. С. 83–135.

5 *Marek F. Op. cit.* S. 445.

изысканиях и поставил под сомнение подлинность этих документов. Недаром его жизненным кредо стали слова Я. Гуса «Правда победит»⁶. Из-за этой позиции у него были неприятности среди коллег и со стороны начальства в университете.

В 1887 г. Масарик впервые совершил поездку в Россию, а в следующем году он повторил свое путешествие⁷. В России Масарик лично познакомился с российскими учеными, посетил известного писателя Л.Н. Толстого. Россия давно интересовала чешского ученого, он изучал ее в основном по художественной литературе.

В 1888 г. Т.Г. Масарик, Й. Кайзл⁷ и К. Крамарж⁸ организовали группу вокруг издаваемого Я. Гербеном⁹ журнала «Čas»¹⁰, сделал его еженедельником. Уже значительно позже в беседах с К. Чапеком Масарик так рассказывал о начале своей политической карьеры: «Тогда таких нас было несколько, сперва немногочисленная группа молодых профессоров: Кайзл, Крамарж, ну и Гейровский¹¹ и Резек¹²; считали «нашим» и Гола¹³, но это неправильно. У нас не было реальной политической программы, просто мы держались вместе как представители одного поколения. Хотелось нам как-то улучшить жизнь и отношения, поднять уровень печатных изданий, преподавания в университете — однако это не было отчетливой программой, скорее направлением научно-критическим»¹⁴. Далее Масарик упомянул и о том, что в статье Паздирека, опубликованной в «Slavische Warte», их группа была названа «позитивистами», а Масарик посоветовал автору называть их «реалистами». Таким образом название за ними и сохранилось.

Накануне парламентских выборов реалисты заключают соглашение с Национальной партией свободомыслящих (младочехами). Платформой объединения реалистов и младочехов стал проект национальной программы, большую роль в подготовке которого сыграл Масарик. В нем было сформулировано требование федерализации Австрии, а затем и всей империи. На выборах 1891 г. все трое лидеров реалистов становятся депутатами австрийского парламента. Депутатская деятельность Масарика продолжалась два с половиной года и была достаточно заметной. На

6 *Budinský L.* Deset presidentů. Bratislava, 2004. S. 3.

7 *Doubek V.* T.G. Masaryk a česká slovanská politika 1882–1910. Praha, 1999. S. 50–53.

8 Крамарж Карел (1860–1937) — чешский публицист и политик. Подробнее о нем см.: *Сератионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. М., 2006.

9 Гербен Ян (1857–1936) — чешский политик и журналист.

10 *Чиняева Е.В.* Программа и общественно-политическая деятельность Т.Г. Масарика и чешской народной партии (реалистов) 1900–1914. Автореферат дис. к.и.н. М., 1990. С. 1.

11 Гейровский Леопольд (1852–1924) — чешский юрист.

12 Резек Антонин (1853–1909) — чешский писатель.

13 Голл Ярослав (1846–1929) — чешский историк-позитивист.

14 *Чанек К.* Беседы с Т.Г. Масариком. М., 2000. С. 82.

одном из заседаний палаты в 1892 г. он заявил: «Мы хотим независимости и самоопределения чешского народа, хотим полноценного национально-го существования»¹⁵. Один из австрийских депутатов назвал Масарика за эти слова предателем, но был освистан чешскими депутатами. У Масарика имелась своя тактика. Он признавал историческое государственное право, но дополнял его принципом

естественного права наций на самоопределение. Будучи реально мыслящим

политиком, он учитывал сложившуюся ситуацию, но не мог согласиться с неизменностью существующего порядка. Однако Масарик не был радикалом, его идеи оставались в социал-реформистских рамках, а предложения были направлены на демократизацию империи в целях ее сохранения.

В 1890-е гг. активизируется деятельность Масарика по всем направлениям, и главным образом, его работа на политическом и литературном поприщах. Он также возвращается к преподавательской деятельности и в 1897 г. становится профессором философии Пражского университета. Одновременно с этим он начинает редактировать ревью «*Našá doba*», на страницах которой стремится сформулировать концепцию чешского национального развития. Из газетных статей и университетских лекций появилось несколько работ, имевших принципиальное значение: «Чешский вопрос» (1895), «Наш современный кризис» (1895), «Ян Гус» (1895–1896), «Карел Гавличек» (1896), «Социальный вопрос» (1898). В них была изложена философская доктрина Масарика, в дальнейшем положенная в основу чешской национальной программы. В работе «Чешский вопрос. Стремления и чаяния нашего возрождения» Масарик попытался дать краткую характеристику того, что он называл «реализмом». В тот период реализм для него был не партией, а являлся направлением и методом, суть которого состояла в необходимости для нового поколения совершить критическую революцию в литературе против старых убеждений, ревизию старой программы и деятельности возрождения. «Реализм, — это славянская самокритика общей вины и недостатков, протест против фальши — живой и мертвой»¹⁶, — писал он. Политическая программа реализма предполагала социальные реформы и культурную работу, а также осуществление государственно-правовой программы Палацкого, т.е. стремление к самостоятельности в рамках Австрийской империи и осуществление автономии в смысле самоуправления¹⁷. Работа «Социальный вопрос» имела подзаголовок «Социальная и философская критика марксизма». В ней Масарик опровергал исторический материализм и идею Маркса о революции

15 *Marek F.* Op. cit. S. 447.

16 *Масарик Т.Г.* Философия-социология-политика... С. 156-157.

17 Там же. С. 158–159.

как «насильственной эволюции». Он писал: «Я против революционности потому, что верю в эволюцию и прогресс... Всеобщий экономический коммунизм я и в будущем считаю невозможным и не признаю социальным идеалом, так же как не признаю и требование материального равенства»¹⁸. Вместе с тем он положительно относился к идеям социализма в духе левого либерализма. Модель общественного развития у Масарика была очень близка взглядам социал-демократов реформистов того времени. Его философия основывалась на индивидуалистском подходе. В центре всего для него стояла личность и ее интересы, а общество понималось им лишь как сумма индивидуумов. Большое внимание он уделял проблемам духовного и нравственного усовершенствования каждого как важнейшего пути обновления общества. «Без коренного изменения сердца и ума, без перемены мышления и нравов мы можем революцией устранить дьявола, но лишь для того, чтобы на его место посадить Вельзевула»¹⁹, — подчеркивал он.

В конце XIX в. в жизни Масарика случился неприятный инцидент. Он выступил за пересмотр решения нашумевшего судебного процесса, в ходе которого еврей Леопольд Гильснер был без достаточных на то оснований обвинен в ритуальном убийстве молодой чешской девушки. Анти-семитская кампания, развязанная против обвиняемого, обрушилась и на его «защитника» Масарика. Студенты провели демонстрацию у его дома и на факультете, отказывались посещать его лекции, против него появились выпады в прессе. Масарик болезненно воспринял поведение студентов и коллег по университету, подумывал даже об отъезде из Чехии.

В 1900 г. Масарик становится лидером новой партии, получившей название Народной. Еще в 1893 г. он разочаровался в политике младочехов и вышел из партии, сложив свои депутатские мандаты в австрийском парламенте и Чешской земском сейме. В конце 1890-х он окончательно разошелся с Кайзлом и Крамаржем, обвинив последнего в том, что тот слишком ушел вправо. Создание новой партии оказалось сложным делом. Масарик хотел, чтобы программные документы, национальные идеалы и тактические лозунги были увязаны в логическое целое. Масарик являлся одним из главных авторов и редактором партийной программы²⁰. Он подчеркивал, что гуманистические идеалы чешского национального развития в его понимании не являются абстрактными, а предполагают интенсивную практическую деятельность. Созданная им Чешская народная партия, или так называемые реалисты, была немногочисленной и в основном представляла несколько групп демократически настроенной интеллигенции и студенчества. В партии были различные направления, объединявшиеся По-

18 Masaryk T.G. Socialní otázka. Praha, 1898. S. 649.

19 Nové Rusko. 1925. Č. 10-11.

20 Kučera M. Realisté // Politické strany 1861–1938. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu. Praha, 2005. S. 376–377.

литическим клубом Чешской народной партии. В партию входили люди высокой политической культуры. Ближайшими сподвижниками Масарика стали журналист Я. Гербен и поэт Й. С. Махар.

Единственным представителем этой партии в австрийском парламенте и являлся Т.Г. Масарик. В этот период его взгляды окончательно принимают антиавстрийскую направленность, так как он считал Австро-Венгрию государством несправедливым и недемократичным. На учредительном съезде партии 31 марта 1900 г. была принята ее программа, в которой Масарик сформулировал новое понимание государственного исторического права: «Мы добиваемся прежде всего так называемого естественного права, ему мы придаем содержание права исторического... Не переоценивая государственно-правового самосознания чешского народа, мы понимаем историческое право... преимущественно в национальном и экономическом смысле; наша политическая тактика будет направлена на достижение политической самостоятельности чешского народа»²¹. Давая предпочтение естественному праву над историческим, он ставил себя в оппозицию ко многим чешским историкам и политикам. Далее в программе были сформулированы принципиальные требования партии. Она выступала за совершенствование конституции и общественного устройства в духе последовательного демократизма, за как можно более широкую автономию земель Чешской короны, ответственность земских наместников перед сеймами, всеобщее, равное и прямое избирательное право, национальное разграничение судебных и избирательных районов, а также административных округов, культурную взаимность со славянскими народами, против угнетения словаков венграми в языковом, экономическом, национальном и культурном отношении, за равноправие всех австрийских народов, увеличение числа средних чешских школ, равноправие женщин и т.д.²². Масарик являлся последователем автономизма Ф. Палацкого.

Первые годы XX столетия ознаменовались непрекращающейся борьбой по целому комплексу проблем. Эти идейные сражения велись на страницах газет и журналов, на многочисленных собраниях и лекциях. В это время были нередки столкновения Масарика с представителями католического клира, которые обвиняли его в попытках разрушения веры. На самом деле все обстояло далеко не так. В 1906 г. вышла книга Масарика «Интеллигенция и религия». В чешской литературной среде на рубеже веков Масарик был едва ли не единственным философом и политиком, считавшим веру одним из важнейших вопросов в жизни человека. Если он и вступал в спор с католическими священниками, то не по атеистическим соображениям, которые начисто отвергал, а из чрезмерной приверженности католической церкви к австрийскому государству, срастания госу-

21 Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. II. Минск, 1989. С. 175.

22 Там же. С. 176-179.

дарственных структур и церкви, неискренности и лицемерия отдельных церковных представителей.

Летом 1902 г. Масарик был приглашен читать лекции в университет в Чикаго. Успех его лекций был отмечен тем, что он стал почетным доктором чикагского университета.

В 1905 г. из Чешской народной партии вышли отдельные фракции, а сторонники Масарика объединились с прогрессистами из Восточной Чехии во главе с А. Гайном и группой Ф. Кожелухи из Брно²³. Это позволило реорганизовать партию, сделав ее более централизованной, и изменить название. С этого времени она стала называться Чешской прогрессивной партией.

В начале века в Австрии развернулась борьба за всеобщее избирательное право. Масарик включился в эту борьбу, читая лекции перед рабочими. В январе 1907 г. всеобщее избирательное право было узаконено, а в мае были проведены выборы в австрийский парламент. Масарик был вновь избран депутатом. Другим партийным депутатом стал П. Дртина. В земский сейм от прогрессивной партии в 1908 г. прошел лишь один депутат Й. Штемберк.

В 1909 г. в Загребе был организован процесс 53 сербов и хорват по обвинению их в государственной измене. Обвинение было дутым, и Масарик доказал это. Процесс был прекращен, а подсудимые спасены от казни²⁴.

Партия Масарика указывала на несамостоятельность внешней политики Австро-Венгрии, ее растущую зависимость от Германии, подчеркивала необходимость внутренних реформ в империи. Масарик вел кампанию против духовного засилия католической церкви, в поддержку югославянских политических заключенных, за солидарность со словаками. Постепенно и в Словакии возникла группа его сторонников, безоговорочно признававшая его авторитет. Они объединялись вокруг журнала «Нлас» и исходили из концепции национального единства чехов и словаков. Среди них, прежде всего, надо назвать словацкого политика В. Шробара (в будущей Чехословацкой республике полномочного министра по делам Словакии). С особым вниманием Масарик следил за политикой великих держав на Балканах. В 1912 г. была принята новая партийная программа, автором которой являлся Масарик. В ней обращалось внимание на насущность реформ, нацеленных на равноправие народов Австро-Венгрии, автономию Чешских земель, содержались протесты против централизма, развивались основные принципы демократии. На съезде партии в самом начале 1913 г. Масарик впервые предсказал начало будущей мировой войны. В этом же

23 *Kučera M.* Op.cit. S. 381.

24 *Kizevetter A.A.* Томаш Масарик // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. По материалам международной научной конференции. М., 2005. С. 220.

году на немецком языке вышла его большая работа «Россия и Европа»²⁵.

После начала Первой мировой войны на страницах ревью «*Našá doba*» Масарик опубликовал статью «Война», в которой анализировал главные причины войны и ее основной мотив, представлявшие ему в столкновении экономических интересов и военно-политической борьбе за преобладание в мире. В первые же месяцы войны встал вопрос о поисках объективной информации для лучшей ориентации и сплочения круга единомышленников. После двух поездок за информацией в нейтральную Голландию Масарик предложил организовать тайное общество, позднее получившее название «Маффия». В деятельности этой организации участвовали представители большинства чешских партий. Ее секретарем стал сподвижник и друг Масарика Э. Бенеш²⁶, а после отъезда обоих политиков на Запад большую роль в организации играл П. Шамал²⁷.

В декабре Масарик выехал за границу, сначала в Рим, где установил контакты с дипломатическими кругами, а затем в Швейцарию. В конце 1914 г., находясь за границей, Масарик получил сообщение, что на родине готовится его арест, поэтому путь домой был отрезан²⁸. Вместе с некоторыми другими чешскими эмигрантами он занялся организацией чешской колонии за границей. В марте 1915 г. Масарик направил всем эмигрантским организациям послание, где изложил программу действий. В 1915 г. в Женеве от сыпного тифа умер сын Масарика Герберт. Вскоре Масарик перебрался из Швейцарии в Париж и основал еженедельник «Чехословацкая независимость». В Париже он понял, что чешский вопрос на Западе неизвестен. Началась огромная просветительская и пропагандистская работа, большую помощь в которой оказывал ему французский историк Э. Дени, издававший журнал «Чешская нация». Впервые открыто выступил против Австро-Венгрии Масарик в Цюрихе на праздновании 500-летнего юбилея со дня смерти Яна Гуса 4 июля 1915 г. Выбор был сделан. Об этом выступлении Масарик впоследствии рассказывал так: «Этот день я выбрал сознательно для того, чтобы показать миру связь исторических событий в

25 На русском языке 3 тома этого труда вышли в Санкт-Петербурге в 2000–2004 гг. Подробный анализ взглядов Т.Г. Масарика на Россию, в том числе разбор его произведения «Россия и Европа» см.: *Терехина О.В.* Российская проблематика в трудах Т.Г. Масарика 80-х гг. XIX в. — 1913 г. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Самара, 2001. С. 11–18.

26 Бенеш Эдвард (1884–1948) — чешский политик и государственный деятель. С 1912 г. доцент, а с 1921 г. профессор социологии Пражского университета. В 1915–1919 гг. деятель заграничного сопротивления, в 1919–1935 гг. министр иностранных дел, с 1935 г. президент ЧСР.

27 Шамал Пршемысл (1867–1941) — чешский политик. С сентября 1915 г. глава разведывательно-информационной сети «Мафия», в ЧСР член Национально-демократической партии.

28 *Масарик Т.Г.* Мировая революция. В годы войны и на войне 1914–1918 // *Масарик Т.Г.* Философия — социология — политика... С. 535.

нашей истории. Я уже тогда сознавал: либо мы выиграем, либо в Австрию я никогда не вернусь»²⁹. С этого времени Масарик начал выступать за независимое чехословацкое государство. В ответ на это на родине Масарик был объявлен государственным изменником, а его дочь Алиса арестована.

Чтобы чешские эмигрантские деятели могли выступать от лица какой-либо организации, ими был создан Чешский заграничный комитет. Его председателем стал Т.Г. Масарик. 14 ноября 1915 г. в Париже было опубликовано заявление Чешского заграничного комитета о том, что чешская колония за границей встает на сторону сражающихся славянских народов и их союзников в войне против Австро-Венгрии и Германии. Кроме всего прочего, в заявлении говорилось: «Мы боремся за независимое чешское государство... Мы потеряли веру в жизнеспособность Австро-Венгрии, не признаем уже оправданность ее существования... Дуалистическая Австро-Венгрия стала угнетателем ненемецких и немадьярских народов, является преградой миру в Европе, и превратилась в инструмент захватнической политики Германии на Востоке без собственной позитивной цели, не способна образовывать органическое государственное целое равноправных, свободных и культурно развивающихся народов...»³⁰. Политик, историк и экономист П.Б. Струве в статье по поводу 80-летия Масарика вспоминал о том, какое сильное впечатление в России произвела антиавстрийская позиция Масарика. Он писал: «Вовсе не националист, а, наоборот, примиритель национальностей, с одинаковой легкостью и охотой действовавший своим пером и в немецкой, и в своей родной печати, Масарик этим актом заявлял, что он в дальнейшем бытие исторической многонациональной Австро-Венгрии не верит»³¹.

Чешский заграничный комитет в феврале 1916 г. поменял название на Чехословацкий национальный совет, непосредственной задачей которого стала организация независимого чехословацкого войска.

Осенью 1915 г. Масарик перебрался в Лондон. Работа в Париже была продолжена Э. Бенешем и М.Р. Штефаником*. В Лондоне предстояло начать все сначала. Но уже через несколько месяцев подготовительной работы был основан еженедельник «Новая Европа», и к решающему 1918 г. Масарик имел много сторонников среди английских политических деятелей и пользовался поддержкой общественного мнения Англии.

Вот как описывал встречу с Масариком в это время чешский журналист В. Бенеш: «Мы сидели в простеньком лондонском ресторанчике за чашкой кофе. Масарик в простой, но проникновенной манере говорил о нашей борьбе». Он считал, что в Европе до тех пор не будет прочного мира,

29 Чанек К. Указ. соч. С. 117.

30 Dokumenty našeho osvobození. Praha, 1919. S. 15-19.

31 Струве П.Б. 80-летие Т.Г. Масарика // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства... С. 213.

пока идея демократии и принципы свободы для каждого — в том числе и малых народов — не станут реальностью. Речь зашла о финансовых проблемах. «Я посоветовал ему обратиться за помощью непосредственно к некоторым нашим людям». Он отказался, сославшись на то, что каждый чех должен сам осознать свой долг. «Его глаза, их взгляд говорили о том, что он болеет за дело. Он так мягко, по-братски смотрел на меня. Никогда не забуду этот взгляд, он для меня как лучший подарок. Звучал его голос, в котором чувствовалось пережитое за эти трудные годы. В нем самом было что-то близкое, родное и вместе с тем исключительное, что я не могу четко выразить. Я вижу его перед собой, его полузакрытые глаза, морщинки на высоком челе, слышу его голос «За эти три года за границей я едва ли проспал и 3 ночи»³².

И усилия Масарика увенчались успехом. В ноте держав Согласия от 10 января 1917 г., содержащей ответ союзников на мирные предложения Вильсона, говорилось, что одной из целей союзных держав в войне является «освобождение итальянцев, румын, чехов и словаков от иностранного господства»³³. Это явилось первой крупной победой чехословацкого сопротивления за границей.

Узнав о февральских событиях в России, Масарик послал телеграмму председателю российской Думы с приветствиями и поздравлениями, одновременно с этим он заверил министра иностранных дел П.Н. Миллюкова, что чехословацкий народ поддерживает русскую революцию. Т. Масарик рассматривал мировую войну как столкновение двух систем — Западной демократии и монархических консервативных режимов Центральной и Восточной Европы. Царская Россия в стане союзников не укладывалась в созданную им схему. Именно поэтому февральскую революцию, покончившую с монархией и провозгласившую свободу и демократию, Масарик воспринял как логическое следствие позиции России в войне. Однако события в России нарастали как снежный ком, и никто на Западе не мог предсказать их дальнейшего развития. В этой ситуации Масарик решает выехать через скандинавские страны на Восток, чтобы на месте уяснить себе, что чехи и словаки могут ожидать от России. В мае 1917 г. он прибыл в Петроград, а уже в июне в «Таймс» были опубликованы его рассуждения о шансах сохранения России в стане союзников. Хотя А.Ф. Керенский твердил о военном наступлении и верности союзническому долгу, Масарик уже тогда советовал союзным державам больше не рассчитывать на Россию. Чешские политические требования не находили особой поддержки в российском обществе, раздираемом собственными противоречиями. Русские социалисты считали чехословацкое движение за независимость проявлением национализма, а чешский вопрос склонны

32 Čechoslovan. 19.III.1917.

33 Хрестоматия... С. 263.

были рассматривать как внутреннее дело Австро-Венгрии. Масарик находил понимание лишь у небольшой группы социал-демократов во главе с Г.В. Плехановым, народных социалистов («Воля России») и «бабушки русской революции» Е. Брешко-Брешковской³⁴. Тем не менее Т. Масарик использовал любую возможность, чтобы обратиться к чехам и словакам, влиять на российских политических и государственных деятелей: выступал в печати и с лекциями, рассылал своих агитаторов по всей России. Он стоял за полную победу Антанты и отвергал лозунг о мире без аннексий и контрибуций. Свою задачу в России он видел в организации независимого чехословацкого войска из пленных чехов и словаков. И это ему удалось. В 1917 г. чехословацкие части в России насчитывали уже в России около 30 тыс. человек. Масарик с самого начала стремился к тому, чтобы чехословацкое войско не принимало участия в борьбе российских политических сил. Он был уверен, что чехословацкие воины не должны вмешиваться в русские дела вообще, не хотел, чтобы гражданская война в России отвлекала чехов и словаков от главной цели — борьбы за собственную независимость и разъединяла бы их на враждующие лагеря. 15 октября 1917 г. между филиалом Чехословацкого национального совета в России (ЧСНС) и представителями Временного правительства на Украине было подписано соглашение о невмешательстве чехословацких частей в политическую борьбу, но предусматривающее их использование для подавления волнений, «угрожающих безопасности имущества» при отсутствии надежных русских частей.

Большевистский переворот застал Масарика в Петрограде и был для него неожиданным. 29 октября чехословацкие подразделения приняли участие в уличных боях в Киеве, однако буквально через пару дней было подписано перемирие, и они были выведены из города. В связи с этим 9 ноября 1917 г. председатель ЧСНС Т.Г. Масарик обратился ко всем полкам чехословацкого армейского корпуса: «Сохраняйте в своих рядах полный порядок и дисциплину... Была достигнута договоренность с русскими военными органами о том, что наше войско не будет использовано в политических распрях русских партий; мы последовательно не будем вмешиваться в эту политическую борьбу... Я решительно осуждаю попытки безответственных лиц использовать наше войско в полицейских и жандармских целях»³⁵. До тех пор пока Масарик находился в России, ему удавалось сохранять нейтралитет чехословацкого войска даже вопреки сопротивлению его некоторых друзей и соратников. После того, как он договорился о выводе чехословацких частей во Францию, а также после того, как боль-

34 *Tobolka Z.* Politické dějiny československého národa od roku 1848 až do dnešní doby. Díl IV. 1914-1918. Praha, 1937. S. 298.

35 *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений.* Т. 1. М., 1973. С. 29.

шевики подписали Брестский мир с Центральными державами, Масарик решает покинуть Россию. В день своего 68-летия он вместе с английской военной миссией отправился в дальний путь через Владивосток. По дороге в Америку он остановился в Токио, где подал японскому правительству меморандум о чехословацком войске и подробно изложил американскому послу свои доводы: почему союзники все же должны признать советскую Россию и установить с ней отношения.

Т. Масарик крайне негативно относился к большевизму вообще и к октябрьскому перевороту в России. Он полагал, что там была установлена не диктатура пролетариата, а диктатура вождей небольшой политической партии над пролетариатом. Масарик же в принципе выступал против любой диктатуры и даже во имя самых прекрасных идеалов не мог согласиться с отсутствием демократии и свободы. Ему претило насилие, в огромных масштабах осуществляемое большевиками. Он не мог их простить за то, что они «особо излишествовали в уничтожении жизни». И вместе с тем Масарик был уверен в правильности принципа невмешательства в «русские дела», в чужую внутреннюю политику. Он считал, что большевизм — это внутренний кризис России, и его нельзя «лечить вмешательством извне»³⁶. В целом чехословацкий деятель полагал, что и марксизм, и большевизм должны быть «нравственно преодолены социальными реформами и политическим воспитанием» и предсказывал падение большевистского режима в будущем³⁷. Эту позицию Масарика в русском вопросе многие русские эмигранты впоследствии резко критиковали. Так, С.П. Мельгунов писал относительно Масарика: «Да, демократ и социалист Масарик прежде всего национальный вождь, который к разрешению всех мировых вопросов подходит с точки зрения интересов своей родины. Так подходит он и к России»³⁸.

В конце апреля корабль, на борту которого находился Масарик, прибыл в канадский порт в Ванкувере, а 4 мая даже германофильская «Чикаго трибюн» писала, что Соединенные штаты гордятся визитом этого государственного деятеля. В Чикаго Масарика восторженно встречала 100-тысячная толпа чехов и словаков. Во время пребывания в Америке Т.Г. Масарик заключил так называемое питсбургское соглашение со словаками, предусматривавшее объединение чешской и словацкой нации в федеративном союзе государств, состоялась его встреча с В. Вильсоном, и была

36 *Масарик Т.* Мировая революция. Воспоминания / Пер. с чешск. Т. 1. Прага, 1926. С. 205. См. также: *Zeman F.* T.G. Masaryk a revoluce 1917. Praha, 1920. S. 293; *Радль Э.* Профессор пражского университета Т.Г. Масарик. Его жизнь, общественная и научная деятельность. Ужгород, 1927. С. 74.

37 *Nové Rusko.* 1925. Č. 9.

38 *Мельгунов С.П.* Чешский патриот о войне и русской революции (По поводу воспоминаний Т.Г. Масарика) // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства... С. 232, 247–248.

опубликована «Декларация независимости», в которой провозглашалось свободное чехословацкое государство. То, о чем деды и отцы могли лишь мечтать, становилось действительностью. Вскоре в Америку пришла весть о распаде Австро-Венгрии и образовании чехословацкого государства. Национальный комитет в Праге 14 ноября единодушно провозгласил президентом новой республики Т.Г. Масарика. Сам Масарик узнал об этом за завтраком из одной из нью-йоркских газет. Еще до отъезда на родину ему удалось подписать с США договор о кредите на 10 млн. долларов, что в будущем оказало молодому государству действенную экономическую помощь.

Возвращение на родину 20 декабря 1918 г. было триумфальным. Президента с воодушевлением приветствовали все, в том числе и бывшие политические противники. На следующий же день после прибытия на Град Масарик принял присягу президента. Он получил титул президента-освободителя и стал национальным героем. После короткой поры всеобщего ликования для Масарика начался период больших забот: границы не были защищены, войско деморализовано, национальные меньшинства оказывали сопротивление, шли острые споры между аграриями и социалистами, с Польшей возник конфликт из-за Тешина, сложная обстановка было в Словакии. Почти 70-летнему президенту не был уготован почетный отдых на лаврах. Ему приходилось решать, как из послевоенного хаоса создать жизнеспособное демократическое государство.

Основой государственного строительства стала конституция 1920 г. В ее основу была положена теория разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, их взаимного контроля и равновесия. Высшую законодательную власть предоставляло Национальное собрание, состоявшее из палаты депутатов и сената, исполнительную — правительство, которое в основном на протяжении межвоенного периода являлось коалиционным, контроль за судебной деятельностью осуществлял Конституционный суд. Конституция провозглашала равенство граждан независимо от происхождения, языка, расы и вероисповедания, свободу личности, неприкосновенность имущества и жилища, тайну переписки, свободу союзов, собраний, печати, совести, узаконивала республиканскую форму правления. Основной закон закреплял демократическую политическую систему централизованного государства. Декларировались равные права всем гражданам независимо от национальности, широкие права национальным меньшинствам, указывалось на недопустимость нарушения принципа национального равноправия и политики насильственной ассимиляции. Государственным официальным языком объявлялся «чехословацкий», а в районах, где 20% составляли национальные меньшинства разрешалось употребление

родного языка наравне с официальным³⁹.

Идея Масарика о единой «чехословацкой» нации (когда словаки понимались лишь как ветвь этой единой нации) и едином языке была не случайной. Президент ЧСР считал необходимым сохранить национальное объединение для поддержания европейского равновесия, перед лицом сильных европейских, особенно соседней немецкой, наций как один из способов решения проблемы малых народов⁴⁰. Эта идея (кстати, вполне естественная для него, наполовину словака, родом из Моравии) вызывала неприятие и сопротивление некоторых словацких политиков и вела к зарождению автономистского, а затем и сепаратистского движения в Словакии.

На основе нового избирательного закона в мае 1920 г. Масарик был избран президентом. Согласно конституции президент избирался на 7 лет и обладал широкими полномочиями: назначения и отзыва членов кабинета, определения количества министров, созыва и роспуска парламента, правом отлагательного вето в отношении законопроектов, являлся главнокомандующим вооруженными силами, назначал высших государственных чиновников, судей, офицеров, профессоров высшей школы, представлял государство на международной арене⁴¹, что давало ему возможность воздействовать на внутреннюю и внешнюю политику.

В самом начале 1922 г. Масарик написал Меморандум, в котором анализировал новое устройство Европы и место России в послевоенном мире. Причиной краха трех монархий — России, Германии и Австро-Венгрии — являлся, по его мысли, излишний анахронический централизм. Как реакция на него после войны произошла автономизация Европы. Но суть проблемы Масарик видел в достижении равновесия между тяготением к централизму и тяготением к автономности, а в этом равновесии — ключ к единству Европы. При этом он выступал за этническое и культурное разнообразие Европы, без ее нивелировки. Он считал, что у России не будет нормального развития без Европы, но и у Европы не будет нормального развития без России. Поэтому чехословацкий президент выступал за оказание посильной помощи России. Он называл в качестве примера помощь Чехословакии русским ученым Петрограда, заботу о некотором количестве русских детей, а также поддержку российской интеллигенции и молодежи, очутившейся в условиях эмиграции⁴². Таким образом, Масарик поддерживал проведение т.н. «русской акции помощи» русским и украинским

39 *Фирсов Е.Ф.* Эволюция парламентской системы в Чехословакии в 1920-е годы. М., 1989. С. 7.

40 *Beneš E.* Masarykovo pojetí ideje národní a problem jednoty Československé. Bratislava, 1935. S. 13-18.

41 *Ústava Republiky Československé.* Praha, 1932.

42 Перевод *И.М. Порочкиной* указанного меморандума на русский язык см.: Ежегодник общества братьев Чапек. СПб. 2002. С. 61–69.

эмигрантам⁴³.

В 1922 г. разгорелась борьба за проведение аграрной реформы, а 1923 г. принес президенту тяжкую утрату — умерла его жена — Шарлотта Масарикова, его ближайший друг и соратник. Переживания военного времени: смерть сына Герберта, 8-месячное заключение дочери Алисы, служба второго сына Яна в армии, постоянные разъезды младшей дочери Ольги, сопровождавшей отца, — серьезно подорвали ее здоровье.

В 1925 г. Масарик опубликовал свои воспоминания о мировой войне и революции⁴⁴. В этой работе он кратко останавливался на своей деятельности в этот период, а далее рассуждал о смысле тогдашних событий и их возможном развитии в будущем, что собственно явилось новой формулировкой программы для уже свободной нации.

В следующем году берлинский журнал проводил опрос наиболее популярных политиков и деятелей культуры о том, «кто мог бы стать президентом Соединенных штатов Европы, если бы таковые были созданы»? Известный английский драматург Бернард Шоу на этот вопрос ответил: «Конечно же Масарик, кто же еще»⁴⁵. Но внутри страны политические противники президента — один из лидеров национальных социалистов Й. Стршибрны и генерал Р. Гайда, покровитель профашистской группировки «Красно-белых», развязали против правящей группировки, получившей название Пражского Града, активную кампанию. Накануне парламентских выборов Масарик умышленно уехал за границу, сначала в Женеву, а затем в Палестину и в Египет. Он вообще очень любил путешествовать: еще до войны посетил много стран Европы и США, после занятия поста президента Масарик продолжал совершать официальные и частные поездки по всему свету. На июньских выборах 1927 г. Т.Г. Масарик вновь избирается президентом уже в третий раз.

В 1930 г. в связи с 80-летием президента Национальное собрание приняло специальный закон о заслугах Масарика перед государством. По Конституции один человек мог лишь дважды подряд занимать пост президента, Масарика это не касалось: он избирался президентом четыре раза⁴⁶. В начале 1930-х гг. усилия основателя и главы чехословацкого государства были направлены на поиски путей выхода из экономического кризиса и борьбу с коррупцией. Крайне беспокоили его и международные события: приход Гитлера к власти в Германии в 1933 г. вел к усилению правых профашистских группировок и в соседней Чехословакии, укреплению там немецких националистических партий. В этих условиях Т. Масарик был вы-

43 *Задорожник Э.Г.* Масарик и Россия: этапы восприятия и специфика оценок // Россия в глазах славянского мира. М., 2007. С. 203.

44 В переводе на русский язык эта работа вышла в 1926 г.

45 *Marek F.* Op.cit. S. 453.

46 Подробнее о президентских выборах в ЧСР см.: *Balík S., Hloušek V., Holzer J., Šebo J.* Politický systém českých zemí 1848–1989. Brno, 2007. S. 63.

нужден больше внимания уделять армии и вопросам вооружения. Кроме того, сознавая внешнюю угрозу Чехословакии со стороны усилившейся Германии, Масарик начинает поддерживать идею Дунайской федерации. В одной из бесед с австрийским посланником в 1933 г. он заявил: «В теперешнем состоянии нельзя оставаться, и европейские народы должны будут, в конце концов, договориться друг с другом. Для наших государств и для всей Центральной Европы, может быть, было бы лучшим, а может быть и единственным выходом, если бы мы «трое», то есть Австрия, Чехословакия и Венгрия, снова объединились⁴⁷». Внешней угрозой была вызвана и подготовка чехословацко-французского и чехословацко-советского договоров, подписанных в 1935 г.

Политический деятель и журналист В.В. Руднев подчеркивал, что в Масарике уживались пиетет к национальной чешской истории с идеями универсализма и гуманности: «Но столь сильно выраженная в духовном облике Масарика связь с народной традицией менее всего дает основания говорить о национальной ограниченности и узости его мирозерцания. Преимущественная любовь к своему народу отнюдь не отрицает идеала всечеловечности, напротив того, только в нем находит она свое последнее оправдание»⁴⁸.

Несмотря на политические неурядицы и преклонный возраст Масарик не прекращал и литературную деятельность. В это время выходят его диалоги с Э. Людвигом под названием «Дух и действие», а также его беседы с К. Чапеком.

Между тем атмосфера в Европе все более накалялась: фашистская Германия открыто вооружалась, в Австрии разгорелась гражданская война, а затем последовал переворот, в Марселе был убит югославский король Александр и министр иностранных дел Франции Л. Барту. В Чехословакии к экономическим трудностям прибавились и политические, в связи с выступлением немецкого радикала К. Гейнлейна. В этой обстановке на выборах 1934 г. Масарик в 4-й раз подавляющим числом голосов был избран президентом республики.

Однако вскоре президент серьезно заболел: у него случился инсульт: отказала правая рука, резко ухудшилось зрение. Правда, через какое-то время наступило улучшение. Но когда на парламентских выборах в мае 1935 г. судето-немецкой партии Гейнлейна удалось одержать серьезную победу, Масарик решил, что для чехословацкой демократии скоро придут тяжелые времена и нужен новый сильный лидер, способный ее защитить. С этого времени все его усилия были направлены на то, чтобы увидеть на посту президента своего преемника Э. Бенеша. Когда же этот выбор был

47 Цит. по: *Турок В.М.* Очерки истории Австрии 1929–1938. М., 1962. С. 336.

48 *Руднев В.В.* Народный вождь (К восьмидесятилетию Т.Г. Масарика) // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства... С. 226.

согласован с основными политическими силами страны, Масарик подал в отставку⁴⁹. 14 декабря 1935 г. с его дома был спущен президентский флаг, который развевался над ним 17 лет.

Масарик трудился почти до конца своих дней: работал над очередной книгой и не переставал интересоваться большой политикой. Летом 1937 г. состояние Масарика резко ухудшилось. 2 октября 1937 г. по радио было объявлено об ухудшении его здоровья, а 14 октября его не стало. Провожая Масарика в последний путь, с речью выступил второй президент ЧСР Э. Бенеш.

Благодаря усилиям официальной чехословацкой историографии межвоенного периода, возвеличивавшей деяния первого президента ЧСР, а также вопреки стараниям историков социалистической Чехословакии, вообще отрицавших какие-либо его заслуги, образ Масарика превратился в миф, а его жизнь и деятельность — в легенду.

На самом деле Т.Г. Масарик, как и любой человек, не был лишен отдельных недостатков и некоторых слабостей. Рассказывают, что он был человеком властным и самолюбивым. Его философские построения нередко грешили противоречиями. В реальной политической практике он не всегда проводил те принципы, которые он провозглашал в теории, был мастером политической интриги. В межвоенной Чехословакии существовал настоящий культ первого президента. Однако это никак не умаляет значимость Масарика для истории, а просто делает его из абстрактного героя человеком, имя которого еще при жизни стало символом национальной независимости, свободы, демократии и сохраняет это значение по сей день.

49 См. дневниковые записи его личного секретаря: *Gašparíková-Horáková A. U Masarykovcov. Spomienky osobnej archv rky T.G. Masaryka.* Bratislava, 1995. S. 268.

КАРЕЛ КРАМАРЖ — ПОЛИТИК НЕСКОЛЬКИХ ЭПОХ

Карел Крамарж (1860–1937) оставил заметный след в чешской истории XIX и XX столетий. Хотя оценки его взглядов и деятельности далеко не однозначны. Историки и в XXI в. продолжают спорить о роли Крамаржа в чешской политике, его концепциях и характере¹. Свидетельством неистощимого интереса к личности Карела Крамаржа можно считать вышедшие в последние годы сборник статей, авторами которых являлись ученые из ЧР, США, РФ², три монографии³, множество отдельных статей⁴, экспозиции и фильм⁵, непосредственно посвященные этому политическому деятелю.

Карел Крамарж был единственным ребенком в семье процветавшего строителя-предпринимателя Петра Крамаржа (трое других детей умерли в младенчестве). Родом из небольшого городка Высоке над Йизероу в предгорье Крконош, он закончил там четыре класса начальной школы, а затем два года обучался в немецкой средней школе в Либерце. В возрасте 10 лет Карел приехал в Прагу и поступил в реальную гимназию на Малой стране, которую успешно закончил в 1879 г. Учился он с охотой, его любимыми предметами в школе являлись классические языки, ему удавались письменные сочинения и рано проявились способности к устным выступлениям. Еще будучи гимназистом, Карел мечтал посвятить себя политике⁶.

- 1 31.10-3.11.2007 г. в Праге состоялась международная конференция «Карел Крамарж»; информацию о ней см.: *Серапионова Е.П.* Политик между реализмом и наивностью // Русское слово. 2007. № 6.
- 2 Karel Kramář, studie a dokumenty k 65. výročí jeho úmrtí. Praha, 2003.
- 3 *Winkler M.* Karel Kramář (1860–1937): *Selbstbild Fremdwahrnehmungen und Modernisierungsverständnis eines tchecoslovenischen Politikers.* München; Oldenbourg, 2002; *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006; *Lustigová M.* Karel Kramář První československý premiér. Praha, 2007.
- 4 Подробнее об историографии см.: *Серапионова Е.П.* Славянский вопрос и Россия в идеиных воззрениях и политике Карела Крамаржа, конец XIX — первая треть XX в. Автореферат дис. на соиск. степени д.и.н. М., 2006.
- 5 Выставка «Карел и Надежда Крамаржи дома» была посвящена 70-летию со дня смерти Крамаржа и организована в мае 2007 г. на вилле К. Крамаржа в Праге, в настоящее время являющейся резиденцией чешского премьер-министра (см. каталог выставки: *Čechurová J., Stehlíková D., Vandrovcová M.* Karel a Nadežda Kramářovi doma, Praha, 2007); в рамках международной конференции «Карел Крамарж» в октябре 2007 г. в помещении ВУЗа CEVRO состоялись открытие выставки о Крамарже и премьера документального фильма о нем.
- 6 Подробнее о детстве и юношеских годах К. Крамаржа см.: *Nová J.* Karel Kramář — student a české střední školství druhé poloviny 19. století // Časopis národního

После окончания гимназии Крамарж решил получить юридическое образование: зимний семестр 1879 г. он проучился в Берлинском университете, а летний — в университете Страсбурга. Далее он в течение трех лет изучал право в Пражском университете. В студенческие годы он много путешествовал по Западной Европе, побывал во Франции, Италии, Германии.

В апреле 1884 г. Карел получил степень доктора права. После этого он еще семестр изучал экономику в Берлине, а затем два семестра пополнял образование в Париже, в школе политических наук. Из Парижа он уехал на три месяца путешествовать, ознакомился с Великобританией, работал в библиотеке Британского музея, посетил Ирландию и скандинавские страны. В 1885–1886 гг. он вновь слушал лекции и посещал семинары известного экономиста А. Вагнера в Берлине. Таким образом, благодаря финансовой поддержке отца, он приобрел прекрасное образование, солидную подготовку в области права и экономики, достаточно широкие знания по истории и социологии, более общие — по философии и истории искусства. В дальнейшем эти знания очень пригодились ему как политику.

Крамаржа заинтересовала история бумажных денег Австрии, и на четыре года он обосновался в Вене для научной работы в архивах. В столице Австро-Венгрии он изучал документы по истории финансов и государственному устройству Австрии с первой половины XVIII в. Знакомство с документами привело его к выводу о возможности отстаивать чешское государственное историческое право. В 1886 г. вышла в свет одна из его первых работ «Бумажные деньги в Австрии с 1848 г.», которая вызвала значительный интерес у специалистов.

В 1880-е гг. Крамарж всерьез увлекся политикой. Его бывший преподаватель в университете Й. Кайзл ввел его в группу своих политических единомышленников и познакомил с проф. университета, философом и социологом Т.Г. Масариком. Крамарж был намного моложе своих политических соратников, и, вероятно, поэтому Масарик дал ему прозвище «дитя»⁷. В свою очередь Кайзл и Крамарж называли Масарика «пастырем» за своеобразную «поучающую» манеру говорить. Эти три политика составили центр группы научно-критического направления, т.н. «реалистов», объединившихся вокруг журнала «Čas», в котором с 1888 г. Крамарж начал публиковать статьи по политическим проблемам. В этом же издании он поместил ряд заметок, знакомя читателей со своими впечатлениями о первой поездке в Россию⁸.

И Масарик, и Крамарж живо интересовались социальными проблемами, Россией и славянским вопросом. В 1890 г. вслед за Масариком, уже дважды побывавшим в России, Крамарж поехал изучать самую большую

muzea — řada historická. 2000. 169. Č. 1–2.

7 Korespondence T.G. Masaryk — Bendřich Hlaváč. Praha, 2001. S. 43.

8 Čas. 1891. № 2-6.

славянскую страну. В России Крамарж пробыл около полгода, много путешествовал по стране, побывал кроме столиц, Петербурга и Москвы, на Волге в имении Д.Ф. Самарина Васильевка в Сызранском уезде, где его родной дядя Й. Крамарж работал управляющим. Он также ездил в Закавказье — Тифлис и Ереван, посетил Казань, Киев, Одессу, отдохнул в Крыму. Благодаря рекомендациям Т.Г. Масарика, К. Крамарж познакомился со многими русскими учеными-славистами К.Я. Гротом, П.А. Кулаковским, В.И. Ламанским, И.С. Пальмовым, А.Н. Пыпиным, философами Н.Я. Гротом, Л.М. Лопатиным, Э.Л. Радловым, В.С. Соловьевым, Е.Н. Трубецким, поэтами А.А. Фетом, А.Н. Плещеевым, писателями В.Г. Короленко, Л.Н. Толстым, общественными и государственными деятелями⁹. Во время своего первого приезда в Россию Крамарж познакомился и со своей будущей супругой, а в то время женой кондитерского фабриканта А.А. Абрикосова Надеждой Николаевной (урожд. Хлудовой). Путь их к супружеству был долгим, и лишь спустя 10 лет, в 1900 г., получив развод, Н.Н. Абрикосова смогла стать пани Крамаржовой¹⁰.

Осенью 1890 г. Крамарж возвратился на родину и полностью окунулся в политическую борьбу. Но первая поездка в Россию оказала серьезное влияние на формирование его взглядов и выработку геополитических концепций.

Реалисты не имели четкой программы, и некоторое время колебались — с какой из двух основных политических сил (младочехами либо старочехами) пойти на соглашение¹¹. Автором политической программы Национальной партии (старочехов) являлся Ф.Л. Ригер (1818—1903). Эта программа начала 1860-х гг. содержала требование равноправия (в том числе и языкового), широкой автономии и единства земель Короны чешской, а также основных гражданских свобод. На основе исторического права декларировалась самобытность чешского народа. В программе подчеркивалась необходимость национального единства всех социальных слоев чешского общества¹², высказывались симпатии к идее славянской взаимности.

Программа младочехов опиралась на 8 пунктов, составленных в 1874 г. Ю. Грегором (1831—1896) и предусматривавших: 1) политическую свободу и всеобщее равноправие; 2) активную тактику борьбы в земском сейме и

9 О поездке Крамаржа в Россию, его знакомствах и впечатлениях можно судить по его переписке с Т.Г. Масариком (см.: Korespondence T.G. Masaryk — Karel Kramář. Praha, 2005. S. 151—187).

10 Подробности о разводе см.: *Vešek L. Svatba pana Kramáře. Společenské konvence a diplomacie na přelomu 19. a 20. století // Dějiny a současnost. 2007. № 11. S. 32—36.*

11 **Раскол единой Национальной партии произошел в 1874 г., когда из нее в качестве самостоятельной выделилась Национальная партия свободомыслящих (младочехи).**

12 *Cibulka P. Národní strana // Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu 1861—2004. Díl 1. Brno, 2005. S. 111.*

австрийском парламенте (в отличие от старочехов, 16 лет бойкотировавших заседания сейма и рейхсрата); 3) самостоятельность и самоуправление чешских земель, основанные на государственном праве; 4) адекватное представительство в органах власти, исходя из принципов всеобщего избирательного права; 5) улучшение чешской школьной системы, создание чешского университета; 6) повышение благосостояния чешского народа; 7) развитие общественного интереса и политической инициативы у широких масс; и, наконец, 8) создание т.н. комитета уполномоченных, состоявшего из 21 партийного лидера¹³.

В 1889 г. либерально-демократическая Национальная партия свободомыслящих (младочехов) на выборах в земский сейм получила в четыре раза больше голосов, чем прежде. В этом же году на французском языке в свет вышла работа Крамаржа «Политические партии и парламентская ситуация в Австрии». Не достигнув договоренности со старочехами, реаллисты в конце концов вступили в партию младочехов и в ее составе в 1891 г. приняли участие в выборах в рейхсрат. Младочехи одержали блестящую победу над своими политическими оппонентами — Национальной партией (старочехами). Все трое бывших «реалистов» были избраны депутатами австрийского парламента. В 30 лет Крамарж стал самым молодым чешским депутатом рейхсрата. В предвыборной программе он выступал за основные демократические права, избирательную реформу, децентрализацию, совершенствование районного самоуправления, национальную школу, сотрудничество с другими славянскими народами, равноправие и федеративное устройство Австрии.

Крамарж активно участвовал в разработке партийной стратегии, публиковал в печати тексты принципиального программного значения¹⁴. На съезде земских уполномоченных в Нимбурге (23 сентября 1894 г.) была принята резолюция младочехов, которая стала выражением победы умеренного крыла в партии, которое представляли Й. Кайзл, К. Крамарж, Э. Энгель, Б. Пацак, Й. Герольд и Г. Эйм. Партия отмежевалась от непарламентского радикализма, избрав путь конструктивной оппозиции. Народная партия в Моравии была признана частью Национальной партии свободомыслящих¹⁵. Это был первый пример образования чешско-моравской партии. В эти годы он продолжал заниматься и научно-публицистической деятельностью, опубликовав в 1896 г. работу «Чешское государственное право».

Став депутатом парламента, Крамарж вошел в состав налогового комитета, и его первые парламентские речи были посвящены финансовым и экономическим вопросам. Он также вступил в дискуссию о внешнепо-

13 *Politické programy českých národních stran 1860–1890*. Praha, 2000. S. 213–215.

14 *Doubek V. Česká politika a Rusko (1848–1914)*. Praha, 2004. S. 218.

15 *Urban O. České a slovenské dějiny do roku 1918*. Praha, 2000. S. 232.

литической ориентации Австро-Венгрии, о целесообразности и выгоды Тройственного соглашения. В России обратили внимание на его выступление в парламенте по поводу австрийско-русского таможенного договора. Он подчеркнул значение сближения Австро-Венгрии и России, огромные перспективы экономического сотрудничества с быстро развивающейся и крепнувшей империей Романовых.

Из-за возникших внутрипартийных разногласий в 1894 г. Масарик вышел из партии и отозвал свой мандат, Кайзл и Крамарж остались верны младочехам. Постепенно бывшие соратники все больше расходились во взглядах. Поздравляя Масарика с новым 1899 годом, Крамарж писал: «Мы далеко разошлись за эти несколько лет — но верьте мне, мне кажется, что я остался верен тому, над чем мы вместе работали в Вене. Вы же ушли далеко налево — я возможно во многих вещах чуть-чуть направо, но сознательно, по трезвым размышлениям и на основе горького опыта»¹⁶. В самом начале XX в., когда Масарик создал свою Чешскую народную партию (реалистическую), бывшие соратники и вовсе превратились в политических оппонентов.

Крамарж успешно делал политическую и партийную карьеру. В 1894 г. его избирают в чешский земский сейм. Младочехи были на подъеме: на выборах в рейхсрат в 1897 г. они получили 60 из 68 чешских мандатов, на выборах в земский сейм 1895 г. — 89 мандатов из 95, на выборах в моравский сейм — 18 из 36¹⁷. Аналитические и ораторские способности молодого политика способствовали тому, что в 1897 г. он вошел в президиум рейхсрата, некоторое время исполнял обязанности первого заместителя председателя имперского совета. Крамарж выступал против централизма и угрозы германизации. Равноправия славянских народов Австро-Венгерской империи Крамарж предлагал добиваться путем проведения так называемой позитивной политики, подразумевавшей постепенное усиление экономических, политических и культурных позиций чешского народа. Благодаря этой тактике младочехам удалось добиться ряда уступок со стороны венского правительства в области языка, школьного образования, самоуправления, формирования чешских культурных институтов, реализации экономических проектов, а также создать собственные чешские административные кадры, которые оказались весьма востребованы после образования независимой республики в 1918 г. Младочехи активно выступали за всеобщее и равное избирательное право.

После смерти Й. Кайзла в 1901 г. К. Крамарж стал председателем Национальной партии свободомыслящих. В 1907 г. была принята новая программа партии, в которой она обозначалась как «национальная, государственно-правовая, свободомыслящая, демократическая». Конеч-

16 Korespondence T.G. Masaryk — Karel Kramář. S. 279.

17 Ibid. S. 236.

ной целью партии являлось признание за чешскими землями такой меры самостоятельности государственной жизни, которая отвечала бы историческим правам и потребностям чешского народа»¹⁸. Младочехи выступали за участие чешского народа в государственном управлении, неделимость земель Короны чешской, двуязычность административных кадров, охрану прав меньшинств, основные гражданские свободы, против чрезмерного влияния церкви на общественную жизнь, за реформы и демократизацию. Борьба партии за избирательную реформу в Австрии привела к успеху. В 1907 г. был окончательно одобрен закон о новом избирательном праве в Австрии. Голосование стало прямым, тайным и равным для мужчин старше 24 лет. Пассивное избирательное право, т.е. право быть избранным, действовало с 30 лет. В этот период Крамарж вел и серьезную публицистическую деятельность: в 1909 г. он опубликовал работу «История чешской политики с 1879 г.», являлся соавтором в обширном труде «Чешская политика» (1905–1914).

Во внешней политике основной идеей Крамаржа было ослабить растущую зависимость Австро-Венгрии от Германии, ориентируя ее на союз с Россией и Францией. Позднее он вспоминал: «Для всей нашей политики, которую мы вели с середины 1890-х, начиная с Бадени (премьер-министр Австрии — Е.С.), было просто необходимо, чтобы Германия в Вене не выступала и не могла выступать как госпожа, чтобы не могла действовать во внутренней политике в пользу немцев, хотя бы потому, что сама должна была искать дружбы с Австрией..., чтобы не могла действовать против австрийских экономических интересов на внешних рынках»¹⁹. В начале XX в. резко обострилась конкуренция между чешской и немецкой буржуазией, что вело к общественному противостоянию чехов и немцев и внутри Чешских земель. Поэтому вовсе не случайно Крамарж обращает свой взор на восток, пытаясь опереться на Россию и выступая за сближение Австрии с Россией.

В конце XIX в. несколько оживилось славянское движение, как в России, так и за рубежом. В 1898 г. в Праге состоялись торжества, посвященные памяти чешского политика и мыслителя Ф. Палацкого, куда были приглашены и представители России. Активизировали свою деятельность славянские общества, стали проводиться регулярные съезды славянских журналистов, российские гимнасты стали принимать участие в сокольских слетах, в печати обсуждались различные проблемы, связанные с взаимоотношениями славян, появились проекты совместных мероприятий — славянской выставки, а затем и славянских съездов. Развитию со-

18 Malíš J. Národní strana svobodomyšlná v Čechách a Lidová strana (Pokroková) na Moravě // Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu 1861–2004. Díl 1. S. 145.

19 Kramář K. Pět přednášek o zahraniční politice. Praha, 1922. S. 23

трудничества славян способствовало благоприятное складывание австро-русских отношений в самом конце XIX — начале XX в. Революционные события после неудачной российско-японской войны, повлекли за собой определенную либерализацию политической жизни в России, что, несомненно, также способствовало активизации общественных движений, в том числе «нового славянского».

В 1907–1910 гг. К. Крамарж как глава чешского клуба австрийского парламента активно включился в деятельность неославистов. Получив разностороннее образование на Западе, будучи римо-католиком и считая чешскую культуру неотъемлемой частью западной, он с молодости проявлял огромный интерес к России, был увлечен идеями славянской взаимности. Лидеры неославизма, в числе которых очень скоро оказался и чешский политик, выступали за всемерное расширение культурных и экономических контактов между славянскими народами. По приглашению Клуба общественных деятелей (КОД) Крамарж вместе с представителями южно-славянского и галицко-русского клуба австрийского парламента побывал в мае 1908 г. в российской столице. Визит австрийских славян в Петербург вылился в ряд встреч, заседаний, приемов, в том числе у председателя Государственной думы Н.А. Хомякова, председателя Государственного совета М.Г. Акимова, городского головы Петербурга. Славянские деятели общались в основном с умеренно правыми и центром — октябристами и кадетами, среди которых были В.А. Маклаков, Н.Н. Львов, П.Н. Милуков, Ф.И. Родичев²⁰. Во время совещаний был намечен план действий по дальнейшему развитию славянского сотрудничества, и решено провести славянский съезд в Праге. Одним из главных итогов визита стала договоренность о том, что поляки, несмотря на существование значительных русско-польских противоречий, примут участие в славянском движении. На обратном пути гости заехали в Варшаву. После возвращения в Вену К. Крамарж, И. Грибар и Н. Глебовицкий выступили на общем собрании славянских депутатов нижней палаты австрийского парламента, рассказав об итогах визита в Россию.

В июне 1908 г. в Праге состоялся славянский съезд, на котором председательствовал К. Крамарж. Мероприятие имело несколько театральный торжественно-праздничный характер, но все-таки участникам съезда удалось выработать конкретную программу сотрудничества, избрать для руководства работой между съездами исполнительный комитет, председателем которого опять-таки был избран Крамарж. Но к нерешенным противоречиям между отдельными славянскими народами, которые сильно затрудняли общеславянское дело, уже осенью прибавились и неблагоприятные международные обстоятельства: в связи с аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины резко обострились отношения империи

20 *Kramář K. Pět přednášek o zahraniční politice. S. 27–28.*

Габсбургов как с Сербией, так и с Россией. Крамарж, полагаясь на заверения министра иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталя о предварительной согласованности его действий с Россией, одобрил аннексию, за что подвергся острой критике со стороны российских политиков, в том числе своих соратников по неославистскому движению²¹.

В Австрии и Венгрии, в свою очередь, усилилась критика участников славянского движения, их обвиняли в предательстве и панславизме. В этих условиях от Крамаржа, принявшего приглашение приехать в Петербург, потребовалось определенное мужество. Очередной визит славянских деятелей в Петербург состоялся в мае 1909 г. И на этот раз Крамарж пытался повлиять на русско-польские отношения, убеждая не разжигать очередной конфликт, вызванный решением о выделении из Царства Польского Холмской губернии.

Немецкая печать резко осудила поездку Крамаржа в российскую столицу. Он был вынужден с парламентской трибуны объяснять причины своей поездки и суть программы неославизма. Крамарж признался, что целью его многолетних усилий было убедить государственных мужей Австрии в необходимости ослабления односторонней ориентации на Германию и сближения с Россией. Но аннексия Боснии и Герцеговины, поддержанная Германией, только укрепила союз Германии и Австро-Венгрии и означала крах политики Крамаржа. В этих условиях, по словам лидера младочехов, целью славянского движения стало «моральное» слияние славян. В австрийском парламенте Крамарж позволил себе и критику в адрес России, предупреждая, что отказ предоставить полякам возможность свободного культурного развития могут иметь для самой России самые пагубные последствия²².

Славянское движение продолжалось вплоть до начала Первой мировой войны, однако шло по убывающей. В 1910 г. в Софии состоялся еще один славянский съезд, на котором Крамарж стал почетным председателем. Поляки игнорировали софийский съезд. Международная обстановка проведения съезда была неблагоприятной. Курс на славянское сотрудничество был подтвержден, однако конкретные планы экономического взаимодействия в новых условиях оказались нереальными. Вторая балканская война 1913 г., в которой столкнулись интересы болгар и юго-славян, еще больше усложнила проведение общеславянской политики.

Накануне Первой мировой войны Крамарж сделал однозначную ставку на победу России и передал российскому императору Николаю II свой план Славянской империи под скипетром Романовых. В принципе

21 Подробнее об этом см.: *Серационова Е.П.* Образ К. Крамаржа в российской публицистике начала XX в. // *Rossica. Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике.* № V–VI (2000–2001). Praha, 2001. S. 26–28.

22 Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 196 об.

эта идея решения чешского вопроса с опорой на Россию оставалась у Крамаржа неизменной с самого начала его политической деятельности. Еще в 1890-х Крамарж предполагал возможным «военное» решение «славянско-го вопроса». В письме к Масарику из Петербурга 6 апреля 1890 г. он писал: «Если бы сейчас славянский вопрос был решен мечом, Россия выиграла и объединила славянские народы в могучую славянскую федерацию с единой центральной властью, где имела бы надлежащее влияние, и согласно конституции федерации единое войско, дипломатию и общую экономическую политику, то ее влияние на неподготовленные славянские народы очень быстро бы распространялось и могло бы привести к унификации — впрочем это вопрос внутренней политики»²³. Крамарж всегда рассматривал Россию как естественного союзника. Чешское королевство он видел в составе Российской империи, но с полной автономией. Общей должны были стать лишь внешняя, оборонная и финансовая политика (по образцу Австро-Венгрии). Государство это представлялось ему как конституционная монархия с избираемым монархом и выборным чешским вице-королем. Эта же идея повторялась и в плане Славянской империи, к которому российский МИД отнесся достаточно скептически.

С началом Первой мировой войны Крамарж выступил с заявлением, что война является противоборством германского и славянского мира. Осенью 1914 г. он возобновил контакты с российским представителем С.-Петербургского телеграфного агентства, действовавшим в Швейцарии, В.П. Сватковским. Через него он передавал в Россию секретные сведения о положении в Австро-Венгрии из пражских полицейских и административных, а иногда и из венских источников. В марте 1915 г. Крамарж вошел в руководство чешской антиавстрийской тайной организации «Маффия». Друзья и коллеги настоятельно советовали Крамаржу уехать за границу (возможно, через третьи страны, в Россию), но он с нетерпением ждал наступления русской армии и занятия Чешских земель. И Крамарж, и Масарик, эмигрировавший за границу, на Запад, обращались к российским представителям с планами послевоенного устройства, а также настоятельно советовали планомерно занимать чешские и словацкие территории, опасаясь, что временный характер оккупации мог бы привести к возвращению австрийцев, разгрому Чехии и истреблению чешских политических лидеров²⁴.

Слухи о готовившихся репрессиях в отношении нелояльных Габсбургам чешских политиков оказались не напрасными. 19 мая 1915 г. по приказу наместника Бендриха Крамарж был арестован. Вместе со своим соратником по партии А. Рашиным он был признан виновным в измене и приговорен к смертной казни. По воле случая (из-за смерти Франца Иоси-

23 Korespondence T.G. Masaryk — Karel Kramář. S. 157.

24 *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия 1890–1937 гг. ... С. 234–238.

фа, не успевшего подписать смертный приговор) и благодаря международному заступничеству (за которым стояла Россия²⁵) Крамарж остался жив. Новый император Карл заменил смертный приговор на 15 лет лишения свободы. Заключение Крамарж и Рашин отбывали в Мюлленсдорфской военной тюрьме, где почти ежедневно умирали осужденные из-за полуголодного содержания.

Лишь в июле 1917 г. в связи с тайными сепаратными переговорами Австро-Венгрии с Антантой и изменением внутренней обстановки в стране Крамарж и Рашин были амнистированы. На родине Крамаржа встречали как национального героя.

После освобождения Крамарж вернулся к активной политической деятельности. Он ратовал за очищение партии от проавстрийских элементов и за объединение чешских политических сил. 9 февраля 1918 г. во многом благодаря его усилиям была образована партия Чешской государственно-правовой демократии (позднее, в марте 1919 г., она изменила название на Чехословацкую национальную демократию). У руководства этой партии он оставался вплоть до 1935 г. В ней объединились старочехи, младочехи, реалисты и представители государственно-правовой прогрессивной партии.

К этому времени многое изменилось: в России в 1917 г. произошли бурные события: в феврале была ликвидирована монархия, а в октябре — совершен большевистский переворот и объявлено о намерении заключить сепаратный мир с Центральными державами. Поэтому программа национального освобождения с опорой на империю Романовых уже не могла осуществиться. Новая партия, у истоков которой стоял Крамарж, ориентировалась на освобождение чешского народа и создание независимого государства. Во главе партии стал Карел Крамарж с четырьмя заместителями: Я. Будинским, А. Гайном, А. Рашиным и П. Шамалом. Через некоторое время к ней присоединилась также Словацкая национальная партия. Партия Крамаржа презентовала себя как общенациональную, представлявшую все слои чешского народа, и стала одной из основных сил в чешской политике в конце войны. В июле 1918 г. было решено создать Национальный комитет, в нем новая партия играла наиважнейшую роль. В партию вошли представители научной и культурной элиты, ее поддерживали крупные чешские предприниматели²⁶.

28 октября 1918 г. после капитуляции Австро-Венгрии Национальный комитет объявил о создании независимой Чехословацкой республики. В это время К. Крамарж во главе делегации внутреннего сопротивления вел в Женеве переговоры с Э. Бенешем, представлявшим Чехословацкий на-

25 Этот сюжет подробнее см.: там же С. 251–253.

26 *Sládek Z. Československá národní demokracie // Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu 1861–2004. Díl 1. S. 593–594.*

циональный совет, объединявший все силы чехословацкого национально-освободительного движения за границей. В результате переговоров было решено, что чехословацкое государство будет республикой, Т.Г. Масарик станет ее президентом, а К. Крамарж займет пост главы правительства.

До возвращения Т.Г. Масарика в Чехословакию (декабрь 1918 г.), в сложный для республики период, когда ее границы еще не были определены, чешские немцы заявили о присоединении 4-х провинций, в которых они проживали, к Австрии (с тем чтобы вместе с последней, объединиться с Германией), с Польшей разгорелся конфликт из-за Тешинской области, а венгры упорно хотели удержать в составе Венгрии Словакию и Закарпатье, апеллируя к историческому праву. Крамарж фактически исполнял обязанности и президента, и главы кабинета министров. Тяжелое послевоенное экономическое положение вело к росту протестных леворадикальных настроений в обществе. В частности, это выразилось и в покушении на Крамаржа в январе 1919 г. Масарик в сочувственном письме Н. Крамаржовой отметил, что ее супруг воистину «родился в рубашке»; выстрел, произведенный с короткого расстояния, почти в упор, не достиг цели, а лишь стал поводом для анекдотов и шуток. Дело в том, что пуля, пущенная совсем юным анархистом Счастливым, застряла в солидном бумажнике Крамаржа, который находился в нагрудном кармане пиджака.

Буквально через день после покушения Крамарж во главе чехословацкой делегации отправился в Париж на мирную конференцию. Там он, с одной стороны, отстаивал национально-государственные интересы ЧСР, в том числе ее границы, а с другой, — старался склонить представителей великих держав поддержать антибольшевистское движение в России, организовать широкомасштабную интервенцию при участии чехословацких добровольцев и легионеров, все еще находившихся в России.

Он оставался уверен, что и в новых изменившихся условиях единственной опорой на международной арене для молодой чехословацкой республики от германской угрозы может быть только Россия, но Россия без большевиков. В Париже Крамарж много времени проводит в беседах с российскими политическими эмигрантами и представителями командующего Вооруженными силами Юга России А.И. Деникина. Там же в Париже он пишет проект Конституции Российского государства и знакомит с ним российских политиков. Взгляды Крамаржа разделяли многие российские политические лидеры, но его позиция не находила поддержки не только у западных политиков, но и на родине. Она подверглась резкой критике, как леворадикальных элементов, так и президента страны Масарика и министра иностранных дел Бенеша, считавших, что нет необходимости вмешиваться в гражданскую войну, а следует соблюдать нейтралитет. Хотя эта принципиальная позиция ранее грубо нарушалась ими под давлением западных союзников в конфликте чехословацких легионеров с большевиками.

Партия Крамаржа летом 1919 г. проиграла местные выборы, и его кабинет был вынужден уйти в отставку. Новым премьер-министром на волне революционного подъема стал социал-демократ В. Тусар. Вернувшись на родину в сентябре 1919 г. после подписания Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров с Германией и Австрией, Крамарж тяжело переживал поражение своей политической линии и смириться с этим не мог: он решает отправиться на Юг России в расположение войск генерала Деникина с тем, чтобы обсудить с ним написанный в Париже проект Конституции России и своими глазами увидеть, что творится в стране, ставшей для него «второй родиной».

Свое последнее путешествие в Россию, где он в крымском имении жены «Барбо» проводил до войны почти каждое лето, он начал 2 (15) октября 1919 г., когда армии генерала А.И. Деникина вели успешное наступление. Вместе с В.А. Маклаковым и военной миссией генерала Манжена они отплыли из Тулона, взяв курс на Стамбул, а затем через Керчь в Таганрог. Путешествие вначале несколько разочаровало чешского политика, так как он рассчитывал на более внимательный прием, но затем породило и надежду на возможную победу Белого движения, так как генерал Деникин произвел на Крамаржа очень положительное и сильное впечатление. Ему удалось еще раз обсудить с российскими политиками проект Конституции России, который затем был опубликован в «Архиве» Гессена, вышедшем в Берлине.

Однако эта поездка к Деникину, которого считали человеком крайне правых взглядов, на родине была воспринята с неприязнью. Общественное мнение, проникнутое левыми идеями и наэлектризованное социально-экономическими проблемами послевоенной обстановки, не воспринимало призывы Крамаржа прийти на помощь белым в России.

Лишившись премьерского кресла, Крамарж не перестал заниматься высокой политикой, так как сохранил депутатский мандат в парламенте от партии национальных демократов, лидером которой он продолжал оставаться. Эта партия входила в число пяти наиболее крупных партий, определявших внутреннюю и внешнюю политику страны, хотя ее влияние постепенно уменьшалось. С 1923 г., после смерти А. Рашина, Крамарж представлял партию и в неконституционном, но самом влиятельном органе, т.н. Пятерке, где согласовывались и принимались решения по наиболее важным и принципиальным вопросам политики. Его усилиями Словацкая народная партия Глинки в 1927 г. вошла в правительственную коалицию. Без его посредничества не обошлось при урегулировании конфликта с Ватиканом, возникшего из-за празднования, посвященного Я. Гусу.

Он активно участвовал в обсуждении налоговой реформы и реформ управления, пенсионного и социального обеспечения в случае нетрудоспособности, системы оплаты государственных служащих. И надо ска-

зять, что в отношении социальной политики ЧСР в межвоенный период была одной из наиболее продвинутых европейских стран. Но партия Крамаржа постоянно выступала как оппозиционная правящей группировке, т.н. Граду. Это было связано и с личными отношениями между Крамаржом, Масариком и Бенешем. Взаимная неприязнь Крамаржа и Бенеша обнаружилась вскоре после их возвращения из Парижа. В споре Крамарж-Бенеш Масарик поддержал последнего, и Крамарж, фактически, прекратил отношения с первым президентом.

В 1920-е гг. вспыхнула дискуссия Крамаржа с Э. Бенешем, занимавшим пост министра иностранных дел и имевшим значительное влияние не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику новой республики. Крамарж отстаивал правильность своей славянской политики и ориентации на Россию, которую Бенеш подвергал сомнению. Эта дискуссия фактически не прекращалась, временами затихая, либо обостряясь, выплескиваясь на страницы газет, журналов. Взаимная критика и обвинения звучали и с парламентской трибуны. Различные взгляды двух политиков отразились в их статьях, брошюрах и книгах. Одним из вопросов, по которому политики занимали противоположные позиции, заключался в том, сыграла ли Россия какую-либо роль в решении «чешского» вопроса в годы Первой мировой войны. Бенеш вслед за Масариком полагал, что императорская Россия ничего не сделала для решения чешского вопроса, а в доказательство указывал, что российское правительство препятствовало расширению чехословацких добровольческих воинских формирований на территории России. Крамарж был уверен, что Россия в великой войне выступала с самого начала за интересы всего славянства. И если бы не беспримерный героизм русских солдат и офицеров, приблизивших поражение Центральных держав, чехословацкое государство никогда не было бы образовано.

В 1921 г. вышла объемистая книга Крамаржа «Русский кризис», в которой он излагал свои взгляды на причины русской революции и указывал пути выхода из кризиса, то есть основные направления и принципы строительства постбольшевистской России, так как в неминуемом крахе режима он никогда не сомневался. Крамаржа часто упрекали в идеализации России, в монархических взглядах, но в этом произведении чешский политик весьма критически оценивал российскую историческую действительность. Основную вину за большевистский переворот при этом он возлагал на абсолютистский режим, давно изживший себя.

И в дальнейшем Крамарж не переставал заниматься публицистической деятельностью. В 1922 г. появилась его брошюра «Пять лекций о внешней политике», в которой автор разбирал европейскую политику с конца XIX в. до 1920-х гг. В 1926 г. Крамарж опубликовал книгу «В защиту славянской политики», а в следующем, 1927 г. — «Чехословацкое государ-

ство и славянство». В этих произведениях обосновывалась правильность славянской политики и опоры на Россию. Уже позднее, после его смерти, во «второй» послемиунхенской республике (1938 и 1939 гг.) вышли еще две его работы — «Воспоминания» и «Суд Крамаржа над Бенешем».

Дискуссия Крамарж-Бенеш имела не только теоретическое, но и практическое значение, так как дело касалось отношения к признанию СССР, установления с ним дипломатических отношений. Крамарж подчеркивал необходимость принципиальной политики в отношении Новой России и непризнания большевиков, силой захвативших власть в стране и установивших диктатуру одной партии. Крамарж и его русская жена очень переживали российские события, у Надежды Николаевны в Москве остались трое взрослых к тому времени детей от первого брака, с которыми она старалась поддерживать отношения.

Друзья, знакомые, да и просто русские люди, оказавшиеся в тяжелых условиях эмиграции, искали защиты и покровительства у четы Крамаржей и практически всегда находили у них помощь. Еще до начала «русской акции» помощи российским эмигрантам Крамарж создал Крымский комитет, который сыграл значительную роль в оказании поддержки русским на самом первом этапе (1919–1921). Карел и Надежда выделили огромные деньги на нужды эмигрантов из собственных средств (весьма оскудевших после войны) и собрали их из разных источников. Велика роль супругов Крамаржей в создании православного храма на Ольшанах. Помощь шла как отдельным лицам, так и организациям, причем, как в ЧСР, так и в других европейских странах, выделялись средства на эмигрантские издания, с участием русско-чешской четы организовывались благотворительные вечера. Не менее важной, чем материальная, была и моральная поддержка, которую русские чувствовали в гостеприимном доме Крамаржей, где иногда собиралось до 150 человек. На еженедельных обедах по четвергам на вилле Крамаржей «Башта» бывали министр иностранных дел России С.Д. Сазонов, профессора и академики П.Н. Новгородцев, П.Б. Струве, Е.В. Спекторский, общественный деятель кн. П.Д. Долгоруков, писатель Е.Н. Чириков и многие другие²⁷. Просьб и ходатайств было столько, что остается только удивляться, как чешский политик находил время разбираться в каждой конкретной просьбе и реагировать на нее. Поэтому резко антибольшевистская позиция Крамаржа была связана и с симпатиями к лишившимся дома русским, оказавшимся на чужбине.

И Масарика, и Бенеша тоже вряд ли можно заподозрить в симпатиях к коммунистам, но в силу прагматических и отчасти стратегических интересов (торговые выгоды, создание системы противовеса растущей германской угрозе) они были склонны пойти на установления отношений с

27 Крамарж К. Моя жена // Надежда Николаевна Крамарж / Пер. с чешск. Прага, 1938. С. 6.

СССР, ориентируясь при этом на позицию западных держав в этом вопросе. Линия Бенеша в конце концов взяла верх: в 1934 г. СССР был признан Чехословакией де-юре, между двумя странами устанавливались дипломатические отношения, а в 1935 г. подписали и союзнический договор, предусматривавший взаимную поддержку в обороне от агрессора при условии оказания подобной поддержки Францией. В том же 1935 г. Бенеш сменил Масарика на президентском посту.

Крамарж сильно переживал еще одно политическое поражение, его взгляды несколько смещались в сторону национализма. С 1935 г., стремясь усилить влияние своей партии, он объединил национальных демократов с Национальной лигой Стршибренного и Национальным фронтом Мареша, став в апреле 1935 г. председателем т.н. Национального объединения. Однако на парламентских выборах объединению не удалось достичь ожидаемых результатов. В это время Крамарж, скорее, был уже политическим символом, не оказывая сильного влияния на политическую практику.

В 1931 г. он перенес серьезный инфаркт. Почти в это же время его супруга перенесла инсульт, от которого так до конца и не оправилась. Надежда Николаевна умерла в декабре 1936 г., Крамарж пережил ее лишь на полгода, оставив этот мир в мае 1937. В знак глубокой благодарности русских эмигрантов супругам Крамаржам они были похоронены в крипте православного храма Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанах.

В тридцатые годы Крамарж, несмотря на болезнь, был крайне обеспокоен международной обстановкой. Он считал, что односторонняя ориентация Бенеша на Францию, членство в Лиге Наций и союзнические обязательства ЧСР в рамках Малой Антанты никак не могут обеспечить независимость страны перед лицом усиливавшейся агрессивности Германии. К сожалению, самые мрачные предчувствия и пророчества Крамаржа осуществились в полной мере. Историческим парадоксом является факт, что Крамарж, не будучи реалистом в политике, смог четко спрогнозировать события внешней политики.

Крамарж как любой политик был достаточно гибок, не раз менял свою позицию. В бытность его австрийским парламентарием оппоненты называли его «флюгером»²⁸. Однако на протяжении всей политической карьеры неизменным оставалось его положительное отношение к России, а после войны и непримиримость в отношении большевиков. Их Крамарж считал злом, с которым надо бороться всеми силами и любыми средствами, так как большевизм — это не внутренний русский вопрос, а явление, грозящее стать международной проблемой.

Крамарж-политик всегда был и оставался чешским патриотом, отстаивавшим национальные интересы в имперском совете и делегациях, а после образования Чехословацкой республики он постоянно заботился об

28 Cas. 1905. S. 45.

обеспечении ее прочности. Его пророссийская позиция диктовалась желанием гарантировать внешнеполитическую безопасность республики. Внешнеполитическая идея Крамаржа заключалась в необходимости сильной России не только для Чехословакии, но и для европейского равновесия в целом.

Его любили и ненавидели. Политические противники нередко иронизировали по его поводу. Его высокая статная фигура **служила удобной мишенью** для насмешек и стала причиной прозвища «Великанович». Между тем среди сторонников он пользовался огромным авторитетом. Нередко и оппоненты признавались, что уважают и высоко ценят его за честность и бескорыстие²⁹. Имя Карела Крамаржа как одного из ведущих чешских политиков XX в. прочно вошло в историю. Оценки его деятельности все еще существенно расходятся, но со временем начинают приобретать беспристрастный научный характер.

29 Rossica... № V–VI (2000–2001), S. 93.

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА МИЛАН РАСТИСЛАВ ШТЕФАНИК:

УЧЕНЫЙ, ПОЛИТИК, ГЕНЕРАЛ

Я словак, который если кого-то любит,
то любит всем сердцем, всей душой.
Я верю, что жизнь предоставит мне
возможность проявить и доказать это¹.

(М.Р. Штефаник)

Жизнь словацкого политика и французского генерала Милана Растислава Штефаника оборвалась трагически. Он погиб в авиакатастрофе, не дожив до 39 лет. Обстоятельства неожиданной смерти стали причиной слухов, легенд, провокаций, досужих сплетен и откровенных вымыслов. Причины авиакатастрофы, несмотря на многочисленные расследования, до конца не раскрыты, а, следовательно, остается простор для фантазий. Одной из последних книг, где скрупулезнейшим образом собраны все свидетельства и документы, связанные с гибелью Штефаника, является работа Й. Гусара², но и она скорее ставит вопросы, чем дает на них ответы.

Однако большой интерес к этой личности связан не только с тайной его гибели, но и с жизнью, полной приключений и неожиданных поворотов судьбы. Именно поэтому Штефанику посвящены десятки книг и статей. Из последних работ можно назвать статьи, опубликованные в специальном тематическом выпуске словацкого исторического научно-популярного журнала за 2007 г.³

Милан Растислав Штефаник родился 21 июля 1880 года в Западной Словакии, в селе Кошариски в округе Миява в семье евангелического священника⁴. Его отец Павел Штефаник был словацким патриотом, славянофилом и в этом духе воспитывал детей⁵, а их в семье было 12 (выжило 9)⁶. Милан был шестым ребенком в семье. В то время Словакия составляла северную часть Венгерского королевства. После окончания начальной школы в Кошариске и Шаморине в 1890 г. Милан пошел учиться в еван-

1 M.R. Štefánik v myšlienkach a obrazoch. Bratislava, 1999. S. 29.

2 Husar J. Musel generál M.R. Štefánik zahynúť? (Fakty, svedectvá, dokumenty). Bratislava, 2000.

3 Historická revue. 2007. № 9. S. 3–30.

4 Politická elita meziválečného Československa 1918–1938. Kdo byl kdo za první republiky. Praha, 1998. S. 257.

5 M.R. Štefánik v myšlienkach a obrazoch. S. 14.

6 *Задорожник Э.Г.* Милан Растислав Штефаник и Томаш Гарриг Масарик: жизни и судьбы // Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. Мартин, 2001. С. 58.

гелический лицей в Прешпурке (Братиславе), в 1893–1894 гг. продолжил образование в гимназии в Шопроне, а в 1894–1898 в Сарваше. После окончания гимназии Милан по совету отца поступил в Чешскую высшую техническую школу в Праге по специальности инженер-строитель. В течение 4-х лет (1898–1901) он получал стипендию от организации «Чешско-словацкая еднота» (единство, союз)⁷ и стал активным членом союза словацких студентов «Детван», председателем которого в то время состоял Вавро Шробар, будущий полномочный министр по делам Словакии в образовавшейся в 1918 г. Чехословацкой республике. Именно он оказал серьезное влияние на формирование национально-государственных взглядов Штефаника, обратил его внимание на идеи «чехословакизма», высказываемые проф. Т.Г. Масариком. Позже в письмах Шробару из Франции Штефаник высказывал свое мнение о журнале «Нлас», рассказывал о предстоящих поездках (в Туркестан, на Таити), приглашал приехать к нему, называл его «самым близким из товарищей»⁸.

Штефаник участвовал в политической и литературной жизни студентов, ему были близки идеи Л.Н. Толстого, ближе познакомился он и со взглядами профессора Т.Г. Масарика. Под влиянием реалистов он начал сотрудничать с демократически и прочешки настроенными деятелями, группировавшимися вокруг еженедельника Павла Благи «Нлас» («Голос»). Их программа исходила из необходимости демократизировать политику, вести повседневную работу в экономической, социальной и культурной областях и акцентировала внимание на «культурном единстве чехословацкого народа»⁹.

В апреле 1900 г. его избрали секретарем «Детвана», организации, ставившей целью организационное сплочение и поддержку словацкой учащейся молодежи в Чешских землях. В 1901 г. краткий период Штефаник состоял председателем общества. Надо сказать, что из-за жесткого мадьяризаторского курса венгерских властей многие молодые словаки предпочитали получать образование в Праге, либо уезжали в Россию. Об этом сообщал в МИД в донесении С.Н.Свербееву российский консул в Будапеште Муравьев-Апостол Корабьинский¹⁰. То же самое писал в письме В. Шробару директор одной из школ в Спише Й. Миколай, вспоминая обстановку конца XIX — начала XX века: «Многих выгоняли из всех школ Венгрии за панславизм, который был распространен, и многие из тех, кого выгоняли,

7 *Jurčičinivá N.* Spolupráca M.R. Štefánika s Československou jednotou // General Dr. Milam Rastislav Štefánik — vojak a diplomat. Bratislava, 1999. S. 10.

8 Slovenský národný archív (далее — SNA). F. Vavro Šrobár. Šk. 5. Inv. Č. 297.

9 Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. (DSNIŠ) 1. Bratislava, 1998. S. 380–381.

10 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1907–1909. Д. 3417. Л. 95–95 об.

уезжали в чешские средние школы»¹¹.

В это время у Штефаника созрело решение изучать астрономию, поэтому в 1900 г. Милан перешел учиться в Карлов университет на философский факультет. Летом 1901 г. из-за разногласий с некоторыми националистически и консервативно настроенными членами «Детвана» он вышел из этой организации.

Вскоре Штефаник уехал в Цюрих на полугодовую стажировку у профессора астрономии Альфреда Вольфера. Там он стал заниматься астрофизическими исследованиями Солнца. Швейцарии Милан изучал математику, физику, астрономию, усовершенствовал немецкий и начал учить французский язык. После окончания летнего семестра Штефаник посетил Италию, а затем месяц работал в оптической лаборатории астронома Эмила Шаэра в Женеве¹².

В октябре 1902 г., вернувшись в Чехию, он снова вошел в «Детван», и был избран его председателем. Вскоре «Детван» под его влиянием стал центром демократической национально-радикальной молодежи «гласистов». Возобновилось и сотрудничество «Чешкославянской едноты» и «Детвана». Штефаник находился под влиянием политических взглядов Т.Г. Масарика. Он выступал за чешско-словацкую взаимность, за расширение контактов словацких и моравских студентов, распространение чешской культуры в Словакии и большую информированность чехов о Словакии и словаках. Вместе с тем он резко отрицательно оценил представления некоторых чешских национальных деятелей и публицистов (например, редактора газеты «Чехословацкая взаимность Я. Малипетра), которые весьма наивно полагали, что достичь чешско-словацкого единства можно распространением чешского языка в Словакии¹³.

В 1902–1903 гг. Штефаник сотрудничал с журналом «as» («Время»), который выпускал Т.Г. Масарик. Штефаник писал передовицы об обстановке в Словакии, знакомя чешского читателя со словаками и информируя о словацких проблемах.

Диплом доктора философии по специальности «астрономия» Штефаник получил в Праге 12 октября 1904 г., защитив диссертацию о новой звезде в созвездии Кассиопея. После окончания Карлова университета Штефаник решает перебраться в Париж, крупный европейский научный центр того времени, чтобы продолжить научно-исследовательскую работу. Несчастная любовь к дочери Ярослава Верхлицкого, зам. декана чешского университета в Праге, усилила его желание быстрее оставить Австро-Венгрию и начать работу во французской столице.

28 ноября 1904 г. Штефаник прибыл в Париж вместе со скульптором

11 SNA. F. Vavro Šrobár. Šk. 7. Inv.č. 492.

12 *Juríček J. M.R. Štefánik. Životopisný náčrt. Bratislava, 1969. S. 30.*

13 *Jurčíšínivá N. Op. cit. S. 15–16.*

Богумилом Кафкой, который ввел его в круг чешской молодежи, изучающей искусство. Это было нелегкое время в его жизни: ограниченные финансовые средства, далеко не совершенное знание французского, а главное отъезд из Парижа известного астронома Пьера Юлиуса Цезаря Жанссена, к которому у Штефаника было рекомендательное письмо от пражского профессора Зенгера, крайне осложнили его положение. Лишь помощь чешских и словацких эмигрантов, обосновавшихся в Париже, позволила ему выжить в этих условиях¹⁴. Штефаник установил контакты с чешской колонией и некоторыми словацкими семьями во Франции и поддерживал их и в дальнейшем.

В мае 1905 г. после возвращения из Италии П.Ж. Жанссена М. Штефаник был принят на работу ассистентом в его обсерваторию в Медоне. Там Штефаник серьезно занялся изучением Солнца и продолжил свои исследования в обсерватории на Монблане. В 1905 г. вышла в свет его первая научная статья. В дальнейшем 12 научных трудов Штефаник опубликовал в журнале французской Академии наук «Comptes rendus»¹⁵, за которые получил высокие отличия: в 1907 г. награду Жанссена Французского астрономического общества, в 1911 г. награду Вилде Французской академии наук¹⁶, а в 1914 г. за научные и дипломатические успехи в Африке, Океании и Южной Америке французское правительство удостоило его Крестом Рыцаря Почетного легиона¹⁷. Признанием его научной деятельности стало и членство во французском и германском астрономических обществах¹⁸.

Основное внимание Штефаник сосредоточил на спектральном анализе, спектрогелиографии и усовершенствовании возвратного гелиометра, став одним из первых исследователей солнечной физики. Позднее его заинтересовали также метеорологические и климатологические проблемы. Он был также специалистом в области беспроволочной телеграфии. Период с 1906 по 1914 г. он посвятил главным образом астрофизическим исследованиям и наблюдениям. Штефаник не был лишь кабинетным ученым. Он совершил 6 восхождений на вершину Монблана, где на высоте 4810 м над уровнем моря располагалась обсерватория Жанссена. Свои исследования Штефаник проводил не только во Франции, но и в других странах и частях света. В 1905 г. он наблюдал затмение Солнца в Испании (в Алкосебре), участвовал в проходившем в Оксфорде съезде Международного союза исследователей Солнца.

14 *Rušin V. M.R. Štefánik slovenský astronóm. Bratislava, 1991. S. 11–12.*

15 *Гусар Й. Милан Растислав Штефаник — астроном и политик // Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. С. 21.*

16 *Rušin V. Op. cit. S. 108*

17 *Melníková M. M.R. Štefáník a Paříž // General Dr. Milam Rastislav Štefáník — vojak a diplomat. S. 28.*

18 *Волков В.К. Милан Растислав Штефаник — человек-легенда // Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. С. 13.*

В том же году в Париже Штефаник знакомится с русским астрономом Алексеем Ганским, с которым вместе он провел ряд исследований, а также договорился и о совместной поездке для наблюдения очередного затмения солнца в Туркестан. В 1906–1907 гг. Штефаник впервые побывал в России. Приехав в Петербург он ознакомился с Пулковской обсерваторией. В письме Штефаника домой в Кошариску из С.-Петербурга читаем: «Приняли меня очень сердечно по-братски. Это не пустая фраза — «славянская кровь»¹⁹. Затем 5 декабря 1906 г. Штефаник выехал из Санкт-Петербурга и отправился через Москву и Оренбург вместе с экспедицией российских ученых — Ганского, Белопольского и Витрама в небольшое местечко в Самаркандской области Ура-Тюбе, где планировал 14 января 1907 г. наблюдать солнечное затмение. К несчастью, его надежды не оправдались из-за погоды: накануне и в день затмения было облачно, шел снег²⁰. Сложное длительное путешествие, с трудом добытые деньги — все оказалось напрасным... Но он не отчаивается. На обратном пути Штефаник осмотрел Самарканд и Бухару, а также друзья заехали в Ясную Поляну к известному русскому писателю Л.Н. Толстому²¹, личным врачом которого был словак Душан Маковицкий.

После смерти Жанссена (1907) Штефаник стал заместителем председателя Общества объединенных обсерваторий Монбланка, которое располагалось в Шамони. В этом курортном местечке Штефаник смог завести весьма полезные знакомства с учеными, дипломатами, политиками и военными чинами²².

В парижский период своей жизни Штефаник много путешествовал, посетил большинство европейских стран. В 1909 г. он совершил экспедицию в Алжир, целью которой было найти место для новой французской обсерватории. В 1910 г. он задумал новую экспедицию на Таити, но получить государственную поддержку сначала не удалось, так как Штефаник не был гражданином Франции. Именно это обстоятельство заставило его подать прошение о предоставлении французского гражданства. Вскоре ему был предоставлен вид на жительство, являвшийся условием предоставления гражданства через 3 года. В 1910–1911 гг. он совершил первое кругосветное путешествие — через Атлантику, США, острова Полинезии, Новую Зеландию, Австралию, назад в Европу. В Полинезии в столице Папэте он построил собственную обсерваторию. Во время этого турне на о-ве Таити он изучал движение кометы Галлея. В связи с предполагаемым

19 Цит. по: *Varsik M. M.R. Štefánik*. Bratislava, 2001. S. 22.

20 Выдержка из Отчета за 1906–1907 гг., предоставленная Комитету Николаевской Главной астрономической обсерватории ее директором О.А. Баклундом 1 марта 1907 г. // Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. Приложение 1. С. 129.

21 *Varsik M.* Op. cit. S. 22.

22 Подробнее см.: *Melniková M.* Op. cit. S. 24.

окончанием строительства Панамского канала, Штефаник подчеркивал значение Таити на морской трассе Европа — Америка — Австралия и предлагал французскому колониальному управлению создание системы метеорологических станций, которые служили бы морскому судоходству²³, занимался он и строительством беспроводного телеграфа. В 1911 г. на о-ве Вавау (Новая Зеландия) Штефаник наблюдал затмение Солнца, а затем по дороге во Францию останавливался на архипелаге Фиджи и в Австралии.

27 июля 1912 г. Штефаник стал французским гражданином. Он также вел исследования в северно-западной Африке и в Южной Америке. В Бразилии он наблюдал затмение Солнца, а в Эквадоре побывал с миссией установки ретрансляционной станции беспроводного телеграфа на Галапагосских островах. Впоследствии предвоенные годы Штефаник называл в шутку «звездными». Из всех экзотических стран Штефаник привозил сувениры, в его парижской квартире были богатейшие коллекции различных предметов.

Штефаник не порвал и свои связи с общественными и политическими деятелями на родине. Почти ежегодно Штефаник бывал на родине, навещал родных и друзей. На рубеже 1911–1912 гг. он вместе с В. Шробаром разрабатывал планы экономического развития словацких территорий путем привлечения французского капитала. Весной 1912 г. Штефаник раздумывал о получении доцентского звания в университете Праги, но затем решил вернуться во Францию. С 1912 г. он трудился в Национальной обсерватории под руководством проф. Бижордана. Пережитые волнения и тяготы экспедиционной жизни не прошли бесследно. Весной 1914 г. он перенес серьезную операцию на желудке. Проблемы с желудком мучили его уже несколько лет. Несмотря на слабое здоровье, Штефаник был человеком разнообразных интересов, сам иллюстрировал дипломную работу, писал стихи, занимался фотографией, любил повеселиться и развлекал гостей, показывая фокусы. Среди его увлечений были авиация (первый полет он совершил еще в 1911 г.), он имел несколько патентов за изобретения, всегда был полон новых идей и планов²⁴.

Начало Первой мировой войны прервало его научную деятельность, хотя он планировал вернуться к ней после окончания военных действий. После объявления мобилизации Штефаник первым возможным военным транспортом вернулся из Марокко в Европу и подал ходатайство о зачислении на службу в военно-воздушные силы. Это был совсем новый род войск, и желание стать летчиком, вероятно, также отражало экспериментаторский склад его характера. К тому же Штефаник предугадал огромное значение авиации в новой войне. Состояние его здоровья, однако, выну-

23 Ibid. S. 26.

24 Kšířan M. Nezvyčajné záujmy budúceho generála // Historická revue. 2007. № 9. S. 11–13.

дило его лечь в больницу, а затем долечиваться в санатории. В январе 1915 г. его ходатайство, наконец, было одобрено, и он смог поступить в летную школу в Шартресе²⁵. Трехмесячные летные курсы дали ему квалификацию военного пилота на самолетах типа Фарман. В мае 1915 г. после окончания учебы был отправлен на фронт в районе Арасса. 3 мая ему было присвоено звание подпоручика²⁶.

С самого начала войны он крепко верил в победу Антанты и решил содействовать освобождению славян. Уже осенью 1914 г. он хлопотал об использовании чехословацких пленных в России и на Балканах для западного фронта во Франции, где не хватало солдат. Несколько раз он писал донесения в пользу чехословацкой добровольческой роты «Наздар»²⁷ и стремился к созданию чешского авиационного полка, которым хотел командовать. В 1915 г. ему удалось начать формирование первой эскадрильи из чешских и словацких добровольцев.

В битве при Артуа Штефаник обратил на себя внимание смелыми разведывательными полетами, и по приказу генерала Вейганда основал в июне 1915 г. первую военную метеорологическую станцию. Штефаника с полным основанием можно считать основателем практического использования метеорологии в военных целях. Свои идеи он реализовал в качестве начальника метеорологической службы при группе армий генерала Фоша. Во время полетов он начал использовать мощный бинокль и радиостанции²⁸. Среди его боевых наград один из высших французских орденов — Военный крест.

1 сентября 1915 г. Штефаника по его личной просьбе перевели на сербский фронт во французскую разведывательную эскадрилью. В его задачу входило также установление контактов с сербским правительством и

25 *Gosiorovský I.* Milan Rastislav Štefánik ako vojnový letec // General Dr. Milam Rastislav Štefánik — vojak a diplomat. S. 30.

26 *Hronský M.* M.R. Štefánik orgnizovanie a štatotvorná úloha česko-slovenských légii // General Dr. Milam Rastislav Štefánik — vojak a diplomat. S. 40.

27 Еще в августе 1914 г. 300 добровольцев из числа чешских и словацких колонистов, которых во Франции насчитывалось около 2000 человек, вступили в Иностранный легион, сформировав роту «Nazdar» («Наздар»). В ноябре 1914 г. чешские и словацкие добровольцы уже находились на фронте и воевали в составе Марокканской дивизии. В мае 1915 г. они участвовали в битве у Арасса (в северной Франции), выполнив поставленную перед ними задачу. Но потери были велики: 42 человека погибли, около 100 были ранены. Рота «Nazdar» как отдельная часть перестала существовать. Оставшиеся в живых и новые добровольцы в дальнейшем воевали на разных участках французского фронта. В целом в рядах Иностранного легиона за годы войны сражались 600 чешских и словацких добровольцев, из них 200 погибли, 300 остались инвалидами (см.: *Galandaauer J. a kol.* O samostatný Československý stát 1914-1918. Praha, 1992. S. 24-28).

28 *Varsik M.* Op. cit. S. 40.

распространение листовок между солдатами центральных держав с тем, чтобы агитировать славян австро-венгерской армии против участия в боевых действиях. В осенних оборонительных боях он потерпел аварию, но спасся и был отправлен в Италию, где перенес операцию²⁹.

Еще в мае 1915 г. Штефаник установил связь с Т.Г. Масариком, но лишь после возвращения из Италии он встретился с Э. Бенешем и включился в национально-освободительное движение чехов и словаков, т.н. чехословацкое заграничное сопротивление. Для Чешского комитета Штефаник оказался ценным приобретением, так как обладал военным и дипломатическим опытом, а также богатыми связями в научных, культурных и политических кругах Франции, где проживал долгие годы. Штефаник был знаком с политиками, финансистами, входил в салоны аристократов, так как в те годы положение ученого позволяло это, кроме того, Милан слыл светским человеком и дамским угодником. Многие полезные знакомства Штефаник завязал в салоне Клэр де Жувенель. Скажем там он познакомился с генеральным секретарем министерства иностранных дел Филлипом Бертелло и с известной журналисткой и писательницей, феминисткой Луизой Вейсс, которая также содействовала расширению его контактов в высших сферах среди политиков, журналистов, университетских профессоров, в военных кругах³⁰.

По его инициативе весной 1916 г. комитет изменил свое название на Национальный совет чешских земель, а позднее на Чешско-Словацкий национальный совет (ЧНС). Т.Г. Масарик стал его председателем, М.Р. Штефаник и Й. Дюрих — заместителями председателя, а Э. Бенеш — секретарем. ЧНС исходил из теории так называемого «чехословакизма», считая чехов и словаков двумя «ветвями» единого чехословацкого народа³¹. Организационным центром ЧНС стал Париж. В распоряжении совета имелись также пропагандистские канцелярии в Британии, Италии и Швейцарии. Совет вел дипломатическую и пропагандистскую деятельность, стремясь заручиться согласием Антанты на создание после войны независимого чехословацкого государства. С этой же целью планировалось создание чехословацкого войска, сражавшегося на стороне союзников. Позднее в разговорах с писателем и публицистом К. Чапеком Масарик вспоминал о политической деятельности Штефаника в годы Первой мировой войны: «Штефаник развернул в Париже свою пропаганду в салонах и свете; он обладал совершенно особым даром светского апостольского красноречия, умел вдохновить слушателей, чем вызывал к нам интерес

29 Подробнее о боевом опыте Штефаника см.: *Gosiorovský I.* Op. cit. S. 29-37.

30 Подробнее о его круге общения во Франции см.: *Virciglio C.* Milan Rastislav Štefánik a Francúzsko // *Historická revue.* 2007. № 9. S. 8–10.

31 Подобнее о «чехословакизме» см.: *Серпионова Е.П.* Идея «чехословакизма». Истоки и реализация // *Национальный вопрос в Восточной Европе — прошлое и настоящее.* М., 1995.

и любовь»³².

В начале февраля 1916 г. Штефаник через свои связи, приобретенные за счет интеллекта, безусловного шарма и разнообразных интересов, обеспечил аудиенцию Т.Г. Масарика у французского премьер-министра А. Бриана, а затем и краткую встречу с председателем парламента П. Дешанелем. Кроме чисто посреднической миссии Штефаник много сделал для выработки концепции ЧСНС по организации национально-освободительного движения за границей («заграничного сопротивления»)»³³. Штефаник вел и собственную пропагандистскую кампанию, а в апреле 1916 г. отправился с миссией в Италию, стремясь заручиться ее поддержкой в уничтожении Австро-Венгерской монархии, создании самостоятельного чехословацкого государства, а также объединения югославянских народов и улучшении югославо-итальянских отношений. В мае на итальянском фронте он выполнил ряд успешных разведывательных и агитационных полетов, разбрасывая листовки к чехам и словакам не воевать за Австро-Венгрию. Текст листовки был составлен Штефаником совместно с Бенешем³⁴.

По приказу французского правительства и верховного командования в июне 1916 г. Штефаник отправился из Парижа в Россию вместе с делегатом Словацкой лиги в США Густавом Кошиком. Наилучшие возможности для формирования чехословацкого войска существовали в России, где были сосредоточены основные массы пленных чехов и словаков из австро-венгерской армии. Для сравнения приведем цифры: в Италии к концу 1916 г. количество пленных чехов и словаков составляло 10 тыс.³⁵, а в России — 250 тыс.³⁶.

Официальной целью его поездки был набор чешских и словацких пленных на французский фронт, но, по согласованию с начальником французской военной миссии в России генералом М. Жаненем, Штефаник стал проводить набор добровольцев, как на западный, так и на восточный фронт. В России с 1914 г. действовала добровольческая Чешская дружина³⁷,

32 *Чанек К.* Беседы с Т.Г. Масариком. М., 2000. С. 113.

33 *Hronský M.* Op.cit. S. 41-42.

34 *Ibid.* S. 42.

35 *Ibid.* S.43.

36 *Солнцева С.А.* Военнопленные в России в 1917 г. (март-октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 144.

37 12 августа 1914 г. русское военное ведомство одобрило предложение представителей чешских и словацких обществ в России об образовании Чешской дружины. Но сначала в ее ряды могли вступить лишь подавшие прошение о принятии российского гражданства. Командирами дружины становились русские офицеры. В дружину сразу же записалось 500 добровольцев. Центром формирования дружины стал Киев. В конце сентября уже 700 членов дружины приняли присягу на верность своему знамени перед Софийским собором в Киеве. Дружина в основном использовалась в пропагандистских и разведывательных целях. В декабре 1914 г. из существовавших ранее чешских

в которую было разрешено зачислять и пленных чехов и словаков. Однако вопрос стоял о создании самостоятельных чехословацких частей за границей, воюющих на стороне Антанты в качестве союзных. М.Р. Штефаник произвел прекрасное впечатление в Ставке Верховного командования. В донесении начальника дипломатической канцелярии Ставки Базили в МИД от 2 августа 1916 г. говорилось: «Как на генерала Алексеева, так и на меня Штефаник произвел впечатление толкового и умного человека»³⁸. Подтверждением этого служит и награждение Штефаника орденом св. Владимира³⁹.

Кроме того, Штефаник имел и задание от Масарика: нейтрализовать деятельность в России чешского депутата от аграрной партии Йозефа Дюриха, члена ЧСНС, который также приехал для переговоров с российскими властями о переброске чехов и словаков во Францию. Однако российское дипломатическое ведомство решило создать независимый от Масарика, ориентированного на Запад, центр чехословацкого национально-освободительного движения в России, выдвинув Дюриха в качестве его руководителя. Российский МИД сделал ставку на Дюриха в борьбе против распространявшегося в России влияния Т.Г. Масарика, стремившегося подчинить себе все заграничное сопротивление. Это обстоятельство привело к расколу в Союзе чешско-словацких обществ в России. Штефанику удалось прекратить споры, возникшие в связи с этими обстоятельствами. На переговорах в Киеве 29 октября 1916 г. ему удалось подписать соглашение о том, что чехословацкие объединения в России признают ЧСНС в качестве руководящего органа сопротивления за границей. В т.н. Киевском соглашении, которое от имени ЧСНС подписали Й. Дюрих и М.Р. Штефаник, от Союза Чешско-Словацких обществ в России — Вацлав Вондрак и Ян Вольф и от Словацкой лиги в Америке — Густав Кошик, в частности, констатировалось, что чехи и словаки «выступают за создание единой, политически неделимой и свободной нации под защитой и протекцией стран

и словацких благотворительных организаций был основан Союз чешско-словацких обществ в России, в руководстве которого находились сторонники Масарика. Союз обратился за разрешением на зачисление в состав дружины военнопленных чехов и словаков, а затем разработал проект создания в более широком масштабе отдельного чешско-словацкого войска. В соответствии с этим было возбуждено ходатайство об освобождении военнопленных под ручательство Союза за их благонадежность. 2 июня 1915 г. проект, вместе с представленными на него возражениями некоторых ведомств, рассматривался в Совете министров, но поставленные в нем вопросы не получили тогда окончательного разрешения (см.: АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 211. Л. 3-4; Д. 212. Л. 35; Д. 204. Л. 44, 286—286; *Galandauer J.* Op. cit. S. 36).

38 Цит. по: *Фирсов Е.Ф.* Милан Растислав Штефаник в России (по материалам царской и колчаковской власти) // Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. С. 39.

39 M.R. Štefánik v myšlienkach a obrazoch. S. 14.

Антанты», а «дела военные и военнопленных» поступают в компетенцию Й. Дюриха и его подчиненных⁴⁰.

Из России Штефаник отправился в Румынию к начальнику Французской военной миссии генералу Г.М. Бертелоту. Там он организовал метеорологическую службу. У румынского короля Штефаник добился согласия на набор добровольцев в чехословацкую армию. Его миссия прошла успешно. В январе 1917 г. Штефаник вернулся в Россию, где подписал с российским Генеральным штабом соглашение о транспортировке добровольческих частей из Румынии и частично России во Францию. В Румынии было набрано 1500 добровольцев, в основном словаков, однако при транспортировке около 600 солдат заболели тифом. Во Францию удалось доставить 428 добровольцев, которые и составили основу самостоятельных чехословацких легионов⁴¹.

Обнаружив, что Дюрих нарушил подписанное в Киеве соглашение, Штефаник сосредоточил свои усилия на борьбе против него и созданного под его председательством органа — Чешско-Словацкого национального совета в России. При этом сам Дюрих был исключен из ЧСНС⁴². Эта борьба полностью увенчалась успехом лишь после Февральской революции, когда пало правительство, поддерживавшее комитет⁴³. В марте 1917 г. Штефаник нашел поддержку у нового министра иностранных дел П.Н. Милюкова, давно и хорошо знавшего Масарика. Тогда же было дано разрешение на создание в России автономного чехословацкого войска⁴⁴. И хотя сам Штефаник уехал из России в Лондон и Париж, в мае 1917 г. на III съезде чехословацких обществ в качестве верховного органа чехословацкого сопротивления в России был создан Филиал ЧСНС, однозначно принявший программу Масарика. В июне 1917 г. самостоятельная чехословацкая бригада в России в составе 3-х полков обратила на себя внимание героическим сражением у Зборова⁴⁵. После этого наметился перелом в отношении фор-

40 *Ненашева З.С.* Милан Растислав Штефаник, словацкий вопрос и российское общественное мнение (весна 1916 — начало 1917 г.) // Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. С. 98.

41 *Hronský M.* Op. cit. S. 44.

42 См. сопроводительное письмо Штефаника к своей докладной записке на имя министра иностранных дел Н.Н. Покровского от 9 февраля 1917 г. Приложение 3 // Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. С. 149.

43 Подробнее об этом см.: *Ненашева З.С.* Ук. соч. С. 105–106.

44 *Holec R. M. R. Štefánik a problémy česko-slovenského odboja v Rusku* // General Dr. Milam Rastislav Štefánik — vojak a diplomat. S. 66.

45 См. описание боевых действий 3-го чешско-словацкого стрелкового Яна Жижки полка при прорыве неприятельских укреплений полосы под Зборовом за период с 9 по 26 июня 1917 г., направленное командиром полка в редакцию газеты «Вестник Особой армии» // Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 391. Империалистическая война 1914–1918 г. (коллекция). Оп. 2. Д. 64. Л. 1–7.

мирования чехословацких частей в России и вскоре там возник первый чехословацкий армейский корпус в составе 40 тыс. бойцов.

В июне 1917 г. Штефаник продолжал набирать добровольцев из числа чехов и словаков в США на западный фронт. В Америке Штефаник встречался с представителями различных словацких и чешских объединений, стараясь способствовать достижению согласия по вопросу об освобождении и создании совместного государства чехов и словаков после войны. При их активной помощи и поддержке французской дипломатии, несмотря на множество препятствий, Штефанику удалось в октябре 1917 г. создать Чехословацкий комитет и добиться согласия В. Вильсона начать, хотя и ограниченный, набор в чехословацкую армию во Франции. По законам США набор был возможен лишь среди тех американских чехов и словаков, которые еще не являлись американскими гражданами либо не подлежали призыву в американскую армию. Вскоре 23 транспортами 2300 добровольцев (из них 1065 словаков) были перевезены во Францию как часть чехословацких легионов⁴⁶. Кроме того, 40 тыс. американских чехов и словаков были призваны в американскую армию после вступления 7 декабря 1917 г. США в войну против Центральных держав⁴⁷. Штефаник убедил в необходимости создания Чехо-Словакии многих ведущих американских политиков, в том числе и Т.Д. Рузвельта. Словацкие организации в США предоставили значительную финансовую помощь парижскому ЧСНС. В начале ноября 1917 г. Штефаник передал свои полномочия К. Пеглеру и вернулся в Европу.

Во Франции вместе с Бенешем он подготовил декрет о создании чешско-словацкой армии, который был подписан французским президентом Р. Пуанкаре 16 декабря 1917 г., а в феврале 1918 г. дополнен уставом чехословацкого войска во Франции. На основе этих документов стали формироваться чехословацкие военные части во Франции, в военном отношении подчинявшиеся французскому командованию, а в политических вопросах ЧСНС. Осенью 1918 г. чехословацкие части приняли участие в боевых действиях в составе французской армии: всего во французских легионах воевало 11 тыс. чехов и словаков (из них около 2 600 словаков)⁴⁸.

В феврале 1918 г. встала проблема образования чехословацких частей в Италии. Это была официальная миссия Штефаника в Рим как члена ЧСНС. Даже такому искусному военному дипломату как Штефаник не сразу удалось добиться разрешения от итальянского правительства на создание на ее территории чехословацких легионов. Переговоры, начавшиеся в феврале 1918 г., завершились лишь во время совместной поездки

46 *Hronský M.* Op.cit. S. 45.

47 *Ibid.* S. 47.

48 Подробнее о формировании чехословацких полков во Франции см.: *Ibid.* S. 48–49.

с Э. Бенешем в Рим на Конгресс угнетенных народов Австро-Венгрии: 21 апреля 1918 г. с итальянским премьер-министром В.Е. Орландо и военным министром В. Зупелли было заключено соглашение о создании самостоятельного чехословацкого войска в Италии. В документе говорилось, что чехословацкие части в Италии будут частью чехословацкой армии во Франции, но в военном отношении будут подчиняться итальянскому командованию. Бенеш позднее признавался: «Он заложил основы нашей дипломатической деятельности и был первым и лучшим дипломатом»⁴⁹. В Риме в присутствии иностранных дипломатов была официально признана чехословацкая армия за границей, насчитывавшая к тому времени уже 100 000 солдат. Командующим армии стал генерал М. Жанен. К осени 1918 г. чехословацкий воинский корпус в Италии насчитывал 19 400 солдат и офицеров (из них около 1000 словаков). Некоторые части принимали участие в осенних боях у р. Адижа, но значительная часть чехословацких легионеров в Италии входила в т.н. оборонительные отряды, которые сформировались уже после окончания боевых действий на итальянском фронте. Во второй половине 1918 г. чехословацкий корпус в Италии был переброшен на родину и принимал участие в занятии словацкой территории⁵⁰.

Приход к власти большевиков в России в октябре 1917 г. и заявленное ими желание выйти из войны привели к тому, что Масарик 7 февраля 1918 г. объявил чехословацкий корпус в России частью французской армии и стал стремиться к переброске его во Францию через Владивосток. 3 марта был заключен Брест-Литовский мир, и чехословацкие части по договоренности с большевиками стали продвигаться на восток по транссибирской магистрали. Однако в конце мая произошел конфликт между легионерами и местными большевистскими властями ввиду взаимной подозрительности и невыполнения условий соглашения обеими сторонами⁵¹. Штефаник под-

49 Цит. по: *Волков В.К.* Указ. соч. С.16.

50 *Hronský M.* Op.cit. S. 51.

51 По условиям соглашения чехословацкие легионеры должны были сдать оружие, что они не сделали, а российские власти — содействовать в продвижении их на восток, что также было не выполнено. 21 апреля 1918 г. Совет депутатов Красноярска получил из Москвы от народного комиссара иностранных дел Чичерина телеграмму следующего содержания: «Опасаясь японского наступления в Сибири, Германия настоятельно требует немедленного начатия и скорейшего проведения эвакуации германских пленных из Восточной Сибири в западную или европейскую Россию. Просим принять все меры. Чехословацкие отряды не должны продвигаться на восток» (см.: Российский Государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 1198. По истории создания чехословацкого государства. Оп. 1. Д. 1013. Л. 1 об.). Следовательно, в противоположных направлениях двигалось два потока: немцы и австрийцы на запад, чехи и словаки — на восток. Неизбежны были столкновения, одно из которых и стало непосредственным поводом к чехословацкому мятежу 26 мая.

держал антисоветское выступление чехословацких легионеров в России и вместе с генералом Жаненом, верховным командующим чехословацкими частями за границей, стал добивался их скорейшей отправки во Францию через Сибирь. 18 июня 1918 г. Штефанику за успехи в создании чехословацких легионов в Италии было присвоено очередное звание бригадного генерала французской армии, а через два месяца он был назначен заместителем генерала Жанена и выехал вместе с ним через США и Японию в Россию⁵². 6 сентября в США Штефаник встретился с Т.Г. Масариком.

Между тем конфликт чехословацкого войска с большевиками разросся до военного противостояния, был образован новый фронт в Поволжье, и вскоре чехословацкий корпус контролировал огромную территорию от Поволжья до дальнего Востока, установив связь с белогвардейцами и Временным Сибирским правительством. В Токио, узнав о Вашингтонской декларации Масарика, Штефаник критиковал ее как преждевременную. Он встречался с ведущими японскими политиками, посетил японский МИД, был принят председателем правительства Такаши Хару, вел переговоры о снабжении чехословацких легионеров в России⁵³. В Японии его в очередной раз свалила болезнь, поэтому во Владивосток он прибыл позднее планированного срока и там узнал о создании независимой Чехословакии 28 октября 1918 г.

Ознакомившись с настроениями в войске, Штефаник понял, что чехословацкая армия горит желанием вернуться на родину, и корпус не способен выполнять новые боевые задачи. Поэтому Штефаник был вынужден отказаться от первоначальных планов взять на себя командование чехословацким корпусом в борьбе с большевиками. Хотя большевизм он ненавидел и считал крайне опасным явлением, против которого демократия, по его мнению, должна была воевать. В этом отношении его взгляды были ближе к К. Крамаржу, чем к Т.Г. Масарику. Последний полагал, что большевизм «внутренняя болезнь России» и вмешательство извне излишне. Еще один тезис Штефаника, который объединял его с Крамаржем, состоял в том, что Россия сыграла большую роль в решении «чехословацкого» вопроса тем,

27 мая последовал приказ Л. Троцкого советам на железной дороге: «Разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженный на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выброшен из вагона и заключен в лагерь для военнопленных. Всем железнодорожникам сообщается, что ни один вагон с чехословаками не должен продвигаться на восток. Кто уступит насилию и окажет содействие чехословакам в продвижении их на восток, будет сурово наказан» (там же. Л. 1).

52 Там же. Л. 2.

53 Подробнее о пребывании Штефаника в Японии см.: *Nagayo S. Nové poznatky z pobytu M.R. Štefánika v Japonsku (október — november 1918) // Historická revue. 2007. № 9. S. 14–17.*

что одна из первых позволила организовать на своей территории чехословацкую армию. И именно поэтому легионеры должны были задержаться в России и придти ей на помощь в борьбе с большевизмом⁵⁴.

Штефаник принял решение провести инспекционный осмотр чехословацкой армии в России и подчинить легионеров военному министерству. 14 октября 1918 г. он был назначен военным министром временного чехословацкого правительства в Париже, а через месяц 14 ноября и военным министром первого чехословацкого общенационального правительства под председательством Крамаржа. Правда, его положение было несколько двусмысленным, в условиях его отсутствия в стране, казалось, о нем просто забыли, так как в этом правительстве уже существовал пост министра обороны, который занял В. Клофач. Тем не менее, Штефаник делал все, чтобы установить жесткую дисциплину в частях и попробовать вновь использовать их против большевиков. Он знал о предстоящей мирной конференции, и победы чехословацких легионеров в России могли бы укрепить позиции чехословацкой делегации в Париже.

Но выполнить эти задачи оказалось не так-то просто. У Штефаника возникли разногласия с войском, созданным стихийно, как народное и революционное. Обстановку осложнил Колчаковский переворот 18 ноября 1918 г., к которому чехословацкие войска отнеслись отрицательно. В разговоре по прямому проводу с генералом Жаненом 22 ноября 1918 г. командующий чехословацким войском ген. Я. Сыровы заявил: «Я запретил по всей территории, находящейся на военном положении, какую бы то ни было военно-политическую агитацию... Национальный совет, чтобы предотвратить распространяемые слухи, будто чехи поддерживают переворот, обратился к войскам с воззванием, в котором последнее опровергает и называет переворот незаконным, в надежде, что в ближайшие дни положение законным образом разрешится, а пока считает кризис не разрешенным»⁵⁵. В это же время произошел обмен телеграммами между членом Филиала ЧСНС в России д-ром В. Гирсой, который организовывал отъезд из Владивостока в Европу чехословацких легионеров, и д-ром Свободой (Челябинск), которые позволю себе процитировать. Гирса пишет Сыровы: «Д-ру Свобода, а вместе с ним и тебе сообщаю, что с Вашей стороны в политическом отношении необходима крайняя осторожность и совместная работа со всеми союзниками, а потому очень прошу во всех Ваших политических и дипломатических заявлениях быть крайне осторожными и воздержаться до приезда министра Стефаника [так в тексте — *Е.С.*], от которого получите все информации и инструкции. Не забывайте, что наша армия союзни-

54 *Серапионова Е.П.* Милан Растислав Штефаник в Сибири // Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. С. 120–121. См. также: Приложение 4. Доклад проф. Лакогого о пребывании М.Р. Штефаника в Сибири // Там же. С. 153–154.

55 РГВА. Ф. 1198. Оп. 1. Д. 1034. Л. 1.

ческая, и что в настоящее время идет подготовка к мирной конференции, столь важной для нас. Очень прошу о русских политических событиях на западе сообщать мне самым подробным образом»⁵⁶. В ответ д-р Свобода телеграфировал: «Мы молчали пока нас не спровоцировали слухами, что мы согласны с переворотом, что угрожало спокойствию нашей армии, и мы ждем ген. Стефаника — до его приезда мы никаких шагов не предпринимали, кроме ограждения фронта и нашего войска от беспорядков. Мы согласны вполне с твоим мнением, но предупреждаем, что мы должны считаться с убеждениями наших солдат, которые так просятся на родину, где наши воюют с немцами и мадьярами. Наше положение очень тяжелое, потому что наши негодуют на то, что их тыл не содействует фронту, думает про другие вещи, только не про фронт. Наши боятся, чтобы результатами их борьбы не была реакция, против которой они сражаются дома, за которую не будут воевать за границей»⁵⁷.

Штефанику необходимо было вести гибкую линию, стремясь учитывать настроения в войске и желание союзников. Он решает стянуть войска с фронта и сосредоточиться на охране транссибирской магистрали. Уже в декабре Штефаник приступил к реформам. Их целью было превратить войска из добровольцев в регулярную армию. Он реорганизовал руководство чехословацкими легионерами в России. Вместо Филиала ЧСНС, который он распустил 14 декабря 1918 г., он создал пять отделов военного министерства, а в качестве своеобразной директории — исполнительного органа — Особый комитет уполномоченных для России. Были организованы полицейский отдел и отдел контрразведки. С января 1919 г. чехословацкие легионы стали носить название Чехословацкого войска в России. Одновременно он подписал приказ № 588 о роспуске революционного самоуправления в войске. Приказ был обнародован уже после отъезда Штефаника в Европу 28 февраля 1919 г. и вызвал волну недовольства. Военное руководство передавалось генералу М. Жанену, а политическое — Б. Павлу, которого Штефаник поставил во главе политического отдела военного министерства и одновременно сделал главой Особого комитета. За время существования чехословацких добровольческих частей в России в их рядах сражались свыше 71 тыс. человек⁵⁸.

За деятельность в России французское правительство наградило Штефаника Военным крестом Почетного легиона. После отъезда из Сибири из-за болезни, обострившейся в результате тягот военного времени и волнений, связанных с разногласиями с частью чехословацкого военного руководства, Штефаник прибыл в Париж, где шла Парижская мирная конференция. Однако усталость и раздраженность Штефаника, на кото-

56 Там же. Л. 4.

57 Там же.

58 *Hronský M.* Op.cit. S. 53.

рую жаловался Бенеш в письме Масарику, привела к их ссоре. Вероятно, дело было и в разногласиях между французской и итальянской военными миссиями в ЧСР, которые Масарик поручил урегулировать Штефанику. В результате проведенных переговоров, итальянское правительство решило отозвать свою миссию из ЧСР. После этого Штефаник уехал в Италию, где решил отдохнуть от дел в обществе своей возлюбленной маркизы Г. Бензони. Но деятельный характер этого человека и стремление на родину, где он не был много лет, и где предстояло столько сделать в новом государстве, заставили его принять решение вернуться в ЧСР.

В начале мая 1919 г. на итальянском самолете марки Капрони он вместе с двумя итальянскими летчиками и механиком вылетел в Словакию. Недалеко от южной словацкой границы в районе Вайнор пилот не справился с управлением при посадке на летное поле, и самолет потерпел аварию. Никто из находившихся на борту четырехместного биплана не выжил. Это произошло 4 мая 1919 г. неподалеку от Братиславы. Споры о причинах аварии ведутся до сих пор. Похоронен Штефаник на холме Брэдло недалеко от дома. В 1990 г. в Кошарисках в бывшем евангелическом костеле был открыт музей Штефаника⁵⁹.

Несмотря на то, что Всевышний отпустил не так уж много лет на земной путь Штефаника, этот человек прожил яркую, насыщенную событиями жизнь. Он проявил себя как вдумчивый исследователь, отважный первооткрыватель и путешественник — участник экспедиций в разные, в том числе и экзотические страны. Человек исключительного мужества, ярый словацкий и французский патриот (так как Франция стала ему второй родиной, предоставив свое гражданство), он сделал головокружительную военную карьеру, пройдя путь от младшего сержанта до бригадного генерала французской армии. Выдающиеся личные способности и заслуги позволили М.Р. Штефанику добиться многого, как в науке, так и в военном деле.

Как справедливо отмечал словацкий историк Д. Ковач, М.Р. Штефаник, с одной стороны, был человеком мира, европейцем («европаном»), а с другой, всегда оставался пламенным словацким патриотом⁶⁰. Штефаник проявил себя и как настоящий политик, блестящий дипломат и мастерский организатор. Именно благодаря его неустанной деятельности были созданы чехословацкие легионы за границей — в России, Франции, Италии, что, безусловно, способствовало международному признанию Чехословацкой республики.

В 1990 г. на его родине в Кошарисках появилось Общество земляков

59 *Púdelka R.* Nová expozícia v Muzeu M.R. Štefánika v Košariskách // *Historická revue.* 2007. № 9. S. 28.

60 См.: *Kováč D.* M.R. Štefánik — Slovák a Európan // *General Dr. Milan Rastislav Štefánik — vojak a diplomat.* S. 158–165.

М.Р. Штефаника, возникли Общество Милана Растислава Штефаника и Фонд М.Р. Штефаника в Брезовой под Брадлом, в том же году подобное общество образовалось в Тренчине, возродив традиции общегосударственного неполитического объединения с центром в Тренчине — Общества Штефаника, существовавшего в 1931–1938 гг.⁶¹. Память о Штефанике увековечена и во Франции⁶², где его именем названа площадь в Париже и перед зданием обсерватории в Медоне стоит его памятник.

61 *Veliký I. Štefánikova spoločnosť // Historická revue. 2007. № 9. S. 26–28.*

62 *Virciglio C. Milan Rastislav Štefánik a Franc zsko // Historická revue. 2007. № 9. S. 10.*

Миклош Хорти: адмирал в своем лабиринте

Исследователями подмечено, что, несмотря на все происходившие в истории Венгрии политические потрясения, и в частности, — смены режимов, основными чертами венгерской государственности были градуализм в экономике¹ и лавирование между центрами силы — во внешней политике.

Градуализм (экономическая стратегия, отдающая предпочтение поступательному развитию, а не резким и масштабным преобразованиям), по всей видимости, явился реакцией на трагические события в истории страны. Ведь долгожданные реформы в Венгрии (и в первую очередь, земельная — особенно важная для традиционно аграрного общества) осуществлялись в результате революций 1848—1849 и 1918—1919 гг. Однако своим радикализмом обе эти революции подписали себе приговор в борьбе с противниками, не желавшими мириться с таким реформаторским размахом. Они потерпели в конечном счете поражение, лишив граждан Венгрии недавних революционных завоеваний. Вследствие подобного опыта именно постепенное экономическое развитие, сочетаемое с конформизмом и стремлением к политической стабильности, воспринималось как единственный способ получить в итоге желаемое.

Вторая черта обусловлена геополитическими факторами. Срединное положение страны на стыке славянской и германской цивилизаций (а также Запада и Востока в целом) вынуждало венгерские элиты в целях самосохранения то играть на противоречиях между этими цивилизациями, то уступать требованиям и той, и другой, что вызвало к жизни концепции «государства-буфера», «государства-моста», «государства-парома» и «государства-острова»².

Для понимания этих специфических особенностей развития Венгрии важно правление Миклоша Хорти, во многом явившееся их квинтэссенцией.

Поскольку авторитарные режимы, к каковым может быть отнесен и режим Хорти, всегда довольно персонифицированы, начать рассмотрение следует именно с личности правителя.

1 См., например: *Травин Д., Маргания О.* Европейская модернизация. В 2-х кн. М.: СПб., 2004. Кн. 2. С. 74—75.

2 Подробнее см.: *Желицки Б. Й.* Венгры в Европе: идентичность и региональная принадлежность (проблема переплетения исторических и современных черт венгерской региональной идентичности) // *Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время. Центральноевропейские исследования.* Вып. 2. М., 2004. С. 26.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ ХОРТИ НА ХАРАКТЕР РЕЖИМА

На основании анализа первых глав мемуаров самого Хорти можно получить определенные представления о его психологическом портрете.

Адмирал был весьма гармоничной личностью, имел здоровые жизненные интересы (спорт, охота, путешествия), любил рисовать и освоил целый ряд иностранных языков. У человека подобного склада, выросшего в полноценной семье, получившего высококлассное военное образование и длительное время (фактически до начала Первой мировой войны) не сталкивавшегося со сколько-нибудь значительными жизненными трудностями и тем более страданиями, складывается традиционное и адекватное представление о гармонии и стабильности, не предполагающее склонности к опасным экспериментам. В этом можно разглядеть первый источник патерналистского консерватизма Хорти, в дальнейшем на протяжении долгих лет сильно влиявшего на всю политическую обстановку в Венгрии.

Человек, видящий счастье в семье, успешной карьере и т.д., достигнув политических высот, будет стремиться создать условия, в которых он сам сможет почувствовать себя уверенным и довольным, и это в разной степени отразится на гражданах страны, управление которыми ему было доверено.

Николас Рузвельт в предисловии к первому изданию мемуаров Хорти отмечал, что официальная жизнь адмирала сводилась к бесконечным формальностям, от которых он время от времени спасался на охоте. Он отличался добротой (будучи строгим при необходимости), простотой вкусов, обходительностью, при этом не выказывая ни малейшего тщеславия или эгоизма³. Это показывает, что Хорти воспринимал себя именно как обычного человека на самом высоком посту в государстве, пусть и выполняющего важную историческую функцию возрождения родины и в дальнейшем — стабилизации положения дел, однако именно человека живого, а не живой памятник самому себе с задачами вселенского масштаба, как это проявлялось в поведении Адольфа Гитлера или Бенито Муссолини.

Что характерно, в несоциалистической, особенно консервативной, историографии и мемуаристике преобладают именно пассажи, характеризующие Хорти как человека очень благородного и отважного, с высоко развитым чувством долга. Ярким примером здесь могут выступить слова Вильфрида Штрик-Штрикфельдта, в годы Второй мировой войны являвшегося переводчиком и куратором при генерале Андрее Власове. Штрик-

3 См.: *Roosevelt N. Introduction to the Original Edition // Horthy M. The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary. Edited and Annotated by Andrew L. Simon* (Электронная публикация по адресу: <http://www.historicaltextarchive.com/books.php?op=viewbook&bookid=9>).

Штрикфельдт пересекся с Хорти в расположении американских войск и отметил следующее: «Тот стоял с достоинством и говорил американцам категорическим тоном, что не будет отвечать на поставленный ему вопрос и что они должны запомнить это раз и навсегда. Американцы орали и угрожали. Но старик сохранял спокойствие барина»⁴.

Бесспорно, военное образование и служба в австро-венгерских вооруженных силах также сыграли значительную роль в формировании взглядов адмирала, впоследствии спроецированных им на политическую систему всей Венгрии. Именно в стенах военных учебных заведений он сформировался как офицер (имеется в виду именно носитель психотипа офицера, а не просто представитель профессии), патриот и лоялист. Сам Хорти признавал, что в течение всей жизни он помнил слова, увиденные им на мраморной доске в училище: «Долг стоит превыше жизни»⁵. Кроме того, с юности он воспринимал императора как «существо более высокого порядка» и, став флигель-адъютантом Франца Иосифа I, окончательно остановился на этой позиции: «...я был в состоянии экстаза. Я был готов служить моему королю и императору верой и правдой и, если потребуется, с радостью отдать за него жизнь»⁶.

Он пронес верность не только Францу Иосифу, но и всему дому Габсбургов через всю жизнь, хотя из-за сложившейся в стране и вокруг нее обстановки должен был пресечь попытки императорской семьи вернуть трон. Из монархизма Хорти также проистекали его консерватизм, стремление сохранить устоявшиеся структуры и обычаи, а также осознание себя именно в качестве местоблюстителя престола, пусть и вынужденного оставаться в этой роли бесконечно долго, что опять же предопределяло его рабочее отношение к обязанностям, не отягощенное мессианскими идеями. Н.Рузвельт писал: «...адмирал, уже будучи регентом Венгрии, при возникновении смертельной опасности для государства всегда спрашивал себя, а как бы император поступил в подобных обстоятельствах»⁷.

Отдельные фрагменты мемуаров Хорти наталкивают и на более глубокие выводы. Передав флот Австро-Венгрии Королевству сербов, хорватов и словенцев, адмирал отошел от какой бы то ни было военно-политической деятельности и вполне мог к ней не вернуться. Вместе с тем, он с огромной радостью приветствовал эмиссаров Дюлы Каройи и Иштвана Бетлена, направленных к нему с предложением сформировать национальные воору-

4 *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера. М., 1993 (Электронная публикация по адресу: <http://www.militera.lib.ru/memo/german/strick-strickfeldt/index.html>). Глава IV. Конец Освободительного движения.

5 *Horthy M.* The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary. Гл. 1.

6 *Ibid.* Гл. 3.

7 *Roosevelt N.* Introduction to the Original Edition // *Horthy M.* The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary.

женные силы⁸.

Складывается впечатление, что даже проявляя инициативу, Хорти раскрывался как политик, действуя исключительно в установленных кем-то свыше рамках. Он был подобен некоему боевому механизму, функционирующему с высокой степенью отдачи, однако не обладающему способностью включаться и выключаться самостоятельно. Хорти был достойным исполнителем, что показывает вся его деятельность во время Первой мировой войны, где он зарекомендовал себя в качестве блестящего командира, однако ему всегда требовался первоначальный толчок извне — неважно, в форме ли приказа верховного главнокомандующего или предложения консерваторов во время борьбы за власть.

Создавалось впечатление, будто и вся система, созданная Хорти-регентом, функционировала именно вследствие некоего первоначального импульса, полученного еще во время гражданской войны, поскольку сам правитель едва ли был способен на особенно решительные инициативы. Если таковые и проявлялись, то их генерировали другие люди — Бетлен, Гёмбёш и прочие. Вместе с тем, подобный склад ума позволял Хорти быть идеальным медиатором и, более того, символом единства нации.

Своеобразную «временность» режима Хорти (причем фактическую, а не просто задекларированную) почувствовали и его противники. Так, по мнению Бельи Куна, «...бюрократия, полиция, жандармерия и офицерский корпус... не имели политического прошлого и представитель Габсбургского дома нужен был им только для восполнения этого пробела. У них нет особых классовых интересов, они лишь искали опору в классе, интересы которого лучше всего обеспечиваются монархией»⁹.

Необходимо вкратце остановиться и на придворной карьере будущего регента. Хотя сам Хорти в мемуарах и не уделяет внимания сложным отношениям состоявших при императорском дворе лиц, очевидно, что двор Франца Иосифа, как и всякого иного монарха, не мог избежать интриг и латентных конфликтов, требовавших от вовлеченных в них людей, с одной стороны, особого чутья и стратегической сноровки, а, с другой — чувства такта, умения балансировать между различными силами. Это также предопределило образ мышления будущего адмирала, вызвав к жизни способность лавировать между различными внутривластными силами, как и стремление придерживаться принципа «качелей» во внешней политике.

8 Подробнее см.: *Horthy M. The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary.* Гл. 9.

9 *Кун Б. О Венгерской Советской республике (Избранные статьи и речи).* М., 1966. С. 285.

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗГЛЯДОВ ХОРТИ

Важно отметить еще один фактор влияния в случае с Хорти. Хотя из мемуаров адмирала следует, что он в любом случае не стал бы претендовать на трон (это было обусловлено его монархическими взглядами и офицерской преданностью императору), вероисповедание стало не менее важной причиной того, что для институционализации правления Хорти была избрана именно форма регентства. Его принадлежность к реформатам почти заведомо предполагала широкий общественный протест в случае, если бы он попытался провозгласить себя монархом по преимуществу католической страны и это, соответственно, во многом предопределило характер хортистского режима. Вместе с тем, влияние религии не следует сводить только к этому. Известно, что конфессиональные принципы, закладывавшиеся в людей той эпохи с детства, оказывали воздействие на формирование их взглядов в самых разных сферах жизни, в том числе и политической, становясь неотъемлемым компонентом их внутренней культуры.

Если проанализировать постулаты реформатов Венгрии, изложенные в их символе веры¹⁰, можно сделать несколько важных выводов. Специфический антисемитизм Хорти, характеристика которому будет дана ниже, вполне мог быть вызван, помимо прочего, и религиозными соображениями, поскольку символ веры осуждает иудеев и мусульман за отрицание святой Троицы.

Немаловажное значение имели и постулаты о том, что все на Земле случается с ведома и по воле Бога, а несчастья, происходящие с человеком, допускаются только для того, чтобы после перенесенных испытаний верующий достиг еще большего благополучия или страданием был отвращен от греха. Вместе с тем, человек, в понимании реформатов, обладает свободой воли. Подобные религиозные сентенции исторически способствовали формированию у протестантов таких качеств, как стойкость в самых тяжелых обстоятельствах и устремленность к некоей высшей цели в будущем, подспудно культивируя исполнительность и трудолюбие, которые оправдывались ожидавшимся благодеянием Бога.

В случае с Хорти данные качества особенно хорошо заметны на ранних этапах его карьеры, где он проявил себя как добросовестный офицер, не захваченный стремлением как можно скорее достичь высоких постов, но занятый исполнением обязанностей, возложенных на него в текущий момент времени. Вполне обычные для большинства офицеров темпы карьерного роста Хорти (в 41 год он стал только капитаном третьего ранга) показывают, что он воспринимал ситуацию с продвижением по службе как должную и не стремился настойчиво что-либо менять или хотя бы

10 Подробнее см.: *The Second Helvetic Confession*. <http://www.ccel.org/creeds/helvetic.htm>

роптать на судьбу.

С точки зрения протестанта (хотя сам Хорти об этом ни разу не упоминает), резкий карьерный скачок, начавшийся с назначения на должность флигель-адъютанта императора в 1909 г. и завершившийся регентством, мог восприниматься исключительно как знак особого расположения Бога, даровавшего подобный успех после многочисленных испытаний, главным из которых явилась война — как с внешними врагами страны, так и с атеистическим революционным движением.

Политическая концепция протестантизма повлияла и на специфику установленного Хорти режима. Во-первых, Хорти и его сторонники (например, премьер-министр Иштван Бетлен, также принадлежавший к реформатской конфессии) не опасались в случае необходимости применять силу против любой угрозы своему правлению, поскольку еще в детстве привыкли к постулату о том, что Бог прощает все грехи, кроме грехов, совершенных против Святого Духа. В дальнейшем на основе этого положения сформировались вполне определенные поведенческие стереотипы (отсутствие скованности мышления опасением совершить очередной грех *в отношении людей*), бессознательно распространенные и на сферу политики. Аналогичное влияние имело и представление о том, что прегрешения человека могут быть оправданы только самой его верой, но никак не поступками и не внешними законами.

Во-вторых, правление Хорти во многом соответствует положению о магистратах, содержащемуся в символе веры. Там, в частности, указывается, что ключевой обязанностью магистратов является поддержание мира и общественного спокойствия. (Консервативное правление Хорти, как известно, было, в первую очередь, сориентировано именно на достижение этих целей). Символ веры предоставляет магистрату право применять силу в отношении преступников, которых Бог повелел покарать или казнить. Говоря об обязанностях простых граждан, авторы символа веры дали еще более красноречивую формулировку: «Пусть чтят магистрат, как чтят посланца Божия; да возлюбят его и молятся за него, как за отца своего; и да подчинятся справедливому приказанию его... И если безопасность страны и дело справедливости потребуют того, и магистрат вынужден вести войну, то да отдадут и самую жизнь свою и прольют кровь свою во имя безопасности общества и магистрата»¹¹. В этих словах фактически изложена сущность всякого патерналистского правления. К числу таких политических систем относилось и правление Хорти.

Особо сказано о войне: «И если необходимо обеспечить безопасность народа посредством войны, да ведет войну во имя Господа; только если всеми средствами он стремился к миру и не может спасти народ свой ина-

че, чем посредством войны»¹².

Последнее отчасти может быть применено для объяснения отношений Венгрии с гитлеровским режимом, поскольку сам Хорти говорил о них следующее: «У нас не было опоры для того, чтобы проводить политику, отличную от политики чистого реализма»¹³, — словно апеллируя к упомянутой в символе веры невозможности с определенного момента действовать иначе, кроме как военными методами.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЖИМА ХОРТИ

Согласно закону 1920 г., регент являлся главой государства и верховным главнокомандующим вооруженными силами страны, однако при объявлении войны и заключении мира нуждался в согласии парламента. Он имел право распустить парламент, однако не был наделен полноценным правом вето и до 1937 г. формально мог быть привлечен к ответственности за нарушение конституции. Регент также не имел права производить в дворянское звание, что подчеркивало его некоролевскую правовую природу.

В правление Хорти особая роль в политике принадлежала неформальным институтам. Уже в 1920 г. был создан так называемый «орден рыцарей», предводительствуемый самим регентом и насчитывавший к началу 1940-х гг. не менее 20 тыс. членов, получивших в пользование крупные земельные владения¹⁴. Он являлся одной из неофициальных опор режима. Существовали и другие тайные организации, такие как «Союз Этелкёз», также находившийся под контролем Хорти и объединявший представителей разных кругов элиты, в том числе и военной. Наличие подобных структур говорит о стремлении на практике подменить существующие партии более надежными силами.

Важно отметить, что Хорти не собирался основывать собственную династию, а создание в 1942 г. института заместителя регента, назначаемого с согласия парламента, было обусловлено военным временем, старостью самого правителя и осознанием связанных с этим потенциальных опасностей. Избрание адмиралом одного из своих сыновей в качестве кандидата в заместители регента им самим объясняется именно высокой компетентностью и надежностью Иштвана Хорти, а не стремлением постепенно передать ему власть. Это подтверждается и тем обстоятельством, что после гибели сына регент так и не нашел ему альтернативы на посту

12 The Second Helvetic Confession.

13 *Horthy M.* The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary. Глава 16.

14 Очерки новой и новейшей истории Венгрии. М., 1963. С. 229.

заместителя¹⁵.

Квинтэссенцией идеи национальной консолидации стала Верхняя палата венгерского парламента, восстановленная в 1926 г. Она включала дворян (в том числе из дома Габсбургов), представителей различных конфессий (среди прочих в заседаниях принимал участие верховный раввин), городских и сельских советов самоуправления, учебных заведений, всех отраслей экономики, а также 44 члена, назначаемых самим регентом.

С точки зрения партийной системы, до 1930 г. Хорти и его сторонники придерживались четкого курса на поддержание в стране политического равновесия под контролем исполнительной власти, чему способствовали пакт Бетлена-Пейера (предполагавший отказ социал-демократов от политических забастовок и пропаганды республиканского строя) и наличие мощной правящей партии (Партии единства), господствующее положение которой в парламенте не позволяло оппозиции оказывать сколь бы то ни было заметное влияние на законотворческий процесс.

Всемирный экономический кризис, серьезно подорвавший потенциал Венгрии, привел к усилению в стране крайне правых сил, взгляды которых приходилось принимать во внимание с учетом трудностей стабилизации традиционными методами и угрозы падения авторитета консерваторов, на которых опирался режим Хорти.

Назначение Дюлы Гёмбёша — одного из ведущих правых политиков — на пост премьер-министра в 1932 г. вскоре привело к возникновению угрозы сложившейся стабильности, поскольку Гёмбёш попытался имплантировать на венгерскую почву итальянский опыт, начав работу по созданию массовой партии тоталитарного образца, предполагавшую сращивание партийного и государственного аппарата и стремившейся к идеологической мобилизации населения. Внешнеэкономические причины поставили Венгрию на порог превращения в настоящее тоталитарное государство, однако деятельность Гёмбёша в этом направлении была вовремя пресечена. Однако это стало только первым этапом в борьбе консервативного и тоталитарного начал, которую консерваторам суждено было проиграть, причем вновь из-за воздействия внешней среды.

Преследуя венгерских ультраправых сил в лице Ференца Салаша и его сторонников, новый премьер Калман Дарани вместе с тем позволил им легализоваться и начинал постепенно брать на вооружение некоторые их взгляды (в том числе по еврейскому вопросу). По мере развития отношений с нацистской Германией влияние правых сил, симпатизировавших делу нацизма и выступавших за силовой пересмотр положений Трианонского договора в союзе с Германией — главным противником Версальской системы — нарастало.

15 См.: *Horthy M. The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary.* Гл. 18.

Премьер-министр Бела Имреди продолжил проведение антисемитских мероприятий и придал в Венгрии официальный статус нацистскому фольксбунду. Непосредственно во время Второй мировой войны и в особенности в период немецкой оккупации, начавшейся в марте 1944 г., многие аспекты деятельности глав венгерского правительства в большей степени начинали зависеть уже не от воли правящей элиты, а от стратегических установок руководства союзной Германии. Несмотря на то, что Хорти отправлял в отставку премьер-министров, которые начинали проводить откровенно несамостоятельный и пронацистский курс (как было с Имреди, Ласло Бардоши и Деже Стояи), в борьбе с правыми организациями не наблюдалось должной последовательности, а полноценное противостояние давлению Гитлера с каждым днем становилось все более трудным, и было очевидно, что влияние регента и его сторонников начало снижаться.

Господство неформальных институтов можно было наблюдать не только в политике, но и в экономике. Так, у Д. Травина и О. Маргания можно найти описание того, как консервативно настроенные аристократы, составлявшие правящую элиту, заключили «теснейшую личную унию» с «банкирами, контролирующими промышленность». Исследователи заключают: «Фактически вся экономика страны через механизм банковского господства была поставлена под контроль регента и близких к нему лиц»¹⁶. С другой стороны, по воспоминаниям невестки Хорти Илоны Боуден, регент никогда не стремился к личному обогащению и за время правления ни разу не повысил себе оклад и не увеличил площадь земли в своем владении¹⁷.

Травин и Маргания выделяют и положительные, по их мнению, стороны хортизма в экономике, проявившиеся в том, что бескомпромиссное противостояние рабочему движению позволило сохранить оплату труда в стране на низком уровне и сделало хозяйственный механизм Венгрии более конкурентоспособным по сравнению с экономиками соседей, особенно в годы всемирного кризиса.

Это было достигнуто дорогой ценой: в 1930–1932 гг. число безработных в промышленности и аграрном секторе составляло 750–850 тыс. человек, которым государство не выделяло никаких пособий. С учетом семей, в бедственном положении оказывалось до 2,5 млн человек¹⁸.

В данной ситуации отчетливо проявилось невнимание хортистского режима к социальной сфере, поскольку для данной политической культуры сохранность целого была всегда важнее благополучия составляющих

16 *Травин Д., Маргания О.* Указ. соч. С. 97.

17 *Recollections by Ilona Bowden // Horthy M. The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary.*

18 *Очерки новой и новейшей истории Венгрии.* С. 243.

его элементов. Единство нации действительно можно было удерживать, идя на уступки протестующим, однако никто не мог гарантировать Хорти и другим руководителям Венгрии, что за удовлетворенными требованиями не последуют новые, почти неизбежно ведущие к подрыву баланса в обществе в пользу низов и угрожающие социалистическим реваншем.

Исходя из этого и принимая во внимание приоритет, который отдавался консерватором Хорти именно стабильности, представляется вполне логичным, что он избрал более простой и эффективный способ — опору на силовые структуры, способные устранить дисфункции в рамках сложившейся системы. Вот почему в 1932 г. в Венгрии расходы на содержание сил охраны правопорядка превзошли расходы на здравоохранение почти в 40 раз¹⁹.

С другой стороны, режим никогда не доходил до крайнего упорства, поскольку, к примеру, годом раньше премьер-министр Бетлен не стал держаться за власть любой ценой и, видя непопулярность своего курса, ушел в отставку.

В правление Хорти в Венгрии не существовало идеологии, сравнимой по своей стройности и детализации с идеологиями нацистской Германии и фашистской Италии. Венгерский субститут подобных концепций складывался из нескольких компонентов и носил не экспансионистский, а консолидирующий характер, то есть был призван не столько подавлять все прочие подходы (за исключением коммунистического, как представлявшего бесспорную, по мнению руководителей Венгрии, угрозу стабильности) во имя решения некоей сверхзадачи, сколько удерживать массы в определенных рамках, защищающих социальный каркас от распада и хаоса. С одной стороны, этому должна была способствовать патриотическая индоктринация, осуществлявшаяся в рамках системы образования и других институтов. Она предполагала прославление венгерского духа (исторические труды Балинта Хомана и Дюлы Секфю), сплывающего жителей страны независимо от их классового положения, что позволяло снижать значение социального и экономического развития (которое сталкивалось с заметными трудностями, ставившими национальный консенсус под угрозу) ради благополучия и безопасности государства. Кроме того, пропагандировалось стремление к воссоединению всех носителей этого духа в общих границах (ирредентизм).

Л. Контлер указывает, что изложенная выше концепция позволяла Хорти и его соратникам отводить от себя многие опасные обвинения: «Необходимость пересмотра порочного мирного договора, на который удобно было списывать все собственные недостатки и недоработки, стала альфой и омегой венгерской политики на протяжении 25 межвоенных лет»²⁰.

19 История Венгрии в 3-х т. М., 1972. Т.3. С. 252.

20 *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 446.

Далее Контлер пишет о том, что менее активное преследование властями крайне правых сил по сравнению с коммунистами допускало их сближение именно с правыми на почве национализма, хотя, в отличие от классического фашизма, хортизм не практиковал мобилизацию населения на преодоление пережитков консервативного прошлого, не осуществлял тотального идеологического контроля и не стремился к достижению искренней идеологической лояльности у всех подданных²¹.

С другой стороны, возросла роль религии и идеалистической философии (христианский платонизм Акоша Паулера и эклектическая концепция Дюлы Корниша, многое позаимствовавшая у неокантианства), выступавших за примат умозрительного и также способствовавших отвлечению граждан от проблем более насущного характера.

Здесь отчасти может быть проведена параллель с ситуацией в послевоенной Германии и Австрии, где тяжелое поражение в недалеком прошлом и кризисные явления в настоящем способствовали развитию стремления сбежать от текущих трудностей в мир романтического патриотизма или оккультизма, с той разницей, что в Венгрии данные тенденции не привели к заметному давлению мистицизма на реальную политику, как это имело место в случае с Германией²².

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЕВРЕЕВ

Для полной характеристики режима Хорти необходимо остановиться на таком важном для многих восточноевропейских государств того времени аспекте, как положение еврейского населения.

В Венгрии в период с 1920 по 1944 г. оно последовательно ухудшалось путем принятия законов, сокращавших квоты для евреев при поступлении в высшие учебные заведения и занятии должностей в различных учреждениях и на предприятиях — многие в результате остались без работы. Сам Хорти отмечает относительно закона 1938 г., что он был основан не на расовом принципе принадлежности к еврейской национальности, как в Германии, а на религиозном, вступал в действие не сразу (предусматривался переходный период для поиска работы лицами, подлежащими увольнению) и не ограничивал частнопредпринимательскую деятельность евреев²³.

С 1939 г., однако, был введен именно расовый критерий, а в дальнейшем евреи были полностью отстранены от государственной службы и

21 Там же. С. 454.

22 Подробнее см.: *Гудрик-Кларк Н.* Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию (Электронная публикация по адресу: <http://www.lib.ru/POLITOLOG/okkultnac.txt>).

23 *Horthy M.* The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary. Гл. 16.

службы в армии, утратили ряд прав в отношении собственности и право на вступление в брак с гоями. В 1942 г. иудаизм лишился статуса официально разрешенной религии, а в 1944 г., после оккупации территории страны вермахтом, начались массовые депортации евреев в концентрационные лагеря, остановленные самим Хорти (это стало возможным, поскольку у регента появилась некоторая свобода рук в связи с бедственным положением Германии на фронтах) и возобновившиеся уже в период пребывания у власти салашистов (с октября 1944 г.).

Невестка регента Илона Боуден отмечает, что Хорти стремился не допустить принятия перечисленных выше законов, однако их разработчики ссылались на то, что регент не может препятствовать решениям, одобренным большинством в парламенте. У невестки адмирала также можно встретить слова о том, что он не воспрепятствовал депортациям с самого начала лишь потому, что, якобы, слишком поздно узнал о трагической участи, которая ожидала большинство депортированных евреев в концлагерях²⁴.

Мемуары самого Хорти и его высказывания по еврейскому вопросу, переданные современниками, дают несколько противоречивую картину. В 8 главе своих воспоминаний адмирал, говоря о правлении Белы Куна, явно неспроста делает акцент на еврейском происхождении последнего и в дальнейшем отмечает: «Евреи, длительное время проживавшие среди нас, первыми осудили преступления своих единоверцев, в чьих руках находилась практически вся власть при новом режиме»²⁵.

В дальнейшем эта мысль получает развитие в следующем пассаже из воспоминаний адмирала: «Чисто по-человечески понятно то обстоятельство, что преступления коммунистов приписывались евреям. Однако внутреннее стремление к справедливости, присущее венграм, совместно с усилиями католической и протестантской церковей, направленными на подавление всех форм расовых предрассудков, вскоре позволило восстановить хорошие отношения между евреями и неевреями»²⁶.

В мемуарах Эдена Беницки, бывшего министром внутренних дел в правительстве Иштвана Фридриха, содержится описание его весьма двусмысленного диалога с адмиралом, который на вопрос о том, будут ли иметь место «погромы» (без уточнения их объекта) при вступлении войск Хорти в Будапешт (состоялось в ноябре 1919 г.), заявил: «Погромов не будет. Но кое-кому придется искупаться...»²⁷.

С другой стороны, говоря об отставке Белы Имреди с поста премьер-

24 См.: *Recollections by Ilona Bowden // Horthy M. The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary.*

25 *Horthy M. The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary.* Гл. 8.

26 *Ibid.* Гл. 16.

27 Цит. по: *Немеш Д.* Венгрия в годы контрреволюции. 1919–1921. М., 1964. С. 71.

министра в 1939 г., сам Хорти указывает: «Повторяю, причиной того, что я принял отставку Имреди, было не его гипотетическое еврейское происхождение, а его бешеный антисемитизм»²⁸.

Антал Нарай, назначенный в 1942 г/ главой венгерского радио и информационного агентства «МТИ», в своих мемуарах описал встречу с Хорти, где адмирал говорил о неверности широко распространенного обобщенного восприятия евреев, а также о том, что некоторые еврейские предприниматели сделали для венгерской экономики больше, чем все их противники на правом фланге политического спектра вместе взятые²⁹.

О начале кампании против евреев после укрепления отношений с Гитлером можно прочесть у Тивадара Сороса, оставившего об этом периоде времени мемуары. Говоря о так называемом «первом еврейском законе» 1939 года, установившем, в частности, количественные квоты для евреев по каждой профессии, он отмечает: «Близость к Германии с царящим в ней гитлеровским антисемитизмом сделала положение венгерских евреев почти отчаянным... сфера действия закона не была ограничена экономической: согласно ему, претендовать на венгерское гражданство могли только те евреи, чьи семьи поселились в Венгрии до 1914 г. Все, кто получил гражданство в 1914 году или позже, автоматически теряли его. Другими словами, их можно было изгнать из страны. Хотя непосредственно это касалось ограниченного числа людей, пострадали еще и их семьи — даже те, что жили в Венгрии на протяжении столетий. Все лихорадочно бросились добывать документы, поскольку каждый стремился доказать, что он из старожилов... Это стало первым шагом в той войне нервов, которую правительство повело против евреев»³⁰.

С другой стороны, собственно хортистскому антисемитизму этим свидетелем уделяется крайне мало внимания (он концентрируется на нилашистах; фактически, приведенный выше с некоторыми сокращениями фрагмент является единственной частью текста, посвященной положению еврейского населения до событий 1944 г.), что само по себе симптоматично.

Здесь же важно остановиться на позиции израильтян, в среде которых стабильно отмечается единодушие по отношению к историческим деятелям, прямо или косвенно причастным к Холокосту.

30 сентября 1993 г. в американском еженедельном издании «Мадяр Ылет» было перепечатана заметка Нафтали Крауса «Венгрия и евреи», впервые опубликованная в израильском еженедельнике «А хыт тюкре» в связи с перезахоронением останков Хорти. Там, в частности, указывалось

28 *Horthy M.* The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary. Глава 16.

29 См.: *Ibid.* Примеч. 8 к гл. 16.

30 *Сорос Т.* Маскарад. Игра в прятки со смертью в нацистской Венгрии. М., 2001. С.12.

следующее: «Хотя Хорти повсеместно заявлял, что он «первый глава государства — антисемит в Европе», это не имело конкретных проявлений. <...> Еврейские законы были созданы для того, чтобы соответствовать «духу времени», а также в качестве ответа на давление со стороны Германии... Хорти не любил евреев... его нельзя назвать праведным гоем, но он не был и дьяволом, каким его изобразила коммунистическая пропаганда»³¹.

Илона Боуден, вдова Иштвана Хорти, рассказала, что видный деятель сионистского движения Рубен Хехт однажды посетил находившегося в эмиграции бывшего регента и поблагодарил его за все, что было им сделано для еврейского населения Венгрии³².

Причины неоднозначного отношения Хорти к евреям следует искать в исторической обстановке, в которой формировались воззрения адмирала. Армия Австро-Венгрии, в отличие от немецких вооруженных сил, была довольно толерантной: евреям в ней разрешалось служить на тех же основаниях, что и представителям прочих национальностей, что позволило многим сделать достойную карьеру³³.

Вместе с тем, бытовой антисемитизм был довольно широко распространен в стране, что нельзя отрывать от контекста роста нетерпимости по отношению к евреям в Европе с начала 1880-х гг.³⁴, завершившегося антисемитским курсом Гитлера и ряда его союзников (Антонеску, Павлича, Салаши).

Комментируя юдофобию в дунайской империи, Н.Гудрик-Кларк указывает, что она была вызвана, в частности, массовой миграцией евреев из мест традиционного их расселения (Галиции и др.). Так, к примеру, за период с 1857 по 1910 г. число евреев в Вене возросло с 6 до 175 тыс. человек (8% всех жителей), причем новые жители города носили традиционную одежду и существенно меняли культурный фасад целых районов, привычный для старожилов, что вызывало у последних заметное раздражение³⁵.

31 Letters to the Editor: Worldwide Reaction Following Horthy's Reburial in Hungary on September 4, 1993 // *Horthy M. The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary.*

32 Recollections by Ilona Bowden // *Horthy M. The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary.*

33 Подробнее см.: *Штейнберг М.* Евреи в войнах тысячелетий. Очерки военной истории еврейского народа. М.; Иерусалим, 2004. С. 171 и далее.

34 Подробнее см., например: *Дубнов С.М.* Краткая история евреев. Ростов-на-Дону, 2000. С. 565–567. Так, Дубнов отмечает: «Стали раздаваться голоса, что еврей, или семит, уже по племенным своим особенностям не может ужиться с арийцем-христианином; что он слишком даровит и стремится все захватить в свои руки, везде первенствовать; что он уже достиг преобладания в промышленности и финансах, в политике, суде, печати и науке, вытесняя будто бы христианина из всех этих областей» (Там же. С. 565–566).

35 См.: *Гудрик-Кларк Н.* Окультизм и корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию (Электронная публикация по адресу:

Суммируя все приведенные выше цитаты и факты, можно сделать вывод, что антисемитские проявления в поведении Хорти носили традиционалистский характер — адмирал был за дискриминацию, но против насилия ради насилия, что было присуще нацистской Германии. Показательно его решение о приостановке депортаций, что еще раз доказывает негативное отношение регента к идее геноцида еврейского народа.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Для формирования полной картины о характере режима межвоенных лет следует остановиться на двух ключевых внешнеполитических темах, связанных с ним: внешних причинах складывания хортизма и взаимодействия режима Хорти с гитлеровской Германией.

Гарольд Сидни Ротермир в своей книге привел весьма интересное сопоставление ситуации сразу после окончания Первой мировой войны в Венгрии и Турции, оказавшихся в примерно схожем положении: проиграв войну, они были заняты армиями стран Антанты и должны были потерять значительную часть своих территорий. Вместе с тем, патриотические силы Турции сумели консолидироваться под руководством Мустафы Кемаля (Ататюрка) и сохранить целостность исторической Анатолии, тогда как Венгрия этого сделать не сумела. Сам Ротермир объясняет это тем, что ситуация на окраине европейского культурно-политического ареала и в самом центре Европы по определению была разной, и то, с чем великие державы могли смириться на периферии, было недопустимо в Венгрии³⁶.

С этой точкой зрения можно не соглашаться, однако историческая параллель налицо, тем более что у Венгрии вполне мог появиться свой полноценный аналог Кемаля в лице Бельи Куна, пусть и мыслившего категориями мировой революции, но не чуждого стремлению предотвратить распад исторической Венгрии. Хорти и его сторонники на первых порах заняли позицию прямо противоположную — вместо борьбы за целостность страны силой оружия они избрали сотрудничество с недавними противниками и согласились на продиктованные Антантой условия Трианонского мирного договора.

Куном и всеми последующими социалистическими авторами данное поведение было однозначно квалифицировано как предательство интересов страны, однако более беспристрастный подход показывает, что все было наоборот.

В годы интервенции будущим регентом был впервые в полной мере

<http://www.lib.ru/POLITOLOG/okkultnac.txt>.

36 См.: *Rothermere H.S.H.* My Campaign for Hungary. London, 1939 (Электронная публикация по адресу: <http://www.hungarian-history.hu/lib/rothermere/rothermere.doc>).

продемонстрирован присущий ему и в дальнейшем политический реализм. Продолжение сопротивления интервентам было бесперспективным ввиду как превосходящих сил противника, так и отсутствия некоего невоенного преимущества, позволявшего эти силы нейтрализовать. Для Советской России таким преимуществом стало разлагающее воздействие социалистической пропаганды на войска Антанты, во многом предопределившее прекращение интервенции, тогда как в Венгрии подобный вариант не сработал. Это произошло во многом по тем же причинам, что и в случае с Турцией, — если Россию, как периферийную страну с территорией, не предполагающей организации эффективного контроля, еще можно было сдать, то Центральная Европа, к которой относились и Польша, и Венгрия, становилась в сознании западных политиков стратегическим рубежом, потеря которого могла иметь катастрофические последствия для всей буржуазной цивилизации.

В существовавших условиях сопротивление принесло бы только дополнительные разрушения и жертвы, после которых неизбежно пришлось бы сдаться на милость победителя.

Было избрано непопулярное, но максимально прагматичное решение, позволившее, с одной стороны, этих жертв избежать и как можно скорее приступить к восстановлению независимой Венгрии, а с другой — всегда иметь инструмент и повод для консолидации населения, ссылаясь на внешние обстоятельства. Реализм при учете международной обстановки проявился очень скоро еще раз, когда Хорти, несмотря на свои симпатии к Габсбургам, был вынужден отказаться от их возвращения на трон.

Самым сложным является вопрос о сотрудничестве Венгрии с нацистской Германией в годы Второй мировой войны. Социалистическая историография и мемуарная литература изображают Хорти как добровольного и готового на многое союзника Гитлера, если и отступившего от своего покровителя, то только в последний момент³⁷.

Из мемуаров немецких военачальников и государственных деятелей следует противоположный вывод: режим регента был отнюдь не самым надежным внешнеполитическим партнером Третьего Рейха, и руководство Германии это отчетливо осознавало. От Венгрии требовалось только сохранять лояльность немцам ради стабильности тылов последних³⁸.

Сам Хорти неоднократно утверждает, что длительное время придерживался намерения пересмотреть положения Трианонского договора мирными средствами и с опорой на Запад и не имел ни малейшего желания

37 См., например: *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С. 403, 406; *Каллаи Д.* Движение за независимость Венгрии. 1936–1945. М., 1968. С. 86.

38 См.: *Белов Н. Я* был адъютантом Гитлера. Смоленск, 2003. С.358; *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 1999. С. 504, 518.

вступать в конфликт, который развязывала Германия³⁹. О Гитлере Хорти пишет следующее: «Псевдофилософия национал-социалистов и методы Гитлера были мне глубоко отвратительны»⁴⁰.

Причины вынужденного вмешательства, видимо, были следующие: позиция западных стран, не пожелавших пойти Венгрии навстречу в ее территориальных требованиях, не оставляла ей выбора, поскольку территориальный передел в регионе начинался, и Венгрия имела право воспользоваться его плодами, раз уж пересмотр был разрешен Германии. Кроме того, неучастие Венгрии в мероприятиях Гитлера, к которым он периодически склонял венгерское руководство, могло привести к сближению Рейха с историческим врагом Венгрии — Румынией, а также поставить под угрозу положение венгерской диаспоры в Словакии, Трансильвании, Югославии.

Действия адмирала носили отпечаток фатализма, вызванного геостратегическим положением страны вблизи от Рейха, не дававшим свободы маневра: «Я не представляю себе, как мы могли бы действовать иначе. Никто не станет отрицать, что в любом случае наш удел был бы один и тот же; поляки и чехи кончили так же, как венгры, румыны и болгары, вне зависимости от того, какую сторону они избрали в войне Гитлера»⁴¹. Тот факт, что Венгрия разместила у себя значительное число польских беженцев (при том, что впоследствии судьба многих из них сложилась трагически), дает, на наш взгляд, основания утверждать, что ее руководству в целом было не по пути с Гитлером.

Вместе с тем, нельзя отрицать, что, приняв участие в силовом переосмотре Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, венгерские правящие круги до определенной степени вошли во вкус.

Это, в частности, подтверждает и весьма активная по меркам того конфликта (хотя и практически бесполезная) помощь Финляндии во время войны с СССР, которая не была продиктована внешнеполитической необходимостью и к которой Венгрию никто не принуждал.

К.Г. Маннергейм, в частности, писал: «Венгрия, где адмирал Хорти проявил инициативу по формированию групп добровольцев, оказалась впереди всех: там записалось 25 000 человек. Однако венгерское правительство в связи с опасным положением страны посчитало возможным передать лишь 5 000 человек. Из них батальон хорошо подготовленных бойцов успел добраться до Финляндии, но не до фронта»⁴².

Особое место здесь занимает поведение Хорти во время оккупации Венгрии нацистами и при попытке выйти из войны в 1944 г., которая была

39 *Horthy M.* The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary. Гл. 14–16.

40 *Ibid.* Гл. 16.

41 *Ibid.*

42 *Маннергейм К.Г.* Мемуары. М, 1999. С. 298.

крайне неудачно подготовлена и привела к замене Хорти на Салаши.

По всей видимости, в случае с немецкой оккупацией следует доверять объяснению Хорти, гласящему, что он хотел уйти со своего поста в знак протеста против оккупации, однако не сделал этого, посчитав, что, оставаясь на своем посту и дальше, он сможет хоть в какой-то мере сдерживать немцев⁴³. Сопrotивления немцам не было оказано из-за нежелания спровоцировать насилие в отношении жителей страны.

Это же стремление, видимо, обусловило и весьма пассивное поведение Хорти в дальнейшем, в октябре 1944 г., когда после оглашения декларации о выходе Венгрии из войны не было принято эффективных мер для блокирования неизбежной реакции немцев и их сторонников. Тот факт, что на момент произнесения декларации приказы регента не достигли войск, показывает, что и здесь возобладали определенная небрежность и фатализм, поскольку едва ли Венгрия могла рассчитывать на длительное сопротивление немцам, даже если бы располагала ресурсами большими, чем имелись у нее на момент попытки выхода из войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение представляется необходимым отметить следующее. Приведенная выше специфика режима Хорти позволяет с уверенностью классифицировать его как авторитарный, если вспомнить критерии авторитарности, разработанные ведущими специалистами в этой области, Хуаном Линцем и Альфредом Степаном.

Эти авторы, в частности, отмечают, что авторитарные режимы — это: «...политические системы с ограниченным политическим плюрализмом... не имеющие тщательно проработанной и направляющей идеологии»⁴⁴. Авторитарные системы не предполагают заметной политической мобилизации, кроме отдельных случаев, когда это вызвано особой необходимостью, причем действия лидера или группы лиц, осуществляющих его функции, все равно остаются в пределах вполне предсказуемой парадигмы. Плюрализм в экономической сфере при авторитарном режиме весьма широк и часто просто развивает тенденции, заложенные в хозяйственном механизме еще до авторитарного правления. Как следует из приведенных аргументов, ни тотальная мобилизация, ни детально прописанная идеология утопического свойства, ни ликвидация всех разновидностей плюрализма режиму регента Хорти присущи не были.

Также следует высказать предположение о причинах неизбежного па-

43 *Horthy M.* The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary. Гл. 20.

44 *Linz J.J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consoldation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore; London, 1996. P. 38.

дения этого режима, заложенных в самой его политической философии. Система, созданная Хорти и его сторонниками, представляла собой своеобразную целостную триаду или пирамиду. В основании лежали баланс между внутривнутриполитическими силами и лавирование между узловыми центрами международной политики (как заявлял сам Хорти, «Маленькая страна, зажата во враждебном мире, вынуждена была искать дружбы со всеми ведущими державами»⁴⁵), которое стало особенно заметно проявляться с выходом на европейскую арену нацистской Германии, оформившейся в качестве противовеса либеральному Западу. До этого момента внешняя политика Венгрии отличалась невысокой активностью, да и балансирование не могло быть четко выраженным при отсутствии очевидных полюсов — их место занимали великие державы с расходящимися, но не противоположными интересами.

Венчало пирамиду и цементировало этот социально-политический конструкт стремление к ревизии Трианонского мира, составлявшее один из самых заметных источников легитимности режима Хорти и фактически дававшее ему санкцию на любое лавирование, если оно было только подчинено сверхзадаче восстановления территориальной целостности исторической Венгрии.

Все эти три компонента должны были находиться в строгом равновесии, однако ирредентистская установка имела скрытый потенциал приоритетности, поскольку без нее режим Хорти был немислим. От нее нельзя было отказаться, а невозможность отказа неизбежно вела к необходимости взаимодействия с новым региональным гегемоном — нацистской Германией, поскольку на это Венгрию толкало ее геополитическое положение.

С 1938 г. ирредентистской составляющей триады было уделено перво-степенное внимание, она стала центральным местом в деятельности Хорти и его сторонников. Это, в свою очередь, привело сначала к отказу от балансирования на международной арене (Запад не мог гарантировать ревизии Трианонского договора), а затем и крену в сторону более правых элементов во внутривнутриполитической жизни страны. В лице этих сил у хортистов появился троянский конь, которым Германия не замедлила воспользоваться, устроив захват власти салашистами, когда стала очевидной нелояльность Венгрии. Хортисты сами разрушили хрупкое равновесие, во многом не заметив этого, когда усилили один из компонентов триады (ирредентизм).

С другой стороны, едва ли Венгрия сумела бы сохранить нейтралитет в условиях общеевропейского конфликта, поэтому можно сделать вывод о том, что с коренным переустройством политической обстановки в Европе для хортистского режима в любом случае наступал момент бифуркации. Режим регента носил однозначно временный характер, и слом сложивше-

45 *Horthy M.* The Annotated Memoirs of Admiral Milklos Horthy, Regent of Hungary. Гл. 12.

гося после Первой мировой войны порядка неизбежно означал и начало обратного отсчета времени для хортизма, возникшего и существовавшего в его условиях.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ВЕНГРИИ ПАЛ ТЕЛЕКИ

Граф Пал Телеки родился в Будапеште 1 ноября 1879 г. Он происходил из старинного венгерского аристократического рода. Был крупным трапезничным землевладельцем. В годы учебы в университете увлекался географической наукой, и уже в 24-летнем возрасте ему присудили ученую степень доктора наук в этой области знаний. Тогда же стал практикантом на кафедре географии будапештского университета. В 1904 году он был избран начальником округа в комитате Сатмар.

В следующем году его избрали депутатом государственного собрания. Так он волей-неволей стал политическим деятелем. Срок этого цикла истек в 1910 году. В 1915—1918 гг. он вновь парламентарий от партии конституции.

И в эти годы П. Телеки не прекращал заниматься наукой. В 1909—1913 гг. он директор Венгерского географического института. В 1913 г. стал членом-корреспондентом Венгерской академии наук (в 1922 г. — действительным членом, а в 1925 г. — почетным академиком). Одновременно с 1910 по 1923 г. он был генеральным секретарем Венгерского географического общества, а затем — заместителем председателя.

В годы перед первой мировой войной П. Телеки много путешествовал в основном в научных целях. Побывал в ряде стран Европы, посетил США, Японию, Северную и Восточную Африку. Тогда за рубежом обратили внимание на активную деятельность, научные и политические взгляды венгерского графа. Особенно на его позицию в качестве председателя (с 1913 г.) Туранского общества, а позже (с 1916 г.) как одного из заместителей председателя Венгерского восточного культурного центра, который результаты своих научных исследований уже поставил на службу экономической экспансии на Балканы.

С 1914 г. он был главой Комитета объединений охраны здоровья расы, а с 1917 г. — Венгерского общества защиты здоровья расы и политики размещения населения. В 1917—1918 гг. Телеки был назначен начальником Всевенгерского управления попечения военных. Тогда окончательно кристаллизовались его крайне правые: расистские, шовинистические и националистические взгляды.

В 1918 г. он — председатель Лиги защиты территории (Великой Венгрии). Тогда, под конец первой мировой войны, Пал Телеки подключился к более активной политической жизни, частично жертвуя научной деятельностью или подчиняя ее своим политическим интересам. Так он перед самым распадом Австро-Венгерской монархии в составе довольно большой группы картографов изготовил этнографическую карту Венгрии. Она понадобилась сторонникам сохранения Великой Венгрии с целью удержа-

ния в ее составе угнетенных национальных меньшинств, стремившихся к самоопределению. Однако в дни революций их затеи не удались.

После победы буржуазно-демократической революции в Венгрии в октябре–ноябре 1918 г. и провозглашения Венгрии республикой П. Телеки эмигрировал в Швейцарию. Там оказалась и значительная часть венгерских парламентариев. К этому времени П. Телеки как приват-профессор в Швейцарии выступал не только с лекциями, пропитанными реваншистскими взглядами, но и начал свою контрреволюционную деятельность. Вскоре он перебрался в Вену (поближе к Венгрии), где другой венгерский граф — Иштван Бетлен в эмиграции создал Антибольшевистский комитет. Еще одна группа венгерских контрреволюционеров, оказавшаяся в оккупированном румынскими войсками городе Араде, 5 мая 1919 г. (в период Венгерской советской республики) образовала контрправительство под руководством графа Дюлы Каройи. Цели оккупантов и эмигрантов были различны. Вскоре венгерское контрправительство вынуждено было переехать в оккупированный французскими войсками г. Сегед. Там это правительство было реорганизовано. Премьер-министром стал Дежё Абрахам, а министром иностранных дел оставался присланный Венским антибольшевистским комитетом Пал Телеки. Он сохранял за собой этот пост до 12 августа. В этот период он сыграл значительную роль в создании контрреволюционного режима в Венгрии, выработке и обосновании его идеологии. Туда же из своего имения в Кендереше перебрался и Миклош Хорти. Он принялся за организацию вооруженных отрядов правительства. Французские оккупанты не признали это правительство, но оказывали ему поддержку.

Первоочередной задачей всех групп венгерской знати, покинувших страну в дни революций, было восстановление в Венгрии буржуазного экономического и общественно-политического строя, взятие власти и осуществление внешнеполитической переориентации с Востока на Антанту. Первая часть задачи была осуществлена общими усилиями правительств стран-победительниц и их сторонников внутри самой Венгрии путем правительственного переворота. Труднее оказалась проблема переориентации внешнеполитического курса. В первую очередь нужно было провести разрыв отношений с Советской Россией, установленных Венгерской советской республикой. Но выработка нового курса сопровождалась острой борьбой, связанной с неодинаковыми целями и устремлениями ведущих стран Антанты и США, а также противоречиями между группами, рвавшимися к власти внутри Венгрии.

В таких условиях Ж.Б. Клемансо стал открыто действовать в интересах французских правящих кругов, не считаясь с пожеланиями своих союзников по войне. В телеграмме Г. Романелли он настаивал на выполнении венгерским правительством условий перемирия от 13 ноября 1918 г.,

особенно той части его, которая касалась демобилизации армии¹.

И англо-американские конкуренты не дремали. 4 августа, через три дня после падения Венгерской советской республики, в резиденции бывшего военного атташе Великобритании в Австрии подполковника Томаса Канингхема состоялось совещание. Он информировал собравшихся о намерении отменить блокаду, если венгерское правительство будет «представительным» и признает перемирие от 13 ноября 1918 г. Он разъяснил, что Антанта не может считать таким правительством ни сегедское, ни только что установленное в Будапеште явно переходное «профсоюзное», и рекомендовал им пойти на компромисс: организовать новое правительство, которое сосредоточило бы все силы «на удалении румынских войск из страны»². Это было, прежде всего, в интересах Англии, добивавшейся ослабления влияния Франции в Средней Европе.

Каждая из соперничавших между собой великих западных держав стремилась обеспечить руководящую роль в создававшейся новой администрации той группировке венгерской знати, которая проявляла готовность ей служить. Франция оказалась ближе всего к цели и стремилась привести к власти «сегедское» правительство. К этому времени румынские войска вошли в Будапешт. Английские и итальянские эмиссары, прибывшие туда, потеряли веру в возможность создания кабинета с «пропорциональным участием классов» и стали поддерживать подготовку путча легитимистов во главе с крупным фабрикантом И. Фридрихом. В то же время Канингхем сообщал, что усилиями генерала Р. Гортонна были сделаны шаги с целью образования коалиционного правительства³. На собрании венгерских котрреволюционеров в Вене И. Бетлен поставил вопрос: образовать ли коалиционное правительство или свергнуть «профсоюзный» кабинет силой и «создать основы буржуазного, христианско-консервативного правления» — большинство присутствовавших высказалось за второй вариант⁴. Кроме того, сегедское контрправительство несколько раз заявляло о решимости не идти ни на какие компромиссы.

На его заседании 5 августа граф Пал Телеки обращал внимание на свободу действий, которую предоставило французское правительство сегедским котрреволюционерам, а Миклош Хорти информировал о плане наступления вдоль левого берега Дуная и в Задунайском крае. Он разъяснял, что «свобода действий» связана с решимостью французского правительства сделать все против усиления влияния Италии в Центральной

1 IET. I. k. EHRM. Bp., 1956. 108. old.; HL. MNH. Fővezérség. 1919. Ikt. n.; FR PPC. V. 7. P. 516.

2 Bóhm Vilmos, bécsi magyar követ jelentései a Peidl — kormányhoz és Agoston Péter külügyminiszterhez // Párttörténeti Közlemények. Bp., 1960. 4. sz., 197. old.

3 Neue Freie Presse (Morgenblatt). 5.VIII.1919.

4 *Kozma M.* Az összeomlás 1918–1919. Bp., (s.-a.) 370. old.

Европе⁵.

Созданная Францией и румынскими оккупационными властями обстановка благоприятствовала сегедским контрреволюционерам, и они попытались захватить власть в Венгрии. Представители Италии и Англии ясно видели цели Франции в отношении сегедского правительства и действовали оперативно. Они договорились с Йожефом Габсбургом, что последний провозгласит себя регентом и поручит И. Фридриху сформировать кабинет.

В конце августа П. Телеки составил отчет о внешнеполитической деятельности сегедского контрправительства. Это произошло уже после его самороспуска. Первая часть его отражала связи хортистов с французскими властями — маршалом Л. Франше д'Эспере, генералом Р. де Лоби, а также содержала материалы о поездке М. Хорти и П. Телеки 20 — 25 июня в Белград. Во второй половине июля П. Телеки направил памятные записки в адрес правительств стран Антанты с изложением политических и военных планов. В первые дни после свержения советской власти в Венгрии сегедские «министры» были в полном замешательстве.

Несмотря на то, что сегедское правительство было образовано и существовало по желанию Франции, из отношений, сложившихся между хортистами и французскими оккупантами в Сегеде, П. Телеки делал вывод, что Франция не решалась передать власть полностью в руки этого «правительства»⁶.

Между тем произошла смена власти в Будапеште. «Профсоюзное» правительство Д. Пейдла, выполнив свою переходную миссию, 6 августа уступило место буржуазному правительству Иштвана Фридриха. Последний был назначен его премьером (как было условлено с представителями Англии и Италии), а регентом Венгрии провозгласил себя Йожеф Габсбург. 10 августа П. Телеки установил контакт с будапештским правительством, упразднил министерство иностранных дел в Сегеде и убыл в Будапешт. Вскоре вслед за ним отправились и остальные «министры». 19 августа они провели заседание, на котором приняли решение об отставке сегедского правительства в пользу кабинета И. Фридриха⁷, который был создан помимо воли французских правящих кругов и не устраивал их. Он также вызывал тревогу и протесты соседних с Венгрией государств, которые видели в нем попытку восстановления власти Габсбургов. Йожеф Габсбург пытался спасти правительство путем его реорганизации. Но по требованию Ж. Б. Клемансо Йожеф Габсбург вынужден был 23 августа уйти в отставку.

Сторонники И. Бетлена и И. Фридриха готовы были сотрудничать с кем угодно, лишь бы получить возможность править страной. Однако они

5 Kirschner B. A «szakszervezeti kormány» hat napja 1919. Bp., 1968. 214–215. old.

6 OL. K–64. KÜM. 7. res. pol. 1919. 184–190. l.

7 Ibid. ME. biz., 1919. 117.

не смогли, даже при помощи румынских войск, выступавших в роли исполнителей воли Парижа, сосредоточить полностью власть в своих руках.

Одна из основных задач в деятельности правительства в то время заключалась в подготовке к мирным переговорам. Собирались материалы, которые помогли бы смягчить или вовсе отвести ответственность венгерских правящих кругов за развязывание и ведение войны⁸. Руководителем научного отдела канцелярии по подготовке мирного договора был назначен Пал Телеки. Еще значительная часть Венгрии была оккупирована румынскими войсками, а в штабе «главного командования» М. Хорти в Шиофоке уже разрабатывалась концепция внешней политики хортистов. В этой памятной записке отражены планы хортистов, направленные на восстановление «Великой Венгрии» путем войны против соседних государств⁹.

Влияние М. Хорти росло не только потому, что в его руках была армия, но и потому, что он пользовался поддержкой американских представителей в Венгрии. В результате борьбы английских правящих кругов против усиления влияния Франции в Центральной Европе американские представители получили возможность не только уравнивать с другими западными странами свой престиж в Венгрии, но и обеспечили себе ряд важных поручений от мирной конференции. Американский представитель Х.Х. Бандхолц всеми средствами поддерживал М. Хорти. Румынские войска были выведены из Будапешта 14 ноября, а через день туда вошли хортистские отряды. Бандхолц сообщал об этом событии в Париж как о большом успехе¹⁰.

17 ноября английский дипломат Д.Р. Клерк провел в Будапеште совещание с лидерами легальных партий и добился их согласия на устранение кабинета Фридриха и образование коалиционного «правительства концентрации». Договорились, что главой нового правительства станет Карой Хусар. Так и произошло. Антанта проявила готовность с новым правительством вести переговоры и заключить с ним мир. 23 ноября Клерк от имени Антанты признал его в письменной форме¹¹.

Новый кабинет способствовал усилению военной власти и установлению диктатуры хортистов. М. Хорти слыл преданным сторонником восстановления на венгерском троне Габсбургов, но втайне мечтал сам захватить власть главы государства. В этой ситуации 2 февраля 1920 г. председатель мирной конференции Э. Мильеран уведомил венгерское правитель-

8 Ibid. KÜM- Pol. Szent-Iványi Domokos. Csonkamagyarország külpolitikája. Kézirat gyanánt. 1. r. 22–23. l.

9 Hadtörténelmi Levéltár. MNHF. 1919. 1. KÜM. 2045.

10 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference 1919. Washington. 1946. V. 12. P. 722.

11 *Ránki G. A Clerk-misszió történetéhez // Történelmi Szemle. Bp., 1967. 2. sz. 156–187. old.; PIA. A. XXVII. 8/51.*

ство, что, по решению Совещания послов, великие державы «не признали бы и не потеряли бы» реставрацию династии Габсбургов на венгерском троне¹². 5 февраля этот документ обсуждался на заседании венгерского «правительства концентрации».

В феврале в основных партиях коалиции велась дискуссия: каким путем решить вопрос о главе государства. В партии христианского национального объединения доминировали легитимисты, а в ПМСХ — сторонники «свободного выбора короля». Наконец было решено избрать регента для временного выполнения функций главы государства. Вскоре палата представителей утвердила это решение.

1 марта 1920 г. Миклош Хорти явился в парламент в сопровождении «военного эскорта», был избран регентом и стал фактическим диктатором Венгрии на четверть века.

Новое правительство Хорти поручил сформировать адвокату Шандору Шимоньи-Шемадаму, заместителю председателя избранного незадолго до того Национального собрания. Оно начало свою деятельность 15 марта и, как и прежде, представляло интересы финансовой олигархии и земельных магнатов. Хорти потеснил легитимистов. Обязанности министра иностранных дел временно выполнял сам премьер.

19 апреля 1920 г. на этот пост был назначен член венгерской делегации, принимавшей участие в переговорах Парижской мирной конференции граф Пал Телеки. Будучи, как уже отмечалось, руководителем отдела правительственной канцелярии по подготовке мирного договора, 23 апреля 1920 г. он разработал для членов венгерской делегации подробные директивы. В обмен на уступки в экономической области венгерская сторона просила вооружить свою армию. А в области территориальных постановлений мирного договора — произвести изменения таким способом, чтобы вернулись к Венгрии пограничные территории с венгерским большинством населения (это было минимальное требование), а также Восточная Словакия, Закарпатская Украина, Бачка и Банат до канала Франца Иосифа¹³. Трансильванским венграм и немцам он предлагал предоставить автономию в составе Румынии.

С начала 1920 года внешнеполитическая деятельность венгерского правительства свелась к подготовке вторжения в Словакию, участию в военной интервенции против Советской России и обеспечению себе поддержки со стороны Франции на мирных переговорах. С этой целью венгерская сторона завязала контакты с французской группой капиталистов Шнайдер — Крезю, чтобы договориться о сдаче в аренду сроком на 90 лет

12 Az ellenforradalom hatalomrajútása és rémuralma Magyarországon 1919–1921. Bp., 1956. 1. k. 217–218. old.

13 *Juhász G.* Magyarország külpolitikája 1919/1945. Második átdolgozott kiadás. Bp., 1975. 62–63. old.

венгерских железных дорог и всех частных железнодорожных линий, находившихся в ведении государства, а также шахт, снабжавших углем железные дороги. Кроме того, французские монополии хотели приобрести государственные машиностроительные заводы в Будапеште и Диошдьёре, большую долю Кредитного банка и право на строительство торгового порта на Чепеле. Переговоры велись в Париже с весны 1920 года конфиденциально.

Став министром иностранных дел, П. Телеки 23 апреля составил инструкцию для венгерских участников переговоров с министром иностранных дел Франции М.-Ж. Палеологом. Он рекомендовал им проявлять большую осторожность, поскольку Франция в ближайшее время, по его мнению, окажется в изоляции. Кроме того, профранцузская ориентация могла бы противопоставить Венгрии Германии и Италии, а для восстановления «Великой Венгрии» она нуждается в поддержке Германии против Чехословакии и в поддержке Италии против КСХС.

В то же время П. Телеки считал, что Франция тогда являлась самым сильным государством в Европе. И упущение возможности сближения с ней нельзя было бы оправдать опасностями, которые могут возникнуть в будущем. Он полагал, что «в настоящий момент для нас имеет большое значение заверение Франции в добрых намерениях».

31 мая П. Телеки направил венгерской делегации в Париж новые инструкции, указывая в них, что, предоставляя Франции привилегии, «венгерская нация приносит большие жертвы, с которыми парламент может согласиться только в том случае, если страна получит соответствующую компенсацию. В первую очередь имеются в виду территориальные приобретения»¹⁴.

Переговоры затянулись. А между тем 4 июня 1920 г. в Париже с Венгрией был подписан мирный договор, получивший наименование Трианонский.

20 июня секретарь английской миссии в Будапеште У. Ательстон-Джонсон посетил П. Телеки и зачитал ему письмо своего министра иностранных дел лорда Д. Н. Керзона, в котором заявлялось, что соглашения Венгрии с Францией совершенно не приемлемы, так как они противоречат мирному договору. И к тому же французские обещания не соответствуют намерениям французского правительства¹⁵.

Таким образом, действия великих держав Запада были направлены против попыток Франции установить гегемонию в Центральной Европе. Ибо если бы ей удалось осуществить выше упоминавшиеся задуманные планы, она установила бы контроль не только над промышленностью и торговлей Венгрии, но и над транспортным сообщением на суше и на Ду-

14 ИДА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 3. Л. 13; ОЛ. К-64. 1920. 133. res. pol. 121–126. 1.

15 Там же.

нае, что обострило бы борьбу со стороны партнеров Франции по войне. Французские правящие круги надеялись одержать победу, поставив своих конкурентов перед свершившимся фактом.

19 июля регент Миклош Хорти назначил графа Пала Телеки премьер-министром (до 22 сентября он одновременно оставался и министром иностранных дел). В первом своем выступлении в этом качестве Телеки остановился на «историческом призвании Венгрии». В нем он наметил противостояние Востоку, то есть Советской России, и ориентацию на Запад. Новый премьер-министр объявил о планах территориальной ревизии постановлений Трианонского мирного договора, полагая, что ждать этого долго не придется. (В то же время 13 ноября 1920 г. П. Телеки провел ратификацию Трианонского мирного договора венгерским парламентом). В качестве первоочередных задач своего правительства Телеки наметил расширение прав регента, принятие законов нумерус клавзус и о применении палочного наказания за определенные преступления¹⁶. Он также выступил против бесчинств особых отрядов и одновременно узаконил белый террор. Поддержал начинания ограниченной аграрной реформы Надьатади-Сабо. На посту премьера он пробыл недолго. После первой попытки Карла IV Габсбурга вернуть себе Венгерский трон Телеки за связь с ним вынужден был в 1921 г. уступить место графу Иштвану Бетлену, который возглавлял правительство в 20-е гг. После отставки Телеки кроме заведующего кафедрой в университете управлял канцелярией по делам венгерских беженцев из соседних стран, где получил возможность установить контакт с явными и тайными ревизионистскими организациями, работавшими в пользу ревизии Трианонского договора.

Кроме того, он был председателем Национальной христианской лиги и Союза общественных объединений. В 1922–1923 гг. был Главным скаутом Венгрии. В 1920–1921 г. являлся депутатом палаты представителей Национального, а в 1922–1926 гг. Государственного собрания Венгрии в качестве беспартийного. В 1926 г. вступил в правящую партию. С 1927 по 1938 г. был членом Верхней палаты парламента, а затем опять стал депутатом палаты представителей, отстаивая интересы крупных венгерских землевладельцев, потерпевших урон вследствие изъятия их имений при проведении аграрных реформ в Чехословакии, Румынии и Югославии.

С провалом аферы по подделке франков на государственном уровне (в которой Телеки принимал участие) он оказался скомпрометированным и на долгое время отошел от открытой политической деятельности, но не прекращал борьбы за осуществление территориальной ревизии. Он был назначен правительственным комиссаром по контролю национальной пропаганды. В 1926 г. Телеки открыл Институт государственно-правовых знаний, а затем Социологический институт, задачей которого стало «на-

16 *Juhász G.* A Teleki–kormány külpolitikája 1939–1941. Bp., 1964. 18–19. old.

учно» обосновать территориальную ревизию. В 1927 г. основал Венгерскую ревизионистскую лигу. Тогда он часто выезжал за рубеж с докладами, пропагандируя ревизионистские взгляды и устанавливая контакты со своими сторонниками. В одну из таких поездок в Германию в 1928 году он нанес визит Гитлеру. Телеки рассчитывал на «динамизм» Германии и надеялся, что она разрушит статус-кво в Европе, созданный Версальской системой, и при ее помощи Венгрия достигнет пересмотра Трианонского мирного договора. После прихода в 1933 г. к власти в Германии Гитлера ревизия Версальского мирного договора стала открытой провозглашенной целью большого европейского государства. Телеки стал поддерживать политику премьер-министра Дюлы Гёмбёша и занял позицию внешнеполитической ориентации на гитлеровскую Германию. В то же время он побаивался ее чрезмерного усиления.

Граф Пал Телеки прилагал усилия для собирания сторонников идеи пересмотра постановлений Трианонского мирного договора за рубежом не только в ходе своих поездок в разные страны, но и на международных конференциях, которые он проводил с этой целью в Венгрии, а также в беседах с видными зарубежными деятелями, приглашенными им в гости. Кроме того, он пытался воспитать молодое поколение Венгрии в этом духе. С этой целью уже с 1920 г. он стал куратором колледжа им. Ётвёша, в 1932–1936 гг. Телеки возглавлял стипендиальный совет, в 1936–1937 гг. — был председателем совета общего образования, а с 1936 г. главой Кураториума зарубежных коллегиумов Хунгарikum. Таким образом, он получал возможность оказывать влияние на создание элитной интеллигенции, нужной хортистскому режиму.

П. Телеки активно участвовал в работе Международного комитета духовного сотрудничества, в котором с 1937 г. состоял в качестве официального представителя Венгрии. С 1931 по 1938 г. он был председателем редколлегии *Nouvelle Revue de Hongrie*.

В 1938 г. граф Пал Телеки вернулся к активной политической деятельности. С 14 мая он министр культов и просвещения в правительстве Бели Имреди. На этом посту он намеревался осуществить всеобъемлющее «воспитание нации» на основе собственной идеологии контрреволюционного режима Венгрии. Осенью того же года он возглавлял венгерскую делегацию на переговорах с чехословацкой в Комарно и присутствовал на первом Венском арбитраже, где было положено начало «приращения страны», то есть ревизии Трианонского мирного договора в пользу Венгрии за счет Словакии и Закарпатской Украины. Осенью 1938 г. в дни политического кризиса Телеки выступил в защиту традиционных методов правления, охраняя правительство от оппозиции.

16 февраля 1939 г. регент Хорти второй раз назначил графа Пала Телеки премьер-министром. При нем Венгрия присоединилась к антикомин-

терновскому пакту и вышла из Лиги наций. Но он намеревался больше опираться на римский конец оси, а из соседних стран выделял Польшу, особо заботясь об укреплении венгеро-польской дружбы. Тем не менее, развитие политической ситуации в Европе в апреле — мае 1939 г. привело Польшу и Венгрию в два противостоявших друг другу лагеря.

Главным идеологическим оружием хортистов, с помощью которого они надеялись удержаться у власти, были дальнейшая проповедь реваншизма, ревизии трианонских границ, рекламирование программы создания Великой Венгрии.

Германия частично поддерживала венгерские реваншистские устремления, требуя взамен от хортистов всевозможных уступок, означавших постепенное экономическое и политическое закабаление Венгрии. Так, в 1939 г. венгерское правительство согласилось на неравноправный договор, по которому обязалось вывозить в Германию на безвалютной клиринговой основе сельскохозяйственные продукты¹⁷. Эти поставки продолжались в течение всей Второй мировой войны.

Закарпатская Украина, как известно, была аннексирована Венгрией с благосклонного согласия Гитлера. Иначе обстояло дело с притязаниями хортистов на захват Словакии. Нацистское правительство Германии намерено было приберечь Словакию для себя как плацдарм для нападения на Польшу. Одновременно руководство Германии и Италии дало понять представителям венгерского правительства, что в недалеком будущем намечается захват и расчленение Югославии, если она не будет поддерживать их политику. Участие же Венгрии в этом акте агрессии открывало перед ней перспективу на определенные территориальные «приобретения»¹⁸.

Кроме того, новый венгерский премьер-министр П. Телеки, будучи сторонником балансирования между германо-итальянским блоком, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, считал, что Венгрия должна осуществлять захваты прежде всего в тех странах, которые, хотя и являются жертвами германской и итальянской агрессии, но в их территориальной целостности «не заинтересованы» западные державы, в особенности Англия. Такой страной была Чехо-Словакия. Телеки и его сторонники из правящей Венгерской партии жизни не церемонились при захвате Закарпатской Украины и усиленно добивались присоединения словацкой территории или (после вхождения германских войск в западные ее части) хотя бы Восточной Словакии.

Между тем события продолжали развиваться в нежелательном для сторонников Телеки направлении. Уничтожив чехословацкое государство, гитлеровская Германия начала конкретную подготовку к захвату Польши. Гитлеровцы требовали, чтобы в этой военной акции Венгрия

17 OL. K-63. 1939. 21/7. 695. 299. 1.

18 Ibid. K-64. 1939. 23. 426. 1—16. 1.

была на стороне Германии. Для начала Венгрия должна была пропустить германские войска в Галицию. Это требование поставило перед венгерским правительством вопрос об окончательном выборе пути: либо полностью порвать политические связи с Англией и другими демократическими государствами Запада, которыми П. Телеки весьма дорожил, либо отказаться от пропуска немецких войск через венгерскую территорию против Польши.

Причем при обосновании «Операции Вайс» Гитлер исходил из того, что «усиление внутреннего кризиса во Франции и вытекавшая отсюда сдержанность Англии» позволяют в ближайшее время осуществить этот план. Гитлеровцы полагали, что при осуществлении данной операции «можно наверняка рассчитывать, что Венгрия в качестве союзника будет на стороне Германии. Позиция Италии определяется осью Берлин-Рим»¹⁹.

В распоряжении венгерского правительства имелись документы, свидетельствовавшие о том, что Германия будет настаивать на участии Венгрии в войне против Польши. 21 апреля 1939 г. венгерский посланник в Берлине Дёме Стояни, после беседы с Гитлером, сообщил в Будапешт, что Венгрия может рассчитывать на удовлетворение своих требований при условии, если она безоговорочно займет позицию на стороне держав оси²⁰. Правительство графа Пала Телеки очутилось перед сложной дилеммой. Мысль об участии в войне против Польши, с которой Венгрию связывали узы традиционной дружбы, была крайне непопулярной в стране. Кроме того, Польша оказывала поддержку Венгрии при захвате Закарпатской Украины, поэтому сотрудничество с Германией в войне против Польши было затруднительно для венгерского правительства.

В то же время некоторая часть правящих кругов Венгрии, реалистически смотревшая на события, не могла не одавать себе отчета в том, что после создания прогерманской Словакии, в которой находились немецкие войска, Венгрия была окружена фашистской Германией. Чье военное, политическое и экономическое давление на Венгрию все более усиливалось и грозило полной потерей независимости страны.

Но осознание опасности со стороны Третьего рейха в то время не привело к решительным переменам. Странники премьер-министра Телеки не могли найти подходящего выхода из создавшегося положения. Все, на что решилось правительство П. Телеки, это опереться на римский конец оси, на фашистскую Италию, руководство которой тоже опасалось чрезмерного усиления своего союзника.

Как упоминалось выше, для достижения своих ревизионистских целей Венгрия присоединилась к антикоминтерновскому пакту и вышла из Лиги наций. А для упрочения своего положения внутри оси она надеялась

19 В и ВМВ. С. 170.

20 Там же. С. 171.

на поддержку Италии.

11 апреля министр иностранных дел Чаки поручил посланнику Виллани сообщить министру иностранных дел Италии Чиано: для выхода из Лиги наций он избрал момент, не сопряженный с риском и вместе с тем являющийся «решительной поддержкой оси, когда она подвергается серьезным нападениям с многих сторон»²¹.

С 18 по 21 апреля премьер-министр Венгрии П. Телеки и министр иностранных дел И. Чаки посетили Рим с официальным визитом и вели переговоры с Б. Муссолини и Г. Чиано «в духе полного взаимопонимания». Чаки и Телеки благодарили итальянское правительство за поддержку Венгрии в ее территориальных претензиях к Чехо-Словакии, за бескорыстную помощь Рима.

В докладе Чаки подчеркивал: Венгрия, как в прошлом, так и в будущем будет верно поддерживать политику оси. «Несомненно, — продолжал он, — симпатия венгерских масс скорее склоняется к Риму, но стремление правительства будет направлено к одинаковой поддержке добрых отношений с Римом и Берлином», дабы в Берлине не возникли недоразумения. Чаки высказывал опасения, что «Венгрия может косвенно или непосредственно пострадать от динамической силы Германии». Муссолини, как обычно, старался успокоить своих собеседников, уверяя их в том, что «хотя он, безусловно, сторонник политики оси и будет во всем следовать за Германией, даже в случае военного конфликта, однако заявляет, что всякое германское насилие по отношению к Венгрии означало бы конец политики оси со всеми его дипломатическими последствиями»²².

Чаки направил шифрограммы во все зарубежные миссии Венгрии с информацией о своем с Телеки визите в Рим 22 апреля. Самое для себя главное в беседах с Муссолини и Чиано он выразил одной фразой: «Мы установили, что венгерские политические цели полностью совпадают с мирными устремлениями оси, которые направлены к тому, чтобы сильная Венгрия могла более обстоятельно выполнять руководящую роль в Дунайском бассейне»²³.

Как известно, прежде Италия стремилась к дружбе с Польшей, даже шла речь о возможном образовании оси Рим — Белград — Будапешт — Варшава. На этот раз Чаки в Риме наблюдал ухудшение отношения к Польше. Муссолини высказывал мнение, что до германо-польской войны дело не дойдет, а если она и начнется, то останется локальной. В таком случае немцы молниеносно захватят Польшу²⁴.

Развивавшийся весной и летом 1939 г. польско-германский кризис,

21 DIMK. IV. k. 160. old.

22 OL. K-64. 1939. 23. 426. 1—2. 1.

23 DIMK. IV. k. 189. old.

24 Ibid.

грозивший превратиться в мировую войну, поставил венгерское правительство в очень затруднительное положение. Уже заранее было ясно, что в случае германо-польского конфликта Гитлер может потребовать пропуска германских войск через недавно созданную польско-венгерскую границу. Пропуск гитлеровских войск явился бы не только тяжелым моральным поражением хортистской Венгрии, находившейся в дружественных отношениях с Польшей, но грозил бы и объявлением войны Венгрии со стороны Англии и Франции. Кроме того, зная вероломство гитлеровской Германии, нельзя было быть уверенным в том, что если немецкие войска вступят на территорию Венгрии, то не оккупируют страну окончательно.

В этой ситуации венгерское правительство решило отказать в возможной просьбе германского правительства. Разумеется, венгры самостоятельно не решились бы на такой шаг, если бы не рассчитывали на помощь Италии, которая стремилась сохранить Венгрию в орбите своего собственного влияния. Ведь Италия, как заявляли венгерские политики, в Центральной и Восточной Европе не собиралась «сдавать занятые там позиции»²⁵.

Между тем продолжалась подготовка поездки Телеки и Чаки в Берлин. В это время германо-венгерские отношения нельзя было считать абсолютно безоблачными. Германии не нравилась польско-венгерская дружба. 26 апреля Д. Стояи в своем донесении министру иностранных дел сообщал о доброжелательном к Венгрии настроении в Берлине. Но, несмотря на это, «в некоторых немецких кругах» от венгерского визита не ждут больших результатов, ибо считают, что венгры остаются неблагодарными и коварными. В связи с этим он упоминал соглашение с Малой Антантой в Блде в 1938 г. и позицию тогдашнего министра иностранных дел К. Кани, склонного к компромиссу с соседними странами²⁶.

В связи со сложившимся положением министр иностранных дел Чаки 27 апреля направил венгерскому посланнику в Риме Ф. Виллани, поручение сообщить Чиано: Все признаки свидетельствуют о том, что Германия в недалеком будущем, может быть, применит силу по отношению к Польше. Из многих сообщений можно сделать вывод, что «теперь в Берлине спросят нас, какую позицию мы зайдем в случае германо-польского вооруженного конфликта». Чаки собирался ответить так: будучи верны политике оси, мы, естественно, встанем на сторону германской империи, как бы мучительно это ни было в свете народных симпатий к Польше, «но мы не склонны ни прямо, ни опосредствованно принимать участие в нападении на Польшу». Под «опосредствованным» участием Чаки понимал «такую форму нападения», при которой потребуют пропуска через венгерскую территорию германских войск в пешем порядке, на подвижных

25 OL. K-64. 1939. 21/27. 2909 (2901). 1–3. 1.

26 OL. K-64. 1939. 433. 1–3. 1.

средствах или по железной дороге. Он сообщал, что такие требования будут отклонены. Нейтральной Венгрия все же не останется, одновременно с мобилизацией Германии и она объявит всеобщую мобилизацию. «Следовательно, непосредственно против поляков мы воевать не будем, ибо с внутренней точки зрения это было бы полностью невозможно, кроме того, и наше моральное убеждение подсказывает нам это». Далее Чаки отмечал, что и немцы, по его мнению, не смогут упрекнуть Венгрию за отказ выступить на их стороне. Может быть, таким образом, рассуждал он, Венгрия сможет избежать конфликта или затаенной злобы и вражды со стороны рейха в случае объявления Венгрией строгого нейтралитета. Это также лишит германскую империю возможности потихоньку прибрать к своим рукам все в Венгрии при проходе войск через ее территорию так же, как это произошло в Чехо-Словакии²⁷.

Содержание письма Чаки, рассчитанного на информирование не только Чиано и Муссолини, но и германских руководителей, свидетельствует о том, насколько тревожной была ситуация в Венгрии в связи с возможной германо-польской войной и предположением, что Германия может потребовать пропуска немецких войск через венгерскую территорию для ведения войны против Польши.

Чаки в качестве приложения к указанному письму Чиано направил и конспект соображений, которые он намеревался высказать Гитлеру в ходе предстоящей встречи. Анализируя отношения Венгрии с соседними странами, министр иностранных дел подчеркнул, что она имеет твердые намерения осуществить «свои национальные идеалы» в рамках политических целей держав оси. В этом конспекте подчеркивалось, что непоколебимой основой венгерской политической концепции является германо-итальянская дружба, а «для последовательного осуществления этой концепции и во избежание каких-либо недоразумений необходимо располагать полным доверием, как со стороны Берлина, так и со стороны Рима»²⁸.

Муссолини в ответ на эти послания Чаки 1 мая 1939 г. изложил венгерскому военному атташе в Риме полковнику Ласло Сабо тактику, которой должен придерживаться Будапешт. Эта тактика состояла в следующем: если война ограничится конфликтом между Германией и Польшей, то просьба о проходе германских войск должна быть отклонена. В этом случае Италия, защищая Венгрию, готова будет пойти на все, вплоть до разрыва с Германией, то есть Италия и Венгрия заявят о своем нейтралитете.

Если война расширится, Италия примет в ней участие на стороне Германии; тогда и венгерское правительство должно активно поддержать

27 DIMK. IV. k. 200–201. old.; В и ВМВ. С. 171–173.

28 В и ВМВ. С. 173.

страны оси и удовлетворить пожелания немцев²⁹.

Это означало для Венгрии нежелательную перспективу войны с Англией и Францией, чего П. Телеки особенно опасался. Венгеро-германские переговоры на высшем уровне состоялись 29 апреля — 2 мая 1939 г. в Германии. Премьер-министр П. Телеки и министр иностранных дел И. Чаки вели переговоры с А. Гитлером, И. Риббентропом, Г. Гёрингом и Р. Гессом. Как отмечал дипломат Д. Сент-Ивани, визит проходил в довольно дружеской обстановке, но не в такой сердечной, как в Риме. Тогда уже было несомненным, что Германия готова была применить по отношению к Польше военную силу. Обмен мнениями начался на следующий день после выступления Гитлера в рейхстаге, где он прямо заявил о недействительности англо-германского военно-морского соглашения, заключенного в 1935 г., аннулировал польско-германское заявление от 26 января 1934 г. о политических связях и в грубой форме отверг предложение президента США Ф.Рузвельта о предоставлении гарантий безопасности десяткам стран Европы, Ближнего Востока и Африки. В циркуляре венгерским посланникам за рубежом Чаки отметил, что целью визита в Берлин был взаимный обмен мнениями, однако преимущественно только немецкие государственные деятели излагали свою точку зрения на положение отдельных стран и их связи с Германией. Министр писал о своем впечатлении, согласно которому немецкая сторона была полностью информирована о намерениях Венгрии из донесений германского посольства в Будапеште. От венгерской делегации просили только дополнительных пояснений. «От нас не желали ничего, только по возможности улучшить отношения с Югославией и попытаться нормализовать связи с Румынией», для достижения чего достаточно было бы заключить договор о меньшинствах³⁰.

Э. Вайцеккер, статс-секретарь министерства иностранных дел Германии, в телеграмме в германские миссии за рубежом 4 мая 1939 г. сообщал: визит венгерских государственных деятелей в Берлин вновь подтвердил сердечную дружбу между двумя странами и желание углубить полное доверия сотрудничество, опираясь на ось. В ходе переговоров венгерская делегация заявила, что в случае европейского конфликта Венгрия будет на стороне держав оси.

При первой встрече с Телеки и Чаки 29 апреля Риббентроп прочитал лекцию венгерским гостям, точнее сделал обзор общей политической обстановки, в которой попытался изобразить Германию противницей войны, поборницей справедливого и длительного мира, столь необходимого как Германии, так и Венгрии для «освоения», «наведения порядка» на уже захваченных землях.

В начале мая 1939 г. руководство Германии было заинтересовано в

29 Там же. С. 173–175.

30 Ibid. 218–219. old.

сохранении мира, спокойствия на юго-востоке Европы. В так называемом Зюд-Остраум, который Риббентроп в беседе с венгерской делегацией объявил германской «сферой интересов». Он также заметил, что министры иностранных дел Румынии и Югославии заявили ему: их страны «никогда не включатся в комбинации, направленные против антикоминтерновских держав»³¹, что, считал он, было бы безумием, учитывая соотношение сил.

Смысл пожеланий, высказанных Риббентропом в двух беседах с Телеки и Чаки (вторая состоялась 1 мая), сводился к тому, что если возникнет война между странами оси и западными демократиями, правительство Телеки должно решительно принять сторону Германии и Италии. Оно налаживает отношения с Румынией и устанавливает дружественные связи с Югославией, и если возникнет необходимость, заключает с ней соглашение о ненападении.

Риббентроп, конечно, не упустил случая, чтобы напомнить венгерским государственным деятелям о необходимости предоставления широких прав немецкому национальному меньшинству в Венгрии, создания их национальных организаций, выделения мест их представителям в государственном собрании.

Переговоры с Гитлером представляли собой как всегда монолог фюрера. Он начал с заявления, что Германия и Венгрия в этом году на шаг «приблизились к блаженству» причем без большого кризиса (подразумеваемая ликвидацию ЧСР). Имеются определенные жизненные потребности, продолжал он, которые нация обязана обеспечить себе, и если этого нельзя достичь политическими средствами, то тогда «слово остается за мечом». Гитлер в своем выступлении уделил место и Польше, высказывал надежду на ее «прозрение». Нет ничего неизменного, и отношения с Польшей так или иначе нужно упорядочить. Фюрер полагал, что затеянная им военная авантюра касается и венгров, ибо она затрагивает не только Италию и Германию, но и всю Среднюю Европу. Телеки выразил радость по поводу совпадения взглядов и сказал, что доволен поведением Югославии. Гитлер призывал собеседников сосредоточиться на одном, тогда можно будет достичь всего. Наконец, он высказал пожелание, чтобы Германия и Венгрия оставались хорошими друзьями³².

Запись переговоров свидетельствует о том, что в это время Германия фактически окончательно решила разгромить и уничтожить Польшу военным путем. Вокруг этого визита венгерского премьера и министра иностранных дел в Германию в фашистской прессе было поднято много шума. Германия стремилась показать всему миру, что в случае очередной агрессии Германии Венгрия будет раболепно следовать политике оси Берлин-Рим.

31 W és M. 392. old.

32 Ibid. 380–385. old.

Да и сам Телеки, сторонник тактики «балансирования», в интервью Венгерскому телеграфному агентству, в речах, которые он произносил на вокзалах, и тостах на банкетах в честь венгерской делегации в дни визита восхвалял заслуги Гитлера в территориальных приобретениях Венгрии, заверял в верности Венгрии политике оси Берлин-Рим, стремящейся к «справедливому миру». Он призывал еще больше крепить дружбу с германской империей и фашистской Италией. Телеки считал важным, кроме прочего, продолжать линию своих предшественников, начиная с Д. Гёмбёша, в установлении тесных личных контактов с руководителями Третьего рейха. В газете «*Magyarság*» была опубликована статья «Дружба Будапешта и Берлина укрепляется на основе, заложенной Дюлой Гёмбёшем». В ней подчеркивалось, что тучи, появившиеся на горизонте этой дружбы, давно исчезли. Польские, французские и английские газеты уделяли большое внимание визиту Телеки и Чаки в Германию и в своих комментариях сходились в том, что Венгрия подчинилась политике стран оси³³.

Для Венгрии основной проблемой оставались отношения со странами оси. После подписания 22 мая в Берлине Чиано и Риббентропом военного соглашения между Италией и Германией и начала переговоров представителей этих двух стран о более тесном экономическом сотрудничестве венгерское правительство Телеки пыталось, с одной стороны, выяснить военные цели Германии и Италии. А с другой — согласовать с Римом военную и экономическую политику и избежать в случае возникновения войны оккупации Венгрии Германией, которая таким путем захотела бы прибрать к рукам ее экономические ресурсы. С этой целью в Берлин венгерскому посланнику Д. Стояи было направлено предложение для передачи германскому МИДУ об упорядочении хозяйственно-военных вопросов. Одновременно ему поручалось выяснить позицию Германии на случай возможного венгеро-румынского конфликта.

Венгерское правительство считало необходимым в этой тревожной обстановке как можно скорее уточнить вопросы военно-экономических отношений. Венгрия хотела все это знать заранее, подготовить свое национальное хозяйство к войне, знать, какое место отведено в военно-хозяйственных планах Германии использованию венгерского сырья, полуфабрикатов и др., чтобы она могла выполнять пожелания Германии и Италии. Причем венгерское правительство хотело просчитать все варианты: будет вовлечено в войну одно из государств оси или все вместе, потребуют или нет участия Венгрии. Для этого Венгрия считала целесообразным создание военной комиссии трех государств — Германии, Италии и Венгрии³⁴.

На совещании у Кейтеля 30 июня обсуждались предложения венгерской стороны, и его участники пришли к единодушному решению не

33 *Kurier Polski*; *Le Temps*. 2.V.1939.

34 *Wés M.* 402–404. old.

привлекать венгров в итало-германские переговоры, а вступить с ними в контакт позже³⁵.

9 июля Вайцзеккер оставил в МИДе Германии запись, согласно которой Риббентроп позитивно отнесся к общим венгеро-германским подготовительным работам в области военного хозяйства. Венгрии он предлагал ответить, что Германия свяжется с ней по этому вопросу. Он, Вайцзеккер, о венгерских предложениях упомянул только итальянскому послу Бернардо Аттолико, сообщив, что Германия не хочет принимать Венгрию в качестве третьего в германо-итальянскую комиссию, но об этом нужно будет информировать германского посла в Риме Ганса Маккензена и дать письменный ответ венгерскому посланнику в Берлине³⁶.

Как свидетельствуют архивные документы МИДа Венгрии, внешнеполитическое ведомство, как и правительство, было весьма озабочено тем, не придется ли Будапешту присоединиться к военному союзу, заключенному между Римом и Берлином. Одни документы свидетельствуют о радужных надеждах, другие — о немалых опасениях, связанных с возможными последствиями такого шага.

Германское правительство через своего посланника в Будапеште запрашивало венгерскую сторону, почему Венгрия открыто не выступает против Польши. В ответе, переданном в МИД Германии через Стояи, сообщалось, что после визита Телеки и Чаки в Берлин отношения между Польшей и Венгрией не изменились. «Венгрия не хочет брать на себя никакие обязательства против Польши и не желает углублять венгеро-польские связи».

По поводу более тесного сотрудничества со странами оси Венгрия вела переговоры и с итальянской стороной, периодически заявляя о верности и преданности оси. Чиано склонялся к тому, чтобы включить Венгрию в уже существовавшую итало-германскую постоянную экономическую комиссию³⁷.

17 июля 1939 г. венгерский военный атташе в Риме Л. Сабо доносил в Будапешт о беседе с Б. Муссолини. Дуче передал через него венгерскому премьер-министру П. Телеки и министру иностранных дел И. Чаки следующее послание: «Во всеобщей войне Венгрия не сможет остаться нейтральной». А для того, чтобы руководители двух **армий (венгерской и итальянской)** уже сейчас, в условиях мира, могли обсуждать конкретные военные вопросы так, как будто бы уже был заключен военный союз, нужно письменное заявление, сформулированное следующим образом: «В случае, когда страны оси окажутся в состоянии общей войны с группой демо-

35 Ibid. 407. old.

36 Ibid.

37 OL. K-64. 1939. 575. 1–2. 1.

кратических государств, Венгрия будет следовать политике стран оси»³⁸.

Учитывая эту позицию Муссолини и Чиано, Чаки информировал венгерских посланников в Берлине и Риме: «Руководствуясь намерением и далее развить венгеро-германо-итальянское сотрудничество, венгерское королевское правительство решило, что господин премьер-министр направит по этому поводу письма Муссолини и Гитлеру...»³⁹.

Премьер-министр П. Телеки с согласия регента Хорти специальным курьером направил по два письма Гитлеру и Муссолини. 24 июля венгерские посланники в Берлине и Риме передали их по назначению. В них венгерский премьер-министр сообщал Гитлеру и Муссолини свое и правительства мнение по отношению к державам оси Рим—Берлин и Польше в случае возникновения войны. В первом письме говорилось: «Руководствуясь глубочайшей верой в моральные и материальные силы оси Берлин-Рим, я имею честь заявить от имени венгерского королевского правительства, что в случае всеобщего конфликта Венгрия будет согласовывать свою политику с политикой оси, как, впрочем, мы уже не раз на деле доказали это».

Далее Телеки писал, что не подлежит никакому сомнению, что приспособление к этой политике не должно нанести ущерб венгерскому суверенитету, который воплощен в венгерских конституционных законах, и создать препятствия для осуществления венгерских национальных целей. Но для того, **чтобы быть в состоянии действительно адаптировать венгерскую политику к германской**, Телеки предложил создать орган, который обсуждал бы проблемы, связанные с сотрудничеством трех держав: Германии, Италии и Венгрии⁴⁰. Во втором письме, написанном в тот же день (во избежание ложного толкования первого письма), П. Телеки заявлял, что Венгрия, если не произойдет серьезного изменения нынешних обстоятельств, не в состоянии, по соображениям морального порядка, начать военные действия против Польши⁴¹.

Чиано обратил внимание на письма Телеки только на следующий день. Когда итальянский посол в Берлине Б. Аттолико сообщил ему, что германское правительство возмущено содержанием послания Телеки и считает его «подлым решением»⁴². Чиано тут же заявил венгерскому посланнику в Риме Виллани, что «вчерашний поступок венгров оказал плохое влияние на дуче и на немцев», и выразил свой протест.

В связи с этим было послано приглашение Чаки приехать в Германию в подходящее для него время с 4 по 8 августа 1939 г.⁴³ Чаки прибыл в

38 Ibid. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 272. I.

39 Ibid. 273. I.

40 В и ВМВ. С. 177—178.

41 Там же. С. 178.

42 The Ciano Diaries. P. 113, 114.

43 ADD. 73. Büro des Staatssekretärs. Ungarn. Bd. 4. S. 51, 962—963.

Германию для переговоров с Риббентропом в сопровождении сотрудника МИДа Венгрии Элемера Уйпетери. Беседа двух министров состоялась с глазу на глаз в Фушле (около Зальцбурга) 8 августа 1939 г. Риббентроп тут же перешел к письмам, написанным Телеки и переданным Гитлеру 24 июля. Он заявил, что эти письма весьма обескуражили фюрера, и у него сложилось впечатление: Венгрия, став жертвой определенных интриг зарубежных стран, отдаляется от оси. Министр иностранных дел Третьего рейха от имени Гитлера и от себя лично упрекал Чаки: после всего того, что Германия сделала в интересах Венгрии за последние годы, она ждала от венгерского правительства «больше взаимопонимания, больше доброжелательности и главное — доверия». Но главное, чего добивалась германская сторона, это — отозвать письма Телеки. Чаки всячески выкручивался и заявил: Может быть, редакция писем и неудачна, но лейтмотивом венгерского правительства является: «в рамках наших возможностей, так или иначе, выстоять на стороне империи». И добавил о своих широких полномочиях, в том числе и отозвать письма, если они не понравились немецкому правительству, что он немедленно и сделает.

Когда германский министр переспросил, может ли он доложить Гитлеру, что это дело будет улажено, Чаки ответил утвердительно⁴⁴. Тогда Риббентроп заявил о своих полномочиях пригласить Чаки к 15 часам в Оберзальцберг на чай к Гитлеру. Гитлер начал беседу с выражения возмущения по поводу письма Телеки, согласно которому Венгрия не сможет участвовать в германо-польском конфликте. Канцлер в более чем трехчасовом монологе подчеркнул, чтобы господа в Будапеште не думали, будто есть особые проблемы, — венгерская, немецкая, итальянская. Все вопросы нужно рассматривать в целостности, нельзя представить, чтобы Германию основательно побили, а Венгрия извлекла бы из этого пользу, сохранив статус-кво. Остановившись на ситуации в Европе и позиции Германии касательно некоторых стран, он затронул и Словакию, зная отношение венгров, претендовавших на всю территорию Словакии, к политике Берлина по этому вопросу. Он заметил: судьба словаков для него лично безразлична. Но Словакия нужна ему как плацдарм для войны против Польши, для прохода немецких войск, а иначе и не нужен «такой аппендикс».

Гитлер выразил опасение, что в Венгрии может возобладать мнение, будто с немецкими успехами ее связывают только собственные интересы. Без этих успехов Великой Венгрии не быть. Кроме того, пока славяне чехи подавляют славян словаков, славяне сербы — славян хорватов, а славяне поляки — славян украинцев, панславянская идея теряет свое значение, но потом вновь может возродиться. Против нее выступают только немцы, венгры и, в определенной мере, итальянцы. Запад же будет подерживать эту лавину, ибо ему она полезна.

44 Ibid. 275–277. 1.

Обещание отозвать письма Чаки выполнил. 9 августа из Вены, телеграфом через генконсула, он дал указание посланнику Стояи на этот счет, и тот на следующий день сообщил о его выполнении⁴⁵. Почти 10 дней Телеки оставался в неведении об отзыве своих писем, так как только 18 августа он направил посланникам в Берлин и Рим требование ни в коем случае не выполнять указание министра иностранных дел⁴⁶.

Сент-Ивани сразу после записи Чаки о поездке в Германию 8 августа, помещенной в рукописи первой части своего трехтомника подборки документов, писал: обещания Чаки отозвать письма неприятно удивили Телеки. Он приостановил распоряжения Чаки в Берлине и Риме, отправив посланникам шифrogramму следующего содержания: полученные указания Чаки не выполнять и до новых инструкций по этому делу в МИДе Германии шагов не предпринимать. «Приезжай поскорей. Регент и я в воскресенье будем в Будапеште. Данное Стояи указание правильно было отозвать. Считаем его опасным»⁴⁷. Но Чаки не спешил возвращаться в Будапешт. Из Рима он сначала вылетел в Грац и обещал прибыть в столицу Венгрии только после 20 августа.

Во время встречи в Зальцбурге Чиано и Риббентропа было решено, что Венгрия останется «нейтральной», создавая постоянную угрозу Румынии и Югославии и, тем самым, оказывая давление на эти страны. Но Венгрия, соглашаясь с предназначенной ей Германией и Италией в те дни ролью, не захотела заявить о своем нейтралитете, а избрала формулу «вооруженного нейтралитета». Телеки этим хотел добиться от Германии и Италии уступок в решении сложной трансильванской проблемы. Но все было тщетно. Вопросы Венгрии решались не в Будапеште, а в Берлине и Риме.

1 сентября 1939 г. Германия без объявления войны напала на Польшу. 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии. Началась Вторая мировая война. П. Телеки не только уклонялся от обещаний, данных немцам, но и впустил в Венгрию десятки тысяч беженцев из Польши, в основном солдат, и длительное время не закрывал польское посольство в Будапеште. При этом оставался на позиции антисоветизма. Он все еще надеялся на примирение западных стран и создание коалиции против Советского Союза. В первые дни войны правительство Венгрии считало, что настал удобный момент для дальнейшего «приращивания» территории страны. Учитывая военную акцию Германии против Англии и Франции, венгерское правительство решило предъявить свой давний счет Румынии. Телеки всегда мечтал добиться захвата Трансильвании без вмешательства Германии, но при поддержке Италии.

3 сентября венгерский премьер-министр направил «дуче» письмо,

45 DIMK. IV. k. 408–409. old.

46 Ibid. 422–423. old.

47 Ibid.; OL. Szent-Iványi. Kézirat. 1. r. 279–280. 1.

в котором просил дипломатической поддержки для захвата Трансильвании. В приложении к письму Телеки по секрету сообщил Муссолини, что венгерское правительство «без шума», но решительно ведет военные приготовления для решения венгеро-румынского территориального спора. Правящие круги Венгрии и на этот раз просчитались. Рим не мог поддержать венгерских реваншистов против Румынии, снабжавшей Германию и Италию в начавшейся войне нефтью. Германии с самого начала не нравилась позиция «балансирования» Телеки, особенно раздражавшая ее после июльских писем. Гитлеровская дипломатия в конце августа продолжала упрекать венгерское правительство за его двойственную политику, за то, что оно «придерживается весьма неопределенного курса по отношению к Германии». Гитлеровцы приостановили поставку в Венгрию некоторых военных материалов.

5 сентября Риббентроп пригласил Чаки посетить министра иностранных дел Германии 7 сентября в ставке германского верховного командования. На этот раз он пытался склонить Чаки согласиться на участие Венгрии в военных действиях, соблазняя последнего перспективой получить при этом часть польских земель. Но тут же Риббентроп предупредил Чаки, что Германия не потерпит нападения Венгрии на Румынию. По-видимому, Чаки обещал передать предложения Германии об участии Венгрии в войне против Польши своему правительству. Это предположение подтверждается тем, что 9 сентября Риббентроп позвонил Чаки в Будапешт и спросил, какое решение приняло венгерское правительство по вопросу о пропуске германских войск через территорию Венгрии. От имени германского правительства Риббентроп предложил Венгрии разрешить Германии использовать железнодорожную линию Кошице— Велеште для переброски войск в Польшу через Галицию с целью нанесения удара в тыл отступавшей польской армии. Этим самым нацисты рассчитывали побыстрее захватить Западную Украину и Западную Белоруссию. В тот же день на совещании у Хорти при участии премьер-министра, министра иностранных дел, военного министра и начальника генштаба после острых дебатов была принята точка зрения Пала Телеки⁴⁸. На следующий день она была подтверждена на заседании кабинета министров. По поручению регента и правительства Чаки ответил Риббентропу по телефону, что венгерское правительство, к своему большому сожалению, вынуждено просить Германию не использовать венгерскую железнодорожную линию для переброски германских войск, предназначенных для военной оккупации Польши. Отказ мотивировался опять «несовместимостью с честью венгерской нации».

Таким образом, весь ход событий показывает, что правительство Пала Телеки, проводя реакционную внутреннюю политику, в результате которой экономика была целиком поставлена на службу гитлеровской

48 OL. K-27. ME. MT jkv., 1939 szeptember 10, 2, 5. 1.

Германии, а также участвуя в агрессивной политике последней, все же страшилось полностью связать судьбу Венгрии с германским нацизмом. Этим объясняется и тот факт, что Пал Телеки после неудачной попытки в первые дни после начала второй мировой войны, начиная с 9 сентября, когда соотношение сил между гитлеровским блоком и англо-французским союзом казалось неясным, решил не форсировать решение вопроса о претензиях Венгрии на территории Словакии и Трансильвании.

В январе 1940 г. Чаки подчеркивал, что вопрос о Трансильвании может быть вновь поднят, если Румыния пойдет на территориальные уступки другим государствам⁴⁹. Эту позицию Венгрии подчеркивал и Телеки во время своего посещения Рима в марте 1940 года.

Основной целью поездки Телеки в конце марта в Рим было обсуждение с Муссолини размеров венгерских требований. Телеки претендовал на всю Трансильванию⁵⁰. Граф Чиано в своем дневнике о встрече с Телеки записал: «Телеки не занял определенную позицию, но не скрывал своих симпатий к западным державам; он, как чумы, боится полной германской победы»⁵¹. Телеки сказал Чиано откровенно, что он надеялся «на такое поражение Германии, которое на долгое время притупило бы ее зубы и когти»⁵².

Вскоре и Телеки убедился, что надеяться на помощь Италии против нацистов в отношении Трансильвании нет оснований. Германия в то время вынашивала планы оккупации румынских нефтяных промыслов. Гитлеровский генеральный штаб обратился на сей раз непосредственно к венгерскому штабу и просил разрешить свободный проход через Венгрию немецких войск. Венгерские правящие круги рассчитывали, что платой за это разрешение должна стать Трансильвания.

Венгерский историк, министр культов и просвещения хортистского правительства Балинт Хоман в своем дневнике в марте 1940 года писал, что до начала военных действий на Западе весной 1940 года постоянной темой на заседаниях венгерского правительства была проблема Трансильвании. Желание Венгрии решить трансильванскую проблему заставило венгерское правительство направить Телеки к дуче с целью убедить последнего в том, что только передача Трансильвании может восстановить доверие венгров к оси, и разъяснить ему, что в условиях национальной пестроты в Дунайском бассейне нельзя решить спорные вопросы по этническому принципу итальянского и германского образца⁵³.

Телеки, находясь в Риме, встретился с папой Пием XII, который высказал мысль, что враждующие стороны забудут начало войны и прими-

49 The Ciano Diaries. 1939–1943. P. 192–193.

50 OL. K-27. ME. MT jkv., 1940. ápr. 1. 5. l.

51 The Ciano Diaries 1939–1943. P. 226.

52 Ibid., P. 227–228.

53 ВМІ. V — 19430. IX. 56–57. 1.

рятся. На заседании венгерского правительства Телеки информировал своих коллег о цели поездки в Европу американского дипломата Самнера Уэлса. Когда сторонники Гитлера в венгерском правительстве стали обвинять Телеки в том, что он имел длительную беседу с временным поверенным в делах Англии в Риме, он признался, что встретился с ним, но «случайно, на гольфе» и беседа их была непродолжительной. О содержании ее он умолчал⁵⁴.

К этому времени двойственная политика венгерского премьера считывала все меньшее число сторонников. В результате этого 1 апреля 1940 г. на заседании правительства разгорелся спор по вопросу о том, следует ли просить Берлин об удовлетворении территориальных притязаний Венгрии. После длительной дискуссии было решено обратиться к германскому правительству по данному вопросу «в осторожной форме»⁵⁵.

Острый спор в правительстве повлиял на колебавшегося до той поры премьер-министра. В конце мая 1940 года Телеки рассказал своему министру, самому яркому стороннику гитлеризма в венгерском правительстве Балинту Хоману о том, что в начале апреля, когда Телеки замещал министра иностранных дел, к нему явился посланник Англии в Будапеште О'Маллеи и передал письмо министра иностранных дел лорда Галифакса, в котором тот предупреждал Чаки, чтобы Венгрия не пропускала через свою территорию немецкие войска в Румынию. Телеки, по свидетельству Хомана, как будто бы ответил О'Маллеи, что такой шаг со стороны Англии считает вражеским, ибо «от нас любой может просить что угодно, только не то, чтобы мы защищали Румынию, владеющую отнятой у нас Трансильванией»⁵⁶.

В таких условиях 17 апреля 1940 г. в надежде заручиться поддержкой Германии для осуществления ревизионистских планов по отношению к Румынии Телеки послал письмо Гитлеру, в котором предлагал созвать секретную конференцию представителей правительств Германии, Италии и Венгрии для обсуждения проблем, которые «выходят за рамки нормальной дипломатической деятельности», и связанных с ними важнейших политических, экономических и транспортных вопросов⁵⁷. Гитлер затянул ответ на это письмо на месяц, а 14 мая отклонил предложение Телеки. В своем ответе он вновь предупредил Телеки, что венгерское правительство может реализовать свои территориальные требования к Румынии только с согласия и при поддержке Германии⁵⁸.

Однако к лету 1940 г. положение в Европе коренным образом изменилось. «Странная война» закончилась. Германские войска вторглись в

54 Ibid. 59–60. 1.

55 OL. K-27. ME. MT jkv., 1940. ápr. 1. 6–8. 1.

56 BMT. V — 19430. IX. 62–63. 1.

57 В и ВМВ. С. 193.

58 Там же. С. 200.

Данию, Норвегию, Бельгию и Голландию. 12 мая они вступили во Францию. 22 июня правительство Петэна капитулировало. Угроза национальной катастрофы нависла над Англией. Опьяненный легкими победами и возомнивший себя властелином мира, Гитлер заговорил с Венгрией другим языком. В июне венгерский консул доносил из Мюнхена министру иностранных дел Венгрии, что Гитлер «симпатизирует» прогермански настроенной венгерской военщине и желает усилить ее роль в управлении страной⁵⁹.

В этом заявлении Гитлера явно сквозило недовольство нерешительностью правительства Телеки. В июне 1940 г. правительство СССР вынудило Румынию пойти на договоренность о возвращении СССР Бессарабии, а также населенной преимущественно украинцами Северной Буковины. Воспользовавшись этим, венгерские правители решили заставить Германию быть более уступчивой, шантажируя ее «советской опасностью». Для того чтобы венгерские власти чувствовали себя более уверенно, они решили на всякий случай двинуть свою армию к румынской границе.

Риббентроп 2 июля 1940 г. направил энергичный протест венгерскому правительству против военных приготовлений на румынской границе и предупредил его, что если Венгрия ввяжется в войну против Румынии, то Германия не сможет ей оказать никакой помощи. В этом же протесте вместе с тем говорилось, что Германия признает требования Венгрии к Румынии справедливыми и в «более подходящее время» имперское правительство отстаивало бы венгерские требования о пересмотре границ⁶⁰. Это место ноты обрадовало хортистов. В устном заявлении, сделанном 4 июля немецким посланником в Будапеште венгерскому министру иностранных дел по поручению Риббентропа, венгерское правительство опять предупреждалось от случайного применения силы, но в то же время было сказано, что имперское правительство по согласованию с итальянским правительством проявит инициативу в отношении обстоятельного и всестороннего изучения вопроса о пересмотре границ на Балканах и резервирует за собой право известить венгерское правительство о результатах этого изучения.

После обмена нотами венгерская правительственная делегация была приглашена к Гитлеру. Венгерский премьер-министр Телеки рассчитывал, что 10 июля 1940 г. будет не только обсужден, но и решен окончательно вопрос о Трансильвании. Такую мысль он высказал на заседании правительства, созванном в чрезвычайном порядке, чтобы доложить о своей поездке к Гитлеру.

Телеки и Чаки на заседании совета министров 9 июля информировали о составе делегации и о той переписке и переговорах, которые велись с

59 OL. K-63. 1940. 21/7. 3677. 839. 1. 1.

60 В и ВМВ. С. 198.

весны 1940 г. с Италией и Германией по вопросу о Трансильвании. В отношении венгерских требований хортисты договорились, что сохраняют их на всю территорию Трансильвании, в случае необходимости можно пока согласиться на приращивание к Венгрии части территории, при этом сохранить за собой право в будущем требовать и остальную часть Трансильвании.

10 июля 1940 г. в Мюнхене произошла встреча Телеки и Чаки с Гитлером и Риббентропом, на которой присутствовал и Чиано. В ходе почти трехчасовой беседы Телеки изложил точку зрения Венгрии и ее территориальные требования к Румынии. Телеки сказал, что венгерская армия могла бы собственными силами расправиться с Румынией, но воздержится от этого только потому, что это невыгодно странам оси. Гитлер и Риббентроп в свою очередь пытались убедить венгерскую делегацию в авантюризме их затее, ссылаясь на численное превосходство румынской армии и более высокое качество ее вооружения, и вместе с Чиано заявили, что ни Германия, ни Италия не в состоянии оказать помощь Венгрии в случае войны. Такая позиция стран оси подействовала на хортистов отрезвляюще. Желания Венгрии на этой встрече не сбылись.

Германское правительство сначала предложило Венгрии самой договориться с Румынией. Переговоры в Турну-Северине, проходившие 16–24 августа 1940 г., окончились, как и можно было ожидать, безрезультатно. После провала этих переговоров Румыния обратилась к странам оси с просьбой урегулировать венгеро-румынский конфликт. С жалобой в арбитраж апеллировало и венгерское правительство.

Венгерское правительство после возвращения Телеки и Чаки из Мюнхена сделало вывод, что в Берлине и Риме слабо информированы о положении в Трансильвании. Правительство Венгрии начало усиленно готовить материалы о положении дел в Трансильвании для доклада Берлину—Риму. Под названием «Эрдей» (венгерское название Трансильвании) эти информационные материалы были высланы в середине августа 1940 года специальным курьером в Берлин—Рим⁶¹.

28 августа министры иностранных дел Венгрии и Румынии были приглашены на утро 30 августа в Вену, где должны были присутствовать и министры иностранных дел: Италии—Чиано и Германии—Риббентроп. В Вену в качестве наблюдателя был приглашен и премьер-министр Венгрии Телеки. В этот же день на заседании совета министров было решено, что венгерская сторона будет настаивать на том, чтобы город Клуж и вся Секейская территория перешли к Венгрии.

28 августа 1940 г. Телеки и Чаки в сопровождении целой свиты экспертов выехали в Вену. В Вене венгерской делегации было заявлено, что Риббентроп и Чиано, если венгры согласятся, готовы взять на себя в

61 ВМІ. V — 19430. IX. 76. 1.

территориальном споре роль арбитров, причем было выдвинуто требование, чтобы венгерское правительство заранее заявило, что оно готово принять арбитражное решение без всяких предварительных условий.

За день до совещания Гитлер заявил Чиано, что решение венгеро-румынского спора он предоставляет на усмотрение его и Риббентропа. Фюрер при этом заметил, что единственное, чего он хотел бы, так это то, чтобы «мир в данном районе был сохранен и чтобы румынская нефть продолжала поступать в его хранилища»⁶².

В Вене Риббентроп обрушился на Телеки и обвинил Венгрию в том, что она уже не в первый раз проводит антигерманскую политику. Чаки передал по телефону в Будапешт содержание беседы с Риббентропом и просил правительство Венгрии немедленно вынести постановление о безоговорочном подчинении арбитражному решению Германии и Италии.

30 августа 1940 г. Риббентроп и Чиано в Бельведерском дворце в Вене вынесли вердикт, согласно которому Венгрии передавалась северная и северо-восточная части Трансильвании⁶³ общей площадью 43 тыс. кв. км, на которой проживало 2577 тыс. человек, в том числе более миллиона румын. Румынии же было обещано не поддерживать в дальнейшем венгерские притязания на остальную трансильванскую территорию. Венгерским реваншистам не удалось, таким образом, полностью осуществить свои планы.

Таким решением арбитража хортисты были недовольны, но утешали себя тем, что новая граница неестественна и поэтому не может быть ни в коем случае постоянной.

Гитлеровцы использовали венский арбитраж для усиления своих позиций как в Румынии, так и в Венгрии. Правительствам Татареску и Телеки немедленно был вручен первый счет. Были подписаны немецко-венгерское и немецко-румынское соглашения «о национальных меньшинствах». Соглашение, подписанное Чаки и Риббентропом, обязывало венгерское правительство «заботиться о том, чтобы немцы, проживавшие в Венгрии, не терпели никакого ущерба из-за их национальности и солидарности с национал-социалистским мировоззрением», предоставить им право «своих» организаций, союзов и «свободного общения с Германией на культурном поприще»⁶⁴.

31 августа 1940 г. венгерский премьер-министр докладывал на заседании правительства о втором венском арбитраже и о соглашении «о национальных меньшинствах». Выдержки протокола о заседании правительства опубликованы на русском языке, и если верить этим записям, то «совет министров единодушно» одобрил позицию премьер-министра и

62 The Ciano Diaries 1939–1943. P. 288.

63 В и ВМВ. С. 208–210.

64 OL. K-27. ME. MT jkv., 1940. nov. 23. 31–32. 1.

министра иностранных дел «по вопросу о территориальном урегулировании между Венгрией и Румынией»⁶⁵. Однако в ходе судебных процессов над военными преступниками в 1945—1946 годах в Будапеште выяснилось, что венгерские государственные деятели очень часто фальсифицировали протоколы правительства. Это делалось для того, чтобы скрыть действительную картину, создававшуюся при обсуждении важнейших внутренних и внешнеполитических вопросов. Конец последнего абзаца протокола заседания совета министров от 31 августа настораживает исследователя, поскольку после упоминавшегося «единодушного одобрения» в нем говорится, что Телеки «считает также необходимым поставить вопрос о доверии перед парламентом и главой государства»⁶⁶. Чем вызвано такое заявление премьер-министра? Оказывается, на заседании правительства 31 августа отнюдь не было «единодушия». Балинт Хоман, министр культов и просвещения, в своем дневнике с пометкой «Только для личного пользования» об этом заседании совета министров записал: «Телеки приехал домой в чрезвычайно упадническом настроении, даже полностью душевно сломлен». «Его выступление было удручающим, безрадостным, и от этого настроения он не мог освободиться. Это обстоятельство не способствовало усмирению антинемецких элементов»⁶⁷. Далее в дневнике указывалось, что так же пессимистически оценили положение Керестеш-Фишер и Варга, в то время как «Чаки, Ремени-Шнеллер, Барта и я вместе с регентом» выражали удовлетворение и таким исходом второго венского арбитража. Эта запись Хомана свидетельствует о том, что и на этот раз сторонники премьер-министра оказались в меньшинстве, причем против его точки зрения выступали глава государства, министры иностранных дел, военный и финансов.

Трансильванию и в новом виде Гитлер продолжал держать в качестве яблока раздора между Венгрией и Румынией, жонглировал ею, обещая ее попеременно то одному, то другому из своих вассалов, а на деле считал ее территорией, принадлежащей к сфере его интересов.

Усиление гитлеровского нажима на Венгрию продолжалось и после подписания в Риме 27 сентября 1940 г. между Германией, Италией и Японией Тройственного пакта с целью установления «нового порядка в Европе и Азии».

Между тем планы Гитлера относительно возможности быстрого разгрома Англии рухнули, и германский империализм решил расправиться сначала с последним континентальным большим государством— Советским Союзом. Нацисты считали, что после овладения богатыми районами СССР они без труда смогут покорить и Англию.

65 В и ВМВ. С. 213.

66 Там же.

67 ВМІ. V — 19430. IX. 77.1.

Гитлер давно вынашивал план «легкой» оккупации Румынии. В связи с мыслью о развязывании войны против СССР вопрос о посылке немецких войск в Румынию встал на повестке дня. 7 октября 1940 г. венгерская миссия в Берлине опубликовала заявление о том, что с согласия Румынии в страну приедут немецкие войска для «реорганизации румынской армии, необходимой для ведения современной войны». Естественно, что путь немецких войск в Румынию вел через Венгрию. Фельдмаршал Паулюс в своих показаниях на Нюрнбергском процессе заявил, что в Румынию была переброшена 13-я бронетанковая немецкая дивизия под видом учебного соединения, а на самом деле—в целях подготовки румынской армии к войне против Советского Союза⁶⁸.

А пока нацисты соглашались с пожеланием венгерских хортистов более тесно сотрудничать со странами оси. Прямым следствием этого явилось предложение о присоединении Венгрии к Тройственному пакту, внесенное на заседание правительства министром иностранных дел Чаки. 16 ноября 1940 г. вопрос о присоединении Венгрии к Тройственному пакту был решен, а уже 20 ноября хортистское правительство официально присоединилось к агрессивному военному блоку держав оси. Характерно, что и на этот раз Телеки, вероятно, имел основание считать, что Англия благосклонно относится к подписанию Венгрией Тройственного пакта⁶⁹.

В период присоединения Венгрии к Тройственному пакту Гитлер, как известно, еще в Вене требовал от представителей Венгрии заключить с Югославией договор. Что касается венгерских прогитлеровцев, недовольных позицией Телеки в отношении Югославии, то один из них, посланник в Берлине Стояи, прямо заявил, что венгеро-югославское соглашение не помешает Венгрии в свое время захватить известную часть югославской территории⁷⁰.

Правительство Телеки после второго венского арбитража форсировало удовлетворение требований Гитлера. Уже через два дня венгерский полуофициоз писал, что «Югославии не нужно думать, что ее отношения с Венгрией изменились вследствие того, что последняя присоединилась к Тройственному пакту. Хотя и нельзя рассчитывать на то, что в политике Югославии наступит быстрая перемена, все же было бы возможным постепенное приспособление к новой обстановке. Нужно видеть, что нейтралитет сегодня уже только пустая форма»⁷¹.

68 Нюрнбергский процесс. М., 1958. Т. II. С. 603. В беседе с Телеки в Вене (20 ноября) Гитлер заявил: «Россия нависает над нами как грозная туча». (Hitler hatvannyolc tárgyalása. 1939–1944. Vp., 1983. 163. old.). На следующий день Чаки подтвердил Риббентропу пропуск через Венгрию двух немецких дивизий в Румынию.

69 OL. K-63. 1940. 16/17. 6878. 177. l; 1941. 2/7. 377. 66 — 67. l.

70 Ibid. 173–174. l.

71 Pester Lloyd. 22. Nov. 1940.

В ноябре 1940 года Гитлер послал Муссолини письмо, в котором сообщал, что Венгрии необходимо согласиться пропустить в Румынию крупные немецкие воинские соединения, а Румыния должна согласиться с положением, что увеличенные немецкие военные силы служат интересам ее защиты⁷².

5 декабря 1940 г. венгерское правительство подготовило проект соглашения о ненападении между Югославией и Венгрией, и после одобрения его Риббентропом 7 декабря он был доставлен в Белград. В ходе венгеро-югославских переговоров югославы предложили венграм вместе торжественно провозгласить по примеру декабряского (1938 г.) франко-немецкого соглашения о том, что у них нет друг к другу никаких территориальных претензий. Венгерский министр иностранных дел отверг это предложение. 12 декабря 1940 г. было подписано следующее соглашение: «Статья 1. Между Венгерским и Югославским королевствами устанавливается постоянный мир и вечная дружба. Статья 2. Высокодоговаривающиеся стороны согласились совещаться по всем тем вопросам, которые, по их определению, могут интересовать обе стороны»⁷³. В речах подписавших договор и в газетных статьях подчеркивалось, что договор не может затрагивать отношение Венгрии к Тройственному пакту.

В особенно трудном положении находились югославские сторонники этого договора. Правительство Цветковича вело линию на сотрудничество со странами оси, но, стремясь удержаться у власти, вынуждено было иногда лавировать. Противники правительства видели в договоре только возможный путь для создания антигерманского блока. Даже и сторонники Цветковича, заключая договор с Венгрией, рассчитывали на то, что после войны сербо-хорвато-венгерской коалиции легче будет устоять перед натиском Германии. А между тем военные приготовления как в Германии, так и в Венгрии продолжались. В январе и феврале 1941 года шло уточнение частных вопросов этого договора. Через Венгрию почти ежедневно перебрасывались немецкие войска в Румынию, которые занимали позиции вдоль советской и болгарской границ.

После того как основные силы немецких войск в Румынии в конце февраля были сосредоточены на болгарской границе, 1 марта Болгария присоединилась к Тройственному пакту, а на следующий день германские войска с «согласия» правительства Болгарии были введены в Софию и Варну.

Пал Телеки, который проводил политику «балансирования», после провала воздушного нападения гитлеровцев на Англию опять склонился на сторону западных союзников. 3 марта 1941 г. он направил венгерским посланникам в Лондон и Вашингтон директиву о внешней политике Вен-

72 Procès des grands criminels de guerre...V. XXXI. P. 97.

73 Magyar Törvénytár. 1941 évi törvények. Вр., é. n. 5–7. old.

грии на будущее. В этом документе Телеки признавал, что гитлеровская Германия представляет собой опасность для Венгрии. Считаясь с возможностью полного или частичного поражения Германии в войне и предполагая, что народы не потерпят режимы, развязавшие войну, и попытаются их свергнуть, Телеки выдвинул перед венгерским правительством задачу на время войны «оставаться в стороне от конфликта»⁷⁴.

Следуя своей политике «балансирования», венгерский премьер-министр Пал Телеки 14 марта послал с курьером английского посольства в Будапеште секретное письмо министру иностранных дел Англии Идену, в котором заявлял, что не нужно принимать всерьез демонстрацию Венгрии на стороне оси, и заверял правительство Англии, что до тех пор, пока Телеки остается во главе совета министров, Венгрия не окажет военной помощи Германии⁷⁵. Англию беспокоил вопрос о том, сможет ли Телеки справиться с положением в стране. В письме регенту Хорти венгерский премьер Телеки за несколько месяцев до того жаловался на то, что власть от него постепенно переходит в руки военных. «В Венгрии, — писал он, — сейчас два правительства: законное и незаконное—военное»⁷⁶. Военные власти вмешивались не только во внутренние дела страны, но и во внешнеполитические. Между тем наследник Стоядиновича на посту премьер-министра Югославии Цветкович и министр иностранных дел Цинцар-Маркович 25 марта 1941 г. в Вене подписали протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту. Как только белградское радио сообщило об этом пакте, в стране произошел переворот, в результате которого 27 марта 1941 г. было сметено прогерманское правительство Цветковича. Регент- принц Павел отрекся от престола. Новый кабинет министров во главе с Д. Симовичем вызвал неудовольствие Гитлера.

27 марта, когда правительство Цветковича пало и на улицах Белграда проходили антинемецкие демонстрации, в Берлине посчитали, что нависла угроза правому флангу «плана Барбаросса». Через несколько часов после этого на совещании у Гитлера, где присутствовали политические и военные руководители Третьего рейха, было принято решение разгромить Югославию военной силой, используя для этого и армии ее соседей. Имелись в виду Италия, Венгрия и Болгария, которым было решено пообещать югославские территории: побережье Адриатики—Риму, Банат—Будапешту, Македонию—Софии⁷⁷. 27 марта в середине дня Гитлер через венгерского посланника в Берлине Стояи передал венгерскому правительству официальное предложение участвовать в вооруженном нападении на Югославию⁷⁸. Венгерский посланник получил от Риббентропа

74 В и ВМВ. С. 228 — 229.

75 *Macartney C. A. Op. cit. Part 1. P. 470.*

76 ИДА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 65. Л. 14.

77 *Procés des grands criminels de guerre...V. III. P. 329.*

78 OL. K-27. ME. MT jkv., 1941. 28. márc., 71. 1.

специальный самолет, чтобы скорее ознакомить свое правительство с планами фюрера. Хорти принял Стояи в присутствии премьера Пала Телеки и министра иностранных дел Ласло Бардошши. Стояи информировал глав государства и правительства о беседе с Гитлером. Он изложил план нацистов о молниеносном ударе и разгроме Югославии. Стремясь вовлечь Венгрию в войну с Югославией, Гитлер решил сыграть на реваншистских настроениях венгерских правителей и просил посланника передать конфиденциально венгерскому регенту, что он в полной мере признает территориальные претензии Венгрии к Югославии, причем размеры их великодушно предложил определить самому Хорти. Он упомянул, что можно захватить, в частности, Бачку и Банат.

После совещания у Хорти, на котором присутствовали премьер-министр Телеки и министр иностранных дел, было сообщено Гитлеру, что окончательное решение будет принято на следующем заседании верховного военного совета под председательством главы государства. Далее был поднят вопрос, который, по словам Хомана, беспокоил всех. Венгрия вступает в войну против государства, с которым недавно был заключен договор о «вечном мире» и «постоянной дружбе». На заседании правительства победила та точка зрения, что в целях восстановления империи Св. Стефана необходимо собственной силой овладеть Бачкой, западной частью Баната, треугольником Бараня и Мурокёзом или хотя бы частью их. Кроме того, венгерские государственные деятели не видели ничего преступного и коварного в планировавшемся участии Венгрии в нападении на Югославию, считая Тройственный пакт более влиятельным международным соглашением, чем югославо-венгерский

договор «о вечном мире»⁷⁹. В конце заседания совета министров Телеки сообщил, что он намерен подать регенту заявление об отставке. Свое решение Телеки мотивировал тем, что он не сможет руководить страной в ситуации, когда нужно совместно с нацистами выступать против Югославии и одновременно защищать венгерские интересы, которые могут быть ущемлены немцами. Почти все министры выступили с предложением к Телеки остаться на своем посту. Бардошши пытался убедить Телеки, что со времени захвата Закарпатской Украины весной 1039 г. немцы ему доверяют, что в Венгрии более подходящего человека на пост главы правительства, чем Телеки, нет, и, наконец, заявил, что правительственный кризис имел бы тяжелые внутривнутриполитические и внешнеполитические последствия. Балинт Хоман в своем выступлении, стремясь спасти правительство Телеки, предложил премьеру и министру иностранных дел остаться на своих местах (а всем остальным министрам уступить свои посты).

Телеки, обосновывая свою отставку, подчеркнул, что правительственные и административные органы не согласны с его политикой. Они

саботируют и неправильно толкуют отдельные мероприятия правительства. В дневнике Хомана записано, что премьер-министр после долгих размышлений увидел, что было бы неправильно подавать в отставку, «и все мы ушли с заседания совета министров с тем чувством, что он согласен править дальше»⁸⁰.

События показывают, насколько серьезно пошатнулись позиции той части хортистских правящих кругов, которые в свое время вели политику балансирования между германо-итальянским блоком и западными странами.

Лидер этой группировки премьер-министр Пал Телеки к тому времени лишь формально стоял у руля государства. Все важнейшие внешнеполитические решения венгерского правительства фактически принимались под давлением прогитлеровских сил. Конечно, Пал Телеки целиком разделял экспансионистские устремления немецких фашистов, но его программа предусматривала создание «Великой Венгрии» за счет присоединения к стране всей Трансильвании, Словакии и т. д. Что же касается нападения на Югославию в данный момент, то это решение было принято вопреки его желанию. Есть все основания полагать, что премьер-министр был разочарован тем, что события разворачивались не так, как ему хотелось, и что в результате этого его личный авторитет и влияние в правящих кругах Венгрии резко упали. Несомненно, он чувствовал также растущую неприязнь к себе со стороны гитлеровского правительства Германии и его агентуры в Венгрии.

Та часть правящих кругов Венгрии во главе с Палом Телеки, которая стремилась проводить более осторожную политику лавирования, после того как 27 марта поддержала положительный ответ на предложение Гитлера, горела желанием, чтобы и эта их агрессия была одобрена западными странами. 29 марта посланник в Лондоне Барца информировал министерство иностранных дел Венгрии о беседе с югославским посланником в британской столице. Последний выразил мнение, что новое югославское правительство будет стремиться сохранить мир, но если немцы нападут на его страну, то Югославия вступит в открытый союз с Англией. Посланник заявил Барце, что он уверен в том, что Венгрия не нарушит договор о «вечном мире».

В ответ на это донесение и с целью зондажа позиции западных держав Телеки 30 марта направил послания в Лондон и Вашингтон, в которых подчеркивал, что новый режим в Югославии «спровоцирует» военные действия против стран оси и война разразится непосредственно у границ Венгрии. В этих условиях для Венгрии, писал Телеки, не может быть безразличным исход этой войны. В связи с данной ситуацией венгерское правительство не может спокойно наблюдать, как бывшие венгерские

80 Ibid. 82. old.

территории будут оккупироваться немецкими или румынскими войсками. Насчет договора о «вечном мире» Телеки лицемерно заявлял, что его в одностороннем порядке югославы уже якобы нарушили. Телеки заявил, что его правительство должно взять под «защиту» населенные венграми территории Югославии.

Премьер одновременно направил собственноручно написанное секретное письмо посланнику в Лондоне Барце, в котором дал указание последнему вновь заявить английскому правительству, что Телеки в официальных заявлениях и в печати для внешнего мира вынужден подчеркивать сильную прогермано-итальянскую ориентацию, но, несмотря на это, он не пошел на такие серьезные экономические и политические уступки немцам, которые бы означали потерю самостоятельности и суверенитета.

В конце письма Телеки доверительно жаловался Барце, что постоянная борьба против немецких требований изнуряет его, но он до конца жизни не отдаст права государства и «не станет немецким слугой»⁸¹.

2 апреля лондонский посланник Дьердь Барца прислал в министерство иностранных дел Венгрии ответ на запрос, в котором Телеки пожелал прозондировать позицию Англии и США в случае нападения Венгрии на Югославию. Для венгерского премьера ответ был не очень приятен. Барца сообщал, что если Венгрия будет превращена в военную базу для нападения Германии на Югославию, то Англия порвет дипломатические отношения с Венгрией с вытекающими отсюда последствиями. Ответ был не таким, на какой рассчитывал Телеки. Кроме того, Барца подчеркивал, что нарушение «вечного мира» будет рассматриваться во всем англосаксонском мире как злодейское нападение на своих новых друзей и что никто на Западе не поймет доводов Венгрии⁸². Вечером 2 апреля в венгерском министерстве иностранных дел Бардошши показал телеграмму Барцы Палу Телеки. Содержание этой телеграммы совершенно расстроило премьера. Он ходил по комнате и, держась за голову, повторял: «Я знал, что такой будет результат». Хоман пишет в дневнике, что Телеки больше всего беспокоила та часть из донесения Барцы, в которой говорилось, что англичане объявят войну Венгрии и Будапешт в один день будет превращен в развалины⁸³.

В такой обстановке Венгрия вынуждена была выбирать одну из двух империалистических группировок. Не мог дальше лавировать и Пал Телеки. Сложившаяся внутривнутриполитическая обстановка в стране и провал внешнеполитической линии завели венгерского премьер-министра в политический тупик, из которого он выйти не мог, и 3 апреля Пал Телеки покончил жизнь самоубийством. Как выразился Хорти: граф Телеки «стал жертвой конфликта совести, который сейчас переживает нация».

81 *Karsai E.* Op. cit. Második rész. 40–71. old.

82 *Ibid.* 49. old.

83 ВМІ. V — 19430. IX. 66. 1.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- В и ВМВ — Венгрия и вторая мировая война: секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962.
- ИДА — Историко-дипломатический архив
- ADD — Auswärtiges Amt Deutschland
- BMI — Belügy Minisztérium irattára
- DIMK — Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához
- EHRM — Az ellenforradalom hatalomrajútása és rémuralma Magyarországon 1919–1921.
- FR PPC — Papers Relatig to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference 1919.
- HL — Hadtörténelmi levéltár
- IET — Iratok az ellenforradalom történetéhez . 1919–1945.
- Karsai — «Országgyarapítás» — országvesztés
- K-27 — OL. ME. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek
- K-63 — KÜM. Politikai iratok
- K-64 — KÜM. Reservált politikai iratok
- KÜM — Külügyminisztérium levéltára
- Macartney C.A. — A history of Hungary 1929–1945. New York. 1957. Part 1.
- ME — Miniszterelnökség
- MNH — Magyar nemzeti hadsereg
- MT jkv — Minisztertanácsi jegyzőkönyvek
- OL — Magyar Országos Levéltár
- Proces — Proces des grands criminels de guerre devant le Tribunal Militaire International. Nuremberg 14 Novembre 1945 — 1 Octobre 1946.
- W és M — A Wilhelmstrasse és Magyarország. Német diplomáciai iratok Magyarországról. 1933–1944.

ПИСЬМА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ПАЛА ТЕЛЕКИ
РЕГЕНТУ МИКЛОШУ ХОРТИ

Ваше Высочество!

Мы из трусости стали вероломными по отношению к договору о вечном мире, базирующемся на могочской речи*. Нация это чувствует и мы туда бросили свою честь.

Мы стали на сторону подлецов, ибо в устных речах**, выдумках о жестокостях нет ни слова правды. Ни в отношении венгров, но даже и — немцев***. Мы станем мародерами! Самой презренной нацией.

Я тебя не удерживал.

Я виновен.

Подпись: Телеки Пал
3 апр. 1941

* Речь Хорти в Мохаче 29 авг. 1926 г. в связи с 400-летней годовщиной битвы при Мохаче.

** При принятии решения на высшем уровне о нападении Венгрии на Югославию.

*** Проживавших в Югославии.

Ваше Высочество,

Если мой поступок не удастся полностью и я останусь в живых, этим подаю в отставку.

С глубоким уважением
Подпись: Телеки Пал
3 апр. 1941

